ЭЙЗЕНХАУЭР

Георгий Чернявский
Лариса Дубова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дуайт Эйзенхауэр — типичное воплощение «американской мечты»: выходец из бедной семьи, возглавивший государство. Он — единственный президент США, ставший всемирно известным еще до того, как занял высший государственный пост, в качестве главнокомандующего англо-американской армией, открывшей второй фронт в Европе и встретившейся с союзными советскими войсками в сердце нацистской Германии. Генерал Эйзенхауэр отказался от захвата Берлина, считая, что это право должно принадлежать Красной армии; в 1945 году стоял рядом со Сталиным на трибуне Мавзолея и получил из рук маршала Жукова орден «Победа». На его президентство пришлись первая попытка международной разрядки и первые шаги в освоении космоса, громкие международные скандалы из-за сбитого над советской территорией самолета-шпиона, организованные ЦРУ государственные перевороты в других странах, «охота на ведьм», расширение гражданских прав чернокожего населения и строительство федеральных дорог. Книга, основанная на материалах американских архивов, рассказывает о генерале, ненавидевшем войны, и единственным в XX веке президенте, при котором США не воевали.

- Георгий Чернявский
  - ○
  - ○ ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ○ Часть первая.
    - ■ Глава первая.
      - ■ Предки и родные
      - ■ Ранние годы
      - ■ Школьные и домашние заботы

- Глава вторая.
  - Академия в Вест-Пойнте
  - Младший офицер армии, готовящейся к войне
  - Мирные будни военного
  - Зона Панамского канала, военные училища и путеводитель
- Глава третья.
  - Помощник начальника штаба
  - Филиппинский эксперимент
  - Карьерный рост в условиях новой мировой войны
- Глава четвертая.
  - Стратегические планы
  - Командировка в Лондон
  - Командующий европейским театром военных действий
- Глава пятая.
  - Подготовка операции «Торч»
  - Овладение французскими колониями
  - Касабланка и бои в Тунисе
  - Итальянская операция
  - Неясные перспективы
- Глава шестая.
  - Командующий операцией
  - Подготовка высадки
  - Открытие Западного фронта
  - Нормандская операция и освобождение Франции
- Глава седьмая.
  - Перед Западным валом
  - Арденны
  - Берлин или Дрезден?
  - Первая безоговорочная капитуляция
  - Триумф победы

○ Часть вторая.

- Глава первая.
  - Руководитель американской зоны оккупации
  - Контакты с Жуковым и Сталиным
  - Начальник штаба
  - План Маршалла и холодная война
  - Университетская интермедия
  - Вновь на военном посту

- Глава вторая.
  - Граждане за Эйзенхауэра»
  - Начало предвыборной гонки
  - Номинация
  - Победа на выборах и отклики на нее
- Глава третья.
  - Формирование правительства и штата Белого дома
  - Поездка в Корею
  - Инаугурация
- Глава четвертая.
  - «Шанс для мира» и перемирие в Корее
  - Операции в Иране и Гватемале
  - Проблемы западноевропейской интеграции и ядерного оружия
  - США и Восточная Азия
  - Китайские дела, самолеты-разведчики и проблема «свободы рук» президента
  - Встреча на высшем уровне
- Глава пятая.
  - Дело Розенбергов
  - Президент и развертывание маккартизма
  - Закулисные удары по Маккарти
- Глава шестая.
  - Хозяйственная и социальная стабилизация первой половины 1950-х годов
  - Болезнь и раздумья о перспективах
  - Кризисы 1956 года и избирательная кампания
- Глава седьмая.
  - Доктрина Эйзенхауэра
  - Начало космической эры
  - Инсульт и последующие проблемы
  - Кубинская эпопея
  - Встреча с Хрущевым
  - Полет «У-2» и срыв совещания в верхах
  - Проблемы расовой десегрегации
  - Отставка и последние годы жизни
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДУАЙТА ЭЙЗЕНХАУЭРА
- БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108

- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152

- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196

- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240

- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284

- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328

- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372

- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416

- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460

- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504

- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548

- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592

- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636

- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680

- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724

- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768

- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812

- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856

- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883

Георгий Чернявский
Лариса Дубова
ЭЙЗЕНХАУЭР

Жизнь ®
замечательных
людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК
1757
(1557)

Ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!

Гёте. Фауст

И всё же на поверхности Земли
Мы не были случайными гостями.

Дмитрий Быков. Баллада

ПРЕДИСЛОВИЕ

К жизненному пути Дуайта Эйзенхауэра авторы этой книги проявляли значительный интерес не один год, отлично понимая, что его биография уникальна.

За всю историю существования страны это был единственный американский военный, который за два с небольшим года совершил стремительный скачок от полковника до пятизвездного генерала (высшее воинское звание в США) и окончил войну прославленным полководцем. Он круто менял характер своей деятельности после войны: взвалил на себя ношу совершенно другого рода, став президентом одного из самых престижных высших учебных заведений страны — Колумбийского университета в Нью-Йорке, затем опять возвратился к военной деятельности в качестве главнокомандующего вооруженными силами Североатлантического союза, а вслед за этим осуществил новый рывок, на этот раз к вершине исполнительной власти — посту президента США.

Мы знали, что в работе над биографией этого человека столкнемся по крайней мере с двумя серьезными трудностями. Одна из них была связана с нашими собственными научными интересами, с характером нашей предыдущей деятельности как исследователей новейшей гражданской истории, истории личностей. Мы понимали в то же время, что при рассказе о деятельности Эйзенхауэра в годы Второй мировой войны и нам, и нашим читателям значительно интереснее и важнее будет оценить политические, дипломатические, моральные аспекты руководства вооруженными силами западных союзников, оставив военным специалистам возможность судить о технических аспектах полководческого искусства генерала Эйзенхауэра. Военным историкам предстоит продолжить ту полемику, которая на протяжении более чем полувека ведется в военно-исторических монографиях и журналах, на войсковых совещаниях (как открытых, так и закрытых для посторонних) о деталях той или иной проведенной им операции, волнуя только узкий круг людей, серьезно интересующихся технической, оперативной, логистической сторонами военной истории. Это позволило нам, сэкономив книжное пространство, подробнее рассказать об Эйзенхауэре как человеке и полководце.

Но были и трудности другого рода. Восемь лет пребывания Эйзенхауэра на президентском посту — это по существу история Соединенных Штатов в пятидесятые годы прошлого века. Как выделить из экономической, политической, социальной истории

страны те аспекты, которые непосредственно связаны с личностью? Как в то же время писать биографию президента в отрыве от всего того, что делалось под его прямым руководством или косвенным влиянием? Преодолению этих трудностей способствовал выработанный нами подход к биографиям видных политических деятелей, уже опробованный в трех предыдущих книгах{1} и состоящий в том, что жизнедеятельность человека рассматривается вкупе со средой его обитания, с точки зрения развития личности, формирования качеств, которые позволили ему достичь определенных жизненных вершин.

Американская литература об Эйзенхауэре огромна. Первые его биографии вышли уже в 1944–1945 годах. Работа молодого журналиста из штата Канзас Кеннета Дэвиса написана была прежде всего на основании интервью с генералом, взятых в 1944 году, а также бесед с членами его семьи, помощниками и др. Эта работа ценна по настоящее время материалами о происхождении Эйзенхауэра, его детстве и юности{2}. Вполне естественно, что, выпущенная на пике популярности командующего союзными войсками в Европе, книга всячески прославляла Эйзенхауэра.

Затем появилась масса других работ. Большинство фактических данных, публикуемых в них, в основном переходят из одной книги в другую, лишь в ином словесном оформлении. При этом подавляющее большинство публикаций, начиная с того времени, когда отошли в прошлое политические бури пятидесятых годов, комплиментарны: позитивные черты генерала, а затем президента всячески подчеркиваются, тогда как его ошибки, недостатки принятых им решений если не замалчиваются, то преуменьшаются. Даже автор одного из наиболее серьезных биографических трудов Стивен Амброз не избежал искушения назвать своего героя «гением», причем не только в военном деле, но и в дипломатии{3}. В книгах много места отводится взаимоотношениям и особенно противоречиям между Эйзенхауэром и британскими государственными деятелями (в первую очередь У. Черчиллем) и военными (особенно генералом, а затем фельдмаршалом Б. Монтгомери), причем в этих случаях правильную позицию, по мнению авторов, обычно занимает именно Эйзенхауэр, тогда как Монтгомери, например, проявляет «тотальное отсутствие чувства времени», «полную неспособность видеть вещи с другой точки зрения»{4} и т. п.

И с историографической позиции Эйзенхауэр был уникальной личностью. Многочисленные книги — серьезные исследования и популярные очерки, полубеллетристические наброски и рассказы для детей — выходили в изобилии еще за годы до того, как он

возглавил страну. Естественно, поток литературы умножился, когда Эйзенхауэр стал президентом США, и не иссякает до наших дней.

Впрочем, надо оговориться: даже в том случае, если в название книги включено имя Эйзенхауэра, это еще не означает, что книга раскрывает его жизненный путь или какой-то аспект деятельности. Например, довольно объемистый том Б.У. Кука «Рассекреченный Эйзенхауэр»{5} повествует о самых разнообразных сюжетах (особенно подробно о политической борьбе в Гватемале в 1950-х годах и о спорах в кругах американской общественности и администрации по вопросам экономики и международных хозяйственных связей), но лишь изредка это связано непосредственно с деятельностью Эйзенхауэра. При этом автор, кажется, позабыл о ключевом слове в заголовке книги — почти не использовал рассекреченные документы, в основном ограничившись материалами обычных архивов, документальных публикаций и работ других авторов.

Первый пласт американской литературы об Эйзенхауэре был посвящен ему как полководцу Второй мировой войны (естественно, авторы рассматривали и довоенную биографию). Это были книги и брошюры, основанные главным образом на газетных материалах, интервью генерала и других лиц, в очень редких случаях с использованием опубликованных документов. Намечая только общие контуры биографии героя, эти работы лишь заложили фундамент для изучения деятельности полководца, которое продолжается до сих пор, обогащаясь новыми военно-историческими, политологическими, а подчас и психологическими портретами. Принципиальных различий в подходах авторов к личности Эйзенхауэра в этой литературе нет — все они оценивают его как крупнейшего полководца Второй мировой войны, внесшего большой личный вклад в осуществление Африканской операции США и Великобритании, в открытие фронта в Западной Европе и в завершение разгрома нацистской Германии и ее союзников{6}.

Намного сложнее обстоит дело с изучением деятельности Эйзенхауэра-президента. Работы 1960-х годов, первого десятилетия после его ухода с высшего государственного поста, были весьма критическими — авторы представляли Эйзенхауэра как деятеля, оставшегося генералом и после занятия президентского кресла, сохранявшего военный тип мышления и действий, предпочитавшего руководить в самой общей форме, раздавать задания подчиненным, но не вникать в существо выполняемой ими работы{7}.

Создатели этих книг с удовольствием цитировали злобную

остроту, распространявшуюся недругами Эйзенхауэра во время его президентства: мол, Франклин Рузвельт доказал, что даже миллионер может быть президентом, Гарри Трумэн убедил, что каждый может быть президентом, Дуайт Эйзенхауэр продемонстрировал, что страна может обойтись вообще без президента.

Раскрытие для исследователей архивной документации, прежде всего богатейших фондов Архива Библиотеки Д. Эйзенхауэра в Абилине, штат Канзас, позволило исследователям 1980–1990-х годов углубить представление об Эйзенхауэре-политике, серьезно занимавшемся государственными делами и внесшем значительный вклад в улучшение международного климата, хотя и остававшемся на позициях холодной войны{8}.

Встречаются и работы, посвященные иным сторонам деятельности Эйзенхауэра. Одна из них рассказывает даже о недолгом и не очень успешном пребывании его на посту президента Колумбийского университета в Нью-Йорке{9}. В другой повествуется о партнерстве, противоречиях, сотрудничестве и напряженности во взаимоотношениях между президентом Дуайтом Эйзенхауэром и вице-президентом Ричардом Никсоном{10}.

О стиле эйзенхауэровского государственного руководства, его обыкновении не выпячивать свою фигуру на первый план, тактике «спрятанной руки» повествует интересная, насыщенная документальным материалом книга Ф. Гринстайна{11}.

Жизни и деятельности Эйзенхауэра посвящены несколько фундаментальных работ. Наиболее серьезной из них мы считаем упомянутый двухтомный труд С. Амброза объемом около 1500 страниц, в котором буквально по дням рассказано об Эйзенхауэре — солдате (том 1) и президенте (том 2){12}. В значительной части эта публикация основана на фондах Архива Библиотеки Эйзенхауэра, а также на интервью с его родными, друзьями и сотрудниками. Ее созданию предшествовал ряд работ автора по отдельным проблемам, прямо или косвенно связанным с деятельностью Эйзенхауэра. Правда, автором почти не привлечены другие архивные материалы и скудно использована пресса. Представляется в то же время, что двухтомник мог бы стать более компактным, если бы автор не рассматривал скрупулезно разного рода мелочи, не игравшие сколько-нибудь существенной роли в жизни героя, и избавил читателя от необходимости сталкиваться с многочисленными повторами одних и тех же тезисов, высказанных различными способами.

Очевидно, сознавая, что его объемный труд нелегок для чтения, С. Амброз написал его однотомный вариант, высоко

оцененный читателями и переведенный на несколько иностранных языков, включая русский[13].

В США, Великобритании, Германии и других странах выпущена огромная литература, посвященная отдельным аспектам деятельности Дуайта Эйзенхауэра в качестве президента США как во внутренней, так и в международной политике. Достаточно сказать, что в каталоге Библиотеки Конгресса США названы 4419 изданий, в заголовках которых фигурирует его фамилия. Это, конечно, не значит, что все эти книги представляют собой исследования жизни и деятельности Эйзенхауэра, но цифра сама по себе впечатляет. При всём желании задача рассмотреть всю эту литературу нереальна, и попытка ее реализовать привела бы к неизбежному оценочному произволу. Поэтому достаточно упомянуть фундаментальную библиографию важнейших публикаций, подготовленную американскими специалистами[14].

Специальных работ о Дуайте Эйзенхауэре, написанных российскими авторами, почти нет, хотя, разумеется, о его деятельности упоминается в разнообразных изданиях, посвященных Второй мировой войне и проблемам истории США в пятидесятые годы. Единственным автором, который занимался именно его биографией, был Р.Ф. Иванов, выпустивший книгу в 1983 году, полностью вписывавшуюся в советские стереотипы представлений о Второй мировой войне и о послевоенных Соединенных Штатах. Эта работа основана главным образом на американской литературе (использованы отдельные документы из Архива Библиотеки Эйзенхауэра и интервью с его младшим братом Милтоном). Книга Иванова позже переиздавалась, но без существенных изменений, лишь с некоторым смягчением оценок[15].

Политике администрации Эйзенхауэра посвящены несколько содержательных статей российских авторов[16], а во многих работах можно встретить интересные фрагменты, посвященные американским сюжетам, в той или иной степени связанным с президентством Эйзенхауэра. Среди них следует отметить книгу академика А.А. Фурсенко, в значительной степени основанную на новых важных материалах, а также его работу, написанную вместе с американским коллегой, в которой анализируются предпосылки возникновения кубинского кризиса начала 1960-х годов, складывавшиеся при Эйзенхауэре[17].

При обилии англоязычной литературы, посвященной нашему герою, в освещении его деятельности обнаруживаются не то чтобы белые пятна, но мало разработанные этапы и проблемы. Лишь в самых общих чертах описаны его путь от младшего

офицера до генерала-штабиста, деятельность в качестве помощника генерала Д. Макартура, взаимоотношения с начальником штаба армии Д. Маршаллом.

Явными пробелами в изучении президентской деятельности Эйзенхауэра являются его взаимоотношения с крупнейшими промышленно-финансовыми корпорациями, в частности производившими средства ведения войны, то есть являющимися одним из важных элементов военно-промышленного комплекса. Этот термин был впервые употреблен именно Эйзенхауэром, и для выяснения тех факторов, которыми было порождено обозначаемое им явление, также необходимы серьезные исследования.

В какой-то степени мы стремились осветить малоизученные проблемы, но свою главную задачу видели в том, чтобы представить Дуайта Эйзенхауэра на протяжении всех периодов его военной и политической карьеры. Естественно, мы обращаем главное внимание на узловые этапы биографии героя: его роль в открытии западного фронта и в полном разгроме нацистской Германии и, конечно, деятельность на посту президента США. Однако мы сравнительно подробно освещаем и другие этапы события биографии Эйзенхауэра: его службу в зоне Панамского канала и в штабе генерала Макартура в 1930-х годах; его пребывание на посту начальника штаба армии США и президента Колумбийского университета после Второй мировой войны; его роль в становлении западного блока и в развязывании холодной войны в тот недолгий промежуток времени, когда он являлся главнокомандующим вооруженными силами НАТО.

В нашем распоряжении находилось огромное количество ценных источников.

Можно сказать, что Эйзенхауэр был трудоголик, каких мало. Он это сознавал и писал: «Только человек, который чувствует себя счастливым в своей работе, может быть счастливым в своем доме и со своими друзьями… Счастье в работе означает, что человек, выполняющий ее, должен быть уверенным в том, что она представляет ценность, соответствует его темпераменту и, наконец, подходит ему по возрасту, опыту и способности выполнить ее на самом высоком уровне»{18}. Вполне естественно, что богатая событиями жизнь Эйзенхауэра оставила массу документов — начиная с его деловых записок, оперативных распоряжений и завершая огромным фондом личной переписки, детальными дневниковыми записями и несколькими томами воспоминаний.

К настоящему времени исследователи располагают целым

рядом документальных изданий, связанных с деятельностью полководца и президента.

Еще в 1958–1961 годах было осуществлено восьмитомное официальное издание президентских бумаг Эйзенхауэра[19]. Небезынтересно отметить, что именно он в конце своего президентства был инициатором публикации фундаментальной серии «Официальные бумаги президентов Соединенных Штатов». Эйзенхауэр написал краткое предисловие к своему восьмитомнику, в котором подчеркивал важность этого издания для историков и государственных служащих[20].

Наибольший вклад в публикацию обширной документации о жизни и деятельности Эйзенхауэра внесли ученые и издательство Университета имени Джонса Гопкинса (Балтимор — Вашингтон). Самым значительным из этих изданий являются «Бумаги Дуайта Дэвида Эйзенхауэра» (21 том)[21], куда включены наиболее важные письма, меморандумы, директивы, написанные или продиктованные Эйзенхауэром с кануна Второй мировой войны до его ухода с поста президента, причем большинство публиковались впервые — они либо были рассекречены незадолго до публикации, либо находились в архивах или частных коллекциях. В 2008 году это фундаментальное издание стало доступно в электронном виде и было сопровождено разного рода поисковыми системами, обеспечивающими его наиболее эффективное использование.

Издание объемом свыше четырнадцати тысяч страниц состоит из нескольких секций: пять томов посвящены Второй мировой войне, 6-й — оккупации Германии в 1945 году, с 7-го по 9-й — деятельности Эйзенхауэра в качестве начальника Генерального штаба, 10-й и 11-й — пребыванию его на посту президента Колумбийского университета (Нью-Йорк), 12-й и 13-й — деятельности в качестве главнокомандующего вооруженными силами НАТО и, наконец, с 14-го по 21-й — годам президентства. Дополнениями к этому фундаментальному изданию являются однотомники, содержащие предвоенные дневники и сопровождающие их материалы; письма Эйзенхауэра начальнику штаба армии США (позже начальнику Генерального штаба) Джорджу Маршаллу; переписку с Уинстоном Черчиллем; письма другу молодости Эдварду Хэзлетту; письма жене; дневники 1953–1961 годов[22].

Сведения о деятельности Эйзенхауэра содержатся также в опубликованной документации многих военных и политических деятелей.

Хотя исследователям и другим читателям ныне доступен огромный массив опубликованных документов, основная масса

материалов продолжает оставаться на архивном хранении. Из хранилищ, в которых можно и в наши дни обнаружить ценнейшие материалы о жизни и деятельности полководца и президента, наиболее значительным является Архив Библиотеки Эйзенхауэра в Абилине. Наряду с сугубо личными материалами, относящимися ко времени детства, юности, восхождения по лестнице воинской службы, здесь имеются ценнейшие документы периода Второй мировой войны, а президентская деятельность Эйзенхауэра отражена в обширных фондах и сериях официальных бумаг, отчетах о заседаниях Кабинета министров и Совета национальной безопасности в Белом доме, встречах президента с конгрессменами и т. д. Архив Библиотеки Эйзенхауэра составляет около 25 миллионов листов.

Наиболее объемно личность Эйзенхауэра отражена в той части документации, которая комплектовалась его секретарем Энн Уитмен и получила условное название «Дневники Дуайта Д. Эйзенхауэра», хотя дневники составляют только небольшую часть этого архивного массива, в котором содержатся еще личные письма, заявления, записи бесед в Белом доме, телефонных разговоров и пр. Эта документация, хранимая в пятидесяти пяти ящиках, в виде микрофильмов доступна исследователям не только в Библиотеке Эйзенхауэра, но и везде, где имеется аппаратура для их чтения. Опубликован подробный путеводитель по этой части архива{23}.

Эйзенхауэру посвящена значительная мемуарная литература. К ней относятся прежде всего его собственные воспоминания. Первая их книга, рассказывающая в основном о военных годах и написанная в память «союзных пехотинцев, моряков и летчиков Второй мировой войны», появилась уже в 1948 году{24} на базе набросков, которые делались для памяти в предыдущие годы, дневниковых записей и с привлечением находившейся в распоряжении автора документации. Через много лет последовали двухтомные воспоминания о годах президентства и своеобразная книга мемуаров, посвященная наиболее интересным фактам из собственной жизни, которые Эйзенхауэр, по его словам, рассказывал близким{25}. О генерале и президенте Эйзенхауэре повествуют также десятки других воспоминаний, написанных его боевыми соратниками, друзьями, помощниками, членами правительства и т. д. Имена авторов и названия наиболее интересных из них читатель встретит в указателе важнейших изданий об Эйзенхауэре в конце этой книги.

Мы стремились рассказать о Дуайте Эйзенхауэре прежде всего на основании первоисточников — документов Архива Библиотеки Эйзенхауэра, а также рассекреченного архива

Федерального бюро расследований, рукописных отделов Библиотеки Конгресса, Нью-Йоркской публичной библиотеки, библиотеки Колумбийского университета с привлечением документальных публикаций и воспоминаний и с учетом имеющейся литературы.

От всего сердца благодарим администрацию и сотрудников архивов и библиотек, в которых нам довелось работать, за разрешение использовать их богатейшие фонды, включая фонды фотографий, за помощь в обнаружении и трактовке материалов и дружеское участие. Мы признательны нашим коллегам и друзьям за поддержку, советы, наконец, за благоприятный творческий климат, влияние которого невозможно переоценить.

Часть первая.
ВОЕНАЧАЛЬНИК

Глава первая.
ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ВЕСТ-ПОЙНТА

Предки и родные

Будущий всемирно известный военный и политический деятель родился 14 октября 1890 года в штате Техас. Долгое время между двумя городками штата шел спор — Денисон и Тайлер претендовали на право называться его «малой родиной». Проблема заключалась в том, что у Эйзенхауэра не было свидетельства о рождении — то ли рассеянные чиновники заштатного городка при крещении позабыли его выписать, то ли оно было потеряно родителями или самим Дуайтом. Вопрос, где же именно родился Эйзенхауэр, возник во время Второй мировой войны, когда его имя прогремело на весь мир и жители городка Денисон страстно захотели получить подтверждение своей версии.

Именно тогда директор местной школы Дженни Джексон обратилась с письмом к генералу, в котором спрашивала, действительно ли он принадлежит к фамилии Эйзенхауэров, которые жили в этом городе и покинули его, когда самый младший член семейства Джон Дуайт был еще крошечным. Вместо того чтобы прямо ответить школьной деятельнице, генерал связал ее со своей матерью Идой Элизабет, которая подтвердила, что в 1890 году родила сына Джона Дуайта именно в этом городе, указав точное место — дом на углу улиц Лэймар и Дэй.

Весьма активная Дженни Джексон тотчас организовала кампанию по сбору средств, и вскоре двухэтажный дом был куплен, а затем передан на попечение городских властей. Последние не проявляли столь завидной активности, и более десятка лет дом пустовал. Лишь когда Эйзенхауэр стал президентом, власти занялись памятным местом, и в 1955 году там был открыт мемориальный музей{26}.

Однако активные жители Тайлера вступили в спор с родными генерала. Им удалось обнаружить в архивах таможенную декларацию, заполненную Эйзенхауэром 27 сентября 1924 года на острове Эллис в бухте Нью-Йорка, являвшемся своего рода въездными воротами для всех, прибывавших в США морским путем. Возвращавшийся из зоны Панамского канала 34-летний майор написал в документе, что родился именно в Тайлере{27}.

Долгие споры увенчались признанием Денисона местом

рождения президента, и в этом качестве город был назван во всех энциклопедиях, справочниках, а затем вошел в литературу об Эйзенхауэре. Так и осталось неизвестным, почему возникла злосчастная запись в декларации; скорее всего, это произошло потому, что Эйзенхауэр сам толком не знал, где именно родился. Любопытно, что во время переписи населения в 1930 году на вопрос о месте рождения Эйзенхауэр дал ответ: «Техас»{28}. Сам он, видимо, не раз вспоминал о долгой битве между городками и даже иронически отозвался о ней в воспоминаниях{29}.

Еще в детстве Эйзенхауэра возникло и продолжало существовать на протяжении ряда лет еще одно недоразумение: каково его «главное» имя — Дуайт или Дэвид? Дело в том, что при рождении его назвали Дэвид Дуайт. Но на имя Дэвид откликался и отец. Поэтому вначале в семье, затем в школе и армии и, наконец, во всём мире за ним закрепилось второе имя Дуайт. Однако еще в детстве родные и друзья придумали сокращенное имя, которое никак не было связано с полным — мальчика стали называть Айк, и это прозвище навсегда закрепилось за школьником, курсантом, офицером, генералом, президентом.

Предки Дуайта по отцовской линии происходили из Германии, о чем свидетельствовала фамилия[1]. В 1944 году нацистская пресса даже стала куражиться по поводу того, что на пост главнокомандующего объединенными силами противника был назначен немец{30}. Впрочем, почти сразу редакторам заткнули рот: геббельсовское ведомство считало позорным факт какого-либо, даже давнего, родства одного из главных противников Германии с арийской расой. К тому же предки Эйзенхауэра были пацифистами и именно по этой причине когда-то покинули Германию. Так что немецкие корни нацистской пропаганде надо было тщательно скрывать, а не афишировать.

Сам же Дуайт, зная — правда в самых общих чертах — свою родословную, ничуть ее не стыдился.

Предки его принадлежали к религиозной секте меннонитов — по имени основателя секты голландца Менно Симонса, жившего в первой половине XVI века. Приверженцы этого учения проповедовали непротивление в такой степени, что вообще отказывались брать в руки оружие. Пацифизм меннонитов приходил в противоречие с интересами государств, где они проживали. Основной формой протеста против попыток привлечь их к воинской службе являлась эмиграция. Крупная эмигрантская волна пришлась на середину XVI века; вторая волна, прокатившаяся примерно через столетие, захватила и Эйзенхауэров (в те времена Айзенхауэров): во время

Тридцатилетней войны они переселились вначале в Швейцарию, а спустя почти век, в 1741 году, — в Северную Америку.

Первым представителем рода, чье имя сохранилось в семейной традиции, был как раз инициатор переселения за океан Ганс Николь. Он с женой, тремя сыновьями и братом погрузил свое скромное имущество на парусник «Европа», которому предстояло двигаться из Роттердама в Филадельфию не менее месяца. Семейство, выдержав это нелегкое испытание, поселилось сначала в графстве Ланкастер под Филадельфией, а затем перебралось в селение Элизабетвилль, недалеко от Харрисбурга, столицы Пенсильвании. Эйзенхауэры занимались сельским хозяйством и вели в соответствии с мизерными доходами самый скромный образ жизни. Они сравнительно быстро ассимилировались в Америке и полностью отказались от немецкого языка.

Семейная традиция сохранила имя только Ганса Николя. О других Эйзенхауэрах первого поколения, жившего на американской земле, ничего не известно. Более или менее достоверные сведения имеются о деде Дуайта Джекобе Эйзенхауэре (1826–1906), который в Элизабетвилле пользовался настолько большим уважением, что местная община меннонитов «Речные братья» (большинство их проживали на речном берегу) единодушно объявила его своим старостой. Будучи трудолюбивым и бережливым до скупости, Джекоб смог построить двухэтажный дом, в котором не только обитала его семья, но и проводились религиозные собрания.

Последняя четверть XIX века — время бурного развития американской экономики, завершения промышленной революции — явилась также периодом особо активной миграции населения в поисках лучшей доли. Именно тогда зародилась «американская мечта» — представление о том, что благодаря трудолюбию, бережливости, честности в сочетании с остротой ума и предпринимательской хваткой можно стать миллионером, видным политиком и даже президентом США. У всех американцев был яркий пример, как сын бедного фермера Авраам Линкольн, проучившийся в школе всего год, самостоятельно овладел знаниями, стал адвокатом, политиком, а затем шестнадцатым президентом страны, возглавившим демократический Север в войне против рабовладельческого Юга и добившимся не только ликвидации негритянского рабства, но и подлинного формирования американской нации.

В 1878 году Джекоб Эйзенхауэр, поддавшись общей охоте к перемене мест, покинул Пенсильванию и отправился на Средний Запад, в штат Канзас, который после Гражданской войны (1861–

1865) стал заманчивым местом, переживавшим бум промышленно-строительной активности после того, как оттуда были вытеснены коренные жители — индейцы. Вслед за ним потянулись другие «речные братья» — около сотни семей, которые обосновались на севере штата в округе Дикинсон, на берегу реки Смоки-Хилл, берущей начало в штате Колорадо и текущей на восток до впадения в реку Канзас.

Примерно в середине 1890-х годов «речные братья» решили присоединиться к более мощной религиозной группе, которая тогда называлась Сторожевая башня, затем была переименована в Исследователей Библии, а ныне известна как Свидетели Иеговы. Возникнув в США, эта организация занялась активной миссионерской деятельностью, в результате чего ее отделения возникли во всех частях света. Появились и богатые «свидетели», жертвовавшие немалые суммы в пользу религиозной организации. Доктрина конфессии помимо чисто религиозных догматов включала в себя отрицание полезности войн (но не вводила строгого запрета на службу в армии), всячески поощряла просвещение, осуждала прелюбодеяние, разрешала мужчинам «ухаживание» за женщинами только в случае, если они намерены жениться{31}.

В соответствии с нормами иеговизма Джекоб приучал своих домочадцев к дисциплине, почитанию старших. Дважды в день семья собиралась на первом этаже двухэтажного дома, который был построен по образцу пенсильванского жилища, для общей молитвы, перед которой каждый читал вслух главу из Библии. Постепенно, однако, стали читать по небольшому отрывку, так как семейство быстро увеличивалось: Джекоб и его супруга Маргарет Ребекка произвели на свет 14 детей.

Одним из сыновей был родившийся в 1863 году Дэвид Джекоб (обычно его называли, как это принято в США, только первым именем), который, по мнению отца, рос не только физически сильным, но и интеллектуально способным, выделяясь в этом отношении среди братьев и сестер. Дэвид с удовольствием чинил сельскохозяйственные инструменты не только своей семьи, но и соседей, которые без устали хвалили мальчика, называя его «прирожденным механиком»{32}.

Возможно, это был один из стимулов для Джекоба, когда он выступил инициатором смелого, если не сказать дерзкого, проекта — построить на собранные членами конфессии средства некое подобие высшего учебного заведения — колледж в соседнем городе Лекомптоне. Джекоб рассчитывал, что его сын окажется первым представителем семьи, получившим высшее образование. Впрочем, тот факт, что колледж был основан в 1865

году, всего через два года после рождения Дэвида, ставит под сомнение намерение Джекоба уже тогда рассматривать колледж как будущую альма-матер для сына.

Так или иначе, в конце 1865 года община выкупила здание гостиницы Ровена в Лекомптоне и объявила об основании колледжа с двумя отделениями — гуманитарным и инженерным. Первым президентом нового учебного заведения стал проповедник Свидетелей Иеговы Соломон Вивер, который добился выделения штатом 13 акров земли[2]. На этой территории были построены новое здание колледжа, получившего имя Джеймса Лейна (сенатора, сделавшего самый крупный благотворительный взнос), и подсобные помещения{33}.

Желание Джекоба Эйзенхауэра, чтобы его сын учился именно в этом колледже, исполнилось: Дэвид по окончании средней школы в 1883 году стал студентом[3], избрав в качестве главного направления своего образования инженерное дело. Конечно, это была крайне широкая специализация, но более узкую тогда не вводили даже ведущие американские университеты — предполагалось, что выпускник будет приобретать ее на рабочем месте.

Поначалу всё шло гладко. Дэвид исправно занимался, сдавал в срок все задания, контрольные тесты, экзамены, с удовольствием штудировал математику, механику, начал овладевать элементарными основами инженерного дела. Но очень скоро эта благодать закончилась.

Колледж, в котором он учился, был доступен для поступления не только юношам, но и девушкам — Свидетели Иеговы допускали совместное обучение, к которому в конце XIX века с большим трудом начинали привыкать американские университеты. Естественно, студенты и студентки встречались, возникали взаимные симпатии и связи, чаще краткосрочные и лишь иногда прочные. К последним относилось увлечение Дэвида. Он познакомился с Идой Стовер. Молодые люди почти с первого взгляда полюбили друг друга и сочли, что им следует соединить судьбы.

Ида Элизабет Стовер появилась на свет 1 мая 1862 года в городке Маунт-Сидни, штат Вирджиния. Ее родители были небогатыми ремесленниками, не имевшими сбережений. Когда Иде было пять лет, она потеряла мать, а еще через шесть лет скончался отец. С этого времени девочка жила на ферме деда по материнской линии. В школу она не ходила, рано привыкла к физическому труду. Бабка и дед смогли дать ей неплохое домашнее образование. В 21 год девушка переехала в штат Канзас, где жил ее старший брат. Фанатичный член церкви

меннонитов, он дал сестре возможность окончить среднюю школу (девушка поступила сразу в предпоследний класс гимназии), но этим, по его мнению, должно было завершиться ее светское образование. Отныне ей предстояло тщательно изучать Библию (брат заставлял ее заучивать большие фрагменты) и готовиться к замужеству и продолжению рода{34}.

Это никак не устраивало строптивую барышню. Она покинула дом брата, стала зарабатывать себе на жизнь частными уроками, а в 1884 году, заручившись денежной помощью каких-то благотворителей, поступила в колледж имени Д. Лейна, где вскоре познакомилась с Дэвидом Эйзенхауэром и сблизилась с ним. Родители Дэвида полюбили будущую невестку, хотя понимали, что женитьба сына скорее всего приведет к прекращению обучения. 23 сентября 1885 года молодые люди поженились. Их венчали в университетской церкви, а после церковного обряда новобрачных приветствовали в университетском городке друзья-студенты.

Вскоре молодожены расстались с колледжем — надо было самим зарабатывать на жизнь. Отец Дэвида сделал им по тем временам щедрый подарок — земельный участок в 100 акров и две тысячи долларов наличными. Но это было всё, что можно было получить от родственников. Полученной суммы едва хватило на текущие нужды. Дэвид продал полученный от отца участок и на вырученные деньги вместе с компаньоном Мелвином Гудом занялся бизнесом. В соседнем городке Хоупе появился новый магазинчик, молодой хозяин которого торговал разнообразными мелочами. Но его компаньон оказался мошенником и в один прекрасный день 1888 года исчез со всей наличностью. Дэвид почти полностью разорился.

Молодой человек, однако, не унывал. У него были знакомые в штате Канзас, обещавшие подыскать ему работу. Он направился в город Абилин, где почти сразу стал работать механиком на маслобойне.

К этому времени у Эйзенхауэров уже был сын Артур, родившийся в 1886 году. Ида ждала второго ребенка и поэтому не поехала с мужем. К тому же в Хоупе оставались фермеры, которым в прошлом хозяин магазина нередко отпускал товары в кредит, но никак не мог получить причитавшиеся ему деньги. Поэтому был нанят адвокат, который за определенный процент намеревался взыскать с должников положенные суммы. Ему действительно это удалось, но вместо того чтобы передать собранные деньги Иде, он, как и прежний компаньон, присвоил их, объявив, что полученная сумма даже меньше, чем причитающийся ему гонорар. Опасаясь, что его привлекут к суду,

он также уехал неизвестно куда[35].

Так Дэвид был вторично обманут. Жизненный опыт многому его научил. С этого времени он никогда не давал взаймы и не брал деньги в долг. Выбраться из житейских неурядиц ему помогала Ида, которая стойко переносила лишения, ни в чем не упрекая супруга. Дуайт вспоминал: «Отец два раза потерпел крах, и каждый раз мама еще шире улыбалась и еще более стойко работала»[36].

Семья продолжала расти: в 1889 году родился Эдгар.

Ранние годы

Четырнадцатого октября 1890 года появился на свет третий сын, названный Дэвидом Дуайтом. Родился человек, которому суждено было стать известным всему миру вначале в качестве полководца, а затем президента страны. К этому времени Ида под безусловным влиянием супруга оставила меннонитов и также стала адептом Свидетелей Иеговы. Присоединившись к Дэвиду в начале 1892 года, через год с лишним после рождения Дуайта, и почти полностью посвятив себя семейным обязанностям, она всё же находила время для религиозного служения. В доме Эйзенхауэров (они купили в рассрочку крохотную хижину, стоявшую на участке в три акра, так что приусадебного хозяйства почти не было) стали собираться иеговисты на еженедельные собрания, начавшиеся в 1896 году и продолжавшиеся на протяжении девятнадцати лет.

На третьем ребенке семья не остановилась. В 1892 году родился Рой, в 1894-м — Пол (он умер от скарлатины в раннем детстве), в 1898-м — Эрл, в 1899-м — Милтон. Шестеро сыновей и ни единой дочери! Горевали ли родители по этому поводу? Если и горевали, то виду не выказывали. Люди религиозные, они считали своих детей Божьим даром. Правда, после рождения Милтона отец, как рассказывали старшие сыновья, долго бродил по соседнему лесу, пытаясь заглушить досаду (он почему-то был уверен, что на этот раз на свет появится девочка).

Будучи глубоко привержены иеговистским догматам, родители явно не навязывали свою веру детям, которые не последовали их примеру. Все сыновья считали себя принадлежавшими к протестантскому исповеданию, но были людьми сугубо светскими. Единственное сильное огорчение, которое доставил матери Дуайт, — поступление на военную службу. Мать была еще большей пацифисткой, чем отец, но тщательно скрывала свои чувства, предоставив детям право

выбора карьеры, этических норм, религиозных верований. Вполне возможно, что, зная отличные бойцовские качества своего третьего сына, она втайне надеялась, что он многого добьется на военном поприще.

Это было особенно важно в связи с тем, что семье механика маслобойни жилось нелегко. Через много лет, когда приступали к строительству Музея Эйзенхауэра в Абилине, присутствовавший на торжестве президент поделился с участниками церемонии детскими впечатлениями: «Постепенно я понял, что мы были очень бедными, но слава Америки как раз в том, что мы тогда не задумывались над этим. Мы знали лишь то, что постоянно повторяли наши родители: для вас открыты все пути. Только не ленитесь, воспользуйтесь ими»[37].

Несмотря на бедность, детство Дуайта было мирным. Символом семейного спокойствия и даже относительного благополучия являлись большие часы на стене. Читая после ужина детям отрывки из Библии, отец поглядывал на эти часы и в положенное время прекращал чтение. «Звуки этих часов были слышны по всему дому. Когда отец заводил часы, это означало, что пора идти спать»[38]. Младший брат Дуайта, Милтон, рассказывал одному из первых биографов Эйзенхауэра, что отца, работавшего по 12 часов в день, дети видели только по вечерам.

К тому же Дэвид не оставлял своих планов получить высшее техническое образование. В течение нескольких лет он сдавал нелегкие специальные экзамены, ездил в различные университеты, чтобы «сбросить с плеч» тот или иной предмет, и в конце концов добился своего: 31 декабря 1904 года получил диплом инженера[39]. Этот диплом, которым гордился не только его обладатель, но и все его родные, висит на почетном месте в одной из комнат дома Эйзенхауэров, превращенного в музей.

Главную роль в воспитании детей играла мать. «Она была человеком радостным и счастливым», — рассказывал Милтон[40].

Имя Дуайт встречалось редко и казалось странным. Поэтому сверстники прозвали его Айк; наверное, им казалось, что это звучит похоже, но произносится легче. Родители также восприняли сокращенное имя. Более того, Ида стала так называть и старшего сына Эдгара, и в семье утвердились имена Айк-большой и Айк-маленький.

Айк-младший, как и все его братья, учился в школе, которая находилась как раз напротив родного дома. Мальчик умел находить общий язык с детьми разного возраста — в том числе благодаря тому, что и старшие, и младшие школьники были соучениками его братьев.

После классов, наспех приготовив уроки (Дуайт делал это

быстро — у него была хорошая память, а на высокие оценки он не претендовал), он вместе с друзьями устраивал шумные игры. Играли, как правило, в войну. Нередко ребята забывались и дело доходило до настоящих драк, с синяками и разбитыми носами, грязной и изорванной одеждой.

Бывало, братья, что-то не поделив, затевали драку друг с другом. Однажды, когда старший и более сильный Эдгар повалил Дуайта на пол и стал, всё больше распаляясь, бить его по голове, Эрл кинулся на помощь, пытаясь оттащить обидчика. Хлопотавшая на кухне Ида спокойно наблюдала за происходившим через дверной проем. Когда уже трудно было разобрать, кто кого бьет, она резко одернула Эрла: «Оставь их в покое!»{41} Несколько позже так поступил и отец. Как-то возвращаясь с работы, он увидел, что Дуайт убегает от соседского мальчишки, явно имевшего агрессивные намерения. Подозвав сына, Дэвид спросил: «Почему ты позволяешь ему преследовать тебя, как будто ты заяц?» Последовал ответ: «Потому что, если я подерусь с ним, ты меня накажешь и при победе, и при поражении». «Ну-ка, гони его отсюда!» — потребовал отец. Получивший карт-бланш, сын почувствовал, что силы его удвоились. Он был горд, что выиграл нелегкую битву{42}.

Военные игры и даже драки рано пробудили у Айка-младшего интерес к истории войн, к военному искусству, к биографиям полководцев. Родители в этом отношении проявили определенную широту взглядов: будучи пацифистами, не препятствовали увлечению, а Дэвид даже в какой-то мере его поощрял: приносил из местной библиотеки биографические книги о Ганнибале, Наполеоне и других знаменитых военных деятелях, тем самым выходя за пределы иеговистской догматики. Возможно, Дэвид вспоминал, каких усилий стоило ему преодолеть сопротивление собственного отца, который поначалу надеялся, что сын всю жизнь будет заниматься сельским хозяйством, и, лишь убедившись, что у Дэвида другие планы, что хорошего земледельца из него не получится, согласился с его намерением учиться на инженера. Эрл вспоминал: «Наши родители никогда не оказывали на нас давления в отношении выбора карьеры… Я никогда не слышал, чтобы отец говорил кому-нибудь [из сыновей], что он *должен* стать кем-то определенным»{43}.

К тому времени, когда Дуайт пошел в школу, материальное положение семьи упрочилось. Дэвид, взяв ссуду в банке, купил новый дом, чуть более просторный, чем прежняя хижина. Каждый из сыновей получил отдельное помещение. Трудно, правда, назвать эти крохотные замкнутые пространства комнатами, но

дети обрели то, о чем мечтает каждый американец, да, наверное, не только американцы: *privacy* — частную жизнь. Эта пресловутая *privacy* вела к определенному мироощущению, которое воспитывалось у Дуайта и влекло за собой другие качества. Милтон вспоминал: «Самостоятельность — вот как звучало главное слово; ценились инициатива и ответственность»[44].

Самостоятельность и ответственность, культивируемые родителями, проявлялись, в частности, в том, что на небольшом приусадебном участке сыновья получили крохотные наделы, на которых выращивали овощи по своему усмотрению, а затем продавали урожай (возможно, родители просто договорились с соседями, чтобы те покупали выращенное, и возвращали им деньги).

Дети должны были помогать матери в домашнем хозяйстве, особенно в конце лета, когда делались заготовки на зиму: консервирование фруктов, овощей и даже мяса, имея в виду, что зимой оно стоило значительно дороже. Дэвид зарабатывал не более сотни долларов в месяц, и для того чтобы содержать семью из шести человек, необходима была разумная экономия[45]. Ида, которая никогда не читала педагогической литературы, оказалась здравомыслящей воспитательницей, прививавшей детям трудовые навыки, — она постоянно меняла обязанности сыновей, чтобы каждый из них учился чему-то новому: сегодня наводил чистоту в доме, завтра должен был помогать на кухне, кормить кур и чистить их клетки, что-то ремонтировать на чердаке, стирать белье, собирать урожай не только со своего участка, но со всего огорода[46].

«Правильному» воспитанию Дуайта и его братьев безусловно способствовало строгое соблюдение родителями норм иеговизма. Ни Дэвид, ни Ида не пили спиртные напитки, не курили, не сквернословили, не играли в азартные игры. Главными правилами были трудолюбие, опора на собственные силы, честность по отношению не только к окружающим, но и к самим себе, супружеская верность.

Айк-младший следовал этим главным правилам. На протяжении всей жизни он стремился опираться на собственные силы, быть самодостаточным, не тратить ни минуты попусту, в полном объеме выполнить обязательства, которые взял на себя, быть скрупулезным в денежных делах. В отношении же «вспомогательных» норм он сильно отошел от родительских наставлений и, главное, не стал иеговистом. Уже в старшем детском возрасте он стал играть в азартные игры (игре в покер его научил пятидесятилетний охотник и рыбак Боб Дэвис, которому понравился крепкий ребенок, жаждавший перенять

опыт во всём — в охоте, рыбной ловле, приготовлении пищи на костре из собственной добычи или улова). Видимо, от того же Боба мальчик услышал и хорошо запомнил грязные ругательства, которыми позже не брезговал пользоваться офицер, генерал, а затем президент США, когда был чем-то сильно недоволен{47}.

В раннем детстве Дуайт был спокойным ребенком. Но когда он чуть подрос, у него появились некоторые черты, которые порой страшили окружающих: мальчик стремился во что бы то ни стало настоять на своем, а когда это не получалось, впадал в отчаяние, терял над собой контроль. Однажды в Хэллоуин родители позволили старшим братьям Артуру и Эдгару отправиться в город для своеобразного развлечения — выпрашивания поздним вечером сладостей в домах совершенно незнакомых людей. Дуайт просил, чтобы ему разрешили присоединиться к старшим братьям. Родители, однако, сочли, что он еще мал для таких самостоятельных путешествий (ему только исполнилось десять лет). Получив отказ, Айк устроил настоящую истерику — выбежал во двор и стал кулаками бить по стволу дерева так, что кожа была содрана и пошла кровь. Родители с трудом оторвали ребенка от дерева и уложили в постель. Забившись в угол, Дуайт продолжал рыдать и выкрикивать что-то непонятное, что выражало крайнюю степень страдания. Вначале взрослые делали вид, что не обращают внимания на происходящее за дверью его комнатушки. И лишь когда измученный ребенок перестал рыдать и только хныкал в постели, Ида тихо вошла в комнату, села возле него и произнесла: «Тот, кто владеет своей душой, более велик, чем тот, кто завоевывает города».

На закате жизни Эйзенхауэр с глубокой благодарностью вспоминал слова матери: «Я всегда считал этот разговор одним из наиболее ценных моментов моей жизни»{48}. Ида материнским чутьем обнаружила самую чувствительную струнку, ибо уже к этому времени Айк, запоем читавший книги о полководцах, начинал примерять их образы на себя. Подобные приступы продолжались, но становились всё реже: Дуайт, помня материнские слова, старался контролировать себя. Начиная со старшего школьного возраста он вполне владел собой в самых тяжких передрягах.

А необходимость приложить все силы, чтобы вырваться из любимого, привычного и в то же время невероятно скучного Абилина, сделалась очевидной для Дуайта уже в возрасте восьми-десяти лет, когда он стал читать книги о полководцах. Он всё отчетливее понимал, что его детство проходит в глухой провинции Среднего Запада Америки, вся видимая связь которой с внешним миром сводилась к тому, что через железнодорожную

станцию два раза в сутки навстречу друг другу проходили пассажирские поезда, на мгновение останавливаясь, чтобы высадить пассажиров.

Хотя в будущем Дуайт Эйзенхауэр не скажет ни одного худого слова об Абилине, который он считал родным городом, несмотря на то что родился в другом месте, мещанский быт раздражал его всё сильнее. Об этом можно было позабыть на фоне блестящей карьеры и ностальгически вспоминать о «здоровой атмосфере», об «отсутствии предрассудков», о «честности и достоинстве» жителей города[49]. Но полувеком ранее вырваться из «здоровой атмосферы» глухой провинции было вполне естественным стремлением.

Школьные и домашние заботы

Мальчик, а затем подросток постепенно знакомился с социальным неравенством, хотя в Абилине классовые противоречия отнюдь не были экстремальными, выражаясь главным образом в том, что купцы, адвокаты, врачи, ответственные служащие железной дороги жили в более комфортабельных домах на северном берегу реки Смоки-Хилл, тогда как железнодорожные рабочие, механики, плотники обитали в скромных жилищах на южном берегу. На статусе детей это почти не отражалось — они ходили в одну и ту же школу, одевались примерно одинаково, а драки между «северянами» и «южанами» не носили «классового» характера. Ежегодно из участников каждой группы, перешедших в старшие классы, выделялся самый сильный, который сражался с представителем «другого берега».

В 1904 году самым сильным «южанином» оказался Дуайт. Ему предстояло сразиться с Уэсли Мэррифилдом, который был явно сильнее. Жестокая драка продолжалась более часа. У обоих подростков были окровавленные носы, разбитые губы, распухшие уши. В конце концов Уэсли пробормотал: «Айк, я не смогу с тобой справиться». Обессиленный противник ответил: «И я не могу». К тому времени, когда Дуайт приплелся домой после боя, окончившегося вничью, родители были предупреждены кем-то из братьев. Отец сделал вид, что ничего не заметил, только улыбнулся, а мать, не говоря ни слова, подала полотенце, смоченное теплой водой. Артур Эйзенхауэр через много лет комментировал: «У него было упрямство отца. Он мог перенести это… и никогда не хныкал»[50].

Сам же Дуайт на склоне лет выражал уверенность, что

конфликт между «севером» и «югом» был не очень значительным. В подтверждение он рассказывал, что с его противником Уэсли впоследствии не было вражды: «Драка не оставила для нас неприятных последствий. И позже, когда мы встречались с Уэсли, мы оба смеялись, вспоминая этот бой»{51}.

В 1904 году, как раз тогда, когда Дуайт завершил обучение в неполной средней школе (в США такие учебные заведения называют *secondary school)* и намеревался учиться в средней школе *(high school),* в Абилине было построено новое школьное здание. Городские власти выделили средства на достойную заработную плату учителям, и школа встретила первый учебный год, имея квалифицированный педагогический штат.

Для Дуайта не составило труда успешно сдать вступительные экзамены и поступить в новую школу. В старших классах он учился хорошо, не особенно напрягаясь. В учебники он заглядывал редко, но письменные задания выполнял добросовестно. По большинству дисциплин он получал «А» — высшую оценку, лишь иногда появлялась оценка «В» (хорошо) и уж совсем редко, когда он по каким-то причинам не слушал объяснений на уроке, появлялась оценка «С» (посредственно).

Больше, чем уроками, Дуайт увлекался спортом, особенно футболом. Американский футбол — совершенно иная игра, нежели европейский: в ходе игры идет жестокая борьба, почти драка за овладение мячом, который можно нести в руках и перебрасывать. Он стал капитаном команды, а в выпускном классе даже выступил инициатором создания спортивного клуба своей школы. Айк пристрастился к охоте и рыбной ловле, на деньги, заработанные на каникулах, приобрел охотничье ружье. Его даже привлекали к коллективной охоте на волков, причем он был единственным юношей, который вместе со взрослыми участвовал в преследовании зверя (остальные подростки лишь поднимали шум, чтобы его напугать).

Но охота или рыбная ловля случались нечасто, а книги были доступны каждый день. Дуайт настолько пристрастился к чтению, что забывал выполнять школьные задания и — по мнению матери, это было еще хуже — пренебрегал домашними обязанностями. Однажды, рассердившись на сына, Ида отобрала книгу, которую он читал взахлеб, и заперла ее в шкаф. Сын, воспользовавшись тем, что вскоре мать ушла из дому, легко обнаружил ключ и возобновил увлекательное путешествие в прошлое.

Именно в прошлое. Более того — в военное прошлое, потому что Айк не очень любил художественную литературу, если там не шла речь о войне. Исключение составляли вестерны, но ведь и

там много стреляли и дрались. Увлечение вестернами Эйзенхауэр сохранил на всю жизнь. Но особенно его привлекали биографии полководцев и история военного искусства. Постепенно от популярных книг он переходил к исследованиям по истории войн. С особым интересом он изучал Войну за независимость, которая привела к образованию Соединенных Штатов.

От общих описаний он переключался на штудирование особенностей той или иной операции, пытался найти ответы на специфические вопросы: кто первым атаковал? с какого фланга? по какой причине удалось (или не удалось) выполнить намеченный план? Нельзя сказать, что он был равнодушен к политическим причинам или последствиям войн, — они также фиксировались. Но Айк всё больше погружался в историю военного искусства. Имена командиров, даты сражений, особенности стратегии и тактики откладывались в его памяти как бы сами собой{52}.

Учитель истории заметил интерес Айка к событиям прошлого и стал давать ему дополнительные задания, в частности связанные с Войной за независимость, деятельностью Джорджа Вашингтона, его полководческим искусством{53}. Дуайту не удалось заразить своей страстью одноклассников, однако они охотно слушали увлекательные рассказы товарища и пророчили, что когда-нибудь он станет профессором Йельского университета или другого столь же уважаемого святилища науки{54}.

Из произведений художественной литературы Айка особенно привлекали книги Марка Твена, обогащавшие интеллектуальный багаж юноши сатирическими образами и фантастическими проектами. Во время Второй мировой войны на письмо сына писателя Сирила Клеменса, сообщившего об избрании Эйзенхауэра почетным членом Общества Марка Твена, он ответил: «С раннего детства я читал буквально всё, написанное Марком Твеном… и постоянно был большим почитателем этого писателя и его трудов»{55}.

Как любой ученик старших классов, Айк стал обращать внимание на девушек, несколько раз объяснялся в любви одноклассницам (в абилинской средней школе, как и в большинстве других аналогичных учебных заведений США, практиковалось совместное обучение мальчиков и девочек) — и столь же легко забывал о них. В школе, однако, считалось, что проявлять интерес к противоположному полу было недостойным делом, и Дуайт полностью подчинялся этой традиции. Над теми, кто обращал слишком большое внимание на свой внешний вид, чтобы понравиться девочкам, смеялись. Айк не нарушал школьной «нормы» — не обращал внимания на свою одежду,

часто забывал причесаться. Он плохо танцевал, и девочки, которых он приглашал на танец, жаловались на его неловкость{56}.

На протяжении всего обучения в старших классах Дуайт подрабатывал — во время учебного года в разных местах, летом — на той самой маслобойне, где служил механиком его отец, или на земельных участках соседей-фермеров. Труд не был ему в тягость, закалял, укреплял мышцы, приучал к жизненным сложностям. Поэтому он не брюзжал, что на маслобойне ему поручают самый тяжелый участок работы — в морозильной камере, где не только запросто можно было простудиться, но и требовалась недюжинная сила, чтобы таскать огромные ледяные глыбы{57}.

Джо Хоув, издававший абилинскую еженедельную газету, у которого подчас подрабатывал Дуайт, явно ему нравившийся, вспоминал, что юноша «брался за любую работу, с которой мог справиться, и лишь изредка жаловался, что она была слишком тяжелой. Он считал, что выполнять тяжелую работу — вполне естественное дело»{58}. Родители не требовали от Айка вклада в домашние расходы, и он мог скопить деньги на охотничье ружье или рыболовные принадлежности. Лишь иногда он позволял себе что-то потратить на одежду или сладости, особенно на мороженое, которое очень любил всю жизнь.

Казалось, всё шло обычным чередом. Айк привык к школе, мужал в спортивных состязаниях и охотничьих походах, читал любимую военную литературу и подумывал о воинской карьере, с удовольствием возился с домашним псом. (Любовь к животным сохранилась у него на всю жизнь — даже на войне главнокомандующий союзными вооруженными силами постоянно возил с собой собаку.) Однако весной 1905 года Дуайт упал и разодрал колено. Вначале казалось, что ничего из ряда вон выходящего не произошло — такое случалось уже не раз, и никогда ни он, ни родители не обращали на это внимания. Правда, в этот раз он сожалел, что порвал недавно купленные брюки.

На следующий день он, как обычно, отправился в школу, но вечером потерял сознание. Срочно вызванный местный врач поставил неутешительный диагноз — гнойное воспаление, превратившееся в заражение крови; он прописал лекарства, но предупредил, что не уверен в том, что они подействуют. Между тем воспаление стало распространяться вверх по ноге, температура повысилась, Айк то терял сознание, то приходил в себя. Пришлось вызвать из соседнего Топека специалиста по лечению воспалительных процессов. Посоветовавшись, врачи

пришли к выводу, что единственным способом сохранить пациенту жизнь является ампутация.

Как раз в то время, когда врачи разъясняли родителям необходимость ампутации, Айк ненадолго пришел в сознание, подозвал брата Эдгара и произнес: «Не позволяй им делать это. Я лучше умру, чем останусь без ноги». Вряд ли Эдгар смог бы добиться отмены решения, которое Дуайт считал приговором, но и родители колебались. Возможно, именно в этих условиях невероятного стресса влияние оказали слова Эдгара: «Мы не имеем права делать Дуайта калекой. Ведь он не простит меня за то, что я нарушил свое обещание»{59}.

Тем временем состояние больного улучшилось: постепенно возвращалось сознание, температура снизилась, отек стал меньше. Врачи были поражены: это был редкий случай, когда сепсис стал проходить сам собой, в основном благодаря тяге к жизни молодого организма. Выздоровление продолжалось больше двух месяцев. Дуайт полностью пришел в себя, но потерял учебный год{60}.

Он окончил школу в мае 1909-го вместе со старшим братом Эдгаром, который пропустил два года занятий — не по болезни, а потому, что не смог сразу сдать вступительные экзамены в среднюю школу. Дуайт оказался одним из лучших выпускников — в списке из тридцати одного имени он стоял на третьем месте.

Оба брата мечтали о высшем образовании: Эдгар собирался стать юристом, Дуайт — военным. План Эдгара осуществился в том же году, хотя родители отказали ему в денежной помощи, так как отец ненавидел юриспруденцию еще с тех пор, как был обманут адвокатом. Симпатизирующий юноше родственник одолжил ему 200 долларов, которых было достаточно, чтобы внести первый взнос; Эдгар рассчитывал, что в дальнейшем сможет из подсобных заработков оплачивать учебу в Мичиганском университете, стоимость которой была чуть ниже, чем в аналогичных учебных заведениях.

Что же касается Дуайта, то его положение было неопределенным. Он решил было направить свои документы в Военно-морскую академию в Аннаполисе, столице штата Мэриленд, но оказалось, что поступить туда можно было только по рекомендации определенных государственных организаций, членов Конгресса и других уважаемых людей. При этом начальство академии произвольно решало, достаточно ли авторитетен давший рекомендацию, чтобы допустить молодого человека к вступительным экзаменам.

Вот как сохранился в памяти знакомых облик Эйзенхауэра того времени, когда он вступил во взрослую жизнь: «Дуайту шел

двадцатый год. Красивый, крепкий, широкоплечий блондин, старательный работник… он начинал понимать, как использовать свою привлекательную улыбку, чтобы очаровывать людей и в то же время держать их на расстоянии, не компрометируя себя»[61].

Глава вторая. ФОРМИРОВАНИЕ ОФИЦЕРА

Академия в Вест-Пойнте

Начав работать на той же маслобойне, что и отец, Дуайт напряженно искал организацию или авторитетного человека, которые могли бы ему помочь с рекомендацией. Тем временем он откладывал часть заработка до поры, когда удастся поступить в высшее учебное заведение, а небольшие суммы посылал Эдгару.

Вскоре, однако, выяснилось, что подлинными авторитетами для Военно-морской академии, да и других военных учебных заведений являлись только представители высшей государственной власти, которые, в свою очередь, требовали гарантий, прежде чем написать свою рекомендацию.

Дуайт исправно обошел наиболее уважаемых жителей Абилина — купцов, банкиров — и получил несколько рекомендательных писем. Во время этих походов он узнал, что таким же образом происходит прием и в Военную академию в Вест-Пойнте, которая готовила армейских офицеров. Так как юноша еще не определился, какую именно военную специальность хотел бы получить, он попробовал действовать одновременно в двух направлениях.

Он решил обратиться за рекомендацией к сенатору от своего штата Джозефу Бристоу — 20 августа 1910 года отправил ему письмо, в котором, после изложения своего желания поступить в одну из двух академий, писал: «Я окончил среднюю школу, и этой осенью мне исполнится 19 лет. Если Вы сочтете возможным направить меня в одну из этих школ, я буду благодарен Вам за Вашу доброту. Надеюсь получить от Вас ответ по этому вопросу, как только Вам будет удобно»{62}.

Обращает на себя внимание чувство собственного достоинства юного просителя, который не лебезил перед потенциальным благодетелем. Оказалось, однако, что с подобными просьбами к сенатору обратилась большая группа юношей и тот решил устроить между ними конкурс, в котором участвовали восемь человек. Письмо Эйзенхауэра поступило, когда группа испытуемых была уже сформирована; но сенатор — возможно, оценив письмо Дуайта, — всё же вызвал его для участия в конкурсе.

Конкурсанты собрались в начале октября 1910 года в городе Топека. По результатам тестов по истории США, всеобщей

истории и геометрии (выбор предметов был странноват, но такова была прихоть сенатора) Эйзенхауэр оказался на втором месте, и Бристоу рекомендовал его для обучения в Вест-Пойнте{63}.

Предстояли, однако, новые экзамены — на этот раз для поступления в академию. Проходили они в январе 1911 года в городе Сент-Луисе и были очень похожи на те тесты, которые Дуайт успешно сдал для получения рекомендации. Можно предполагать, что хитрый сенатор был связан с теми, кто готовил задания, и расчистил почву для собственных кандидатов. В любом случае экзамены были легко сданы, и Эйзенхауэр оказался слушателем, или кадетом, как назывались те, кто обучался в высших военных училищах.

Немалую роль сыграла его физическая форма, а также то, что он был прекрасным футболистом и тренером футбольной команды, вел себя не как индивидуалист, а как член коллектива, для которого на первом месте стоял общий успех, а не личная победа. Соединенным Штатам необходимы были именно такие офицеры.

В июне Дуайт отправился в Вест-Пойнт.

На основании ряда фотографий и описаний биограф Эйзенхауэра С. Амброз воспроизвел его облик того времени: «У него были светло-каштановые волосы, большие глаза, крупные нос и рот, которые полностью соответствовали его столь же крупной голове. У него было полное, круглое, симметричное лицо. Его голубые глаза буквально сверкали, танцевали, но всматривались именно в то, на что он глядел. У него были тяжелые и толстые губы; молодые женщины находили его чувственным»{64}. В таком описании есть налет комплиментарности, но, рассмотрев портреты молодого Эйзенхауэра, можно обнаружить, что оно соответствует действительности (за исключением цвета волос и глаз, которые невозможно установить, так как фотографии были черно-белые).

В начале XX века основным средством передвижения на дальние расстояния был железнодорожный транспорт. Поезда ходили медленно. Потребовалось три дня, чтобы пересечь половину континента и оказаться в месте назначения, своеобразном городке, население которого в основном состояло из тех, кто был непосредственно связан с академией либо ее обслуживал.

Военная академия США в Вест-Пойнте, созданная в 1802 году, — старейшее из пяти высших военных учебных заведений страны. Расположена она в 80 километрах к северу от Нью-Йорка. Кампус академии считается самым большим в США. На том месте, где

находится академия, раньше был форт, спроектированный будущим руководителем польского национально-освободительного движения Тадеушем Костюшко и построенный в 1778 году по приказу Джорджа Вашингтона. Форт, расположенный на возвышенности над рекой Гудзон, должен был преграждать вход в бухту британским кораблям.

Во главе академии стоит суперинтендант (начальник) — один из наиболее авторитетных военных деятелей страны. Слушателям преподаются общеобразовательные предметы, основы военного и инженерного дела. Большое внимание уделяется физической подготовке и спорту.

Академия расположена в живописном месте, где покрытые лесом холмы спускаются к Гудзону. Но любоваться природными красотами удавалось редко: жизнь была подчинена строгому распорядку, соответствовавшему воинским уставам, часть которых давным-давно устарела, но никто не осмеливался усомниться в их необходимости. Строгое подчинение воинским нормам, консервативным традициям лежало в основе всего вест-пойнтского бытия.

Соблюдение традиции было продемонстрировано Дуайту Эйзенхауэру уже в первый день его пребывания в академии обязательной экскурсией по военному городку. Новичкам показывали в основном места, связанные с жизнью полководцев прошлого, даже их комнаты в общежитии. Конечно, взглянув на комнату будущего генерала Шермана или будущего генерала и президента США Гранта, кадеты проникались стремлением пойти по стопам великих людей.

В то же время в Вест-Пойнте культивировались и некоторые отвратительные традиции, на которые, однако, начальство закрывало глаза и даже втихомолку их поощряло. К таковым относилось прежде всего высокомерное, презрительное отношение к новичкам, а нередко прямое издевательство над ними. К такому «воспитанию» первокурсников были причастны как младшие офицеры, следившие за их поведением, так и кадеты старших курсов. Издевательства были самые разнообразные: например, приказ собрать всех муравьев на склоне горы и, пересчитав, выпустить на волю; требование сидеть за обедом, подняв ноги так, чтобы они упирались в низ столешницы, и множество других видов глумления над новичками, которые кадет Эйзенхауэр, как и его товарищи, вынужден был переносить. Всё это в нынешней России называют дедовщиной, а в Америке и тогда, и сейчас именуют *hazing* (буквально — начальное испытание).

Не все первокурсники выдерживали тройную нагрузку —

учебу, приказы начальства и издевательства старших кадетов. Сосед Айка по комнате, семнадцатилетний юноша из Канзаса, по ночам рыдал, вспоминая, что ему пришлось пережить в течение дня. Через непродолжительное время он написал рапорт об отчислении из академии{65}.

Айку, физически более крепкому и эмоционально более стабильному, чем большинство его товарищей, было легче переносить унижения. В то же время он был старше большинства своих мучителей, поступивших в академию в 17 лет, и поэтому с особым нетерпением ждал времени, когда сам окажется вправе помыкать другими.

Когда Айк стал старшекурсником, он тоже несколько раз заставлял начинающих делать бессмысленную работу. Но однажды произошел вроде бы мелкий эпизод, который вынудил его изменить поведение. В самом начале третьего года обучения на него буквально налетел и свалил с ног первокурсник, спешивший выполнить какое-то распоряжение начальства. Поднявшись, Айк с презрением оглядел юношу и высокомерно спросил: «Чем ты занимался раньше? Очень уж ты похож на парикмахера». Тот, дрожа от ужаса в ожидании кары, произнес: «Да, сэр, я был парикмахером, сэр». Эти слова были для Айка как удар молнии. Его лицо стало пунцовым. Не говоря ни слова, он круто повернулся и пошел прочь. Вечером того же дня он сказал своему соседу по комнате: «Я никогда в жизни не буду больше издеваться над новичками… Я только что сделал что-то глупое и непростительное. Я заставил человека устыдиться той работы, которой он зарабатывал себе на жизнь»{66}.

Дуайт явно преувеличил смысл сказанного — первокурсник просто правдиво ответил на его вопрос. Но для Эйзенхауэра этот случай послужил уроком — и не только на оставшийся срок обучения. Не случайно об этом «столкновении» стало известно из мемуаров бывшего президента. Эйзенхауэр больше никогда не выставлял на посмешище тех, кто был ниже его рангом, и тем более не вышучивал «низкоразрядные» профессии. Подчиненные знали об этом, рассказывали другим людям, и уважение к Дуайту росло.

Между тем пребывание в Вест-Пойнте было не из легких не только для начинающих, но и для старшекурсников. Начальство приучало будущих офицеров к стойкости во всех отношениях. Одним из ключевых выражений в академии было «вести спартанский образ жизни». Комнаты в общежитии не отапливались. Летом там было неимоверно жарко, зимой холодно. Жесткие правила поведения охватывали все моменты деятельности кадетов. Однако Дуайта, привыкшего к жизненным

испытаниям и твердо решившего посвятить себя армейской карьере, трудности не раздражали — его, умевшего с ходу понять и запомнить изучаемый материал, сделать верные умозаключения, выводила из себя рутина в преподавании.

На рубеже XIX–XX веков в жизни Европы и Америки происходили глубочайшие изменения. Быстро развивалась техника, внедрялись новые технологии. В промышленности возникали мощные объединения, начиналась электрификация, появлялись автомобили, всё большее распространение получала киноиндустрия — словом, зарождалась научно-техническая революция. Но все эти новые веяния не достигали Вест-Пойнта. Здесь учили по старинке. Недаром существует поговорка, что генералы всегда стремятся выиграть предыдущую войну. Преподаватели повторяли общеобразовательные, военные и технические догмы прошлых десятилетий, и это просто бесило Эйзенхауэра и некоторых его товарищей, хотя большинство стремилось просто выучить заданное.

Однажды на практических занятиях по интегральному исчислению преподаватель нудно объяснял решение какой-то, по его словам, очень сложной задачи. Дуайт почти сразу понял, что задача в действительности намного проще, и объяснение не слушал. Когда же на следующем уроке преподаватель потребовал, чтобы именно Эйзенхауэр воспроизвел на доске решение, тот быстро написал значительно более простое решение с верным ответом. Преподаватель просто взорвался — заявил, что кадет запомнил ответ и для маскировки написал на доске какие-то непонятные вычисления. Эйзенхауэр был обвинен в обмане преподавателя, что в учебных заведениях США является самым тяжким правонарушением, влекущим за собой исключение.

Вместо того чтобы попросить прощения, Дуайт стал доказывать свою правоту, вызвав еще больший гнев недалекого учителя. К счастью, в класс заглянул начальник математической секции и, поняв, кто был прав, потребовал от обеих сторон прекратить спор. Чуть позже в своем кабинете он объявил преподавателю устный выговор и потребовал заменить прежнее решение задачи новым, предложенным кадетом Эйзенхауэром{67}.

Это был единичный случай, когда начальство признало правоту кадета, а не преподавателя. Дуайт сделал правильные выводы: больше в споры с начальством не ввязывался, подчинялся консервативным нормам. Это было нелегко, поскольку, пишет исследователь истории Вест-Пойнта и биографии Эйзенхауэра С. Амброз, «часто преподаватели знали меньше, чем их слушатели»{68}.

На учебных занятиях Дуайт подчинялся стандартам,

принятым в академии, и лишь в мелочах, для собственного удовлетворения, позволял себе отступать от конформизма. Например, в академии было запрещено курить. «Именно поэтому, — писал на склоне лет Эйзенхауэр, — я и стал курить сигареты»{69}. Несколько раз его заставали за этим занятием и заставляли в качестве наказания выполнять вне очереди ту или иную работу или наказывали карцером. Тем не менее он продолжал курить — вначале в знак протеста, но постепенно втягивался и отравлял легкие дымом почти до конца жизни. Дуайт утешал себя и другими мелкими нарушениями правил: опаздывал на построение, одевался чуть-чуть не по форме и т. п. {70} При этом он не особо не рисковал — отсев из академии был значительным, многие кадеты не выдерживали свалившихся на них физических, умственных, моральных испытаний, а военное начальство было заинтересовано в сохранении контингента.

Более того, хотя Айка наказывали за мелкие проступки, начальство ценило его прежде всего как выдающегося спортсмена. Уже на первом году обучения его считали одним из лучших футболистов и бейсболистов, посылали на соревнования по легкой атлетике (он был прекрасным бегуном). Его имя даже попадало в газеты. После того как команда Вест-Пойнта выиграла футбольный матч у команды Рутгерского университета (штат Нью-Джерси), влиятельная газета «Нью-Йорк таймс» назвала Эйзенхауэра «одним из самых многообещающих игроков на Восточном побережье»{71}.

Правда, в 1912 году произошла серьезная неприятность. Во время одного из матчей Дуайт споткнулся, упал и повредил колено. Несмотря на боль, он продолжал играть, а на следующий день во время занятий по верховой езде неловко спрыгнул с лошади и вновь травмировал больную ногу. Врачи диагностировали сильное растяжение и частичный разрыв связок коленного сустава. Несколько дней Айк провел в госпитале, на колено наложили гипс. Он испытывал сильную боль, не мог уснуть, но надеялся, что сможет участвовать в дальнейших соревнованиях. Однако полученные повреждения оставили след на всю жизнь — какие-то связки срослись неправильно. Теперь, сообщили врачи, он должен будет обращаться со своим коленом осторожно, чтобы вновь не повредить сустав. В любом случае играть в футбол ему запретили.

Это был тяжелый удар — не только потому, что Айк любил футбол и был страстным игроком. Футбол служил надежной защитой от крупных неприятностей в академии. В течение долгого времени у Эйзенхауэра была депрессия, которую он преодолел с огромным трудом. Соседям по комнате он говорил,

что теперь ему нечего делать в академии и, скорее всего, он бросит учиться{72}. Но постепенно Дуайт пришел в себя, хотя его успеваемость, и без того не самая высокая, упала еще ниже. На первом году обучения он был на 57-м месте из 212 кадетов, теперь же стал 81-м на курсе, насчитывавшем 177 слушателей{73}.

Он несколько утешился, поняв, что может по крайней мере бегать на длинные дистанции. Кроме того, памятуя его заслуги в спорте, футбольная команда избрала его руководителем группы поддержки (в США такую личность называют *cheerleader,* что очень приблизительно можно перевести как «руководитель подбодряющих», то есть болельщиков). Дуайт со свойственной ему методичностью стал изучать теорию и методику футбола. Главный тренер академической команды, заметив, с какой страстью отставной игрок занимается теорией, предложил ему тренировать второй состав команды — и не прогадал: помощник проявил отличные качества организатора и методиста, прививая своим подопечным соревновательный дух, оптимизм, стремление во что бы то ни стало добиться победы. Любопытно, что через много лет, во время Второй мировой войны, будучи генералом и главнокомандующим союзными вооруженными силами, Эйзенхауэр не только помнил футбольную терминологию, но подчас применял ее в своих приказах. Поначалу употребление в приказах таких выражений, как «забить гол» или «прикрыть ворота», звучали для подчиненных странновато, но постепенно они не просто привыкли к такому стилю, а воспринимали его как должное и, в свою очередь, заражали духом спортивного азарта личный состав армии.

Точно так же Эйзенхауэр и в качестве полководца, и будучи президентом, не стремился к единоличному принятию решений, внимательно выслушивал своих советников. Как и в футболе, он предпочитал командную работу с осознанием всеми участниками «игры» своих обязанностей, от выполнения которых зависел общий успех. На закате жизни он писал: «Я полагаю, что футбол больше, чем любой другой вид спорта, может привить людям понимание того, что победа достигается в результате трудных, чуть ли не каторжных усилий, работы в команде, уверенности в себе и целенаправленного энтузиазма»{74}.

В июне 1915 года Дуайт Эйзенхауэр окончил академию и получил низшее офицерское звание — лейтенанта второго класса. Отзывы преподавателей и начальников о нем, от которых зависело начало армейской карьеры, были в целом положительными, но неоднозначными. В одном из них говорилось, что он «рожден командовать»; в другом можно было прочитать, что выпускник «полностью удовлетворен своей

армейской жизнью, уделяет должное внимание своим обязанностям и отдыху, но в нем невозможно увидеть человека, который настолько отдается своему делу, что ничто другое для него не имеет значения»{75}. В обеих характеристиках содержалась доля истины. Будущее показало полководческий талант выпускника академии и в то же время его стремление быть разносторонним человеком, а не солдафоном, который не видит вокруг себя ничего, кроме службы.

При всех недостатках Вест-Пойнта, консерватизме и формализме, которыми было проникнуто воспитание новых офицеров, Дуайт получил неплохие профессиональные знания, которые теперь надо было подкреплять практическим опытом. Но это было, пожалуй, не главное. За четырехлетнее пребывание в академии он воспитал в себе армейский дух, гордость, с которой носил звание офицера Соединенных Штатов как члена сословия, во многом отличающегося от представителей штатских профессий, прежде всего — готовностью отдать жизнь в защиту интересов своей страны. В отличие от многих других офицеров он не презирал людей гражданских, но всё же относился к ним свысока.

Пройдет немало лет, пока Эйзенхауэр поймет, что военным следует защищать не государство, не абстрактный «народ», а каждого человека в отдельности, что воевать надо не числом, а умением, что во имя победы над врагом нельзя бездумно растрачивать человеческие жизни, что сражения и целые военные кампании надо вести так, чтобы причинить противнику максимальный ущерб при наименьших потерях в своих войсках.

Хотя в некотором отношении Дуайт сопротивлялся консервативному духу Вест-Пойнта, этот дух просто не мог не заразить начинающего офицера, и ему пришлось затратить немало усилий, чтобы преодолеть склонность к примирению с отживающим, иметь смелость отстаивать свою позицию даже тогда, когда она противоречит позиции большинства.

Вест-Пойнт внушил Эйзенхауэру уверенность, что вооруженные силы никак не связаны с политикой, а призваны выполнять приказы высшего начальства, прежде всего президента. Он забывал, что Верховный главнокомандующий, каковым по Конституции США является президент, избирается от определенной партии и просто не может не быть связанным со своей политической силой, как бы ни открещивался. Безусловно, выпускник академии знал формулу германского военного теоретика Клаузевица, что «война есть не что иное, как продолжение политики с привлечением иных средств»{76}, но, как и другие американские военные, воспринимал ее абстрактно или

даже считал устаревшей. Пройдет немало лет, прежде чем Эйзенхауэр поймет, что при выполнении воли высшего командования армия не может оставаться вне политики, поскольку следует определенной политической воле. Пока же Дуайт видел в президенте страны не политического деятеля, а только главного военачальника, отдающего приказы, которые следует выполнять, и противопоставлял его шумным политиканам с Капитолийского холма, к которым относился с долей презрения.

Так что Дуайт Эйзенхауэр завершил свое «начальное высшее» образование офицером, не имевшим выдающихся достижений, но, как выяснилось впоследствии, обладавшим потенциалом стратега, организатора, военного теоретика и психолога. Все эти качества будут накапливаться исподволь, в течение многих лет очень медленного продвижения по служебной лестнице, чтобы в период апокалипсиса Второй мировой войны внезапно раскрыться, в короткий срок превратив майора Эйзенхауэра в полного генерала и главнокомандующего союзными вооруженными силами.

Пока же началась рутинная армейская служба.

Младший офицер армии, готовящейся к войне

После окончания академии Дуайт прошел весьма строгую медицинскую комиссию, от решения которой зависела его судьба. Вначале из-за больного колена доктора поставили под сомнение его годность к военной службе, однако, поразмыслив, решили, что он всё-таки может служить — в пехоте, но не в кавалерии. Впрочем, Дуайт к этому и не стремился; похоже, он уже тогда чувствовал, что в сравнительно скором времени кавалерийские войска утратят первенство в войнах.

Согласно правилам после окончания академии выпускники получали двухмесячный отпуск. Естественно, Дуайт провел его в Абилине. Он бродил по окрестностям, охотился, ловил рыбу, занимался спортом вместе с братьями, рассказывал родителям разные военные истории и случаи из своей жизни в Вест-Пойнте. Но главное — тем летом у него случился первый серьезный роман.

Дуайт и раньше не вел монашеский образ жизни. Еще в школе он увлекся одноклассницей Руби Норман. С ноября 1913 года по январь 1916-го Дуайт написал ей шесть писем, в которых вспоминал их встречи и рассказывал о своих учебных делах, а затем о начале службы. Из писем можно заключить, что

отношения зашли достаточно далеко. Дуайт вспоминал даже, что Руби боялась забеременеть в столь раннем возрасте. Поступление в академию прервало эту связь, но Айк и Руби остались друзьями. Активная переписка между ними прекратилась в январе 1916 года. В последнем письме Дуайт рассказывал Руби, что ему понравилась девушка по имени Мейми, за которой он ухаживает и надеется на взаимность. В том же году Руби вышла замуж, а Дуайт женился. Они продолжали обмениваться поздравительными открытками по праздникам. Последняя открытка, посланная Эйзенхауэром Руби Лусиер (это была ее фамилия по мужу), датирована 1967 годом[77].

Видимо, во время учебы в академии Дуайт встречался с другими девушками, но документальные свидетельства этих встреч не сохранились. Во время летнего отпуска в Абилине он влюбился в Глэдис Хардинг, белокурую красавицу, дочь местного богача. Они были знакомы — Глэдис окончила ту же абилинскую школу годом позже Дуайта. За прошедшее время Глэдис стала пианисткой и даже давала сольные концерты. Поступившие в Архив Библиотеки Эйзенхауэра в 1992 году документы Глэдис Хардинг, в замужестве Брукс, в частности письма Дуайта и фотокопии дневника Глэдис, свидетельствуют о серьезности намерений лейтенанта. В дневнике Глэдис с 16 июня по 31 августа 1915 года зафиксировано более сорока встреч с молодым офицером[78], то есть они виделись почти каждый день. Судя по намекам в письмах Эйзенхауэра возлюбленной, между ними были сексуальные отношения. Дуайт сделал предложение. Последовало объяснение с отцом Глэдис, который разъяснил лейтенанту, что он должен искать себе невесту попроще и что в случае, если Глэдис согласится выйти замуж за офицера низкого чина, она будет отлучена от семьи. Айк обещал девушке, что его ожидает блестящая военная карьера, но та оказалась послушной дочерью.

По окончании отпуска Дуайт поехал на службу, но продолжал надеяться, что Глэдис примет его предложение. Едва прибыв на место назначения, он написал Глэдис: «Больше, чем когда-либо ранее, я мечтаю услышать от тебя заветные три слова. Я ведь люблю тебя и хотел бы, чтобы ты об этом знала. Я хочу, чтобы ты была в этом так же уверена, как и я». Скорее всего, Глэдис ответила неопределенно (ее письма в архиве не сохранились). Через неделю последовало новое послание Айка: «Твоя любовь для меня — это вселенная. Всё остальное не имеет никакого значения… Я люблю тебя, Глэдис… А теперь, моя прекрасная леди, я прочитаю еще раз твое письмо, а потом встречу тебя в мечтах, если ты, конечно, придешь на это свидание. И там, в мечтах, как прежде в действительности, ты будешь моим самым

дорогам и близким другом, моей любимой женой»[79].

Неизвестно, получил ли Дуайт ответ на это письмо. Он еще дважды обращался к ней со страстными посланиями. На этом переписка прекратилась. Скорее всего, из-за противодействия отца, но, возможно, не желая отвлекаться от совершенствования в музыке, Глэдис прервала связь. Через год она вышла замуж. Прошло много лет, и в 1940–1950-х годах генерал, а затем президент Эйзенхауэр написал Глэдис Брукс еще несколько писем, в которых упоминал о современных событиях и спрашивал об общих знакомых[80].

Эйзенхауэр окончил академию, когда уже бушевала Первая мировая война. Соединенные Штаты сохраняли нейтралитет, и в высших политических кругах шла острая борьба между «изоляционистами» и «интернационалистами» по вопросу о вступлении в войну. Постепенно верх одерживали «интернационалисты», которых поддерживал президент Вудро Вильсон. Он и его сторонники доказывали, что США в определенный момент должны будут вмешаться в войну на стороне стран Антанты, чтобы обеспечить себе выход на мировые просторы, «открытые двери» для экономического проникновения в колонии европейских стран, в слаборазвитые регионы, а затем и в Европу.

Но пока война была за тысячи километров, и в армии преобладали настроения мирного времени, хотя подготовка войск к ведению боевых действий всё же проводилась.

Разумеется, молодой офицер стремился попасть туда, где уже шла война. Но пока это было невозможно. Поэтому Дуайт попросил направить его на Филиппины — просто потому, что это был самый дальний уголок земли, где находились американские войска; он всего лишь стремился познакомиться с экзотическим краем. Однако в середине сентября он получил назначение, которым был разочарован. Ему следовало отправиться в штат Техас, где на окраине города Сан-Антонио располагался 19-й пехотный полк. Слух о том, что Эйзенхауэр — отличный футбольный тренер, достиг Сан-Антонио еще до его приезда. Когда он прибыл в полк, ему сразу поручили готовить не солдат для будущей войны, а футболистов.

При всей любви к спорту Дуайт предпочитал заниматься делом, которому его учили в академии. Поэтому, когда на территории США в марте 1916 года оказалась преследуемая правительственными силами соседней Мексики повстанческая армия Франциско (Панчо) Вильи и по просьбе мексиканского президента Венустиано Каррансы американские войска начали охоту за ней, Дуайт попросил направить его хотя бы на этот

«фронт», где он по крайней мере понюхал бы пороху, но получил отказ{81}.

Правда, надоедливого офицера вскоре назначили в формировавшийся 57-й пехотный полк, которому предстояло пройти боевую подготовку, чтобы в случае вступления США в войну отправиться в Европу. Дуайт был обрадован назначением. Но вскоре оказалось, что ему надо было занять должность офицера по снабжению, а не командовать подразделением. Приходилось мириться с действительностью. В дисциплинированности, в воинской готовности выполнять приказы начальства стали проявляться новые черты молодого офицера.

Надеясь, что удастся продемонстрировать свои боевые качества, когда его полк окажется на европейском фронте, Дуайт пока занялся комплектованием необходимого в боевых условиях имущества: оружия, палаток, обуви, формы для различных погодных условий и т. п. Приходилось идти на хитрость. Лейтенант узнал, что поставки частям, расквартированным в форте Сэм-Хьюстон в окрестностях Сан-Антонио, где находилась его часть, зависят от полковника Уокера, который постоянно брюзжал по поводу пищи, которую ему готовили. Дуайт вместе с капитаном Бейкером, который, как и он, любил охоту, отправился в ближайший лес, за которым находилось озеро. Настреляв уток, офицеры возвратились в часть, где «оккупировали» армейскую кухню, приготовили вкуснейшее жаркое и поднесли его полковнику как раз к завтраку. После этого дела со снабжением пошли гораздо лучше{82}.

Постепенно Дуайт привык к такому образу жизни. Завершив служебные дела к полудню, он радовался почти полной свободе: охотился, участвовал в спортивных состязаниях, иногда в пьянках, организуемых другими офицерами, хотя к крепким напиткам не пристрастился. Расставшись со своей последней любовью, Дуайт ощущал некую душевную пустоту. Ему уже было почти 25 лет, и потребность в близкой и верной подруге становилась всё настоятельнее.

Ею могла оказаться какая-то случайная женщина. Неудачный брак принес бы обеим сторонам разочарования и горести. К счастью для Дуайта и его новой избранницы, этого не произошло. В воскресный день октября 1915 года Эйзенхауэр дежурил по полку; в его обязанности входили наблюдение за режимом, чистотой и аккуратностью подчиненных, моментальная реакция на любые не предусмотренные распорядком события.

Не предусмотренное распорядком событие произошло, но касалось только самого офицера. Когда он в наглаженном

мундире и сверкающих сапогах шествовал по главной аллее лагеря, его окликнула какая-то из женщин, сидевших на холщовых креслах перед офицерским клубом. Почти все они были жены офицеров, но одну юную леди он никогда раньше не видел.

Подойдя, чтобы поздороваться и удалиться для выполнения обязанностей, Дуайт задержался дольше, чем предполагал, так как ему с первого взгляда понравилась новая знакомая. Позже он вспоминал: «Она сразу же обратила на себя мое внимание. Это была живая и привлекательная девушка чуть ниже среднего роста, модно одетая и производившая впечатление всем своим поведением»[{83}].

Девушка гостила у жены майора Харриса. Звали ее Мэри Женева Дауд, но близкие знакомые называли ее Мейми. Так почти сразу после знакомства стал называть ее и Айк. Так будем называть ее и мы.

Мейми Дауд родилась в 1896 году в городке Буна, штат Айова. Ее отец Джон владел небольшим предприятием по фасовке мяса. Фирма процветала, и мистер Дауд мог позволить себе растить дочерей (у Мейми были три сестры) в сравнительно богатом доме. Еще один дом был у Дауда в Сан-Антонио, и именно там жила Мейми летом и осенью памятного 1915 года, когда познакомилась с Айком.

Молодой офицер также сразу понравился девушке. «Он, наверное, боксер», — подумала она. Когда Дуайт подошел поближе, Мейми решила, что это самый привлекательный мужчина из всех, кого она раньше встречала[{84}]. Любовь с первого взгляда не возникла, но чувство взаимной симпатии было налицо. Дуайт даже нарушил правила поведения дежурного офицера — пригласил новую знакомую пройтись вместе с ним.

Последовали серия встреч, объяснение в любви и предложение руки и сердца. В начале 1916 года Дуайт, уже представленный родителям девушки, нанес им формальный визит, чтобы просить ее руки. Джон Дауд дал согласие, предупредив жениха, что тот не должен рассчитывать на материальную помощь, а дочь — что ей придется круто изменить свой образ жизни, ибо полагаться надо будет на весьма скромное жалованье младшего офицера и подчиняться причудам начальства, чьи приказы Дуайт должен будет беспрекословно выполнять. Мейми ответила, что вполне понимает, что жить с мужем будет нелегко, но готова идти вместе с ним навстречу испытаниям[{85}].

Бракосочетание состоялось 1 июля 1916 года. Начальство предоставило Эйзенхауэру увольнительную только на два дня. А подарком в день свадьбы было присвоение звания лейтенанта

первого класса. Правда, Дуайт выпросил еще несколько дней, чтобы представить жену своим родителям и братьям. Сцена встречи была достойна самого сентиментального фильма. Дэвид и Ида несколько раз повторили, что счастливы: у них, наконец, появилась дочь (Дуайт женился первым из братьев). Когда же Мейми познакомилась с Эрлом и Милтоном (остальных деверей в Абилине не было), она, вторя свекрам, произнесла: «Наконец-то у меня появились братья».

Через день-два произошла первая ссора между молодоженами. Айк отправился к старым друзьям играть в карты. Мейми ждала его до позднего вечера и, не дождавшись, позвонила по телефону (эта новинка уже была в доме старших Эйзенхауэров) и потребовала, чтобы муж немедленно возвращался. Дуайт ответил, что никогда не прекращает игры, пока не добьется выигрыша. После его возвращения далеко за полночь за закрытыми дверями отведенной молодым комнаты разгорелась дискуссия, продолжавшаяся до утра{86}.

Очень быстро, однако, супруги привыкли друг к другу, научились уважать манеры поведения каждого. Мейми оказалась не просто заботливой и любящей спутницей жизни, но достойной офицерской женой, приветливо относившейся к сослуживцам мужа и их женам, с удовольствием принимавшей их в своей квартире в военном городке, которую даже называли «клубом Эйзенхауэров». Мейми играла на рояле, хозяин с гостями пел популярные песни. К тому же отец Мейми на самом деле оказался не столь прижимистым, каким пытался представить себя перед свадьбой. Он подарил молодым супругам автомобиль «пульман» — роскошную по тем временам машину с перегородкой, отделяющей водителя от пассажирских мест, а позже стал ежемесячно посылать «вспомоществование» — 100 долларов{87} (тогда это была крупная сумма, равная современным почти двум тысячам).

В общем, жизнь шла своим чередом. Соединенные Штаты явно готовились вступить в мировую войну, а Дуайт, несмотря на относительный комфорт пребывания на провинциальной военной базе, втайне мечтал проявить себя на поле боя.

В начале апреля 1917 года США объявили войну Германии и ее союзникам, а вслед за этим в направлении Европы отплыли корабли с американскими войсками. Эйзенхауэр с нетерпением ждал дня, когда во Францию будет отправлен его полк. Проходили месяцы, а полк оставался в резерве. Правда, учитывая отличное выполнение им служебных обязанностей и победы футбольной команды, которую он тренировал, ему досрочно, в мае 1917-го, присвоили звание капитана.

В конце концов в середине сентября Дуайт получил назначение, расстроившее его до крайности: вместо Европы предстояло отправиться в штат Джорджия, в форт Оглеторп, являвшийся одним из учебных центров американской армии. Видимо, сочтя, что работа тренером футбольной команды свидетельствует о педагогических способностях новоиспеченного капитана, начальство решило, что он справится с подготовкой кандидатов в офицеры.

Конечно, те, кто принимал решение, просто ткнули пальцем в небо, но их выбор оказался верным. Дуайт Эйзенхауэр стал достойным военным педагогом. Смирившись, что пришлось остаться на родине, он придумывал и проверял на практике новые методы войскового тренинга. По его инициативе было развернуто оборудование учебного поля боя, напоминавшего, по его мнению, места, где шли упорные бои на европейском театре военных действий. Были вырыты траншеи, построены землянки. Учебные группы были преобразованы в подразделения, которые преодолевали нейтральную полосу и атаковали «противника» — бойцов другого подразделения.

Согласно правилам женам преподавателей в Оглеторпе жить не разрешалось. Мейми ждала ребенка. Он родился 24 сентября, через несколько дней после прибытия отца на место назначения. Мальчик получил имя Дауд Дуайт, но в семье его называли Айки. Дуайту-старшему разрешили лишь на день отлучиться в Сан-Антонио, чтобы посмотреть на новорожденного.

Несмотря на пополнение в семействе, Эйзенхауэр подавал рапорт за рапортом об отправке его на боевые позиции по другую сторону океана. Все они были отклонены. Правда, в декабре того же года Дуайту повезло — его перевели в форт Ливенворт недалеко от города Канзас, старейшую американскую военную базу, которая долгое время пользовалась репутацией мозгового центра армии США. Слава эта, правда, постепенно выветривалась, ибо Ливенворт всё больше превращался в армейскую провинцию. Везение же состояло в том, что по дороге он получил возможность несколько дней провести с семьей, да и расположено новое место службы было недалеко от Абилина.

Теперь Дуайт должен был тренировать не кандидатов в офицеры, а уже аттестованных лейтенантов второго класса. Тем не менее рапорты о переводе во Францию продолжали следовать один за другим. Дело дошло до того, что Военное министерство объявило капитану Эйзенхауэру выговор за слишком настоятельные просьбы о новом назначении.

Однако чувство досады не мешало Дуайту не просто выполнять задания, а проявлять настойчивость, требовательность

в сочетании с доброжелательным отношением к подчиненным. Один из них в письме родным рассказывал: «У нас новый капитан по фамилии Эйзенхауэр. Я думаю, он один из наилучших армейских офицеров… Он проводит с нами великолепные стрелковые занятия. Он заставляет работать воображение всех наших ребят»{88}.

В Ливенворте Дуайт прослужил недолго — до февраля 1918 года, когда ему представилась возможность повысить свою военную квалификацию. Он получил приказ отправиться в военный городок Кэмп-Мид, штат Мэриленд, для службы в 65-м инженерном полку, в составе которого находился танковый батальон, готовившийся к отправке в Европу. В батальоне было всего несколько учебных танков. Эйзенхауэру было поручено наладить обучение танкистов, хотя он до этого не только не имел этой воинской специальности, но вообще не видел танков. Тем не менее он был полон решимости не только овладеть умением вести танковый бой, но и научить этому солдат и сержантов. Вскоре Дуайта назначили командиром батальона и проинформировали, что в марте 1918 года он во главе своего подразделения отправится из Нью-Йорка во Францию.

Но и на этот раз судьба посмеялась над ним. Учитывая организаторские способности новоиспеченного танкиста, его отозвали из Кэмп-Мида и перевели в заброшенный военный лагерь Колд под Геттисбергом, штат Пенсильвания, где предполагалось начать формирование отдельного танкового корпуса. На первый взгляд это было отличное назначение: 27-летнему офицеру предстояло командовать подразделением самого современного рода войск, которому военные специалисты предрекали большое будущее. Но на деле в лагере имелось всего несколько танков. Не было и офицеров, знакомых с новой техникой.

Тем не менее Эйзенхауэр горячо взялся за дело. Быстро улавливавший новые веяния в военном искусстве, внимательно следивший за ходом боевых операций в Европе, он убеждался, что танки скоро станут неотъемлемой, а может быть, главной частью вооруженных сил любой крупной страны, и всячески пытался довести эти взгляды до других военных. Эйзенхауэр с особым вниманием по всем доступным источникам буквально поминутно проследил битву в районе французского города Камбре (ноябрь — декабрь 1917 года) — первое в истории войны сражение, в котором в большом количестве были применены танки, причем не в виде средства поддержки пехоты, а в качестве самостоятельной силы. Хотя совершить глубокий прорыв германского фронта не удалось, военные теоретики разных стран

указывали на высокую эффективность концентрированного использования танков в наступлении{89}.

Эйзенхауэру льстило, что сразу после его прибытия в лагерь последовал приказ о назначении его командиром всего воинского объекта. С присущей ему энергией и некоторым опытом, приобретенным на предыдущих постах, он быстро привел лагерь в порядок. Ему удалось создать телеграфную школу, а затем школу мотористов. Началось обучение солдат и офицеров танковому бою. Но, несмотря на все ходатайства, новые танки не поступали. Консерваторы в военном ведомстве не считали танки действенным оружием, рассматривали их как модную выдумку, которая разлетится в прах на поле боя. Дуайт всё же надеялся получить танки, а пока придумал им временную замену: на грузовики устанавливались пушки и пулеметы, а затем инструктор учил подчиненных стрелять по мишеням с этих движущихся «платформ», как он их называл. Такое обучение давало неплохие результаты.

Подчиненные, большая часть которых впервые столкнулась с руководителем, страстно отстаивавшим передовые взгляды на современную войну, горячо поддерживали его усилия. Иногда Дуайту даже казалось, что они льстят ему. Когда один из лейтенантов стал слишком хвалить руководителя, тот резко его оборвал: «Походите по лагерю и найдите там какой-нибудь непорядок. Это будет лучше, чем ваши разговоры. То ли вы неискренни, то ли еще больший глупец, чем я!»{90} Естественно, что такие речевые обороты только увеличивали популярность молодого командира у столь же молодых подчиненных. От офицеров высокая репутация Эйзенхауэра распространялась на унтер-офицерский и рядовой состав. Сержант Клод Харрис вспоминал: «С ним всегда можно посоветоваться как по военным, так и по личным делам»{91}.

Упорные просьбы, чуть ли не требования, чтобы в Колд доставили настоящие боевые машины, увенчались наконец успехом. В лагерь прибыли три новых танка фирмы «Рено» вместе с двумя британскими офицерами, имевшими боевой опыт. Они рассказали Эйзенхауэру, что единственным политиком их страны, который с воодушевлением поддерживал сторонников массового производства танков, был Уинстон Черчилль, с июля 1917 года являвшийся министром вооружений.

Так молодой капитан узнал, что и в Англии идет негласная борьба между «танковыми прогрессистами» и «кавалерийскими консерваторами». Вряд ли при этом известии у Дуйта стало легче на душе, но с тех пор он внимательно следил за карьерой того человека, с которым ему придется устанавливать

непосредственный контакт во время Второй мировой войны и которого он будет ценить исключительно высоко, даже больше, чем президента США Франклина Рузвельта.

В середине октября 1918 года капитану Эйзенхауэру было присвоено временное звание[4] подполковника, минуя майорское.

Дуайт ликовал не только потому, что его повысили в звании, признав заслуги, но прежде всего по той причине, что это означало скорую отправку на фронт во главе танковой части. Его не смущало, что подчиненных ему солдат и офицеров можно было назвать танкистами лишь условно, поскольку они всего за несколько недель назад увидели настоящие, боевые машины. Свои танки им предстояло получить только во Франции и доучиваться на поле боя.

Вскоре поступил приказ: прибыть в Нью-Йорк и 18 ноября погрузиться на корабль, чтобы участвовать в общем генеральном наступлении Антанты, планируемом на весну 1919 года.

Однако 11 ноября произошло событие, одновременно обрадовавшее Эйзенхауэра и вызвавшее у него чувство досады: в Компьенском лесу во французской Пикардии было подписано перемирие между Германией и странами Антанты, по существу означавшее германскую капитуляцию. Эйзенхауэр радовался победе союзников и самих США, хотя американская армия участвовала в военных действиях менее полугода, а досадовал на то, что ему не довелось лично на поле боя внести вклад в победу. Подчиненный Дуайта капитан Норман Рэндолф, находившийся в его кабинете, когда по радио передали новость об окончании войны, вспоминал: «Я думал, что мы теперь проведем остаток жизни, объясняя, почему мы лично не участвовали в этой войне»{92}. Командир был с ним согласен.

Усердие Эйзенхауэра при подготовке танкистов было вознаграждено. В 1922 году он получил первую медаль — «За выдающиеся успехи в службе». Это была новая, учрежденная в 1918 году награда, которой удостаивались «лица, служащие в Вооруженных силах Соединенных Штатов в любой должности, отличившиеся исключительно высокими достижениями в служении Правительству, выполняя ответственные задачи»{93}. С. Амброз полагает, что «для Эйзенхауэра это было скорее горькое напоминание, чем желанная награда»{94}. Мы не склонны так высоко оценивать скромность нашего героя: он считал, что награда была заслуженная, что на своем посту он прилагал максимум усилий для выполнения поставленных задач и проявлял завидную инициативу, стремясь преодолеть инертность начальников. Вероятно, он счел бы несправедливым, если бы его усилия не были никак отмечены.

Окончание Первой мировой войны было встречено американскими властями с огромным облегчением: США оказались в числе победителей, приложив минимум усилий. И военные чины, и политики были убеждены, что крупным, мировым конфликтам пришел конец. Мало кто предполагал, что окончание Первой мировой войны по существу положило начало подготовке Второй мировой, что межвоенный период фактически был предвоенным.

В течение шести месяцев была проведена демобилизация. Армия сократилась в 20 раз: из 2,6 миллиона человек на военной службе были оставлены 128 тысяч. В 1935 году вооруженные силы крупнейшей по уровню производства и ряду других показателей страны стояли на 16-м месте по численности{95}. В Соединенных Штатах возродились и стали преобладающими изоляционистские настроения.

Мирные будни военного

Эйзенхауэр был кадровым офицером, и поэтому демобилизация его не коснулась. Но в июле 1920 года в высших армейских кругах о нем вспомнили — и понизили в звании: он вновь стал капитаном. Правда, через несколько дней он получил звание майора, в котором пребывал целых 16 лет. Не раз на протяжении этого времени Дуайт получал предложения уйти в отставку, поступить на службу в ту или иную частную фирму, причем ему обещали значительно большее вознаграждение, нежели жалованье, которое он получал в качестве временного подполковника. Эти предложения не были случайными: знакомые видели организаторские способности офицера, его преданность делу, умение учиться на собственном и чужом опыте. Но соблазны штатской службы Эйзенхауэр отвергал. Не то чтобы он надеялся на новую войну, в которой проявит свои способности. Он отличался не только патриотизмом и верностью долгу, но и тягой к деятельности в экстремальных ситуациях, к руководству крупными людскими контингентами, к работе в коллективе если не единомышленников, то, по крайней мере, четких исполнителей. Эти качества, считал Эйзенхауэр, он мог проявить прежде всего на военной службе.

Вместо Европейского континента Дуайт вновь оказался — правда, на сравнительно короткое время — в лагере Мид. Ему поручили малоинтересную, в основном канцелярскую, работу по демобилизации. После этого он получил задание сопровождать конвой крытых грузовиков, доставлявших демобилизованных на

Западное побережье. Путешествие продолжалось чуть ли не всё лето: Дуайт с удивлением обнаружил, что в США не существует единой автомобильной транспортной системы, а имеющиеся дороги находятся в ужасном состоянии. Конвой двигался со средней скоростью пять миль в час — немногим быстрее пешехода{96}.

Позднее он нередко вспоминал это лето, а став президентом, много внимания уделял созданию единой шоссейной системы, которой даже в первые послевоенные годы еще не существовало.

Но пока надо было думать прежде всего о том, как наиболее рационально, с пользой для дела, продвигаясь вверх по карьерным ступенькам, применить свои силы.

Он был вполне удовлетворен, когда ему вместе с капитаном Джорджем Паттоном поручили создать танковую школу в лагере Мид. Паттон, пятью годами старше Эйзенхауэра, тоже окончил академию в Вест-Пойнте, побывал на французских фронтах, участвовал (правда, только в качестве наблюдателя) в сражении при Камбре и с тех пор стал страстным сторонником танковой войны. Оказалось, что у коллег схожие взгляды по вопросам военной стратегии, особенно касательно использования танков.

Деловое сотрудничество быстро переросло в дружбу, которая сохранялась до рокового дня 21 декабря 1945 года, когда Паттон, прошедший две мировые войны, погиб в авиакатастрофе. Теплые отношения не мешали Эйзенхауэру видеть некоторые отрицательные личные качества Паттона: невероятное самомнение, нежелание прислушиваться к рекомендациям коллег и к общественному мнению, политическая ангажированность (он стоял на крайне правом фланге республиканцев), открыто выражаемый антисемитизм, ненавистный Эйзенхауэру, который просто не понимал, как можно отрицательно относиться к людям из-за того, что у них иные происхождение и религия.

Можно лишь удивляться, как такой трезвомыслящий и умеренный человек, как Эйзенхауэр, на протяжении многих лет не порывал с Паттоном. Скорее всего, решающим стал тот факт, что Паттон был талантливым военным и, как и Дуайт, отдавал все силы строительству современной армии, прежде всего развитию боевой техники, танковых соединений и боевой авиации.

В короткий срок в 1919 году благодаря совместным усилиям два капитана смогли создать учебное заведение, которое получило несколько странное наименование: Пехотная танковая школа (танковые подразделения, ранее находившиеся в составе инженерных войск, по окончании войны были переданы пехоте).

Эйзенхауэр и Паттон буквально бомбардировали штаб армии США докладными записками, публиковали в военных журналах

статьи, в которых доказывали важность развития бронетанковых войск, их ведущую роль в будущих сражениях, предлагали новые методы и тактические приемы использования танков. Они даже направили соответствующий доклад Конгрессу, доказывая необходимость выделения значительных средств на бронетанковые войска. Но их усилия оказывались почти тщетными. Никто не предполагал, что сравнительно скоро стране придется участвовать в глобальной бойне. Как полагали власти, армия нужна «на всякий случай».

И всё же минимального результата Эйзенхауэр и Паттон добились: их школе были выделены танки новейших моделей — по несколько тяжелых британских машин и французских средних танков фирмы «Рено»{97}.

Вскоре служебные пути коллег и единомышленников разошлись: Паттон, устав от бесплодной борьбы «за танки», возвратился в кавалерию; Эйзенхауэр предпочел штабную работу, часто меняя место службы. Но оба при любой возможности старались обосновать преимущества использования танков как самостоятельного стратегического средства ведения войны. В конце концов Эйзенхауэр был вызван к высокому начальству — командующему пехотными силами, который заявил, что его идеи «не только ошибочны, но и вредны», и что ему лучше помалкивать во избежание крупных неприятностей. «В частности, мне было заявлено, что я не должен публиковать что-либо, несовместимое с существующей доктриной пехотного боя». Даже через много лет Дуайт вспоминал, что ему пригрозили полевым судом, если он будет продолжать печатную борьбу «за танки»{98}. Скорее всего, отставной президент явно написал о таком «грозном предостережении» для красного словца (хотя, может быть, оно и было высказано с целью припугнуть зарвавшегося офицера).

В 1920 году у Эйзенхауэра появилось еще одно важное знакомство. На вечеринке у Паттона он встретился с генерал-майором Фоксом Коннером, о котором слышал, что это чуть ли не самый умный человек в американской армии. Во всяком случае во время войны его считали «мозгом» экспедиционного корпуса США под командованием генерала Джона Першинга, воевавшего в 1918 году во Франции (Коннер был у Першинга начальником штаба){99}. После обильного обеда с возлияниями не потерявший над собой контроль генерал попросил Паттона и Эйзенхауэра показать ему лагерь и особенно танки. Одобрение танковых сил, высказанное Коннером, было единственным за много лет{100}.

Вскоре Коннер был назначен командиром отдельной пехотной бригады, размещенной в зоне Панамского канала,

насильственно арендованной у Панамы, и предложил Эйзехауэру служить у него офицером по особым поручениям. Учитывая, что танковая школа, которую Дуайт организовал, пока не имела перспектив (в ней даже не начались занятия из-за отсутствия слушателей), а Паттон переметнулся в кавалерию, Дуайт, стремившийся повидать новые места, согласился. Однако начальник лагеря Мид генерал С. Роккенбах его не отпустил, мотивируя тем, что Эйзенхауэр — опытный полевой офицер. Позже сам Дуайт, опять проявив то ли подлинную, то ли наигранную скромность, высказывал мнение, что генерал, страстный любитель футбола, просто не желал отдавать одного из лучших тренеров{101}. Так или иначе, он остался в Миде, но все больше тосковал по реальным военным делам. Занятый лишь часть рабочего дня, Айк большое внимание уделял жене, отлично понимавшей трудности офицерской жизни и пользовавшейся временным затишьем, которое, она считала, зная своего супруга, неизбежно сменится бурей.

В 1920 году их сыну исполнилось три года. Айки рос умным и физически крепким. Единственное, что беспокоило отца и мать, — слишком большая забота о ребенке всех окружающих, вплоть до солдат. Айки то и дело получал подарки. Они, однако, были связаны прежде всего с военным делом, и это несколько успокаивало отца. Мальчик быстро овладевал военным ритуалом, пытался сам надеть подаренную ему и перешитую няней солдатскую форму, стоял по стойке смирно во время военных парадов и т. д.

Но накануне Рождества 1920 года мальчик заболел скарлатиной, заразившись, видимо, от новой няни, которая недавно перенесла болезнь, скрыв этот факт от Эйзенхауэров. Это острое инфекционное заболевание, характеризующееся лихорадкой, интоксикацией, ангиной и обильной точечной сыпью. В настоящее время скарлатина нередко протекает достаточно легко, при должном уходе практически не дает осложнений и не приводит к гибели детей. Иначе было в прошлом веке. До 1940-х годов, когда начали появляться сульфамидные препараты, а затем антибиотики, смертность от скарлатины составляла 80 процентов{102}.

Беда не обошла стороной и дом Эйзенхауэров. 2 января 1921 года Айки умер. «Это было самое большое горе, даже катастрофа, в моей жизни», — писал Дуайт на закате жизни{103}. Те же чувства выражала Мейми: «На протяжении всех следующих лет воспоминание об этих черных днях причиняло глубокую внутреннюю боль, которая, кажется, никогда сколько-нибудь не смягчалась»{104}.

Дуайт и Мейми теперь особенно стремились расстаться с фортом Мид, чтобы отвлечься от тягостных раздумий о том, что они могли бы уберечь ребенка, если бы были к нему более внимательны.

Зона Панамского канала, военные училища и путеводитель

Когда генерал Коннер вторично обратился к Першингу, ставшему начальником штаба армии США, с просьбой послать к нему Эйзенхауэра в качестве офицера для особых поручений, тот удовлетворил его запрос вопреки возражениям начальства из форта Мид[{105}].

В январе 1922 года Дуайт с женой прибыл в распоряжение Коннера, командовавшего отдельной пехотной бригадой, размещавшейся в лагере Жейлард и выполнявшей полицейские функции в зоне канала. Ожидать, что он приобретет здесь новый боевой опыт, Дуайт не мог. Служба стала для него способом отвлечения от печальных раздумий и знакомства с крохотным уголком зарубежья, где он еще ни разу не бывал.

И всё же пребывание здесь было полезным и с точки зрения получения военных знаний. Живший по соседству Коннер, изнывавший от безделья после окончания мировой войны, оказался прекрасным учителем. Он «запретил» помощнику читать авантюрные романы, к которым тот пристрастился, и потребовал заменить их сочинениями военных теоретиков. Коннер ставил стратегические и тактические вопросы и внимательно выслушивал Эйзенхауэра, умело (хотя подчас многословно) корректируя его позицию. Знаменитый труд Клаузевица «О войне» генерал заставил Эйзенхауэра прочитать трижды и не успокоился, пока его не удовлетворили ответы подчиненного по поводу применения идей Клаузевица в условиях современной войны.

Коннер полагал, что Версальский мирный договор, подписанный в 1919 году, не устранил ни европейских, ни мировых противоречий, что лет через двадцать начнется новая мировая война, в которой США неизбежно примут участие, а значит, к ней необходимо готовиться, принимая во внимание, что она будет носить коалиционный характер. От Коннера Эйзенхауэр услышал имя полковника Джорджа Маршалла, который служил в штабе Першинга. Дуайт несколько недоверчиво выслушивал казавшиеся ему непомерно восторженными оценки этого человека, который, по мнению генерала, «знает больше о технике

и организации союзного командования, чем любой другой»; в военном искусстве «подлинный гений»; лишь он и немногие другие военные смогут научиться преодолевать в будущей войне «националистические соображения», весьма опасные при ведении коалиционных военных действий{106}.

Служба под началом Коннера была, по мнению Эйзенхауэра, подлинной высшей школой военного искусства. Супруга генерала Вирджиния Коннер вспоминала, как складывались его отношения с чуть ли не постоянно общавшимся с ним порученцем: «Я никогда не видела двух человек, более соответствовавших друг другу, чем Айк Эйзенхауэр и мой муж. Они проводили вместе часы, дискутируя о войнах, прошлых и будущих»{107}. А в докладе в штаб армии Коннер характеризовал Эйзенхауэра как «одного из наиболее способных и лояльных офицеров, с которыми я когда-либо сталкивался»{108}.

Дуайт понимал, что уроки Коннера в реальных условиях прозябания на канале были единственным средством расширения военных знаний и умений. Возвращению к бодрому самочувствию способствовало и семейное благополучие. Мейми не только привыкла к житейским неудобствам, к неопределенному положению супруга, но и решилась на нового ребенка, который появился на свет 3 августа 1922 года.

Правда, рожать в зоне канала Мейми не отважилась. Последний месяц перед родами она провела в Денвере у родных. А за несколько дней до появления на свет сына Айк получил кратковременный отпуск и также отправился в Денвер. Новорожденного назвали Джон Шеддон.

В конце 1924 года Эйзенхауэр был отозван в США. Казалось, его негодование может выплеснуться в неповиновение: его возвращали в форт Мид в качестве тренера футбольной команды. Но оказалось, что начальство лагеря просто выпросило его у армейского штаба, чтобы достойно завершить футбольный сезон. Вслед за этим поступило сообщение, что далее Дуайт будет командовать танковым батальоном. Он подал рапорт с просьбой направить его слушателем в Пехотную школу при Генеральном штабе, готовившую высший командный состав, но получил отказ. Генерал Коннер, теперь внимательно следивший за его судьбой, прислал телеграмму: «Какие бы назначения Вы ни получили, принимайте их безоговорочно»{109}.

Айк понимал, что его бывший начальник, знавший все внутренние интриги, входы и выходы Генерального штаба, заботился о репутации подопечного. Да и сам он, становившийся дисциплинированным военным (недаром Коннер характеризовал его как лояльного офицера), теперь лишь про себя возмущался,

что бюрократизм является неотъемлемой чертой любого организованного сообщества и необходимо только сокращать его до разумных пределов. Поэтому по окончании футбольного сезона он без внешнего сопротивления, хотя и крайне неохотно принял назначение в штат Колорадо, где ему было поручено заниматься набором в армию. Пожалуй, это был единственный случай, когда мнения супругов разошлись: форт Логан, где предстояло служить Айку, был фактически пригородом родного Мейми Денвера, и она могла теперь легко ездить к своей многочисленной родне даже с маленьким ребенком.

Но телеграмма Коннера была неслучайной: генерал, верный слову, продолжал использовать знакомства в штабе армии, чтобы майор Эйзенхауэр был направлен на обучение в Высшее командно-штабное училище в форте Ливенворт (штат Канзас). Когда Эйзенхауэр узнал о том, что попадет в это весьма престижное в армии учебное заведение, готовящее будущих полководцев, он, по собственным словам, «был готов взлететь — без аэроплана!»{110}. Однако надо было сдать вступительные экзамены, и Айк заколебался — после окончания Вест-Пойнта он занимался только самообразованием, не посещал никаких учебных заведений и боялся провалиться.

Но тот же Коннер, которому Айк доверял безоговорочно, попытался убедить его, что три года, проведенные в зоне канала, подготовили его к обучению в Ливенворте лучше, чем кого-либо другого. Не вполне удовлетворившись мнением наставника, Дуайт через знакомых офицеров получил прошлогодние задания вступительного экзамена вместе с итоговыми ответами и решил поставленные тактические и стратегические задачи. В августе 1925 года майор Эйзенхауэр отправился в Ливенворт, легко сдал экзамен и был принят в училище.

Год, проведенный в Ливенворте, был весьма ответственным этапом в превращении Эйзенхауэра в высокообразованного военного специалиста. Он оказался в среде лучших армейских офицеров, удостоенных чести совершенствовать свои умения. Всего в этом наборе начинало учиться около трехсот человек. Преподаватели их не жалели, задания требовали полной отдачи. Свободного времени не оставалось.

Военный историк С. Амброз, на мнение которого мы уже ссылались, так описывает стиль обучения в Ливенворте: «Методом были военные игры. Слушатели должны были столкнуться с определенными проблемами. Вражеские войска такой-то силы либо атаковали, либо защищали свои позиции. Слушатели, командовавшие “синими”, должны были решать, какие действия следует предпринять. После того как слушатель

предоставлял свой ответ, ему вручалось правильное решение. Он должен был теперь разработать в деталях, как следовало поступить каждому подразделению и вспомогательным силам, чтобы выполнить поставленную задачу; в целом это были основы штабной работы, которая потребуется в условиях войны»{111}.

Аналогичные задачи следовали одна за другой. Курсанты при поступлении были предупреждены, что тот, кто станет жаловаться на тяжелую нагрузку, будет отчислен незамедлительно.

Далеко не всё, чему учили в Ливенворте, нравилось Эйзенхауэру. Там по-прежнему преобладали взгляды, соответствовавшие прошлым войнам, игнорировались или по крайней мере недооценивались танки и другие мощные технические средства ведения войны. Дуайт стремился для себя решать поставленные задачи с применением танковых сил, используемых в обороне и особенно в наступлении для обхода противника с флангов. Эти решения он, однако, хранил в своих бумагах, чтобы преподаватели, не дай бог, не подумали, что выскочка-майор намерен их учить. Жизненный опыт давал себя знать.

Чтобы облегчить себе труд, слушатели образовывали группы, распределяли отдельные элементы задания, чтобы потом каждый мог переписать решение, разумеется, внеся в него что-то свое, чтобы не быть уличенным в обмане. Эйзенхауэр, отказываясь присоединиться к таким группам, взваливал на свои плечи максимальную нагрузку. Часто на сон оставалось два-три часа. Некоторые однокашники невзлюбили Дуайта за его отказ от «духа коллективизма», называли его педантом, формалистом, буквоедом.

Но были и те, кто, подобно Дуайту, работал с максимальной интенсивностью. Из числа таких слушателей Эйзенхауэр особенно сблизился с Леонардом Джироу, вместе с которым ему предстояло позже и служить в штабе армии США, и участвовать в боевых действиях во время Второй мировой войны. Джироу был двумя годами старше Эйзенхауэра, и ему удалось в 1918 году повоевать во Франции. Теперь он был одним из лучших — он окончил училище 11-м из 245 слушателей (более пятидесяти человек в течение года отсеялись). Дуайт оказался на первом месте из всех окончивших училище в 1926 году.

Это было подлинное торжество. Его поздравляли родные, друзья и коллеги. Самовлюбленный Паттон послал телеграмму: «Ливенворт — это действительно хорошая школа, если настоящий мужик смог здесь оказаться первым»{112}.

После окончания училища Эйзенхауэр совершил

преступление против существовавшего законодательства. В то время в стране действовал «сухой закон», который постоянно нарушался, а через несколько лет был отменен президентом Ф. Рузвельтом. Казалось, законопослушный майор Эйзенхауэр никак не может пойти против закона. Но он с удовольствием согласился участвовать в пьянке, которую в его честь устроил брат Артур в потайном зальчике отеля «Мульбах» в городе Канзасе. Горячительные напитки были, разумеется, контрабандными, но майор блаженствовал, поглощая джин и виски{113}. В каком состоянии он был доставлен к месту ночлега, источники не сообщают…

По окончании училища Эйзенхауэр в соответствии с его желанием был направлен в форт Беннинг, штат Джорджия, для командования батальоном. Однако когда он прибыл на место, оказалось, что на самом деле ему опять предназначался пост футбольного тренера. Поистине, футбольная слава преследовала офицера… Эйзенхауэр вспоминал, что с огромным трудом сдержал негодование и, помня установку генерала Коннера, подчинился, надеясь на его помощь{114}.

И помощь пришла. Коннер рекомендовал Эйзенхауэра генералу Першингу, который теперь был председателем комиссии по военным памятникам. Эйзенхауэр, писал его покровитель, отлично знает историю войн, у него прекрасный слог, он будет незаменим в работе комиссии. Уважаемый генерал внял совету. Дуайт был вызван в Вашингтон, и ему была предоставлена временная работа — составить путеводитель по европейским памятным местам «великой войны», как тогда называли Первую мировую войну. Всё было бы в порядке, но у Дуайта не было ни пишущей машинки, ни денег, чтобы приобрести ее, а выпрашивать у комиссии было совестно.

Помог младший брат Милтон. Несмотря на молодой возраст, он сделал отличную карьеру: считался одним из лучших специалистов в Министерстве сельского хозяйства, уже обтесался в Вашингтоне и имел собственную машинку. К тому же, обладая прекрасным журналистским слогом, Милтон помог брату в подготовке путеводителя. Милтон и его жена Хелен пришли на подмогу и при выборе квартиры в столице неподалеку от собственного жилья. Дуайт с семьей поселился на авеню Коннектикут возле живописного парка Рок-Крик (Горный ручей) {115}.

Между братьями установились особо теплые отношения, хотя их взгляды на окружающий мир были далеко не одинаковы: Дуайт был беспартийным, не отдавал предпочтения ни одной системе политических взглядов, полагал, что в центре любого

общества стоит государство, а граждане должны работать для его процветания; Милтон же ставил в центр бытия отдельную личность, был близок к концепции «общественного договора», считая, что государство создано людьми именно для того, чтобы служить каждому. Дуайт же доказывал, что бюрократия чрезмерно разрослась и тратит слишком много средств, что государственную машину надо сокращать (естественно, за исключением армии)[116].

Першинг, высоко оценивший составленный путеводитель, договорился о принятии Дуайта в военный колледж в форте Макнейр на окраине Вашингтона. Считалось, что в этом учебном заведении завершается подготовка офицеров для занятия высших командных постов. Годичное пребывание в этом колледже являлось, по мнению самого Эйзенхауэра и некоторых его биографов, отдыхом от изнурительной службы в предыдущие годы, поскольку туда в основном попадали (за исключением поступивших по прямой протекции) военные специалисты, уже подготовленные для выполнения ответственных задач. На деле пребывание в колледже было исключительно полезным: кругозор слушателей существенно расширялся. Государственные чиновники и штабные генералы читали курсантам лекции по военной истории, международной политике и ее перспективам. Позднейшие рассуждения Эйзенхауэра о том, что он попусту тратил время, несправедливы. Привыкший к изнурительным физическим и умственным нагрузкам, он просто не понимал, что такое нормальный рабочий день. Таких рабочих дней у него в дальнейшем будет крайне мало.

Айк с удовольствием использовал свободные часы для чтения военно-исторической литературы и вестернов (без них жизнь казалась ему потерянной!), игры в карты. Бридж он считал стратегической игрой, которой должен владеть любой военный, и почти всегда оставался в выигрыше.

В июне 1928 года Эйзенхауэр окончил колледж. Этим было завершено официальное образование, которое оказалось весьма солидным. Теперь полученные знания и умения надо было отдавать правительству и народу, что и было главной мечтой почти сорокалетнего майора, которого никак не повышали в звании, так как он часто менял места службы.

По окончании колледжа Эйзенхауэру было предоставлено право выбора: либо служба на низовой должности в штабе армии, либо годичная командировка во Францию для проверки и окончательной редакции, исправления ошибок и внесения дополнений в путеводитель по местам американской военной славы. Он предпочел бы работу в штабе, но поддался уговорам

Мейми и выбрал поездку в Европу{117}. Это был единственный случай, когда Дуайт в выборе места службы последовал совету жены.

В августе Эйзенхауэры отправились во Францию. Джона на год отдали в парижскую школу для детей американских граждан. Мейми наслаждалась красотами французской столицы и ее окрестностей. Дуайт постоянно ездил по местам боев, а во время недолгого пребывания в Париже совершенствовал текст путеводителя.

Оказалось, что интересы кадрового военного были довольно узкими. Его не очень привлекали парижские музеи и театры, куда изредка вытаскивала его жена. Он не установил контакта с французами за 15 месяцев, которые провел в их стране. В гости Эйзенхауэры приглашали американских дипломатов и других соотечественников. С ними Дуайт играл в карты и слушал американскую музыку{118}.

Объективно говоря, Эйзенхауэр не был разносторонним человеком. Служение долгу, стремление отдать все силы той работе, которую он выполнял в данный момент, закрывало для него более широкую перспективу. То же самое будет иметь место во время Второй мировой войны, но тогда такая позиция окажется более оправданной, ибо речь пойдет о смертельной схватке с врагом.

Глава третья.
ШТАБ АРМИИ И ФИЛИППИНЫ

Помощник начальника штаба

Эйзенхауэры возвратились на родину в ноябре 1929 года. Дуайту было предоставлено место в том самом подразделении штаба армии, от которого он ранее отказался: в отделе, занимавшемся планированием мобилизации промышленности и живой силы на случай новой войны.

Работать приходилось в напряженной обстановке, имея в виду, что планировать перевод промышленности на военные рельсы приходилось в условиях, когда все отрасли американской экономики, особенно индустрия, переживали весьма тяжелые времена. Дуайт пришел в Военное министерство (отдельно существовало Министерство флота) как раз в тот момент, когда разразился тягчайший экономический кризис, начавшийся в октябре 1929 года катастрофическим падением акций на нью-йоркской фондовой бирже и в следующие месяцы распространившийся на все отрасли хозяйства, вызвав массовую безработицу и резкое обострение социального недовольства.

В этих условиях администрация президента Герберта Гувера прилагала все силы, чтобы сократить государственные расходы, в том числе военные. Обследования и расчеты Эйзенхауэра показывали крайнюю слабость американских вооруженных сил, но доклады ретивого офицера с выводами о необходимости увеличения военных расходов воспринимались начальством с горькой усмешкой. Из ведомства был уволен ряд сотрудников, оставшимся, в том числе Эйзенхауэру, была урезана зарплата.

Нельзя сказать, что Эйзенхауэра особенно обрадовала программа «нового курса», которую начал осуществлять сменивший Гувера на президентском посту в 1933 году Франклин Рузвельт. Некоторые мероприятия «нового курса», в частности введение системы «закрытого цеха» (найма рабочей силы только с согласия профсоюза), социального страхования (пенсий по старости и потере трудоспособности, пособий по безработице и т. д.), создание из числа безработных отрядов для строительства разнообразных объектов за государственный счет, попахивали социализмом, который он считал чуждым американскому образу жизни.

Ничего социалистического в «новом курсе» не было — он представлял собой средство для преодоления кризиса. Но по

различным соображениям эта политика вызывала негодование самых различных кругов, а ее инициатора даже сравнивали то с Гитлером, то со Сталиным. Не очень разбиравшийся в этих тонкостях Эйзенхауэр воздерживался от оценки новых реалий. В дневнике, который он начал вести в это время, появилась любопытная запись: «В течение двух лет меня называли “диктатор Айк”, потому что я полагал, что подлинная диктатура должна быть установлена нашим президентом, так что я молчу, — но я всё еще в это верю!»{119} Правда, мы не обнаружили в высказываниях Эйзенхауэра предыдущих двух лет заявлений, подобных тому, о каком он писал в дневнике. Скорее это были его мысли, которые он из осторожности не озвучивал.

Между тем домашняя жизнь Эйзенхауэров протекала без особых событий. Джон возобновил учебу в столичной школе и хорошо справлялся с заданиями. Мейми нашла новых подруг среди жен штабных офицеров. Наиболее близким к Дуайту человеком в это время, не считая Милтона, был Джордж Паттон, ставший подполковником и некоторое время командовавший кавалерийской частью в форте Майер возле Вашингтона. Паттон с женой часто бывал у Эйзенхауэров. Джордж не изменился — как и прежде, отличался грубостью, хвастливостью, стремился привлечь к себе максимум внимания, хотя в то же время был опытным и знающим командиром, пользовавшимся доверием подчиненных. Джон Эйзенхауэр вспоминал: его очень удивило, что подполковник не только чуть ли не через слово употреблял грязные ругательства, но и приучил к этому своих троих сыновей{120}.

В начале тридцатых годов Эйзенхауэр обратил на себя внимание нового начальника штаба армии Дугласа Макартура, осенью 1930 года сменившего на этом посту малоавторитетного Чарлза Саммеролла. Интерес оказался обоюдным — Эйзенхауэр с сочувствием следил за усилиями Макартура привлечь к армии внимание законодательной и исполнительной власти{121}.

В том же году, видимо, отчасти благодаря усилиям Макартура, в Конгрессе была образована комиссия по военной политике, изучавшая возможность внесения поправки в Конституцию США с целью затруднить бизнесменам извлечение прибыли из войны и поставить всех граждан США в одинаковые условия в случае военного конфликта. Это была явно демагогическая и нереализуемая задача, но общественным мнением приходилось считаться. Макартуру было предложено подготовить для комиссии новый план промышленной мобилизации в случае войны.

Почти случайно, только на основании рекомендаций, он

поручил составление плана Эйзенхауэру, который его представил в конце декабря 1930 года. Документ охватывал вопросы контроля над ценами, внешней торговли, перевода промышленности на военные рельсы, создания государственных организаций для централизованного руководства индустрией, использования рабочей силы и т. д.{122}

Макартур остался доволен. Когда весной 1931 года проходило открытое заседание комиссии Конгресса с участием представителей промышленности, начальник штаба взял на него Эйзенхауэра, и тот произвел благоприятное впечатление на индустриальных магнатов. Так Дуайт приобретал опыт, который через много лет с большой пользой применит, руководя нацией.

Капризный, вечно всем и всеми недовольный, противоречивый в суждениях генерал буквально влюбился в подчиненного. Глубокое впечатление произвели на него деловитость Эйзенхауэра, его умение находить общий язык с представителями разных социальных кругов (особенно промышленниками), деловой стиль общения, простота и убедительность докладных записок. В 1932 году Макартур сделал заметку для официального доклада, которую затем направил Дуайту для сведения: «Дорогой Эйзенхауэр: Величайшие усилия с его стороны. Много лучше, чем я мог бы сделать сам. Я благодарен»{123}.

Такая оценка, с учетом личных свойств генерала, стоила дорого. Примерно тогда же в докладе Военному министерству Макартур написал о майоре Эйзенхауэре пророческие слова: «Это лучший офицер во всей армии. Когда произойдет следующая война, он взлетит сразу на самую вершину»{124}. Эти слова вырвались у него случайно, потому, что он был благодарен Эйзенхауэру. Однако через много лет экстравагантный генерал хвастал, что именно он разглядел в своем подчиненном выдающегося полководца.

Надо признать, что в своих воспоминаниях Эйзенхауэр был значительно менее снисходительным к Макартуру, признавал его крайний эгоизм: «Он никогда не мог увидеть другое солнце на небе». Но не это качество он считал главным у генерала. В интервью Питеру Лайону Дуайт говорил: «У него был огромный интеллект. Господи, он был просто потрясающим. У него действительно был *мозг».* Впрочем, в качестве подтверждения он привел лишь факт, что Макартур, прочитав документ, мог тотчас передать его содержание почти дословно{125}. Думается, этого мало для констатации «огромного интеллекта». Исследования, посвященные генералу Макартуру, показывают, что он не обладал высоким уровнем военно-политического мышления.

В начале тридцатых годов на взаимоотношения Макартура и Эйзенхауэра наложило отпечаток знаменательное событие, резко усилившее стремление последнего до поры стоять вне политики, — «бонусный марш».

По окончании Первой мировой войны всем ветеранам была обещана выплата «бонусов» — разовых пособий, в среднем составлявших тысячу долларов. Оказалось, таких сумм просто нет в казне. Тогда было заявлено, что «бонусы» начнут выплачивать… почти через 30 лет, в 1945 году. Не случайно в народе их стали называть пенсиями для покойников.

Терпеливые ветераны с этим смирились, поскольку послевоенная экономическая ситуация была благоприятной, а с середины 1920-х годов начался бурный хозяйственный подъем. Когда же в условиях кризиса возникла массовая безработица, ветераны вспомнили о «бонусах». По инициативе их организаций в Конгрессе был поставлен вопрос о досрочной выплате и принят соответствующий закон. Президент Гувер наложил на него вето; для его преодоления необходимо было, чтобы за это решение проголосовали две трети членов палаты представителей и сената.

Летом 1932 года безработные ветераны, чтобы повлиять на Конгресс, собрались в Вашингтоне и разбили лагерь в его болотистом предместье Анакостия-Флэтс. Численность участников марша составляла от двадцати пяти до тридцати тысяч человек. Они требовали принятия закона о немедленной выплате причитавшихся «бонусов». Но консервативной администрации Гувера «бонусный марш» представился «угрозой большевизма, атакующей правительство даже в стенах Капитолия», иронически писал Эйзенхауэр через много лет{126}. Тогда, однако, ему было не до иронии. Он видел, что ветераны вели себя спокойно, на государственный строй не покушались, однако вынужден был подчиняться приказам начальства.

А у начальства взыграла кровь. Это был единственный случай, когда Дуайт резко отрицательно отозвался о поведении Макартура: «Не могу понять, как этот чертов дурак смог стать генералом»{127}. Так что, можно сказать, они обменялись любезностями. Разница, правда, заключалась в том, что слова Эйзенхауэра никому известны не были, а ругань Макартура произнесена вслух. В данном случае Дуайт был не очень далек от истины, так как Макартур, как и Гувер, говорил, будто бы «коммунисты надеялись возбудить революционные действия»{128}.

Когда 27 июля 1932 года Гувер приказал ликвидировать ветеранский лагерь, Макартур решил, что полицейских сил для этого недостаточно, и вместе с военным министром Патриком

Херлеем распорядился, чтобы ветераны «немедленно очистили территорию»{129}. Более того, генерал решил лично принять участие в операции и взял с собой Эйзенхауэра в качестве офицера связи. С. Амброз, изучивший многочисленные фотографии, запечатлевшие обоих «на поле боя», отмечает, что на них можно видеть «явно расстроенного Эйзенхауэра и пребывающего в отличном расположении духа Макартура»{130}.

Против ветеранов был применен слезоточивый газ, по приказу Макартура солдаты стреляли в воздух. Эйзенхауэр пытался убедить генерала отказаться от применения оружия, но тот не слушал. Власти сообщили, что убитых и раненых не было. Левая пресса утверждала обратное, сообщая, что среди убитых были даже дети. Осторожно критикуя действия Макартура в связи с «бонусным маршем», Эйзенхауэр замечал, что тот «страдал навязчивой мыслью о необходимости для верховного командира защищать свой образ любой ценой и никогда не признавать свои ошибки»{131}. (Некоторые современные российские авторы, в их числе и профессиональные историки, всячески раздувают события, связанные с разгоном «бонусного марша», используя в качестве источника информации преимущественно коммунистическую прессу; при этом имена Макартура и Эйзенхауэра ставятся в один ряд как виновники «расправы» над ветеранами{132}.)

В данном случае надо отдать должное Макартуру, сделавшему вид, что «не заметил» иной, чем у него, позиции Эйзенхауэра во время разгона «бонусного марша». Через несколько месяцев генерал назначил майора своим личным помощником. Дуайт готовил тексты выступлений, которые его начальник потом произносил, почти не заглядывая в бумагу, так что слушатели думали, что генерал говорил спонтанно. Эйзенхауэр составлял официальные документы, в частности годовые отчеты штаба армии министерству, отражавшие, по словам С. Амброза, ужасное состояние американских вооруженных сил{133}. Буквально нищенский военный бюджет предыдущих лет продолжал сокращаться, даже когда страна стала выходить из кризиса. В 1933 году на военные цели было выщелено 304 миллиона долларов, а в следующем — 277 миллионов. Армия была не в состоянии заказывать новую военную технику. В ее распоряжении имелось лишь 12 танков, произведенных по окончании войны{134}.

Начальник штаба, консервативный республиканец, обвинял во всех бедах не предыдущую республиканскую администрацию во главе с Гувером, а нового президента-демократа Франклина Рузвельта и его «новый курс», который в разгоряченном мозгу

генерала представал как путь Америки к социализму. Эйзенхауэр не разделял это необоснованное мнение, но и он не мог понять, почему администрация Рузвельта не уделяет должного внимания подготовке страны к неминуемой большой войне.

Дуайт вел ожесточенные споры с Милтоном, вторым лицом в Министерстве сельского хозяйства и активным сторонником «нового курса». В спорах участвовал друг Милтона, с которым установил теплые отношения и Дуайт, Гарри Батчер — опытный журналист, руководивший в это время вашингтонским отделением компании Си-би-эс *(Columbia Broadcasting System),* крупнейшей в то время радиовещательной корпорации в стране. Через Милтона и Гарри Дуайт устанавливал связи в разных общественных кругах и сделался известным не только в армейской среде. Иногда далеко за полночь продолжались споры по поводу «нового курса», международных отношений, намерений Германии, где в январе 1933 года к власти пришла Национал-социалистическая партия во главе с Гитлером, выдвинувшая лозунги отмены Версальского мира и военного реванша{135}. Аргументы собеседников были убедительными, и постепенно Дуайт становился сторонником рузвельтовского курса, что прямо противоречило позиции его непосредственного начальника.

На протяжении предыдущих лет службы в штабе Эйзенхауэр многократно просил Макартура отпустить его в войска, но неизменно получал отказы. Между тем приближался срок отставки начальника штаба. Рузвельт и так нарушил традицию, продлив срок пребывания в должности Макартура с четырех до пяти лет; президент стремился подыскать на этот пост такого человека, который бы полностью соответствовал его политическому курсу.

В конце концов новый начальник штаба был найден: генерал Малин Крейг, бывший до этого назначения руководителем того самого высшего военного училища, которое окончил Эйзенхауэр. Действительно, Крейг, в отличие от Макартура, был послушным, но на новом посту он оказался безынициативным, и Рузвельт только и ждал истечения срока его службы. Тем временем была найдена новая, достойная кандидатура — Джордж Маршалл, человек с железной хваткой, преданный президенту, но всегда занимавший самостоятельную позицию. Он почти никогда не улыбался, но умел сострить, причем так, что его остроты больно жалили. Маршалл, сменивший Крейга в 1939 году, прослужил начальником объединенного штаба западных союзников на протяжении всей Второй мировой войны, а после войны занял пост государственного секретаря (министра иностранных дел) и вошел во всемирную историю в качестве главного инициатора

плана послевоенного восстановления Европы.

Филиппинский эксперимент

Эйзенхауэр надеялся, что с отставкой Макартура сможет перебраться в войска. Однако его ожидало предложение того же Макартура, одновременно соблазнительное и внушавшее опасения.

В 1935 году правительство США в соответствии с провозглашенной Рузвельтом политикой «доброго соседа» объявило о предоставлении автономии, а в перспективе и независимости Филиппинам, которые со времени испано-американской войны 1898 года принадлежали США. На выборах 1935 года в стране победила Национальная партия, ее лидер Мануэль Квизон стал премьер-министром, а затем президентом. Узнав, что Макартур остался без работы, и зная его как видного военного деятеля, Квизон предложил ему должность своего советника с задачей сформировать регулярную филиппинскую армию. Размеры своего вознаграждения генерал должен был определить сам. Макартур немедленно принял филиппинское назначение и предложил Эйзенхауэру поехать вместе с ним.

С одной стороны, предложение было заманчивое. Помощнику советника назначался по тем временам высокий оклад — 980 долларов в месяц плюс выделялись средства на представительство и командировки (сумма не оговаривалась и зависела только от добросовестности человека){136}. Но главное, что привлекало Дуайта, — задача создания из представителей отсталых племен регулярной армии, которую необходимо дисциплинировать, вооружить, научить боевому искусству, сделать боеспособной.

С другой стороны, Эйзенхауэру не очень хотелось продолжать службу под руководством вздорного и своенравного начальника. Кроме того, он опасался, что Мейми не перенесет тропический тихоокеанский климат. К тому же было неизвестно, сможет ли Джон, оканчивавший начальную школу, продолжить образование в далекой Маниле.

Взвесив все за и против, Дуайт принял предложение. Макартур был в восторге. Он писал Эйзенхауэру накануне отъезда: «В течение последних нескольких лет я получил целый ряд персональных запросов по поводу Вашей службы от руководителей многих основных армейских служб, которые свидетельствовали, что Вы завоевали репутацию выдающегося солдата. Я могу только сказать, что эта репутация в точности

совпадает с моим собственным мнением»[137].

В американских военных кругах известие о предстоявшем отъезде Макартура и Эйзенхауэра на Филиппины было воспринято с известной иронией. Судачили, что они отправляются на шикарный курорт с обилием слуг и всяческих заморских благ. (Когда, возвратившись с Филиппин, Эйзенхауэр явился к начальнику штаба армии Маршаллу, тот, хмуро глядя на посетителя, произнес: «Научились ли вы, Эйзенхауэр, снова завязывать себе ботинки после того, как вернулись?» Надев на лицо широкую улыбку, Дуайт ответил: «Так точно, сэр. По крайней мере, на это я еще способен»[138].)

В конце 1935 года Эйзенхауэр вместе с Макартуром выехал из Вашингтона в Сан-Франциско, а оттуда на военном корабле отплыл в Манилу.

Радужные надежды, которые побудили Эйзенхауэра отправиться на Филиппины, чтобы провести интересный ему эксперимент по созданию из ничего профессиональной армии, успехом не увенчались. Дуайт считал проведенные там четыре года потерянным временем. Между тем Макартур не только не терял оптимизма, но и громогласно объявлял, что создаст такую армию, причем не затратив лишних средств, что, естественно, особенно нравилось президенту Квизону.

Трудности начались уж в первые месяцы, когда под руководством Эйзенхауэра был составлен план формирования филиппинской армии. Едва взглянув на итоговую стоимость, Макартур приказал сократить ее более чем вдвое — с двадцати пяти миллионов долларов до двенадцати. Возражения Дуайта приняты во внимание не были. Пришлось проводить искусственные сокращения: «ликвидировать» артиллерийские силы, «вооружить» филиппинцев устаревшими американскими винтовками, уменьшить время подготовки солдат и офицеров, а жалованье военнослужащим довести до «расходов на сигареты». Дуайт отмечал в дневнике, что филиппинцы много обещают и мало делают, что среди руководящих чиновников есть люди неглупые, но не понимающие «административной и исполнительской процедуры». Бывало, что филиппинские офицеры соглашались с его доводами, но на следующий день вели себя так, будто вчерашней договоренности не было. Явно сдерживая себя, Дуайт записывал, что это «со всей очевидностью препятствует прогрессу»[139]. Чиновники слаборазвитой страны гораздо быстрее обучались искусству бюрократических проволочек и прямого обмана, нежели эффективному ведению дел.

Но проблемы нарастали не только в общении с

филиппинскими военными и гражданскими лицами — всё труднее становилось работать с непосредственным начальником. Макартур думал в основном о собственных интересах, поддакивал Квизону, отказывался тревожить его «надуманными» просьбами, которые Эйзенхауэр считал жизненно важными для строительства национальной армии. В результате Макартур просто закрыл глаза на то, что его помощник стал обращаться к президенту лично. Более того, видя, что Эйзенхауэр не ищет личных выгод, а озабочен исключительно выполнением своих обязательств, Квизон распорядился предоставить ему кабинет в своем дворце и общался с ним почти каждый день.

Понимая в то же время, что американские советники могут покинуть его страну по любому капризу Макартура, Квизон льстил ему. Макартуру было даже присвоено звание фельдмаршала филиппинской армии (неважно, что ее фактически не было). Когда Макартур под большим секретом рассказал подчиненному о предстоявшей торжественной церемонии возведения его в фельдмаршалы, Дуайт ответил с откровенным скептицизмом и даже грубостью, свидетельствовавшей, что его положение стало довольно самостоятельным: «Вы ведь четырехзвездный генерал. Это действительно то, чем можно гордиться. Но почему, черт побери, вы хотите, чтобы банановая страна дала вам фельдмаршальское звание?» Что именно ответил Макартур, неизвестно. Дуайт рассказывал только, что генерал послал его ко всем чертям{140}. Как выяснилось через несколько лет (об этом Квизон поведал Эйзенхауэру), не президент предложил Макартуру фельдмаршальское звание, а генерал выпросил его{141}.

Около года Эйзенхауэр вел в Маниле «холостяцкую» жизнь: родители решили дать Джону возможность окончить учебный год на родине. Да и Мейми не особенно торопилась на океанские острова. У нее была желудочная болезнь, которую врачи не могли точно диагностировать и действовали в лечении методом проб и ошибок. Наконец летом 1936 года жена и сын отправились к месту службы главы семейства.

Первое, что поразило Мейми, — внешний вид Айка, встретившего их в порту: он был совершенно лысый. Мейми чуть не упала в обморок, но почти моментально поняла, что у него просто начисто выбрита голова — так было легче переносить влажную жару. Вслед за этим, уже будучи готовой к самому худшему, она обнаружила, что отведенная семье квартира не имеет кондиционеров, а по углам ползают насекомые и даже ящерицы. В общем, она с первых дней невзлюбила Филиппины{142}. Впрочем, Мейми в своих рассказах явно

преувеличивала выпавшие на ее долю трудности. Достаточно сказать, что и в США в то время страшно дорогие кондиционеры имелись только в домах миллионеров и офисах государственных служащих самых высоких рангов.

В отличие от матери Джон полюбил Филиппины и считал три года, проведенные на островах, самым счастливым временем своей жизни. Он учился в школе для детей иностранных служащих в Багио, «летней столице» Филиппин (там находится президентский дворец и действуют некоторые общегосударственные административные учреждения). Расположенный в северной части острова Лусон на высоте свыше двух тысяч метров над уровнем моря, во влажных тропических лесах, Багио считался наиболее благоприятным местом для проживания европейцев. Джон легко привык к местным условиям и, к радости Дуайта, стал капитаном школьной теннисной команды. Отец часто брал его в поездки по островам, играл с ним в теннис. Джон всегда выигрывал, и это также радовало отца{143}.

Служебные дела казались Эйзенхауэру всё более бессмысленными. Армейские подразделения, которые удавалось с огромным трудом укомплектовать, оставались полуанархистскими формированиями, приучить их к дисциплине было невозможно. И Макартур, и его помощник понимали стратегическое значение Филиппин. Но всё же приходилось считаться с фактами, состоявшими в том, что требовались по меньшей мере десятилетия упорной работы по просвещению нации, выводу ее из первобытно-общинного состояния. Необходим был длительный период «окультуривания» общества, чтобы его армия могла быть построена на современной основе.

Между тем Макартур, в отличие от Эйзенхауэра, этого не понимал — или делал вид, что не понимает. Он отказывался выслушивать своего советника, пытавшегося объяснить нереальность исполнения их миссии, приходил в негодование и попросту выгонял его. Дуайт исправно выполнял обязанности, но просил отпустить его на родину — и регулярно получал отказы. В конце концов он перестал унижаться, повторяя то, что уже было сказано не раз. Он записал в дневник: «Я лично объявлял, что готов в любой момент возвратиться в армию Соединенных Штатов. Генерал знает это, если он вообще знает хоть что-нибудь, и я полагаю, что я не должен выдвигать эту проблему на первый план и говорить о ней вновь и вновь»{144}. Со временем он перестал разъяснять Макартуру и тщетность их усилий. Много позже он вспоминал, что перестал ставить «этот вопрос» (о невозможности сформировать регулярную филиппинскую армию в обозримом будущем), хотя он «всё время возвращался в мое

сознание»[145].

Макартур, не высказывая открыто своих симпатий к нацистскому режиму, на практике вел себя подобно гитлеровским военачальникам, в то время как Эйзенхауэр в дискуссиях с европейскими представителями в Маниле постоянно подчеркивал свои антинацистские взгляды, высказывал сочувствие германским евреям, с самого прихода нацистов к власти подвергавшимся преследованиям и унижениям.

Наиболее трезвые умы приходили к выводу, что вскоре настанет время, когда германские евреи будут просто истреблены. В этих условиях небольшое еврейское население архипелага (чуть больше пятисот человек)[146] образовало общественную организацию, ставившую целью спасение евреев Германии: ее члены (среди них были богатые промышленники и торговцы) подыскивали места жительства и работы для беглецов от нацизма в странах Азии, в том числе на Филиппинах. Зная взгляды Эйзенхауэра, они предложили ему оставить военную службу и за высокое вознаграждение возглавить работу по организации эмиграции из Германии, имея в виду, что вслед за азиатским регионом его деятельность распространится на европейские страны[147].

Предложение соответствовало внутренним порывам Эйзенхауэра, однако после некоторых колебаний было отклонено, ибо отказ от военной службы в армии США был для него немыслим. Помимо этого, он скептически относился к перспективе спасения евреев Германии в реальных условиях второй половины 1930-х годов, понимая, что выехать смогут только богатые люди ценой отказа от основной части своего состояния в пользу гитлеровского государства, что средства филиппинской организации крайне ограниченны, а либералы Западной Европы и США в основном произносят лозунги о помощи, но не готовы предпринять конкретные действия.

О своем отказе Эйзенхауэр с горечью вспомнил через восемь лет, когда стало известно о гитлеровских планах полного уничтожения европейских евреев, а сам он был одним из первых военачальников, воочию увидевших концлагеря, и первым, кто отдал распоряжение о сборе документов и фотографий, свидетельствовавших о фашистских зверствах, — для суда над бандитами и в качестве назидания потомству.

Тогда, в тридцатые годы, Дуайт не принял предложение покинуть армию. Считая неизбежными войну и вмешательство в нее США, он надеялся на свое активное участие в военных действиях. Грустно звучит, что кто-либо может надеяться на войну. Но, увы, война — наиболее благоприятное время для того,

чтобы показать свои способности, выучку, выдвинуться сообразно заслугам или даже благодаря случайности.

Эйзенхауэр спокойно и, пожалуй, даже с некоторым вожделением приглядывался к нараставшей опасности. На Филиппинах его посетил старый знакомый Трои Миддлтон, участник Первой мировой войны, командир полка, которого высоко ценило начальство. Трои сообщил, что ему предлагают высокую должность в Луизианском университете. Дуайт всячески отговаривал его, мотивируя как раз тем, что приближается война. Тем не менее Миддлтон ушел в отставку и занял престижную должность. Когда же началась Вторая мировая война, он возвратился в армию и проявил высокие боевые качества. Начальник штаба Д. Маршалл, намереваясь произвести его в генералы, испросил мнение Эйзенхауэра. «Не делайте этого, — ответил тот. — Он покинул нас, когда нам было трудно». От своего намерения Маршалл отказался{148}.

Можно по-разному оценивать позицию Эйзенхауэра в этой коллизии, но одно безусловно — его верность военному флагу.

Начало Второй мировой войны застало Эйзенхауэра на Филиппинах. Свои чувства он выразил в нескольких письмах. 3 сентября, когда Великобритания и Франция после двухдневных попыток уговорить Гитлера прекратить начатое двумя днями ранее наступление на Польшу объявили Германии войну, Дуайт писал Милтону: «После многих месяцев лихорадочных попыток умиротворить и успокоить сумасшедшего, который правит Германией, англичане и французы оказались в тупике, из которого могли выбраться, только начав воевать». Он не жалел самых резких слов в адрес германских властителей, и прежде всего Гитлера. Они звучали скорее не оценочными суждениями, а эмоциональными ругательствами. Дуайт, как и масса других людей, гордившихся европейской цивилизацией, чувствовал себя обманутым из-за того, что народ, который «гордо считал себя разумным, дал возможность сложиться нынешней ситуации», и предсказывал: «Если Гитлеру не удастся овладеть всем миром при помощи грубой силы, конечным результатом будет ликвидация Германии как единого государства»{149}.

Контракт с правительством Филиппин истекал 13 декабря 1939 года. Дуайт с нетерпением считал оставшиеся дни. Он отказался от предложения Квизона, поддержанного Макартуром, продлить пребывание в Маниле. Он вспоминал, что заявил своему начальнику: «Я хочу быть там, если то, чего я боюсь, действительно произойдет»{150}. Если Эйзенхауэр в самом деле произнес эти слова, то слукавил: он не боялся вступления США в европейскую войну, а желал этого и по политическим, и по

моральным причинам. Уничтожить нацизм как систему, прямо противоположную демократии, освободить от Гитлера народы Европы, в том числе немецкий народ, проявить себя на поле боя, а не в штабной суматохе — таковы были мысли, владевшие Дуайтом.

С Макартуром он расстался без сожаления. Открытой вражды между ними не было, но отношения настолько охладели, что оба позже не жалели язвительных ремарок в адрес друг друга. Макартур называл Эйзенхауэра «всего лишь клерком», намекая на его штабные методы работы. Более сдержанный Эйзенхауэр подытожил свою службу под руководством Макартура словами: «О да, я узнал, что такое драматические спектакли, во время семилетней службы под началом Макартура». Они встретились еще только пару раз — уже после войны. Встреча в 1946 году получилась холодной и официальной. Эйзенхауэр в то время был начальником штаба армии, Макартур — командующим оккупационными силами в Японии. С. Амброз справедливо отмечает: «В 1939 году Макартур предсказал Эйзенхауэру блестящее будущее, но, когда он [в тот раз] попрощался, он никак не думал, что дело зайдет так далеко»{151}. И, уж конечно, он никак не думал, что «дело» дойдет до президентства его бывшего подчиненного.

Эйзенхауэры возвратились на родину как раз тогда, когда Джон окончил школу и ему надо было определять жизненный путь. Дуайт уговаривал сына стать юристом или врачом. Не исключалась и карьера бизнесмена. Но в глубине души он мечтал, что сын пойдет по его стопам. Он был обрадован, когда Джон отверг предложение своего дяди Эдгара оплатить его учебу на юридическом факультете при условии, что по окончании университета он включится в работу его процветающей адвокатской конторы в Такоме, штат Вашингтон. Джон твердо решил поступать в военную академию в Вест-Пойнте.

Карьерный рост в условиях новой мировой войны

По возвращении в США военная карьера Эйзенхауэра пошла, наконец, по тому руслу, которое он для себя намечал, когда начал служить. Он был назначен командиром батальона 15-го пехотного полка 3-й дивизии и одновременно *regimental executive* (что очень приблизительно может быть переведено на русский язык как «помощник командира полка для особых поручений»). Дуайт с энтузиазмом приступил к исполнению новых обязанностей, которые полностью соответствовали его планам. В

одном из писем он признавался: «Я замерзаю по ночам, никогда у меня нет времени, чтобы поспать подряд больше чем полтора часа, и временами я чувствую себя без сил — но всё это для меня прекрасно… Я принадлежу армии и счастлив»{152}.

Радовали и успехи сына. Во время организованного сенатором от штата Канзас Артуром Кэппером отбора кандидата на получение рекомендации для обучения в Вест-Пойнте Джон оказался на первом месте и по сенатскому лимиту легко поступил в академию. Возвращение на родину положительно повлияло на здоровье Мейми, которая возобновила обустройство дома и благотворительные инициативы.

Тем временем нацистская Германия продолжала безостановочный поход в Европе. Под властью Третьего рейха оказались Австрия, Чехословакия и Польша. Летом 1940 года после молниеносного наступления вермахта пала Франция, десятью годами ранее считавшаяся сильнейшей державой на континенте. Одновременно были захвачены Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Вскоре прекратили сопротивление Дания и Норвегия. Напуганные правители других европейских стран — Венгрии, Румынии, чуть позже Болгарии — спешили присоединиться к блоку агрессоров. Развернулась воздушная «битва за Англию» — германская авиация совершала массированные налеты на английские города.

Эйзенхауэр внимательно следил за развитием военной ситуации, отлично понимая, что в конечном итоге США придется вмешаться в европейскую войну, поскольку в противном случае после завоевания Западной, Центральной, Восточной Европы взоры нацистов обратятся за океан. Он полностью поддерживал начальника штаба армии Д. Маршалла, который доказывал президенту Рузвельту, избранному в 1940 году на третий срок, необходимость создания массовой армии, вооруженной современными средствами ведения войны, важность подготовки ее к участию в тяжелейших боевых операциях.

Выполнение этих задач началось с большим опозданием, уже в условиях войны в Европе, но осуществлялось быстро. Если в 1939 году численность американской армии составляла 190 тысяч человек, то в 1942-м она достигла пяти миллионов. Постепенно вооруженные силы получали современные средства ведения войны. Серьезным недостатком было отсутствие боевого опыта.

Эйзенхауэр на своем пока не очень высоком посту прилагал все силы, чтобы подготовить солдат и офицеров к будущим битвам, проводил тактические занятия, порой доводя подопечных до изнеможения. Он считал, что и офицеры, и солдаты должны

воевать сознательно, поэтому лишал их свободного времени, читая лекции о положении в Европе и об опасности гитлеровских планов. Он был убежден, что «американцы не смогут воевать с максимальной эффективностью, если не будут понимать, почему и с какой целью им отдаются приказы»{153}. Неизвестно, знал ли он суворовский девиз «Тяжело в учении — легко в походе», но действовал в соответствии с ним.

Обучая солдат и офицеров, Дуайт учился сам. В переписке он признавался, что во время маневров осознал необходимость не только увеличения числа транспортных средств полка, но и налаживания устойчивой радиосвязи между подразделениями{154}.

Между тем в американских вооруженных силах после недолгого возбуждения, связанного с падением Франции, вновь наблюдалось успокоение. Стали поговаривать, что европейские дела не сильно касаются Америки, что она может существовать без политической связи со Старым Светом, а торговлю вполне можно вести с «новой Европой Гитлера». Такие мысли подчас выражали и высокопоставленные чиновники, например посол США в Великобритании Джозеф Кеннеди, отец будущего президента{155}.

Эйзенхауэру были чужды эти взгляды. Он вновь и вновь убеждал и своих подчиненных, и начальство, что Америка не сможет остаться вне мирового конфликта. Более того, он настаивал на такой подготовке США к войне, чтобы они смогли сыграть решающую роль в спасении Европы от нацистской чумы. Он выражал уверенность, что «население Америки, если только его хорошенько встревожить, проявит уверенность, решительность, станет мощной лавиной, и наша задача состоит именно в том, чтобы ускорить подготовку к этому!»{156}. С. Амброз рассказывает, что знакомые стали называть его «Айк, сеющий тревогу»{157}.

Дуайт был обрадован, когда его старый друг Джордж Паттон в сентябре 1940 года сообщил о формировании впервые в американской армии танковой бригады, которой ему поручено командовать. Паттон спрашивал, не согласится ли он стать заместителем командира, начальником штаба или командиром одного из полков. Ответ был послан немедленно: Эйзенхауэр предпочел третий вариант и выразил надежду, что сможет «выполнять чертову работу по командованию полком хорошо»{158}.

Радость, однако, была преждевременной. Эйзенхауэр уже имел репутацию опытного штабного офицера. К тому же Рузвельт в последние месяцы произвел в бригадные генералы десяток

офицеров, тогда как Дуайт оставался подполковником. Опасение, что командовать полком в экспериментальном формировании ему вряд ли поручат, подтвердилось: в середине ноября он получил телеграмму от Леонарда Джироу, только что произведенного в генералы и назначенного начальником отдела военного планирования в Министерстве армии. Джироу предлагал Эйзенхауэру службу в этом отделе и требовал немедленного ответа. Вначале Дуайт был потрясен тем, что его «танковые намерения» опять рушатся. У него даже возникло кожное заболевание, что-то вроде опоясывающего лишая, который медицина часто связывает с крайним нервным напряжением, и он вынужден был провести несколько дней в постели.

Он ответил Джироу длинным письмом, вежливо поблагодарив за предложение и дав понять о предпочтительности продолжения службы в войсках. «Я способен исполнять командную службу», — убеждал он генерала. Но всё же из осторожности Дуайт завершил письмо уверением, что если Джироу будет настаивать, он перейдет на штабную работу и будет выполнять задания добросовестно, хотя, «честно говоря, устал, в течение многих лет ожидая назначения на службу в войсках».

Теперь Эйзенхауэр ждал, что решит высокое начальство: оставит его в штате Вашингтон или переведет в столицу, город Вашингтон. Решение вопроса затянулось. Тем временем в марте 1941 года Дуайт стал начальником штаба 9-го армейского корпуса, расположенного в штатах Вашингтон и Калифорния. Поскольку он занимал высокую должность, ему временно было присвоено звание полковника.

Хотя он опять служил в штабе, Дуайт был удовлетворен, поскольку продвижение по армейской службе наконец-то началось. Более того, с этого времени его карьера стремительно пошла в гору. Правы были сослуживцы-офицеры, приглашенные Дуайтом на выпивку в честь получения звания, которые с оттенком лести предрекали, что близится время, когда на его плечах появятся генеральские звездочки. С наигранной скромностью Айк писал сыну: «Черт побери, как только ты получаешь повышение, они начинают болтать о следующем. Почему они не дают мне радоваться тому, что у меня есть?»{159}

Действительно, всего лишь через три месяца, когда Эйзенхауэр не успел еще толком разобраться с делами корпуса, последовало новое повышение. В июне 1941 года он был назначен начальником штаба 3-й армии. Дуайту пришлось отправляться к новому месту службы, в форт Сэм-Хьюстон, где он когда-то служил лейтенантом.

В штаб армии Дуайт вместе с женой прибыл как раз в 25-ю годовщину их бракосочетания, 1 июля 1941 года, поэтому отпраздновать серебряную свадьбу они не имели возможности. Дело ограничилось подарком, который временный полковник, всё еще вынужденный считать деньги, сделал жене: платиновыми часами с крохотными бриллиантами. Эти часы Мейми носила до конца своих дней{160}.

Не тратя попусту ни часа, Эйзенхауэр приступил к исполнению новых обязанностей. Между тем масштабы Второй мировой войны резко расширились, Германия напала на СССР. Значительная часть американского истеблишмента не верила в возможность Советского Союза продержаться хотя бы несколько месяцев. Только после визита в Москву личного представителя Рузвельта Гарри Гопкинса это мнение стало постепенно изменяться. Гопкинс пришел к выводу, что ни Москву, ни Ленинград не сдадут немцам, хотя это будет стоить огромных потерь{161}.

Эйзенхауэр узнавал обо всех этих событиях преимущественно по радио и из газет, хотя некоторая информация поступала и от командующего армией, получавшего секретные сообщения. Так или иначе, его убежденность, что участие США в мировой войне не за горами, только усиливалась.

Серьезным испытанием для него были маневры 3-й армии в штате Луизиана в августе — сентябре 1941 года. Согласно плану учений 3-я армия наступала (в «боевых» действиях участвовали 240 тысяч человек), тогда как 2-я армия (180 тысяч) занимала оборонительные позиции. Дуайт писал накануне отправки в Луизиану: «Все старики здесь твердят, что мы отправляемся в проклятое Богом место… Но всё же я хочу отправиться на поле, и это меня не очень заботит»{162}.

Эйзенхауэр относился к происходившему на «поле боя» с величайшим вниманием. На всём протяжении учений он находился непосредственно за передовой линией своей армии, каждое утро проводил совещания с командирами, анализировал ошибки, хвалил тех, кто принял остроумные решения. Он впервые столкнулся с «акулами пера» — журналистами, которые ежедневно и подробно освещали ход событий. Корреспондентам понравилась манера поведения полковника — его готовность отвечать на любые вопросы без попыток уклониться от них, его выносливость и усердие. У Дуайта начинало вырабатываться умение общаться с прессой, которое вскоре ему очень пригодилось.

Итог учений был подведен штабом Маршалла. Вывод был однозначен: если бы речь шла о настоящей войне, 2-я армия была

бы уничтожена. Этот вывод был опубликован в прессе, в том числе в корреспонденциях одного из наиболее авторитетных американских журналистов Дрю Пирсона. При этом неизменно упоминался Эйзенхауэр в качестве начальника штаба «победоносной» армии{163}.

Роль Эйзенхауэра была соответствующим образом оценена высшим начальством. В конце сентября появилось распоряжение Рузвельта о временном присвоении ему звания бригадного генерала.

Последовавшие за учениями месяцы новоиспеченный генерал посвятил преодолению недостатков, обнаруженных во время наступательной операции. Дуайт, как он уже привык, продолжал работать и в воскресенье 7 декабря 1941 года. Он сильно устал и, придя домой, крепко уснул.

Не прошло и часа, как его разбудили штабные работники, чтобы сообщить страшную новость: японские самолеты нанесли сокрушительный удар по американскому флоту. Поступившая из военного ведомства срочная информация состояла из ряда сообщений о бомбардировках судов, находившихся в бухте Пёрл-Харбор — на главной американской военной базе на Тихом океане, рядом с самым крупным городом Гавайского архипелага Гонолулу.

Нападение было внезапным. Утром Рузвельту принесли очередную пачку перехваченных и расшифрованных японских документов, ознакомившись с которыми, он сделал вывод: «Похоже, что японцы собираются разорвать отношения»{164}. Президент явно недооценил намерения восточного союзника Германии. Еще двумя неделями ранее японские авианосцы покинули свои порты и направились к Гавайям, Филиппинам, островам Гуаму, Мидуэю, Уэйку, где находились американские войска.

Две волны самолетов, поднявшихся с кораблей над Пёрл-Харбором (свыше 250 машин), обрушили удар смертоносной силы. Были затоплены или выведены из строя пять линкоров (три остальные повреждены) и три эсминца. Американцы потеряли около 350 самолетов. К счастью, не пострадали авианосцы: три находились в открытом море, четвертый был на ремонте в Калифорнии.

Таким образом, Соединенные Штаты оказались вовлечены во Вторую мировую войну. Через шесть часов после нападения американским военным кораблям было приказано начать боевые действия в Тихом океане против Японии. 11 декабря Германия и Италия объявили войну США.

Эйзенхауэр предполагал, что его армия, недавно проявившая

высокие боевые качества, будет вскоре направлена на один из главных участков противостояния на суше, которые, он был уверен, развернутся на тихоокеанских островах. Он начал немедленную подготовку к отправке войск. Однако через пять дней в его кабинете раздался телефонный звонок из Вашингтона. Полковник Уолтер Беделл Смит, секретарь начальника Генерального штаба (так теперь стал называться штаб армии) Маршалла, передал приказ немедленно явиться в Вашингтон. Полагая, что Маршалл поведет с ним разговор об обороне Филиппин, ибо совсем недавно он занимался созданием армии архипелага, Дуайт на скорую руку собрал необходимые материалы и на специальном самолете вылетел в столицу{165}.

Из-за крайне сложных метеорологических условий пилот вынужден был посадить машину в Далласе. Улучшения погоды не предполагалось, и пришлось добираться поездом. Прибыв, наконец, в столицу через двое суток после вызова, Эйзенхауэр немедленно отправился в Военное министерство, в то время располагавшееся на Конститьюшн авеню в центре города[5].

Джордж Маршалл принял бригадного генерала немедленно. Он кратко обрисовал невеселую ситуацию и немедленно потребовал предложений о дальнейших действиях американской армии. Конечно, чтобы сформулировать их, надо было внимательно ознакомиться с теми пока еще скудными материалами, которыми располагал Генеральный штаб. Можно не сомневаться, что Маршалл и не ожидал немедленного вразумительного ответа — это была еще одна проверка качеств Эйзенхауэра как военного стратега. Когда Дуайт после краткого замешательства сказал, что ему понадобится несколько часов, Маршалл был удовлетворен. Очевидно, именно такой ответ он рассчитывал услышать. Для Эйзенхауэра уже было приготовлено место в Генеральном штабе.

Написав на листе бумаги: «Шаги, которые необходимо предпринять», — генерал глубоко задумался. Он понимал, что вести разговор о высадке в Европе бессмысленно — США не обладали необходимыми силами, для подготовки такой десантной операции требовалось длительное время. Речь могла идти только о военных действиях в Океании. Эйзенхауэр учитывал также, что лишь чудо может спасти Филиппины и некоторые другие островные территории от японской оккупации. Со стратегической точки зрения правильнее всего было бы просто передислоцироваться в Австралию и накапливать силы для будущего контрнаступления. Это, однако, означало бы позорный отход американской армии без попыток сопротивления.

Поэтому набросок стратегического плана, написанный

Дуайтом (на раздумья и уточнение формулировок ушла вся ночь), предусматривал создание мощной военной базы в Австралии, переброску на Филиппины и Гавайи большой партии самолетов и других видов вооружения, чтобы хотя бы временно сдержать наступление японцев. Появившись в кабинете Маршалла на рассвете, Эйзенхауэр положил на стол машинописный текст плана. «Я согласен с вами, — заявил Маршалл. — Теперь вы должны осуществить всё это наилучшим образом».

Маршалл забирал Эйзенхауэра в свой штаб, в отдел военного планирования, где ему предстояло стать заместителем начальника секции Филиппин и Дальнего Востока (начальником был его старый знакомый Леонард Джироу). Прежде чем выпроводить ошарашенного Дуайта из своего кабинета, Маршалл перегнулся через огромный стол и, глядя холодными глазами на подчиненного, произнес: «Эйзенхауэр, в нашем департаменте много способных людей, которые хорошо анализируют порученные им проблемы, но всегда боятся представить мне решения для окончательного утверждения. Мне необходимы помощники, которые будут сами решать проблемы и только затем докладывать мне, что ими было сделано»{166}. Тем самым жесткий руководитель Генерального штаба давал Эйзенхауэру возможность обращаться к нему напрямую, минуя двух вышестоящих начальников.

Но, несмотря на это, он продолжал холодно обращаться с Дуайтом. Впрочем, такая манера поведения была ему свойственна в отношении не только подчиненных, но даже Верховного главнокомандующего, то есть президента страны. Рассказывали, что Рузвельт во время их первой встречи приобнял генерала, только что назначенного начальником штаба, и назвал его по имени. Вздрогнув, «Джордж» отстранился, вытянулся по стойке смирно и произнес: «Меня зовут генерал Маршалл». С этого момента вплоть до своих последних дней Рузвельт именно так обращался к начальнику Генерального штаба{167}.

Эйзенхауэра Маршалл всегда называл по фамилии. Только раз, в 1945 году, во время парада победы в Нью-Йорке, у него вырвалось «Айк»; чтобы продемонстрировать, что это была оговорка, несколько раз последовало обращение «Эйзенхауэр». Лишь после избрания его бывшего подчиненного руководителем страны высокомерное «Эйзенхауэр» сменилось почтительным «мистер президент».

В то же время Маршалл неоднократно подчеркивал, что с самого начала совместной работы ценил Эйзенхауэра за умение сосредоточивать внимание на возможностях, а не на трудностях{168}. Дуайт, в свою очередь, считал Маршалла

идеальным начальником Генерального штаба, несмотря на то, что не раз, получив очередной отказ согласиться с его стратегическим решением, посылал Маршалла к черту. В то же время любая похвала Маршалла придавала ему новые силы. Как-то в 1942 году он произнес: «Я бы не променял одного Маршалла на пятьдесят Макартуров», — а затем, чтобы обратить свои слова в шутку, добавил: «Господи, а что бы я делал с полусотней Макартуров?»{169}

Получилось именно так, как предполагал Маршалл. Непосредственным начальником Эйзенхауэра был Джироу, способный штабной работник, но стремившийся не принимать окончательных решений. В самом начале своей работы в Генеральном штабе Эйзенхауэр соблюдал субординацию: намечал тот или иной план и передавал его Джироу, предполагая, что тот просто вручит его Маршаллу. Но Джироу задерживал наработки Дуайта у себя, изучал их «с увеличительным стеклом», изменял утверждения на предположения и в таком виде докладывал. Когда Дуайт попробовал возразить, Джироу по-дружески сказал: «Это решение особенно важно. Он должен принять его сам»{170}.

Осторожность Джироу привела к переводу его на другую службу и назначению на его место Эйзенхауэра. Так Дуайт менее чем через два месяца после начала штабной работы поднялся на одну ступень вверх и получил не только фактическое, но и формальное право иметь дело непосредственно с Маршаллом.

Между тем его опасения, что Филиппины невозможно удержать, несмотря на отправку подкреплений, полностью подтвердились. Во второй половине декабря крупные японские силы высадились к северу от Манилы. Макартур не пытался сопротивляться, да и не мог это сделать, потому что в Вашингтоне было решено сдать Филиппины, сосредоточив основные силы на других фронтах. Вначале Макартур перенес свой штаб на превращенный в крепость остров Коррехидор, преграждавший вход в Манильский залив, но после неудач в боях за остров в начале мая 1942 года отдал приказ об эвакуации американских войск с архипелага в Австралию.

Не распространяясь на эту тему публично, Дуайт записал в дневнике: «Я всё еще думаю, что он мог проявить себя лучше на берегах и в проливах», — и тут же добавил: «Но он всё же герой»{171}. Эйзенхауэр добивался, чтобы Макартуру запретили эвакуацию, требовал отправки ему подкреплений, но тщетно. Между тем сам Макартур именно Эйзенхауэра считал виновником своего поражения, не называя его имени открыто, но обвиняя «безликих штабных офицеров в Вашингтоне». Об этом он, уже не скрывая фамилии своего бывшего подчиненного, которого

теперь считал главным врагом, говорил Ф. Ханту, который опубликовал все эти обвинения в книге «Макартур и война против Японии»{172}. Это была сенсация, ибо книга Хаита появилась, когда Эйзенхауэр возглавлял союзные экспедиционные силы, осуществлявшие высадку на французском побережье Нормандии. Книга имела цель опорочить полководца, на которого с обожанием смотрели теперь не только граждане США, но и все те, кто стремился к скорейшему уничтожению «коричневой чумы».

Положительный образ Эйзенхауэра разрушен не был. Но сам он, просмотрев книгу, написал Маршаллу, значительно исказив смысл откровений Макартура — приписав тому прежде всего обвинения в адрес начальника штаба: «Книга, по сути дела, привела меня в негодование… Вы удивились бы, узнав, что зимой 1941/42 года Вы и Ваши помощники в военном ведомстве нимало не позаботились о Филиппинах и о силах, которые там сражались»{173}. Как видим, он и сам не был лишен мстительности и соответствующим образом настраивал Маршалла. В то же время, переадресовывая Маршаллу вину за падение Филиппин, он был прав в том смысле, что высшее руководство США в лице президента Рузвельта и окружавших его политиков и военных считало главным противником Германию, а не Японию, тогда как сам Эйзенхауэр в соответствии со своими должностными обязанностями исправно докладывал о катастрофическом положении на архипелаге, но на его доклады особого внимания не обращали.

Первые месяцы после переезда в Вашингтон (в прямом смысле слова никакого переезда не было — он приехал в столицу с одним портфелем) Дуайт жил на окраине, в доме Милтона, супруга которого Элен позаботилась о самом необходимом для родственника. Брату и невестке он не докучал — машина из штаба приезжала за ним на рассвете, а возвращался он глубокой ночью, а иногда оставался ночевать в рабочем кабинете (на этот случай в шкафу хранилось постельное белье для дивана).

Убедившись, что пребывание в столице затянется надолго, Дуайт вызвал жену, которая присоединилась к нему в феврале 1942 года. Сержант Микки Маккауф, который занимался бытовым обслуживанием бригадного генерала и по его поручению помогал его супруге в переезде, рассказывал, что Мейми была поражена переменой, произошедшей с мужем за короткое время разлуки: «Весь его облик отражал усталость… Его голос был усталым, как и его лицо»{174}.

Вскоре с помощью Элен Мейми нашла подходящую небольшую квартиру в центре города. Теперь Айк мог хотя бы

изредка приезжать домой днем для краткого отдыха.

Десятого марта 1942 года скончался Дэвид Эйзенхауэр. Айк, считавший, что находится на войне, не присутствовал на похоронах. Он уже долгое время не встречался с родителями и совершенно от них отвык. Увлеченность делом подчас ведет к ослаблению элементарных человеческих чувств, сердца людей черствеют. У Эйзенхауэра эта черта проявлялась избирательно: он на всю жизнь сохранил нежные чувства к жене, заботу о сыне, расположение к младшему брату Милтону, а для родителей и остальных братьев места в его душе почти не осталось. Он только сделал в дневнике запись о смерти отца. Правда, на следующий день, как бы стыдясь своей холодности, он написал: «Война — такая жестокая вещь, что не дает возможности погрузиться в самые глубокие и святейшие эмоции». 12 марта, в день похорон, он на полчаса заперся в кабинете и написал нечто вроде некролога. Он вспоминал «кристальную честность» Дэвида, независимость его суждений, спокойные манеры. «Я горд, что он был моим отцом»{175}.

Эти слова были искренними, но память об отце почти сразу отошла в прошлое, заслоненная трудоемкими и кропотливыми служебными задачами. И всё же они оставляли место для раздумий о том, что он может просидеть за штабным столом до завершения войны (Эйзенхауэр был убежден, что завершение возможно только одно — полный разгром блока агрессоров).

Порой досада, что он «протирает штаны», подобно чиновникам (к этому слою он относился без уважения, хотя и понимал его необходимость для решения государственных задач), выливалась наружу даже в общении с Маршаллом. Однажды начальник штаба стал выговаривать Эйзенхауэру: «Я знаю, что один генерал рекомендовал вас на должность командира дивизии, а другой — на командира корпуса[6]… Я рад, что они такого мнения о вас, но вам надо оставаться здесь и выполнять свои обязанности. Вот и всё!» Почти ничего нового Дуайт не услышал, подобные увещевания бывали и прежде. Но на сей раз Маршалл добавил, что и на штабной работе возможны повышения в звании. Видно, именно в связи с этим замечанием воинственная натура Айка взыграла. Он покраснел и произнес то, что в армии говорить начальству не полагалось: «Генерал, я с интересом выслушал то, что вы сказали, но хочу, чтобы вы знали, что я нимало не забочусь по поводу ваших планов моего продвижения. Я пришел в свой кабинет с полевой службы и стремлюсь выполнять свои обязанности… Если это привяжет меня к столу до конца войны, так тому и быть!» Затем он развернулся и, не ожидая разрешения начальства, строевым шагом направился к

двери. Правда, по дороге Айк одумался, понял, что может поломать свою карьеру, вновь повернулся и извинился за эмоциональное поведение{176}.

Всё это Эйзенхауэр вспоминал в мемуарах, которые в основном подтверждаются записью в дневнике после этого примечательного разговора. Впрочем, в дневнике нет замечания, имевшегося в воспоминаниях: что он заметил легкую улыбку в уголках губ Маршалла{177}, обычно не улыбавшегося. Именно после этого инцидента Маршалл представил Эйзенхауэра к очередному временному званию генерал-майора. Обрадованный Дуайт записал в дневник: «Это означает, что, когда я наконец возвращусь назад в войска, я получу дивизию»{178}.

Можно не сомневаться, что прозорливый начальник Генерального штаба видел в новоиспеченном генерал-майоре именно полевого командира, а не штабного работника, хотя и высоко ценил его преданность делу, методичность и оригинальные решения. Возможно, именно для того, чтобы еще раз проверить качества Эйзенхауэра и как штабиста, и как потенциального руководителя крупными воинскими соединениями в боевой обстановке, Маршалл взял его с собой на первую встречу с высшими британскими военными. При этом именно Эйзенхауэру было поручено сделать доклад об организации войск в глобальной войне. За этим последовало новое должностное повышение.

В начале марта генштабовский отдел военного планирования был преобразован в оперативное управление с более широкими полномочиями, а Эйзенхауэр назначен его начальником, то есть фактически вторым лицом в Генштабе. Под его началом работали свыше ста офицеров, в том числе имевшие высокие звания. Управление Эйзенхауэра стало «командным постом» Маршалла{179}.

Бригадный генерал Лусиан Траскотт, направленный в мае 1942 года в Объединенный штаб союзников в Лондоне, перед отъездом явился к Эйзенхауэру и провел день в его управлении. Он вспоминал, с каким вниманием слушал дискуссии между офицерами оперативного управления и как был поражен при виде бесконечной цепи работников других управлений министерства, военно-морских офицеров, конгрессменов и всевозможных иных лиц, прошедшей через кабинет Эйзенхауэра задень, и теми спокойствием и вниманием, с которыми хозяин кабинета выслушивал визитеров, проявляя «экстраординарную способность моментально обращать внимание на самую значимую часть проблемы или слабое место любого предложения». Эйзенхауэр, по словам Траскотта, обладал «великолепными манерами и

постоянно оставался в хорошем настроении»{180}. Это было мнение о человеке, который при необходимости становился грубым, не гнушался непристойных выражений, нередко проявлял гнев, раздражение и нетерпение. Воспоминания Траскотта свидетельствуют, что Эйзенхауэр к этому времени научился при необходимости держать себя в руках и производить благоприятное впечатление.

В то же время Эйзенхауэр всё более критично относился к некоторым военным в высоких чинах и даже к целым подразделениям военных министерств. Особенно он невзлюбил командующего американским флотом адмирала Эрнеста Кинга, который, по общему мнению, был талантливым флотоводцем, хотя нередко позволял себе настолько самостоятельные решения, что они нарушали общий замысел крупной операции{181}. Скорее всего, именно поэтому Эйзенхауэр относился к нему с постоянным подозрением, иногда оправданным, но чаще беспочвенным. В дневнике Эйзенхауэра встречаем неприязненную оценку: «…любящий действовать произвольно, упрямый тип, у которого немного ума, но зато тенденция оскорблять подчиненных». Отталкиваясь от примера Кинга, Дуайт размышлял о стиле современной войны, в основу руководства которой должны быть положены решения и действия коллектива единомышленников и ни один человек «не может стать Наполеоном или Цезарем»{182}. Разумеется, в такой оценке была лишь часть правды, ибо после коллективной выработки решений на войне решающий приказ отдает один человек, несущий личную ответственность за операцию. Именно так будет поступать сам Эйзенхауэр на полях сражений.

Более основательные претензии предъявлялись Дуайтом некоторым подразделениям Генштаба, в частности разведывательному управлению G-2. Изучив кадровый состав управления, он пришел к выводу о его «шокирующих недостатках». В управлении, особенно в его представительствах за рубежом, служили «джентльмены, приемлемые в [высшем] обществе», зачисленные туда благодаря финансовому положению их самих или их родственников. В результате доклады, которые Эйзенхауэр получал от разведки, были неточны, а иногда просто полны фантазий. Он с негодованием записал в дневнике, что военный атташе США в Румынии (и одновременно сотрудник разведывательного управления) сообщил, будто Гитлера разгромить невозможно, поскольку тот держит в резерве 40 тысяч самолетов. Поскольку как раз в это время немцы потерпели первое крупное поражение под Москвой, Эйзенхауэр выразил обоснованное сомнение в целесообразности решения, по

которому мощные военно-воздушные силы США не вводятся в боевые действия, а прозябают в резерве. Приказано было тщательно проверить полученные данные. Оказалось, что доклад сотрудника G-2 из Румынии был выдумкой{183}. Последовал рапорт Эйзенхауэра Маршаллу, и по распоряжению последнего было начато совершенствование разведывательной службы.

Тем временем приближались первые реальные военные действия вооруженных сил США против фашистского блока.

Глава четвертая. БРИТАНСКАЯ МИССИЯ

Стратегические планы

Союзники по антигитлеровской коалиции начали разрабатывать согласованные планы на состоявшейся в Вашингтоне конференции под кодовым названием «Аркадия», продолжавшейся с конца декабря 1941 года до середины января 1942-го, что было связано с серьезными различиями в мнениях американских и британских участников.

Эйзенхауэр участвовал в конференции еще в качестве заместителя Джироу. Американцы были обижены тем, что британские коллеги смотрят на них сверху вниз, считая неопытными и не готовыми к большой войне. Дуайт записал в дневнике: «Беседы с британцами становятся утомительными. С ними трудно разговаривать, очевидно, потому, что боязно сказать, что делать и как это осуществить»{184}. Но, пожалуй, он был единственным, кто смог подняться над чувством национальной гордости. Оказалось, он умел дипломатично поворачивать бесплодные споры о приоритете в позитивное русло выработки союзных планов.

Американцам было тем более трудно вести переговоры, потому что в конференции участвовал такой авторитет, как британский премьер Уинстон Черчилль, тогда как президент Рузвельт появлялся на заседаниях редко, доверив переговоры военным. В качестве шага к «замыканию и сжатию кольца вокруг Германии» Черчилль выдвинул «проект Северо-Западной Африки», по которому американцы должны были высадиться на побережье Марокко. Рузвельт в принципе одобрил этот проект, хотя Маршалл и другие военные сомневались в его осуществимости, считая, что он может помешать высадке в Европе.

У сэра Уинстона, вначале считавшего приоритетными операции на Европейском континенте, постепенно зрел план «периферийной стратегии», включавший создание плацдармов для нанесения удара в «мягкое подбрюшье Европы» — в направлении Италии и Балкан. Британцы полагали, что такие операции позволят сэкономить живую силу и боевую технику, надавить на Германию с юга и в то же время остановить наступление Красной армии на западной границе СССР{185}.

Дуайту Эйзенхауэру были чужды эти далекоидущие планы.

Он уже стал стратегом, но военным, а не политическим, каковым ему еще предстояло стать на протяжении военных лет и особенно по окончании войны. Он не понимал, зачем нужна «периферийная стратегия», если проще и эффективнее нанести удар по территориям, наиболее близко расположенным к нацистской Германии. 22 января он записал в дневнике: «Нам следует отправиться в Европу и воевать, и мы должны прекратить попусту тратить ресурсы по всему миру и, что еще хуже, попусту тратить время»{186}. Поддерживать СССР в войне, проводить оборонительные операции на Дальнем Востоке, наносить авиационные удары по Западной Европе, за которыми должна последовать «сухопутная атака как можно скорее»{187} — эту позицию он отстаивал на конференции «Аркадия» при не слишком активной поддержке Маршалла, тогда как Рузвельт склонялся к принятию предложения британского партнера.

На конференции не были приняты стратегические решения, а лишь достигнута договоренность продолжать переговоры и в ближайшее время окончательно определить направление удара по противнику. Рузвельт всё еще колебался, готовить высадку в Европе или в Африке. Да и Черчилль, говоря о «мягком подбрюшье», полностью не отказался от идеи десанта на севере Франции.

Эйзенхауэр с большой группой помощников продолжал разработку французского варианта. Военный потенциал СССР он оценивал значительно более пессимистично, чем Черчилль, и считал, что союзникам необходимо быть готовыми к поражению Красной армии и во что бы то ни стало предотвратить опасность капитуляции СССР: «Мы должны накопить воздушные и сухопутные силы в Англии и, когда будем достаточно сильны, нанести удар по жизненным центрам Германии, и мы должны осуществить это, пока Россия еще участвует в войне; ведь только сделав это, мы сможем удержать Россию [в войне]»{188}.

К конце марта управление, возглавляемое Эйзенхауэром, подготовило план «Раундап» («Облава»), предусматривавший сосредоточение на Британских островах сорока восьми пехотных и бронетанковых дивизий, 5800 боевых самолетов и огромного числа вспомогательных сил. Около 1 апреля 1943 года должен был быть нанесен удар по французской территории в районе Гавра. На случай возникновения непосредственной угрозы выхода СССР из войны был разработан запасной план «Следжхаммер» («Кувалда»), намечавший высадку на сентябрь 1942 года{189}.

По указанию Рузвельта Маршалл вылетел в Лондон для согласования действий. Хотя Черчилль оценил американские наработки сдержанно, официально британцы не высказали

возражений. Радости Дуайта не было предела. «Наши усилия начинают воплощаться в действительность, — записал он в дневнике, — и мы больше не будем болтаться в темноте»{190}.

Но далеко не все его надежды касательно войны в Европе сбывались. Ему приходилось сражаться с высокими чинами. Особое сопротивление оказывал адмирал Кинг, настаивавший, что тихоокеанский театр военных действий для США несравненно важнее европейских дел. Эйзенхауэр нашел поддержку у Рузвельта. Однако, фактически саботируя волю президента, Кинг осуществлял программу подготовки наиболее мощных военных кораблей — линкоров, тогда как требовалось максимальное количество транспортных и десантных судов.

Шестого мая Эйзенхауэр встретился с группой высших морских офицеров, от которых потребовал четкого ответа о количестве кораблей, которые могут быть предоставлены к намеченному сроку, их вместимости и т. п. Его буквально водили за нос, прямо не отвечая на вопросы. Употребить власть Эйзенхауэр не мог — военно-морской флот ему не подчинялся. Буквально в отчаянии он записал в дневнике: «Как, черт побери, мы сможем выиграть эту войну, если не сможем раздавить кое-кому головы?»{191}

Командировка в Лондон

Поддерживавший Эйзенхауэра Маршалл также был обеспокоен ходом подготовки к решающим операциям, а потому счел целесообразным отправить его на Британские острова с инспекцией.

Дуайт вылетел 23 мая, но погода заставила провести день на Ньюфаундленде. Это был его первый выходной день за полгода, использованный для охоты в местных лесах. 24-го числа самолет приземлился в Прествике (Шотландия). Здесь Эйзенхауэра встретили британские официальные лица и американские военные. Было решено, что, прежде чем отправиться в Лондон, он поприсутствует на учениях расположенных в Шотландии американских частей.

С аэродрома на учения его везла молодая шотландка Кей Саммерсби, которая буквально с первого взгляда влюбилась в американского генерала. На него Кей также произвела впечатление, но он, не желая тратить ни минуты и зная, что в Британию он прибыл на короткий срок, поначалу просто получал удовольствие, глядя на очаровательную женщину в сержантской форме, которая лихо вела машину. Позже Кей будет сопровождать

Айка на протяжении всей войны, но не вытеснит из его сердца Мейми, с которой он регулярно переписывался. Дуайт писал жене, даже когда возвращался в свою резиденцию измученным, тратя драгоценное время, отведенное для недолгого сна. Кей отлично понимала, что навсегда заполучить генерала ей не удастся, и не стремилась к этому, хотя ее чувства были искренними.

В Лондоне Эйзенхауэр встретился с генерал-майором Джеймсом Чейни, с января 1942 года командовавшим американскими войсками на Британских островах.

Эйзенхауэра неприятно удивило, что штаб-квартира генерала размещалась в нескольких комнатах посольства, так что создавалось впечатление, что он служит кем-то вроде военного атташе. Чейни и офицеры его штаба носили гражданскую одежду, находились в своих кабинетах по восемь часов в день, как полагалось в мирное, но отнюдь не в военное время, а разгребание груды вопросов, стоявших перед военным представительством, откладывалось день ото дня. Дуайт невольно сравнивал поведение американских военных в Лондоне с тем, как работали он сам и его подчиненные в Вашингтоне. Так что на оценку работы инспектируемых явно влияли личные чувства: мол, вы тут прохлаждаетесь, а мы, хотя и находимся вдалеке от врага, трудимся до изнеможения{192}.

Не слишком благоприятное впечатление произвели и британские войска, маневры которых на юго-востоке Англии, в графстве Кент, Эйзенхауэр наблюдал 27 мая. Впрочем, и здесь не обошлось без элемента субъективности. Учениями командовал генерал Бернард Монтгомери, начальник Юго-Восточного командования Королевских вооруженных сил, ветеран Первой мировой войны, дважды тяжело раненный. Накануне учений генерал провел совещание. Посреди речи Монтгомери Дуайт закурил сигарету. Не успел он выпустить первую порцию дыма изо рта, как Монтгомери, прервав речь на полуслове, воскликнул: «Кто здесь курит?!» Эйзенхауэр признался в «преступлении», услышав в ответ: «Я никому не разрешаю курить в моем кабинете!» Докладывая Маршаллу о поездке, он не упомянул об этом инциденте, а британского генерала характеризовал как «крайне энергичного и профессионально способного» человека{193}. Но Маршалл отлично знал стиль докладов своего подчиненного. Он понял, что «профессионально способный» — отнюдь не лучшая оценка в устах Эйзенхауэра. Тем более такая характеристика, как «крайне энергичный», ставила под сомнение профессионализм — в устах Дуайта это качество граничило с авантюризмом.

На встрече с начальником британского Генерального штаба генералом Аленом Бруком дело пошло еще хуже. Они друг другу не понравились. В докладах Дуайт просто не упоминал Брука, а тот высказывал мнение, что Эйзенхауэр не обладает стратегическим мышлением и командными способностями{194}.

Но среди британских военных оказались и те, с кем у Эйзенхауэра сразу установилось тесное сотрудничество, позже дополнившееся личной дружбой. Первым среди них оказался вице-адмирал Луис Маунтбеттен. Этот член королевской семьи командовал отрядом эсминцев и уже отличился в нескольких столкновениях с германскими кораблями в Атлантике. Главное, что привлекло в нем Эйзенхауэра, — «наступательное настроение» и убежденность в необходимости строить флот, способный осуществить высадку наземных войск{195}.

Эйзенхауэр возвратился в Вашингтон 3 июня с тягостным чувством, что планы операций на континенте оказываются под угрозой из-за неподготовленности союзных сил. Прежде всего необходимо было заменить высшее американское командование. По его предложению Чейни был отозван. Вместо него Дуайт рекомендовал назначить генерал-майора Марка Кларка. Маршалл, однако, предпочел пока не делать назначения, предполагая, что через непродолжительное время командующим американскими силами станет сам Эйзенхауэр, считая, что он сможет всесторонне подготовить и достойно осуществить важнейшую операцию на Европейском континенте.

Такие рекомендации начальнику штаба давали различные ответственные лица, пользовавшиеся его доверием. Сперва это был Маунтбеттен, который, побывав в Вашингтоне как раз перед возвращением Эйзенхауэра, объявил, что именно его хотела бы видеть «королевская семья» (на деле он сам) представляющим в Великобритании американские вооруженные силы. Об этом он говорил не только Маршаллу, но и президенту Рузвельту. С подобным предложением выступил и Кларк, которого на эту должность рекомендовал Эйзенхауэр. Маршалл, услышав его, выдавил из себя улыбку: «Кажется, оба вы, ребята, отправитесь туда вместе»{196}. Это означало, что генерал Кларк скорее всего станет заместителем Эйзенхауэра или начальником штаба группы армий.

Командующий европейским театром военных действий

Менее чем через неделю после возвращения, 8 июня 1942

года, Эйзенхауэр представил Маршаллу проект директивы о создании европейского театра военных действий с требованием, во избежание неразберихи и разногласий, единого руководства союзными силами (американскими, британскими, канадскими). В ответ на просьбу Эйзенхауэра тщательно ознакомиться с планом Маршалл ответил: «Конечно, я хочу прочитать это. Но, может быть, вы и есть тот человек, который будет всё это выполнять. Если дело будет обстоять таким образом, когда вы сможете отправиться?»{197}

Через три дня генерал Дуайт Эйзенхауэр был назначен командующим американскими войсками на европейском театре военных действий и высшим военным руководителем объединенных сил союзников. Но он понимал, что руководитель подготовки сил вторжения не обязательно будет его осуществлять. И он, и многие другие деятели как в военном, так и в политическом истеблишменте считали, что командовать операцией «Раундап» будет сам Маршалл.

Пока же Дуайту предстояло занять самый ответственный в его тогдашней карьере пост. Адмирал Кинг, который до этого относился к нему весьма прохладно, пообещал полную поддержку военно-морских сил в «этом уникальном предприятии по созданию подлинно единого военного командования всеми тремя службами»{198} (армией, авиацией и флотом). Кинг, со свойственным ему апломбом, которому не помешал крутой поворот в оценках, добавил, что рассматривает генерала в качестве главнокомандующего всеми военно-морскими силами акватории, подвластной Великобритании, и просит его немедленно сообщить, если кто-либо из высших британских военно-морских офицеров поставит это под сомнение.

Накануне вылета в Великобританию в совершенно новом качестве — одного из людей, которые несли теперь ответственность за судьбы мира, — Дуайта ожидало приятное событие: Джон получил двухдневный отпуск, чтобы проводить отца. Мейми рассказывала, что на прощание сын обнял мать, пожал руку отцу и строевым шагом направился к выходу из дома, затем повернулся так, как учили на занятиях, и отсалютовал отцу. Единственный раз за последние месяцы Мейми не сдержала слез. Любящие члены семьи больше не собирались все вместе до окончания войны{199}.

Возвратившись в Лондон 24 июня, Дуайт полагал, что будет находиться в Великобритании длительное время — до высадки во Франции. Правда, он всё еще думал, что командовать высадкой будет Д. Маршалл, но надеялся занять место одного из ближайших помощников главнокомандующего. Судьба, однако,

распорядилась иначе: он пробыл в Лондоне всего несколько месяцев, чтобы затем отправиться командовать совершенно другим фронтом.

Но в эти месяцы ему пришлось привыкать к новой роли не просто так называемого ви-ай-пи *(very important person* — персона очень высокого положения) — таких были тысячи, — а принадлежащего к крайне узкому кругу в несколько десятков человек, которые действительно решали судьбы мира. Таковым он останется почти на 20 лет — до января 1961 года, когда распростится с президентским креслом.

В новом качестве Эйзенхауэру сразу пришлось столкнуться с британскими и американскими журналистами, стремившимися проникнуть как можно глубже в тайники государственных решений и военных действий, но в то же время гнавшимися за сенсацией, пикантными подробностями и т. п. К нему неизменно были прикованы внимание и симпатии аккредитованных журналистов. Корреспонденты не раз описывали внешний вид 52-летнего генерала, выглядевшего значительно моложе, так как он в полной мере сохранял физическую форму, стоял и ходил с высоко поднятой головой. Обращали внимание, что генерал внимательно вглядывался в собеседников; его голубые глаза внезапно темнели в минуты гнева, тогда как голос оставался спокойным и размеренным. Писали о его неформальном и дружеском обращении с журналистами, об употреблении простонародных выражений, иногда на грани приличия, об умении ответить на вопросы так, чтобы не раскрыть военную тайну, но в то же время никогда прямо не обманывать прессу.

Журналистам нравилась и его манера одеваться — иногда он встречался с ними в полной военной форме, но при неформальном общении чаще всего был одет в белую рубашку с темным галстуком, завязанным аккуратнейшим образом, и темный костюм. (Этот вопрос он неизменно обсуждал не только со своими официальными помощниками, но и с Кей, которая была переведена в штаб командующего в качестве одного из секретарей, иногда исполняла прежние функции водителя и стала интимной подругой генерала.)

Наконец, журналистов привлекало, что Айк (теперь его так неформально подчас называли и в прессе) почти всегда выглядит бодрым, подтянутым, оптимистичным. Он жестикулировал, но сдержанно. Весь его облик свидетельствовал об уверенности в победе, хотя на самом деле нередко было не так: командующий держал в голове множество сложных проблем, и бывали случаи, когда после бодрого поведения на пресс-конференции он глубокой ночью записывал в дневник противоположные мысли.

Если окружающий мир в определенном смысле представляет собой театр, то он был не просто актером, а исполнителем одной из главных ролей.

И всё же С. Амброз, называя Эйзенхауэра «гением не только в том смысле, как он вел себя с репортерами, но также и относительно содержания того, что он говорил»{200}, явно преувеличивает. Бывало, Дуайт ссорился с журналистами, вел себя капризно, иногда переигрывал, называя себя «простым деревенским парнем», а всяких начальников — «большими шишками». Как-то, чтобы не отвечать на вопрос, он заявил, что «эта проблема слишком сложна для бессловесного кролика, подобного мне»{201}. Здесь Эйзенхауэр явно выходил за пределы допустимого. Наиболее опытные журналисты это понимали, но прощали генералу промахи, считая, что их искупают другие качества; представителям же массовой и особенно «желтой» прессы такие эскапады нравились, впечатляли и их читателей — туповатых средних американцев: высокий армейский начальник был вроде бы из их среды.

Созданию образа Эйзенхауэра как полководца без страха и упрека способствовал его брат Милтон, с 1942 года являвшийся заместителем руководителя управления военной информации и фактическим шефом всей армии американских журналистов, освещавших ход войны{202}.

Эйзенхауэру не понравилось, что в Лондоне ему в качестве резиденции был предоставлен роскошный отель «Кларидж». Показной шик — золоченые двери, розовые обои и т. п. — он считал не то чтобы грубой поделкой (он не претендовал на утонченный художественный вкус), но просто неудобным для работы и размышлений. Он жаловался, что апартаменты напоминают похоронную контору{203}.

С большим трудом удалось убедить гостеприимных хозяев, что гостю необходима тихая, спокойная, простая обстановка подальше от любопытных взоров и нежелательного общения.

Вскоре он поселился в городке Кингстон (графство Суррей) в сорока минутах езды на машине от центра Лондона (ныне это место находится в пределах лондонской городской черты). Небольшой особняк почему-то назывался Телеграфный коттедж (ни один автор, писавший об Эйзенхауэре, не смог выяснить происхождение этого названия). С одной стороны, почти рядом был берег Темзы, с другой — можно было зайти вглубь полудикого парка Буши, второго по размерам королевского парка Лондона. Рядом с домом была площадка для гольфа, так что изредка Айк мог позволить себе вспомнить любимую игру. Местожительство Эйзенхауэра держалось в настолько глубокой

тайне, что о нем не прознали даже вездесущие репортеры.

Из американских генералов только Омар Брэдли, один из ближайших помощников и друг Эйзенхауэра, имел право посещать его «по месту жительства». В Телеграфном коттедже жили также Кей Саммерсби и ординарец генерала Гарри Батчер, а также обслуживающий персонал, не имевший права покидать это место.

После войны десятки мемуаристов называли себя посетителями Телеграфного коттеджа. Правда же состояла в том, что, имея загородную резиденцию, генерал проводил там лишь несколько часов в сутки, будучи по горло занят сложнейшими стратегическими, оперативными, логистическими, снабженческими, финансовыми, дипломатическими и прочими вопросами, связанными с подготовкой высадки на континенте. Развернулась кампания по убеждению военнослужащих тратить часть денежного довольствия на покупку американских военных платежных обязательств (выплаты по ним намечались после войны). Командующий настаивал, чтобы солдат приучали к реальным трудностям военного времени, ибо, как он имел возможность убедиться, в воинских частях нередко возникало недовольство по пустячным поводам (например, из-за того, что пища недостаточно подогрета). Он считал необходимыми интенсивные тренировки солдат в условиях, подобных боевым, и укрепление дисциплины, воспитание их в духе уважения к союзникам, равнозначного уважению к своей стране.

В связи с этим Эйзенхауэр значительную часть своего времени посвящал инспектированию американских частей, общению с солдатами и офицерами. Он требовал немедленного увольнения офицеров, пренебрегавших «важнейшей задачей подготовки разумных, патриотически настроенных американцев». Но этого, по его мнению, было мало. Солдат современной войны должен быть полон «неистощимой нервной энергии и железной воли», относиться к исполнению своих обязанностей сознательно, чего особенно недоставало американским солдатам{204}. Командующий, разумеется, понимал, что в воспитании солдат, как и в других делах, идеала достигнуть невозможно, но требовал от подчиненных прилагать к этому все силы.

Кроме того, ему пришлось заняться таким, казалось бы, далеким от его непосредственных обязанностей делом, как взаимоотношения англичан, шотландцев, уэльсцев, ирландцев с американцами, прибывавшими на острова во всё большем количестве. Горластые простые заокеанские парни, к тому же хорошо накормленные, полные сил, вели себя так, будто находились у себя дома. Неприязнь к джи-ай[7], возникшая у

части населения, усиливалась из-за того, что британские девушки, польстившись на солдатские подачки, нередко вступали в связь с иностранцами. Возникавшие на этой почве скандалы поначалу происходили повсеместно. В Британии было распространено выражение, что янки во всём «пере-»: им переплачивают, их перекармливают, они гиперсексуальны, и вообще их здесь слишком много{205}.

Эйзенхауэру выпала нелегкая задача улучшить образ американца в глазах британцев. Несмотря на перегруженность служебными делами, он охотно общался с англичанами разного общественного положения, демонстрировал им свое расположение, давая понять, что выражает чувства всех своих подчиненных — от рядовых до генералов. Чтобы такие взаимоотношения действительно установились, он приказал назначить премии солдатам — крохотные, всего по два пенса — за употребление английских жаргонных выражений, демонстрировавших, что американцы проникаются привычками местного населения.

По настоянию командующего пропаганда была сосредоточена на рассказе солдатам о жертвах, понесенных британцами, их храбрости, мужестве и выдержке в условиях массированных воздушных налетов и опасности германского вторжения на Британские острова в 1940 году.

Надо сказать, что сам Эйзенхауэр с трудом воспринимал некоторые консервативные британские традиции, распространенные в высшем обществе, в котором он вращался в силу необходимости. Один из инцидентов был связан с его привычкой много курить. Маунтбеттен, о котором мы уже упоминали, как-то пригласил генерала на ужин, но предупредил, что в английских аристократических домах не принято курить, прежде чем будет произнесен тост за здоровье короля. «В таком случае я не приеду», — заявил Дуайт. «Приходите, я устрою так, что всё будет в порядке», — ответил Маунтбеттен. Поколебавшись, генерал принял приглашение. Как только гости собрались, хозяин сразу пригласил их за стол и, едва они расселись, не дав ни секунды передышки, воскликнул: «Джентльмены, за короля!» Затем, повернувшись к почетному гостю, произнес, заговорщически улыбаясь: «Теперь, генерал, можете курить сколько вам заблагорассудится»{206}.

Особенно важно было для Эйзенхауэра установить деловые, а при возможности и дружеские отношения с британскими лидерами, особенно с такой непредсказуемой, требовательной, желчной, а подчас и грубой личностью, как премьер-министр Черчилль.

Чтобы получше узнать, что собой представляет командующий объединенными силами, Черчилль стал приглашать его в свой загородный дом Чеккерз. Вскоре установились неформальные отношения. Дуайт записал 5 июля: «Мы провели начало вечера на лугу перед домом, а затем совершили прогулку в соседний лес, обсуждая вопросы ведения войны». После ужина и обязательного кино (кажется, Черчилль научился привычке еженощно смотреть кинофильмы у Сталина) беседа продолжалась до трех часов ночи{207}.

Эйзенхауэр сблизился также с адмиралом Эндрю Каннингемом, с заместителем командующего королевскими военновоздушными силами Артуром Уильямом Теддером. Были, правда, два исключения. С генералом Бернардом Монтгомери, начальником Юго-восточного командования на территории Великобритании, общение было сугубо официальным: Эйзенхауэр в глазах Монтгомери был штабным чиновником, а сам считал его человеком, хватающимся за многое, но не выполняющим почти ничего. Примерно так же складывались контакты с начальником имперского Генерального штаба фельдмаршалом Аланом Бруком{208}. Талантливый военачальник, но обладатель огромного самомнения, ухитрявшийся кричать даже на Черчилля{209}, Брук был сторонником средиземноморской стратегии, тогда как Эйзенхауэр решительно выступал за открытие военных действий в Северной Франции. В какой-то степени эти взаимоотношения влияли на выработку стратегических решений и их исполнение, но в основном компенсировались деловыми и дружескими связями Эйзенхауэра с другими высшими британскими должностными лицами.

Сам замысел крупнейшей военной операции требовал, чтобы руководитель ее подготовки имел достаточно высокий статус. Поэтому в июле 1942 года Эйзенхауэру было временно присвоено очередное воинское звание генерал-лейтенанта.

В то же время наступление германских войск на Сталинград летом 1942 года внушало руководителям западных держав серьезные опасения, что Восточный фронт, на котором перемалывалась значительная часть вермахта, просто исчезнет. Эйзенхауэр был готов пойти на осуществление операции «Следжхаммер», считая, что в сложившихся условиях отказ от оказания помощи Красной армии был бы «крупнейшей военной глупостью в истории»{210}.

Но на этот раз он остался в почти полном одиночестве. Вначале А. Брук выступил с меморандумом, что осуществление «Следжхаммера» крайне рискованно и необходимо найти другой театр военных действий, на котором можно было бы нанести

крупное поражение противнику, например французские колонии Марокко, Алжир, Тунис. На этот раз мнение начальника имперского штаба совпало с периферийной стратегией главы правительства, который, не отказываясь от планов высадки на севере Франции, предпочитал предварительно нанести удар в «мягкое подбрюшье» Европы, а для этого создать мощный плацдарм в Северной Африке.

Рузвельт, вначале поддерживавший Эйзенхауэра, под влиянием британского партнера изменил позицию. По его указанию Маршалл проинформировал Эйзенхауэра: если англичане не будут участвовать в операции «Следжхаммер», американцы согласятся на совместные действия в Северной Африке. Обрадованный Черчилль придумал будущей операции название «Торч» («Факел»).

Эйзенхауэр был расстроен таким решением. Он считал, что из-за операции «Торч» не только «Следжхаммер», но и «Раундап» будет невозможно осуществить, но, понимая, что вряд ли сможет переубедить руководство, как дисциплинированный военный был готов исправно выполнять любое решение. Одновременно он сильно опасался, что перенесение действий в Северной Франции на 1944 год будет способствовать укреплению Западного вала, который, по разведывательным данным, германские генералы начали сооружать в районе проливов Ла-Манш и Па-де-Кале. А главное — будет резко подорвано доверие СССР к западным союзникам. Однако довольно скоро Эйзенхауэр не только примирился с принятым решением, но активнейшим образом включился в его реализацию. Связано это было с тем, что именно его намечали назначить командующим операцией «Торч»{211}.

Глава пятая.
СЕВЕРНАЯ АФРИКА И ИТАЛИЯ

Подготовка операции «Торч»

В отеле «Кларидж» в Лондоне 25 июля Объединенный комитет начальников штабов союзных войск без привлечения посторонних лиц (таковым считался даже Эйзенхауэр) обсуждал вопрос о подготовке высадки в Северной Африке. Предварительно было решено, что командовать операцией будет американец, так как в этом случае легче будет привлечь на сторону союзников французскую администрацию и военных в Северной Африке, недовольных британцами, «предавшими» их в 1940 году во время германского наступления.

Теперь речь шла о кандидатуре командующего. Предложение назначить на наиболее ответственную на данный момент должность Эйзенхауэра внес тот самый адмирал Кинг, который сравнительно незадолго до этого не желал, чтобы сухопутный генерал руководил им, опытным морским волком. Маршалл, специально прилетевший на заседание, с удовлетворением принял предложение, и оно прошло без возражений.

Дуайт был немедленно приглашен в «Кларидж», в гостиничный номер Маршалла. Тот находился в ванной комнате. Обычно сдержанный генерал на этот раз не утерпел — не выходя из-под душа, прокричал Эйзенхауэру, что тот назначается руководителем планирования операции «Торч» и будет ею командовать{212}.

Четырнадцатого августа Объединенный комитет начальников штабов издал приказ о назначении генерала Д. Эйзенхауэра командующим операцией «Торч» с полным подчинением ему всех военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил Великобритании и США, участвующих в операции. Обладая уже солидным опытом, генерал отлично понимал: между текстом приказа и его реализацией немалая дистанция. Поэтому он сообщил Маршаллу о твердой решимости осуществлять свою власть касательно всего, что связано с операцией: «Я предупредил всех подчиненных, что время для анализа мудрости принятых решений прошло, что мы должны выработать наилучший при данных возможностях план в пределах всего того, чем располагаем»{213}.

Цели операции были ясны: высадившись на североафриканском побережье, американские и британские

войска должны занять территории Марокко, Алжира и Туниса и соединиться с британскими войсками, с большим трудом наступавшими из Египта, преодолевая ожесточенное сопротивление бронетанкового корпуса германского фельдмаршала Эрвина Роммеля. Надо было начать операцию не позже чем через два с половиной месяца и осуществить ее до наступления зимы.

Дело в том, что с 12 по 14 августа проходил визит британского премьера в Москву. Состоялись две встречи со Сталиным, на которых речь шла о том, что высадка во Франции в 1942 году не состоится, а вместо нее союзники совершат массированную операцию в Африке. Во время второй встречи Сталин обвинил союзников в нежелании сражаться. В отчете заместителя министра иностранных дел Великобритании Александра Кадогана, сопровождавшего сэра Уинстона{214}, говорилось, что Сталин, «полузакрыв глаза, извергал поток оскорблений. Мы достигли такой точки, перейдя которую государственные деятели уже не могут вести переговоры». Британская делегация сочла переговоры провалившимися и стала собирать чемоданы. Но настроение советского руководителя неожиданно изменилось. Около часа ночи 14 августа Черчилля вместе с Кадоганом пригласили в кремлевскую квартиру Сталина. За обильным столом «два великих деятеля сумели установить контакт и поладить друг с другом». В результате переговоров Сталин фактически согласился с перенесением на некоторое время центра внимания союзников на Северную Африку.

Перед Эйзенхауэром и его штабом стояли две главные проблемы: поведение испанских властей и реакция французской администрации в районе высадки.

Наиболее благоприятным местом высадки был узкий пролив Гибралтар. На его побережье имелась небольшая британская база, но сам пролив фактически находился под контролем франкистской Испании. Генералиссимус Франсиско Франко, пришедший к власти в Испании в 1939 году, опираясь на германскую и итальянскую помощь, установил в стране авторитарный режим. Однако он повел себя хитро: послав на Восточный фронт «Голубую дивизию», он не объявил войну СССР и официально не присоединился к державам Оси. Было неясно, как будет вести себя местная администрация, когда союзные корабли вторгнутся в испанские территориальные воды. Оценка ситуации экспертами и собственные логические расчеты убеждали Эйзенхауэра, что Франко воздержится от прямой конфронтации с союзной армадой, а Гитлер не обладает достаточными силами, чтобы, резко ослабив Восточный фронт,

молниеносно оккупировать Испанию и вступить в прямое военное соприкосновение с союзниками. Британские руководители были с ним согласны.

Если ситуация с планами франкистской Испании Эйзенхауэру была более или менее ясна, то вопрос, придется ли воевать в Северной Африке, оставался запутанным.

Французскую администрацию в Северной Африке возглавлял адмирал Франсуа Дарлан — национальный предатель, поддержавший в 1940 году капитуляцию страны перед Германией и марионеточное правительство, возглавляемое вначале маршалом Анри Филиппом Петеном, а затем Пьером Л авалем, обосновавшимся в курортном городке Виши и послушно исполнявшим приказы Гитлера. Было неизвестно, как поведет себя Дарлан — в очередной раз переметнется на сторону противника или отдаст приказ оказать сопротивление.

На всякий случай союзное командование и разведывательные силы пытались подготовить на смену Дарлану другую фигуру, пользующуюся достаточным авторитетом, чтобы отдать приказ войскам не оказывать сопротивления, а администрации — исполнять приказы англо-американского командования. Было решено остановиться на кандидатуре генерала армии Анри Жиро, который ранее находился в заключении, но в апреле 1942 года бежал с помощью союзной разведки. Его держали про запас, причем Эйзенхауэр не считал его авторитет достаточным для подчинения ему североафриканской французской администрации и войск.

Был, правда, еще генерал Шарль де Голль, глава эмигрантской организации «Свободная Франция», поддерживавшей связи с движением Сопротивления внутри страны. Но французы в Северной Африке считали его почти предателем. К тому же амбициозного де Голля недолюбливал Черчилль и не терпел Рузвельт. Последний открыто говорил о «так называемых свободных французах», «сеющих ядовитую пропаганду» и мешающих ведению войны. Де Голль пытался убедить руководителей Англии и США, что сотрудничество с вишистами в Алжире приведет к потере моральной поддержки союзников во Франции{215}.

В таких нелегких условиях для подготовки операции в конце августа 1942 года была образована Штаб-квартира объединенного командования союзными силами. Главным принципом ее работы стала, по настоянию Эйзенхауэра, полная унификация: британские офицеры работали рядом с американскими, подчиняясь старшим по должности, а не по званию, независимо от того, к армии какой страны принадлежали. За короткое время

была достигнута почти полная интеграция, за соблюдением которой тщательно следил Эйзенхауэр. По его собственным словам, он был фанатиком союзного единства{216}.

Иногда приходилось не только вмешиваться в мелкие столкновения, но и принимать жесткие решения. Однажды Эйзенхауэру доложили, что какой-то американский офицер хвастал, что янки научат британцев, как надо воевать. Убедившись, что инцидент действительно имел место, Эйзенхауэр распорядился немедленно отправить провинившегося на родину. В другой раз английский военнослужащий пожаловался, что американский начальник обозвал его сукиным сыном. Виновный, вызванный к Эйзенхауэру, оправдывался, что ничего дурного не имел в виду, поскольку американцы нередко употребляют это ругательное выражение в дружеской форме. «Это так, — заявил Эйзенхауэр. — Но вы назвали его *английским* сукиным сыном. Это совершенно меняет дело». Этот грешник также был отправлен за океан{217}.

Эйзенхауэр подобрал высший командный состав операции, готовый выполнить волю главнокомандующего и понимавший его с полуслова. Его первым заместителем и правой рукой стал генерал-майор Марк Кларк. Военным флотом командовал британский адмирал Эндрю Каннингем. Сухопутными силами руководили британский генерал-лейтенант Кеннет Андерсон и американский генерал-майор Джордж Паттон, которого Дуайт буквально «отвоевал» у Маршалла, намеревавшегося держать его в резерве. Наконец, начальником штаба Эйзенхауэр назначил бригадного генерала Уолтера Беделла Смита, перед этим являвшегося секретарем Генерального штаба США. Жесткая хватка Смита, его нарочитая грубость вкупе с дипломатическим искусством (не случайно после войны он стал послом США в СССР) сделали его, как и Кларка, незаменимым. Смит решал оперативные вопросы, оставляя Эйзенхауэру только самые принципиальные, но и в этом случае являлся к командующему с обоснованными предложениями. Он постоянно находился в движении, казался неутомимым и молниеносно принимал решения. «Если бы у меня было десять таких Смитов, я просто купил бы удочку, занялся рыбной ловлей и всего лишь писал бы доклады на родину, каких великолепных успехов в ведении войны я добиваюсь»{218}.

Органичной составной частью штаб-квартиры были личные помощники. Среди них Дуайт, естественно, особенно выделял Кей Саммерсби. 34-летняя женщина, до войны работавшая манекенщицей, прочно вошла в его жизнь. Поскольку их отношения развивались на виду у всего штаба, а слухами

полнится земля, они неизбежно очень скоро должны были дойти до жены, которую Эйзенхауэр не собирался покидать и которой писал, хотя бы по несколько строк, почти каждый день (всего за время войны Мейми получила от мужа 319 писем и записок). Дуайт решил написать жене о Кей, но так, чтобы она сочла женщину просто сотрудницей штаба.

То ли из-за того, что интонация письма в этот раз отличалась, то ли потому, что Кей была единственной женщиной в близком окружении Айка, супруга почувствовала неладное. Ее письма стали более прохладными, и Эйзенхауэру пришлось неуклюже оправдываться. В конце октября он писал Мейми: «Мне нравились некоторые [женщины, но я] никогда не вступал в связь ни с кем из них и не хочу, чтобы у меня была какая-то другая жена»{219}.

В то время и для британских деятелей, и для находившихся в Англии американцев любовные истории были делом обычным. Не было секретом, что специальный уполномоченный президента Рузвельта по делам ленд-лиза Аверелл Гарриман почти открыто встречался с Памелой Черчилль, невесткой премьер-министра. В штабе Эйзенхауэра знали, что у его помощника по вопросам психологической войны Чарлза Джексона была связь с Беатрис Иден, женой министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена{220}. С явным подтекстом в популярном журнале «Лайф» была помещена фотография личного штаба Эйзенхауэра, на которой выделялась Кей Саммерсби — «хорошенькая ирландская девушка, которая служит водителем у генерала»{221}.

Возвратившись из Москвы, Черчилль настаивал на скорейшем начале операции «Торч». Того же желал и Эйзенхауэр. Он вместе с Кларком был приглашен в резиденцию премьера, который, сообщив перипетии своего визита, потребовал, чтобы высадка была осуществлена по крайней мере в двух стратегически важных районах — неподалеку от Орана и Алжире, столице одноименной колонии (ему было известно, что Алжир не входил в первоначальные планы Маршалла, считавшего одним из возможных районов высадки марокканскую Касабланку, расположенную далеко от главных стратегических пунктов). Эйзенхауэр писал Паттону: «Я чувствовал себя, как цирковая актриса, которая должна скакать на трех лошадях, не зная точно, где может оказаться каждая из них»{222}.

В конце концов под давлением Черчилля Рузвельт и Маршалл согласились с его принципиальной установкой на высадку в окрестностях Алжира и Орана, но сохраняли и третью цель — Касабланку на атлантическом побережье, которая должна была послужить дальним опорным пунктом на случай, если дела в Северной Африке пойдут не вполне удачно.

14 сентября на совещании с сотрудниками штаба Эйзенхауэр поставил задачи конкретной разработки планов высадки во всех трех районах и в очередной раз предупредил о необходимости повысить уровень дисциплины и подготовки войск, вплоть до «увольнения каждого командира, часть которого не соответствует стандарту»[223].

Между тем положение в районе высадки, начиная с Гибралтара и завершая самими французскими колониями, оставалось неясным. Несмотря на активность разведки, намерения Испании так и не удалось выяснить. Что же касается Северной Африки, то, к величайшему сожалению Эйзенхауэра и его руководителей, оставалось уповать на вишиста Дарлана, так как заносчивый генерал Жиро «соглашался» на сотрудничество с союзниками только при условии, что он будет назначен главнокомандующим союзными силами на средиземноморском театре военных действий! Что же касается Дарлана, то в узком кругу он говорил о готовности сотрудничать с союзниками[224].

Назначение Дарлана высшим администратором североафриканских колоний было крайне опасно в силу идеологических, политических, пропагандистских соображений: он был одним из виновников капитуляции Франции, инициатором антисемитского законодательства, жгучим недругом англичан[225]. Но при всей важности этих мотивов на первом плане у Эйзенхауэра стояла задача добиться максимального эффекта ценой минимальных жертв. А для этого надо было предотвратить сопротивление французских вооруженных сил, которые, он был почти уверен, последуют приказу Дарлана. Эйзенхауэр был убежден, что на него обрушится ураган недовольства общественности, прессы, политиков разных направлений, но, с согласия лидеров союзных стран, шел на риск во имя достижения военного успеха.

Овладение французскими колониями

Высадка была назначена на конец первой недели ноября. Главнокомандующий решил разместить свой штаб на Гибралтарской скале, нависающей над проливом. Эта заморская территория Великобритании занимает крохотное пространство — всего лишь шесть с половиной квадратных километров. Понятно, что в известном смысле со стороны Эйзенхауэра было авантюрой расположиться в укрепленных и оборудованных подземных пещерах, которые имела возможность захватить Испания.

Полет в Гибралтар был назначен на 2 ноября, но в тот день

была нелетная погода, и вылет пришлось перенести на 4-е число. Хотя погода так и не исправилась, Дуайт приказал готовить эскадру к вылету. Пилотом был майор Пол Тиббетс, тот самый, который 6 августа 1945 года сбросит первую атомную бомбу на японский город Хиросиму.

На шести самолетах «B-17», получивших прозвище «летающая крепость», Дуайт Эйзенхауэр со своим штабом отправился в район, максимально приближенный к месту будущей высадки. Помимо дождя и тумана, сквозь которые пришлось лететь, произошла еще одна неприятность: немцы обнаружили эскадру, но, не поняв, что она собой представляет, направили наперерез ей только один истребитель, от которого удалось увернуться без боя — скорее всего, германский летчик просто повернул назад, увидев группу мощных самолетов.

Седьмого ноября Эйзенхауэр выступил с обращением к французским гражданам Северной Африки: «Силы, которыми я имею честь командовать, пришли к вам как друзья, чтобы вести войну против ваших врагов. Это военная операция, направленная против итало-германских вооруженных сил в Северной Африке. Единственная наша задача в том, чтобы разгромить врага и освободить Францию… Мы рассчитываем на вашу дружбу и просим вашей помощи. Я приказал, чтобы против вас не были предприняты никакие враждебные действия в том случае, если с вашей стороны мы встретим такое же отношение». Далее следовали указания, какими сигналами должны пользоваться местные жители и представители власти, чтобы продемонстрировать добрую волю: вывешивать на своих домах и всех видных местах французские и американские флаги. Весь водный и воздушный транспорт следовало оставить на том месте, где он находился, береговая охрана и армейские части должны были немедленно разоружиться. «В целом вы должны выполнять все приказы, издаваемые моими офицерами»{226}.

Высадка американо-британских войск была осуществлена в ночь на 8 ноября более ими менее успешно во всех трех районах. Французы оказали незначительное сопротивление, испанцы сделали вид, что «ничего не заметили». 10 ноября Дарлан отдал приказ с полуночи прекратить военные действия, после чего высадка на побережье пошла более интенсивно.

В первом эшелоне высадились семь дивизий (шесть американских и одна английская) общей численностью 110 тысяч человек. Для их переброски потребовались сотни транспортных судов, прикрываемых 650 военными кораблями. При транспортировке войск не было потеряно ни одного солдата.

Незначительные потери союзные силы понесли в первые три

дня, до приказа Дарлана о капитуляции.

Впрочем, во французских кругах все происходило не вполне благополучно: Жиро не признавал власти Дарлана, а тот отказывался предоставить ему какую-либо должность; де Голль же узнал об операции из прессы. Эйзенхауэр испытывал приступы ненависти к французам, которые никак не могли поделить посты. «У всех этих лягушатников есть только одно слово — я», — как-то пожаловался он, а в другом случае даже воскликнул: «Всё, что нужно сейчас, — это чертовски хороший убийца!»{227} Разумеется, он не подозревал, что случайно выступил в роли Кассандры…

Ответом на капитуляцию Дарлана была германская оккупация южной части Франции, фактическое отстранение от власти правительства Виши, которое перед тем объявило войну США.

Возникла опасность, что Дарлан опять переметнется на противоположную сторону, и Эйзенхауэр решился на срочные действия: Дарлан был назначен высшим управляющим не только занятых союзными войсками территорий, но и более широкого региона. С 14 ноября адмирал стал Верховным представителем Франции по Северной и Западной Африке. Тем самым он окончательно предал режим Виши и оказался накрепко связанным с союзниками. Он, в свою очередь, назначил Жиро командующим французскими вооруженными силами в этой зоне. Так на очень краткое время благодаря недюжинным дипломатическим способностям Эйзенхауэра была урегулирована проблема французских претендентов на власть. 13 ноября он, преодолев неприязнь, прилетел в город Алжир и подписал с Дарланом соглашение, по которому «все силы французской колониальной армии и флота будут направлены против немцев»{228}.

Вслед за этим генерал Кларк объявил журналистам, что союзный главнокомандующий принял «реалистическое» решение, согласившись на назначение Дарлана руководителем французской администрации в Северной Африке. Это означало, что вишистская администрация останется на своих постах, а в законодательство, в том числе о положении местного населения, пока не будут внесены существенные изменения{229}.

Пресса и общественность США и Великобритании в основном выражали возмущение таким ходом событий, советская печать негодовала по поводу грубого нарушения демократических прав арабов и местных французов, требовала в первую очередь освобождения из тюрем коммунистов. Президент Рузвельт, который был полностью осведомлен о курсе Эйзенхауэра, превратил его в козла отпущения, заявив: «Я возложил на

генерала Эйзенхауэра ответственность за принятие политических решений во время его пребывания в Северной и Западной Африке»[230].

Эйзенхауэр действовал в силу военной целесообразности. Скорейшее завершение операции и минимизация потерь были для него приоритетными задачами. Командующий проявил себя прагматиком. Его прагматизм совпадал с гуманизмом. Он с полным основанием полагал, что его армии должны воевать, а политические задачи, в том числе проведение реформ в среде североафриканских арабских племен, были важными, но не первоочередными.

Однако эти соображения не могли утихомирить шторм критики, обрушившейся на Эйзенхауэра. Пресса не уставала напоминать, что необходимо примерно наказать военных преступников и их пособников, а Дарлан был одновременно тем и другим. Дело доходило до обзывания самого Эйзенхауэра фашистом (уже расцвела мода использовать этот термин не как политологическую категорию, имеющую определенное внутреннее содержание, а как ругательство[231]). Дуайт писал сыну: «Меня называют фашистом и почти гитлеровцем»[232]. А в мемуарах он уже с несколько иронической интонацией писал: «Я очень хорошо знал, что любое дело, которое у меня было связано с вишистом, произведет целую великую революцию»[233].

Трудно сказать, как Эйзенхауэру удалось бы разделаться с «казусом Дарлана» (скорее всего, его со временем оттерли бы на второстепенные позиции, а после войны привлекли к суду как военного преступника), но в дело вмешался случай. 24 декабря 1942 года, через полтора месяца после высадки союзников и привлечения ими Дарлана на свою сторону, в его резиденцию вошел человек. Когда приехавший адмирал в сопровождении адъютанта направился к своему кабинету, посетитель его окликнул, и повернувшийся к нему Дарлан получил пули в грудь и лицо. Стрелявший бросился бежать, но адъютант ринулся за ним и ранил его. Дарлана отвезли в госпиталь, где он умер на операционном столе. 26 декабря состоялись похороны, на которых присутствовал Эйзенхауэр.

Убийцей оказался двадцатилетний Фернан Бонье де ла Шапель, сын местного журналиста, член подпольной организации французского Сопротивления. Его судили, приговорили к расстрелу и казнили еще до похорон Дарлана. Поспешность свидетельствовала, что в этом деле были замешаны некие силы, раскрытие которых крайне нежелательно. В следственном деле осталось заявление Шапеля: «Я сделал то, что обещал сделать, обещания, которые мне давались, были значительными».

По подозрению в соучастии были арестованы несколько человек, все французы. В их числе находился один из видных участников французского Сопротивления, сторонник де Голля Анри д'Астье де ла Вижери, считавшийся руководителем голлистской тайной организации в Северной Франции. Все они отрицали участие в убийстве и через короткое время были освобождены. Добавим, что после освобождения Франции приговор по делу де ла Шапеля был отменен, он был объявлен патриотом, а члены Французского комитета национального освобождения возложили венок на его могилу…

После всей этой драматической истории во главе французской администрации стал генерал Жиро, а затем власть фактически перешла к генералу де Голлю.

Многие историки считают, что главным результатом «дела Дарлана» для Эйзенхауэра было то, что он «пережил кризис» без особого ущерба{234}. Нам представляется, что они явно недооценивают это дело, которое могло быть чревато тем, что подставившие Эйзенхауэра пожертвовали бы им, проводив на «почетную» пенсию… Оказалось, что ликвидация Дарлана была выгодна фактически всем, кто как-то участвовал в делах по освобождению Северной Африки. Был ли командующий союзными войсками лично причастен к убийству Дарлана? Отдавал ли он какие-либо устные распоряжения на этот счет? На этот вопрос дать точный ответ невозможно. Но ведь по сей день в силе латинская поговорка «Cui prodest?» («Кому выгодно?»). Смерть Дарлана была выгодна в первую очередь Дуайту Эйзенхауэру…

В любом случае «дело Дарлана» завершилось, и Эйзенхауэр смог более интенсивно заняться намного более важными военными делами.

На протяжении ноября 1942-го — января 1943 года американцы и англичане сосредоточили в Северной Африке огромную армию численностью свыше четырехсот тысяч человек с резервами, базами, линиями снабжения и т.д. Марокко и Алжир были освобождены быстро. Однако в Тунисе, который Эйзенхауэр предварительно рассчитывал пройти одним огромным марш-броском, развернулись кровопролитные сражения. Сюда была подтянута армия Паттона, которая вначале наступала, а затем была вынуждена сдерживать контрнаступление германских дивизий Роммеля. Сам фельдмаршал из-за болезни вернулся в Германию, но его войска сохраняли боевой дух, верность фюреру и дрались до конца.

Некоторые американские и британские генералы, а за ними и военные историки упрекали Эйзенхауэра в недостаточной

решительности и медлительности во время военных действий в Тунисе. Он, однако, отвергал критику, подчеркивая, что стремился действовать наверняка, отказываясь от присущей ему на учениях авантюрной хватки. Это и понятно — только в Африке генерал впервые столкнулся с настоящей войной.

Когда генерал-майор Ллойд Фриденделл, командовавший американской армией, действовавшей на правом фланге тунисской операции, запросил разрешения на атаку крупных опорных пунктов немецких войск в районах городов Сфакс и Габес, главнокомандующий «строго предупредил» его, что план недостаточно обоснован, ибо он не укрепил в достаточной степени свои тылы на случай, если придется перейти к обороне{235}. В дневнике Дуайт записал, что за первый месяц сражений приобрел «богатый организационный опыт и правильное, логическое мышление, жизненно необходимые для успеха»{236}.

Но даже когда Эйзенхауэр счел, что войска в Тунисе подготовлены для крупного наступления, и отдал приказ о его начале 24 декабря, боевые действия оказались под угрозой срыва из-за отвратительной погоды. 22 декабря Дуайт отправился на передовые позиции, чтобы наблюдать, как развиваются события. Танки и артиллерийские установки тонули в грязи, резервы подтянуты не были по причине дождя и тумана. Приказ о наступлении пришлось отменить. «Это было самое страшное разочарование, которое мне пришлось перенести», — совсем неформально проинформировал Эйзенхауэр Объединенный комитет начальников штабов союзных государств{237}.

Командующему пришлось смириться, что его план завершения войны в Африке до начала зимы провалился. Союзникам пришлось остановиться, ибо они встречали ожесточенное сопротивление армии генерал-полковника Юргена фон Арнима, сменившего Роммеля и также являвшегося весьма опытным военачальником. К тому же у Арнима было явное превосходство в танках. Правда, его неоднократные просьбы к Гитлеру о подкреплениях и новой технике не удовлетворялись — шло ожесточенное сражение под Сталинградом, и Восточный фронт имел явный приоритет.

Ни та ни другая сторона не имели возможности развернуть успешное наступление. Зима 1942/43 года и ранняя весна были временем «окопной войны». Противники оказались почти в патовом положении.

К тому же здоровье главнокомандующего ухудшилось. На обратном пути в Алжир после вынужденной отмены приказа о наступлении он заболел тяжелым гриппом, продолжавшимся

почти две недели. В это время он впервые за всю военную карьеру стал часто терять спокойствие, за обедом пил виски большими порциями, чем обычно, и непрерывно курил, что лишь ухудшало его самочувствие, в чем он честно признавался супруге[238].

Касабланка и бои в Тунисе

В условиях, когда война в Африке затягивалась, а сам Эйзенхауэр находился в отнюдь не благоприятном физическом состоянии, он должен был предстать перед высшими государственными и военными деятелями союзных стран. С 14 по 24 января 1943 года проходила конференция Черчилля и Рузвельта в Касабланке. Помимо обсуждения проблем мировой политики и взаимоотношений союзников предстояло решить конкретные вопросы: каковы будут направления военных действий в 1943 году и кто будет ими руководить. На второй день конференции был назначен доклад Эйзенхауэра о положении на североафриканском театре военных действий.

Дуайт прилетел в Касабланку на один день. В дополнение к физическому недомоганию и расстроенным чувствам по поводу неудачи наступления в Тунисе он предстал перед Рузвельтом и Черчиллем непосредственно после того, как чуть не погиб: над Атласскими горами его «летающая крепость» стала терять высоту, так как из строя вышли два двигателя, и летчик с огромным трудом дотянул до места назначения.

Рузвельт, страдавший полиомиелитом и разбиравшийся в болезнях, тут же почувствовал, что генерал не в порядке. «Он производит впечатление очень нервного», — сказал президент Гарри Гопкинсу[239].

Впрочем, Дуайт быстро взял себя в руки, и первое негативное впечатление Рузвельта сменилось сдержанным одобрением доклада главнокомандующего. Черчилль и начальники штабов вооруженных сил обеих стран также позитивно оценили действия Эйзенхауэра. Особое впечатление произвели стремление командующего к максимальной интеграции союзных сил, его усилия по выдвижению на первый план не только американских, но также британских и канадских военачальников. Присутствовавшие были вполне удовлетворены и политическим курсом Эйзенхауэра в Северной Африке, и его отношением (по крайней мере внешним) к «делу Дарлана».

По предложению Д. Маршалла главы союзных государств решили оставить Эйзенхауэра на посту главнокомандующего союзными войсками на африканском театре и полностью

подчинить ему британские соединения, до этого имевшие некоторую автономию.

На конференции было решено продолжать наиболее активные действия в «мягком подбрюшье Европы». В качестве первого удара после освобождения Туниса (предполагалось, что это произойдет в ближайшие недели, как только погода позволит ввести в действие основные моторизованные силы) намечалась высадка на острове Сицилия.

Всеми этими действиями, согласно решениям конференции, должен был руководить Эйзенхауэр. Его заместителями становились: по сухопутным операциям — британский генерал-лейтенант Гарольд Александер, по морским — британский адмирал Эндрю Каннингем, а по воздушным — британский маршал авиации Артур Тедцер. Тот факт, что Эйзенхауэр оказался в английском «окружении», ничуть его не смущал: со всеми заместителями у него установились нормальные деловые и до некоторой степени дружеские отношения. Однако в Великобритании не все были довольны, что Эйзенхауэр остался на посту главнокомандующего. Даже несколько изменивший мнение о нем начальник британского штаба фельдмаршал Ален Брук, не скрывавший своего одобрения курса Эйзенхауэра на интеграцию союзных сил, продолжал считать, что у американца «нет тактического и стратегического опыта, необходимого для выполнения задач такого рода»{240}.

Правда, была одна несообразность: все три заместителя Эйзенхауэра превосходили его воинскими званиями. Дуайт заявлял, что вопрос о звании его не волнует, что заместители смогут свободно высказывать свои мнения, к которым он отнесется с уважением. Но высшие руководители считали, что такую ситуацию надо исправить. В Касабланке Маршалл даже сказал Эйзенхауэру по секрету, что поставил вопрос о присвоении ему высшего на тот момент в США звания полного (четырехзвездного) генерала (звание генерала армии, или пятизвездного генерала, будет учреждено Конгрессом в 1944 году).

Действительно, 10 февраля 1943 года было обнародовано решение президента Рузвельта о возведении Эйзенхауэра в звание полного генерала. Ему даже не удосужились об этом сообщить — он услышал по радио. Он немного поворчал по этому поводу, но на самом деле был несказанно рад — впервые такое звание получил военный деятель, не являвшийся начальником штаба армии. В США его до этого времени имели только Дуглас Макартур и Джордж Маршалл. Таким образом, за два года Эйзенхауэр прошел путь от временного полковника до полного

генерала. Это, естественно, значительно повысило его авторитет в глазах подчиненных.

В то время как на фронте, на территории Туниса, продолжалось затишье, Эйзенхауэру по-прежнему приходилось заниматься внутренними североафриканскими делами. Французы никак не могли найти общий язык. Поле гибели Дарлана административная власть в Северной Африке перешла к Жиро, который в несколько более мягкой форме, чем покойный адмирал, продолжал вишистскую политику: в тюрьмах оставались антифашисты, антисемитское законодательство не было отменено, хотя фактически перестало действовать. Жиро пытался общаться с Эйзенхауэром на равных, а иногда даже демонстрировал, что пост главы правительства выше поста командующего войсками. Несколько раз приходилось его одергивать, хотя и мягче, чем рекомендовал Рузвельт, который писал Черчиллю (копия письма была послана Эйзенхауэру): «Я всерьез полагаю, что мы осуществляем военную оккупацию Северной Африки, и наш командующий генерал имеет полное право выполнять все гражданские функции точно так же, как военные»{241}.

Вслед за конференцией в Касабланке Маршалл совершил краткую ревизию союзных вооруженных сил на территории Алжира, был вполне удовлетворен их состоянием, и его доверие к Эйзенхауэру еще более возросло. В то же время он выговаривал Дуайту (а это было явно несвойственно начальнику штаба), что тот не следит за своим здоровьем, переутомляется, слишком часто выезжает на передовые позиции. «У вас должен быть свой массажист. Это будет отличная штука, чтобы расслабиться перед сном», — рекомендовал Маршалл. Дуайт ответил, что если кто-то будет тереть ему спину, он «не расслабится, а только станет еще более нервным». В конце концов начальник штаба отдал соответствующий приказ подчиненным командующего. Массажиста нашли, но после первого же сеанса он был отправлен назад. Единственное требование Маршалла, которое было выполнено, касалось мер по физическому укреплению здоровья: Эйзенхауэр стал совершать конные прогулки с Кей{242}.

Об этих прогулках вскоре стало известно Мейми, которая восприняла их как новое доказательство неверности супруга, что без обиняков выразила в письме. В который раз Дуайту пришлось оправдываться: «Ты должна понять, что в такой суматошной жизни, которую мы здесь ведем, всевозможные истории, слухи, прямая ложь и тому подобное могут возникнуть без какой-либо опоры на факты». На беду, журнал «Лайф» сообщил, что в окружение Эйзенхауэра входит теперь его «лондонский водитель»

(то есть Кей). Дуайт вроде бы смог отбиться, сообщив в очередном письме, что Кей влюблена в одного «молодого американского полковника и собирается выйти за него замуж в конце июня, если оба останутся в живых», прибавив: «Я сомневаюсь, что “Лайф” рассказал об этом».

Представляется, что на протяжении всей войны Мейми, которая по состоянию здоровья не работала и жила только мыслями о муже и сыне, получала информацию о поведении Айка, преувеличенную до неузнаваемости, и сама умножала ее в своем воображении. Супруг же, руководя военными действиями, вынужден был всякими способами разуверять Мейми в правдивости сплетен и уверять в вечной любви. Он писал: «Я стар — мои романтические дни остались далеко позади, но я клянусь, что думаю о тебе и скучаю по тебе больше и люблю тебя больше, чем когда-либо»{243}.

Тем временем по заказам командующего на тунисскую линию фронта поступало всё больше танков и боевых самолетов — у немцев не было сил перехватывать и уничтожать морские и воздушные конвои.

Что же касается солдат и офицеров, то Эйзенхауэр никак не мог побороть их благодушие и безответственность. Демократические порядки в стране оказывали глубокое влияние на американскую армию, причем как позитивное (укрепление боевой дружбы и взаимной выручки, сознательное участие в сражениях, готовность отдать жизнь во имя полного разгрома военных преступников, поработивших и истреблявших миллионы людей), так и негативное (непривычка к дисциплине, попытки поставить под сомнение приказы командиров, небрежность в выполнении уставов и приказов).

Эйзенхауэру докладывали о непорядках в войсках, и сам он наблюдал факты безответственности, чреватые поражениями и потерями. Во время одной из инспекционных поездок он обнаружил, что воинская часть, занявшая позицию за два дня до его приезда, всё еще не установила мины перед своим расположением, а офицеры разрешали солдатам отправляться для развлечения в соседние деревни, откуда они возвращались не только вдрызг пьяными, но часто и подхватившими венерические болезни.

Пятнадцатого января 1943 года командующий направил в войска инструктивное письмо с очередным выражением глубокой озабоченности низким уровнем дисциплины и подготовки к сражениям. В письме указывалось: «По поводу каждого нарушения, начиная с того, что солдат не отдал честь или явился в не полностью застегнутой рубашке, и завершая серьезными

проступками, должны быть приняты немедленные меры; дисциплинарные меры должны быть приняты против офицеров, допустивших такие нарушения». В войсках, не находившихся на передовой, стали проводиться учебные походы на расстояние до 25 миль (больше 43 километров) с полной боевой выкладкой и без длительного отдыха. «Ошибки, совершённые во время маневров два года назад, теперь повторяются на поле боя — почти без каких-либо вариаций, но на этот раз ценой является человеческая жизнь вместо наложенного взыскания»{244}.

Между тем 14 февраля германские бронетанковые силы в Тунисе перешли в контрнаступление. Войска генерал-майора Фриденделла, застигнутые врасплох, начали отступать. Немцы стремились занять гористый район Кассерин, за которым лежало обширное ровное неукрепленное пространство. Хотя англичане и американцы оказывали отчаянное сопротивление, 21 февраля немцам удалось занять Кассеринский перевал.

Маршалл не обвинял Эйзенхауэра в неудаче, постигшей американскую армию, понимая, что зависела она от многих причин и лишь в последнюю очередь от главнокомандующего, который осознавал недостатки своих войск и стремился их преодолеть. Начальник штаба лишь попросил его дать анализ общего положения на театрах военных действий. В ответ Дуайт написал подробный аналитический обзор, в котором, в отличие от многих других военачальников Второй мировой, дал объективную оценку роли Восточного фронта. Обращая внимание, что незадолго до этого Красная армия перешла в наступление под Сталинградом, он напрямую связывал с ним перспективы кампании в Северной Африке: «Если наступление Красной армии окажется неэффективным, немцы смогут обеспечить численное превосходство над войсками союзников на африканском театре военных действий»; в случае же его успеха вынуждены будут отзывать свои войска, что станет «большим преимуществом для африканского театра». Эйзенхауэр заключал, что без учета развития событий на Востоке «быстрое решение принять невозможно»{245}.

Несмотря на немецкое наступление, Эйзенхауэр был убежден, что, добившись тактического успеха, армия Арнима не сможет развить его. В то же время американские войска приобрели опыт, который, был убежден командующий, успешно использует в предстоящих сражениях. Возможно, оптимизм был слегка преувеличенным, но Дуайт подбадривал себя, а вместе с тем и своих начальников. Он писал Маршаллу: «Солдаты теперь рассержены и готовы сражаться… Все наши люди от самого верхнего до самого нижнего уровня поняли, что это — не детская

игра, и вполне готовы заняться делом»[246].

Почувствовав себя вновь в своей тарелке, Эйзенхауэр принял дисциплинарные меры. Первой было увольнение генерала Фриденделла, допустившего сдачу перевала, и назначение вместо него верного и храброго до авантюризма Паттона.

Скорее всего, именно с этого времени осторожному и уже научившемуся дипломатничать Эйзенхауэру пришлось начать «внутреннюю войну» с частью высшего британского командного состава, представители которого считали, что он ущемляет их права, приписывает их победы американцам и т. п. В некоторых случаях это соответствовало действительности. И Эйзенхауэр, с одной стороны, и Брук и Монтгомери — с другой преувеличивали свои заслуги, а вслед за ними британские и американские журналисты, а после войны и историки решительно «вступали в бой», защищая «честь и доблесть» собственной страны. К сожалению, к ним «примкнул» и такой авторитетный исследователь, как С. Амброз, который в биографии Эйзенхауэра непомерно большое внимание уделил его конфликтам с Монтгомери, не ставя под сомнение, что во всех этих случаях был прав именно главнокомандующий.

Пока же Эйзенхауэр был всерьез обеспокоен тем, что «война слов» проникла в прессу. Журналисты цитировали слова Паттона: «Мы им покажем!» (имелись в виду вовсе не немцы, а англичане), — который, правда, отрицал их, но, возможно, они действительно были сказаны в пылу спора. Газеты приводили и высказывание английского генерала Александера о низком уровне подготовки американских частей до боев в районе перевала, с чем Эйзенхауэр был согласен, но считал эту информацию сугубо секретной. Как штабные сведения проникали в прессу? Было ясно, что перед штабными офицерами возникал соблазн покрасоваться перед репортерами[247].

Девятого марта Эйзенхауэр созвал аккредитованных при его войсках журналистов — формально на пресс-конференцию, а на самом деле чтобы прочесть им «весьма жаркую лекцию» о том, как следует себя вести. Он разъяснил значение англо-американского союза и пригрозил, что каждый, кто своими репортажами попытается нарушить единство, будет без сожаления удален с театра военных действий[248].

С большим трудом примирив американцев с британцами по вопросу, кто в чем виноват и кто должен нанести решающий удар, Эйзенхауэр провел последнюю неделю апреля, инспектируя передовые позиции, и убедился, что обе стороны сделали выводы и из поражения на Кассеринском перевале, и из позиционных боев в следующие месяцы. Он делал лишь конкретные замечания

по частным вопросам, и его приятно удивило заявление одного из британских генералов, что американские пехотные соединения — «в числе лучших, которые я когда-либо видел»{249}.

К этому времени в штабе Эйзенхауэра был уже подготовлен детальный план окончательного удара по противнику в Тунисе. 30 апреля объединенные силы перешли в наступление и на следующий день сломили оборону немцев, которые вынуждены были оставить выгодные высоты и отступить к городам Тунис и Бизерта. 7 мая британские войска Александера вступили в город Тунис. К концу этого же дня армия Брэдли овладела Бизертой, и он рапортовал Эйзенхауэру: «Наша миссия выполнена». Он преувеличивал, но не слишком сильно: оставалось очистить от разбросанных германских частей пограничные районы Туниса, что было осуществлено на протяжении следующей недели. 13 мая остатки германских войск в Северной Африке капитулировали. В плен было взято около 275 тысяч солдат и офицеров.

Эйзенхауэру адресовались тысячи поздравлений, в том числе от глав трех союзных держав — Рузвельта, Черчилля, Сталина. Дуайт явно щеголял своей скромностью, когда в ответ на односложное и сдержанное поздравление Маршалла писал: «Я всегда представляю себе все недостатки и в своих мыслях снижаю уровень достижений. И поэтому я мысленно стремлюсь провести новую кампанию. Вот почему весь этот крик по поводу кампании в Тунисе оставил меня совершенно холодным»{250}.

На самом деле Эйзенхауэру было чем гордиться: кампания в Тунисе была для него подлинным боевым крещением, проведенным нелегко, но с бесспорным успехом. Он, однако, не уставал подчеркивать, что победа была достигнута благодаря совместным усилиям вооруженных сил обеих стран. Когда британский политический советник Гарольд Макмиллан пришел к нему со словами: «Вот плоды вашей победы, генерал», — Эйзенхауэр ответил со слезами на глазах: «Вы имеете в виду — нашей»{251}. Правда, оба «забыли» упомянуть, что немалую роль в облегчении положения союзников в Северной Африке сыграла победа Красной армии под Сталинградом…

В любом случае конец 1942 года и начало 1943-го знаменовали перелом во Второй мировой войне в пользу антигитлеровской коалиции.

Итальянская операция

Ко времени завершения кампании в Северной Африке главами союзных западных держав уже было принято решение о

направлении дальнейших военных действий. На очереди стояла высадка на Сицилии. Однако оставалось под вопросом, куда союзники направятся далее. Эйзенхауэр считал, что затем надо будет нанести удар по Сардинии и Корсике, чтобы пока не решать, какая страна станет объектом дальнейших действий — Италия или Франция. Эти рекомендации направлялись начальству «по обязанности», так как сам Эйзенхауэр полагал, что пора приступать к непосредственной подготовке «Раундапа» — высадки на севере Франции.

Состоявшееся в мае 1943 года в Вашингтоне совещание начальников штабов союзных армий пришло к выводу, что крупные операции на севере Европейского континента могут начаться только весной 1944-го. До этого времени необходимо было принять решение о действиях после занятия Сицилии, и начальники штабов доверились Эйзенхауэру, но на всякий случай решили дать ему некие «общие» указания, которые на деле оказались достаточно конкретными. Рамки его самостоятельности были резко сужены — операцию следовало «планировать так, чтобы вывести Италию из войны и максимально сковать германские вооруженные силы».

Это решение явно было продиктовано Черчиллем, который вскоре сам прилетел в Алжир, чтобы проследить за тем, в каком направлении будет планироваться удар. По сути под давлением сэра Уинстона Эйзенхауэр отказался от намерений захватить Сардинию и Корсику и сосредоточил внимание своего штаба на подготовке действий на материковом побережье Италии. Со свойственной ему бульдожьей хваткой Черчилль изобретал всё новые аргументы в пользу своей позиции. Он пробыл в ставке Эйзенхауэра около недели и всё это время — за завтраком, обедом и ужином, да и в перерывах между ними — убеждал собеседника готовить высадку на «итальянском сапоге».

Так как Рузвельт и Маршалл в конце концов поддержали британского союзника, Дуайту пришлось на время отказаться от собственных не только отдаленных, но и ближайших планов. Его штаб разработал план высадки на наиболее благоприятных участках южного побережья Италии, быстрого продвижения к Риму, чтобы заставить Италию капитулировать и ликвидировать фашистский режим Муссолини.

Но прежде надо было овладеть Сицилией, а до нее — группой лежавших на пути к ней островов, которые, по данным разведки, были хорошо укреплены. Прежде всего это касалось Пантеллерии, наиболее крупного острова в Сицилийском проливе. С 8 мая по плану Эйзенхауэра остров подвергался постоянным атакам с воздуха, а потом его стали обстреливать с моря. Когда 11 июня на

Пантеллерии началась высадка американского десанта, итальянцы не оказали сопротивления.

В тот же день их гарнизон капитулировал, а вслед за этим без боя сложили оружие итальянские части, расположенные на соседних островах Пелагского архипелага.

На 9 июля была назначена высадка на Сицилии. Эйзенхауэр накануне прилетел на Мальту, чтобы непосредственно наблюдать за ходом боевых действий и в случае необходимости вносить коррективы. На море бушевал шторм, шел проливной дождь, авиацию использовать было невозможно, так как видимость составляла десяток метров. На запрос Маршалла, будет ли проведена операция согласно плану, Эйзенхауэр ответил: «Я сам хотел бы это знать!»{252} Ветер, однако, стал стихать, и командующий отдал приказ начинать операцию.

На побережье располагались итальянские части, готовые сложить оружие. Однако две германские дивизии оказывали сопротивление, которое замедлило продвижение американцев. Фельдмаршал Кессельринг, командовавший немецкими войсками в Италии, даже выразил удивление, что противник ввел в действие недостаточные силы и продвигается медленно{253}. Эйзенхауэр нервничал, выражал недовольство, считал, что именно англичане, в частности Монтгомери, тормозят завершение операции.

Постепенно союзные силы овладевали положением, в частности благодаря находкам Эйзенхауэра. Так, немалую роль в продвижении войск сыграли десантные суда, использовавшиеся для перевозки войск, артиллерии, автотранспорта и другой тяжелой техники, горючего, боеприпасов и продовольствия в обход взорванных противником туннелей и мостов, а также для высадки небольших десантов в тылу неприятеля.

Операция на Сицилии заняла шесть недель. Союзные силы потеряли около двадцати тысяч человек, противник — около тридцати тысяч убитыми и свыше 134 тысяч пленными. Захвачено было значительное количество боевой техники. И всё же немецким частям удалось отойти к Мессинскому проливу и переправиться на континент. Дуайт бушевал по этому поводу, считая, что освобождение Сицилии — только часть задачи, а главная цель — полностью разгромить германскую армию на острове — не достигнута. Он жаловался Мейми: «Расхаживаю, разговариваю, курю (всё время)… Нет смысла доказывать, что у меня чувство напряжения»{254}.

Это напряжение, часто доводившее до нервного истощения, было связано не только с недостаточно высокими темпами продвижения союзных войск, но и со столкновениями с

собственными подчиненными, включая друзей.

Особенно это касалось Паттона. Храбрый, презирающий опасности Паттон полагал, что такими же должны быть все его солдаты и офицеры. Между тем большинство из них оставались обыкновенными людьми — боящимися смерти, стремящимися обеспечить себе наибольшую безопасность. Из-за этого возникали всевозможные инциденты, хотя именно его войска освободили главный город Сицилии Палермо и крупный центр Мессину.

Как раз в тот день, когда армия Паттона вступила в Мессину, Эйзенхауэр получил рапорт начальника одного из прифронтовых госпиталей, в котором говорилось о недостойном поведении Паттона при посещении этого лечебного учреждения. Генерал спросил у одного солдата, чем он болеет, а услышав, что у того расстроены нервы и он не выносит звуков летящих снарядов, рассвирепел, ударил его по лицу, обозвал трусом и приказал медперсоналу выписать беднягу из госпиталя.

Письмо вызвало у Эйзенхауэра противоречивые чувства: с одной стороны, шла жестокая война и вроде бы было не до расшатанных нервов, тем более у рядовых солдат; с другой — раз уж врачи согласились принять солдата в госпиталь, значит, он действительно небоеспособен. Самоуправство Паттона Эйзенхауэр счел недопустимым. К тому же оказалось, что неделей ранее Паттон также ударил и словесно оскорбил другого солдата, страдавшего «усталостью от боев».

Дуайт вызвал Паттона, обвинил его в нарушении воинской этики и посоветовал извиниться перед подчиненными, по словам главнокомандующего, такими же американскими гражданами, как и сам Паттон, оскорбивший их не на поле боя, а в тылу. Паттон подчинился и принес извинения солдатам в присутствии докторов. Сочтя инцидент исчерпанным, Эйзенхауэр не сообщил о нем не только прессе, но даже Маршаллу.

Однако через некоторое время популярный журналист Дрю Пирсон, выступая в США по радио, рассказал о нем, обвинив Эйзенхауэра в попустительстве генералу-самодуру. Другие журналисты разыскали пострадавших солдат и передали их рассказы в преувеличенном виде. Дело дошло до Конгресса, где негодование действиями Паттона и Эйзенхауэра выразил даже командующий американскими войсками во время Первой мировой войны Джон Першинг, под началом которого когда-то служил Эйзенхауэр. В результате Дуайт был вынужден оправдываться перед начальством, а талантливый военачальник Паттон отстранен от командования и прозябал без должности 11 месяцев, тогда как армия крайне нуждалась в храбрых и самоотверженных военачальниках{255}.

Что ж, таковы издержки демократии. В традицию американских вооруженных сил уже вошли принципы строгой дисциплины, уважения к начальникам и в то же время уважительное отношение к достоинству и чести военнослужащих всех чинов.

Тревоги Эйзенхауэра по поводу хода сражений, конфликтов между британскими и американскими генералами, инцидентов, подобных случаям с Паттоном, только усиливались, когда он получал письма жены. Мейми становилась всё более эгоистичной, сетовала, что уже более года не виделась с мужем. Вместо того чтобы заняться общественной деятельностью, которая бы скрасила ее одиночество, она жаловалась на окружающих, на то, что письма мужа слишком коротки. Вдобавок у нее началась депрессия — не выдуманная, а подлинная, описываемая в современной медицинской литературе как психическое заболевание, проявляющееся в сонливости, внешне беспричинном упадке сил, раздражительности{256}.

Большую часть дня Мейми проводила теперь в постели, забывала поесть, ее вес резко снизился, она не желала появляться на публике, люди ее раздражали. В какой-то мере спасало «заочное общение» — она получала каждый день десятки писем и считала своим долгом ответить на каждое. По ее словам, она «читала мистические истории на протяжении целой ночи — и ждала».

Ко всему этому добавлялись муки ревности. Множество газетных репортажей сопровождалось фотографиями, на которых радом с генералом или чуть позади неизменно стояла Кей. Было ясно, что Дуайт тепло относился к своей секретарше, что их связывает не только служебное сотрудничество. Чтобы побольше бывать со своим шефом, Кей в Алжире вновь стала водить его машину. На обедах и ужинах, дававшихся генералом коллегам или приезжавшим политическим деятелям, Кей неизменно присутствовала, выполняя роль хозяйки. Бригадный генерал Эверетт Хьюз, старый знакомый Айка, записал в дневнике, что его водитель, тоже женщина, говорила ему, что скандал неизбежен, на что Хьюз ответил: «Кей помогает Айку выиграть войну»{257}.

С. Амброз отрицает факт интимной связи между главнокомандующим и его секретаршей, мотивируя большой разницей в возрасте (Кей годилась ему в дочери) и отсутствием времени на любовные отношения. Поэтому, мол, на фотографиях они всегда запечатлены в окружении людей{258}. Очевидно, что эти резоны выглядят слабо: никто из фоторепортеров просто не мог проникнуть в тайну общения Айка и Кей, когда они были наедине. Естественно, свою связь они не афишировали, хотя она

была очевидна тем, кто входил в штабное окружение. Правда, до лета 1943 года сплетни по поводу их отношений нивелировались распространяемыми самой Кей слухами, что она собирается замуж за подполковника Ричарда Арнольда. Когда же ее подлинный или фиктивный жених погиб, подорвавшись на мине в конце африканской кампании, другого кандидата в мужья Кей не подобрала. Так она и осталась в армии до 1945 года, дослужившись ко времени увольнения в запас до звания капитана. Всё это время она повсюду сопровождала Эйзенхауэра.

Через много лет, когда Дуайта уже не было в живых, Кей, у которой обнаружили неизлечимую злокачественную опухоль, продиктовала воспоминания, в которых рассказала, что у нее с Дуайтом на протяжении нескольких лет была «любовная история»{259}.

Поскольку не только «желтая» пресса, но и солидные американские газеты часто публиковали фотографии Кей вместе с Дуайтом (обьино в группе военных, но иногда и вдвоем), у Мейми были все основания для ревности и дурного настроения, приведшего к депрессии.

Ее раздражали любые мелочи. Узнав, что некие высокопоставленные чиновники, побывавшие то ли с ревизией, то ли, скорее, с экскурсионной целью в штаб-квартире Эйзенхауэра, привезли женам подарки, Мейми разразилась гневным письмом, в котором упрекала мужа, что он не купил ей ни одного платья, кожаной сумки или хотя бы шарфа. Дуайт должен был оправдываться. Правда, на этот раз в оправданиях явно чувствовалось раздражение: «Возможно, тебе трудно понять, что я не могу уделять время походам по магазинам, как это делают многие другие». Он добавлял, что вообще позабыл, что такое магазин, так как не был в нем более года{260}.

Переутомление и вызванное целым рядом обстоятельств дурное настроение стали причиной ухудшения здоровья Эйзенхауэра. Ему недавно пошел шестой десяток, но чувствовал он себя не моложе своего возраста, как было всего пару лет назад, а значительно старше. 10 августа 1943 года Дуайт предстал перед медицинской комиссией, которую командный состав американской армии обязан был проходить регулярно, обычно раз в год.

На сей раз у него нашли признаки крайнего переутомления и сильно повышенное кровяное давление. Медицинское предписание было категорическим: не менее недели полного отдыха, преимущественно в постели. Пользуясь своими правами главнокомандующего, Эйзенхауэр сократил отдых до двух дней, причем не в постели, а за письменным столом. Он просто не мог

позволить себе отвлечься от дел, так как впереди была новая ответственная кампания: 17 июля было принято решение о вторжении на материковую территорию Италии. Операция получила название «Аваланч» («Лавина»).

Девятнадцатого июля был совершен массированный авианалет на Рим. Воздушная атака была по приказу Эйзенхауэра организована так, чтобы не повредить Ватикан и основные памятники архитектуры. Налет дал неожиданный результат: первой же бомбежки оказалось достаточно, чтобы произошел государственный переворот. 24 июля собрался много лет не созывавшийся Большой фашистский совет. Муссолини выступил с докладом о положении в стране и на фронте. Один из лидеров оппозиции Дино Гранди предложил передать командование вооруженными силами королю и предоставить ему «высшую инициативу в принятии решений». За принятие этой резолюции голосовало 19 членов совета, против — семь. 25 июля Муссолини арестовали. Вечером было передано по радио сообщение о его отставке и назначении премьер-министром маршала П. Бадольо. Затем выступил сам Бадольо, заявивший, что Италия «остается верной своим обязательствам и следует вековым традициям». Вооруженным силам был отдан приказ «продолжать войну в союзе с Германией».

Эйзенхауэр, как и главы союзных держав, понимал, что это заявление было маскировкой, чтобы не допустить германского вторжения в Италию и вступить в тайные переговоры с союзниками. Бадольо, однако, колебался, принимать ли выдвинутое требование о безоговорочной капитуляции, на чем настаивали Черчилль и Рузвельт.

Тем временем германские войска под командованием фельдмаршала Альберта Кессельринга сразу после известия об аресте Муссолини стали быстро продвигаться вглубь Италии.

Союзникам необходимо было действовать без промедления. В день падения Муссолини Г. Макмиллан нашел Дуайта «в состоянии крайнего волнения и полным планов и идей по поводу использования сложившейся ситуации»{261}. Наилучшим вариантом ему, так и не научившемуся лицемерным нормам высокой политики, представлялось вторжение, прикрытое фиктивным соглашением с Бадольо, дававшим возможность предотвратить сопротивление итальянской армии.

Но Бадольо был видным фашистом, и соглашение с ним никак не вписывалось в принцип безоговорочной капитуляции. Вопреки ожиданиям Эйзенхауэра Черчилль и Рузвельт колебались, а немцы приближались к итальянской столице, даже сняв для этого две танковые дивизии с Восточного фронта. Шли

недели, а главы союзных государств всё никак не могли договориться об условиях перемирия с Италией. Они не соглашались на сохранение в Италии Савойской династии и Бадольо на посту премьер-министра, на чем настаивали итальянцы, передав эти требования через тайных посредников, которые встретились с представителями Эйзенхауэра в столице Португалии Лиссабоне.

Эйзенхауэр был просто взбешен. Ничем иным нельзя объяснить явно неуважительный тон его послания обоим высшим начальникам: «Я не вижу, как можно успешно вести войну, если каждое действие союзного верховного главнокомандующего должно быть послано правительствам для предварительного одобрения»{262}.

В конце концов Рузвельт и Черчилль придумали странную конструкцию: безоговорочная капитуляция Италии на кратких условиях (подробные предполагалось выработать позже): немедленное подписание перемирия, перевод военного флота и военно-воздушных сил на территорию, занятую союзниками, объявление войны Германии{263}. «Безусловная» капитуляция обусловливалась некими условиями! Что же касается будущих подробностей выхода Италии из войны, то об их содержании пока не знали даже те, кто собирался их разрабатывать.

Эту директиву Эйзенхауэр получил 18 августа и тут же передал ее прибывшему в расположение союзников итальянскому генералу Джузеппе Кастеллано. Тот в растерянности «попросил» подробных условий, о чем Эйзенхауэр тотчас известил своих начальников. В ответ 27 августа он получил огромный документ, содержавший четыре десятка пунктов, которые Макмиллан иронически назвал «мечтой плановиков и кошмаром для генералов»{264}. С большим трудом Эйзенхауэр добился разрешения вести переговоры с итальянцами только на базе кратких условий.

Кастеллано возвратился в Рим, откуда сообщили о принятии условий, но попросили, чтобы их обнародовали только вечером накануне высадки союзных войск на носке или в другой части «итальянского сапога».

Начало операции «Аваланч» было назначено на 9 сентября. Накануне вечером было объявлено о капитуляции Италии, а утром следующего дня предстояло подписать долгожданное перемирие. Американские войска высадились в районе Салерно, британские — на «носке» «сапога». Одновременно в район Рима были переброшены самолеты с артиллерийскими установками и десантными войсками, которыми командовал будущий крупный военный деятель, близкий к трем президентам США

(Эйзенхауэру, Кеннеди, Джонсону), а в то время генерал-майор Максвелл Тейлор.

Однако и на сей раз не обошлось без накладок. Сочтя, что количество союзных войск, прибывших в Рим, недостаточно для его обороны от немцев, Бадольо отказался подписать краткие условия перемирия. Узнав об этом, Эйзенхауэр, по свидетельству наблюдателей, пришел в «неистовство» и продиктовал грозное послание итальянскому премьеру: «Отказ с Вашей стороны полностью выполнить взятые обязательства соглашения приведет к серьезнейшим последствиям для Вашей страны. Никакие будущие Ваши действия не смогут восстановить веру в Ваши добрые намерения, и, соответственно, дело будет чревато роспуском Вашего правительства со всем вытекающим из этого для Вашей нации»{265}.

Рано утром 9 сентября Эйзенхауэр выступил по радио с объявлением о безоговорочной капитуляции Италии, не упоминая ни о каких «кратких условиях». Через час с аналогичным заявлением выступил перепуганный Бадольо. Дуайт, явно рисковавший, пойдя на довольно авантюрную игру («маленький покер», как он назвал эту историю), торжествовал: он выиграл если не Италию (на ее территории ожесточенные бои будут идти до мая 1945 года), то, по крайней мере, итальянскую армию и итальянский народ. Сам премьер и король Виктор Эммануил III вместе с сопровождавшими чиновниками отправились на военный аэродром, откуда вылетели на юг, в расположение союзных войск — очень своевременно: к концу дня германские войска вступили в Рим, не встретив сопротивления полностью деморализованных итальянских частей. Американские силы были вынуждены эвакуироваться из города.

Началась долгая итальянская кампания. Войска союзников под командованием Эйзенхауэра более или менее быстро продвинулись до района Неаполя, германские войска Кессельринга наступали на юг. Образовалась линия фронта. Союзники продолжали движение, но теперь очень медленно.

Свою штаб-квартиру Эйзенхауэр в конце сентября перенес во дворец Казерта к северу от Неаполя. Подчиненные стремились всячески услужить ему. Без ведома Дуайта для него подготовили роскошную виллу с видом на остров Капри, для приближенных к нему генералов — виллы чуть похуже, но достаточно богатые и изысканные. Когда Эйзенхауэр узнал об этом, он распорядился тотчас переоборудовать их в центры для краткого отдыха солдат, чьи части были отведены с передовых позиций. Сведения о таких жестах командующего, естественно, распространялись в войсках и делали его еще более популярным{266}.

Неясные перспективы

Шел 1943 год. В следующем году предстояли президентские выборы. Значительная часть американцев сомневалась, что Рузвельт, несмотря на всю его популярность, выдвинет свою кандидатуру в четвертый раз. Такого прецедента в истории Соединенных Штатов еще не было. В условиях военного времени на первом плане в глазах избирателей оказывались фигуры популярных полководцев. Заговорили, что, возможно, на президентский пост будет предложена кандидатура Макартура, который косвенно давал понять, что имеет определенные политические амбиции. Как бы в противовес Макартуру, чья репутация была противоречивой, стали говорить об Эйзенхауэре, который недавно успешно завершил североафриканскую стратегическую операцию и, казалось, вел к победному финалу итальянскую кампанию.

При этом его кандидатуру обсуждали представители разных политических лагерей. И до этого времени, и позже он решительно отрицал свою связь и с республиканцами, и с демократами. Теперь это использовали деятели обеих партий. Некоторые республиканцы считали, что Эйзенхауэр предпочтительнее Макартура, и пытались добиться от него поддержки. В то же время в кругах Демократической партии поползли слухи, что если Рузвельт решится вновь выдвинуть свою кандидатуру, то предложит Эйзенхауэру баллотироваться на пост вице-президента.

Занятый исключительно проблемами доведения войны до победного конца, Эйзенхауэр в это время действительно не помышлял о политической карьере. Когда сведения о расчетах на него в обоих лагерях дошли до него (о них заговорили в прессе и по радио, сообщали в письмах родственники и знакомые), он решил положить конец слухам, распространив заявление, основную мысль которого сформулировал в одном из писем: «Я едва ли могу представить себе какого-либо человека в Соединенных Штатах, который был бы менее подходящим, чем я, для политической работы любого характера»[{267}].

Кандидаты на президентский и вице-президентский посты скоро определились. Рузвельт действительно был выдвинут в четвертый раз. Учитывая решительное заявление Эйзенхауэра (в том, что он не ведет хитрую игру, не сомневался никто из знавших его), его имя как кандидата на один из высших государственных постов стало появляться в прессе всё реже, а

затем и вовсе исчезло.

Возможно, об этом в частном порядке Рузвельт поговорил с Эйзенхауэром, когда в конце ноября 1943 года они встретились в Каире, где президент принял участие в заседании Объединенного комитета начальников штабов. Свидание с президентом состоялось даже ранее официальных встреч: Дуайт вылетел в Оран, где встретил Рузвельта, затем сопровождал его в поездке по Тунису.

Естественно, в беседах речь шла не только о прошлых боях и предстоящих политических баталиях. Рузвельт обдумывал перспективы высадки на Европейском континенте. Было уже решено, что она состоится в конце весны 1944 года (в связи с внесением серьезных исправлений в план операции она была переименована в «Оверлорд» — «Повелитель»). Рузвельт считал, что наилучшим руководителем операции был бы генерал Маршалл, которому он полностью доверял. В этом мнении был и эмоциональный оттенок: Рузвельт считал, что только так, прославив на весь мир имя Маршалла как победоносного главнокомандующего на завершающем этапе войны, можно отблагодарить его за верную службу.

Об этом президент откровенно сообщил Эйзенхауэру: «Вы, Айк, и я помним, конечно, кто был начальником штаба во время Гражданской войны[8], но это знают очень немногие американцы вне круга профессионалов». Было понятно, что Рузвельт имеет в виду предстоявшее назначение главнокомандующим начальника штаба Маршалла. Но тут же президент стал жаловаться, какой огромной потерей для армии, для страны, для него самого будет утрата Маршалла — другого такого талантливого и мудрого руководителя вооруженными силами ему не найти. Адмирал Кинг, который также сопровождал Рузвельта в поездке, рассказал Эйзенхауэру, что президент почти уже принял решение назначить (по согласованию с Черчиллем) Маршалла Верховным главнокомандующим на европейском театре военных действий, заменив его в Вашингтоне Эйзенхауэром{268}.

Казалось, судьба Дуайта решена. Он уже подумывал о возвращении на родину и предстоявшей относительно спокойной жизни с упорядоченным рабочим графиком, общением с женой, учившимся в Вест-Пойнте сыном и другими членами семьи. Эти мысли, однако, были лишь внешним налетом; конечно же, в глубине сознания Дуайту было досадно, что другой, бесспорно, достойный человек, но всё же не он сам будет вести союзные войска в битвы на заключительном этапе войны в Европе.

Двадцать четвертого ноября Эйзенхауэр, прилетев в Каир вслед за Рузвельтом, выступил перед ним, Черчиллем и

союзными начальниками штабов с докладом о ситуации на Итальянском фронте. На присутствующих произвело неотразимое впечатление его глубокое владение нюансами не только военной, но и политической обстановки. Высокое начальство было удивлено, что командующий отнюдь не скрывает трудностей и недостатков его армий, дает реалистичный прогноз предстоявшим военным действиям. Кое-кто был даже обескуражен словами Эйзенхауэра, что на полуострове предстояла длительная и нелегкая война.

После скромной трапезы, приготовленной обслуживающим персоналом штаба Эйзенхауэра, Маршалл поблагодарил его за «прекрасный ужин в честь Дня благодарения[9]». Потрясенный Дуайт произнес, что он, занятый текущими делами, позабыл, что это было время одного из главных американских праздников. Маршалл тотчас приказал Эйзенхауэру взять отпуск на несколько дней. Когда же тот воспротивился, начальник штаба со свойственной ему резкостью заявил: «Если ваши подчиненные не могут работать без вас, это значит, что вы не смогли организовать их работу»{269}.

Подчиняясь решению начальства, Дуайт на два дня поехал в Иерусалим, где никогда прежде не бывал, сочтя, что тем самым приказ выполнен и он может вернуться к исполнению своих обязанностей.

Глава шестая.
ОПЕРАЦИЯ «ОВЕРЛОРД»

Командующий операцией

Тем временем Рузвельт, Черчилль и сопровождавшие их военные и политики отправились в Тегеран, где 28 ноября — 1 декабря состоялась первая конференция глав трех союзных держав — Рузвельта, Черчилля и Сталина. После того как Сталина заверили, что высадка на севере Франции будет проведена весной следующего года, советский вождь задал естественный вопрос, кто будет командовать ею.

Для британского и американского руководителей уже было ясно, что командовать будет американец, но в выборе конкретной фигуры Рузвельт всё еще колебался. В случае назначения Маршалла командующим союзными войсками (а Эйзенхауэра, соответственно, начальником Генерального штаба) возникала смехотворная, по мнению президента, ситуация: Эйзенхауэр становился бы руководителем Маршалла. Еще нелепее было бы, если бы Эйзенхауэр командовал равным с ним по званию Макартуром, принимая во внимание их давнюю и известную всем неприязнь. Но думается, что это был лишь предлог — президент явно склонялся к кандидатуре Эйзенхауэра. Он ответил Сталину, что решения о назначении еще нет. Сталин резко заметил, что в таком случае он не верит в серьезность намерения западных держав осуществить операцию. Припертый к стене Рузвельт пообещал, что назначение будет сделано в ближайшие три-четыре дня, «как только мы вернемся в Каир»{270}. Таким образом, утверждения некоторых авторов, в том числе весьма авторитетных, что Рузвельт обязался назначить командующего до окончания Тегеранской конференции и выполнил это обязательство в последний день заседаний{271}, беспочвенны. 7 декабря Сталину было направлено краткое секретное личное послание американского президента: «Было решено немедленно назначить генерала Эйзенхауэра командующим операциями по форсированию Канала[10]».

В тот же день Сталин получил еще одно послание Рузвельта, свидетельствовавшее, насколько серьезно будет вестись подготовка к высадке под командованием Эйзенхауэра:

«Во время конференции, только что закончившейся в Каире, мы достигли следующих решений относительно ведения войны против Германии в 1944 году в дополнение к соглашениям, к

которым пришли мы втроем в Тегеране.

В целях дезорганизации германской военной, экономической и промышленной системы, уничтожения германских военно-воздушных сил и подготовки к операции форсирования Канала наибольший стратегический приоритет будет предоставлен бомбардировочному наступлению против Германии…

Мы распорядились о том, чтобы были приложены величайшие усилия к расширению производства десантных средств в Соединенных Штатах и Великобритании в целях усиления предстоящих операций по форсированию Канала. Было дано указание о переброске некоторого числа десантных судов с Тихого океана для этой же цели».

Десятого декабря Сталин ответил: «Ваше послание о назначении генерала Эйзенхауэра получил. *Приветствую назначение генерала Эйзенхауэра* (выделенные курсивом слова добавлены в машинописный текст Сталиным от руки. — *Г. Ч., Л. Д.)*. Желаю ему успеха в деле подготовки и осуществления предстоящих решающих операций»{272}. Так советский руководитель ускорил принятие решения, о котором сам герой дня пока не знал.

Основным преимуществом Эйзенхауэра как главнокомандующего операцией «Оверлорд» было его умение, не жертвуя собственными принципами, работать в одной команде с такими трудными союзниками, которыми уже показали себя и британские генералы вместе с их подчиненными, и глава правительства Черчилль. Применительно к последнему сложность состояла в том, что, дав согласие на «Оверлорд», сэр Уинстон всячески стремился одновременно продолжать массированные военные действия на юге Европы, чтобы не дать возможности советским войскам овладеть значительной частью континента. Как уже показал опыт и как в еще большей степени покажет будущее, Эйзенхауэр мог находить убедительные аргументы, способные убедить мощного лидера союзников изменить или хотя бы скорректировать решения, на которых вначале упорно настаивал.

Такие беседы происходили, в частности, непосредственно после тегеранской встречи, с которой Черчилль возвращался больным. На аэродроме в Тунисе он заявил Эйзенхауэру: «Я совершенно без сил и не могу ехать дальше». Его уложили в постель в резиденции Эйзенхауэра и диагностировали воспаление легких с осложнениями{273}. Между хозяином и гостем происходили дискуссии, подчас острые. Касались они главным образом места основного театра дальнейших военных действий. Черчилль отстаивал преимущества периферийной стратегии,

Эйзенхауэр решительно придерживался возобладавшей в Тегеране позиции открытия фронта в Западной Европе и даже назвал дату принятия решения об операции в Северной Африке «самым черным днем в истории»{274}.

Определенную роль в выборе, сделанном президентом, сыграла и популярность генерала в войсках. Его свободные манеры, дружеское общение с солдатами и офицерами, расспросы, откуда они родом, крепкое рукопожатие взамен строгого взгляда — всё это были (по крайней мере, так казалось его собеседникам) природные черты Айка. Если в его поведении и содержались элементы игры, то она была настолько талантлива, что люди ее не замечали.

На подчиненных производило впечатление, что 53-летнему Эйзенхауэру было достаточно четырех часов сна, а поднявшись с жесткой койки, он буквально в течение минуты-другой включался в работу. На самом деле его кажущиеся выносливость и неутомимость не были естественными, а являлись результатом умения скрыть от окружающих свое действительное состояние.

Эйзенхауэр не раз во время войны болел гриппом (он был особенно подвержен этому недугу), но, даже выходя к сослуживцам с высокой температурой, сохранял бодрость и внешнее благодушие. Впрочем, правила гигиены Айк соблюдал не слишком аккуратно; в результате заболевали и сотрудники его штаба, которых он одаривал крепким рукопожатием.

В сентябре 1943 года он получил письмо от одного из родственников, который заметил, что, судя по фото в газетах, он вполне здоров. В ответе Айка говорилось: «Должен признаться, что иногда я чувствую себя человеком тысячелетнего возраста, когда с трудом ложусь в постель»{275}.

Встретившись с Эйзенхауэром в Тунисе на обратном пути с Тегеранской конференции, Рузвельт в машине как бы невзначай произнес: «Итак, Айк, вы будете командовать операцией “Оверлорд”»{276}. Почти смирившийся с мыслью о возвращении в Вашингтон на штабную работу, Дуайт воспринял назначение с внутренним восторгом, внешне, впрочем, ни в чем не проявившимся: он лишь заверил президента, что будет стараться выполнить порученное дело как можно лучше.

Не тратя на другие заботы ни дня, генерал Эйзенхауэр занялся подбором ближайших помощников. Своим первым заместителем с британской стороны он думал назначить Александера, с которым сработался в Африке. Однако по настоянию Черчилля был рекомендован упрямый и заносчивый Монтгомери. Дуайт согласился с его кандидатурой немедленно, чем обрадовал британского премьера; вполне возможно, старый

хитрец в очередной раз проверял, насколько Эйзенхауэр готов к сотрудничеству. Александер же оставался главнокомандующим союзными армиями в Италии.

Но когда Черчилль, обрадовавшись его первой уступке, пожелал, чтобы начальником штаба операции «Оверлорд» стал англичанин Генри Уилсон, Эйзенхауэр проявил характер — твердо возразил, что сохранит на этом посту Уолтера Беделла Смита, который в североафриканской операции показал себя выдающимся стратегом.

Еще одним заместителем командующего и руководителем всех военно-воздушных сил стал английский генерал Артур Теддер, а руководителем всех разведывательных и контрразведывательных служб — шотландец Кеннет Стронг. Эйзенхауэр знал Стронга как опытного и изобретательного специалиста и предполагал, что во время высадки и дальнейшего наступления роль разведывательных служб будет очень высока.

По настоянию нового главнокомандующего вместе с ним в Великобританию должны были отправиться его близкие сотрудники и помощники Микки Маккауф, Гарри Батчер и, разумеется, Кей Саммерсби.

Что же касается командующих отдельными армиями или группами армий, то были отобраны кандидатуры Омара Брэдли и Джорджа Паттона; позже к ним присоединился Бернард Монтгомери, который стремился к относительно самостоятельным действиям.

Перед официальным назначением на новый пост Эйзенхауэр взял двухнедельный отпуск — по приказу Маршалла, который в его обоснование писал: «Меня не интересует обычный ответ, который Вы можете мне послать. Огромное значение я придаю тому, чтобы Вы были умственно бодры, а Вы таковым не будете, если прямо перейдете от решения одной крупной проблемы к другой»{277}.

Единственный за время войны отпуск Эйзенхауэра начался 2 января 1944 года. Впрочем, эти две недели трудно назвать отпуском в полном смысле слова. Проговорив с женой всю ночь, утром он объявил, что ему необходимо немедленно отправиться в Военное министерство. Надо сказать, что Мейми, встретившись с Айком, была поражена произошедшими с ним изменениями. Курил он теперь непрерывно, и от него несло табаком. Но главное — Айк стал значительно более уверенным в себе, резким, даже в общении с женой: не дослушивал ее до конца, погружаясь в свои проблемы или переводя разговор на другую тему{278}.

В министерстве Дуайт вместе с генштабовскими сотрудниками занялся уточнением плана «Оверлорд». По его

указанию был расширен плацдарм высадки и решено одновременно провести вспомогательную операцию союзных войск на юге Франции (получила название «Энвил» — «Наковальня»). Были уточнены силы, которые необходимо задействовать в «Оверлорде»: не менее пяти дивизий первого эшелона{279}.

И всё же, опять-таки по настоянию Маршалла, 5 января Эйзенхауэры отправились на известный минеральными водами курорт Сульфур-Спрингс, где провели наедине лишь двое суток. Мейми вместе с радостью от встречи с мужем, который за несколько дней пребывания на американской земле стал чуть мягче, испытала новый приступ ревности, когда Айк ночью по ошибке назвал ее Кей. Пришлось оправдываться, но его объяснения только усиливали раздражение супруги{280}.

После краткого пребывания на курорте Дуайт поехал на встречу с родными в город Манхэттен, штат Канзас, организованную его младшим братом Милтоном, президентом тамошнего университета.

Из Абилина привезли маму, которая страдала тяжелой формой склероза и почти потеряла память. Дуайта предупредили, что при встрече может произойти всё что угодно. Но временами случаются чудеса. Увидев сына, Ида воскликнула: «Это же Дуайт!» — и с плачем бросилась в его объятия. Из братьев приехал только Артур. Рой внезапно скончался в июне 1942 года, не дожив до пятидесяти лет; Эдгар и Эрл жили очень далеко, на западе страны, и в условиях войны не могли добраться. Встреча была радостной, но с привкусом печали. На братьев произвел впечатление новый, зрелый, уверенный в себе Дуайт. Артур произнес: «Мне, пожалуй, жаль его врагов!»{281}

Собственно говоря, этим отпуск и завершился. Перед вылетом в Лондон у Эйзенхауэра состоялось несколько встреч с высшими штабными работниками, с командующими родами войск, с промышленными магнатами. Возник острый спор с генералом Карлом Спаатсом, полагавшим, что в «Оверлорде» нет необходимости, и уверявшим, что он мог бы в течение тридцати дней путем массированных ковровых бомбардировок главных городов Германии заставить ее капитулировать. Эйзенхауэр же был убежден, что Германия отнюдь не утратила способности сопротивляться и потребуется ряд наземных операций, которые займут не один месяц, прежде чем она сдастся на условиях безоговорочной капитуляции, как было провозглашено главами союзных держав в Тегеране.

Двенадцатого января состоялась встреча Эйзенхауэра с президентом. Рузвельт, больной гриппом, беседовал с

главнокомандующим лежа в постели, приняв меры предосторожности, чтобы его не заразить. Дуайт пытался переубедить Рузвельта в его подозрительном и недружелюбном отношении к Шарлю де Голлю, который к тому времени, возглавив Французский комитет национального освобождения (ФКНО), стал лидером всех французов, стремившихся к освобождению своей страны. От де Голля во многом зависело поведение французов на первом этапе «Оверлорда», в «день Д», как стали именовать дату предстоявшей высадки. Однако президент продолжал упорствовать в недоверии к французскому генералу, поведение которого считал «манерами монарха».

Обсуждалась также проблема оккупации Германии. Эйзенхауэр высказал мнение, что план раздела Германии на оккупационные зоны, который был в принципе одобрен на Тегеранской конференции, ошибочен, что Германию следовало бы сохранить как единое государство, временно управляемое специальным органом трех держав под единым руководством. Так, считал он, будет удобнее контролировать поведение советской военной администрации. Рузвельт вежливо выслушал эти соображения, которые, впрочем, никакого отражения в последовавшей практике не получили{282}. Вопрос был уже решен, три зоны оккупации предполагалось образовать сразу после завершения военных действий. Рузвельт высказался в том смысле, что он верит в благоразумие и добрые намерения русских{283}. Таким образом, Эйзенхауэру косвенно дали понять, что военному руководителю, даже такому ответственному, не следует вмешиваться в политику глав государств.

Две недели «отпуска», которого, по существу, не было, пролетели как мгновение. Да Айк и не стремился продлить свое пребывание на родине. Душой он был там, где предстояло готовить грандиозную операцию. Стремление поскорее отбыть в Лондон подогревалось постоянным нервным состоянием Мейми, которая всё время напоминала Айку о злополучной ночи, когда он назвал ее другим именем. «Не возвращайся, пока всё это не кончится, — твердила ему жена. — Я не смогу выдержать новую разлуку с тобой»{284}.

Официально о назначении Эйзенхауэра Рузвельт объявил в конце декабря 1943 года. Дуайт вспоминал: «Накануне Рождества, зная, что президент Рузвельт должен выступить с важной речью, мы все слушали радио. В этом выступлении президент впервые сделал публичное заявление о моем переводе на должность командующего операцией “Оверлорд” и назвал мой новый титул “Верховный командующий союзными экспедиционными силами”. Титул звучал очень внушительно, на что мой военно-морской

помощник капитан 2-го ранга Батчер заметил, что его крупной проблемой на следующей неделе будет изготовление соответствующих канцелярских бланков с указанием моего величественного титула»[285].

Это сообщение означало, что в сравнительно близком будущем предстоит крупная десантная операция в приблизительно указанном районе — на северном побережье Западной Европы. Естественно, более конкретные данные не сообщались. Однако тот факт, что генерал, перед этим победоносно завершивший кампанию в Африке и ведший успешные боевые действия в Италии, прибыл в Лондон в качестве руководителя союзных сил, вызывал естественные предположения, что высадка войск произойдет в Нормандии.

Подготовка высадки

Новая командная структура получила название Верховная штаб-квартира союзных экспедиционных сил *(Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force — SHAEF)*. Разместили ее в том самом пригороде Лондона, где в 1942 году находился штаб Эйзенхауэра, когда он командовал американскими силами в Великобритании. В Тедцингтоне, на окраине Буши-парка, начали обживаться старые и новые военные руководители. Название новой структуры держалось в секрете, но сокращение, смысл которого, вероятно, простые лондонцы не понимали, проникло в их среду, и дорогу, которая вела к штаб-квартире, горожане называли «улица Шаеф»[11].

За несколько месяцев были сформированы основные силы предстоявшей операции: 1-я союзная воздушно-десантная армия; 21-я британская армейская группа, состоявшая из одной британской и одной канадской армий; 12-я американская армейская группа, в которую вошли 1, 3, 9 и 15-я американские армии; 6-я американская армейская группа в составе 7-й армии США и французской армии. Вначале эти армейские группы существовали только на бумаге и лишь постепенно создавались из соединений, поступавших в распоряжение Эйзенхауэра.

С британскими генералами и офицерами, служившими в штаб-квартире, установились деловые, а часто и дружеские отношения. С Теддером и Каннигемом Эйзенхауэр иногда встречался по вечерам, когда случалось свободное время: играли в бридж, обсуждали поведение знакомых, а иногда и высшего руководства. Впрочем, разговор невольно сворачивал на предстоявшие действия, и подчас за карточным столом

намечались оригинальные решения. Видимо, по инициативе когото из британских генералов в феврале 1944 года англичане, служившие в штабе, преподнесли своему начальнику серебряный поднос с выгравированными на дне фамилиями дарителей. Не привыкший ни к роскоши, ни к дорогим подаркам Дуайт был растроган и в письме жене подробно описал эту «драгоценность», по его словам, «достойную короля» и даже приложил фотографии, добавив, что отдал блюдо на сохранение в банк вне Лондона, подальше от германских бомбардировок{286}.

Несмотря на огромную ответственность, Эйзенхауэр в первые месяцы 1944 года чувствовал себя более расслабленно, чем во время африканской и итальянской операций. Во всяком случае, деятельность его была в это время скорее умственной, организаторской, слегка бюрократической. Не приходилось принимать решений, от которых непосредственно зависела жизнь людей, хотя он отлично понимал, что любая неувязка в «Оверлорде» может стоить сотен тысяч жизней подчиненных ему солдат и офицеров. И всё же Дуайт мог позволить себе, как в давние годы, отправиться на охоту или рыбную ловлю. Более того, он стал позволять себе оставаться наедине с Кей. «Его поцелуи были для меня полностью объяснимы», — писала она в старости{287}. Естественно, до Мейми доходили новые слухи. Она писала супругу о разговорах по поводу частого посещения американскими офицерами лондонских ночных клубов и якобы царящего в войсках аморального поведения.

Теперь она не упрекала Айка прямо, но в пересказах слухов чувствовались намеки. Вновь приходилось оправдываться: «Картина, возникающая в результате всех этих сплетен, сильно преувеличена. Что же касается группы [людей], окружающих меня, я знаю, что их главной заботой является дело, и их поведение не позволяет упрекать их ни в чем»{288}.

Если общая цель и примерное время проведения операции были уже определены — войска Эйзенхауэра должны были высадиться на севере Франции ориентировочно в начале мая 1944 года, — то точное место высадки еще обсуждалось. Логика подсказывала (и разведывательные данные подтверждали), что немцы ожидают десант в проливе Па-де-Кале (Дуврском) — самой узкой части Ла-Манша, шириной всего 32 километра. Здесь германское командование и сосредоточило основные оборонительные силы. Эйзенхауэр постепенно склонился к смелому решению: высаживать войска там, где их не ждали, — в широкой части Ла-Манша.

Было желательно, чтобы высадка происходила в наиболее благоприятных естественных условиях: в начале теплого сезона, в

полнолуние, во время отлива (чтобы не угодить в морские ловушки, которые немцы в изобилии расставили в проливе). Если бы не удалось осуществить операцию в начале мая, необходимо было бы ожидать совпадения благоприятных обстоятельств минимум до начала июня. Что же касается погоды, то никто заранее не мог предсказать, не возникнет ли шторм как раз во время, назначенное для десанта.

Но операция планировалась так, чтобы все субъективные препятствия ее проведению были преодолены. Вскоре было установлено, что пяти дивизий достаточно, чтобы нанести первый удар, но крайне мало для закрепления на побережье, создания мощного плацдарма и наступления вглубь Франции, и необходимо было перебрасывать на континент дополнительные силы. Оказалось также, что американских десантных кораблей, которые уже находились в Великобритании, не хватит даже для высадки частей, которые должны нанести первые удары. Эйзенхауэр запросил дополнительно не менее 270 транспортных судов, согласившись в случае невозможности их подхода к концу апреля отложить операцию на начало июня. «Никакая меньшая величина не даст нам в минимуме то, что необходимо, чтобы обеспечить успех», — писал он Объединенному комитету начальников штабов через неделю после прибытия в Лондон{289}.

Далеко не все вопросы решались легко. Черчилль возражал против проведения вспомогательной операции на юге Франции, полагая, что после освобождения Рима основные силы союзников, действовавшие в Италии, надо направить не на запад, как требовал Эйзенхауэр, а на восток, на Балканы, в частности в Югославию, где можно было получить помощь как от вооруженных отрядов четников Дражи Михайловича, военного министра эмигрантского правительства Югославии, так и от партизанской армии Иосипа Тито. Дуайту пришлось использовать немало аргументов, чтобы британский премьер согласился с необходимостью «левого», а не «правого» поворота армии Александера из Италии.

Если с Черчиллем удавалось достичь соглашения уговорами и даже лестью, то с некоторыми американскими военными Эйзенхауэру приходилось вести словесные баталии. Он был возмущен поведением адмирала Эрнста Кинга — главнокомандующего военно-морскими силами США и одновременно начальника Главного морского штаба. В ходе войны по настоянию Кинга было отдано предпочтение ускоренному строительству авианосцев вместо линкоров. В 1943 году было построено и спущено на воду шесть авианосцев, что позволило достичь американского господства на Тихом океане. В

сражении у Марианских островов флот США под командованием Кинга разгромил японскую эскадру Кинг по-прежнему полагал, что именно на Тихом океане решается судьба войны. Эйзенхауэр жаловался Маршаллу, что адмирал даже держит от него в секрете численность американского флота, как будто бы флот «ведет свою, частную войну». Поведение Кинга, по мнению Дуайта, влекло за собой опасность для осуществления «Оверлорда».

Опасения Эйзенхауэра были высказаны в настолько острых выражениях, что Маршалл вынужден был в ответном письме вылить на адресата ушат холодной воды: «Я хотел бы верить, что место, где Вы находитесь, и давление, которое на Вас оказывают, не окрашивают Ваши суждения». Маршалл, конечно, был уверен, что Эйзенхауэр не находится под чьим-то влиянием, но счел целесообразным слегка приструнить его. Эйзенхауэр чувствовал, что Маршалл пытается его «довоспитать», но, осознавая уникальность своего положения и будучи уверен в своей правоте, отвечал жестко: «Я всегда сообщал Вам свое собственное личное убеждение относительно каждого проекта и плана, которые предстояло выполнить»{290}.

Разрабатывая операцию, Эйзенхауэр оценивал стратегические плюсы и минусы противоборствующих сторон.

Начиная с 1942 года немцы сооружали Атлантический вал, который, по мнению его проектировщиков, должен был стать неприступным. Но к концу 1943 года эта система связанных между собой укреплений, минных полей, дотов была готова лишь на пятую часть, хотя на строительстве было занято до полумиллиона человек — солдат вермахта, а также военнопленных и угнанных в Германию рабочих из оккупированных стран. Предполагая, что высадка противника произойдет в районе Па-де-Кале, фельдмаршал Роммель, который теперь командовал германскими войсками в Северной Франции, приказал значительно укрепить Атлантический вал именно на этом участке. Были построены новые доты для пулеметов и артиллерии, на берегу сооружены густые минные поля, противотанковые ежи, надолбы, на морской прибрежной полосе установлены подводные заграждения и морские мины. На открытых территориях, где могли быть высажены воздушные десанты, вкапывались бревна, к которым подвешивались мины (их называли «спаржа Роммеля»). Во всяком случае, германская оборона на Западе отнюдь не являлась пропагандистским мифом, как нередко утверждали советские авторы{291}. Однако из-за разногласий Роммеля с командующим германской группировкой во Франции фельдмаршалом Карлом Рундштедтом единый план обороны не был выработан, что привело к несогласованности

действий немецких войск во время англо-американской высадки{292}.

Преодолеть Атлантический вал, даже путем высадки в широкой части Ла-Манша, а не в узком Па-де-Кале (с проведением отвлекающей операции именно там, где Роммель ожидал появления основных сил противника), было нелегко. Преимуществом англо-американских сил было господство в воздухе и на море, что обеспечивало возможность не только массированных десантов с кораблей и самолетов, но и нанесения бомбовых ударов по Атлантическому валу и ведущим к нему коммуникациям.

Правда, бомбардировщики были в полную силу использованы только непосредственно перед высадкой. Мнение Эйзенхауэра о необходимости за два месяца до высадки начать удары с воздуха по прилегавшим железнодорожным путям («железнодорожный план») не было учтено. Командующие авиацией союзников британский маршал авиации Артур Харрис и американский генерал Карл Спаатс считали более правильными мощные бомбардировки Германии, прежде всего ее основных топливных баз («нефтяной план»), и даже заместитель Эйзенхауэра Теддер, ранее командовавший британской военной авиацией, не смог добиться от Харриса смены тактики.

В ходе дискуссии Маршалл поддержал Эйзенхауэра, а Черчилль — авторов «нефтяного плана». Стороны никак не могли прийти к окончательному решению. Эйзенхауэр даже грозил отставкой, если «транспортный план» не будет принят к исполнению{293}. Но в тот самый день, когда он отправил Маршаллу гневное письмо об отставке, британская сторона (вероятно, под давлением Теддера) пошла на существенную уступку. Теддеру было поручено составить список важнейших железнодорожных коммуникаций во Франции и Бельгии для нанесения по ним первоочередных ударов. В список Теддера вошло свыше семидесяти целей. Ознакомившись с ним, Черчилль одобрил изменение курса и стал ярым сторонником «транспортного плана». Единственная его оговорка состояла в том, что бомбардировки должны проводиться как можно более аккуратно, чтобы не сильно пострадало население. Британский премьер объяснял, что не желает, чтобы после войны французы и бельгийцы смотрели на англичан с ненавистью{294}. Против этого у Эйзенхауэра не было возражений. Протесты ожидались со стороны де Голля и его помощников, однако они также одобрили «транспортный план», согласившись, что «война есть война».

С конца марта до начала июня на транспортные узлы, мосты, железнодорожные пути и автомобильные дороги, ведущие к

северному побережью Франции и Бельгии, было сброшено 76 тысяч тонн взрывчатых веществ. Транспортная система региона была полностью расстроена, что стало одной из предпосылок успеха высадки в Нормандии и последующих наступательных действий[295].

Сам же Эйзенхауэр явно гордился, что настоял на «транспортном плане», и в одном из своих последних интервью в 1968 году утверждал, что он стал его важнейшим личным достижением во время осуществления операции «Оверлорд»[296]. На деле разрушение транспортных коммуникаций было лишь одной из целого ряда задач, которые решались под руководством командующего, но в его памяти этот «транспортный план» отложился особенно отчетливо, видимо, в связи с тем, что пришлось преодолеть сопротивление авторитетных друзей-противников.

Важна была и операция «Фортитюд» («Стойкость») — комплекс мер по введению врага в заблуждение относительно района высадки и размера контингента, который намечалось задействовать. Ее Дуайт вспоминал реже и придавал ей меньшее значение, скорее всего, потому, что по этому поводу не было разногласий. План операции предусматривал множество «обманных действий»: фальшивые кодовые сигналы, которые, как полагало союзное командование, немцы смогут расшифровать; выдвижение армии Паттона, предназначенной для участия лишь во втором эшелоне высадки, в район Па-де-Кале, где Роммель ожидал главной атаки; передвижение по дорогам Шотландии одних и тех же воинских частей с различной маркировкой, чтобы немецкая агентура принимала их за разные группировки, и т. д. Задачи операции «Фортитюд» были в основном выполнены: немцы сконцентрировали основные силы в районе Па-де-Кале, а в секретных сводках германского командования численность англо-американских войск, предназначенных для высадки, определялась в 89 дивизий, тогда как на деле составляла 47 дивизий[297].

По настоянию Эйзенхауэра была предпринята и такая чрезвычайная мера, как цензура дипломатической почты, отправляемой из Великобритании, — разумеется, с предупреждением соответствующих ведомств стран, с которыми британцы находились в официальных отношениях. Цензура не распространялась только на США и СССР. Черчилль для вида несколько дней посопротивлялся введению этой меры, но затем провел соответствующее решение на заседании британского кабинета[298].

Эйзенхауэр строго следил, чтобы американские военные,

часть которых привыкла на родине к «свободному» образу жизни, не поддавались соблазнам, которые могли привести к разглашению военных тайн. Касалось это и генералов. Показательная история произошла за полтора месяца до высадки. Генерал-майор Генри Миллер, знакомый главнокомандующего еще по Вест-Пойнту, на каком-то приеме выпил лишнего и стал рассказывать о предстоявшей операции. В самом этом факте и даже в том, что болтливый генерал назвал дату — 1 мая, — не было ничего страшного. О грядущей высадке в общих чертах знал весь мир, дата же, как мы знаем, была приблизительная. Но Эйзенхауэр решил примерно наказать виновного: понизить в чине до полковника и немедленно отправить на родину. Униженные просьбы Миллера были отвергнуты, он с позором возвратился в США, а затем ушел с воинской службы. Сообщая Маршаллу об инциденте, Дуайт не скрывал эмоций: «Я был так зол по поводу этого совершенно никому не нужного происшествия и дополнительных связанных с ним рисков, что с радостью сам бы расстрелял виновника»{299}. Отметим, что письмо было послано через месяц с лишним после происшествия, а Дуайт всё еще кипел гневом.

Эйзенхауэр внимательнейшим образом следил за всеми аспектами подготовки «Оверлорда». В работе участвовали тысячи солдат, офицеров, штатских специалистов, наемных рабочих, промышленников, транспортников и т. д. В числе изобретений, с удовлетворением одобренных Эйзенхауэром, были искусственные гавани, которые предполагалось транспортировать к французскому побережью, чтобы ускорить высадку войск. По мере ее приближения напряжение усиливалось. Дуайт сильно устал, но считал, что выдаст сокровенную тайну, если подчиненные поймут это.

Свои чувства Айк, как и раньше, выражал в письмах жене. «Как хотелось бы мне, чтобы этот жестокий военный бизнес был завершен быстро», — признавался он, а в других письмах называл войну «печальным делом» и признавался, как страшно посылать солдат, совсем еще мальчиков, на верную смерть. Айк приходил к выводу, что суровое наказание тех, кто развязал войну и привел к гибели миллионов людей, необходимо, но это — только часть послевоенных задач, что нужно найти пути для устранения войн из жизни общества{300}.

Разумеется, это были лишь эмоциональные эскапады, носившие утопический характер, но они свидетельствовали о чувствах. Думается, именно перед высадкой в Нормандии в голове Эйзенхауэра из отвлеченных планов всеобщего мира на земле начали возникать те реальные конструкции международной

безопасности, которые он будет пытаться осуществить на своих послевоенных постах, от начальника штаба армии до президента США.

Пока же главнокомандующий, заботясь об успешности предстоявшей операции, думал прежде всего о том, чтобы на побережье осталось как можно меньше могил, хотя отлично понимал, что их будет немало. Как справедливо замечает С. Амброз, «для помощников Эйзенхауэра рядовые были прежде всего солдатами; для Эйзенхауэра они были гражданами, временно призванными войной, которую никто из них не жаждал, но которую они считали теперь необходимой»{301}.

Отложив намеченную высадку на месяц (разумеется, по согласованию с высшим руководством обеих стран) из-за недостатка сил, Эйзенхауэр на протяжении мая проверял и перепроверял готовность войск. 15 мая в штаб-квартире Монтгомери в Западном Кенсингтоне главнокомандующий собрал всех руководителей операции на итоговое совещание. Впрочем, это была скорее демонстрация готовности к предстоящим боям, ибо сюда явились король Великобритании и Северной Ирландии Георг VI, не обладавший властными полномочиями, но внимательно следивший за всеми перипетиями военных действий, глава британского правительства Черчилль, премьер-министр Южно-Африканского Союза Ян Смэтс и другие деятели самого высокого ранга. Эйзенхауэр кратко приветствовал собравшихся, предоставив честь выступить с отчетом генералу Монтгомери. Последний не скрывал, что союзные войска встретятся с крайними трудностями, но выразил уверенность, что все преграды будут успешно преодолены. Перед тем как король покинул собрание, Эйзенхауэр заверил его и всех собравшихся, что для успеха «Оверлорда» приложены максимальные усилия, подчеркнув, что военно-морская армада, которой предстояло действовать, была крупнейшей из всех, когда-либо существовавших в мире. Обращаясь к королю, он внешне вполне серьезно заявил, то на французском берегу уже наметил виллу, где остановится его величество, когда соблаговолит посетить соседнюю страну{302}.

Открытие Западного фронта

Казалось, для высадки всё готово. Но внезапно возникали новые и новые проблемы. 29 мая Эйзенхауэру сообщили, что немцы начали укреплять как раз тот район, где предполагалось десантировать американских парашютистов. Обсудив ситуацию с

помощниками, Дуайт решил не вносить изменений в намеченный план. Вскоре выяснилось, что сообщение разведки было ошибочным — о районе высадки немцы не догадались не только до начала операции, но и в ее ходе, полагая, что это лишь отвлекающий маневр с целью прикрытия основных сил.

Начать было решено 4 июня. 2-го числа Эйзенхауэр переместил свой штабной пункт (основная часть штаб-квартиры оставалась на прежнем месте) в имение «Саутвик-Хаус» к северу от Портсмута в графстве Гэмпшир. Старинная усадьба использовалась британскими королями как летняя резиденция, а с 1943 года здесь находился передовой командный пост штаб-квартиры. Именно отсюда Эйзенхауэр руководил операцией.

Политической трудностью, с которой столкнулся командующий, был отказ де Голля подписать обращение к участникам французского Сопротивления об оказании помощи войскам союзников, прежде чем возглавляемый им Французский комитет национального освобождения будет признан в качестве временного правительства страны. 3 июня де Голль в сопровождении Черчилля прибыл в Саутвик-Хаус. Эйзенхауэр принял француза подчеркнуто любезно. Он преувеличивал силу Сопротивления, которое выражалось главным образом не в партизанских выступлениях, а в распространении нелегальных газет и листовок, как переоценивал и степень влияния де Голля на подпольные организации. Однако это обнаружится в следующие недели.

Дуайт показал де Голлю текст речи, с которой собирался обратиться к французам. Слова о том, что местная администрация (то есть вишисты) должна оставаться на своих местах и что после освобождения французы изберут правительство, привели председателя ФКНО в бешенство. Он потребовал, чтобы в речь были внесены изменения в том духе, что национальные предатели должны быть немедленно отстранены от власти и подвергнуты справедливому наказанию, а ФКНО объявлен временным правительством республики.

Эйзенхауэр принес извинения, но объяснил, что сделать это уже невозможно, так как речь записана на пленку и будет пущена в эфир одновременно с началом высадки. В связи с этим де Голль заявил, что останется в стороне и не будет выступать с обращением к французам о поддержке англо-американских войск. Расстались они холодно, но вечером того же дня Эйзенхауэру передали, что де Голль (очевидно, под давлением Черчилля) передумал. Когда через три дня французы услышали обращение Эйзенхауэра, вслед за ним прозвучала речь Шарля де Голля, в которой он назвал себя главой Франции и указал, что его

сограждане «должны точно следовать указаниям французского правительства и руководителей, которые им признаны»{303}.

Это было не совсем то, чего желал Эйзенхауэр, и совсем не то, на что рассчитывал Рузвельт, но приходилось считаться с тем, что, по всей вероятности, именно с де Голлем как главой правительства освобожденной Франции придется иметь дело.

Теперь, когда все приготовления к высадке были завершены, в действие вступал фактор, на который не только Эйзенхауэр со своим штабом, но и никто другой повлиять не мог: погодные условия. Метеорологи предупреждали, что ожидается сильное ненастье. Короткое улучшение погоды предполагалось 6 июня, и высадка была перенесена на этот день. Дуайт считал, что вновь откладывать «Оверлорд» невозможно: следующее сочетание благоприятных условий было только через три недели, а за это время немцы могли распознать намерения противника и сильно укрепить район. Эйзенхауэр принял решение начать операцию 6 июня при любых условиях.

Главнокомандующий взял на себя огромную ответственность. Метеопрогноз не очень уверенно обещал 6 июня кратковременное улучшение погоды. «Это — чертова игра, но это — самая лучшая игра из всех возможных», — нервно расхаживая по своему кабинету, сказал Айк начальнику штаба Смиту.

В ночь на 6 июня, проведя в постели не более двух часов, Эйзенхауэр поднялся в половине четвертого. Как о чем-то будничном, он сказал: «Ладно, давайте начинать»{304}.

Генералы ринулись передавать приказ главнокомандующего. А он подписал заранее подготовленное обращение к войскам, завершавшееся словами: «Свободные люди всего мира вместе движутся навстречу победе. Я полностью верю в вашу смелость, верность долгу и умение в бою. Мы не остановимся ни перед чем, кроме полной победы! Удачи вам! И пусть все мы удостоимся благословения Всемогущего Бога в великом и благородном предприятии»{305}.

Сам же главнокомандующий, отнюдь не уверенный в успехе предприятия, отправился в свой кабинет и написал на листе бумаги: «Наша операция провалилась, и я отзываю свои войска. Вся вина за неудачу этой попытки лежит только на мне»{306}. Что побудило Эйзенхауэра написать это? Возможно, что он решил в случае серьезной неудачи покончить жизнь самоубийством.

К счастью, с рассветом 6 июня благоприятный метеопрогноз подтвердился. Ветер стал стихать, появились первые лучи солнца. Эйзенхауэр отправился на машине (за рулем была Кей) в одну из воздушно-десантных дивизий, солдаты которой как раз занимали места в самолетах. Генерал был обрадован бодрым настроением

подчиненных. В ответ на попытку Эйзенхауэра приободрить их один десантник сказал: «Черт побери, мы не боимся, генерал. Пусть теперь крауты[12] боятся». От другого Дуайт услышал: «Смотри, Гитлер, мы идем!» В воспоминаниях Эйзенхауэр писал: «Я застал солдат в хорошем настроении; многие шутливо говорили, что нет причин для беспокойства, поскольку за дело берется 101-я дивизия. Всё будет сделано в лучшем виде. Я оставался с ними, пока последние группы не поднялись в воздух около полуночи»{307}.

Вскоре с французского берега стали поступать сообщения, что с большим трудом, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, неся немалые потери, американские, британские и канадские войска начали закрепляться. К исходу 12 июня был создан плацдарм протяженностью 80 километров по фронту и 10–17 километров в глубину; на нем находилось 16 дивизий союзников (12 пехотных, две воздушно-десантные и две танковые). Огромную роль сыграли искусственные гавани, собранные в первые дни операции по приказу Эйзенхауэра.

Десятого июня в Лондон прибыли Маршалл и начальники штабов авиации и флота — Арнольд и Кинг. 12 июня они вместе с Эйзенхауэром на эсминце пересекли Ла-Манш и посетили штаб-квартиру Омара Брэдли, обсудив план дальнейших действий. По возвращении в США начальник Генштаба доложил Рузвельту: «Эйзенхауэр и его штаб хладнокровны и уверены в себе, возложив на себя дело невероятной важности и сложности и осуществляя его с высшей степенью эффективности»{308}.

Во время встреч высших должностных лиц обсуждался вопрос о наградах. Но для Дуайта высшей наградой был приказ Маршалла, чтобы лейтенант Джон Эйзенхауэр провел полагавшийся после окончания военной академии двухнедельный отпуск с отцом. 13 июня Эйзенхауэр-младший прилетел на американскую военную базу в Шотландии, а затем его привезли в резиденцию главнокомандующего. По его словам, только тогда, увидев, какой огромный аппарат находится в подчинении отца, лейтенант понял всю важность его миссии{309}.

Командуя величайшей в истории десантной операцией и неся грандиозную ответственность за ее исход, Дуайт волновался, как сложатся отношения сына с Кей. К счастью, Джон смог без предубеждения подойти к ситуации. Несколько раз, совсем по-семейному, они играли в карты, причем генерал настолько расслабился, что стал критиковать стиль игры сына, тогда как Кей, явно по тактическим соображениям, брала его под защиту.

Во время инспекционных поездок по войскам на противоположном берегу Эйзенхауэр брал сына с собой. Джон,

жаждавший проявить мужские качества, попросил отца немедленно назначить его на младшую офицерскую должность в действующую армию. Дуайт ответил, слегка кривя душой, что был бы рад так поступить, но его могут обвинить в покровительстве сыну, так что пусть дело идет своим чередом{310}. Можно предположить, что, во-первых, он боялся за жизнь отпрыска, во-вторых, понимал, что немцы могут попытаться захватить сына главнокомандующего. Джон возвратился в США и был направлен в резервную часть, расположенную в форте Беннинг.

Нормандская операция и освобождение Франции

В Нормандской операции (так стал называться комплекс военных действий после осуществления «Оверлорда») приняли участие более трех миллионов человек. Операция осуществлялась в два этапа. Первый — «Нептун» — имел целью завоевание крупного плацдарма на севере Франции. Продолжался он до 25 июля. В его ходе возникли противоречия между Эйзенхауэром и британским генералом Монтгомери. Английские войска развивали наступление в северо-восточном направлении, американские — вначале в юго-западном, затем развернулись на восток. В то время как американцы продвигались быстро, Монтгомери несколько раз начинал, а затем приостанавливал (по мнению Эйзенхауэра, безосновательно) продвижение к сильно укрепленному Кану. Город был полностью освобожден только 20 июля. Между Эйзенхауэром и Монтгомери в этом интервале состоялся неоднократный обмен письмами с взаимными упреками. Эйзенхауэр даже несколько раз прибегал к помощи британского премьер-министра, причем в последний раз уже после взятия Кана.

Позже Эйзенхауэр неоднократно утверждал, что между ним и Монтгомери возникали только мелкие разногласия, но так казалось по прошествии лет. Во время Нормандской операции ему порой представлялось, что нерешительность британцев ставит под угрозу всю операцию. К счастью, в целом боевые действия развивались успешно.

С конца июля начал осуществляться второй этап Нормандской операции — «Кобра»: глубокий прорыв и наступление на территории Франции. Параллельно с 15 августа до начала осени американские и французские войска в результате успешно проведенной Южнофранцузской операции (так теперь называлась операция «Энвил») освободили всю территорию

Франции.

На протяжении этого времени Эйзенхауэр непосредственно руководил действиями союзников.

Несмотря на занятость в штаб-квартире, он стремился как можно чаще отправляться в районы боев, чтобы посоветоваться с командующими, дать указания по совершенствованию тактики, проследить за настроениями солдат и офицеров. Иногда случались неприятные происшествия. 1 июля он в очередной раз отправился в Нормандию, провел пять дней в войсках Брэдли, побывал в нескольких дивизиях. Командиры соединений не были особенно рады его приезду — и потому, что он мог обнаружить неполадки, и особенно из-за опасности, которой он подвергался во время посещения боевых порядков, ведь снаряды германской артиллерии нередко долетали до командных пунктов. Отличавшийся прямотой командир 15-го корпуса генерал Уэйд Хэйслип заявил Эйзенхауэру: «Я не хочу, чтобы главнокомандующий был убит в районе моего корпуса. Если вы хотите, чтобы вас убили, поезжайте в какой-нибудь другой район»{311}.

Во время одного из перемещений Эйзенхауэр, сам находившийся за рулем джипа, пересек линию фронта, но узнал об этом только по прибытии в дивизию, взглянув на оперативную карту.

В эту поездку он подвергся еще одной опасности. Решив посмотреть на поле боя с воздуха, он, не слушая возражений, отправился на летное поле и сел на место наблюдателя в кабине разведывательного самолета. Брэдли всячески отговаривал начальника от полета. «Всё в порядке, Брэд, я не собираюсь лететь в Берлин», — пошутил тот. Полет прошел благополучно: хотя германские зенитные орудия и обнаружили самолет, но уже на выходе из зоны обстрела. Присутствовавший на аэродроме журналист, разумеется, не оставил этот эпизод без внимания — в ведущей газете появился репортаж «Эйзенхауэр летает над нацистскими позициями»{312}.

Супруга, разумеется, прочитала эту статью, и Дуайт всячески оправдывался, что всё преувеличено и его жизни ничего не угрожало{313}.

Седьмого августа Эйзенхауэр переместил свой командный пункт на территорию Франции. Подходящие стационарные помещения даже не искали, так как главнокомандующий оптимистично предполагал, что долго на одном месте не задержится. Палаточный городок был размещен на территории фруктового сада в окрестностях Гранвиля. Теперь приходилось постоянно распределять время между полетами в Лондон для

решения вопросов с Черчиллем, сотрудниками штаб-квартиры, американскими дипломатами и представителями других стран, в частности Франции, корректировкой наступательных операций и инспектированием войск, всё быстрее наступавших вглубь Франции.

Четырнадцатого августа Эйзенхауэр подписал приказ особого рода. За всю войну таких приказов (называемых им просто «order of the day», то есть «текущий приказ») появилось только десять, тогда как обычные издавались ежедневно, а иногда по несколько в день. Они были не распоряжениями в полном смысле слова, а, скорее, обращениями к солдатам и офицерам. В приказе от 14 августа главнокомандующий призывал утроить усилия, решительность и быстроту действий: «Если каждый будет именно так выполнять свое дело, мы сможем сделать эту неделю важнейшей во всей истории войны — блестящей плодотворной неделей для нас, роковой дли амбициозных нацистских тиранов»{314}». Приказ был передан союзными радиостанциями, напечатан в виде листовки и распространен в войсках.

Если убежденность в близком окончании войны действительно разделялась в тот момент Эйзенхауэром, она была мимолетной. Возможно, главнокомандующий поддался общей эйфории, которую распространяла американская пресса. Вспоминали 1918 год, когда только начавшееся наступление войск Антанты во Франции привело к быстрому развалу блока центральных держав и подписанию в ноябре Компьенского перемирия, завершившего Первую мировую войну.

Вопреки собственному приказу от 14 августа Эйзенхауэр на встречах с государственными руководителями, в переписке с Маршаллом, на пресс-конференциях настойчиво разъяснял, что нынешнее положение сильно отличается от ситуации 1918 года, напоминал, что союзным войскам предстоит преодолеть мощный Западный вал на франко-германской границе, что в Германии, несмотря на генеральский заговор, приведший к неудачному покушению на Гитлера 20 июля 1944 года, сохраняются вера в фюрера и послушание его воле, что кадры вермахта всё еще находятся в боеспособном состоянии, что военное производство в Германии растет и немцы создают новое оружие. О каком именно оружии шла речь, оставалось секретом даже для самого Эйзенхауэра. Он полагал, это могут быть очень мощные, но не такие глобальные средства разрушения, каким является ядерное оружие. Он сам был свидетелем разрушительных налетов самолетов-снарядов «Фау-1» на британские города. Ему докладывали, что в Германии завершается создание ракет среднего радиуса действия («Фау-2»), которые действительно

стали поражать цели в Великобритании с 8 сентября 1944 года. Правда, результативность этих налетов была небольшой. Тем не менее Дуайт понимал, что предстоят тяжелые бои как на Западном, так и на Восточном фронте, где летом 1944 года Красная армия осуществила грандиозную Белорусскую операцию, не только выйдя на границу СССР, но и вступив в Польшу.

Уже на следующий день после издания злополучного приказа Эйзенхауэр, явно раскаиваясь, созвал пресс-конференцию для разъяснения истинного положения дел. Журналисты стали наперебой спрашивать, сколько недель (или даже дней) осталось до конца войны в Европе. Главнокомандующий был просто взбешен (возможно, в связи с собственным необдуманным поступком) и, не подбирая слов, стал говорить, что те, кто думает о близком завершении войны, «наверное, сошли с ума». Он напомнил: Гитлер хорошо знает, что по окончании войны его повесят, и скорее всего сам повесится, когда увидит, что его дело проиграно, но перед этим будет воевать до самого предела возможностей{315}.

Непосредственно руководя операцией в северной части Франции, Эйзенхауэр был удовлетворен результатами действий союзных войск на юге страны: после высадки они развивали наступление, почти не встречая сопротивления. Немалым успехом было занятие Марселя с почти неповрежденным огромным портом. С начала сентября туда стали приходить американские суда с грузами для снабжения союзных армий. За последние три месяца 1944 года свыше трети всех грузов, поступивших в Европу из США после начала операции «Оверлорд», было доставлено именно этим путем{316}.

Далеко не всё, что было намечено в планах Эйзенхауэра, претворялось в жизнь в полной мере. Он был недоволен результатом операции, проведенной с 12 по 21 августа в районе небольшого старинного города Фалез в департаменте Кальвадос, в результате которой в окружении оказались около пятидесяти тысяч немецких солдат и офицеров. Эйзенхауэр считал, что Монтгомери мог бы действовать более энергично. Тот в свою очередь возложил вину на самого главнокомандующего, небезосновательно полагая, что не следовало вводить в бой неподготовленных поляков. В докладе Маршаллу Эйзенхауэр оставил взаимные обвинения в стороне, сообщив лишь, что «корзина с военнопленными окажется не такой полной, как я вначале предполагал»{317}.

Тем не менее был достигнут важный успех: большая часть германских войск к западу от Сены разгромлена, союзники вышли к Парижу и смогли оказать помощь начавшемуся там по

призыву де Голля восстанию (туда была направлена сформированная по настоянию де Голля французская бронетанковая дивизия под командованием генерала Филиппа Леклерка).

В конце августа Эйзенхауэр посетил район боев возле Фалеза. Сопровождавший его британский помощник, подполковник Джеймс Голт, сделал запись для дневника штаб-квартиры главнокомандующего: «Мы определенно не разочарованы результатом, потому что сцена представляла собой массу разрушенных танков, орудий, транспорта и оборудования разного рода, разбросанного повсюду, а также массу убитых немцев и лошадей (!). Запах был ужасный»{318}.

Двадцать пятого августа во французскую столицу вступили части Леклерка, а вслед за этим прибыл председатель ФКНО, фактически преобразованного во временное правительство республики. На следующий день в Париже состоялся парад победы — первый из подобных парадов, впрочем, по мнению Эйзенхауэра, проведенный слишком рано.

Однако он не устоял перед соблазном побывать в этот день в Париже — хотел просто пройтись по городским улицам, вспомнить давнее время, когда жил в этом замечательном городе. Вместе с Брэдли он решил приехать в Париж ранним утром, когда город еще спит, и покинуть его, оставшись незамеченным. Но не тут-то было! Париж той ночью не спал. Ликующие горожане узнали генералов союзной армии. Объятия и поцелуи привели Айка в замешательство — он даже не успел посмотреть на дом в районе моста Мирабо, где когда-то провел год вместе с Мейми и Джоном. Весть, что Эйзенхауэр в Париже, разнеслась по городу с быстротой молнии. Пришлось нанести визит де Голлю, только что ставшему фактическим главой временного правительства; он воспринял бы отъезд Эйзенхауэра из Парижа, не повидав его, как тягчайшее оскорбление.

Предварительно сообщив, что находится в городе, в полицейскую префектуру, где обосновался де Голль, главнокомандующий появился в его кабинете. После обычных приветствий разговор сразу перешел в деловую плоскость. Поскольку, по словам де Голля, властью в городе стремились овладеть коммунисты, он попросил продемонстрировать парижанам силу американского оружия.

У Дуайта быстро созрел план. Учитывая, что предстояла переброска одного из соединений Брэдли, Эйзенхауэр распорядился, чтобы войска выдвигались на боевые позиции не через пригороды Парижа, как планировалось, а через центр города. Это, понял де Голль, больше соответствовало интересам

американцев, чем его собственным, ибо должно было продемонстрировать, кто именно освободил город{319}.

Менее чем через месяц, 23 октября, Рузвельт объявил о признании временного правительства Французской республики, а Эйзенхауэр передал управление всеми внутренними делами на территории Франции в руки национальной администрации. Непосредственно перед этим, 21-го числа, американский президент проинформировал Сталина о предстоящем признании временного правительства, при этом специально оговаривалась ведущая роль Эйзенхауэра: «Ожидается, что французы с согласия генерала Эйзенхауэра в весьма скором будущем создадут действительную внутреннюю зону, которая будет находиться под управлением французской администрации… Я сообщаю Вам заранее о нашем намерении в этом отношении на случай, если Вы пожелаете предпринять какое-либо аналогичное действие, когда будет создана внутренняя зона, которая будет находиться под управлением французской администрации»{320}.

Армии Эйзенхауэра теперь продвигались к Западному валу. Быстрое наступление вело к растягиванию коммуникаций. Главнокомандующий, его подчиненные и советники понимали, что вопросы снабжения войск встают чрезвычайно остро. Даже репортерам Дуайт вынужден был откровенно сказать, что «дальнейшее продвижение в значительной части фронта, даже при условии очень слабого сопротивления, становится почти невозможным»{321}.

Перед командующим во весь рост встала сложная проблема увязывания стратегии дальнейшего наступления с обеспечением войск техникой, вооружением, обмундированием, пищей и т.д. Для этого необходимы были крупные порты в сравнительной близости к наступавшим войскам — их снабжение через Великобританию превращалось в почти невыполнимую задачу.

Согласно плану, разработанному штабом главнокомандующего, предполагалось развернуть наступление на восток, к германской границе, и далее одновременно по двум основным направлениям — севернее Арденн, через Бельгию и Голландию, и южнее, в направлении Майнца, чтобы форсировать Рейн. Однако проблема коммуникаций выдвинула на первый план северное направление; главной задачей являлось овладение Антверпеном с его вместительным портом. Британским соединениям под командованием Монтгомери предстояло овладеть городом{322}.

По приказу Эйзенхауэра войскам Монтгомери были направлены подкрепления. Этим были недовольны некоторые американские генералы, в частности Паттон, но

главнокомандующий остался тверд. 2 сентября войска Монтгомери вступили в Антверпен, после чего началось быстрое восстановление портовых сооружений. Но Антверпен был связан с морем устьем реки Шельды с массой островов, всё еще занятых немецкими гарнизонами. Без их освобождения наладить морское снабжение было невозможно.

Двенадцатого сентября канадская армия приступила к очистке устья Шельды от германских частей, однако в первые дни ее действия были безуспешны. Возникал заколдованный круг: без надежной охраны антверпенской гавани от морских и воздушных нападений невозможно было обеспечить войска необходимым снаряжением, оружием, питанием, а между тем немцам удавалось отбивать атаки канадцев прежде всего из-за снабжения последних по очень скудному рациону. Эйзенхауэр писал Монтгомери: «Если мы не получим работающий Антверпен к середине ноября, вся наша операция окажется в тупике по всему фронту от Швейцарии до Ла-Манша. Я считаю Антверпен задачей первостепенной важности и полагаю, что операция, предназначенная открыть [гавань], требует Вашего личного внимания». Эйзенхауэр даже пригрозил, что если Монтгомери не приложит тройных усилий для успешного завершения операции, последует приказ о сокращении снабжения его войск, а вопрос о пригодности британского командующего к выполнению серьезных военных задач будет поставлен перед руководством его страны{323}.

Двадцать четвертого октября удалось очистить подступы к стратегически важному острову Валхерен. Затяжные бои продолжались еще три недели, и только после ликвидации немецких укрепрайонов на островах к середине ноября британскому флоту удалось обезопасить подступы к Шельде.

С 12 октября немцы начали обстрел антверпенского порта ракетами «Фау-2». Только после создания в конце октября надежной противовоздушной обороны появилась возможность принимать крупные грузовые суда. Первый канадский конвой с долгожданными грузами вошел в порт 28 октября. С открытием регулярной линии снабжения через Антверпен была решена острейшая проблема коммуникаций и снабжения, без чего войска союзников не могли наступать вглубь Германии.

Как раз перед самым началом Шельдской операции, 2 сентября, с Эйзенхауэром случилось несчастье. Когда после встречи с Брэдли и Паттоном в Версале он на маленьком двухместном самолете возвращался в Гранвиль, начался шторм, летчик потерял ориентацию, исчерпал запас горючего и вынужден был посадить самолет на береговую линию. Помогая пилоту оттащить машину от начинавшегося прибоя, Дуайт

поскользнулся, упал и сильно поранил колено. До дороги пришлось добираться через соленое болото, несколько раз проваливаясь по пояс, и в результате колено распухло и загноилось.

Пилот остановил первый же военный джип, и Дуайта быстро доставили в Гранвиль. Его на руках подняли на второй этаж и уложили в постель. Вызванный из Лондона врач определил, что повреждена коленная чашечка. Главнокомандующему было предписано неделю находиться в постели. За это время опухоль уменьшилась, на колено была наложена гипсовая повязка. Когда Дуайту разрешили передвигаться, ему пришлось пользоваться вначале костылями, а через две недели тростью. Только к концу года он смог отказаться от опоры, но боли в колене, то усиливаясь, то ослабевая, мучили его до конца жизни. Несколько раз до окончания войны ему приходилось вновь пользоваться костылями. Это было особенно неприятно, когда предстояли пресс-конференции — Дуайт не мог появиться перед журналистами в беспомощном, как он полагал, виде. В этом случае костылями он не пользовался и шел, превозмогая боль, а адъютанты внимательно следили, чтобы он не споткнулся, и были готовы в любой миг оказать ему помощь{324}.

Глава седьмая.
В НАЦИСТСКОМ ЛОГОВЕ

Перед Западным валом

Эйзенхауэр иногда жаловался, что осенью ему не везет. На этот раз невезение состояло не только в травме колена. Несравненно более важной неприятностью он считал недооценку масштабов сопротивления врага. Поздней осенью 1944 года его армии остановили наступление — главным образом из-за погодных условий. Непрерывные дожди, сильный ветер крайне затрудняли поддержку атакующих войск авиацией, не давали возможности продвигаться бронетанковым дивизиям. «Я до предела устал от погоды», — писал Эйзенхауэр Маршаллу{325}. В таких условиях обороняться было значительно легче, чем наступать, и германское командование, надеясь на «чудо-оружие», полностью воспользовалось ситуацией.

Попытка с ходу овладеть таким крупным центром, как Кельн, оказалась неудачной. Только 21 октября удалось после тяжелого боя захватить город Ахен, являвшийся первым крупным немецким населенным пунктом, оказавшимся в руках союзников. Президент Рузвельт был обеспокоен ситуацией на фронте. Его пресс-секретарь Стивен Ирли, посланный к Эйзенхауэру, согласился с мнением главнокомандующего: «Люди такой силы и с такими воинственными тенденциями, как немцы, не сдаются; их необходимо разгромить до основания»{326}.

Эйзенхауэр был неутомим. Несмотря на сплошные дожди и непролазную грязь, он уделял много времени посещению частей, передвигаясь на автомобиле, так как любая попытка использовать самолет легко могла окончиться катастрофой. Используя относительное затишье на фронте, он поставил себе задачу приехать в каждую дивизию и побеседовать с максимальным количеством солдат и офицеров. Во многих случаях поездки не просто разочаровывали его, а приводили в негодование. После высадки на континент Дуайт в ряде приказов требовал, чтобы между офицерами и солдатами не было существенных различий в условиях быта, питания, гигиены. Теперь же он обнаруживал, что рядовым приходилось ночевать в плотно набитых людьми конюшнях или складских помещениях, тогда как офицеры занимали роскошные квартиры, принадлежавшие германской знати. Несколько раз Эйзенхауэру приходилось наблюдать, что части перемещаются под дождем в открытых грузовиках, тогда

как на складах имелось достаточное количество тентов. Обычно после визита главнокомандующего в частях несколько улучшались бытовые условия, и в результате его популярность среди военнослужащих всё увеличивалась.

Тем не менее ему вновь и вновь приходилось издавать приказы и выдвигать устные требования, чтобы все «привилегии» (по-видимому, имелись в виду не только бытовые условия, но и трофеи, от которых не отказывалась ни одна армия в мире) распределялись между военнослужащими «в должной пропорции». О том, что американская и британская армии участвовали в ограблении местного немецкого населения (оправдывая его местью за беды порабощенных народов и страдания англичан во время германских авианалетов), свидетельствовали даже некоторые документы самого Эйзенхауэра. В одном из его распоряжений говорилось, что захваченное вино следует распределять так, чтобы рядовые получали столько же, сколько офицеры. Приказ завершался указанием: «Во всех случаях офицеры должны ставить заботу и благоденствие своих солдат выше своего собственного комфорта и удобств»{327}.

Тоскливые дни Дуайта Эйзенхауэра осенью 1944 года еще сильнее омрачились очередной стычкой с супругой. На этот раз речь шла об очень серьезном вопросе. Предстояла отправка на европейский фронт дивизии, в которой служил сын. Мейми была в отчаянии, умоляла мужа принять меры, чтобы Джон не покидал Соединенных Штатов. Дуайта также беспокоила судьба сына, но он не считал возможным проявлять заинтересованность в этом деле. Он писал Мейми: «Мне очень тяжело удерживать себя от того, чтобы “вмешаться”. Я полностью поглощен [будущим] мальчика; но я напоминаю себе вновь и вновь, что он мужчина, что у него мужская работа и что он делает собственную карьеру. Как хотел бы я сейчас быть вместе с ним!»{328}

Эти аргументы никак не действовали на Мейми, которая теперь считала, что муж безразличен к ребенку. Она не понимала, что даже без вмешательства главнокомандующего его сына не отправят на передовые позиции — даже не из желания угодить начальству, а по вполне практическим соображениям: гибель сына могла бы крайне отрицательно отразиться на качестве руководства войсками, не говоря уже о том, что существовала вероятность, хотя и очень малая, что лейтенант Эйзенхауэр будет захвачен в плен противником и этот факт широко использует вражеская пропаганда. Скорее всего, Эйзенхауэр знал о трагической судьбе старшего лейтенанта Якова Джугашвили — сына Сталина, который 16 июля 1941 года попал в плен и 14

апреля 1943-го погиб в лагере военнопленных. Эйзенхауэр понимал, что без всяких его указаний сын будет направлен на такую службу, где окажется в относительной безопасности. Сам Джон Эйзенхауэр через много лет с иронией вспоминал этот эпизод в газете «Нью-Йорк таймс» в материале под характерным заголовком «Президентским детям не полагается идти в бой»[329].

Осенью в США состоялись очередные президентские выборы. Франклин Рузвельт в четвертый раз выдвинул свою кандидатуру. Во время предвыборной кампании жене Эйзенхауэра впервые был задан вопрос, позже многократно повторяемый: к какой партии принадлежит ее супруг? Мейми давала один и тот же ответ: «Не знаю». Прочитав про это в газетах, Дуайт добавил: «Я тоже». А в письме жене, которое звучало явной инструкцией, было сказано: «У всех солдат есть только один верховный главнокомандующий — президент. Долг, лояльность и единство — это совершенно необходимое теперь требование для нашего будущего как нации, чтобы солдаты занимались исключительно своим собственным делом!»[330]

Арденны

День 16 декабря 1944 года проходил в ставке Эйзенхауэра, незадолго перед этим переместившейся в Версаль, почти как обычно. Правда, текущую работу ненадолго прервали, чтобы поздравить с женитьбой ординарца главнокомандующего сержанта Микки Маккеофа. Кей было приятно услышать (разумеется, наедине), что Дуайт недавно поведал о ней Черчиллю (как будто до британского премьера раньше не доходили сплетни о личной жизни главнокомандующего!) и тот пообещал наградить ее медалью Британской империи[331].

Поздно вечером генералы и офицеры разошлись по своим комнатам. Вскоре, однако, Эйзенхауэра разбудили и сообщили, что немцы начали контрнаступление в Арденнах.

Арденнское контрнаступление, начатое 16 декабря, было предпринято с далекоидущими планами. Целью операции «Вахта на Рейне» («Wacht am Rhein») было разгромить противника в Бельгии и на юге Нидерландов, отрезать северную часть англо-американского контингента, прижать к морю и захватить в плен основную его часть.

Германский удар был настолько неожиданным, что даже многие командующие соединениями вермахта узнали о нем только накануне, а разведка противника даже и не подозревала.

Отвратительная погода фактически свела на нет

превосходство союзников в авиации. После артиллерийской подготовки ударная группа германских войск под командованием фельдмаршала Моделя начала быстро наступать.

Эйзенхауэр воспринял германское контрнаступление как результат собственной беспечности. Он считал, что должен был, даже при отсутствии информации, предугадать замыслы противника, тем более что отлично знал намерение Гитлера продолжать войну в расчете на «чудо-оружие». В то же время он почти сразу понял, какие благоприятные возможности, как ни странно, предоставляет германское наступление. 17 декабря, еще не раскрывая всех карт собственному начальству, он писал в Вашингтон: «…если дела пойдут хорошо, мы не только сможем остановить немецкий бросок, но будем в состоянии на нем выиграть»{332}.

План, который начал зреть у Эйзенхауэра, состоял в том, чтобы сконцентрировать имеющиеся резервы в районе бельгийского города Бастонь и атаковать правый фланг войск Моделя, одновременно нанося вспомогательный удар с левого фланга. Расчет делался на то, чтобы перерезать единственную дорогу, пересекавшую Арденны, по которой могли двигаться немецкие танки, и таким образом отрезать их от передовых частей.

Девятнадцатого декабря в штаб-квартире в Вердене план был утвержден, и штабные работники занялись его доводкой. Паттон со свойственным ему бахвальством даже заявил: «Давайте позволим этим глупцам дойти до Парижа. Тогда мы по-настоящему их отрежем и пережуем»{333}. Привыкший к выходкам своего подчиненного и друга, Эйзенхауэр воспринял в его эскападе только идею о создании ситуации, когда армия Моделя, продвигаясь вперед, оторвется от линий снабжения, для нанесения по ней фланговых ударов.

При этом Эйзенхауэр был потрясен, что немцы еще способны не только оказывать сопротивление, но и переходить в стратегическое наступление. Поэтому он призывал Брэдли и Монтгомери, которым предстояло наносить фланговые удары, ввести в действие все доступные силы и «обрушиться максимально мощно на фланги проникновения»{334}.

Но у генералов, которым было поручено выполнить ответственнейшую задачу, не было достаточного количества сил и средств для мощных ударов по флангам, о чем они многократно сообщали главнокомандующему. Он и сам понимал необходимость срочного усиления своих подразделений на Арденнском выступе. Посылая туда подкрепления, Эйзенхауэр решился пойти на крайние меры. По его распоряжению из

американских военных тюрем во Франции и Великобритании были освобождены солдаты, находившиеся там по приговорам военных судов (за исключением тех, кто совершил наиболее тяжкие преступления). Их зачисляли в особые части, нечто вроде советских штрафных батальонов, и направляли на наиболее опасные участки. Наградой оставшимся в живых была полная амнистия с так называемым *clean slate* («чистым листом»)[{335}]. Это означало, что в документах вообще не будет записано, что данный солдат отбывал наказание. Существенных возражений ни в армии, ни в государственной администрации не последовало.

Другая мера, принятая для пополнения живой силы, была более опасной для имиджа Эйзенхауэра.

Несмотря на принятые после Гражданской войны поправки к Конституции США, в стране продолжалась расовая дискриминация, распространявшаяся и на вооруженные силы. В армию было призвано около миллиона чернокожих. Однако они проходили военную службу в специальных частях, выполнявших вспомогательные функции за линией фронта. Их старались не допускать в морские и летные школы, не давать специальной квалификации. К примеру, из девятнадцати тысяч негров, служивших на флоте, свыше четырех тысяч использовалось в качестве поваров и официантов, а остальные — на тяжелых нестроевых работах. К концу Второй мировой войны всего 8600 негров имели офицерские звания (среди них были один генерал, 34 полковника и подполковника); на флоте ни один чернокожий не получил чин выше лейтенанта[{336}].

Эйзенхауэр не мог, да и не желал ломать систему дискриминации и сегрегации, тем более в условиях войны. Ему самому были присущи определенные расистские предрассудки, хотя он рассматривал их не столько как вечную ценность, а как традицию, которую следует преодолевать, но медленно и постепенно, по мере того как отсталое негритянское население будет приобщаться к западной культуре.

Получая сотни просьб дать чернокожим военнослужащим оружие и направить их на боевые позиции и крайне нуждаясь в живой силе, Эйзенхауэр лично подготовил приказ, разрешавший им служить в боевых частях пехоты. Начальник штаба Смит, которого Дуайт называл «величайшим генералом — менеджером войны», увидев проект приказа, пришел в ужас и послал своему начальнику докладную записку, где доказывал, что документ противоречит политике военного ведомства и содержит в себе «величайшую опасность». Последовав рекомендациям Смита, Эйзенхауэр переработал приказ. Теперь в нем говорилось, что негры, служившие в частях тылового обеспечения, могут

добровольно записаться в специальные взводы или более крупные подразделения, которыми будут командовать белые офицеры{337}. С этого времени начали формироваться негритянские части, которые проявили себя на фронте с самой лучшей стороны. Сегрегация, однако, сохранилась полностью.

Еще одним способом пополнения боевых частей было резкое сокращение тыловых служб, из которых отбирались все, кто был способен идти в бой и стрелять. Однако оказалось, что еще раньше состав вспомогательных подразделений был настолько сокращен, что они едва могли справляться со своими обязанностями. Сколько-нибудь значительного боевого пополнения эта мера не дала. Более того, уже в самом начале битвы за Арденны главнокомандующий получил от разведки тревожное сообщение, потребовавшее возвращения части направленных на передовые позиции солдат в тыл для несения караульной службы. Как указывалось в разведдонесении, по указанию Моделя стали формироваться небольшие группы — по два-три человека — германских военнослужащих, знающих английский язык, которых переодевали в американскую форму и забрасывали в тыл союзников. Они должны были выдавать себя за иммигрантов, проживавших в США сравнительно недолго — так можно было объяснить акцент. Диверсанты должны были разрушать мосты и другие коммуникации, распространять фальшивые приказы и панические слухи и т. д. Говорили даже, что немцы строят планы захвата или убийства главнокомандующего, в связи с чем охрана не только штаб-квартиры в Версале, но и важных коммуникационных узлов была значительно усилена.

Дуайт поначалу согласился со строгими мерами предосторожности и, по словам Батчера, оказался «в заключении, устроенном полицией безопасности». Ему рекомендовали не покидать помещения без охраны, «пока не будет проведена надежная чистка». Однако уже через два-три дня эта «игра в безопасность» настолько разозлила генерала, что он заявил стражам: «Я собираюсь пойти на прогулку. Если кто-то захочет пристрелить меня, пускай попытается». Проскользнув через черный ход, Эйзенхауэр неожиданно оказался в глубоком снегу, но упорно отправился гулять, отослав назад офицеров безопасности, которые хотели его сопровождать{338}.

Германское наступление было остановлено через девять дней. Этому в особой степени способствовали улучшение погоды 23 декабря и вступление в боевые действия авиации союзников. На немецкие войска обрушился шквальный удар осколочных и зажигательных бомб, а также новых, страшных боеприпасов —

напалмовых снарядов.

Напалм — особый вид сгущенного бензина, легковоспламеняющийся, медленно горящий (температура пламени достигает 1100 градусов) с выделением едкого черного дыма. Благодаря гелеобразной консистенции напалм хорошо прилипает к поражаемым объектам, в том числе и вертикальным поверхностям. Впервые он был применен в боевых условиях 17 июля 1944 года во время налета авиации США на немецкий топливный склад в городе Кутанс в Нормандии{339}. Теперь же началось его массовое применение против вермахта. Это оружие сразу же стало иметь не только боевое, но и психологическое значение: у немцев боязнь напалма, обрекавшего людей на сильнейшие страдания, подчас была намного сильнее обычного страха смерти.

Весьма эффективным средством ведения боя оказались новые артиллерийские снаряды с радиоуправляемыми взрывателями. В совокупности с приборами дальнего видения, позволявшими корректировать полет снарядов, это оружие также сильно укрепило позиции союзников.

В результате немецкое наступление было остановлено, но войска союзников еще в течение месяца возвращали исходное положение. К 25 декабря Эйзенхауэр мог с удовлетворением констатировать, что немецкие войска в Арденнах не выполнили даже тактических задач — не только не смогли захватить мосты через Маас, но и не достигли самой реки. Несмотря на приказы Гитлера продолжать атаку, войска вермахта начали отступать. 3-я американская армия вклинилась в их южный фланг, перерезала линии снабжения к югу от Бастони. С севера их начал теснить Монтгомери. Немецкая 5-я танковая армия оказалась под угрозой окружения. Для отступления оставался только сорокакилометровый коридор к северу от Бастони, простреливаемый перекрестным огнем.

В ходе военных действий ожесточение с обеих сторон, казалось, достигло предела. 17 декабря отрад СС возле бельгийского города Мальмеди уничтожил свыше ста американских солдат, попавших в засаду и готовых сдаться{340}. «Бойня при Мальмеди» активно использовалась американской пропагандой для стимулирования ненависти к немцам. После этого в американской армии стали издаваться приказы, запрещающие брать эсэсовцев в плен — их расстреливали на месте{341}.

Эйзенхауэру поступали подобные сведения, но вначале он не отдавал приказов, осуждающих расправы его подчиненных с пленными немцами. Больше всего его заботило, чтобы эти факты

не попали в прессу и особенно не стали достоянием солдат и офицеров вермахта и мирных жителей Германии. Однако слухи распространялись в немецком тылу, их активно использовала геббельсовская пропаганда, многократно умножая имевшиеся случаи, что вело к усилению сопротивления — немцам внушали, что при поражении нация обречена на уничтожение.

Нам представляется, что Эйзенхауэр во время германского контрнаступления в Арденнах на непродолжительное время утратил трезвость мышления, поддался эмоциям. Однако после перехода союзных войск в наступление, уничтожения значительной части живой силы армии Моделя, захвата массы боевой техники у главнокомандующего быстро восстановилась способность трезво реагировать на поступавшие донесения. Последовала серия строгих приказов, осуждавших расправу с пленными и тем более с мирными жителями, и подобного рода инциденты почти прекратились.

Перейдя в самом конце 1944 года в решительное наступление, союзные силы медленно восстанавливали свои позиции в Арденнах. Надо, однако, сказать, что Черчилль, явно недовольный темпом продвижения союзных войск на втором этапе Арденнской битвы и при этом понимавший, что армии Эйзенхауэра делают всё, что в их силах, счел необходимым пойти на такой шаг, о котором сам позже сожалел: полагая, что немцы могут возобновить наступление, 6 января 1945 года он обратился к Сталину с посланием, в котором сообщал, что на Западе сложилась «тревожная обстановка», «идут очень тяжелые бои и в любое время от Верховного командования могут потребоваться большие решения», и просил сообщить, могут ли союзники рассчитывать на советское наступление в январе. На следующий день Сталин ответил: «Учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января»{342}. Советские войска двинулись на запад, прорвали германский фронт, освободили Варшаву и направились к германской границе, что позволило Эйзенхауэру ускорить наступление, к 29 января ликвидировать Арденнский выступ и перейти к глубокому вторжению в Германию.

Многочисленные утверждения советских историков, что Красная армия своим наступлением «спасла» войска союзников от разгрома, не соответствуют действительности хотя бы потому, что наступление войск Эйзенхауэра началось на две недели раньше, чем советский прорыв под Варшавой. Но факт, что действия на

Восточном фронте ускорили победоносное завершение Арденнской битвы, отрицать невозможно. «Русские по-прежнему добиваются больших успехов после их начального блестящего успеха», — писал Дуайт жене{343}.

Действительно, приближение соединений Красной армии к восточной границе Германии заставило Гитлера не только снять часть войск с позиций, теперь оказавшихся второстепенными (Балканы, Италия), но даже отозвать на Восточный фронт некоторые части, оборонявшие линию Зигфрида.

Берлин или Дрезден?

Теперь Эйзенхауэр строил планы форсирования Рейна на широком фронте с двумя главными направлениями дальнейших действий в перспективе — на Берлин (северная группировка) и на Дрезден (южная группировка). Однако до этого необходимо было захватить Рур, промышленное сердце Германии. Операция была проведена скрупулезно. Начальник штаба Смит, весьма самокритичный и критически оценивавший штабные решения своего шефа, признавал: «Из всех кампаний, которые я знаю, эта прошла наиболее точно в соответствии с планом, разработанным ее руководителем. Кроме одного небольшого исключения, она прошла точно так, как генерал Эйзенхауэр изначально ее выработал»{344}.

Все эти решения и действия давались генералу нелегко. Он представал перед подчиненными бодрым и неутомимым, но на самом деле старые и новые болячки давали о себе знать. Вновь стало серьезно беспокоить поврежденное колено, а в феврале Дуайт перенес сильную простуду. Вдобавок на спине появилось какое-то новообразование, которое быстро увеличивалось, было чувствительным и не только мешало ночному сну, но и заставляло днем вести себя осторожно. Врачи определили, что это киста — полость, заполненная жидкостью Новообразование оказалось доброкачественным, его удалили без серьезных последствий. Но самочувствие оставалось неудовлетворительным. Дуайт жаловался Кей, что у него «не было ни одной части тела, которая бы не болела»{345}.

Разумеется, за руководство операциями гигантских масштабов на заключительном этапе тяжелейшей войны приходилось платить собственными здоровьем и силами. Только великолепная физическая подготовка Дуайта, его способность держать себя в форме, не жаловаться окружающим, а, наоборот, постоянно выглядеть великолепно позволяли достойно выдержать

испытания. Лишь одному человеку он мог рассказать о своем реальном состоянии — Кей. Даже в письмах жене он должен был притворяться совершенно здоровым, а часто проводившиеся медицинские процедуры, в частности массаж и электрофорез колена, представлял профилактическими мерами, на которые соглашался, подчиняясь докторам.

Между тем план, осуществлявшийся по инициативе и под руководством Эйзенхауэра, приносил плоды. 23 февраля американская армия форсировала Рур, 2 марта генерал Симпсон вышел к Рейну, а вслед за этим к водному рубежу приблизились британские войска. Эйзенхауэр отлично знал, что с точки зрения классической военной стратегии германские войска должны были теперь отступить на правый берег реки и там попытаться организовать оборону. Но он полагал — как оказалось, с полным основанием, — что Гитлер прикажет своим генералам продолжать бои на левом берегу, ожидая того «волшебного часа», когда в действие вступит новое смертоносное оружие. Повторим, Эйзенхауэр понятия не имел об атомном оружии. Можно было лишь предполагать, что в Германии ведутся работы над каким-то необычным средством массового разрушения и уничтожения.

Немцы просто не успели завершить исследования и претворить технические проекты в бомбу. Последний эксперимент по получению цепной реакции был намечен на февраль 1945 года, но 31 января все оборудование по распоряжению фюрера, который утратил веру в возможность создания чудо-оружия в ближайшее время, спешно демонтировали и отправили на юг Германии{346}.

Необоснованные ожидания сыграли роковую роль, ускорив полный разгром Германии. Одно за другим американские и британские соединения выходили на Рейн, оставляя немецкие части в окружении на левом берегу. Начиналась их массовая сдача в плен. В конце марта Эйзенхауэра спросили на пресс-конференции, кто, по его мнению, виновен в том, что крупные немецкие части не отступили на восточный берег. Он ответил: «Я думаю, это Гитлер. Я так полагаю, потому что, должен признаться, много раз во время этой войны я ошибался, пытаясь оценить, каковы были германские замыслы. Когда представлялось логичным, что они будут такими-то, они делали совсем другое. Когда мы продемонстрировали, что можем прорваться через оборонительные линии к западу от Рейна, любой разумный солдат ушел бы на другой берег Рейна, стоял бы здесь и говорил: “Попробуй теперь перейти [реку]”. Если бы они вывели основную массу своих сил, их положение было бы получше»{347}.

В результате кампании на западном берегу Рейна англичане

и американцы взяли в плен около 250 тысяч немецких солдат и офицеров. Примерно столько же погибло в боях. Потери западных союзников были намного ниже.

В начале 1945 года, когда немецкое контрнаступление в Арденнах завершилось провалом, Эйзенхауэр перенес свою штаб-квартиру в город Реймс на северо-востоке Франции в провинции Шампань. Ставка была размещена в старом школьном здании из красного кирпича, которое вскоре станет известным на весь мир, ибо именно здесь будет подписана первая капитуляция Германии.

Но до этого, казалось Эйзенхауэру, надо было преодолеть немало препятствий. На этот раз расчеты главнокомандующего оказались неточны. С конца марта в германских частях стала проявляться деморализация. Офицеры и даже генералы отказывались повиноваться приказам начальства, резко выросли дезертирство и сдача в плен.

Вследствие возникшей в вермахте неразберихи немцы не разрушили железнодорожный мост через Рейн в районе города Ремаген к югу от Бонна. Вышедшие к этому месту американские подразделения генерала Ходжеса, к огромному удивлению, обнаружили, что помпезный мост имени генерала Людендорфа цел. Несколько раз проверяли, не заложена ли взрывчатка, но саперы подтверждали, что мост невредим. По приказу Брэдли части Ходжеса переправились на правый берег, создали там плацдарм и стали перебазировать через мост новые войска. Когда Эйзенхауэру доложили о неожиданной удаче, он торжествовал: «Это самый лучший прорыв, который мы когда-либо имели»{348}.

Немцы прилагали все силы, чтобы ликвидировать эту важнейшую коммуникацию: бомбили, обстреливали из дальнобойных орудий, посылали диверсантов, даже направляли ракеты «Фау-2». В конце концов мост взорвали, но к тому времени на противоположный берег были переправлены мощные силы и сооружены несколько понтонных переправ, которые обеспечили дальнейшую транспортировку подкреплений. По оценке российских историков, «значение плацдарма у Ремагена было огромным для судьбы всей кампании в Западной Европе. Он стал символом героизма и отваги американских войск»{349}.

Настроение Дуайта с каждым днем улучшалось. В середине марта он побывал в частях, которыми командовал Паттон. Тот потребовал, чтобы главнокомандующий встретился с его солдатами. Дуайт рассказал в письме жене, что заявил Паттону: «Иди к черту, Джордж. Я думаю, что американским джи-ай наплевать, даже если сам Господь придет, чтобы их проинспектировать». Паттон за словом в карман не полез: «Я не могу точно определить, такого же он ранга, как ты, или нет, сэр!»

Дуайт писал Мейми, что Паттон остается таким же, как раньше, и с ним приятно проводить время{350}.

По мере приближения конца войны в Европе между западными союзниками и советским руководством возникали новые противоречия. 25 марта Эйзенхауэр в ставке Монтгомери встретился с Черчиллем, который показал свою переписку со Сталиным, выражавшим недовольство, что в Швейцарии ведутся тайные переговоры союзных представителей с германским командованием относительно сдачи немецких войск в Северной Италии. Черчилль считал эти переговоры нормальным делом и спрашивал, как бы поступил Эйзенхауэр. Не вдаваясь в политические нюансы, тот осторожно ответил, что принял бы капитуляцию на поле боя тотчас по получении предложения; если же она была бы связана с политическими вопросами, то проконсультировался бы с главами правительств{351}. Как мы видим, Эйзенхауэр обошел вопрос о том, что переговоры велись не напрямую, а через неких представителей в Швейцарии и что руководство СССР не было о них проинформировано. Он не желал влезать в «большую политику» и дал понять британскому премьеру, что считает сохранение добрых отношений с советским руководством делом первостепенной важности.

Другим вопросом, по которому Эйзенхауэр стал свидетелем разногласий и по которому он поддержал скорее советскую позицию, был вопрос о наступлении на Берлин. Эта проблема касалась его непосредственно, и от его позиции во многом зависело главное направление наступления союзных армий. Эйзенхауэр, после завершения боев в Арденнах полагавший, что армии западных союзников должны стремиться как можно скорее взять столицу нацистского рейха, чтобы ускорить капитуляцию Германии («Ясно, что Берлин — это главная награда», — сказал он Брэдли осенью 1944 года{352}), теперь полагал, что надо двигаться в юго-восточном направлении, в сторону Дрездена.

По этому вопросу главнокомандующий разошелся во мнениях не только с Черчиллем и Рузвельтом, но и с основной массой офицеров и солдат союзных армий. Американские и английские военные искренне верили, что следующим этапом наступления будет молниеносный бросок на Берлин. Три армии были готовы к нему. Более того, существовал даже план воздушно-десантной операции по захвату ключевых пунктов в Берлине силами двадцати тысяч десантников. Что же касается Рузвельта, то он еще в 1943 году полагал, что западные союзники должны занять Северо-западную Германию: «Мы можем ввести наши корабли в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также [в порты] Норвегии и Дании, и мы должны дойти до Берлина»{353}. Позже Рузвельт

отказался от решительного требования взять Берлин, тогда как Черчилль продолжал на этом настаивать, хотя и он несколько умерил пыл.

Однако Эйзенхауэр, следуя своим стратегическим расчетам и решению Ялтинской конференции о зонах разграничения будущих оккупационных сил союзников в Германии, отверг идею броска на Берлин{354}. Он считал, что нет никакого смысла тратить огромные силы на этот бросок, если затем придется отводить войска назад, в свою зону.

И всё же в основе изменения намерений Эйзенхауэра лежали именно военные соображения. По всей видимости, он был откровенен, когда на пресс-конференции 27 марта на вопрос: «Кто, по вашему мнению, первым вступит в Берлин, русские или мы?» — дал однозначный ответ: «Я думаю, что именно расстояние, и только оно, определит, что это будут они. В конце концов, они всего лишь в 33 милях [от Берлина]. У них меньшее расстояние, которое надо пробежать»{355}.

В беседах с Брэдли Эйзенхауэр объяснил свои соображения не только расстоянием, но и особенностями местности к западу от Берлина. Чтобы продвинуться к германской столице, надо было преодолеть сильно пересеченную местность с озерами, множеством малых рек и каналов. По подсчетам Дуайта, старавшегося беречь солдат, прорыв к Берлину раньше советских войск мог стоить американцам и британцам до ста тысяч человеческих жизней{356}.

Неся полную ответственность за свои решения и действия, будучи уверенным в их правильности с военной точки зрения, Эйзенхауэр решился на весьма необычный шаг — 28 марта через американскую военную миссию в Москве обратился с личным посланием к Сталину. Формально он не нарушил субординацию, ведь оба они были главнокомандующими союзными армиями. Но ведь Эйзенхауэр не был главой государства или правительства, его даже не приглашали на Тегеранскую и Ялтинскую конференции — «Большой тройке» докладывал начальник штаба Маршалл. Так что с межгосударственной точки зрения ему обращаться к советскому руководителю не следовало.

И все же послание было вручено Сталину и немедленно им прочитано. В кратком тексте было сказано, что союзный главнокомандующий рассчитывает на встречу Красной армии с подчиненными ему войсками в районе Дрездена и просит информировать его о намерениях советского командования{357}.

Первого апреля Эйзенхауэр получил ответ Сталина. В «личной и совершенно секретной телеграмме» руководитель СССР сообщил, что планы американского генерала полностью

соответствуют замыслу советского командования, и одобрил место встречи. Сталин уверял: «Берлин потерял свое прежнее стратегическое значение. Поэтому Советское Главнокомандование думает выделить в сторону Берлина второстепенные силы»; наступление же с целью рассечения германских войск в согласии с намерениями Эйзенхауэра начнется во второй половине мая, хотя возможны изменения. Слова по поводу «изменений» были ключевыми{358}. «Изменения» возникли уже в день отправки послания — у Сталина состоялось совещание, на котором был одобрен замысел Берлинской операции, по которому именно германская столица являлась главной целью наступления советских войск. Разумеется, это решение было подготовлено ранее. Так что по существу Сталин вводил в заблуждение союзника по антигитлеровской коалиции. Иначе говоря, в воображении советского вождя Великобритания и США уже представлялись будущими противниками. Для «обороны» против них и предпринимались эти действия накануне Берлинской операции, унесшей жизни свыше 360 тысяч советских солдат и офицеров.

Некоторые российские авторы, в частности известный историк Б.В. Соколов, полагают, что осада Берлина позволила бы сохранить множество людей и военной техники. Решение о штурме хорошо укрепленного города было принято намного раньше и являлось политическим, а не стратегическим{359}. Его целью было завершение войны в Европе на условиях, максимально выгодных лично Сталину (главным из них было закрепление и международное признание советской сферы влияния в Европе). В Берлинской операции приняли участие 1,25 миллиона солдат и офицеров, 22 тысячи артиллерийских орудий, более шести тысяч танков{360}. Любому непредвзятому человеку, а не только военным историкам, очевидно, что быстро накопить такие силы невозможно, что для этого потребовались месяцы затишья на Восточном фронте, предшествовавшие заключительному штурму.

Англичане были недовольны перепиской Эйзенхауэра со Сталиным. «Мы стоим накануне ужасной ошибки», — заявил Монтгомери. Черчилль в конце марта — начале апреля 1945 года продолжал придавать огромное значение вступлению войск западных союзников в Берлин и надеяться на встречу с русскими как можно дальше на востоке Германии. «Почему бы нам не форсировать Эльбу и не продвинуться как можно дальше на Восток?» — писал он Эйзенхауэру{361}.

Рузвельт на обмен радиограммами не прореагировал. В то время он, вопреки мнению С. Амброза{362}, не был болен, а

находился на краткосрочном отдыхе перед учредительной конференцией Организации Объединенных Наций, которая должна была начать работу 25 апреля в Сан-Франциско{363}. Именно во время отдыха, а не по причине продолжительной болезни 12 апреля наступила его внезапная кончина.

Учитывая предыдущие суждения Рузвельта, согласившегося с тем, что право первыми вступить в Берлин принадлежит русским, Маршалл, фактически взявший на себя роль американского Верховного главнокомандующего, был недоволен не фактом переписки Эйзенхауэра со Сталиным, а протестами англичан по поводу этой инициативы. Он напомнил союзным военным руководителям, что они предоставили главнокомандующему войсками в Европе право напрямую обращаться к премьеру Черчиллю. Маршалл также выразил согласие с направлением завершающих наступательных действий, которое определил Эйзенхауэр, и счел неоправданным недоверие к нему со стороны британских официальных лиц{364}.

Маршалл со свойственными ему прямотой и резкостью телеграфировал в Лондон: «Только Эйзенхауэр занимает такую позицию, которая дает ему возможность понимать, как следует вести сражение и в полной мере использовать меняющуюся ситуацию». Чуть ли не менторские нотки звучали в словах начальника американского Генштаба и руководителя Объединенного комитета начальников штабов, что «психологические и политические преимущества, вытекающие из возможности захвата Берлина до того, как это сделают русские, не должны преобладать над императивными военными соображениями, которые, по нашему мнению, состоят в разгроме и расчленении германских вооруженных сил»{365}.

В свою очередь главнокомандующий, демонстрируя добрую волю, вновь информировал американских и британских начальников штабов, что он выносил решения только на основе военных соображений и что в случае возобладания в высших кругах политических соображений он должен получить соответствующие директивы. С изрядной долей хитрости и даже демагогии Эйзенхауэр завершил свое донесение словами: «Я первым признаю, что война преследует политические цели, и если Объединенный комитет начальников штабов решит, что усилия союзников по овладению Берлином превалируют над чисто военными соображениями, я с готовностью пересмотрю планы и соображения, чтобы провести такую операцию»{366}.

Эйзенхауэр отлично знал, что Маршалл придерживается того же мнения, а британские деятели просто не решатся предписать главнокомандующему пересмотреть планы из политических

соображений, что могло привести к многочисленным жертвам союзных войск во имя пресечения амбициозных планов восточного союзника. Возражений не последовало, и Эйзенхауэр продолжал операцию с целью рассечения германских войск, истребления живой силы и техники, что, как он полагал, приведет к быстрой капитуляции Германии перед всеми участниками антигитлеровской коалиции.

Теперь, в первой половине апреля, союзные войска наступали, громя лишь отдельные очаги сопротивления. 11–13 апреля они достигли Эльбы. Началась массовая сдача в плен американцам и англичанам германских частей. 18 апреля в плен сдались войска противника в окруженном Руре, численность которых составляла 317 тысяч человек — это была самая массовая сдача в плен за всю историю войны. Прошла еще неделя, и 25 апреля к северо-западу от Дрездена, в районе города Торгау, произошла знаменитая дружеская встреча на Эльбе, которая рассекла Германию, что было одной из главных задач, поставленных Эйзенхауэром перед своими войсками.

По мере продвижения союзных войск по германской территории раскрывалась страшная картина массовых убийств заключенных концлагерей, нечеловеческих мук и непосильного, обрекающего на мучительную смерть каторжного труда узников — военнопленных и гражданских, угнанных из родных стран. 15 апреля Дуайт писал жене: «Позавчера я посетил германский концентрационный лагерь. Я никогда не мог подумать, что такие жестокости, зверства, дикость действительно могут существовать! Это было ужасно… Я поехал туда сознательно»{367}.

Дуайт понимал, что наступит время, когда в неких общественных кругах возникнет желание приписать сведения о зверствах нацистов пропаганде, начнутся утверждения, что это была провокация союзников. В связи с этим он распорядился сразу же после освобождения концлагерей направлять туда журналистов и фотокорреспондентов, собирать документальные и вещественные доказательства, свидетельские показания о зверствах нацистов, в том числе об истреблении евреев{368}. Он требовал от американских конгрессменов, британских парламентариев и других официальных лиц, которые хотели своими глазами увидеть успехи союзных войск и приобщиться к их победам, первоочередного посещения концлагерей, включая Дахау в Баварии и Бухенвальд в Тюрингии (другие крупнейшие лагеря смерти находились на территории, занятой советскими войсками). Более того, 19 апреля Эйзенхауэр направил по подводному кабелю телеграмму Маршаллу с просьбой послать в Германию группу конгрессменов и издателей специально для

того, чтобы они посетили концлагеря и лично убедились в невероятных зверствах нацистов. В тот же день Маршалл ответил, что доложил о сообщении новому президенту Гарри Трумэну и получил его согласие на соответствующие действия{369}.

Эйзенхауэр приказал начать создание комплекса документальной базы преступлений нацизма перед человечеством, предназначенного прежде всего для предстоявшего суда над военными преступниками, но также для истории, чтобы потомки не допускали возникновения новых преступных, человеконенавистнических режимов.

По распоряжению Дуайта документальные кинофильмы и фотографии в обязательном порядке показывали пленным немецким солдатам и офицерам, а также гражданскому населению Германии. Эти люди в ужасе закрывали глаза — кто искренне, а кто и лицемерно. Особенно потрясали трофейные немецкие фотографии, свидетельствовавшие об истреблении евреев в газовых камерах, запечатлевшие людей, подвешенных к потолку или распятых на столбах, погибших в нечеловеческих мучениях. Эйзенхауэр послал фото и документы о нацистских преступлениях Черчиллю, а тот распорядился собирать и бережно хранить подобные свидетельства{370}.

По требованию Эйзенхауэра немецкие военнопленные, а также гражданские лица направлялись на принудительные работы по захоронению убитых заключенных и уборке концлагерей.

Эйзенхауэру, безусловно, принадлежала большая заслуга в разоблачении преступлений нацистского режима и участия в них не только эсэсовцев и нацистов, но и огромного числа рядовых жителей, которым предстояло пройти длительный этап морального покаяния, чтобы вновь стать полноценными гражданами Европы.

Точно так же он стремился на заключительном этапе войны в максимальной степени проявить добрую волю по отношению к СССР. Дуайт полностью отдавал себе отчет, что из всех стран антигитлеровской коалиции СССР понес наибольшие потери, что именно восточному союзнику должны достаться главные плоды победы. Он писал: «Теперь русские, у которых были относительно слабые связи с американцами и англичанами, не понимают нас, а мы их. Чем большие контакты мы будем иметь с русскими, тем лучше они будут понимать нас, и тем теснее будет наше сотрудничество. Русские — искренние и прямые в своих делах, и любая уклончивость вызывает их подозрения. С ними можно будет работать, если мы будем следовать определенным принципам дружеского сотрудничества, которое является

результатом великих достижений союзного единства»[371].

Можно, конечно, снисходительно улыбаться по поводу политической неискушенности и утопичности взглядов Эйзенхауэра, который будет быстро овладевать искусством политика уже после войны. Но в то же время нельзя не видеть в его словах искренности и честности выдающегося полководца, стремившегося положить конец войнам.

Первая безоговорочная капитуляция

Но прежде чем положить конец всем войнам, надо было завершить ту войну, которая еще шла.

Эйзенхауэру многократно докладывали, что в германских высших кругах зреет намерение капитулировать перед западными союзниками, но продолжать войну против СССР, а при идеальном варианте даже объединиться с американцами в антисоветском походе. Такие тенденции стали особенно ощутимы после самоубийства Гитлера 30 апреля 1945 года. В то время как отдельные соединения на Восточном фронте продолжали упорное сопротивление, другие части отходили в западном направлении и в массовом порядке сдавались в плен американцам и британцам.

Первого мая адмирал Дениц, который накануне в соответствии с последней волей Гитлера стал рейхсканцлером, по радио обратился к нации с призывом продолжать борьбу на востоке, ни слова не сказав о войне на западе[372]. На следующий день он приказал германским войскам прекратить огонь на западном направлении и приступить к сдаче в плен. В специальной радиограмме Эйзенхауэру он предложил прислать в его ставку своих представителей для подписания документа о капитуляции.

Эйзенхауэр отверг это предложение. Более того, он отдал приказ о запрете германским военным и гражданским лицам пересекать Эльбу в западном направлении для сдачи войскам союзников; в случае необходимости разрешалось открывать по ним огонь. Хотя на практике этот приказ не соблюдался, он был свидетельством добросовестности главнокомандующего по отношению к восточному союзнику[373].

Четвертого мая в ставку Эйзенхауэра прибыл германский адмирал Ганс Георг Фридебург и от имени Деница вновь предложил полную капитуляцию германских вооруженных сил перед американцами и англичанами. Отказавшись принять германского представителя, Эйзенхауэр велел передать ему, что безоговорочная капитуляция должна быть осуществлена

одновременно перед всеми союзниками. 6 мая в Реймс явился начальник штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта генерал-полковник Альфред Йодль. Получив тот же ответ, он запросил 48-часовой перерыв, чтобы связаться с Деницем и для получения инструкций. Эйзенхауэр понимал, что германское командование пытается максимально затянуть подписание акта о капитуляции, чтобы через Эльбу на Запад перебралось как можно большее число немцев. Он отлично знал, что его приказ о заградительной линии на Эльбе фактически не соблюдается, но ничего не мог с этим поделать — не стрелять же в самом деле по безоружным людям, идущим с поднятыми руками.

Йодлю было заявлено, что акт о капитуляции, текст которого уже подготовлен, должен быть подписан немедленно. Ему была предоставлена линия связи, по которой он получил неохотное согласие Деница{374}.

Добившись полного выполнения своих условий, Эйзенхауэр оказался перед нелегкой проблемой: как реально осуществить капитуляцию Германии не только перед западными державами, но и перед СССР. Однако на этот счет у него был припасен один вариант. В то время в Западной Европе находился единственный представитель высшего военного командования СССР — руководитель советской военной миссии, военный атташе советского посольства в Париже и одновременно резидент военной разведки генерал-лейтенант артиллерии Иван Алексеевич Суслопаров, на которого была возложена задача поддерживать связь с союзным командованием.

С осени 1944 года, когда Суслопаров прибыл в Париж, до мая 1945-го его функция сводилась к решению мелких технических вопросов. Но теперь Эйзенхауэр решил, что Суслопаров как представитель советского командования на Западе и есть то авторитетное лицо, которое может поставить подпись от имени СССР.

Вечером 6 мая к Суслопарову прилетел представитель Эйзенхауэра с сообщением о готовности германского командования капитулировать перед всеми союзниками и о том, что подписание акта о капитуляции назначено на два часа ночи 7 мая в резиденции Эйзенхауэра в Реймсе. Ознакомившись с текстом акта, Суслопаров счел, что он приемлем. В нем говорилось, что в ночь на 9 мая (в 23 часа 01 минуту по среднеевропейскому времени или в 00 часов 01 минуту по московскому времени) будет осуществлена безоговорочная капитуляция всех сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил, находившихся к тому моменту под германским контролем, а

все германские войска будут оставаться на занимаемых позициях. Запрещалось выводить из строя вооружение и другие средства войны. Гарантировалось исполнение приказов главнокомандующего союзными экспедиционными силами и советского командования. В акте говорилось, что только его английский вариант является аутентичным, что усиливало «дипломатическое унижение» немцев.

Суслопаров немедленно послал в Москву телеграмму с текстом акта о капитуляции и просил срочных указаний, а сам немедленно вылетел в Реймс. Время, назначенное для подписания акта, приближалось, а ответа из Москвы не было. Суслопаров понимал, что если не подпишет акт о капитуляции, дело будет выглядеть так, будто немцы капитулировали только перед Западом.

Генерал поступил так, как подсказывали ему опыт и совесть: попросил внести в текст акта дополнение, согласно которому церемония подписания акта о капитуляции должна быть повторена еще раз, если это потребует одно из государств-союзников{375}. Однако он не сообразил потребовать, чтобы было сказано об аутентичности английского и русского вариантов.

Чуть позже двух часов ночи 7 мая в комнате отдыха персонала штаб-квартиры союзников в Реймсе на втором этаже школьного здания акт о капитуляции был подписан с германской стороны Йодлем, со стороны союзников — генералами Смитом, Теддером, Суслопаровым и французским генералом Севезом в качестве свидетеля.

Процедура подписания была определена Эйзенхауэром. Все представители союзных держав сели за стол, перед каждым из них лежал экземпляр акта на родном языке (английском, русском и французском). Лишь после этого ввели Йодля, которому сесть не предложили. С воинской выправкой, с моноклем в правом глазу — «буквальное воплощение прусского милитаризма», — Йодль слегка поклонился собравшимся и, не получив ответных приветствий, поставил подпись. Затем акт подписали представители союзников и французский свидетель{376}.

Вскоре после подписания поступила шифрограмма на имя Суслопарова с приказом никаких документов не подписывать. Советская сторона настаивала на подписании акта в занятом Красной армией Берлине при значительном повышении должностного уровня подписантов и свидетелей. Но было уже поздно — фактически Германия капитулировала в ночь на 7 мая 1945 года{377}.[13]

Тем не менее в ночь на 9 мая в пригороде Берлина Карлсхорсте по требованию Сталина акт о безоговорочной

капитуляции был подписан повторно. По поводу предыдущего подписания Сталин, по воспоминаниям начальника оперативного управления Генерального штаба Красной армии С.М. Штеменко, заявил: «Договор, подписанный в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия, — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции»{378}.

Новый документ почти дословно повторял текст от 7 мая, включая даже статью о возможности повторного подписания. Карлсхорстский акт подтвердил и время прекращения огня. Сам характер изменений в тексте свидетельствует о их незначительности, но соответствии пожеланиям высшего советского руководства. В английском тексте выражение *Soviet High Command* (Советское Верховное Командование) было заменено точным переводом советского термина Верховное Главнокомандование Красной Армии — *Supreme High Command of the Red Army;* расширена часть статьи, трактующей обязанность немцев передать военную технику в целости и сохранности; статья об аутентичности теперь звучала так: «Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными».

С германской стороны акт подписали начальник штаба Верховного командования вермахта фельдмаршал В. Кейтель, представитель военно-воздушных сил генерал-полковник Г. Штумпф и представитель военно-морских сил адмирал Г. Фридебург. Безоговорочную капитуляцию приняли маршал Г.К. Жуков и заместитель главнокомандующего союзными экспедиционными силами маршал А. Теддер. В качестве свидетелей подписи поставили американский генерал К. Спаатс и французский генерал Ж. де Латр де Тасиньи.

Эйзенхауэр торжествовал, сознавая, что его военная миссия увенчалась грандиозным успехом. Еще в ночь на 7 мая в Реймсе после подписания акта о капитуляции он собрал своих непосредственных подчиненных и поручил каждому составить коммюнике для прессы и радио, пообещав, что будет использован самый лучший вариант. Все написали торжественные тексты, изобиловавшие словами о великой победе. Прослушав все варианты, Дуайт склонился над столом, написал: «Миссия союзных сил выполнена в 2 часа 41 минуту местного времени 7 мая 1945 года» — и передал этот текст средствам массовой информации{379}.

Эйзенхауэр собирался вылететь в Берлин для участия в

подписании повторного акта о капитуляции, но его отговорили советники и помощники, недовольные, как и он сам, фактом повторного подписания.

Триумф победы

Триумф Эйзенхауэра продолжался. В связи с германской капитуляцией он получил радиограмму от Маршалла, написанную в обычно не свойственном ему, но вполне соответствовавшем моменту братском духе, дававшую событиям должную оценку: «Вы завершили выполнение своей миссии величайшей победой в истории войн. С величайшим успехом Вы командовали наиболее мощными вооруженными силами, которые когда-либо были сведены воедино… Вы самоотверженно руководили акциями, будучи всегда разумным и терпимым в своих суждениях, и постоянно достойны восхищения храбростью и мудростью Ваших военных решений»{380}.

«Ко времени капитуляции Эйзенхауэр стал наиболее знаменитым и успешным генералом»{381} — справедливая оценка С. Амброза. И на родине, и в Европе возник «эйзенхауэровский бум», своего рода культ. Поскольку президента Рузвельта уже не было в живых, а президент Трумэн еще не успел проявить себя, Эйзенхауэр оказался на третьем месте в мире по известности — следом за Черчиллем и Сталиным. Даже при желании сменить мундир на штатскую одежду, поля сражений на тихую сельскую жизнь, сотрудничество с главами государств и правительств, с высшими военными чинами на общение с семьей теперь было невозможно. Главнокомандующий союзными войсками в Европе был сравнительно молод — немногим более пятидесяти лет, и почти всем (кроме, может быть, его самого и его супруги) было ясно, что ему еще предстоит потрудиться на высоких должностях. От Эйзенхауэра ожидали новых заметных деяний, вначале скорее военных, но по мере того как война начинала отходить в прошлое, и государственных. Недаром президент Трумэн уже в июне 1945 года заявил Дуайту, что готов сделать для него всё необходимое, включая поддержку на президентских выборах 1948 года, если, конечно, генерал объявит о своей принадлежности к Демократической партии{382}.

Это предложение Эйзенхауэр отклонил с ходу. Во-первых, он как человек военный не мог баллотироваться на президентский пост, а из армии если и собирался уходить, то только на покой (во всяком случае ему так казалось). Во-вторых, не принадлежа ни к какой партии, он по своим взглядам был значительно ближе

к республиканцам. Это совершенно четко прозвучало в ответных словах: «Мистер президент, я не знаю, кто будет вашим соперником в борьбе за президентство, но только не я»{383}. Так в предельно краткой форме Эйзенхауэр выразил, что от демократов на президентских выборах будет выступать именно Трумэн, а сам он склоняется к республиканцам, но в выборах участвовать не намерен.

Пятнадцатого мая Дуайт в сопровождении Кей, ее матери и генерала Брэдли побывал в Лондоне. Они посетили памятные места, где располагалась ставка, а вечером отправились в театр. И без того циркулировавшие слухи были подогреты тем, что Кей сидела в ложе рядом с Дуайтом. Их моментально сфотографировали, и в следующие дни этот снимок облетел мировую прессу.

Кто-то в зале крикнул: «Произнесите речь!» — и весь зал откликнулся эхом: «Речь!» «Речь!» Генерал сказал лишь: «Я рад вновь побывать в стране, где могу говорить на почти родном ей языке», — но его слова утонули в бурных овациях.

Не прошло и месяца, и 12 июня Дуайт вновь приехал в Лондон, на этот раз для участия в официальных торжествах по случаю победы. Утром он решил погулять в Гайд-парке, но тотчас был узнан. Его окружила толпа, стали задавать вопросы, требовать автографы. Дуайта едва спасли подоспевшие полицейские, и на их машине он возвратился в свою резиденцию.

Затем в конном экипаже Эйзенхауэр проехал по центральным улицам в городскую ратушу, где лорд-мэр британской столицы наградил его Почетным мечом. После этого Дуайт произнес заготовленную речь, в которой подчеркнул, что меч, врученный ему, является признанием заслуг миллионов людей, восстановивших мир на земле, ковавших победу в союзных странах. Вслед за этим он вместе с Черчиллем, обнимавшим его за талию, вышел на балкон, под которым собрались тысячи лондонцев.

В конце июня Дуайт прилетел на родину. Излишне рассказывать, с каким восторгом его встречали везде, где бы он ни появлялся. Но наиболее показательной была встреча в Конгрессе, где генерал выступил на объединенном заседании палат. Его приветствовали стоя, причем специалисты по истории законодательной власти в США пришли к выводу, что это была самая длительная овация, когда-либо раздававшаяся на Капитолии. Батчер записал в дневнике, что многие присутствовавшие думали при этом, как прекрасно выглядел бы оратор, если бы выступал перед Конгрессом в качестве президента страны{384}. Так уже в 1945 году стали раздаваться

призывы к Эйзенхауэру возглавить высшую исполнительную власть.

Столь же триумфальными были встречи в провинции. В родном Абилине Дуайта приветствовала аудитория в 20 тысяч человек, в четыре раза превышавшая население городка, — на встречу приехала масса жителей из окрестных мест. Радостные крики и слезы восторга стали ответом на речь прославленного генерала, начатую словами: «Это было то ли мое счастье, то ли мое несчастье — бродить по нашему миру на порядочные расстояния. Но никогда этот город не исчезал из моего сердца и моей памяти»[385].

Торжества, однако, очень скоро прекратились. Надо было наводить порядок в разгромленной, разрушенной, голодающей Германии.

Часть вторая.
ПРЕЗИДЕНТ

Глава первая.
НАЧАЛО ПУТИ К ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ

Руководитель американской зоны оккупации

Парадоксально, но вполне естественно в новых условиях Эйзенхауэр по окончании войны в Европе оказался пониженным в должности и объеме полномочий. Немедленно по окончании военных действий Великобритания вывела свои вооруженные силы из подчинения объединенному командованию, и Эйзенхауэр остался командующим только американским военным контингентом в Европе и главой американской зоны оккупации Германии.

Впрочем, подобные «понижения» были и у военных руководителей других стран. Маршал Жуков, заместитель Верховного главнокомандующего, стал теперь командовать советской оккупационной зоной.

Пятнадцатого мая 1945 года перед поездкой в Великобританию и США Эйзенхауэр перевел свой штаб из Реймса во Франкфурт-на-Майне, где его службы заняли помещения знаменитого германского объединения химических концернов И.Г. Фарбен, в свое время щедро финансировавшего Гитлера и его партию. Каким-то чудом огромное здание фирмы сохранилось в разрушенном городе. Служебный кабинет шефа был огромным, нарядным и вообще барским. Дуайт брюзжал, что такое помещение должно было бы «принадлежать султану или кинозвезде»[{386}].

Он поселился в соседнем небольшом курортном городке Бад-Хомбург. В тот же день, когда он переместился в Германию, Дуайт написал Маршаллу, что следовало бы разрешить американским военным, которые теперь будут находиться на немецкой земле неопределенное время, соединиться с семьями, и просил разрешения на приезд супруги[{387}]. Это означало полный разрыв с Кей. Но она и не претендовала на то, чтобы остаться с Дуайтом навсегда.

С этим письмом произошла путаница. Восприняв только его вторую часть, а первую сочтя лишь «введением» к ней, Маршалл решил посоветоваться с президентом. К его удивлению, Трумэн ответил резким «нет!». Видимо, он невнимательно слушал начальника штаба и не понял, о чем идет речь; об этом свидетельствует опубликованный через много лет мемуарный рассказ Трумэна журналистке Мёрл Миллер: Маршалл якобы

принес ему письмо Эйзенхауэра о желании получить развод и жениться на Кей[388].

Правда, С. Амброз высказал мнение, что президент фактически запретил Эйзенхауэру вызывать жену в Европу, а версию о разводе и новом браке приписывает престарелому возрасту и забывчивости Трумэна[389]. Но это не согласуется со всем контекстом бесед Трумэна с Миллер, в которых экс-президент демонстрировал твердую память и знание деталей.

В результате Эйзенхауэр вынужден был извиниться перед Маршаллом за свою просьбу. Дуайта утешало, что его сын служил в части, расположенной всего лишь в получасе езды на машине от Бад-Хомбурга, и при первой же возможности приезжал к отцу Джон вспоминал: «Папа был человеком одиноким в это время, почти всеми покинутым после военных волнений»[390]. Конечно, это было преувеличение — вокруг Дуайта кипела жизнь, в которой он сам принимал живейшее участие. Его рабочий день был полон забот. Но всё же это были заботы невоенного характера.

Теперь, когда Эйзенхауэр командовал не объединенными силами, а только американским контингентом, Кей, подданная британской короны, не могла продолжать службу По всей видимости, пытаясь остаться с Дуайтом, Кей отправилась в США и подала ходатайство о предоставлении ей американского гражданства. Но процедура эта занимала немалое время, всё должно было идти по закону, и Эйзенхауэр решил просто прервать связь военных лет, положив конец всевозможным слухам и сплетням, ходившим в том числе и в высших кругах.

Неизвестно даже, объявил ли Дуайт свою волю Кей с глазу на глаз. Похоже, у прославленного полководца не нашлось для этого мужества, ибо в архиве сохранилось его письмо Кей, в котором сообщалось о принятом решении. Письмо было сугубо деловым. В нем, разумеется, ничего не говорилось о личном разрыве, а лишь указывалось, что Кей Саммерсби не может больше служить в его штабе, поскольку является британской подданной. Выражалась глубокая благодарность за «неоценимую лояльность и верность, с которыми Вы работали под моим личным руководством», и высказывалось «глубокое огорчение», что эта работа, которая «была столь ценной для меня, должна быть прервана именно таким образом». Автор письма заверял, что ему «всегда будет интересно узнать, как обстоят дела» у его адресатки. К машинописному тексту было добавлено от руки: «Заботьтесь о себе и сохраняйте оптимизм»[391]. Эти слова хотя бы незначительно смягчали официальную сухость послания.

Нам представляется, что это вежливое и холодное письмо,

поставившее точку в отношениях, продолжавшихся несколько лет и особенно не скрываемых от окружающих, сильно обидело Кей. Что ж, война делает души более мозолистыми. К тому же Дуайт должен был считаться с моральными нормами, к которым и власти, и общественное мнение в мирное время становились более внимательными. Наконец, в скором времени предполагалось воссоединение с супругой, и наш герой явно стремился очистить «поле боя» от препятствий. Однако в любом случае расставание с Кей Саммерсби нельзя отнести к лучшим страницам биографии Эйзенхауэра. Это было просто трусливое бегство от возлюбленной.

Что же касается самой Кей, то она действительно получила американское гражданство, а в конце 1947 года собралась замуж и письменно пригласила Эйзенхауэра на свадьбу. Очередным вежливым письмом он отклонил приглашение. По каким-то причинам замужество сорвалось. В 1948 году Кей опубликовала мемуары «Эйзенхауэр был моим боссом». В том же году она якобы случайно встретилась с Дуайтом и попыталась восстановить отношения, но натолкнулась на холодный отказ. В начале 1950-х годов она, наконец, вышла замуж за нью-йоркского биржевого дельца Реджинальда Моргана. Через много лет, в 1976 году, появились ее новые, более откровенные воспоминания «Забытое прошлое: Моя любовная история с Дуайтом Эйзенхауэром». К этому времени его уже не было в живых, а сама Кей была неизлечимо больна. Проверить содержавшиеся в ее мемуарах сведения или в чем-то возразить ей теперь не было возможности.

Однако, судя по достоверности эпизодов, касавшихся военных и политических проблем, Кей обладала хорошей памятью и не лгала. При обычных недостатках мемуаров как исторического источника (прежде всего далеко не всегда обоснованного выдвижения собственной персоны на первый план) ее воспоминания представляются нам важным материалом, характеризующим Дуайта Эйзенхауэра как личность.

Между прочим, воспоминания Кей стали причиной появления еще одного важного исторического источника. Познакомившись с книгой, раздосадованная вдова Дуайта Мейми представила читающей публике свою переписку с супругом в военные годы. В результате появилась интереснейшая книга «Письма к Мейми», не только свидетельствующая о том, что Эйзенхауэр не собирался разводиться и постоянно переписывался с женой, но и дающая некоторое представление о деловой жизни генерала.

Перед командующим войсками и губернатором американской зоны оккупированной Германии (она фактически была создана сразу после германской капитуляции и официально оформлена

соглашением союзных держав в июле 1945 года, включая в себя юго-западную часть Германии — Баварию, Баден-Вюртемберг, Гессен и Бремен) встали совершенно новые управленческо-административные задачи, причем в весьма специфических условиях — на территории побежденной страны. Весь местный административный аппарат ранее состоял из военных преступников, коими, согласно решению Ялтинской конференции, являлись все руководящие члены Национал-социалистической партии, СС, вермахта и других нацистских формаций, подлежавшие аресту и суду. Кто же в этих условиях должен был осуществлять административные функции на всех уровнях — от деревенских старост до руководства землями?

Вначале Эйзенхауэр пытался строго следовать ялтинским решениям о денацификации (уничтожении нацизма) и в инструкции, направленной еще 26 апреля 1945 года, требовал того же от Объединенного комитета начальников штабов{392}. Он всячески поощрял воссоздание в американской зоне антинацистских политических партий. Одна за другой возобновили свою деятельность левые партии — Социал-демократическая и Коммунистическая, а вслед за этим центристские — Христианско-социальный союз в Баварии и Христианско-демократический союз в остальных землях, а также более мелкие партии общедемократического характера. С конца июня до начала декабря 1945 года прошли выборы в ландтаги. В Бремене и Гессене большинство голосов получили социал-демократы, в Баварии и Баден-Вюртемберге — христианские демократы. Соответствующие партии образовали местную исполнительную власть. При штабе Эйзенхауэра было создано Управление военного правительства для Германии, в котором служили американцы; в его подчинении находился Земельный совет из премьер-министров отдельных земель.

Но реальное управление должны были осуществлять специалисты в своей области, а таких среди антинацистских деятелей почти не было. Здесь Эйзенхауэр столкнулся с серьезными трудностями, ибо проводил курс денацификации более жестко, чем это делалось в английской и советской зонах оккупации. Более того, он поддержал разработанный министром финансов США Генри Моргентау план, предусматривавший разрушение германской промышленности и превращение Германии в аграрную страну путем разделения крупных помещичьих имений на мелкие землевладения, которые могли бы получить бывшие рабочие и служащие промышленных предприятий. В книге «Германия — наша проблема»{393} Моргентау указывал, что сама идея деиндустриализации

Германии была подсказана ему Эйзенхауэром. Что ж, не имевший хозяйственно-управленческого опыта Дуайт мог высказать такую мысль, продиктованную ненавистью к побежденному врагу. Но как мог опытный государственный деятель Моргентау всерьез рассуждать об этом фантастическом плане? В любом случае никем из высокопоставленных лиц план Моргентау всерьез не рассматривался.

Да и сам Эйзенхауэр под влиянием практики вскоре изменил отношение к будущему Германии. В 1947 году, занимая уже другой пост, он пришел к выводу, что, превращая Германию в страну, неспособную вести войну, надо позаботиться и о том, чтобы немцы «могли производить собственные средства обеспечения, иначе они станут объектом благотворительности и всемирной жалости»{394}.

К изменению отношения к немцам Эйзенхауэра еще в бытность губернатором подталкивали его подчиненные. В то время как он требовал, чтобы ни один бывший нацист не был допущен на руководящую должность, в Баварии, самой крупной земле американской зоны, старый товарищ и непокорный подчиненный Эйзенхауэра Паттон проводил иную политику, понимая, что в Германии при Гитлере невозможно было занимать какой-либо пост, не кланяясь нацистской партии. Военный губернатор требовал от него «лояльной службы в исполнении проводимой политики, как я получал ее во время войны»{395}. Но посетив Баварию, чтобы проверить, как выполняются его приказы о денацификации, он убедился, что восстановление там идет быстрее, чем в других германских землях, и вынужден был с этим считаться{396}. Он увидел, что в Баварии, как и в британской и советской зонах оккупации, власти придерживались прагматического курса: предавали суду и жестко наказывали тех, кто был непосредственно замешан в убийствах мирных граждан как в Германии, так и за рубежом, но использовали на административных должностях бывших нацистов, имевших специальные знания и опыт. (Впрочем, в советской зоне таковые быстро перекрашивались в членов Социалистической единой партии Германии. Не случайно в то время в Германии ходило выражение, что СЕПГ — это «партия мелких нацистов».)

Трудно сказать, как развивались бы отношения между Эйзенхауэром и Паттоном, но 9 декабря Паттон попал в автокатастрофу и 21 декабря скончался. Его сменил генерал Лусиус Траскотт. Перед его отъездом в Баварию Эйзенхауэр призвал его быть жестким по отношению к нацистам и давать преимущества в трудоустройстве бывшим перемещенным лицам, в частности евреям{397}. Однако Траскотт, по существу,

продолжал курс предшественника, и Эйзенхауэр постепенно убеждался в целесообразности следовать этому примеру.

И всё же в американской зоне было предано суду и понесло наказание больше нацистских преступников, чем в британской (французская зона занимала крохотную, промежуточную территорию между американской и британской). В британской зоне к суду было привлечено около девятисот тысяч нацистов, из которых почти все отделались денежными штрафами, а к тюремному заключению приговорены, по разным данным, от двадцати до пятидесяти тысяч человек. (Статистика преданных суду и понесших наказание в советской оккупационной зоне не публиковалась. Известно лишь, что основное внимание было направлено на использование денацификации для установления контроля над экономикой. От управления государством и решения хозяйственных вопросов было отстранено около четырехсот тысяч человек{398}.)

Контакты с Жуковым и Сталиным

В конце июля Эйзенхауэр по распоряжению Трумэна отправился в Берлин для участия в конференции глав трех союзных держав. Однако американский президент отдал это распоряжение, скорее всего, чтобы сделать приятное своим международным партнерам Сталину и Черчиллю, относившимся к генералу с несравненно большим респектом, чем к нему самому, которого считали случайным лицом (Трумэн был вице-президентом при Рузвельте и возглавил США тотчас после его неожиданной смерти).

Эйзенхауэр рекомендовал президенту во время конференции передать контроль над американской зоной оккупации от армии Госдепартаменту, приступить к восстановлению германской промышленности и начать с Рурского промышленного района, выступить инициатором ликвидации оккупационных зон и вместо них создать единую систему управления Германией. Ни одно из этих предложений Трумэн не принял{399}.

Был еще один чрезвычайно важный вопрос: что делать с атомной бомбой. Об атомной бомбе Эйзенхауэр услышал впервые в кулуарах Потсдамской конференции, — то ли перед тем, как Трумэн намекнул о ее существовании Сталину, то ли непосредственно после этого. Он не знал ни о Манхэттенском проекте, ни о беседе Рузвельта с Нильсом Бором, когда ученый указывал на неизбежно временный характер атомной монополии США. Тем более ему было неведомо о секретной памятной

записке, подписанной 18 декабря 1944 года Рузвельтом и Черчиллем, об отказе информировать о ядерных разработках другие страны, о возможном применении атомной бомбы против Японии и о принятии мер против «утечки информации, особенно к русским», в частности со стороны Бора{400}.

На Потсдамской конференции военный министр Генри Стимпсон рассказал ему о ядерных секретах. Как через несколько месяцев сам Эйзенхауэр писал в нескольких меморандумах, известие повергло его в состояние депрессии. Он убеждал Стимпсона, что использование атомного оружия против Японии нецелесообразно, ибо она уже фактически разгромлена, а такая разрушительная бомбардировка шокирует весь мир. После конференции Эйзенхауэр в том же духе высказал свое мнение президенту{401}.

Можно не сомневаться, что Эйзенхауэр отлично понял: атомная бомбардировка японских городов Хиросимы и Нагасаки имела целью не только ускорение капитуляции Японии, но и демонстрацию мощи США, адресованную прежде всего руководителям СССР. Он полагал, что не следует особенно жестко демонстрировать возможность применения силовых методов, а, наоборот, нужно приложить максимум усилий, чтобы наладить послевоенное сотрудничество с СССР, которое, несмотря на все препоны, выдержало испытание войной.

В этом смысле в течение некоторого времени взгляды Эйзенхауэра на перспективы американо-советских отношений были близки к позиции Генри Уоллеса, вице-президента в правительстве Рузвельта в 1941–1945 годах, а в 1945–1946 годах — министра торговли, полагавшего, что развитие должно привести к созданию конвергентного общества, которое вобрало бы в себя лучшие черты американского капитализма, европейского «социализма» (в духе лейбористских реформ в Великобритании в первые послевоенные годы) и советского большевизма{402}.

В ответе на письмо Уоллеса, который приветствовал его усилия по установлению сотрудничества с советскими оккупационными властями в Германии летом 1945 года, Дуайт писал: «В той степени, в какой солдату следует высказывать мнение по вопросам такого рода, я убежден, что дружба означает честное желание с обеих сторон стремиться к взаимопониманию между Россией и Соединенными Штатами. [Эта дружба] совершенно необходима для всемирного спокойствия»{403}. Примерно те же мысли генерал высказывал и на пресс-конференциях.

Однако трудности в сохранении дружеских отношений

возникали на каждом шагу. Чуть забегая вперед, отметим подтверждающий это эпизод.

Чтобы продемонстрировать, кто именно разгромил германские войска, Г.К. Жуков по указанию Сталина назначил на 7 сентября 1945 года парад победы в Берлине, который задумывался не как общий, построенный на паритетных основах, а как парад советских войск с участием американских и британских частей. Именно поэтому он проводился в районе Тиргартена и Бранденбургских ворот, входившем в советский сектор оккупации. Ни Эйзенхауэр, ни его ближайшие помощники на парад не прибыли, хотя им были посланы персональные приглашения. Американцев представлял генерал Паттон, англичан — генерал Робертсон. Имеются сомнительные сведения, что в связи с отказом прибыть на парад первых лиц из западных зон оккупации Жуков послал Сталину запрос, не следует ли парад отменить, на что последовало требование проводить празднество при любом представительстве. Единственным выступавшим с трибуны возле Бранденбургских ворот был Жуков. Сначала прошли английские части, затем американские, которые (видимо, по команде сверху) двигались расхлябанной походкой, не в ногу, демонстрируя своего рода снисходительное отношение к мероприятию. Замыкали парад чеканившая шаг советская пехота, артиллерия и танки.

Тем не менее Эйзенхауэр шел навстречу ряду советских требований — даже тогда, когда их удовлетворение явно нарушало принципы гуманизма. Секретное соглашение, подписанное на Ялтинской конференции 11 февраля 1945 года, гарантировало «на взаимной основе» возвращение на родину военнопленных и гражданских перемещенных лиц союзных наций. На практике ни о какой «взаимной основе» речи не могло быть, так как на территории, оккупированной советскими войсками, ни американцев, ни британских подданных практически не было. Предусматривалось, что «все советские граждане… содержатся… в лагерях или сборных пунктах до момента их передачи… советским властям». Иллюзий по поводу их дальнейшей судьбы быть не могло. Нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия на совещании в своем наркомате в апреле 1945 года прямо объявил, что советские представители в комиссиях по репатриации «будут иметь дело с людьми, изменившими родине, и… в этом отношении нет разницы между пленными, вывезенными или уехавшими добровольно»{404}.

К осени 1945 года более пяти миллионов человек были репатриированы. Затем по распоряжению Эйзенхауэра и английских представителей в Германии массовая принудительная

репатриация была прекращена в связи с поступавшей информацией об отправке репатриированных в советские концлагеря. К 1947 году на территории Западной Германии, Австрии и Италии оставалось свыше миллиона советских граждан и других перемещенных лиц, выдачи которых требовали представители СССР{405}. Стоит отметить, что Эйзенхауэр, явно чувствуя свою вину, сообщал в переписке сильно преуменьшенные данные о количестве военнопленных и перемещенных лиц из СССР в западных зонах и числе насильственно переданных советским властям: якобы в конце лета 1945 года на родину отправились 99 процентов из почти двух миллионов советских граждан{406}. Таким образом, численность граждан СССР, находившихся в конце войны на территории западных зон, было занижено в три раза, а переданных советским спецорганам — в два с половиной.

Эйзенхауэр всячески стремился установить дружеские отношения с главноначальствующим советской военной администрации в Германии маршалом Жуковым. 5 июня 1945 года состоялась их первая встреча. Оба они к этому времени выглядели в глазах общественного мнения почти всего мира как главные творцы победы. Эйзенхауэр не только после этой и еще нескольких встреч, но и в своей книге воспоминаний очень высоко оценивал полководческий талант Жукова{407}. Можно полагать, что элемент политической игры в такой оценке был, но Жуков действительно произвел на него впечатление — властностью, внушительностью, авторитетностью, всей манерой поведения. Сохранилась фотография, на которой оба полководца едут в машине вдоль приветствующей их толпы. Дуайт широко улыбается, дружески машет рукой зрителям, Жуков же мрачен и неулыбчив, смотрит не на окружающих, а прямо перед собой.

Между прочим, на одной из встреч произошел любопытный эпизод. Зная, что у американского генерала есть симпатичная молодая помощница (это было еще до изгнания Кей из штаба), Жуков взял с собой в американскую ставку актрису Зою Смирнову, случайно оказавшуюся в его штабе. Режиссер Михаил Ромм рассказывал: «Ехал Жуков на банкет Эйзенхауэра, а у Эйзенхауэра была хорошенькая секретарша-военная, ужасно нравилась Жукову. Ну, и Жуков сказал: “Достать мне какую-нибудь бабу, чтобы со мной была баба в военной форме”. Ну, и никого не было подходящего в Берлине. Достали эту самую Смирнову, она поехала с Жуковым к Эйзенхауэру.

Жуков, так сказать, в пьяном виде, когда возлияния уже стали слишком обильны, снял с груди орден Красной Звезды и самолично нацепил на прелестную грудь секретарши

Эйзенхауэра. Тогда Эйзенхауэр снял с себя какой-то орден и нацепил на грудь Смирновой. Это оказался высший орден американской армии. Все, вплоть до генерала, должны были перед ней стоять смирно. (“Холодная война” еще не началась.) Она сразу попала в заметное положение, и вот ее взяли на Сильву (то есть дали заглавную роль в оперетте И. Кальмана. — *Г. Ч., Л. Д.)*»[{408}].

Но главная встреча состоялась 10 июня 1945 года, когда Жуков прилетел во Франкфурт для вручения Эйзенхауэру и Монтгомери высшего советского военного ордена «Победа». Встречали советского маршала с помпой. Был выстроен почетный караул. Эйзенхауэр по этому поводу писал: «Завтрак прошел с большим успехом. Выдался прекрасный летний день, и сначала мы повели гостей на большой открытый балкон, где нас угощали вином и закуской перед завтраком, и в это время, как было запланировано, провели воздушный парад с участием большого числа самолетов нашей авиации, полагая, что маршал Жуков воспримет это как проявление глубокого уважения к нему… В ясную, солнечную погоду получилось внушительное зрелище, и казалось, оно произвело на Жукова большое впечатление»[{409}].

На этом, однако, проявления дружбы не завершились. Через посла США в СССР А. Гарримана Сталин передал личное приглашение Эйзенхауэру посетить Москву 24 июня, когда проводился Парад Победы. О причинах, по которым генерал не принял приглашения, можно только догадываться. Скорее всего, он счел, что недооценен вклад союзников СССР в достижение общей победы. Впрочем, отказ от поездки был объяснен необходимостью участия в совещаниях о завершении войны против Японии.

Для посещения СССР был избран более нейтральный повод. Вместе с Жуковым Дуайт вылетел в Москву для присутствия на параде физкультурников 12 августа 1945 года. Он был приглашен на трибуну Мавзолея и простоял там несколько часов рядом со Сталиным и с советскими маршалами. Советский руководитель милостиво разговаривал с американским полководцем и даже принес ему извинения за то, что пришлось изменить оперативные планы и начать последнее советское наступление в Германии на Берлин, а не на Дрезден. Сталин убеждал гостя, что СССР крайне нуждается в американской помощи для восстановления экономики. Об этом позже Эйзенхауэр рассказал в мемуарах: «Генералиссимус… пригласил меня встать радом с ним, и с помощью переводчика мы разговаривали с перерывами в течение всего праздника. Он несколько раз повторял, что России и США важно остаться друзьями. “Имеется много направлений, — сказал

он, — по которым мы нуждаемся в американской помощи. Наша задача заключается в том, чтобы поднять уровень жизни русского народа, серьезно пострадавшего от войны. Мы должны узнать всё о ваших научных достижениях в сельском хозяйстве. Мы должны также воспользоваться вашими специалистами, чтобы они помогли нам решить наши проблемы в области машиностроения и строительства. Мы знаем, что мы отстаем в этих вопросах, и знаем, что вы можете помочь нам". Эту мысль он сохранял в ходе всей беседы, в то время как я ожидал, что он ограничится просто выражением общих фраз о желательности сотрудничества»[410].

Сталин произвел на собеседника сильное впечатление. Однако утверждение С. Амброза, что это впечатление было обоюдным[411], не подтверждается серьезными источниками. Правда, генералиссимус преподнес американскому командующему свою фотографию с надписью «Знаменитому стратегу, генералу армии Эйзенхауэру с самыми лучшими пожеланиями»[412]. Вскоре он сказал Гарриману: «Генерал Эйзенхауэр — очень большой человек, не только по его военным достижениям, но по его человеческой, дружеской, доброй и искренней натуре. Он не грубый человек, подобно большинству военных»[413]. Дуайт по наивности принял это высказывание за выражение искреннего чувства и даже воспроизвел в письме Маршаллу.

В Москве Дуайту показали весь набор мест, которые демонстрировались высоким гостям: метрополитен, Кремль, образцовый колхоз. Вместе с Жуковым он побывал на футбольном матче, причем болельщики и игроки устроили им овацию. Добрые чувства к Жукову Эйзенхауэр сохранял и после поездки в СССР.

Можно полагать, что Эйзенхауэр невольно «внес вклад» в предстоявшую опалу советского маршала. Во время его визита в Москву Аверелл Гарриман сообщил в Вашингтон: генерал заверил его, что его друг Жуков будет преемником Сталина и откроет новую эру дружеских отношений между Америкой и Россией. Исследователь биографии Жукова пишет: «Посольство было под плотной опекой советских спецслужб, и высказывания Эйзенхауэра о Жукове наверняка стали известны Сталину. А вождь, как мы знаем, сам любил назначать себе преемников и терпеть не мог, когда это за него пытались сделать другие. Так что опала Жукова была предрешена еще в августе 45-го. Требовалось только несколько месяцев на ее техническую подготовку»[414].

При всех своих позитивных эмоциях по отношению к недавнему военному союзнику Эйзенхауэр в качестве командующего американскими вооруженными силами в центре

Европы, естественно, был вовлечен в дискуссии, являвшиеся элементом зарождавшейся холодной войны. Как и почти все американские и британские общественные деятели (за исключением коммунистов) и военное руководство, он считал социально-политическую систему СССР антигуманной, построенной на безжалостной диктатуре одного человека.

В высших британских и американских кругах не исключалась возможность агрессии СССР против стран Западной Европы и обсуждались проблемы противостояния ей, а также, по требованию Черчилля, возможности нанесения по СССР упреждающего удара. Черчилль стремился выяснить, имеются ли у Великобритании и США реальные шансы для противодействия Советскому Союзу. Ведение переговоров на эту тему было поручено руководителю британской военной миссии в Вашингтоне, участнику Ялтинской и Потсдамской конференций фельдмаршалу Генри Вильсону, который обсуждал английские военные проекты под кодовым названием «Немыслимое» с президентом Трумэном, Эйзенхауэром и канадским премьером Кингом. Подбирались цели для возможных атомных бомбардировок СССР В сентябре состоялась окруженная завесой секретности встреча на яхте вблизи побережья США Эйзенхауэра с британским фельдмаршалом Монтгомери. Военачальники пришли к выводу, что в случае наступления Красной армии в Европе западные союзники не в силах будут его остановить. Общий вывод о перспективах кампании был пессимистичным: если война против России начнется, она будет тотальной, длительной и крайне дорогостоящей. План войны был отложен{415}.

Начальник штаба

Приближалось время возвращения из побежденной Германии на родину. Маршалл собирался в отставку, и единственным, которого он видел своим преемником на посту начальника штаба американских вооруженных сил, был Эйзенхауэр. Сообщив ему об этом, Маршалл выразил надежду, что такое назначение будет соответствовать его интересам. В ответном письме Дуайт воздержался от выражения своего отношения к возможному назначению: «Я приму всё, что мои начальники прикажут мне»{416}.

В конце октября Трумэн принял отставку Маршалла, хотя собирался сохранить его как своего влиятельного представителя. Поначалу Маршалл по поручению президента отправился в

Китай, чтобы попытаться добиться примирения между правительством Чан Кайши и китайскими коммунистами во главе с Мао Цзэдуном, готовившимися при помощи СССР начать наступление вглубь Китая из Маньчжурии.

Именно в этих условиях на место начальника штаба армии и председателя Объединенного комитета начальников штабов президент назначил Дуайта Эйзенхауэра. Правда, некоторое время решение не оглашалось, так как велись секретные переговоры с Чан Кайши по поводу приема Маршалла.

Перед отлетом на родину Эйзенхауэр побывал в Берлине, где встретился с Жуковым. Поскольку о его назначении на новый пост не было объявлено, он объяснил свое отбытие семейными делами, причем обманул собеседника — сказал, что намерен возвратиться в Европу. В обширном меморандуме об этой встрече, оставленном сменявшему ему генералу Лусиусу Клею, Эйзенхауэр рассказывал, что Жуков признал тягчайшую разруху, царившую в СССР, где жизненный уровень был ниже, чем в побежденной Германии. Все еще стараясь не поддаться полностью духу холодной войны, он рекомендовал своему преемнику внимательно относиться к пожеланиям советской стороны{417}.

По возвращении в США Эйзенхауэр послал Жукову дружеское письмо с приглашением посетить Америку. Письмо завершалось словами: «Прошу Вас, если Вы почувствуете, что я мог бы что-нибудь сделать для Вас лично или для укрепления дружеских отношений, столь важных для всего мира, буду рад откликнуться на Ваши предложения и сделать всё, что в моих силах».

Российский автор, обнаруживший подлинник письма в личном фонде Сталина в Архиве Президента Российской Федерации, считал, что Эйзенхауэр не получил ответа, поскольку послание не дошло до адресата: особый отдел Группы советских войск в Германии переправил его руководителю Главного управления контрразведки (Смерш) Наркомата обороны В.С. Абакумову, а тот передал его Сталину. На основании письма можно было бы при надобности обвинить Жукова в связях с иностранным генералом{418}.

Но, по всей видимости, Жукову всё же передали копию письма американского генерала и «порекомендовали» содержание ответа. В нем говорилось, что автор надеется нанести ответный визит, а тем временем посылает подарки: ковер из медвежьей шкуры и набор деликатесов. Жукову были посланы два новых письма: Дуайт благодарил и сообщал, что ковер будет украшать его новый кабинет{419}.

На этом переписка оборвалась, так как Жуков, ставший в марте 1946 года заместителем министра Вооруженных сил СССР,

в июне был снят с должности и назначен командующим войсками Одесского военного округа. В секретном приказе от 9 июня Сталин обвинил Жукова в «утрате всякой скромности», приписывании себе разработки и проведения основных операций Отечественной войны, в озлоблении, противопоставлении себя правительству и Верховному главнокомандованию, присвоении германских предметов старины и т. д. Но истинные причины опалы были иные. Осенью 1945 года у Сталина произошел небольшой инсульт, и в течение нескольких месяцев он поправлял здоровье на юге. Тем временем в западной прессе появились сообщения о борьбе за власть в Москве, в которых Жуков фигурировал как один из претендентов на сталинский пост (об этом писала, например, газета «Чикаго трибюн»). Сталин, безусловно, сопоставлял эти сообщения с дружескими связями, которые установились у маршала с Эйзенхауэром{420}.

Одиннадцатого ноября 1945 года Эйзенхауэр вылетел в Вашингтон. 20-го числа было объявлено об отставке Маршалла и назначении на его место Эйзенхауэра. Правда, еще около двух недель генерал с женой находился на лечении в курортном городке Сульфур-Спрингс.

Третьего декабря он приступил к работе в качестве начальника штаба армии и председателя Объединенного комитета начальников штабов родов войск, куда входили также начальник штаба военно-морских сил адмирал Уильям Честер Нимитц и начальник штаба военно-воздушных сил генерал Карл Спаатс. С обоими Эйзенхауэр поддерживал тесные связи еще во время войны.

Видимо, впервые Дуайт вошел в огромное пятиугольное сооружение, получившее в соответствии со своей формой название Пентагон, куда по мере завершения строительства постепенно переезжали сотрудники военных ведомств.

В очередной раз перед Эйзенхауэром встали совершенно новые задачи. Первой и главной задачей в начале его службы в Пентагоне явилась демобилизация. Миллионы солдат и тысячи офицеров должны были перейти на гражданскую службу, что было чревато невероятными житейскими трудностями, недовольством, обидами, а следовательно, жалобами в самые высокие инстанции.

Правовое положение демобилизуемых было определено принятым еще 12 июня 1944 года Актом о реадаптации военнослужащих (в обиходе его называли биллем о правах джиай), предусматривавшим выделение средств на образование, профессиональную подготовку рядовых и сержантов, предоставление им беспроцентных займов на покупку домов.

Бывшие военнослужащие должны были получать по 20 долларов в неделю до поступления на работу (не более пятидесяти двух недель). Им гарантировалась бесплатная учеба от средней школы до получения ученой степени. Особые пункты предусматривали льготные условия лечения{421}.

Однако от принятия закона до его полной реализации была огромная дистанция. Непрерывно возникали конфликты демобилизованных с местными чиновниками — стороны по-разному трактовали положения закона, а иногда администрация просто не имела средств на обеспечение потребностей бывших воинов. Эйзенхауэр жаловался сыну в связи с огромной корреспонденцией, поступавшей на его имя: «Должен сказать, что по сравнению с последними весьма загруженными четырьмя военными годами последние три дня были гораздо более тяжелыми»{422}.

Конечно, это было преувеличение. Но, видимо, новая работа поначалу действительно казалась ему очень тяжелой. Приходилось за неделю подписывать более тысячи писем, причем значительную их часть он перед этим читал, а тексты некоторых уточнял и редактировал. Вначале он даже пытался читать всю поступавшую на его имя корреспонденцию, но, убедившись, что это ему не по силам, поручил помощникам резюмировать содержание писем в специальных рапортах, причем особо выделять вопросы, требовавшие срочного решения.

От подчиненных начальник штаба требовал строгой проверки фактов, содержавшихся в жалобах. Дуайт инструктировал своих помощников, чтобы они особенно внимательно относились к письмам матерей и вдов военнослужащих, и буквально умолял чиновников соответствующих ведомств помочь просителям, даже если не было достаточных законных оснований. Требуя соблюдать законность, Эйзенхауэр в некоторых случаях сам шел на нарушения в пользу рядовых граждан, проявляя не столько командно-административные, сколько человеческие качества. Например, в подписанном им ответе, адресованном некоей миссис Мерфи, подробно объяснялось, что ее просьба формально необоснованна, но тем не менее дано распоряжение оказать ей материальную помощь{423}.

Другой нелегкой заботой начальника штаба, на этот раз выходившей за пределы служебных обязанностей, было общение с различными группами американцев. Эйзенхауэр в среднем получал в день по шесть приглашений выступить, присутствовать на юбилее, открыть построенное здание и т. п.{424}

Разумеется, на подавляющее большинство приходилось отвечать отказом, но на некоторые он откликался — в первую

очередь на инициативы по упрочению мира. В таких выступлениях Эйзенхауэр резко осуждал поджигателей войны и решительно подчеркивал, что неизбежность войны между США и СССР (обычно он употреблял название Россия) не существует. С наибольшей охотой он принимал приглашения учебных заведений.

Уже в январе 1946 года, выступая в Бостонском университете, Эйзенхауэр посвятил речь вопросу, как добиться, чтобы военные «остались без работы». Он доказывал, что надо покончить с таким огромным предрассудком, как вера в невозможность решить международные противоречия мирным путем{425}. Такой же характер носили его выступления в Пенсильванском университете и ряде других учебных заведений. И всё же в подавляющем большинстве случаев он отказывался от участия в показушных мероприятиях. «Я всегда ненавидел болтающих генералов»{426}, — как-то произнес он и с тех пор часто повторял понравившееся выражение.

Однако Эйзенхауэр хорошо понимал, что необходимо поддерживать тесные связи с влиятельными политиками и бизнесменами. Вначале такая необходимость диктовалась желанием быстро, без излишних хлопот решать текущие дела, но постепенно, по мере того как генерал волей-неволей вовлекался в большую политику, у него возникало вначале тщательно скрываемое, а затем всё более открытое желание попробовать себя в качестве руководителя государства.

Главным образом благодаря выступлениям в университетах или перед работниками крупнейших корпораций Дуайт установил связь, а затем и дружеские отношения с несколькими представителями большого бизнеса, как правило, занимавшими почетные должности президентов престижных университетов. Постепенно возник узкий круг весьма влиятельных людей, которые гордились дружбой с Эйзенхауэром, готовы были оказывать ему разного рода помощь, в том числе материальную (не деньгами, а, например, предоставлением в его распоряжение дорогой виллы, охотничьего лагеря или даже самолета), а пока с удовольствием предавались в свободное время общим развлечениям — охоте, рыбной ловле, игре в гольф и бридж. Естественно, во время таких встреч походя решались и сугубо деловые вопросы.

Благодаря богатым друзьям Эйзенхауэр, который в качестве государственного служащего получал сравнительно небольшую зарплату — 15 тысяч долларов в год (примерно 160 тысяч по современному курсу), мог позволить себе членство в таких клубах для высшей знати, как, например, Чиви-Чейс или национальный

гольф-клуб «Аугуста», причем получал его бесплатно, «за заслуги». Формально он не выходил за пределы закона. Дуайту в голову не приходило, что он рисковал, ибо какое-то его случайное служебное действие могло быть оценено как ответная услуга. К счастью для него, такая опасность не возникла ни разу.

Именно в стенах клуба «Аугуста» богатые друзья сплотились вокруг Эйзенхауэра, не только оказывали ему помощь, но и давали советы, двигали его вперед. Сам Дуайт прозвал эту «группу поддержки» бандой, и вскоре такое не очень почтительное наименование прочно закрепилось за ней. Ее лидером считался Уильям Робинсон, генеральный менеджер успешной газеты «Нью-Йорк геральд трибюн». Другими влиятельными членами «банды» были нью-йоркский банкир Клиффорд Роберте, «опекавший» личные сбережения Эйзенхауэра, председатель наблюдательного совета компании «Кока-Кола» Роберт Вудрафф, президент компании «Ситиз сервиз» Олтон Джонс, президент компании «Франкфорт дистиллериз» Эллис Слейтер. Все они были членами Республиканской партии, что оказало бесспорное влияние на эволюцию политических взглядов Эйзенхауэра. Единственным демократом в группе являлся промышленник и корпоративный юрист из штата Миссисипи Джордж Аллен, с которым Дуайт встречался еще в годы войны, считавшийся личным другом президента Трумэна.

В 1946 году Эйзенхауэр по поручению Трумэна и по собственной инициативе побывал во многих странах, главным образом для установления контактов с их военными ведомствами. Помимо Великобритании, где Дуайт встретился с бывшими товарищами по оружию, занимавшими теперь ведущие посты в военных учреждениях правительства лейбориста Клемента Эттли, он посетил несколько государств Латинской Америки, а также Японию, Китай, Южную Корею. Везде его принимали на самом высоком уровне. Развитию военно-дипломатических связей явно способствовала слава Эйзенхауэра-полководца.

В то же время ему приходилось участвовать в решении сложнейших внутренних проблем. Ежемесячная демобилизация семисот тысяч солдат и офицеров оказалась для страны неподъемной ношей. По предложению Эйзенхауэра Трумэн в январе 1946 года сократил темп демобилизации до трехсот тысяч человек. Это вызвало резкое недовольство в нижнем эшелоне вооруженных сил и оппозицию генералов, командовавших американскими войсками за рубежом, стремившихся освободиться от непомерного количества военнослужащих. Прежде всего взбунтовался постоянно непокорный и экстравагантный Макартур, 2 сентября 1945 года принявший

капитуляцию Японии и теперь являвшийся главнокомандующим войсками союзников на ее территории. Под руководством Макартура в Японии проводились послевоенные реформы, была разработана новая конституция со статьей об отказе страны от содержания постоянной армии, проведен судебный процесс над главными японскими военными преступниками, по приговору которого смертной казни преданы бывшие правители страны (за исключением императора, который считается в Японии божеством, с чем Макартур и его начальство вынуждены были считаться).

Макартур открыто нарушил приказ Эйзенхауэра, которого продолжал считать военным чиновником и человеком без воображения. Он объявил об ускорении демобилизации, о чем Эйзенхауэр с возмущением сообщил заместителю военного министра Роберту Паттерсону{427}. Но вместо того чтобы пригрозить наказанием, начальник штаба американских вооруженных сил обратился к генералу с личным письмом, в котором детально объяснял сложность внутренней ситуации и необходимость задержки потока демобилизованных, прибывавших в страну{428}. Ведь у Макартура было то же воинское звание, что и у Эйзенхауэра, и во всём западном мире он считался героем войны, вторым после Эйзенхауэра, а у самого Дуайта сохранились воспоминания о службе под руководством Макартура на Филиппинах и добрых отношениях с ним.

Более того, в мае 1946 года Эйзенхауэр побывал в Токио. Макартур устроил ему пышную встречу. А вечером произошла довольно смешная сцена. Оба генерала уговаривали друг друга выставить свою кандидатуру на предстоявших в 1948 году выборах президента. Было ясно, что речь шла о кандидатуре от Республиканской партии, так как бесспорным главным кандидатом от демократов уже являлся действующий президент. У Дуайта сложилось впечатление, что Макартур ожидал от гостя обещания активно поддержать его выдвижение, однако соответствующие слова произнесены не были{429}. Любопытно, что за всеми этими хлопотами как-то забылась главная цель визита — уговорить Макартура сократить темп демобилизации.

В качестве начальника штаба американской армии Эйзенхауэру пришлось вплотную заняться проблемой атомного оружия. По этому вопросу между ним и Трумэном возникли разногласия. Дуайт называл атомную бомбу «дьявольским изобретением» и считал необходимым передать контроль над страшным оружием Организации Объединенных Наций, решительно не соглашаясь с распространенными суждениями, что США не должны колебаться в его применении при первой же

необходимости. Саму проблему он рассматривал как с чисто военной, так и с моральной точки зрения, однако призывал видеть тесную связь между обеими сторонами. Полагая, что наличие атомного оружия отнюдь не устраняет необходимости обычных средств ведения войны (ведь вслед за ядерными взрывами по территории противника должны двигаться пехота и танки), он считал применение оружия, которое убивает огромные массы мирного населения, в принципе недопустимым. По его мнению, утверждения, что монополия США на атомное оружие способна предотвратить войны, были наивны. Уже в то время он достаточно прозорливо высказывался: «Я решительно порицаю неряшливые и иногда просто злорадные разговоры по поводу степени безопасности, обеспечиваемой оружием, которое может за ночь уничтожить миллионы»{430}.

Однако в рассуждениях и оценках Эйзенхауэра были и другие резоны относиться к проблеме атомного оружия значительно серьезнее, чем демонстрировали не только пресса и выступления политиков второго ранга, но и первоначальный курс Трумэна и его ближайших советников. Выражением такого курса стал план Ачесона—Лилиенталя, предусматривавший, что США передадут контроль над атомным оружием ООН, но не сразу, а через неопределенное время, путем создания международного органа для осуществления всей деятельности, связанной с атомной энергией, вплоть до владения заводами, мировыми запасами урана, проведения научно-исследовательских работ и т. д.

Один из авторов плана, тогдашний заместитель госсекретаря США Дин Ачесон (второй, Дэвид Лилиенталь, был председателем американской комиссии по атомной энергии) исходил из того, что полная его реализация займет пять-шесть лет. План с дополнениями и исправлениями, внесенными в него представителем США в комиссии ООН по атомной энергии Б. Барухом, был представлен на рассмотрение международной организации 14 июня 1946 года.

Эйзенхауэр был убежден, что советская сторона ни в коем случае не примет этот план, сочтя его попыткой при помощи международного соглашения сохранить монополию США на владение атомным оружием и ввести контроль над работами в этой области в других странах, прежде всего в СССР. Действительно, именно так он и был воспринят{431}.

Правда, сведения, поступавшие из США от советских разведчиков, не всегда были достоверными. Кроме того, как пишет современный российский исследователь, «периодически высказываемое Сталиным, Молотовым, Берией и другими членами Политбюро недоверие к представленной разведками

информации и раздражение, которое они не скрывали в тех случаях, когда эти сведения противоречили их представлениям и оценкам ситуации, побуждали руководителей ГРУ… скрывать неприятные сообщения и факты или оценивать их как “недостаточно проверенные”»[432]. Тем не менее получаемая информация побуждала к ускорению собственных работ в этой области, а потому Эйзенхауэр на основании многочисленных разведданных об исследованиях, проводившихся в СССР, полагал, что в ближайшие годы советское атомное оружие будет создано.

Эйзенхауэр был против передачи контроля над атомным оружием международной организации, ибо в результате оно могло оказаться в руках безответственных сил. Его позиция основывалась на том, что, поскольку атомное оружие скоро будет создано и в СССР, необходимо добиваться американо-советского или, еще лучше, международного соглашения об отказе от наращивания и использования оружия массового уничтожения, а для гарантий его соблюдения создать систему надежного контроля. Эйзенхауэр не смог провести в жизнь эти предложения, но продолжал настаивать на них.

Немалые усилия пришлось приложить Эйзенхауэру, чтобы гасить возникавшие одну за другой вспышки военной тревоги, которые инициировала жаждавшая сенсаций пресса, черпавшая свою информацию из Управления стратегических служб (предшественника Центрального разведывательного управления, созданного в 1947 году). Эта тревога попадала в хорошо подготовленную почву страха перед внешней опасностью — прошло лишь пять лет после внезапного нападения Японии на Пёрл-Харбор. То ли искренне, то ли во имя карьеры эту тревожную атмосферу поддерживали некоторые конгрессмены и члены правительства Трумэна (сам он занимал умеренную позицию). Например, в конце марта 1946 года из якобы надежных источников поступило сообщение, что советские военные корабли направляются в сторону американского побережья «для нанесения удара». Базируясь на сделанных ранее собственных выводах и дополнительных сведениях, Эйзенхауэр выступил с заявлением: «…у СССР нет никаких оснований рассматривать в настоящее время даже возможность нападения на какую-либо нацию во всем мире». Когда же в июне появилась новая военная сенсация, тон Эйзенхауэра стал еще более резким: «Временами мы слышим предсказания, как, где и почему вспыхнет новая война. Такие разговоры не только глупы, они носят злобный характер»[433].

Эту позицию Эйзенхауэр отстаивал и на совещаниях у президента. Он неоднократно высказывал мнение, что СССР, занятый восстановлением экономики, не может готовить новую

войну.

Немалые надежды Дуайт возлагал на ООН, считая, что эта организация может послужить реальным стражем мира — впрочем, только в том случае, если под ее эгидой будут созданы объединенные миротворческие силы. Он даже назначил генерала Мэтью Риджуэя американским представителем в этих, пока еще не существующих, силах, поручив ему разработать план формирования их американского контингента{434}. Вопрос обсуждался в органах ООН, но решение о создании постоянных межнациональных вооруженных сил так и не было принято. Против этого, в частности, решительно выступал СССР, руководство которого не без оснований полагало, что такая армия окажется в руках враждебных ему государств. В результате было решено, что миротворческие силы ООН будут формироваться в каждом отдельном случае на основании резолюции Совета Безопасности этой организации для совместных принудительных действий (к примеру, военной блокады), если меры экономического или политического характера окажутся недостаточными{435}. Впервые они были созданы в 1950 году в связи с конфликтом между Северной и Южной Кореей.

Эйзенхауэр считал намечавшиеся меры по линии ООН недостаточными, так как они не давали возможности создать эффективный воинский организм со стандартным вооружением, единой подготовкой войск и т. д. Ему, однако, приходилось мириться с реальностью.

Между тем холодная война разгоралась. После речи, произнесенной Черчиллем 5 марта 1946 года в американском городе Фултоне в присутствии Трумэна, в которой констатировалось, что над Европой опустился «железный занавес», 12 марта 1947 года последовало заявление американского президента («доктрина Трумэна») об оказании военной помощи Греции и Турции, которым угрожал «международный коммунизм». По существу эта доктрина провозглашала «политику сдерживания» СССР, то есть недопущения расширения советского влияния на новые страны как на Европейском континенте, так и вне его{436}.

Формально Эйзенхауэр полностью поддержал доктрину Трумэна. Он не мог поступить иначе, хотя всё еще полагал, что «кризисная позиция», которую занял президент, была излишней, что еще оставались возможности избежать эскалации холодной войны. Выражение открытого несогласия требовало бы ухода с высокого военного поста, а этого Дуайт никак не хотел.

Через два месяца после президентского послания Конгрессу с изложением «доктрины сдерживания» Эйзенхауэр направил

коллегам по Объединенному комитету начальников штабов секретный меморандум, в котором указывал, что Греции действительно угрожал приход к власти коммунистов, являвшихся агентами СССР, но неверно было бы представлять греческую ситуацию «почти Пёрл-Харбором». В будущем, считал он, США должны «проводить политику предупредительных действий в области внешней политики, потому что цена продолжающихся один за другим кризисов велика», но поддержка стран, которым действительно угрожает коммунистическая опасность, должна быть преимущественно социальной и экономической, а не политической{437}.

И всё же реальная ситуация в мире, установление в странах Центральной и Юго-восточной Европы просоветских режимов, антиамериканские заявления, звучавшие в СССР с самых высоких трибун, заставляли Эйзенхауэра переходить на позиции холодной войны. Он по-прежнему не верил, что Советы готовятся к войне за мировое господство, хотя и признавал, что компартии послушно выполняют волю Москвы, существуют в основном на советские средства, являются не только инструментом пропаганды коммунизма, «советского образа жизни» и антиамериканизма, но и одним из звеньев разведывательной деятельности в пользу СССР. В ряде меморандумов начальник штаба армии обращал внимание на необходимость быть готовыми к отражению агрессии, оказанию помощи государствам, которые ей подвергаются, и в то же время не закрывать двери для переговоров с СССР на базе мирного сосуществования. Дуайт был одним из первых западных государственных деятелей, провозгласивших и стремившихся настойчиво проводить в жизнь курс на сосуществование при сохранении стратегии «сдерживания».

В таком сочетании двух направлений внешней политики Эйзенхауэр особое внимание уделял укреплению сотрудничества с Великобританией. Вскоре после своего назначения он договорился с британскими коллегами о проведении неформальных секретных встреч отраслевых сотрудников штабов обеих стран. «США и Соединенное] К[оролевство], — указывал Эйзенхауэр в меморандуме, написанном в июне 1946 года, — настолько связаны между собой в военных операциях, что определенное сотрудничество должно продолжаться, чтобы прибегать к нужным предосторожностям»{438}.

Между тем в семье Дуайта происходили изменения. В июне 1947 года Джон женился на дочери полковника Барбаре Томпсон, с которой познакомился во время прохождения военной службы. Дуайт и Мейми были довольны, что их невестка из семьи

военных, понимает особенности и трудности офицерской жизни и готова с ними считаться. Старшие Эйзенхауэры сделали молодоженам дорогой по тем временам подарок — небольшой автомобиль. Мейми рассказывала: «Айк и я полюбили Барби с первого взгляда, и она нас полюбила — всё это произошло очень просто»{439}. После женитьбы сына Дуайт непрестанно повторял молодым, что хотел бы как можно скорее стать дедом.

Но не только семейные дела отвлекали его от штабной рутины. В 1948 году предстояли президентские выборы, и всё чаще фамилия Эйзенхауэра называлась в числе возможных кандидатов. Он получал сотни писем с предложением выставить свою кандидатуру, в ответах на которые неизменно выражал благодарность за доверие и заверял адресатов, что его вполне устраивает должность начальника штаба, а по истечении срока службы он намерен стать обычным пенсионером. Ему не верили, считая, что Дуайт просто скрывает свои планы до удобного момента. Факт, что в 1948 году он не собирался баллотироваться на высший пост, можно считать вполне доказанным, вытекавшим из всего поведения генерала. После одной из пресс-конференций в Пентагоне репортер нагнал Эйзенхауэра в коридоре и настоятельно потребовал ответа на вопрос: «Нет ли каких-либо обстоятельств, даже самых отдаленных обстоятельств, которые явились бы для вас соблазном войти в политику?» Согласно отчету этого журналиста, генерал широко расставил ноги, положил руки в карманы и, пристально глядя на него, почти по слогам произнес: «Видишь ли, сынок, я не могу представить себе никаких обстоятельств, которые смогли бы вытянуть из меня согласие рассматривать любой политический пост, начиная с живодера и кончая царем Вселенной»{440}.

Это было совершенно нелогичное заявление, так как ни та ни другая «профессия» к политическим постам отношения не имели, но оно, пожалуй, свидетельствовало об отсутствии у генерала мыслей по поводу его выдвижения и о раздражении, которое вызывали у него непрекращавшиеся разговоры об этом. Своим резким ответом, который моментально попал в прессу, Эйзенхауэр явно стремился положить конец всякого рода домыслам.

Но в глубине сознания Дуайт сравнивал политику Трумэна с собственными оценками и возможными действиями, и ему казалось, что он принял бы более удачное решение, резко сократил бы правительственную бюрократию, на которую не посягал нынешний президент, сумел бы, в отличие от Трумэна, добиться ослабления напряженности, возраставшей в мире. В августе 1947 года он писал сыну: «Каждый день приносит новые

доказательства беспокойства и напряженности в мире. Иногда я думаю, что смог бы в большей мере сосредоточиться на них, если бы я не был так далеко отстранен от них, что всю информацию я получаю из газет, и у меня есть нехорошее чувство, что я во всяком случае не могу ничего сделать в связи со всеми этими делами»[{441}].

Из этих слов можно было сделать вывод, что сам он, Дуайт Эйзенхауэр, не будет выдвигать свою кандидатуру и активно бороться за президентский пост. Но если бы он был выдвинут авторитетными организациями и поддержан настолько большими массами населения, что существовала бы высокая вероятность избрания, он бы согласился участвовать в выборах. В 1947–1948 годах таких массовых инициатив не наблюдалось, и Дуайт, ни на что не претендуя, спокойно ожидал развития событий.

В том, что он был прав, Дуайта убеждало мнение такого мастера политической интриги, как Черчилль. Узнав, что Эйзенхауэр не собирается выдвигать свою кандидатуру в президенты в 1948 году, сэр Уинстон писал ему: «Если бы Вы выступили как демократ, это выглядело бы так, как будто Вы собираетесь спасать партию, которая так долго стояла у власти и теперь находится в затруднительном положении. С другой стороны, если бы Вы выступили как республиканец, это было бы нелегко для той партии, чьим президентом является человек, которому Вы служите. К счастью, у Вас достаточно времени»[{442}].

План Маршалла и холодная война

Тем временем Эйзенхауэр продолжал уделять пристальное внимание укреплению экономической и боевой мощи западного мира. Важным рычагом этого дела являлось, по его убеждению, быстрое хозяйственное развитие и процветание стран Европы, которые продолжали испытывать послевоенные трудности в экономике. Наиболее здравые умы американского истеблишмента были уверены, что их страна должна дать мощный финансово-экономический толчок восстановлению Европы, благодаря которому она двигалась бы вперед быстрым темпом, опираясь на собственные силы, базируясь на частной собственности и контролируемых государствами рыночных отношениях.

Инициатором плана такой помощи выступил старый товарищ Дуайта, бывший начальник Генштаба Джордж Маршалл, который в начале 1947 года возвратился в США из Китая, так и не выполнив возложенной на него миссии — примирения чанкайшистов с коммунистами и прекращения гражданской

войны. Вины Маршалла в этом не было — слишком непримиримыми оказались позиции сторон, а лидер Коммунистической партии Мао Цзэдун, получивший огромную военную помощь СССР, был полон решимости в скором времени взять весь Китай под свой контроль.

В то же время за год китайской миссии Маршалл значительно расширил свои дипломатические навыки, набрался международного опыта, расширив ту базу, которая у него уже была во время работы на высшем военном посту.

Почти сразу после прибытия на родину Маршалл был назначен государственным секретарем (министром иностранных дел) США и прежде всего приступил со своими помощниками к разработке плана экономического восстановления Европы при американской помощи. Итог этой работы он изложил 5 июня 1947 года в речи в Гарвардском университете. Почти тотчас комплекс предложенных мероприятий стали называть планом Маршалла. Ближайшие сотрудники президента настаивали, чтобы через находившиеся под их влиянием средства информации было запущено название «план Трумэна», но сам Трумэн, человек очень осторожный и не уверенный в успехе задуманного предприятия, предпочел сохранить уже закрепившееся название{443}.

Эйзенхауэр был осведомлен о подготовке плана с первых дней работы над ним. Маршалл неоднократно с ним советовался, прежде всего по военным аспектам восстановления европейской мощи. В определенном смысле Дуайт был соавтором плана. При этом он обращал внимание Маршалла и его советников на проблемы обеспечения общей безопасности стран, которым предполагалось оказывать помощь.

Эйзенхауэр настаивал на акцентировании в плане Маршалла военно-политической составляющей. Он был убежден, что СССР откажется от помощи и ее даже не надо предлагать, но необходимо найти некие причины, напрямую не связанные с политикой. Среди условий оказания материальной поддержки было отсутствие в стране бюджетного дефицита. В Советском Союзе, учитывая почти полностью государственный и плановый характер экономики, в соответствующих законах, утверждавшихся Верховным Советом, бюджет аккуратно сводился с небольшим превышением доходов над расходами. Неприемлемым оказалось другое условие плана — контроль за расходованием средств со стороны американской администрации. В то же время план Маршалла был предложен восточноевропейским странам, уже ставшим советскими сателлитами.

Эйзенхауэр непосредственно не участвовал в подготовке совещания представителей шестнадцати стран Европы,

согласившихся на принятие американской помощи (под давлением СССР от нее отказались страны Восточной Европы, а также Финляндия).

Совещание одобрило условия предоставления помощи, а затем были подписаны соответствующие двусторонние соглашения. Сумма ассигнований по плану Маршалла до декабря 1951 года составила около тринадцати миллиардов долларов. В соответствии с законом о помощи иностранным государствам (апрель 1948 года) условиями предоставления помощи были отказ от национализации промышленности, предоставление свободы частному предпринимательству, одностороннее снижение таможенных тарифов на импорт американских товаров, вывод коммунистов из состава правительств, ограничение торговли со странами «социалистической ориентации». План способствовал ускоренному производству промышленной продукции и развитию межотраслевой и межгосударственной кооперации, быстрому развитию внутриевропейской торговли, укреплению национальных валют. Это было мощное средство возрождения и подъема экономики и в то же время экономической интеграции и политического сплочения стран Западной Европы через созданную на основании плана Организацию европейского экономического сотрудничества. К 1951 году производство стали в странах сотрудничества увеличилось на 70 процентов, транспортных средств — на 150 процентов, нефтепродуктов — вдвое. Вместе с тем в ходе осуществления плана росла зависимость европейских стран от США, усиливался раскол Европы, стимулировалось состояние холодной войны{444}. За разработку и проведение в жизнь плана Маршалла его автору в 1953 году была присуждена Нобелевская премия мира.

Касательно периода составления и принятия плана, занявшего примерно полтора года, надо отметить, что на всём его протяжении Маршалл продолжал сотрудничество с Эйзенхауэром. Кроме того, они вместе занялись еще одним, несравненно менее масштабным, но интересным и важным для обоих проектом. Это был проведенный в 1947 году опрос ветеранов боевых пехотных частей Второй мировой войны с целью определить поведение солдат и офицеров в реальных военных действиях. Оказалось, что только около четверти военнослужащих армии США во время боя стреляли в сторону противника и всего лишь два процента сознательно целились во врага{445}. Это был ошеломляющий результат, который оба инициатора опроса оценили как признак человеколюбия, присущего американцам. Они учитывали итоги опроса,

настойчиво добиваясь умеренности во внешней политике, готовности идти на переговоры с потенциальным противником во имя предотвращения войн, чреватых массовой гибелью людей.

В то же время Эйзенхауэр всё глубже вовлекался в тенета холодной войны, хотя оставался одним из наиболее осторожных ее сторонников. Он отнюдь не считал неизбежной новую мировую войну, тем более в близком будущем, с иронией и вместе с тем с серьезными опасениями относился к той атмосфере страха, которая в 1947–1948 годах воздействовала на значительную часть американских обывателей, когда крушение самолета или лесной пожар становились причиной газетной истерии, объявлялись результатом «коммунистического саботажа». Он писал другу, послу США в СССР Уолтеру Беделлу Смиту: «Глубокое заблуждение забывать хотя бы на одну секунду могущество и силу нашей великой республики», — подчеркивая, что если Америка будет твердо стоять на ногах, ей нечего бояться{446}.

Вместе с тем Эйзенхауэр стал считать холодную войну борьбой двух систем в самых различных сферах. Он писал в начале 1948 года, что «национальная оборона не является исключительным делом и заботой людей в униформе. Ответственность за нее несут рабочие, управляющие, [работники] сельского хозяйства, промышленности и вообще все группы, которые составляют национальный комплекс»{447}.

Важнейшей составной частью обеспечения безопасности США генерал считал реорганизацию руководства вооруженными силами, полагая, что серьезнейшим недостатком системы командования является разобщенность между родами вооруженных сил, что он почувствовал на собственной шкуре во время войны, когда, как ни парадоксально, ему подчинялись британские и канадские армии на европейском театре военных действий, но вне его власти были американские флот и авиация.

Дуайт принимал самое деятельное участие в подготовке закона о национальной безопасности, подписанного Трумэном 26 июля 1947 года. Согласно этому закону создавался совещательный орган при президенте — Совет национальной безопасности, ведавший вопросами не только обороны, но и внешней политики. Исключительно важным Эйзенхауэр считал (настаивал на этом и был удовлетворен, когда соответствующее положение было реализовано вопреки противостоянию некоторых высших чинов флота и авиации) создание единого Министерства обороны, осуществлявшего руководство сухопутными войсками, авиацией и флотом, а также отрядами специального назначения, корпусом морской пехоты и др.

Министерству обороны теперь подчинялся Объединенный

комитет начальников штабов. Эйзенхауэр, который ранее был непосредственно подчинен президенту, теперь получил начальника в лице министра — им в сентябре 1947 года стал Джеймс Форрестол, перед этим руководивший Министерством военно-морского флота. С Форрестолом Эйзенхауэр поддерживал теплые личные отношения.

Немаловажно отметить, что Форрестол на посту министра обороны добивался создания военно-морских боевых групп, обязательно включавших мощные миноносцы. Однако инерция соперничества родов войск еще продолжалась, и авиационное командование добилось иного варианта — морские операции должны были поддерживаться авиацией наземного базирования. Возник конфликт Форрестола с собственными подчиненными из Министерства авиации, ставший причиной депрессии, в конце концов приведшей его к самоубийству в марте 1949 года.

Через год после смерти Форрестола его правота была подтверждена в ходе корейской войны, показавшей, какую значительную роль играют авианосцы в современной войне. В честь Форрестола был назван первый авианосец нового, мощного класса, приспособленный для размещения реактивных самолетов, спущенный на воду в декабре 1954 года.

В конфликте Форрестола с руководителями военной авиации Эйзенхауэр был целиком на стороне министра обороны, однако не мог ничего поделать, так как вся эта возня была вне пределов его компетенции.

Осенью 1947 года Эйзенхауэр начал готовиться к отставке, ибо согласно договоренности с Трумэном его пребывание на посту начальника штаба армии не должно было продолжаться более двух лет. Просить о продлении срока службы он не собирался: отношения с президентом были сухими, многие предложения Эйзенхауэра Белый дом игнорировал. Штабная работа тяготила, он не раз говорил о преимуществах спокойной жизни на лоне природы, тем более что материально он был достаточно обеспечен. Не публично, а в личном дневнике, иногда в переписке с близкими людьми Дуайт не раз высказывал недовольство этой работой. Она не была тяжелой ни в интеллектуальном, ни тем более в физическом смысле, но отличалась тем, чего больше всего не терпел Эйзенхауэр, — была нудной. Уже в декабре 1945 года, едва приступив к службе в новой должности, он записал: «Эта работа (начальник] ш[таба] — плохая как раз настолько, как я всегда считал»{448} В октябре 1946 года Дуайт сокрушался: «Моя жизнь наполнена длинным рядом личных, бюджетных и плановых проблем, и этот этап мне почти полностью надоел»{449}.

Университетская интермедия

Согласно существовавшим положениям пятизвездный генерал, даже не занимавший никакого поста, считался пребывавшим на действительной военной службе до конца жизни с получением полного жалованья. Этого дохода должно было вполне хватить на отдых, который Дуайт считал вполне заслуженным тягчайшими годами мировой войны. В беседах со знакомыми и членами семьи нередко высказывалась мысль, что неплохо было бы сочетать отдых с какой-либо легкой, доставляющей интеллектуальное удовольствие работой, например в качестве президента провинциального университета.

Подобные предложения поступали, но по разным причинам Дуайт их отклонял. Наиболее соблазнительной показалась ему инициатива президента организации «Бойскауты Америки» Амори Хоутона стать исполнительным директором этой структуры. Разумеется, руководство скаутами существенно отличалось от президентства в университете, но, видимо, вспомнив детские годы и учебу в военной академии, Дуайт подумал, что рядом с мальчишками, стремившимися стать благородными воинами, он сможет сохранить жизненную активность и научить ребят чему-то дельному. Но всё же Дуайт отклонил предложение{450} — скорее всего, потому что руководство бойскаутами не сулило политических перспектив, а таковые всё же, несмотря на раздумья о сельском отдыхе, поселились в глубине души Дуайта.

Еще в начале апреля 1946 года Эйзенхауэр перед своим выступлением в музее «Метрополитен» в Нью-Йорке познакомился с Томасом Уотсоном, крупным бизнесменом, президентом компании Интернэшнл бизнес машин (Ай-би-эм). Уотсон был не только одним из опекунов этого замечательного собрания художественных ценностей со всего мира, но одновременно членом попечительского совета Колумбийского университета, также расположенного в Нью-Йорке. Он сообщил, что президент университета Николас Мюррей собирается уходить в отставку. Эйзенхауэру был задан вопрос, не хочет ли он возглавить весьма почтенное учебное заведение, знаменитое на весь мир не только своей историей (его предшественник Королевский колледж был основан в 1754 году, еще до образования независимого американского государства), но и профессорским составом и выпускниками: среди его преподавателей и бывших студентов были десятки нобелевских

лауреатов, главы государств, включая американских президентов, выдающиеся творцы художественного слова, обладатели всевозможных литературных наград и многие другие весьма заметные личности.

Поначалу Дуайт решил, что Уотсон перепутал его с братом Милтоном, известным специалистом в области высшего образования, с 1943 года являвшимся президентом университета штата Канзас, председателем Американской национальной комиссии основанной в 1945 году Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Милтон был инициатором создания комиссии ЮНЕСКО в штате Канзас и настаивал на создании аналогичных комиссий во всех штатах{451}. Дуайт гордился младшим братом, человеком высокого интеллекта, нередко обращался к нему за советом, особенно по вопросам, связанным с культурой и образованием.

Уотсон не настаивал на своем предложении, и Дуайт стал забывать о нем. Но более чем через год, в мае 1947-го, предложение повторилось. Он вновь ответил отказом, мотивируя тем, что его военный статус явно не подходит для увенчанного научной славой университета. От имени попечительского совета Уотсон продолжал настаивать, заверяя Эйзенхауэра, что его имя известно всему миру и его президентство еще больше повысит статус университета, а обязанности будут сведены к минимуму. Более того, работа в университете позволит покончить с разными политическими спекуляциями вокруг Эйзенхауэра, уверял Уотсон. Дуайт всё еще колебался, даже пришел за советом в Белый дом и получил решительную рекомендацию Трумэна принять предложение. Пожалуй, даже более убедительными были уговоры брата, что президентство в университете доставит ему радость{452}.

Эйзенхауэр позже вспоминал, что принял предложение «без каких-либо иллюзий», что он «внесет хоть какой-то академический вклад», но веря, что сможет «руководить делом эффективно». «Я видел возможность распространять образование среди граждан, укреплять веру в американский образ жизни среди молодежи, которая станет во главе нации в ближайшем будущем»{453}.

В результате 23 июня 1947 года Эйзенхауэр направил председателю поискового комитета Колумбийского университета (так необычно назывался орган, подбиравший кандидатуры на высшие университетские должности) Томасу Паркинсону уведомление, что в случае получения официального предложения стать университетским президентом он это предложение примет. Он, однако, оговаривал несколько предварительных условий: он

не будет заниматься чисто академическими делами, сбором средств на содержание учебного заведения, не будет вникать в мелкие бюрократические детали. Чем же тогда он намеревался в университете заниматься?

Понимая, что его хотят сделать «свадебным генералом», Эйзенхауэр сообщал, что приложит силы для обеспечении руководства университетом как либеральным институтом и будет проводить линию на демократизацию образования. Это звучало очень неопределенно, но университетское руководство полностью согласилось с его условиями. Было договорено, что Эйзенхауэр приступит к исполнению обязанностей после завершения учебного года с заработной платой 25 тысяч долларов в год{454}.

В соответствии с решением государственной администрации новым начальником штаба армии и председателем комитета начальников штабов был назначен Омар Брэдли, друг Дуайта и его соратник по войне в Европе. 7 февраля 1948 года состоялась официальная церемония передачи поста. Перед уходом в отставку Эйзенхауэр продиктовал обращение «К американскому солдату», где говорилось, что он гордится своей почти сорокалетней службой в армии и ее достижениями. Обращение заканчивалось словами: «Я не могу завершить этот день, не сказав воинам — и тем, кто покинул кадры, и тем, кто носит военную форму, — что самым дорогим мне предметом гордости всегда останутся [слова]: “Я был таким же солдатом, как и вы”»{455}. При кажущейся помпезности и даже демагогичности это обращение, распространенное в войсках и опубликованное в печати, способствовало новому всплеску ставшего было стихать «эйзенхауэровского бума».

Через несколько дней после этого Эйзенхауэры купили автомобиль — новенький «крайслер». Раньше в собственном автомобиле Дуайт не нуждался — в его распоряжении был служебный транспорт.

Приступить к исполнению новых обязанностей предстояло почти через полгода — в июне 1948-го. Поэтому, когда нью-йоркское издательство «Даблдэй» в очередной раз предложило ему (такие предложения неоднократно поступали после окончания войны в Европе) написать мемуары о своей военной службе, Дуайт, у которого теперь было несколько месяцев свободного времени, согласился, наконец, заняться этой работой.

Он читал много книг, написанных другими военачальниками, как американскими, так и зарубежными, некоторые считал ценными, способствующими воспроизведению правды о войне, но и в них обнаруживал пробелы, неточности, излишнее выдвижение на первый план собственной персоны. Ранее знакомый с

мемуарной литературой как читатель, не знавший ее особенностей (такого рода недостатки присущи всем воспоминаниям, независимо от воли их авторов), Дуайт искренне возмущался, встретив явную, с его точки зрения, «глупость». Он всё более убеждался в необходимости рассказать широкой публике о своем боевом пути.

Издательство представило Эйзенхауэру достойный контракт — после вычета всех налогов он должен был получить от четырехсот до пятисот тысяч долларов — с правом переиздания{456}. (В следующие годы книга многократно переиздавалась в США и была переведена на 22 иностранных языка. Общий тираж составлял многие миллионы экземпляров. По оценке С. Амброза, только книги доктора Бенджамина Спока, всемирно известного популяризатора методов воспитания и лечения детей, превзошли тиражом мемуары Эйзенхауэра{457}.)

Дуайт тщательно готовился к работе: проштудировал мемуары генерала Гранта, командовавшего войсками Севера в Гражданской войне 1861–1865 годов, еще раз просмотрел воспоминания о Второй мировой войне. Эйзенхауэр не собирался полемизировать с их авторами, но считал необходимым обратить особое внимание на те периоды, события, по которым у него были разногласия с коллегами.

Дуайт договорился с Ричардом Саймоном, одним из владельцев солидного издательства «Саймон и Шустер», обладавшим огромным опытом оценки литературной продукции, что тот поможет ему организовать материал первых разделов в цельное стройное повествование. Хотя Саймон сожалел, что мемуары будут опубликованы другим издательством, он охотно согласился стать консультантом. Были и другие помощники, в основном члены «банды». Вместе с ними он собрал и отсортировал свои письма военных лет, разного рода рапорты, донесения, которые получал и которые посылал начальству, свои дневниковые записи и т. д.{458}

С середины февраля 1948 года, обложившись всеми этими материалами, Дуайт начал диктовать текст четырем стенографисткам, работавшим посменно (одновременно записи вели две стенографистки, чтобы можно было легко устранить возможные ошибки). Работа начиналась в семь утра и длилась с одним продолжительным перерывом на обед и двумя-тремя краткими (их в Америке называют кофе-брейк — кофейный перерыв) примерно до одиннадцати вечера, когда и автор, и помощники буквально падали от изнеможения.

По эскизам Эйзенхауэра известный картограф Рафаэл Пелэйшез подготовил схемы театров военных действий,

важнейших битв, существенно обогатившие книгу.

Над названием Дуайт размышлял недолго. Хотя в воспоминаниях кратко рассказывалось о всей его предвоенной карьере, сравнительно подробно описывалась североафриканская операция, заголовок должен был свидетельствовать о том, что Эйзенхауэр считал важнейшим делом своей жизни. Он назвал книгу «Крестовый поход в Европу», сделав простое посвящение «союзным пехотинцам, морякам и летчикам Второй мировой войны». Книга была написана столь живо и интересно, что в некоторых анонсах и проспектах она названа «романом».

Воспоминания были опубликованы в самом конце 1948 года. Еще до выхода книги в свет знаменитая кинокомпания «XX век Фокс» приобрела исключительное право на производство телевизионного документального сериала на ее основе. В результате под тем же названием появился 26-серийный фильм о Второй мировой войне, сопровождаемый дикторским текстом, состоявшим почти исключительно из цитат из мемуаров Эйзенхауэра. Показанный по одному из главных американских телеканалов Эй-би-си, фильм получил престижную премию Пибоди и ряд других наград.

Незадолго до выхода в свет воспоминаний Эйзенхауэра, 2 ноября 1948 года, в США состоялись президентские выборы. Всё еще окончательно не определившись со своей партийной принадлежностью (точнее, приверженностью, так как официально он никогда не состоял в какой-либо партии), Эйзенхауэр всё более симпатизировал республиканцам. Публично нигде не объявляя об этом, он говорил своим близким, что поддерживает республиканского кандидата Томаса Дьюи и будет голосовать за него. Тот выдвигал внутриполитическую программу, которую разделял Эйзенхауэр: сбалансированный бюджет, сокращение расходов на государственный аппарат и на вооруженные силы. Определенную роль сыграли и натянутые отношения с Гарри Трумэном, который был выдвинут кандидатом от Демократической партии. Дуайт надеялся, что в случае избрания Дьюи тот будет баллотироваться на второй срок в 1952 году и это положит конец всем толкам о его собственном выдвижении.

В душе Эйзенхауэра бушевали противоречия. С одной стороны, он действительно устал от многолетнего служения Америке на высоких постах и жаждал тихого отдыха. С другой стороны, беспокойный нрав порождал внутреннее чувство, пока почти не проявлявшееся внешне: он видел недостатки управления страной (бесполезные денежные расходы, бюрократическую волокиту и т. п.) и всё более убеждался, что мог бы преодолеть их лучше других политиков.

На выборах победил Трумэн. Эйзенхауэр послал ему вежливое сдержанное поздравление, в котором говорилось: «Мне кажется почти ненужным подтверждать мою лояльность к Вам в качестве президента»{459}. Послание было направлено через две с половиной недели после выборов — Эйзенхауэр спохватился, что не прореагировал на их итоги.

В июне 1948 года Эйзенхауэр приступил к исполнению функций президента Колумбийского университета. Поселился он в огромной президентской резиденции, которая размерами и убранством явно превосходила Белый дом. Не привыкшие к роскоши и помпезности, Дуайт и Мейми просто не знали, куда девать себя в пышном особняке на улице Морнингсайд-драйв. По их просьбе для жилья и работы был отремонтирован в современном стиле второй этаж четырехэтажного дома.

Кроме обычных жилых помещений, рабочего кабинета и приемной у Дуйта теперь была еще одна комната, которую можно назвать художественной студией. Дело в том, что после войны у него появилось увлечение — портретная живопись. Посмотрев в Англии на картины, написанные Черчиллем, он решил попробовать свои силы и с немалым удивлением обнаружил, что у него иногда получается задуманное — именно иногда, так как почти все свои готовые работы он считал браком и безжалостно уничтожал. Теперь, когда Дуайт считал, что у него будет много свободного времени, он задумал более активно заняться этим хобби.

В самом начале пребывания Эйзенхауэра на посту президента Колумбийского университета по его приглашению нью-йоркский художник Томас Стивене стал писать портрет Мейми. Ее супруг советовался с ним, фактически брал у него уроки, а после того как работа Стивенса была завершена, сам написал портрет жены. Позже специалисты оценивали его как одну из самых слабых живописных произведений Эйзенхауэра, но ему самому результат понравился. Именно после этого Дуайт решил регулярно заниматься живописью, полагая, что прошел некоторую школу профессионализма{460}. Стивене, хотя и подсмеивался над ним, послал ему художественный набор, за что Айк был благодарен, но считал это «напрасной тратой денег» — «бывший мальчик» из небогатой семьи, принимая подарки, всегда чувствовал себя некомфортно.

Из этой затеи почти ничего не получилось — свободного времени и теперь не оказалось. Заниматься живописью Эйзенхауэр мог только поздним вечером, обычно примерно полчаса перед полуночью. Тем не менее процесс доставлял ему огромное удовольствие — он уверял близких, что минуты,

проведенные за мольбертом, освобождали его от всей дневной усталости[461].

Знакомство с университетом, который он теперь возглавлял, произвело на Эйзенхауэра сильное впечатление, хотя в то же время он замечал организационные несовершенства. Новый глава университета поделился мыслями с неким Гаррузерсом: «Колумбийский университет представляет собой демократию в действии. Это — конфедерация подразделений, каждое из которых действует самостоятельно при должном учете [деятельности] остальных». Эйзенхауэр, однако, выражал надежду на совершенствование административной стороны[462].

Дни пребывания Дуайта в Колумбийском университете действительно были загружены до предела. Сразу после вступления в должность он писал своему знакомому Гилберту Монтегю: «Летнее расписание в Колумбии приобретает такие пропорции, что мы совершенно не в состоянии определить наши планы. Я надеюсь, что Вы можете вообразить хаотический переход из форта Майер в Нью-Йорк и из армии в академическую жизнь». «Нет ни единого дня календаря, свободного от каких-либо обязательств», — жаловался он тому же адресату[463].

При этом, что особенно раздражало, основную часть рабочего дня занимали всякого рода протокольные мероприятия. Оказалось, что самые разнообразные зарубежные деятели, посещавшие Нью-Йорк, теперь рвались посетить знаменитый университет именно для того, чтобы посмотреть на его знаменитого президента. По данным университетского архива, за один день в октябре 1948 года ему пришлось принять торговую миссию из китайской провинции Тибет, министра Эфиопии, бывшего мэра Праги, эмигрировавшего из Чехословакии после прихода к власти коммунистов, делегацию бойскаутов и еще три неназванные группы[464].

Но еще хуже было то, что генерал не смог установить контакт с профессурой, которая определяла духовный климат университета. Эйзенхауэр, при умении находить взаимопонимание с людьми разного социального положения и образа мысли, всё же оставался солдатом, а потому стремился к максимальной упорядоченности и строгой дисциплине. Он не пытался навязать солдатчину профессорам и студентам славного вуза, которые привыкли к известной вольности нравов. Для части профессоров — знаменитых ученых, в том числе лауреатов Нобелевской премии, имена которых знал весь мир и которыми университет по праву гордился, опоздать на лекцию или даже забыть о ней было вполне естественным делом.

Президент считал своим долгом высказаться по поводу таких

случаев — по крайней мере перед администраторами отдельных школ (отраслевых подразделений университета, приблизительно соответствующих факультетам) или департаментов (кафедр). Руководители подразделений осторожно доносили мнение президента до «проштрафившегося», обычно встречая только насмешки и остроты по адресу «солдафона». В результате в университете стали повторять слова, в свое время сказанные самим Дуайтом: мол, президентом по ошибке стал не тот Эйзенхауэр. Смысл другой циркулировавшей среди преподавателей и студентов остроты, что президенту нельзя направлять меморандумы длиннее, чем на полстраницы, иначе его губы устают, состоял в том, что Эйзенхауэр якобы умеет читать только вслух.

Впрочем, последняя шутка имела под собой некоторые основания. Эйзенхауэр привык принимать срочные решения и требовал, чтобы доклады и предложения излагались в максимально краткой форме; профессора же предпочитали длительные аргументированные дискуссии, в которых взвешивались различные стороны проблемы, и во многих случаях решение вообще не принималось, так как аргументы сторонников противоположных взглядов были почти в равной степени весомыми.

Эйзенхауэр скучал на заседаниях университетского комитета — выборного собрания наиболее авторитетных профессоров. Он жаловался: «Наверное, нет более сложной проблемы во всём мире, чем подобрать нового декана из числа [работающих] в университете»{465}. Сам он считал недолгую работу в Колумбийском университете самым тяжелым периодом своей жизни{466}. Питер Лайон добавлял: «Для него попытка стать университетским президентом была абсурдом. Это было неправильно со всех сторон. Это было хуже, чем ошибкой. Это было жестокостью»{467}.

Пытаясь смягчить напряженность в отношениях с университетской профессурой и в то же время облегчить себе жизнь, Дуайт совершил непростительную ошибку — привлек к работе в качестве помощников двух отставных армейских офицеров, Кевина Маккэнна и Роберта Шульца, которым поручил заниматься административной текучкой, докладывая ему только о наиболее важных, сложных и спорных делах. Это в свою очередь вызвало возмущение профессуры — и потому, что в университете, как ей казалось, усиливался режим военщины, и потому, что президент стал менее доступен, ведь чуть ли не каждый профессор считал свое дело наиболее важным и требующим вмешательства на самом высоком уровне.

Оба офицера считали, что служат не университету, а лично Эйзенхауэру, и прилагали все силы, чтобы предохранить его от лишних забот, нередко беря на себя смелость решать сложные академические, учебные и административные вопросы. Хелен Кинг, секретарь президента, работавшая в университете многие годы, была шокирована поведением эйзенхауэровских помощников. Она рассказывала С. Амброзу: Эйзенхауэр «был полностью изолирован. У него был свой вход в кабинет, и мы не видели, как он появлялся… Если я договаривалась о приеме декана или какого-нибудь преподавателя, в девяти случаях из десяти Шульц говорил, как он любил выражаться: “Прикончи его”», — что должно было означать «любой ценой избавиться от посетителя»{468}.

В американской биографической литературе приводится масса других примеров того, насколько нехорошо сложились отношения Эйзенхауэра с университетской общественностью. Известия о генерале-самодуре, хозяйничающем в прославленном университете, во много раз преувеличенные, распространялись из университетского городка и по Нью-Йорку, и за его пределами. Хотя приводимые факты во многих случаях были достоверны, они преподносились в искаженном обрамлении и раскрывали только одну сторону дела. При этом редко обращалось внимание, что Эйзенхауэр с глубоким уважением относился к ученым, часто бывал на факультетах. Особенно его интересовала работа кафедр, связанных с историей и физикой. Столь контрастные интересы сам он объяснял тем, что именно эти дисциплины особенно важны для человечества: историю важно знать, так как она — нескончаемый кладезь человеческой мудрости и опыта; физика его интересовала главным образом с точки зрения перспектив использования атомной энергии и как средства разрушения, и во имя блага человечества.

У Дуайта установились теплые отношения с лауреатом Нобелевской премии 1944 года физиком-атомщиком Исидором Раби, возглавлявшим физический факультет с 1945 по 1949 год, когда на нем работали еще один нобелевский лауреат Энрико Ферми и 11 будущих лауреатов. Когда Эйзенхауэр был президентом университета, Раби проводил исследование, которое привело к изобретению лазера{469}. Именно в это время он получил приглашение перебраться со значительным повышением зарплаты в Принстонский университет, где работал его близкий друг Альберт Эйнштейн. Эйзенхауэру удалось уговорить профессора остаться, используя аргумент, что в противном случае не только учебному заведению, но и его президенту будет нанесен тяжелый удар{470}.

Эйзенхауэр выступил инициатором создания при Колумбийском университете Института изучения проблем войны и мира и пытался убедить известного дипломата, историка и политолога Джорджа Кеннана возглавить его. Кеннан не дал согласия. В 1950 году Дуайт буквально переманил на должность директора института из другого весьма авторитетного учебного заведения — Йельского университета — авторитетного историка и политолога Уильяма Фокса, к тому времени известного серьезными трудами по истории внешней политики, автора термина «супердержава»{471}. В Колумбийском университете Фокс стал ведущим теоретиком самостоятельной научной дисциплины — истории международных отношений{472} и возглавлял институт до 1976 года.

Дуайт содействовал укреплению связей университета со средними учебными заведениями, переписывался с их руководителями, в частности с администраторами школы имени известного реформатора среднего образования Хораса Манна, для выпускников которой были выделены специальные стипендии{473} [14].

Руководя Колумбийским университетом, Эйзенхауэр выступил с инициативой создания Американской ассамблеи, целью которой была защита принципов демократического общественного устройства. Она была основана на базе университета в 1950 году. Дуайт призывал многих своих знакомых присоединиться к организации{474}. Американская ассамблея существует и сейчас, проводит публичные дискуссии и исследования, публикует их результаты. Важнейшими темами ее проектов являлись ядерное разоружение, совершенствование здравоохранения, реформа пенитенциарной системы, распространение экономических знаний{475}.

Таким образом, Эйзенхауэр всё же оставил след в истории Колумбийского университета. Он, однако, до последних дней своей работы в нем тяготился и тем, что его не вполне понимает и воспринимает университетская элита, и тем, что он два с половиной года служил «внешним украшением» прославленного учебного и научного центра, не внося в его деятельность существенного вклада.

Привыкший к точному исполнению своих обязанностей, какими бы нудными они ни казались, Эйзенхауэр аккуратно знакомился с огромной корреспонденцией, поступавшей на его университетский адрес со всех концов страны{476}. Впрочем, с адресом иногда бывали смешные случаи. Так, один из авторов написал на конверте: «Конгрессу США. Генералу Эйзенхауэру в Колумбийском университете», — забыв или не зная, что Конгресс

находится в Вашингтоне, а Колумбийский университет — в Нью-Йорке.

Значительная часть материалов, поступавших Дуайту по почте, была посвящена ему самому (в основном это были вырезки из газет — от ультраконсервативных до коммунистической «Дейли уоркер») и свидетельствовала, что он продолжает пользоваться авторитетом в различных социальных слоях. Некоторые многостраничные послания содержали детальные описания, как пример Эйзенхауэра повлиял на жизнь авторов. С интересом Дуайт читал письма из родного Абилина, в которых подчас упоминалось о встречах с ним в пору его молодости.

Газетные материалы подчас затрагивали вопрос о его политическом будущем, причем большинство авторов сходились во мнении, что он тяготел к «прогрессивным республиканцам», но находился под влиянием младшего брата, в свое время горячего сторонника «нового курса» Франклина Рузвельта и, стало быть, близкого к левому крылу Демократической партии. «Нью-Йорк таймс» в номере от 1 октября 1950 года приводила даже слова самого Дуайта, что он «принимает его (Милтона. — *Г. Ч., Л. Д.)* советы в большей степени, чем кого бы то ни было другого». Среди вырезок были несколько карикатур на Эйзенхауэра, но и они свидетельствовали о его популярности.

Знакомиться со всеми этими почтовыми отправлениями было в определенном смысле приятно. Но однообразие корреспонденции вскоре стало несколько раздражать Дуайта, поэтому он с повышенным интересом читал иногда попадавшиеся откровенно враждебные письма, причем почти всегда анонимные. В одном из таких посланий Эйзенхауэра «бичевали» за то, что он стал «интернационалистом», сторонником ООН, но, главное, покровителем «еврейской мафии», в частности некого Артура Голдсекта, который именовался шефом «еврейского гестапо в США»[{477}]. В который раз Эйзенхауэр убеждался, насколько глупыми бывают люди, оставаясь при этом опасными…

В значительной мере Дуайт получал утешение в семье. Он был несказанно рад появлению на свет внуков: в 1948 году — Дэвида, в 1950-м — Барбары Энн, а в 1951-м — Сьюзен. Дуайт в них души не чаял, баловал, покупал подарки, учил их соответственно возрасту всему тому, что должны были знать и уметь дети, а позже именно им рассказывал всякие истории из своей жизни, которые затем вошли в книгу воспоминаний «At Ease» («Непринужденно»).

Еще не чувствуя, но предвидя приближение старости, которую Дуайт намеревался проводить по возможности активно, но на лоне природы, он в течение всех послевоенных лет

подыскивал усадьбу, которую можно было бы приспособить для нужд семьи. Приятель по «банде» Джордж Аллен посоветовал приобрести ферму неподалеку от его собственной, причем пообещал купить прилегающие участки земли, чтобы она была полностью изолирована и защищена от непрошеных гостей. Особенно соблазняло Дуайта расположение фермы неподалеку от места одного из главных сражений Гражданской войны — битвы под Геттисбергом. К тому же она находилась в штате Пенсильвания, в котором поселились его предки, иммигрировавшие из Германии. Дуайт подумывал воспроизвести здесь примерно то хозяйство, которое было у них.

Осенью 1950 года сделка была оформлена. Вскоре выяснилось, что дом не соответствовал вкусам Дуайта и Мейми: комнаты были маленькими, окна узкими и т.д. Не мудрствуя лукаво, Дуайт, который теперь получал крупные гонорары за публикации «Крестового похода» и в США, и за рубежом, решил не ремонтировать, а снести старый дом и построить новый по вкусу семьи. Вслед за этим он, как заправский сельский хозяин, занялся разведением скота, прежде всего породистых коров{478}.

В свободное время возобновились рыбалка, охота, разведение костров, на которых Дуайт мастерски готовил различные блюда из живности, добытой в лесу или выловленной в соседней речке. Так что разочарование и досада, связанные с президентством в Колумбийском университете, в какой-то мере компенсировались простыми радостями.

Тем не менее работу в университете следует признать важной для самого Эйзенхауэра. Вполне можно согласиться с Т. Джекобсом, что «Колумбийский университет сыграл значительную роль в образовании генерала как гражданского человека»{479}.

Вновь на военном посту

В период пребывания Эйзенхауэра в Колумбийском университете бизнесмены, политики, общественные деятели не прекращали попыток уговорить его всерьез заняться «служением отечеству». В каком качестве? Понятно было, что для такого всемирно известного деятеля, каким стал Эйзенхауэр (об этом вновь и вновь свидетельствовали переиздания его мемуаров, телевизионные передачи, отклики на них и т. д.), чуть ли не единственным вариантом должна была стать борьба за пост президента Соединенных Штатов.

После выборов 1948 года, на которых победил Трумэн, Дуайт

всё внимательнее прислушивался к призывам вступить на политическую стезю, в своих симпатиях склоняясь к Республиканской партии, хотя он и не разделял некоторые из обычных требований «старой гвардии» этой партии, в частности склонность к изоляционизму или, по крайней мере, резкому сокращению вовлеченности США в мировые дела.

Дуайт всё более внимательно следил за дебатами в Конгрессе, за мировыми новостями. В его дневнике стали часто появляться записи, выражавшие его отношение к событиям. Пожалуй, наибольшее влияние на Эйзенхауэра с середины 1949 года начал оказывать Томас Дьюи, потерпевший поражение республиканский кандидат на президентский пост. Они стали регулярно встречаться, причем Дьюи убеждал собеседника, что тот является «общественным достоянием» и должен тщательно заботиться о своем политическом имидже, отдать себя «на службу всему народу». Дуайт отнекивался, но прислушивался к мнению Дьюи, активно поддерживаемому членами «банды».

Всё чаще Эйзенхауэр принимал приглашения выступить на собрании, позволял себе высказываться на политические темы. Выступая на съезде Американской ассоциации юристов в Сент-Луисе, штат Миссури, Дуайт призвал американцев идти по «среднему пути», объясняя с использованием военной терминологии, что «трусливые» предпочитают боковые действия, тогда как «храбрые» ведут борьбу в центре. Это была явная демагогия, которую юристы встретили прохладно{480}.

Очевидно, Эйзенхауэр пытался выражать свою позицию, но пока не умел. Он признавался своему другу Хазлетту, что «старому солдату» трудно построить выступление так, чтобы оно не было просто «бессвязным набором пустых банальностей и афоризмов»{481}.

Постепенно Дуайт учился избавляться от банальных высказываний или, по крайней мере, облекать их в оригинальную форму, а его афоризмы становились содержательными. Впрочем, и теперь далеко не все они нравились широкой аудитории. Выступая в штате Техас, он в ответ на требование слушателей высказаться по поводу необходимости резкого расширения социального законодательства неосторожно заявил: «Если американцы желают максимального государственного обеспечения, они должны отправиться в тюрьму»{482}, — добавив, что следует думать не только о том, чтобы не остаться голодными, уйдя на пенсию.

Эти заявления встретили резкую критику со стороны всех левых организаций, сторонников Демократической партии и даже некоторых республиканцев, высказывавшихся за расширение

социального обеспечения граждан. Дуайт, скорее всего не совсем искренне, жаловался: «Я единственный человек в Соединенных Штатах, который лишен свободы слова»{483}. После этого он старался избегать неосторожных замечаний, которые могли вызвать недовольство широкой публики. Это свидетельствовало, что Эйзенхауэр всё более серьезно рассматривал себя в качестве «политического животного», относя это известное выражение Аристотеля к тем, кто не просто интересуется политикой, а стремится поставить общественную деятельность в центр своих занятий.

Вновь и вновь записывая в дневнике, что он не собирается непосредственно заниматься политикой, Дуайт всё чаще дополнял это утверждение оговоркой «если». Эти «если» были различными: то обозначали некие чрезвычайные обстоятельства, при которых отказ от вхождения в политику был бы равносилен нарушению долга; то связывались с аргументированными уговорами близких друзей (ими Дуайт теперь считал членов «банды»), которые могли его переубедить. Иначе говоря, Эйзенхауэр не рвался в политику, но был готов пойти навстречу, если окажется, что он политике необходим и что этого требуют от него те, с чьим мнением он считался.

За поведением и намерениями генерала внимательно следили американские спецслужбы. В декабре 1949 года директору Федерального бюро расследований Эдгару Гуверу поступило донесение, более или менее объективно отражавшее тогдашние настроения Дуайта, хотя и ошибочное в прогнозе: «Эйзенхауэр оказался для меня в какой-то степени загадкой, и я подозреваю, что причина в том, что он сам не знает, чего он хочет. Он хотел бы стать президентом, но не желает ничего делать, чтобы добиться номинации, потому что ему нравится роль старейшего государственного деятеля… И я думаю, что Эйзенхауэр позволит, чтобы его шанс ускользнул. Он не получит демократическую номинацию, потому что ее контролирует Трумэн, а если он будет баллотироваться как республиканец, я думаю, он будет разбит»{484}. Гувер внимательно ознакомился с этим донесением и разослал его копии своим помощникам{485}.

В 1950 году Соединенные Штаты впервые после окончания Второй мировой вступили в серьезный военный конфликт. В соответствии с решением Совета Безопасности ООН, голосование по которому было проведено в отсутствие советского представителя, США не только приняли участие в оказании военной помощи Южной Корее, против которой Северная Корея 25 июня начала агрессию, но фактически возглавили межнациональные вооруженные силы. В их состав вошли военные

контингенты пятнадцати стран, но реально участвовали в военных действиях в Корее только США и Великобритания — остальные послали от батальона до бригады. 1 июля началась переброска в Корею 24-й американской дивизии, а 5 июля она вступила в бой. Вслед за ней прибывали новые и новые американские части. 7-го числа во главе войск ООН в Корее был поставлен генерал Макартур.

Вначале южнокорейские и американские войска терпели поражения. За полтора месяца противнику удалось занять столицу Южной Кореи Сеул и почти всю территорию страны. Однако прибытие новых американских сил позволило добиться перелома в войне. Макартур утвердил план десантной операции в глубоком тылу северокорейской армии в районе порта Инчхон, которая была осуществлена в середине сентября, привела к освобождению Сеула и отступлению северокорейской армии под угрозой окружения. В плен попали около сорока тысяч человек. Развивая успех, американское командование с согласия Трумэна продолжило военные действия к северу от 38-й параллели, по которой до начала войны проходила демаркационная линия между двумя корейскими государствами.

Многие авторы считают, что это была крупная политическая ошибка, ибо в глазах значительной части мира американцы из защитников страны, подвергшейся нападению, превратились в агрессора, спровоцировав этим вступление в войну Китайской Народной Республики. Вступившие в Корею войска именовались «отрядами народных добровольцев», но на самом деле являлись хорошо экипированной и опытной регулярной армией, вступившей в военные действия во второй половине октября. Военные действия шли с переменным успехом. Летом 1951 года начались переговоры о перемирии, которые то прерывались, то возобновлялись{486}.

Трумэн не счел нужным пригласить Эйзенхауэра для консультаций, тем не менее через три дня после начала войны генерал по своей инициативе отправился в Вашингтон, где встретился с рядом высших военных руководителей и был разочарован их нерешительностью и отсутствием вариативных планов ведения военных действий. В своем негодовании Эйзенхауэр не исключал даже применения в Корее атомного оружия (правда, сопроводил дневниковую запись об этом словами «не дай бог»){487}. Хотя биограф Эйзенхауэра замечает, что тот был в удобном положении, так как мог давать советы, не неся никакой ответственности{488}, это было не совсем верно. Стяжавший славу военачальник нес особую морально-политическую ответственность: неудачная рекомендация, в

случае следования ей, могла умножить число жертв и нанести тягчайший удар по его авторитету в той области, в которой он считался общепризнанным экспертом.

Совершенно неожиданно некоторые деятели, связанные с Демократической партией и правительством, стали ставить первые неудачи американских войск в Корее, а затем и недостаточно успешные, по их мнению, наступательные действия ему в вину. Неполную подготовленность к ведению военных операций политики-демократы связывали с сокращением военного бюджета в предыдущие годы. Дуайт был вынужден защищаться, доказывая, что в качестве председателя Объединенного комитета начальников штабов занимался только распределением уже выделенных средств между родами войск{489}.

В сложившихся условиях Эйзенхауэр считал недопустимым для себя оставаться в должности президента университета — сказывались неудовлетворенность этой работой, главное, недовольство, что он, человек военный, остается в стороне от выработки решений, считавшихся в то время судьбоносными.

В определенном смысле ему повезло. 4 апреля 1949 года в Вашингтоне был подписан документ о создании Организации Североатлантического договора *(North Atlantic Treaty Organization)*. В НАТО первоначально вошли десять европейских государств — Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Дания, Исландия, Португалия и два заокеанских — США и Канада. Естественно, Соединенные Штаты, наиболее мощная страна из числа новых союзников, играли ведущую роль в организации, хотя юридически все они были равноправны. Корейская война на некоторое время переместила центр внимания западных держав на Дальний Восток, но когда положение в регионе несколько стабилизировалось, американская администрация сконцентрировалась на укреплении североатлантической военно-политической организации.

Важнейшей составной частью ее должны были стать объединенные вооруженные силы, которые еще предстояло создать. Только через полтора года после образования НАТО союзники сообразили, что войсками должен кто-то командовать. Когда осенью 1950 года начались консультации глав союзных государств по этому поводу, прежде всего называлось имя Эйзенхауэра. Принимались во внимание важнейшие факторы: боевой опыт генерала, всего лишь за пять лет до этого успешно завершившего операцию против Германии на западном направлении, его хорошее знакомство с рядом глав государств и правительств стран — участниц НАТО, высочайшую популярность

среди политиков и в самых широких общественных кругах европейских стран.

В конце октября 1950 года Трумэн пригласил Дуайта в Белый дом и официально предложил ему новый пост. Эйзенхауэр ответил точно так же, как при назначении на должность начальника штаба: «Я солдат и готов выполнять любые приказы моего начальства». Настаивал он только на одном: Верховный главнокомандующий, каковым являлся президент, должен отдать формальный приказ, не сообщая, что велись предварительные переговоры{490}. Эта оговорка была, видимо, связана с тем, что Дуайт не хотел, чтобы возникла видимость, будто он «выпросил» новый пост. После согласования кандидатуры на высшем уровне 15 декабря было опубликовано сообщение о назначении генерала Эйзенхауэра главнокомандующим объединенными вооруженными силами Организации Североатлантического договора и одновременно командующим американскими вооруженными силами в Европе. Официальное коммюнике по этому поводу напечатали газеты всех стран мира.

Дуайт был горд новым назначением, не просто избавлявшим его от университетской скуки, а ставившим в центр международных событий. Он писал сыну: «Я считаю эту работу наиболее важной во всём мире»{491}.

На первый взгляд эти слова могут удивить, ведь в атлантической зоне «горячей» войны не было — военные действия шли только на Дальнем Востоке. Но в западных правительственных кругах и среди военных было широко распространено мнение, что, нарушив атомную монополию США, овладев атомным оружием, СССР может решиться на «западноевропейский поход». Об этом доносила американская разведка, на эту же мысль наводили экономические (огосударствление экономики) и политические (фактическая ликвидация многопартийности) преобразования в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В западных военных кругах обсуждались вопросы ведения войны против СССР и стран «народной демократии», не исключалась и возможность нанесения превентивного ядерного удара по жизненно важным советским центрам.

Разместив свою новую штаб-квартиру в Париже, Эйзенхауэр приступил к созданию объединенных вооруженных сил. Задача была очень сложной. Необходимо было прежде всего решить принципиальный вопрос, будут ли эти силы представлять собой интегрированную армию, состоящую из национальных соединений, или самостоятельные подразделения отдельных государств под общим командованием. Оба варианта имели свои

преимущества и недостатки.

В первом случае в распоряжении Эйзенхауэра должна была находиться армия, неуклонно следующая его распоряжениям, с унифицированным вооружением, единой логистикой и другими преимуществами полной интеграции. Однако это означало, что члены НАТО выделят в его распоряжение только часть своих вооруженных сил, возникнет неизбежный торг между правительствами, а фактически объединенной армией станут именоваться американские вооруженные силы в Европе. Такое решение резко критиковала значительная часть депутатов Конгресса. Влиятельный республиканский сенатор Роберт Тафт, в свое время один из главных оппонентов «нового курса» Рузвельта, возражал даже против пребывания в Западной Германии в мирное время двух американских дивизий. Помимо этого было ясно, что невозможно противостоять СССР без участия в объединенных силах германской армии. Между тем Федеративная Республика Германия не являлась членом НАТО. Против ее принятия в блок и тем более против возрождения германских вооруженных сил резко возражали широкие круги европейских стран, особенно Франции. Эйзенхауэру предстояло убедить не только военачальников западных держав, но и их правительства, что Западная Германия теперь является не врагом, а союзником.

Вторым вариантом создания армии НАТО являлось сохранение в каждой стране вооруженных сил под общим командованием, имеющим ограниченные полномочия, ибо национальные армии подчинялись прежде всего собственным правительствам. Вспоминая опыт Второй мировой войны, Эйзенхауэр отлично понимал, насколько сложно в этом случае будет обеспечить единство планов и действий. Но главным преимуществом этого варианта являлось включение в состав объединенных сил армий всех стран-участниц в полном составе.

С учетом этого обстоятельства, а также перспективы вступления в НАТО Западной Германии и воссоздания ее вооруженных сил Эйзенхауэр после консультаций пришел к выводу, что второй вариант более предпочтителен. К нему склонялись и главы европейских союзных стран, но президент Трумэн всё не мог принять решение. Эйзенхауэр, весьма критично относившийся к президенту, записал в дневнике за месяц до объявления о своем назначении: «Бедный [Трумэн] — в общем неплохой человек, который, как выяснилось во время шторма, не умеет плавать… Если бы только его мудрость соответствовала его добрым намерениям»{492}.

Эйзенхауэр приступил к исполнению обязанностей главнокомандующего вооруженными силами НАТО 1 января 1951

года. Этот пост он занимал недолго — до конца мая 1952-го.

Начал он с посещения столиц всех стран — членов НАТО. За ним последовало первое заседание командования НАТО, в состав которого в соответствии с планом Эйзенхауэра (одобренным главами всех государств-членов) вошли командующие вооруженными силами отдельных стран, а от США еще и представители родов войск (как мы помним, Эйзенхауэр являлся по совместительству командующим американскими войсками в Европе). Вооруженные силы США формально были включены в объединенную армию в полном составе, но фактически в распоряжении объединенного командования находились только дивизии, располагавшиеся в Европе.

Первое заседание командования завершилось скандалом. Командующий американскими военно-воздушными силами в Европе генерал Лорис Норстед (в 1956 году стал главнокомандующим силами НАТО) вспоминал, что, слушая жалобы представителей европейских стран, «генерал Эйзенхауэр становился всё более недоволен таким крайне отрицательным подходом и в конце концов просто грохнул кулаком по столу, его лицо покраснело, и он воскликнул голосом, который, наверное, был слышен двумя или тремя этажами ниже: “Я знаю об этих недостатках, но я сам занимаюсь ими, и вы также должны этим заниматься. Давайте теперь действовать!”». «Вслед за этими словами, — свидетельствует Норстед, — он еще раз стукнул по столу и вышел. Просто повернулся, не сказав более ни слова, и вышел. И, поверьте мне, настроение изменилось. Сразу возникла атмосфера решимости — мы это *сделаем*»[{493}]. Можно усомниться в том, что настроение изменилось немедленно, но, безусловно, Эйзенхауэр своим авторитетом оказал влияние на чувства и намерения подчиненных и коллег.

Менее чем через месяц после назначения Эйзенхауэра вызвали на родину для отчета перед Конгрессом. Конечно, такой отчет был слишком поспешным, но возражать законодательному органу не принято. Несколько дней Дуайт работал над текстом речи, с которой выступил на объединенном заседании палаты представителей и сената 1 февраля. Основной смысл выступления состоял в том, что западноевропейские государства слишком слабы, чтобы защищать себя самостоятельно, но готовы внести посильный вклад при условии надежной американской помощи. Когда войска НАТО будут укомплектованы, они составят 40 дивизий, из которых только шесть будут направлены в Европу из США.

В завершение доклада Эйзенхауэр остановился на самом больном вопросе — о возрождении западногерманских

вооруженных сил. Он весьма ловко повернул проблему в наиболее безопасную сторону, заявив: «Западноевропейская ситуация не будет стабильной до тех пор, пока Германия не станет достойным, уважаемым членом [союза], вносящим в него свой определенный вклад»{494}.

Выступление получило положительные отклики в прессе. Аналогичной была и реакция Конгресса — через два месяца он одобрил дополнительную отправку в Европу четырех американских дивизий.

Возвратившись в Европу, Дуайт приложил максимум усилий, чтобы обеспечить необходимый вклад европейских стран в военные структуры НАТО. Он вновь и вновь убеждал высших государственных деятелей и военных, что «мы (США. — *Г. Ч., Л. Д.)* не можем быть современным Римом, гарантирующим незыблемость дальних рубежей нашими легионами» и в перспективе американские войска должны будут возвратиться на родину, а европейским государствам предстоит самостоятельно оберегать свои границы{495}.

Эйзенхауэр вновь и вновь настаивал, что Соединенные Штаты должны будут постепенно сокращать свое военное присутствие в европейских и других странах в связи с увеличением ответственности этих стран за собственную безопасность и с необходимостью сокращения военных расходов, сохранения сбалансированного национального бюджета США. Он сравнивал бюджетный дефицит с наркоманией: каждая доза наркотика усиливает зависимость от следующей дозы{496}.

Именно в таком духе была выдержана первая речь Эйзенхауэра, произнесенная в Нормандии 6 июня 1951 года, в седьмую годовщину высадки союзных войск, транслировавшаяся на всю Западную Европу. Дуайт завершил ее словами: «Никогда вновь на этих берегах не должна вестись кампания по освобождению»{497}.

Хотя эти слова показались большинству слушателей намеком на необходимость предотвращения захвата Западной Европы Советским Союзом, Эйзенхауэр, став однозначным сторонником холодной войны, занимал в ней относительно умеренные позиции. В частности, в дискуссиях по поводу возможности нанесения упреждающего атомного удара по СССР он твердо занимал отрицательную позицию, объясняя ее не только политическими и моральными, но также чисто практическими соображениями. Он подчеркивал, что в современных условиях нанести внезапный удар невозможно, что СССР в состоянии ответить ударом по основным центрам Западной Европы и, возможно, США. Даже если американские бомбы были бы

сброшены на Москву, как-то написал Эйзенхауэр, Советская армия будет в состоянии овладеть всей Европой{498}.

Более того, он высказывал мысль о социально-политической опасности монопольного владения оружием массового уничтожения. Он писал президенту компании «Дженерал моторе» Чарлзу Уилсону: «Ни одному человеку, который ясно не понимает, что между национальной безопасностью и национальной ответственностью существует взаимозависимость и что постоянное сохранение сокрушающего преимущества военной силы в конце концов приведет к диктатуре, не может быть доверен никакой ответственный пост в нашей стране»{499}.

Такого рода заявления в большей или меньшей степени соответствовали настроениям широких кругов американского общества, в первую очередь предпринимателей, связанных с Республиканской партией, которые настаивали на сокращении программ иностранной помощи, на сохранении сбалансированного бюджета и крайне опасались бюджетного дефицита и инфляции, полагая, что они могут привести к тяжелому экономическому кризису. Более того, республиканская «старая гвардия», ранее занимавшая воинственные изоляционистские позиции, в новых условиях, когда США превратились в самую мощную державу капиталистического мира, от помощи которой во многом зависели страны не только Запада, но и Востока, стала более «интернационалистской», по вопросу о зарубежных обязательствах США значительно приблизилась к умеренной позиции Эйзенхауэра. Высказываясь по глобальным проблемам современного мира, главнокомандующий силами НАТО проявлял себя всё более зрелым политиком, выходя далеко за пределы своей служебной ответственности.

Глава вторая. ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ

Граждане за Эйзенхауэра»

С лета 1951 года стали формироваться общественные организации под названием «Граждане за Эйзенхауэра» (или под другими, имевшими тот же смысл), причем с полного одобрения самого генерала. Некоторые из них называли себя даже клубами Айка. У организаций нашлись щедрые финансисты: взносы в их фонды вносили члены «банды», и особенно активно Джордж Уитни, президент компании Джона Пирпонта Моргана.

Объединения, связанные с именем Эйзенхауэра, носили подчеркнуто беспартийный характер. В то же время в них вели борьбу за преобладание обе главные партии. Демократы считали, что Эйзенхауэр, скорее всего, станет их политической фигурой, поскольку находится на службе правительства Трумэна, республиканцев привлекали заявления Дуайта по взаимосвязанным военно-финансовым вопросам. Сам же он пока не высказывал никаких партийных предпочтений.

С лета 1951 года Дуайт, открыто не объявляя, стал готовиться к борьбе за высший пост в стране, подтверждениями тому являлось не только одобрительное отношение к организациям, носившим его имя, но и тот факт, что он решил пополнить свое образование, попросив авторитетных бизнесменов просветить его по наиболее сложным экономическим вопросам, ибо именно в этой области он в наибольшей степени ощущал нехватку знаний. По просьбе Эйзенхауэра в Париж приезжали Уитни и директор Фонда Форда Пол Хоффман.

Дуайт говорил с ними о возможности возвращения США к денежному золотому стандарту, о взаимоотношениях крупного капитала со средним классом, об оказании государственной помощи фермерам. В Париже побывал также Бернард Барух — известный финансист, биржевой делец и политик, консультировавший президентов еще со времен Первой мировой войны, а после Второй мировой особенно известный своим планом тотального запрещения ядерного оружия. С ним Дуайт обсуждал и экономические, и военно-стратегические проблемы.

Примеру бизнесменов следовали политики, в основном правого толка, полагавшие, что Трумэн проводит недостаточно жесткий внешнеполитический курс, который привел к тяжелому поражению США в Юго-восточной Азии — созданию в 1949 году

Китайской Народной Республики, к появлению у СССР атомного оружия, к проникновению коммунистической и просоветской агентуры в высшие государственные органы США, в святая святых американских тайных служб — Манхэттенский проект и т. д. Возникшую в США антикоммунистическую истерию подогревали реальные случаи разоблачения советских агентов — супругов Этель и Джулиуса Розенберг, которым удалось передать в СССР некоторые атомные секреты; одного из высших чиновников Госдепартамента Элджера Хисса, возглавлявшего подготовку учредительной конференции ООН в 1945 году, и др.

В 1951-м — начале 1952 года в Париже побывали молодые сенаторы Джозеф Маккарти, у которого была еще впереди бесславно нашумевшая карьера гонителя левой интеллигенции и «охотника за ведьмами», и Ричард Никсон, ставший известным благодаря расследованию дела Хисса. Именно Никсон настоял на предании Хисса суду, хотя прямых доказательств его шпионской деятельности не было. В результате Хисс был приговорен к пятилетнему заключению за лжесвидетельство — он отрицал, что являлся членом компартии, но суд признал основательными утвердительные показания свидетелей{500}.

Было очевидно, что именно крайне правые круги республиканских политиков делают ставку на Эйзенхауэра, хотя из его заявлений следовало, что он занимает сравнительно умеренную позицию. Расчет, видимо, состоял именно в том, что генерал сможет «дисциплинировать» страну. Дуайт же не опровергал эти надежды, приветливо принимал и Маккарти, и Никсона, а на их благодарности отвечал благосклонными письмами{501}.

В свою очередь демократы пустили в ход «тяжелую артиллерию». В ноябре 1951 года, когда Эйзенхауэр в очередной раз прибыл в Вашингтон для консультаций в высших военных кругах, Трумэн пригласил его на приватный разговор, который начал сразу с того, что гарантирует ему полную поддержку, если он выставит свою кандидатуру от Демократической партии. Это будет означать и положительное решение партийного съезда, которому предстояло выдвигать кандидата. Склонявшийся к тому, чтобы баллотироваться в президенты от Республиканской партии, Эйзенхауэр, по сведениям видного журналиста Артура Крока, почти грубо отверг предложение. «Какие у вас основания считать, что я когда-либо был демократом? Я был республиканцем всю жизнь, и члены моей семьи всегда были республиканцами»{502}.

В пользу Эйзенхауэра высказался и признанный лидер республиканцев Т. Дьюи, заявивший в октябре 1950 года, что

предпочитает его любому другому кандидату. Дуайт и в этот раз решил открыто не демонстрировать свою позицию и даже намекнул, что слишком стар для высшей государственной должности. В разговорах же с глазу на глаз он всё более твердо высказывался в том смысле, что, если будет «общее пожелание», с гордостью примет предложение Республиканской партии. Таким был, в частности, смысл разговора Эйзенхауэра с Уинтропом Олдричем, президентом крупнейшего банка «Чейз», посетившим его в Париже в мае 1951 года в качестве личного представителя Дьюи{503}.

Наступил високосный 1952 год. На следующий день после первого понедельника ноября должны были, согласно американской традиции, состояться президентские выборы. И республиканские политики, и друзья Эйзенхауэра ждали от него прямых заявлений о вступлении в политическую борьбу. Он, однако, продолжал оставаться «в засаде». Дело дошло до того, что популярный журнал «Макколл» предложил генералу 40 тысяч долларов за одно слово «да» в ответ на вопрос, является ли он республиканцем{504}. Ответа не последовало.

Когда же давление со стороны тех, к чьему мнению прислушивался Эйзенхауэр, стало всеобщим, он продемонстрировал своим сторонникам давным-давно забытую статью № 600/10 Правил вооруженных сил США: «Лица, несущие службу в регулярной армии и находящиеся при исполнении обязанностей, могут принять выдвижение на общественную службу лишь в том случае, если выдвижение произошло без прямого или косвенного участия или ходатайства с их стороны»{505}. На этом основании Эйзенхауэр настаивал, чтобы его друзья приняли меры в этом направлении — разумеется, если они действительно желают его баллотирования.

В Соединенных Штатах президентским выборам предшествуют первичные выборы, так называемые праймериз, которые проводятся в части штатов каждой партией, чтобы определить, какого кандидата предпочитают избиратели. Праймериз оказывают немалое влияние на решение национального партийного съезда.

Первые праймериз Республиканской партии должны были состояться в небольшом штате Нью-Гемпшир 11 марта. Без ведома Эйзенхауэра по инициативе влиятельного деятеля Республиканской партии Генри Лоджа его имя было включено в бюллетень. Эйзенхауэр собрал половину голосов, его главный соперник сенатор Тафт — 38 процентов, а еще один кандидат Стассен — семь процентов. История повторилась 18 марта в Миннесоте. В обоих случаях Дуайт сохранял молчание, во всяком

случае не возражал против включения его имени в списки для голосования{506}.

Вслед за этим в крупнейшем зале Нью-Йорка «Медисон сквер-гарден» прошел митинг в поддержку кандидатуры Эйзенхауэра, на котором присутствовало около 15 тысяч человек. Организаторы из числа эйзенхауэровской «банды» подчеркивали, что митинг состоятся вопреки усилиям городской администрации, состоявшей из демократов. Тщательно организованный и буквально поставленный, как спектакль, опытными режиссерами массовых зрелищ, он прерывался многократными хоровыми выкриками участников: «We want Ike!» («Мы хотим Айка!») Женщины кричали: «I like Ike!» («Мне нравится Айк!») Эти «лозунги» вряд ли импонировали самому Айку, но специалисты по агитации среди широких масс считали их весьма удачными; позже они стали повсеместными. Появились значки с портретом Эйзенхауэра и надписью «I like Ike!», которые бесплатно раздавались всем желающим.

Митингу был посвящен двухчасовой фильм, транслировавшийся по всей стране. Известная летчица Жаклин Кокран, одна из самых известных женщин-пилотов{507}, которая была в числе организаторов митинга в Нью-Йорке{508}, привезла фильм в Париж. (В следующие месяцы Кокран будет активно участвовать в избирательной кампании в пользу Эйзенхауэра и ее неутомимая агитационная и организационная работа сыграет немалую роль в привлечении на сторону Айка женщин, которые в свою очередь оказывали влияние на своих мужчин.)

Кокран рассказала Дуайту, что о митинге объявили всего за четыре дня, но зал не смог вместить всех желающих, которые, несмотря на «некоторую театральность», горячо поддерживали его кандидатуру.

Похоже, Жаклин Кокран была недалека от истины, когда назвала свою встречу с Эйзенхауэром переломным моментом в его отношении к вступлению в предвыборную гонку. Они вместе посмотрели фильм, а во время ужина Кокран провозгласила первый тост: «За президента!» Она рассказывала: «Я была первым человеком, который произнес эти слова по отношению к нему, и у него брызнули слезы… Потом он стал говорить о своей матери, об отце и своей семье, но особенно о своей матери, и говорил целый час». Закончил он монолог словами: «Вы можете сказать Биллу Робертсону, что я готов к погоне»{509}.

Через несколько дней, возвратившись на родину, Жаклин, полная сил и готовая к борьбе, написала Эйзенхауэру восторженное письмо: «Я просто не в состоянии выразить, как благодарна Вам за отведенное мне время, внимание и терпение

во время моего недавнего визита. Я всегда буду считать себя в числе тех, кто получил это великое преимущество. Я уверена, что если народ Америки познакомится с Вашими идеями, философией и идеалами, не будет сомнения, каково будет голосование на республиканском съезде, потому что, независимо от политики, я верю, что американский народ совершит марш в Чикаго (там должен был пройти партийный съезд. — *Г. Ч., Л. Д.)* и потребует Вашей номинации от республиканцев. Я убеждена, как и многие другие, что если эта номинация произойдет, Вы будете нашим следующим верховным главнокомандующим. Лично я уверена, что Вы будете нашим вторым Линкольном»[{510}].

После этой встречи Эйзенхауэр письмами уведомил рад друзей и знакомых о своей готовности вступить в борьбу. Через несколько дней в Лондоне на похоронах короля Георга VI он встретился с членами своей «банды» Ричардсоном и Алленом, которые сообщили, что из 604 голосов, необходимых для номинации, они уже располагают примерно 450 голосами, а еще не менее семидесяти склоняются к поддержке его кандидатуры. Было ясно, что если не произойдет каких-нибудь непредвиденных событий, Эйзенхауэра выдвинут в президенты уже в первом туре.

Правда, Эйзенхауэр продолжал сетовать, что скорее всего проиграет, а если выиграет, то его ожидают тяжкие годы. Издателю Сульцбергеру он говорил: «Тот, кто действительно стремится стать президентом, просто глупец. Это значит пожертвовать четырьмя или большим числом лучших лет своей жизни»[{511}]. Похоже, что в таких заявлениях, которые делались и другим лицам, Дуайт не был искренен — он лицемерил или, говоря мягче, боялся сглазить.

Так или иначе, но, оставаясь в Париже, он готовился вступить в президентскую гонку во всеоружии: изучал документы по финансированию строительства, в частности при государственных субсидиях, по субсидиям фермерам и по массе других экономических вопросов. Мировые проблемы он обсуждал со сторонником Республиканской партии юристом Джоном Фостером Даллесом, общепризнанным экспертом по внешней политике (он участвовал в учредительной конференции ООН, был соавтором плана Маршалла, в 1950–1952 годах работал советником Госдепартамента), в 1950 году опубликовавшим книгу «Война или мир» с критикой внешней политики правительства Трумэна[{512}]. Особенно детально Дуайт советовался с Даллесом по вопросу о взаимоотношениях с СССР[{513}].

Эйзенхауэр считал, что здоровье позволит ему достойно выдержать четыре президентских года. Правда, врачи

предупреждали, что сказывались возраст (ему шел седьмой десяток), военные передряги и особенно курение (по несколько пачек сигарет в день), что сердце и желудок у него не совсем в порядке. Но и медики были единодушны, что по крайней мере один президентский срок он выдержит, по всей видимости, без серьезного ухудшения физического состояния{514}.

Начало предвыборной гонки

Одиннадцатого апреля 1952 года Эйзенхауэр представил Трумэну доклад о состоянии НАТО, выдержанный в весьма оптимистических тонах. Главным достижением он считал договоренность о включении Западной Германии в Европейское сообщество, которое оставалось лишь оформить. 27 мая был подписан договор о создании Европейского оборонительного сообщества в составе Франции, ФРГ, Италии и стран Бенилюкса. Это означало, что будет создана европейская армия с участием Западной Германии, которая теперь официально превращалась из бывшего врага в союзника, на чем Эйзенхауэр настаивал в течение последнего года.

Сразу после доклада, 12 апреля, Эйзенхауэр объявил о своей отставке с поста главнокомандующего силами НАТО. Трумэн ответил кисло-сладким письмом с выражением огорчения по поводу отставки и надежды, что «Вы будете счастливы в своей новой роли»{515}.

Первого июня генерал Эйзенхауэр возвратился в США. Он нанес визит вежливости Трумэну, а затем отправился в город Канзас. Собравшиеся в аэропорту журналисты отметили забавный момент. Встречать Дуайта приехал влиятельный среди южных республиканцев губернатор штата Колорадо Дэн Торнтон. Подойдя к Эйзенхауэру, он на одном дыхании произнес «Кактыпожива…» и облапил гостя мощными ручищами. Журналисты писали, что Эйзенхауэр на секунду окаменел, его глаза вспыхнули, но он моментально овладел собой и ответил в том же духе: «Кактыпожива… Дэн»{516}. Кандидату в президенты приходилось приучать себя к любым неожиданностям и не подавать виду, что поведение нужного человека не нравится или даже шокирует.

Между тем положение Республиканской партии, хотя и остававшейся вторым номером политического истеблишмента, но в течение двадцати лет не стоявшей у власти, было, по всеобщему мнению, плачевным. Республиканцы в основном критиковали акции демократических президентов Рузвельта и Трумэна,

особенно жестко обрушивались на рузвельтовский «новый курс», сравнивая его то с коммунизмом, то с фашизмом, а Ялтинские соглашения 1945 года о послевоенной Европе считали капитуляцией Рузвельта перед советским диктатором. Именно в рядах республиканцев был взращен мракобес Джозеф Маккарти, который стал сенатором в 1946 году и сразу же приступил к «выявлению коммунистов» в высших государственных органах США. 9 февраля 1950 года, выступая в Республиканском женском клубе в городе Вилинге, штат Западная Вирджиния, Маккарти заявил: «У меня на руках список из 205 сотрудников Госдепартамента, которые оказались либо имеющими членский билет, либо безусловно верными Коммунистической партии, но, несмотря на это, всё еще формируют нашу внешнюю политику». Затем сенатор объявил, что пополнил свой список еще тремя тысячами американских чиновников. Помимо лиц, с сочувствием относившихся к СССР, там были гомосексуалисты, которых он считал особо приверженными коммунистическим идеям{517}.

Не только Маккарти, но и многие другие республиканские политики из числа «старой гвардии» ставили в вину Трумэну приход коммунистов к власти в Китае, а план Маршалла резко осуждали, правда, не в столь резких выражениях, как филиппики Маккарти, который однажды заявил о государственном секретаре Маршалле, что его «участие в конспирации столь огромно, его бесславие столь черно, что такое унижение никогда не было видано в истории»{518}.

Многие республиканцы не уставали повторять, что правление демократов было «двадцатью годами предательства». «GOP» («Great Old Party» — «Старая великая партия»), как называли в Америке республиканцев, явно полиняла. На президентских выборах 1952 года приходилось рассчитывать на популярность не столько партии, сколько личности, выдвигаемой ею.

В ходе предвыборной кампании Эйзенхауэр находился в весьма сложном положении. С одной стороны, почти все предыдущие годы со времени Второй мировой войны он, будучи беспартийным, являлся главным представителем правительств Рузвельта и Трумэна в Европе. Он отказался от захвата Берлина, сочтя, что право войти в столицу Германии должно принадлежать Красной армии; поддерживал дружеские отношения с маршалом Жуковым и стоял радом со Сталиным на трибуне Мавзолея в 1945 году; он был ярым сторонником плана Маршалла и высказывал одобрение другим направлениям внешней политики Трумэна. С другой стороны, ему необходимо было заручиться поддержкой республиканского электората, а для этого установить деловые контакты и даже демонстрировать дружеские чувства к тем, кто

оказывал влияние на избирателей: губернаторам, членам палаты представителей, сенаторам и др.

Именно поэтому почти всю избирательную кампанию Эйзенхауэр построил на вопросах внутренней политики, к которым почти не имел отношения и по которым действительно сильно расходился с демократами.

Четвертого июня Дуайт в родном городе Абилине впервые выступил в качестве кандидата в президенты по телевидению, которое только начинало входить в обыденную жизнь американцев. Речь была посвящена исключительно внутренним проблемам страны. Сам Эйзенхауэр был недоволен дебютом, но только по форме. Выступал он, как было задумано, на открытом воздухе. Моросил дождь. Генералу было неудобно и непривычно в гражданском плаще, который, он считал, сидел на нем неуклюже. Он не говорил как бы спонтанно, как привык, а монотонно читал текст речи по бумажке. Однако содержанием его речи республиканцы, включая консервативную «старую гвардию», были удовлетворены.

Дуайт выступил против инфляции, высоких налогов, централизованного государственного управления, «бесчестия и коррупции», за расширение прав штатов. Внешней политике он посвятил лишь одну-две минуты: явно подыгрывая тем, на кого должен был опираться на выборах, заявил, что проведение Ялтинской конференции «в обстановке секретности» было ошибкой (а как иначе могла проводиться встреча глав союзных держав в условиях войны?), что неудачей США стала потеря Китая, но в то же время признал «полную тщетность любой изоляционистской политики»{519}.

Эта речь задала тон всей предвыборной кампании. Основные положения абилинского выступления повторялись затем в десятках речей Дуайта перед избирателями и на столь же частых пресс-конференциях. Из внешнеполитических и военных вопросов Эйзенхауэр наиболее детально останавливался на корейской войне: занимая умеренную позицию, воздерживался от призывов к полному разгрому северокорейской и китайской армий на полуострове и тем более применению против них атомного оружия. На слушателей производили глубокое впечатление заявления, что США должны оказывать помощь Южной Корее, чтобы она могла самостоятельно защищать свои рубежи, тогда как силы ООН (подразумевались американские войска) оставались бы на «резервных позициях»{520}.

Что же касается взаимоотношений с Советским Союзом, то кандидат предпочитал отделываться шутками, основным содержанием которых было недовольство преувеличением

советской мощи и опасности первого удара со стороны СССР. Однажды он даже заявил, что не верит в басню, что каждый русский имеет рост 14 футов (более четырех метров), и уже более серьезным тоном продолжал, что если американцы сплотятся, у них не будет никаких оснований бояться русских. Он переводил вопрос в плоскость экономического и геополитического соревнования, заявляя, что Америка должна направить усилия на оказание помощи третьему миру в «избавлении его от нетерпимости, невежества, безразличия, голода, болезней и чувства безнадежности»{521}.

Единственную речь, почти полностью посвященную внешней политике, он произнес 25 августа в Нью-Йорке в зале «Медисон-сквер-гарден» перед членами ветеранской организации «Американский легион»{522}. Оратор обвинил администрацию Демократической партии в том, что она не смогла закрепить результаты войны и позволила СССР значительно упрочить позиции; подчеркнул, что США должны перехватить у СССР идеологическую инициативу, добиться, чтобы каждый народ «выбирал себе правительство» и «сбросил ярмо коммунистической деспотии». Фактически в речи был выдвинут призыв к освобождению Восточной Европы от советского влияния{523}.

На пресс-конференциях часто приходилось сталкиваться с неудобными вопросами, порожденными слухами, которые распространяли политические противники, и просто чудовищными сплетнями, подчас носившими расистский характер. Например, Эйзенхауэра спрашивали, не является ли его фамилия еврейской. Как надо было ответить на такой вопрос? Начать доказывать, что он происходит не из еврейской, а из немецкой семьи, означало лить воду на мельницу антисемитов. Такой поворот сразу же вызвал бы гнев довольно сильного в США, особенно в Нью-Йорке, еврейского лобби, не говоря уже о том, что Дуайта совершенно не интересовала национальность людей, с которыми ему приходилось иметь дела, важны были их деловые и личные качества. Услышав подобные вопросы, Дуайт тотчас заявлял, что он гордился бы принадлежностью к древнему народу, но, к сожалению…

Вскоре о национальности спрашивать перестали. Но вопросы, была ли у генерала «фронтовая жена» по имени Кей Саммерсби, не собирается ли он разводиться с Мейми, не является ли Мейми алкоголичкой, появлялись вновь (слухи, что его жена злоупотребляет крепкими напитками, распространялись уже несколько лет и были связаны с болезненным состоянием Мейми и с тем, что она редко появлялась на публике, проводя

значительную часть дня в постели).

Когда такого рода вопрос был задан впервые, Эйзенхауэр просто растерялся. Он откинулся на спинку стула, сделал глубокий вдох и произнес: «Я не думаю, что в течение последних восемнадцати месяцев Мейми вообще выпила что-нибудь крепкое»{524}. Этот вопрос неоднократно повторялся на следующих встречах с прессой, и каждый раз Эйзенхауэр ссылался на свой первый ответ.

Номинация

К собственному удивлению и к недоумению тех, кто видел в нем только профессионального военного, Дуайт быстро овладел искусством общения с прессой, выступлений перед разнородной аудиторией, без чего на политический успех рассчитывать было невозможно.

Пятого июля Эйзенхауэр приехал в Чикаго, где на следующий день начал работу съезд Республиканской партии. Пять дней на съезде шла открытая и закулисная борьба за выдвижение. Основным соперником был опытнейший политик Роберт Тафт, глава республиканской фракции в сенате, который на первичных выборах несколько опередил Эйзенхауэра. Руководители кампании Эйзенхауэра, возглавляемые столь же известными политиками Т. Дьюи (кандидатом в президенты на предыдущих выборах) и массачусетсским сенатором Г. Доджем, обвинили Тафта в «краже» голосов делегатов от Техаса и Джорджии, выступавших за Эйзенхауэра, путем подмены их своими участниками съезда. После долгих дебатов съезд поддержал «честную игру», в результате чего прибыли новые делегаты, чье мнение должно было определить исход голосования. Съезд проходил в напряженной обстановке. Крики проклятий перемежались возгласами одобрения, чтобы вновь смениться коллективными ругательствами.

Первый тур голосования состоялся 11 июля. За Эйзенхауэра было подано 595 голосов, тогда как для выдвижения требовалось 604. Казалось, что предстоит новый тур. В этот момент на трибуну поднялся руководитель делегатов из штата Миннесота Уоррен Бергер и объявил, что они решили отдать все голоса Эйзенхауэру. Вслед за этим с аналогичными заявлениями выступили представители других делегаций. Раздались призывы к Тафту снять свою кандидатуру, чтобы выдвижение Эйзенхауэра оказалось почти единогласным. Тафт, однако, ответил резким отказом{525}. В результате за Эйзенхауэра было подано 845

голосов, за Тафта — 280, за губернатора Калифорнии Эрла Уоррена — 77 и за генерала Дугласа Макартура, который хвалился, что на заключительном этапе станет единственным кандидатом, — всего четыре.

Так Эйзенхауэр стал республиканским кандидатом на президентских выборах. Теперь ему предстояло назвать кандидата в вице-президенты. К удивлению многих участников съезда и политических наблюдателей, Эйзенхауэр предложил баллотироваться вместе с ним молодому сенатору Ричарду Никсону. По мнению исследователей, эта кандидатура (Никсон слыл заядлым антикоммунистом и поддерживал контакт с Д. Маккарти) должна была в какой-то мере компенсировать умеренные позиции Эйзенхауэра по международным вопросам и его прошлые «грехи» — «уступки» Советскому Союзу в конце войны{526}.

Пара Эйзенхауэр — Никсон была подобрана для того, чтобы как можно надежнее обойти демократического кандидата — губернатора штата Иллинойс Эдлая Стивенсона, слывшего либералом левого толка, интеллектуалом и прекрасным оратором. Многие наблюдатели считали, что Стивенсон был готов на уступки в холодной войне{527}.

В статусе кандидата Эйзенхауэр сразу же продемонстрировал, что первой его задачей является восстановление нарушенного на съезде единства Республиканской партии. По окончании заседания он направился в отель, где остановился Тафт, и, встретившись с ним, предложил позабыть прошлые раздоры и работать в тесном союзе. Тафту ничего не оставалось, как принять предложение. Они вышли в вестибюль к ожидавшим журналистам. На следующий день их совместное фото появилось во многих газетах{528}. Эйзенхауэр добился своего: Тафт стал виднейшим членом его команды, далеко не всегда послушным, отстаивавшим свое мнение, но во всех случаях лояльным.

Теперь Эйзенхауэр должен был уйти с военной службы. Немедленно после номинации он продиктовал текст телеграммы в высшие военные инстанции о своей отставке. У присутствовавших при этом братьев Милтона и Артура были слезы на глазах{529}. Дуайт держал себя в руках, но испытывал схожие чувства. Он расставался со службой, которая началась более сорока лет назад и заслуженно вознесла его к мировой славе. Каков будет результат президентской гонки, никто не мог предсказать, как и предвидеть, как в случае победы сложится его пребывание на высшем государственном посту.

На заключительном заседании съезда 12 июля он произнес традиционные благодарности за выдвижение и сформулировал

некоторые позиции, которые намеревался отстаивать в ходе дальнейшей борьбы. Он почти не касался внешней политики. «Я знаю кое-что о ведении крестового похода, — говорил Эйзенхауэр. — Я принимаю вызов. Я возглавлю этот крестовый поход». Он провозгласил, что будет проводить программу прогрессивной политики, «почерпнутую из наших лучших республиканских традиций»{530}.

Последовали поздравления и слова одобрения от многих друзей, товарищей по воинской службе, от массы незнакомых американцев и зарубежных деятелей. Особняком стояло письмо генерала Маршалла, занимавшего пост госсекретаря. Поздравив кандидата, Маршалл пообещал, что в связи с атаками в его адрес со стороны многих республиканцев будет строго воздерживаться от каких-либо контактов с их кандидатом, чтобы не причинить вред его делу. В ответном письме Дуайт просто проигнорировал этот жест генерала-дипломата, дав понять, что высоко ценит их совместную работу и надеется на ее продолжение{531}.

Став кандидатом, Эйзенхауэр прежде всего подобрал штат сотрудников, которым мог полностью доверять и которые имели опыт и знали возможные перипетии избирательной кампании. В состав «команды» вошли Шерман Адаме — именно он за кулисами съезда добился передачи Эйзенхауэру недостающих голосов; Артур Саммерфилд, ставший национальным секретарем Республиканской партии; Джеймс Хагерти, работавший пресс-секретарем Т. Дьюи, а теперь полностью переключившийся на избирательную кампанию.

По инициативе Эйзенхауэра, которая вначале была встречена в штыки, а затем поддержана его советниками, избирательная кампания была начата на Юге. В этом регионе белая часть населения обычно поддерживала демократов — скорее по традиции, чем по реальным политическим причинам. Республиканская партия отождествлялась здесь с Севером, против которого южане боролись в Гражданской войне. Дуайт полагал, что именно здесь он должен разъяснить избирателям, что его политика будет полностью соответствовать их интересам. При этом предполагалось занять осторожную позицию по вопросам, связанным с положением чернокожих: выступать за предоставление им избирательных прав, за десегрегацию, но подчеркивать, что изменения должны проводиться медленно и осторожно, причем по инициативе штатов, а не федерального правительства.

Именно с южных штатов было решено начать поездку по стране на специальном поезде, который бы останавливался даже на самых маленьких станциях, чтобы кандидат мог пообщаться с

населением.

Разумеется, в ходе кампании пришлось уделять значительное внимание внешнеполитическим вопросам. Главное изменение, которое Эйзенхауэр собирался осуществить в этой области, состояло в отказе от политики «сдерживания» СССР и переходе к курсу на освобождение стран-сателлитов. Как показало дальнейшее развитие событий, это были в основном не реальные действия, а пропагандистские лозунги. Но даже они были опасны, так как явно не способствовали ослаблению международной напряженности. Несмотря на разного рода оговорки по поводу «мирного» освобождения стран Центральной и Юго-Восточной Европы и Восточной Азии, было ясно, что такой курс, если даже считать его морально оправданным, означает вмешательство во внутренние дела других государств, что было несовместимо с международными нормами. Эйзенхауэр стал сторонником доктрины «освобождения» явно под влиянием Д.Ф. Даллеса, с которым консультировался по этому вопросу{532}. Доктрина «освобождения от коммунизма», однако, имела и чисто прикладную направленность — должна была привлечь на сторону Эйзенхауэра голоса не только консервативных избирателей, но и многочисленных беженцев из Восточной Европы.

Впервые Эйзенхауэр провозгласил свою доктрину «освобождения» 24 августа 1952 года на собрании ветеранской организации «Американский легион» в Нью-Йорке. Он говорил, что США должны использовать свои влияние и силу, чтобы помочь европейским народам «сбросить ярмо российской тирании». Он заявил, что в случае избрания его президентом немедленно проинформирует правительство СССР, что Америка «никогда не признает советскую оккупацию Восточной Европы», что помощь США порабощенным народам не прекратится, пока они не будут освобождены{533}.

Казалось, кандидат от республиканцев призывает к войне против СССР, которая теперь могла быть только атомной. Но думал он совершенно иначе. Еще в апреле в переписке с Д.Ф. Даллесом он поставил вопрос: что делать Соединенным Штатам, если в орбите советского влияния окажется какое-либо новое государство, причем это будет достигнуто политическими, а не военными средствами? «По моему мнению, — заметил он, — это тот случай, когда теория “отмщения” никуда не годится»{534}.

Уже в ходе избирательной кампании реально формировалась несколько иная политика по отношению к странам Восточной Европы, да и сами термины «освобождение», «отмщение» вскоре исчезли из риторики Эйзенхауэра и его сторонников. Даже Даллес, выступая перед репортерами, пояснял, что под

«освобождением» подразумевает сосредоточение усилий на обнаружении трещин в советском блоке и постепенном их расширении, добиваясь выхода этих стран из-под решающего влияния Москвы{535}. Но даже таким поворотом риторики Даллеса Эйзенхауэр был недоволен. Он позвонил своему внешнеполитическому советнику и попросил во всех подобных случаях добавлять слова об осуществлении американских целей в советской сфере влияния «всеми возможными мирными средствами»{536}.

В ходе кампании немалые проблемы Эйзенхауэру создавало истерическое поведение сенатора Маккарти, который в любых взглядах, отличных от крайнего консерватизма, видел влияние «руки Москвы» и готовился начать «охоту за ведьмами» и в государственном аппарате, и в сфере культуры и науки, особенно в области кинематографии. Эйзенхауэру были ненавистны эскапады Маккарти, но он должен был считаться с тем, что не очень грамотный, но чересчур эмоциональный сенатор оказывал существенное влияние на общественное мнение, а точнее, на толпу, которой с помощью популярного лидера можно сравнительно легко манипулировать. А эта толпа верила Маккарти, что «ялтинское предательство», оккупация Советским Союзом Восточной Европы и, в частности, Восточной Германии, приход коммунистов к власти в Китае, создание в СССР атомного оружия — все эти беды были результатом действий грандиозной советской шпионской и агентурной сети, которая охватывает даже самую верхушку администрации США.

Особо важным внешнеполитическим вопросом, на котором Эйзенхауэр останавливался почти в каждом выступлении, была ситуация в Корее, где в течение двух лет шли переговоры о перемирии, сопровождавшиеся прекращением и новым возобновлением военных действий, шедших с переменным успехом. Эйзенхауэр придерживался средней линии: выражал несогласие с Тафтом, который предлагал убрать американские войска с полуострова, и решительно отвергал требования Макартура добиваться полной победы, даже путем применения атомного оружия. Несколько раз Эйзенхауэр заявлял (правда, довольно неопределенно), что в случае избрания ему следовало бы отправиться в Корею, чтобы содействовать восстановлению там спокойствия и мира{537}.

В этих условиях пойти на конфронтацию с Маккарти означало нарушить связи со «старой гвардией» республиканцев и с широкими кругами населения, зомбированных истериками Маккарти. Эйзенхауэр поступал осторожно. После заявления Никсона, что Маккарти — активный член республиканской

команды и поэтому Эйзенхауэр поддерживает его, сам Дуайт на пресс-конференции в конце августа, не опровергая слов напарника, добавил: «Я не собираюсь безоговорочно одобрять действия любого человека, которые, как я полагаю, являются антиамериканскими по своим методам и процедурам».

Когда же его стали настойчиво спрашивать, как он относится к обвинениям в адрес госсекретаря Маршалла, Дуайт не выдержал и воскликнул, что этот генерал (волнуясь, он нередко возвращался к военному лексикону) — «человек подлинной самоотверженности», добавив: «Я не потерплю, когда кто-либо попытается найти в его прошлой службе нашей стране хотя бы что-то, за что можно критиковать»{538}. Имя Маккарти названо не было, и масса рядовых граждан не обратила на эти слова особого внимания, но компетентным людям было ясно, кто именно имеется в виду.

Путешествие по штатам началось 2 сентября. Для агитационной кампании был оборудован специальный поезд, который назвали «Гляди вперед, сосед!». В поездке Дуайта сопровождала Мейми, которая, несмотря на болезненное состояние, держалась отлично и оказывала «домашнее» воздействие, преимущественно на женскую аудиторию, каждый раз появляясь рядом с мужем, приветливо улыбаясь из-за его плеча и посылая аудитории воздушные поцелуи. Первым помощником являлся Шерман Адаме. В команду входили около трех десятков советников и экспертов в самых различных областях политики, экономики, международных отношений, а также представители прессы. Важную помощь оказывал Милтон, который участвовал в подготовке выступлений.

Верный своей давней привычке, Дуайт не принимал на веру ни один текст, тщательно их проверял, вносил исправления, требовал дополнительную информацию. Советникам иногда даже казалось, что шеф придирается, так как он вторгался не только в суть, но и в стилистические особенности и даже в грамматику, где, скажем правду, его советники были несравненно компетентнее. Правда, его замечания по поводу стилистики и грамматики обычно касались того, что он считал сложным для восприятия. К примеру, он потребовал, чтобы все латинские выражения, даже такие обычные, как «статус-кво», были исключены, так как могут быть непонятны широкой аудитории.

Команда заранее готовилась к «внезапным» остановкам поезда (в США их иронично называют «whistle stop» — «остановки по свистку»). Дело изображалось так, будто на такой-то крохотной станции собралась толпа местных фермеров и других простых людей (подготовленных местными боссами

Республиканской партии), и поезд делал остановку по их требованию.

Дуайт выходил на ступени заднего вагона и произносил «экспромтом» речь, на самом деле подготовленную заранее. Так у избирателей создавалось впечатление, что республиканский кандидат знает местные проблемы. Он повсеместно разоблачал вашингтонских бюрократов и призывал слушателей присоединиться к нему в «крестовом походе». Так название его книги, которое ранее было использовано на съезде партии, стало ключевым лозунгом кампании.

Эйзенхауэру уже шел 62-й год, но он сохранял бодрость, активность, а в тех случаях, когда сильно уставал, не давал возможности присутствующим ощутить это. По подсчетам его штаба, он проделал на своем поезде путь в пятьдесят одну тысячу миль (свыше восьмидесяти тысяч километров), что составляет две длины земного экватора; побывал в сорока пяти из сорока восьми существовавших в то время штатов, выступил в 232 населенных пунктах{539}.

Своеобразным апофеозом избирательной кампании явилось выступление в Детройте 24 октября. Эйзенхауэр объявил, что немедленно после выборов (он делал вид, что уверен в победе) «позабудет все отвлекающие политические маневры и сконцентрируется на одном деле — окончании корейской войны»: «Это дело требует личной поездки в Корею. Я эту поездку совершу. Только таким образом я смогу выяснить, как мне послужить наилучшим образом американскому народу в деле мира. Я отправлюсь в Корею».

Вдумчивые наблюдатели пришли к выводу, что этим заявлением Эйзенхауэр обеспечил себе победу. Репортер агентства «Юнайтед пресс» демонстративно собрал свои вещи и покинул поезд кандидата, заявив, что теперь ему там делать нечего{540}. Речь была встречена с энтузиазмом, хотя сам Эйзенхауэр еще не знал, как закончить войну на полуострове. Заявление носило явно пропагандистский характер, было рискованным, если не сказать авантюрным.

Победа на выборах и отклики на нее

Президентские выборы состоялись 4 ноября. Эйзенхауэр получил 34 миллиона голосов (55,2 процента), Стивенсон — 27,4 миллиона (44,3 процента). 0,2 процента достались кандидату от Прогрессивной партии Винсенту Хэллинану, 0,3 процента — другим кандидатам от малых групп. За Макартура, кандидата от

фиктивной Конституционной партии, проголосовали 17 205 человек, что составило менее десятых долей процента{541}. Это был конец едва начавшейся политической биографии боевого генерала.

Выборы в США являются непрямыми. Избиратели голосуют не за того или иного кандидата, а за представляющих партию выборщиков, которые затем собираются в Вашингтоне и избирают президента. Но это лишь условная юридическая процедура, так как выборщики имеют императивный мандат, то есть голосуют только за того кандидата, которого они представляют. По результатам голосования выборщиков победа Эйзенхауэра была намного более убедительной. За ним шли 442 выборщика, за Стивенсоном — 89. Остальные кандидаты не получили ни одного места в коллегии выборщиков.

Эйзенхауэр наблюдал за ходом выборов из своей резиденции в нью-йоркском отеле «Коммодор». В половине второго ночи 5 ноября, когда стало ясно, что он победил, он выслушал по телефону поздравление Стивенсона и собирался отправиться спать. К нему, однако, подошла Клэр Люс, супруга журнального магната, его рьяная сторонница, которая активно участвовала в предвыборной кампании, заявив: «Я знаю, господин президент, как вы устали. Но есть одна вещь, которую вы должны сделать». Дуайт последовал ее совету — позвонил 78-летнему предыдущему президенту-республиканцу Герберту Гуверу, покинувшему пост 20 лет назад. Почтительным разговором с Гувером Дуайт продемонстрировал верность республиканской традиции и уважение к старшему поколению{542}.

Наутро, когда Дуайт и Мейми собирались отправиться к себе домой в район Морнингсайд-Хайтс, они в первый момент удивились, что с ними в автомобиль садятся совершенно незнакомые люди. Лишь через мгновение Эйзенхауэр сообразил, что теперь является национальным достоянием, которое следует охранять самым тщательным образом, а севшие рядом с ним чужаки — агенты секретной службы. Дуайт Эйзенхауэр стал президентом Соединенных Штатов Америки.

На протяжении нескольких дней Эйзенхауэр получил огромное количество поздравлений от глав государств и правительств, политических и общественных деятелей и работников искусства, множества рядовых граждан США и всего мира. Единственное крупное государство, которое не откликнулось на результаты выборов, — СССР.

Перед выборами советская пропаганда всячески ругала Эйзенхауэра, называла его поджигателем войны, ссылаясь на тезис об «освобождении» стран Восточной Европы.

Незадолго до выборов на приеме в польском посольстве в Вашингтоне видный журналист, корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон спросил посла Йозефа Виневича, может ли тот по своим каналам узнать, какова будет реакция Сталина, если победит Эйзенхауэр. Вскоре Рестону сообщили ответ руководителя СССР: «Избрание генерала Эйзенхауэра будет равносильно победе на выборах в Германии генерала Шляйхера». Рестон хорошо знал, что Шляйхер был непосредственным предшественником Гитлера на посту рейхсканцлера. Журналист позвонил польскому послу и попросил передать в Москву: «В Америке это невозможно. Здесь никогда не будет фашизма»{543}.

Сразу после объявления результатов голосования выборщиков Рестон написал письмо в посольство СССР в Вашингтоне, в котором содержалась просьба к главе советского правительства дать ответы на вопросы в связи с избранием Эйзенхауэра: «1. В момент наступления Нового года и прихода новой администрации США придерживаетесь ли Вы еще своего убеждения, что Советский Союз и США смогут в предстоящие годы жить мирно? 2. Где, по Вашему мнению, источники современного международного напряжения? 3. Будете ли Вы приветствовать дипломатические переговоры с представителями новой администрации Эйзенхауэра для рассмотрения возможности встречи между Вами и генералом Эйзенхауэром по вопросу об ослаблении международной напряженности и с целью положить конец войне в Корее?»

Ответ Сталина поступил сравнительно быстро. Он был датирован 21 декабря — днем рождения Сталина, что могло служить хорошим предзнаменованием. Вопросы, правда, были несколько отредактированы. Общая тональность ответов Сталина была достаточно мирной: «Я продолжаю верить, что войну между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом нельзя считать неизбежной, что наши страны могут и впредь жить в мире». На третий вопрос журналиста Сталин ответил кратко: «Я отношусь к такому предложению положительно» и «Я согласен сотрудничать, так как СССР заинтересован в ликвидации войны в Корее»{544}.

Публикация ответов Сталина вызвала многочисленные отклики в американской печати и официальных кругах Вашингтона. Будущий госсекретарь Даллес, поговорив с Эйзенхауэром, заявил: «Если это означает, что у господина Сталина имеются конкретные предложения для нового правительства после того, как оно приступит к исполнению своих обязанностей, он может быть уверен, что они будут встречены серьезно и сочувственно». «Нью-Йорк таймс» напечатала

интервью Рестона на первой полосе, сопроводив его портретом Сталина{545}.

Так что, по крайней мере внешне, создавалось впечатление, что существует надежда на улучшение советско-американских отношений. В то же время ни сам Эйзенхауэр, ни ответственные представители его администрации никак не прореагировали на заявление Сталина о возможности встречи. По всей видимости, Эйзенхауэр был убежден, что в действительности Сталин не собирается встречаться ни с ним, ни с другими западными лидерами, что его ответ лишь маскирует наращивание советских военных усилий. Известный журналист Луис Фишер высказал в газете «Таймс геральд» мнение, что готовность Сталина встретиться с Эйзенхауэром для обсуждения мировых проблем, включая урегулирование в Корее, «была встречена вчера в официальных кругах либо холодным молчанием, либо крайне скептически»{546}.

В это время в СССР разворачивалось «дело врачей», обвиненных во вредительстве, убийстве партийных руководителей и шпионаже в пользу Запада{547}. Эйзенхауэр выступил с официальным заявлением, решительно отвергая существование каких-либо связей арестованных с американскими государственными службами{548}.

Сверхдержавы вступали в новый этап гонки вооружений. 12 августа 1953 года на Семипалатинском полигоне был произведен первый испытательный взрыв термоядерного оружия — водородной бомбы в 400 килотонн (в 20 раз мощнее атомных бомб, сброшенных на японские города), а 1 ноября на атолле Эниветок в Тихом океане была взорвана первая американская водородная бомба еще большей мощности (в 150 раз мощнее атомных бомб 1945 года). Американский арсенал атомных бомб быстро пополнялся: по приказу Трумэна ежедневно создавался один ядерный заряд. К началу 1950-х годов был накоплен такой ядерный боезапас, который превышал взрывчатую силу всего оружия, использованного всеми участниками Второй мировой войны. В суммарной мощности ядерного оружия СССР сильно отставал от США, хотя американская пресса, разжигая военную истерию, уверяла в обратном.

Но проблема ядерного паритета была второстепенной — у каждой из сверхдержав хватило бы боеприпасов для полного уничтожения противника. Проблема была в средствах доставки ядерных зарядов к цели. В этом смысле США, имевшие военные базы в Западной Европе и Турции, пока имели большое преимущество перед СССР. Они могли нанести удар при помощи бомбардировщиков дальнего действия, тогда как территория

США оставалась неуязвимой.

На следующий день после избрания Эйзенхауэр получил поздравительную телеграмму от Трумэна, в которой было сказано с определенной ехидцей, что пока еще действующий президент готов предоставить в его распоряжение свой самолет для визита в Южную Корею, «если Вы все еще собираетесь туда отправиться». Дуайт ответил, что ему подойдет любой самолет…{549}

Глава третья. ПОДГОТОВКА К ВСТУПЛЕНИЮ В ДОЛЖНОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА

Формирование правительства и штата Белого дома

Эйзенхауэр действительно собирался в ближайшее время отправиться на Корейский полуостров, но прежде всего было необходимо заняться подбором членов правительства и штата Белого дома — как политического, так и технического, почти столь же важного, так как он обеспечивал повседневную президентскую работу. Дуайт не привлек в свою администрацию ни одного из старых друзей, хотя они, и прежде всего члены «банды», оставались его ближайшими советчиками.

Исключительно важной Эйзенхауэр считал должность государственного секретаря. К моменту избрания у него не осталось сомнений, что этот пост займет Джон Фостер Даллес. Отношения с ним носили сугубо официальный характер, но к его мнению Эйзенхауэр прислушивался, считая его наиболее крупным американским экспертом в области внешней политики. Эйзенхауэр ценил не только эрудицию Даллеса, но и его великолепную память, знание малейших деталей из истории и практики международных отношений, готовность отстаивать свое мнение. Дуайт как-то сказал, что знает только одного человека, который «видел в окружающем мире больше [чем Даллес] и говорил с большим числом людей, и знает больше»{550}, — себя. Конечно, это была шутка, но, как известно, в каждой шутке есть доля правды.

Однако многие из тех, кто знал Даллеса, считали, что он склонен к патетике, любит читать нравоучения, полагали, что его фамилия (пишется *Dulles)* полностью соответствует его характеру («dull» означает «скучный»).

Дуайт знал, что Даллес консерватор, что он придерживается непримиримого курса по отношению к СССР и его сателлитам и будет выступать против компромиссов во взаимоотношениях с ними. В то же время вся полнота исполнительной власти находилась в руках президента, а Даллес был человек исполнительный, и Эйзенхауэр понимал, что в случае разногласий госсекретарь будет полностью следовать инструкциям руководителя. В следующие годы из всех членов правительства именно с Даллесом у Эйзенхауэра было наибольшее взаимопонимание, хотя и не сопровождавшееся

близостью.

Второй важнейший внешнеполитический пост — представителя США в ООН — следовало занять Лоджу Эйзенхауэр, правда, предложил ему должность помощника президента и руководителя аппарата Белого дома, но Лодж предпочел работу в ООН.

Третье важнейшее назначение несколько удивило. Министром обороны Эйзенхауэр назначил Чарлза Уилсона, президента крупнейшей автомобильной корпорации «Дженерал моторе». На заявления, что Уилсон не имеет никакого отношения к военной области, Эйзенхауэр отвечал, что непосредственно военными делами будут заниматься другие люди — министры родов войск, начальники штабов, а Министерство обороны — это прежде всего работодатель и покупатель всего необходимого для вооруженных сил.

В реальных условиях, когда одной из важнейших задач своего правительства Эйзенхауэр поставил сокращение государственных расходов, в частности на оборону, при сохранении военной мощи страны (опираясь на новые средства ведения войны — ядерное и разрабатываемое ракетное оружие), важным был пост министра финансов. Его получил Джордж Хамфри — президент кливлендской компании «Марк Ханна». С Хамфри Дуайт раньше никогда не встречался и избрал его лишь на основании рекомендаций. Президент позже говорил, что сделал правильный выбор — Хамфри оказался не только знающим специалистом и настойчивым администратором, с ним сложились непринужденные личные отношения. Перед министром финансов, как и перед всеми администраторами, была поставлена непростая задача — резко сократить бюджетный дефицит, который в 1953/54 году (бюджетный год начинается 1 июля) составлял около десяти миллиардов долларов{551}.

Как в свое время Франклин Рузвельт, Эйзенхауэр считал, что в правительстве должна быть хотя бы одна женщина. Он знал Овету Хобби еще с войны, когда она руководила Женской вспомогательной военной службой. После войны Хобби издавала газету в Техасе. Эйзенхауэр предполагал взамен разнородных социальных служб создать единое Министерство здравоохранения, социального обеспечения и образования (опять-таки прежде всего для экономии средств) и наметил именно Хобби на пост его главы. Таким назначением президент демонстрировал широкий подход, привлекая в кабинет не только однопартийцев (Овета являлась членом Демократической партии).

Другим важным постом с точки зрения будущей социальной

политики являлась должность министра труда. Она была тем более значительной, что правительству предстояло сказать свое слово по поводу действовавшего с 1947 года закона Тафта — Хартли, ограничившего права профсоюзов, вводившего восьмидесятидневный «охладительный период» перед стачками, отменявшего практику принятия на работу и увольнения только с согласия профсоюзов, запрещавшего стачки солидарности и бойкотирование предприятий.

Эйзенхауэру, не собиравшемуся существенно изменять этот закон, была необходима поддержка рабочего движения в его сохранении. Пост министра труда был предложен Мартину Деркину, председателю профсоюза водопроводчиков. Тот, правда, настаивал на существенном изменении закона Тафта — Хартли, но Эйзенхауэр надеялся убедить его, что этот акт охраняет права рабочих, не связанных с официальными профсоюзами, и обеспечивает надежный баланс между рабочими и предпринимателями.

Вскоре правительство Эйзенхауэра стали называть кабинетом восьми миллионеров и одного водопроводчика{552}. Деркин, правда, вскоре пришел к выводу, что среди миллионеров ему не место, и через восемь месяцев ушел в отставку{553}.

Эйзенхауэр сознавал, что ни один из членов кабинета не имел опыта государственного управления, ведь республиканцы не стояли у власти два десятилетия. Правда, военным министром у Рузвельта некоторое время был республиканец Генри Стимсон, но исключения лишь подтверждают правило. Тем не менее президент надеялся, что министры, имея навыки работы в частном бизнесе, деловую хватку, контакты в различных кругах и жизненный опыт, справятся с новыми обязанностями.

Примерно то же можно сказать о формировании штата Белого дома. Ключевой фигурой стал помощник президента Шерман Адаме, являвшийся ранее его правой рукой в избирательной кампании, проявивший отличные организаторские качества и жесткий стиль руководства. Ответственную роль в аппарате играл пресс-секретарь Джеймс (Джим) Хагерти, талантливый журналист, много лет работавший репортером газеты «Нью-Йорк таймс», а затем являвшийся помощником сенатора Дьюи, в частности во время двух его попыток стать президентом. Теперь Эйзенхауэр рассматривал Хагерти не только как связного с настырной и многоликой прессой, но и как доверенного советчика, прежде всего по вопросам международных отношений.

Еще одной значительной фигурой должен был стать помощник по связям с Конгрессом генерал-майор Уилтон (обычно

его называли Джерри) Персоне. Участник двух мировых войн, Персоне был хорошо известен Дуайту: он представлял Министерство обороны в Конгрессе, а во время службы Эйзенхауэра в НАТО был его помощником по связям с американской законодательной властью. Теперь Персонсу предстояло выполнять примерно тот же круг обязанностей, но на самом высоком уровне.

В 1947 году был образован совещательный орган при президенте — Совет национальной безопасности (СНБ), однако при Трумэне он существенной роли не играл. Эйзенхауэр же считал, что получение коллективных, согласованных советов опытных деятелей ему, не очень искушенному в политике, очень важно. Поэтому он решил созывать СНБ регулярно, включив в него трех министров (госсекретаря, министров обороны и финансов) и их заместителей, членов Объединенного комитета начальников штабов и директора ЦРУ. Для координации деятельности СНБ было создано Плановое управление во главе с генералом Робертом Катлером, чья должность стала называться «советник президента по национальной безопасности».

Наконец, немаловажной была роль личного секретаря президента. Еще в самом начале предвыборной кампании Дуайт выделил среди своих технических помощников 45-летнюю Энн Уитмен, имевшую длительный опыт секретарской работы, в частности в пропагандистской организации «Крестовый поход за свободу». Во время предвыборной кампании Эйзенхауэр убедился, что эта женщина обладает здравым умом, весьма компетентна в секретарской работе, умеет держать язык за зубами{554}. Энн стала его личным секретарем, служила ему верой и правдой на протяжении обоих президентских сроков. Дуайт был с ней совершенно откровенен, отлично зная, насколько точно и при необходимости в глубокой тайне она выполнит любое поручение. Историки же глубоко благодарны Уитмен, которая тщательно следила, чтобы ни одна бумажка президента не пропала, были зафиксированы все его телефонные разговоры и записано содержание всех бесед и совещаний. В результате в архиве возникла огромная секция Уитмен, дающая разностороннее представление о президентстве Эйзенхауэра.

Избранный президент вступает в должность только 20 января. Несколько месяцев Эйзенхауэры продолжали жить в доме президента Колумбийского университета (считалось, что, став командующим вооруженными силами НАТО и перебравшись в Париж, он только получил отпуск в университете). Готовясь к переезду в Белый дом, они паковали вещи, и, как шутила Мейми, перед ней всё время стояла проблема не перепутать, что из

меблировки и домашней утвари принадлежало семье, а что являлось собственностью университета{555}.

Поездка в Корею

Главной внешнеполитической инициативой перед вступлением Эйзенхауэра в должность президента явилась поездка в Корею, необходимость которой он подчеркивал в предвыборных выступлениях. Дуайт отправился в Южную Корею на крейсере «Хелена» 29 ноября 1953 года в сопровождении начальника Объединенного комитета начальников штабов Брэдли и намеченного на должность министра обороны Уилсона. По дороге, во время остановки на одном из тихоокеанских островов, к ним присоединился командующий Тихоокеанским флотом адмирал Артур Редфорд.

Именно по пути в Корею впервые произошло обсуждение внешнеполитической стратегии новой администрации. При этом четко обозначилась линия президента на сбалансированность бюджетных расходов и доходов, что сыграет решающую роль в период разработки новой оборонной стратегии и, соответственно, всей внешней политики США{556}.

Эйзенхауэр находился в Корейской Республике четыре дня, с 2 по 5 декабря 1953 года.

И генерал Марк Кларк, командовавший силами ООН (в основном американскими войсками) в Корее, и особенно президент Южной Кореи Ли Сын Ман уговаривали Эйзенхауэра, что единственно правильным решением было бы прервать переговоры, которые велись с июля 1951 года и не давали результата, подготовить и начать наступление, отогнать северокорейские и китайские войска на территорию Китая, за пограничную реку Ялу и воссоединить Корею под властью южнокорейского правительства. Однако Дуайт их почти не слушал; за время пребывания на прифронтовой линии он лишь дважды принял Ли Сын Мана, с первых слов разговора поняв, что у того за душой нет ничего, кроме упрямства и амбициозности.

Эйзенхауэр вспомнил свое военное прошлое. Он посещал части, беседовал с солдатами и офицерами. Стояла морозная погода. Южнокорейские власти позаботились о теплой одежде для президента — в теплых пальто и ботинках, меховой шапке ему холодно не было. Тем большим было его негодование при виде легко одетых солдат войск ООН. Поскольку не виделись разумные перспективы разрешения конфликта при помощи силы, Эйзенхауэр всё более утверждался в мнении, что войну надо

завершать компромиссом и как можно быстрее[557].

В этом его убеждали, в частности, разведданные, свидетельствовавшие, что позиции войск Северной Кореи и Китая сильны и для их прорыва потребуются дополнительные силы, которые должны были предоставить США (остальные участники войны, кроме Великобритании, продолжали ограничиваться символическими контингентами). Позже Эйзенхауэр писал: «Мой вывод, когда я покидал Корею, состоял в том, что мы не могли вечно удерживать статичный фронт и продолжать приносить жертвы без видимых результатов. При помощи слабых атак на невысоких холмах завершить войну было невозможно»[558].

Дуайт пока не мог принять решение о компромиссном мире по военным, политическим и моральным причинам, в частности из-за обоюдных обвинений сторон в военных преступлениях (расстрелах мирных жителей, применении американцами бактериологического оружия и т. д.). Американская сторона, заявлял Эйзенхауэр, готова на независимое международное расследование.

Намного сложнее был вопрос о военнопленных. Китайско-корейская сторона требовала их безусловного возвращения. Но проблема состояла в том, что большинство корейцев и китайцев, находившихся в южнокорейском плену, не желали быть выданными властям своих стран, понимая, что их ожидают обвинения в предательстве, расстрелы или концлагеря. Учитывая это и преследуя собственные политические цели, власти Южной Кореи требовали, чтобы условия соглашения предусматривали добровольное волеизъявление под международным контролем. Переговоры о перемирии тянулись уже почти год, конца им не было видно, а позиционная война тем временем продолжалась с переменным успехом.

На обратном пути Эйзенхауэр остановился на острове Гуам. Туда прибыли из США его ближайшие сотрудники — Даллес, Хамфри и др. На борту «Хелены» было проведено важное совещание по вопросам внешней политики. Некоторые из спутников уговаривали Дуайта обращать меньше внимания на Европу, поставить в центр внешнеполитической деятельности азиатские страны, которые, по мнению адмирала Редфорда и министра Уилсона, были более подвержены влиянию коммунистической идеологии. Эйзенхауэр возражал, что стабильность в Западной Европе, гарантированная НАТО, является основной целью, от которой зависит и решение азиатских проблем.

В то же время в ключевом вопросе, связанном одновременно с внешней и внутренней политикой, — о сущности военной и

внешнеполитической доктрины и, следовательно, о структуре вооруженных сил — разногласий не было. Эйзенхауэр утвердился в решимости придерживаться курса на «освобождение порабощенных наций», по возможности мирным путем, но развивая ядерное оружие и средства его доставки, одновременно сокращая обычные вооруженные силы и прежнее вооружение. И всё же и сам Эйзенхауэр, и близкие к нему политики понимали, что «освобождение» без массового применения средств насилия, без помощи со стороны НАТО может произойти только при чрезвычайных обстоятельствах, а искусственное создание таких обстоятельств — дело крайне опасное, могущее привести к непредвиденным результатам.

Эйзенхауэр отнюдь не собирался открывать ящик Пандоры. Поэтому во время совещания на «Хелене» было принято решение проводить по отношению к Китаю и всей той части Азии, которая находилась под коммунистическим влиянием, прежнюю политику «сдерживания», а не «освобождения». Это, в частности, определило курс на прекращение корейской войны.

Будущее показало, что «освобождение» являлось лишь пропагандистским лозунгом и никто, и прежде всего Эйзенхауэр, не собирался устраивать крупномасштабную войну ни в Европе, ни в любой другой части земного шара.

Когда «Хелена» прибыла на Гавайский архипелаг, на борт были приглашены американские и зарубежные журналисты. К их огромному удивлению, перед ними появился президент. До этого поездка проходила в глубокой тайне. Аппарат Эйзенхауэра поддерживал секретность визита регулярными фальшивыми сообщениями о том, чем занимается в Нью-Йорке избранный президент, кого он принял и т. д.

Заявление, с которым он теперь выступил, было весьма расплывчатым. В частности, было сказано: «Мы встретились с врагом, на которого можем повлиять не словами, а делами, диктуемыми обстоятельствами, [но] по нашему собственному выбору»{559}. На первый взгляд эти слова были подтверждением решимости вести войну до победного конца, даже с применением атомного оружия. Но и журналисты, и их читатели восприняли их совершенно иначе — как маскировку планов заключения мира.

В определенном смысле это так и было. Всем своим поведением в Корее Эйзенхауэр показывал необходимость идти на уступки во имя погашения опасного конфликта. Угрозы применения атомного оружия, которые первоначально раздавались из уст Макартура, теперь выступали своеобразным стимулом к прекращению войны.

Через несколько дней, возвратившись на родину, Дуайт

принял Макартура, который изложил фантастический план, чтобы Эйзенхауэр встретился со Сталиным и попытался договориться с ним об объединении Кореи (а заодно и Германии) при условии, что обе страны провозгласят постоянный нейтральный статус, который будет закреплен совместными гарантиями США и СССР. Если же договориться не удастся, следует прибегнуть к ядерной угрозе, а затем и к реальной атомной войне.

Эйзенхауэр внимательно выслушал Макартура. Но избранный президент отлично понимал, насколько нереалистичен его план — начиная с того, что старый, тяжелобольной и крайне подозрительный Сталин, который и в условиях войны неохотно встречался с главами союзных государств, теперь неизбежно отвергнет предложение. По существу, Макартур не оставлял иного выхода, кроме атомной войны. Эйзенхауэр завершил беседу словами: «Если мы расширим масштабы войны, мы должны быть уверены, что этим не оскорбим весь мир»[560].

Дуайт отлично сознавал, что сделанное им «секретное» заявление благодаря разговорчивости генерала скоро станет известно «городу и миру». Именно на это он и рассчитывал. Произошла вроде бы случайная, а на самом деле преднамеренная утечка информации о том, что о применении атомного оружия в Корее и Китае не может быть и речи.

Инаугурация

Перед инаугурацией Дуайт получил неожиданный подарок: в отпуск приехал его сын, участвовавший в корейской войне. Джон, получивший чин майора, усердно выполнял свои обязанности, участвовал в военных действиях. Перед его отправкой в Корею отец долго и серьезно беседовал с ним о том, кто будет заботиться о его жене и детях. Дуайт заверил сына, что Барбаре и детям будет обеспечена нормальная, спокойная жизнь, что они ни в коем случае не окажутся покинуты. Что же касается поведения сына на фронте, то отец был краток: главное — ни при каких обстоятельствах он не должен попасть в плен[561]. Такое заявление звучало для молодого офицера страшновато — фактически Дуайт призывал его предпочесть смерть сдаче врагу.

Однако непохоже, чтобы Джон в полной мере разделял его ура-патриотические чувства. Он явно находился под влиянием антивоенных настроений, господствовавших среди молодежи, особенно студенческой, после начала корейской войны. В США существовала обязательная военная служба, и любой мужчина

призывного возраста мог оказаться на фронте в далекой восточноазиатской стране. Джон, кадровый офицер, разделял мнение, что зашедшую в тупик войну надо завершать как можно быстрее{562}. Следует полагать, что пребывание единственного сына на передовой было в числе причин, по которым Эйзенхауэр стремился положить конец войне в Корее.

Пробыв пару дней с родителями, Джон отправился в город Хайленд-Фоллс, где жила его семья, а затем возвратился на инаугурацию с женой и тремя детьми — Дэвидом, Барбарой Энн и Сьюзен.

Однако теперь Дуайт уделял внукам меньше времени, чем раньше. Он постепенно вырабатывал новый распорядок дня. Поднимался он в шесть утра и во время легкого завтрака просматривал газеты (Дуайт еще не знал, что президенту США совсем не обязательно читать газетные тексты — каждое утро помощники готовили для него выборку важнейших материалов американской и зарубежной прессы). Правда, уже в 1952 году, незадолго до президентских выборов, у Дуайта появилась новая привычка — завтракать с подносом на коленях и одновременно смотреть телевизионные новости{563}.

Затем он выбирал деловой костюм из тех, которые были подготовлены с вечера. Бывший полководец, привыкший к военной форме, с трудом усвоил, что следует каждый день появляться в новом костюме, но со временем это вошло в привычку. С составлением гардероба проблем не было. Зная вкусы и все габариты избранного президента, фабриканты одежды посылали ему новейшие образцы; считалось, что костюм определенной фирмы на президенте — важная реклама для нее. Однако позже, осознав, что рекламировать тот или иной товар ему явно не следует, Эйзенхауэр стал шить костюмы на заказ{564}.

Рабочий день продолжался обычно с восьми утра до шести вечера с перерывом примерно на час для ланча вскоре после полудня. Впрочем, и после обеда с женой (американцы обедают вечером) он продолжал работать: изучал бумаги, принимал посетителей. Между одиннадцатью часами и полуночью вставал за мольберт, 30–40 минут посвящал портретам, а затем укладывался в постель, обычно с каким-то романом из жизни Дальнего Запада. Чаще всего это были боевики со всякого рода авантюрными историями — погонями, меткими выстрелами, самоотверженными друзьями, верными подругами, односложными ответами на вопросы о добре и зле. Все эти книжицы художественной ценности не представляли, но давали Дуайту возможность «размагнититься» перед сном.

Двадцатого января состоялся торжественный акт

инаугурации нового президента. Она проводилась в соответствии с программой, разработанной специальным комитетом по инаугурации, предусматривавшей все детали и расписанной по минутам: где собираются члены сената, палаты представителей и правительства, губернаторы, руководство вооруженных сил, куда они направляются и где размещаются, где располагаются послы и члены правительств зарубежных стран и т. д.{565}

Согласно традиции Дуайт со всей семьей (супругой, невесткой и внуками) направился в Белый дом, был встречен у входа уходящим президентом Гарри Трумэном с женой (любопытно, что, вопреки обычаю, внутрь покоев «на чашку кофе» новый глава государства приглашен не был). Затем они вместе в открытой машине в сопровождении эскорта мотоциклистов медленно проехали на Капитолийский холм, где уже собрались члены Конгресса, Верховного суда, дипломатического корпуса, высшие военные чины. В качестве почетного гостя на церемонии присутствовал последний республиканский президент (1929–1933) Г. Гувер.

По версии Эйзенхауэра, всю поездку президенты молчали. Дуайт только спросил, как Трумэн отправится в родной штат Миссури, и предложил воспользоваться президентским самолетом, но ответа не получил{566}. (Сразу после инаугурации Трумэн отправился в Индепенденс поездом.) Трумэн вспоминал об этом эпизоде иначе. Сначала вроде бы произошла пикировка. Эйзенхауэр вспомнил, что не присутствовал на инаугурации Трумэна в 1949 году, чтобы не отвлекать от него внимания, но получил ответный укол: «Дело в том, что я не пригласил вас. Если бы пригласил, вы бы присутствовали!» Затем, чтобы смягчить ситуацию, Трумэн спросил, знает ли его преемник, по чьему распоряжению его сын получил отпуск с корейского фронта. «Это сделал я», — гордо сказал он{567}.

Прошло лишь несколько минут, и президентские семьи поднялись по ступеням Капитолия.

Вначале принес присягу вице-президент Ричард Никсон. Затем Эйзенхауэр произнес слова клятвы верности американскому народу, американскому флагу и американской конституции, а вслед за этим председатель Верховного суда Фред Уинсон провозгласил его президентом Соединенных Штатов.

Дуайт Эйзенхауэр обратился к нации с программной речью, над которой он с помощниками работал более недели. Ее текст, по расчетам составителей, должен был удовлетворить максимальную часть избирателей, но в результате полностью не удовлетворил никого. Он начал выступление с молитвы, которая, разумеется, носила сугубо политический характер. Это был

первый случай в истории США, когда молитва была включена непосредственно в текст инаугурационной речи. Слова молитвы сам Эйзенхауэр придумал этим утром: «Всемилостивый Боже! Сейчас, когда мы стоим здесь, мои будущие коллеги по исполнительной власти присоединяются ко мне и вместе со мной просят Тебя сделать полной и целостной нашу преданность делу служения этим людям, которые собрались здесь, а также их соотечественникам везде и повсюду. Мы взываем к Тебе: дай нам способность четко отделить зло от добра и сделай так, чтобы в своих словах и поступках мы придерживались этой способности, а также законов нашей страны. А особенно мы молимся, чтобы наша забота охватывала всех людей, независимо от их социального положения, национальности и профессии. Сделай так, чтобы возникли сотрудничество и общая цель между теми, кто, согласно принципам нашей конституции, придерживается разных политических взглядов, чтобы все они могли трудиться ради блага нашей любимой страны и Твоей славы. Аминь!»

Последующий текст речи по существу повторял молитву. Единственная часть, на которую обратили внимание наблюдатели (собственно говоря, она была основной), касалась внешней политики. «Воспринимая защиту свободы, как и саму свободу, в качестве единого и неделимого понятия, мы с одинаковым вниманием и уважением относимся ко всем континентам и народам», — заявил новый президент. Он употребил понятие «политический вакуум» и пообещал американское проникновение во все его области. Америке и всему миру было дано понять, что любые идеи о сокращении обязательств и тем более о возвращении к концепции «крепость Америка», на которой настаивала «старая гвардия» республиканцев, противоположны курсу, которым намерен был следовать Эйзенхауэр. Лидер фракции Демократической партии в сенате Линдон Джонсон, который через десять лет сам стал американским президентом, ехидно назвал инаугурационную речь «очень хорошим представлением программы демократов за последние 20 лет»{568}.

Затем началось веселье. Инаугурационные балы были давней традицией американской истории, восходившей еще к первому президенту Джорджу Вашингтону. Во времена Рузвельта и Трумэна в связи с экономическими трудностями, войной и послевоенным восстановительным периодом число балов было резко сокращено. Рузвельт обычно проводил один бал, Трумэн в январе 1949 года организовал два. В связи с огромным спросом на билеты и дабы продемонстрировать, что США вступили в спокойный период существования, после инаугурации Эйзенхауэра были устроены четыре бала в самых крупных залах

столицы. Дуайт посетил все балы, на каждом танцевал с супругой и другими дамами. На присутствовавших произвела впечатление энергия Дуайта, который казался неутомимым.

После балов Эйзенхауэр впервые отправился в Белый дом в качестве его временного хозяина. А на следующее утро началась работа, к которой он готовился последние месяцы. Он уже приучил себя к мысли, что придется ежедневно заниматься огромным количеством внутренних и мировых проблем исключительной важности, и считал, что всё «будет великолепно»{569}.

Двадцать третьего января Эйзенхауэр провел первое совместное заседание правительства и ответственных сотрудников Белого дома. Он выступил с деловой речью, в которой подчеркнул, что осторожный курс и во внутренних, и в международных делах будет являться не только внешней вывеской, но и сущностью его политики. В отличие от инаугурационной речи он сосредоточил внимание на внутренних делах, отметив необходимость внесения корректив в закон Тафта — Хартли, расширения социального обеспечения и улучшения медицинского обслуживания. Речь он завершил словами: «Наши дела на родине будут основаны на среднем пути между неограниченной свободой личности и требованиями благосостояния нации. Таким путем мы будем избегать бюрократического правления так же, как и не допускать пренебрежения в отношении беспомощных»{570}.

Став президентом, Эйзенхауэр сразу же ощутил огромную дистанцию, возникшую между ним и остальным миром, между ним и американским народом, какие бы красивые слова ни произносились о президенте как всего лишь первом гражданине США. Через несколько дней после инаугурации возникла необходимость поговорить по телефону со старым другом, соратником по Второй мировой войне Омаром Брэдли. Личный секретарь президента Энн Уитмен, присутствовавшая при разговоре, сразу сообразила, что нечто произошло. Дуайт обратился к ней: «Я только что получил хороший урок». Старый друг не назвал его, как обычно, Айком, а обратился официально: «Мистер президент». Дуайта этот вроде бы незаметный эпизод поверг в шок. Он понял, что на время пребывания в Белом доме будет «отделен от всех остальных, включая моих старейших и лучших друзей»: «Я буду гораздо более одиноким, чем тогда (в период войны. — *Г. Ч., Л. Д.*)»{571}.

Неизбежное отчуждение ранее близких людей Эйзенхауэр пытался компенсировать общением со всей нацией. Важнейшим средством являлись встречи с журналистами. 17 февраля

(значительно позже, чем требовалось, считал он впоследствии) Дуайт провел первую пресс-конференцию. Он вторым после Ф. Рузвельта взял себе за правило регулярно встречаться с прессой, чаще всего по утрам в каждый вторник. Всего за восемь лет он провел 193 таких встречи. С 1955 года в них участвовали и тележурналисты. Дуайт был первым президентом, который через телеэкран вошел почти в каждый американский дом.

Подчас журналисты подшучивали над словами президента, что он чего-то не знает, и над его очень запутанными рассуждениями, из которых почти ничего невозможно было понять. И американские политические аналитики, и специалисты разведывательных служб других стран подчас неделями пытались расшифровать смысл его высказываний и приходили к прямо противоположным выводам. Поступал он так намеренно, как раз для того, чтобы замаскировать свои истинные планы или действия.

Преодолевать чувство одиночества помогала семья. Мейми быстро приспособилась к публичной жизни, но всё же предпочитала общаться с супругом и семьей сына. Вначале ей очень не понравилась президентская загородная резиденция, которую построил Ф. Рузвельт в Кэтоктинских горах (штат Мэриленд) примерно в ста километрах от столицы. Рузвельт назвал это имение Шангри-Ла (по наименованию вымышленной страны, описанной в 1933 году в новелле Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт»). Трумэн резиденцией почти не пользовался, и она постепенно пришла в упадок.

Мейми, впервые побывав в Шангри-Ла и увидев запущенные помещения и скудную растительность, заявила, что ноги ее здесь не будет, пока резиденция не будет приведена в порядок. Идя навстречу супруге, Эйзенхауэр, которому, наоборот, приглянулся тихий уголок с невысокими горами, богатыми рыбой озерами, находившийся всего в часе езды на автомобиле от столицы, распорядился быстро привести всё в порядок и переименовал Шангри-Ла (это название очень не нравилось Мейми) в Кэмп-Дэвид — по имени своего старшего внука, несколько кокетливо прокомментировав: «Шангри-Ла [звучит] как-то причудливо для деревенского парня из Канзаса»{572}. Под этим названием загородная резиденция существует по сей день и известна всему миру целым рядом подписанных здесь международных актов. Обычно Дэвид и Мейми проводили в Кэмп-Дэвиде субботние и воскресные дни{573}.

Принимая во внимание усиление холодной войны, Эйзенхауэр распорядился построить рядом с резиденцией подземный бункер, способный выдержать ядерный удар (он

получил название Рейвен-рок — Воронья Скала), установить охрану наравне с военными объектами, даже с контрольно-следовой полосой. Мейми была удовлетворена и с этих пор с удовольствием проводила время в Кэмп-Дэвиде.

Что же касается Белого дома, то тут приходилось экономить. Вскоре после того как Дуайт стал президентом, его посетил старый приятель, член «банды» Эллис Слейтер, который поинтересовался состоянием его финансовых дел. Дуайт ответил: «Черт побери, эта работа не для получения легких денег. Трумэн сказал, что мне повезет, если не придется выкладывать по 25 тысяч долларов в год из своего кармана». Мейми жаловалась, что ей было выделено только три тысячи долларов на обновление Белого дома и что купальные полотенца «жесткие и маленькие»{574}.

Но зато теперь Мейми проводила вечера с мужем, ужинала вместе с ним. Обычно к ним присоединялась мать Мейми Эливера Дауд, жившая с ними в Белом доме. Состояние здоровья Мейми оставалось нестабильным. Она страдала синдромом Меньера — заболеванием внутреннего уха, вызывающим увеличение количества жидкости в его полости, от чего страдал вестибулярный аппарат и человек мог терять равновесие. На этой почве возобновились слухи, что она алкоголичка. Слухи крайне раздражали Эйзенхауэра, но достаточно быстро заглохли{575}.

Американцам нравилось, что Мейми сочетала простоту поведения с любовью к красивой модной одежде и сравнительно недорогим украшениям. Она охотно делилась женскими секретами с читательницами глянцевых журналов, и это увеличивало ее популярность. Особенно нравились фотографии Мейми во время инаугурации, которые обошли американскую прессу. В коллекции одежды первых леди США, хранимой в Национальном музее американской истории в Вашингтоне, ее платье, сшитое по эскизу известного дизайнера Арнольда Скейси, входит в число экспонатов, привлекающих наибольшее внимание.

Впрочем, нельзя сказать, что Эйзенхауэр действительно отдалился от старых друзей. Его реакция на официальное обращение Брэдли была явно спонтанной и не вполне справедливой. Члены «банды» договорились с президентом, что всегда будут в его распоряжении, чтобы провести вместе отдых, сыграть партию в бридж или гольф. В мемуарах Дуайт высоко оценивал преданность друзей, готовых по первому зову прилететь в Вашингтон или в любое другое место: «Это люди большого благоразумия, люди, достигшие в своей жизни успеха, но никогда не пытавшиеся извлечь выгоду из нашего общения»{576}. Думал ли он так на самом деле? Вряд ли. Умудренный опытом политик

должен был отлично понимать, что само общение с президентом делало рекламу его друзьям, то есть оборачивалось для них бесспорной выгодой.

Глава четвертая. СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ВООРУЖЕНИЯХ И ПОПЫТКИ РАЗРЯДКИ

«Шанс для мира» и перемирие в Корее

Международные и национальные проблемы в ряде случаев переплетались, но в первые годы президентства Эйзенхауэра на первый план выходили дела всемирные. Всего через полтора месяца после того как Эйзенхауэр стал президентом, 5 марта 1953 года умер Сталин.

Уже из первых заявлений его наследников, в частности Г.М. Маленкова, который стал председателем Совета министров СССР, следовало, что новое советское руководство будет стремиться к смягчению международной напряженности. Тон советской печати по отношению к «американскому империализму», его «политике разжигания новой мировой войны» сразу изменился. 15 марта Маленков выступил на сессии Верховного Совета СССР с заявлением о намерении повысить жизненный уровень советских граждан и улучшить отношения с США, добавив, что между ними не существует вопросов, которые нельзя было бы «решить мирными средствами на основе взаимопонимания»{577}. Это был явный намек на возможность вывести переговоры в Корее из тупика.

Какими бы причинами ни был вызван поворот в советской внешней политике, это был исключительно важный для Эйзенхауэра аргумент в пользу успеха его собственного внешнеполитического курса.

Смерть Сталина оказалась спасительной для репутации Эйзенхауэра, перед выборами обещавшего положить конец корейской войне, а после избрания побывавшего в Корее с этой целью. Президиум ЦК КПСС по предложению Л.П. Берии принял решение содействовать скорейшему окончанию войны в Корее, фактически ставшее директивой и для председателя Китайской Народной Республики Мао Цзэдуна, и тем более для руководителя КНДР Ким Ир Сена.

В течение почти месяца Эйзенхауэр работал над ответной речью, которая многократно обсуждалась в кругу его советников. Между ними порой возникали разногласия. Даллес, например, говорил, что ни одному слову Маленкова нельзя верить, что

советское руководство пытается пустить пыль в глаза. Эйзенхауэр больше прислушивался к тем, кто стремился придать его выступлению конструктивный дух. Суть плана, названного Дуайтом «Масло вместо пушек», состояла в стремлении договориться с СССР о пропорциональном уменьшении военных бюджетов, чтобы высвободившиеся средства направить на улучшение жизни населения обеих стран{578}.

Он воспользовался приглашением Американского общества издателей газет, проводившего заседание в отеле «Статлер» в Вашингтоне, и 16 апреля выступил там с речью, которая была опубликована под названием «Шанс для мира». В выступлении было немало явной пропаганды, ибо далеко не все предложения Эйзенхауэра были в то время приемлемы для советской стороны. Он предлагал Советам подписать мирный договор с Австрией, «почетное перемирие» в Корее, договор о «свободной и объединенной Германии», предоставить «полную независимость народам Восточной Европы», обещая в ответ заключить соглашение об ограничении вооружений и обеспечить запрет атомного оружия.

Дуайт отлично понимал, что далеко не все его предложения встретят позитивный отклик в СССР. Главное — он рассчитывал создать новый дух взаимоотношений, предупредить об опасности дальнейшей гонки вооружений. Он говорил: «Самое страшное, чего следует бояться, и самое лучшее, чего можно ожидать, можно определить просто. Самое страшное — это атомная война. А самое лучшее — это жить в постоянном страхе… Каждая произведенная пушка, каждый построенный военный корабль означают ограбление голодных или не накормленных досыта людей, тех, кто мерзнет из-за отсутствия одежды». «Современный тяжелый бомбардировщик, — сравнивал он, — стоит столько, что на эти средства можно построить школы в тридцати городах или две электростанции, каждая из которых обеспечит электроэнергией город с населением в 60 тысяч человек, или две отлично оборудованные больницы». Президент завершил выступление словами, что США готовы выделить значительную долю средств, сэкономленных за счет сокращения вооружений, в фонд помощи нуждающимся народам, чтобы «помочь людям узнать, каким благом является свобода производства». Памятником этому будут «новые дороги и школы, больницы и жилье, продовольствие и здравоохранение»{579}.

Речь «Шанс для мира» в западном мире была встречена в основном благосклонно и получила сдержанную положительную оценку в СССР, хотя и с оговорками по поводу агрессивной политики американского империализма. Важным

доказательством стремления новых советских лидеров к улучшению отношений с США была перепечатка речи в газете «Правда» полностью, без купюр, в сопровождении довольно лояльной редакционной статьи{580}.

На переговорах о перемирии в Корее, возобновившихся вблизи линии фронта, в деревне Пханмунджом в 55 километрах к северу от Сеула, китайско-северокорейские представители стали проявлять уступчивость. Было достигнуто, в частности, предварительное соглашение об обмене военнопленными при условии, что международная комиссия (в ее состав вошли представители Швеции, Швейцарии, Польши, Чехословакии и Индии) отделит тех, кто не хочет возвращаться в Северную Корею и Китай (с другой стороны таких проблем не возникало). 20 апреля 1953 года начался обмен больными и ранеными военнопленными.

Глава правительства Индии Джавахарлал Неру, к которому Эйзенхауэр относился с доверием, вызвался стать посредником. С ним была достигнута договоренность, что в случае подписания перемирия в Индию на четыре месяца будут отправлены северокорейские и китайские пленные, которые за это время должны были решить, возвращаться ли на родину{581}. На практике из этого плана ничего не получилось, но в этом не было вины ни Эйзенхауэра, ни Неру.

Однако до подписания соглашения о перемирии оставалась еще немалая дистанция. Надо было договориться о новой демаркационной линии, определить способы передачи военнопленных, убедить южнокорейские власти в необходимости прекращения войны.

Эйзенхауэр не жалел слов на уговоры Ли Сын Мана, уверяя, что при демаркации по существовавшей линии фронта Южная Корея не только не потеряет свою территорию, но «фактически несколько увеличит ее»{582} и что США будут продолжать добиваться объединения Кореи, хотя и мирными средствами{583}.

Восьмого июня 1953 года было достигнуто согласие о добровольной репатриации военнопленных под международным контролем. Но убедить южнокорейские власти пойти на подписание перемирия никак не удавалось. Ли Сын Ман прибегнул к помощи не только парламента, единодушно высказавшегося против перемирия, но и народа: в Сеуле состоялась стотысячная демонстрация с требованием немедленно начать поход на Север{584}. Считаясь с нежеланием северокорейских и китайских военнопленных возвращаться в родные края, 19 июня Ли Сын Ман распорядился о снятии охраны с лагерей, где они содержались. Около двадцати пяти тысяч

человек сразу же рассеялись по соседним сельским районам. С одной стороны, это был явно гуманный жест, спасавший людей от гибели или рабского труда, с другой — явное нарушение, компрометировавшее американских переговорщиков и самого Эйзенхауэра.

Новость из Кореи пришла в Вашингтон как раз в то время, когда Эйзенхауэр проводил заседание кабинета министров. Взбешенный президент обозвал поведение южнокорейского коллеги шантажом. Он решил ответить тем же: направил Ли Сын Ману телеграмму, указав, что освобождение военнопленных «является грубым нарушением намерений и создает невыносимую ситуацию», а несогласие с полномочиями командования ООН (то есть американского) чревато тем, что Южной Корее «придется принять другие условия»{585}, то есть угрожал выводом американских войск и прекращением помощи Южной Корее.

В Корею был направлен специальный представитель американского президента заместитель госсекретаря Уолтер Робертсон, который смог убедить Ли Сын Мана, что, действуя в одиночку, он будет просто раздавлен «китайскими добровольцами» при попытке возобновить наступление. Южнокорейскому президенту, по сути, выкрутили руки, и он обещал действовать в соответствии с американскими пожеланиями. 26 июля вечером по вашингтонскому времени (27-го утром по корейскому) перемирие было подписано: со стороны вооруженных сил ООН — американским генералом Уильямом Харрисоном, с китайско-северокорейской стороны — северокорейским генералом Нам Илем. Присутствовавший при заключении перемирия представитель Южной Кореи генерал Чхве Док Син свою подпись поставить отказался. Соглашение устанавливало демаркационную линию по существовавшей линии фронта (в отдельных районах несколько севернее, в других — чуть южнее 38-й параллели) с демилитаризованной зоной глубиной два километра по обе стороны.

С тех пор прошло более шестидесяти лет, а мирный договор между двумя частями Кореи так и не подписан. В Южной Корее со временем утвердился демократический режим, тогда как КНДР остается единственной в мире страной с тоталитарной коммунистической системой с наследственной властью потомков Ким Ир Сена.

Пока же в немалой степени благодаря инициативе Эйзенхауэра была прекращена война, грозившая превратиться в атомную катастрофу. Дуайт торжествовал. Через полчаса после получения известия о перемирии он выступил по радио и телевидению с обращением к нации: «Мы добились перемирия

только на одном участке, а не всеобщего мира. Мы не можем ослаблять усилий по обеспечению безопасности и достижению мира»{586}.

В будущем, когда Эйзенхауэру приходилось упоминать о своих успехах в качестве президента — и в публичных выступлениях, и в дневнике, и в мемуарах, — он всегда ставил на первое место перемирие в Корее. Британский историк П. Бойл заключает: «Завершение корейской войны послужило великолепной вступительной главой ко всем достижениям Эйзенхауэра во внешней политике. Он унаследовал войну, а через шесть месяцев наступил мир. В течение всего его президентства мир сохранялся, и, за отдельными исключениями, американские солдаты не погибали в конфликтах»{587}.

Операции в Иране и Гватемале

Во внешней политике начального периода президентства Эйзенхауэра были победы, которыми он предпочитал не гордиться или, по крайней мере, не высказывать свою гордость публично.

В первую очередь речь идет об операциях Центрального разведывательного управления, образованного в сентябре 1947 года. Закон о ЦРУ (1949){588} предусматривал сбор, сопоставление, оценку и предоставление правительству информации, связанной с национальной безопасностью; «эффективное использование ресурсов с учетом потенциальных угроз для США и лиц, вовлеченных в сбор разведывательных данных», выполнение «иных функций и обязанностей… обеспечивающих национальную безопасность». Как видно из этих положений, в круг обязанностей ЦРУ можно было при желании включить любую подрывную деятельность, мотивируя ее интересами национальной безопасности США.

Первое время ЦРУ не проявляло большой активности, даже когда его в 1950 году возглавил известный военный и политический деятель, старый знакомый Эйзенхауэра Уолтер Беделл Смит, бывший начальник штаба союзных войск, а затем посол США в Москве. В начале 1953 года Смит, явно неудовлетворенный своей деятельностью в качестве руководителя разведывательного ведомства, ушел в отставку, а вместо него назначен брат государственного секретаря США Аллен Даллес. Получивший юридическое образование в Принстонском университете, Даллес между двумя мировыми войнами выполнял различные полудипломатические-полуразведывательные

поручения, объездил массу стран. Когда в начале Второй мировой войны было образовано Управление стратегических служб (предшественник ЦРУ), Даллес возглавил его разведывательный центр в Берне, наладил агентурную сеть в нацистской Германии, а в 1945 году сыграл немаловажную роль в секретных переговорах с германскими генералами, приведших к капитуляции немцев в Северной Италии. С 1950 года Даллес в качестве заместителя директора ЦРУ отвечал за тайные операции.

Сменив Смита на посту директора ЦРУ, Даллес оставался на нем все восемь лет президентства Эйзенхауэра. Под руководством Даллеса были сформированы структура, штаты, определены основные направления работы разведывательной структуры. С санкции Эйзенхауэра 90 процентов бюджета ЦРУ отводилось на подрывные операции. «Всё более и более Эйзенхауэр опирался на тайную деятельность ЦРУ, чтобы подорвать зарубежные правительства, оказать помощь дружественной прессе в отдаленных странах, содействовать тем, кто помогал Америке в “холодной войне”», — констатируют авторы обобщающего труда по истории США{589}.

Именно под руководством Даллеса, но под постоянным контролем Эйзенхауэра проводилась операция по отстранению от власти премьер-министра Ирана Мохаммеда Мосаддыка.

В марте 1951 года иранский меджлис (парламент) принял закон о национализации нефтяной промышленности, направленный главным образом против Англо-иранской нефтяной компании (ныне «Бритиш петролеум»), контролировавшей добычу и переработку нефти в стране. Переговоры компании, а затем британского правительства с Мосаддыком к успеху не привели. В 1952 году Иран разорвал дипломатические отношения с Великобританией, а в ответ был организован мировой бойкот иранской нефти. Мосаддык пытался договориться о закупках с СССР, но, поскольку у северного соседа Ирана не было мощного нефтеналивного флота, сделка не состоялась, хотя переговоры продолжались.

Именно эти переговоры дали основание британской разведке, а вслед за ней и ЦРУ объявить Мосаддыка коммунистом, хотя на самом деле он выражал интересы национальной буржуазии, недовольной полуколониальным хозяйничаньем иностранцев.

Приехавший в Вашингтон весной 1953 года министр иностранных дел Великобритании Энтони Идеи предложил объединить усилия секретных служб двух стран в свержении правительства Мосаддыка и утверждении у власти более податливого премьера, которым должен был стать генерал Фазлолла Захеди — бывший министр внутренних дел Ирана,

уволенный Мосаддыком. К лету был выработан план переворота, получивший кодовое наименование «Аякс» (по имени древнегреческого мифологического героя, участвовавшего в осаде Трои).

Будучи непосредственно вовлечен в разработку плана, Эйзенхауэр в то же время стремился сохранить «чистые руки». В этом проявилась новая черта генерала, ставшего президентом: он теперь пытался демонстрировать отстраненность от операций, в наибольшей степени противоречивших международному праву. Он не принимал участия в совещаниях, на которых согласовывались детали «Аякса», не оставил ни одного письменного свидетельства о своей причастности к этому плану. О том, что именно американский президент находился в центре операции, известно только из воспоминаний ее разработчиков, а совпадение приводимых сведений служит доказательством их достоверности. Именно по указанию Эйзенхауэра ответственным за непосредственное выполнение операции «Аякс» был назначен Кермит (Ким) Рузвельт, родственник двух американских президентов — внук Теодора Рузвельта и двоюродный брат Франклина Рузвельта, на работе в ЦРУ проявивший себя как способный разведчик и организатор диверсий{590}.

Это была первая крупная операция ЦРУ, и Эйзенхауэр считал «делом чести», с одной стороны, чтобы она была проведена успешно, с другой — чтобы его имя не было запятнано, особенно имея в виду, что дело не могло обойтись без кровопролития.

Обо всех перипетиях операции президенту докладывал госсекретарь Джон Фостер Даллес, который в свою очередь получал информацию от брата. Мосаддык неоднократно обращался к американскому президенту с личными посланиями, уверяя, что ненавидит коммунистов, и в подтверждение обрушился с репрессиями на Туде (Народную партию) — преемницу Коммунистической партии Ирана. Проигнорировав несколько посланий Мосаддыка, Эйзенхауэр наконец отправил ответ, из которого иранскому премьеру стало ясно, что на США надеяться не следует: *«Я* не пытаюсь советовать иранскому правительству, в чем состоят его высшие интересы. Я только пытаюсь объяснить, почему в сложившихся обстоятельствах правительство Соединенных Штатов не может больше оказывать помощь Ирану или покупать иранскую нефть»{591}.

В августе 1953 года с благословения Эйзенхауэра и под прямым руководством А. Даллеса Кермит Рузвельт начал операцию «Аякс». Выехав в свою летнюю резиденцию, шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви издал указы о смещении Мосаддыка и назначении премьером генерала Захеди. Шахские указы из-за

традиционной восточной медлительности задержались в дороге. Узнавший о них Мосаддык попытался отстранить шаха от власти, и тот вынужден был укрыться за границей. За арест Захеди была назначена награда.

Эйзенхауэру докладывали об этих неудачах, он требовал исправления ситуации. Однако это произошло не в результате расторопности разведчиков и диверсантов, а из-за грубых ошибок, допущенных самим иранским премьером: он начал новые аресты коммунистов, чем воспользовалась агентура ЦРУ, получившая значительную поддержку мусульманского духовенства. В Тегеране начались уличные столкновения, пролилась кровь.

В этих условиях агенты К. Рузвельта 19 августа захватили телеграф и радиостанцию, передали сообщения об отстранении Мосаддыка от власти и просьбу «любящего народа» к шаху возвратиться на престол. Поняв, куда ветер дует, командование армии объявило о неподчинении Мосаддыку, что решило исход переворота. Мосаддык был арестован. Шах, 22 августа вернувшийся в столицу, подтвердил назначение премьером Захеди.

Эйзенхауэр проявил определенную снисходительность — потребовал, чтобы иранская пресса прекратила нападки на Мосаддыка, а приговор по его делу был мягким. Следуя фактической американской директиве, суд приговорил бывшего премьера к трехлетнему заключению, которое он провел в комфортных условиях, а остаток жизни (он умер в 1967 году) находился под домашним арестом в своем поместье{592}.

В результате переворота был образован международный консорциум для разработки иранской нефти, в котором по 40 процентов акций получили Великобритания и США. Взамен Соединенные Штаты предоставили Ирану экономическую помощь на 85 миллионов долларов.

Успех операции против Мосаддыка, проведенной при помощи секретных действий, выходивших далеко за пределы демократических процедур, оказался для Эйзенхауэра соблазнительным прецедентом: появилась возможность решения внешнеполитических проблем силовым путем в мирное время, минуя Конгресс, обходя мнение общественности, достигая цели сравнительно небольшими затратами и довольно быстро, хотя подчас с человеческими жертвами.

При Эйзенхауэре руководитель ЦРУ Даллес почувствовал относительную свободу рук. Президент мог дать ему самые общие указания и не желал вникать в детали — так было легче успокоить свою совесть, сваливая вину на подчиненных.

Даллесу удалось провести еще одну операцию, подобную

иранской, — свержение демократически избранного правительства в Гватемале.

На латиноамериканском направлении внешней политики президент колебался между развитием демократии и опорой на диктаторские режимы, провозглашавшие верность союзу с Соединенными Штатами. Милтон Эйзенхауэр, специалист по латиноамериканским делам, настаивал, чтобы США поддерживали курс на мирное установление к югу от США демократических режимов, считая это наилучшим средством от коммунистической опасности{593}.

В то же время значительно более мощное влияние на президента оказывали республиканская «старая гвардия» в Конгрессе и братья Даллесы, убеждавшие его, что коммунистическое проникновение на континент происходит именно под видом борьбы за демократию и укрепление национальной независимости. Чуть ли не в каждом движении такого рода они видели (или лицемерно уверяли общественность, что видят) «руку Москвы», против которой необходимо вести бескомпромиссную борьбу, а иначе Западное полушарие будет для США потеряно. По отношению к Гватемале такая установка возобладала.

Гватемала — самая крупная по численности населения центральноамериканская страна, преимущественно сельскохозяйственная. Еще с конца XIX века началось проникновение в нее американского капитала, прежде всего «Юнайтед фрут компани», которая постепенно не только прибрала к рукам почти все банановые плантации, но и вкладывала капиталы в средства связи и транспорта, подчас ведя себя в стране по-хозяйски.

Развернувшееся после Второй мировой войны национальное движение привело к ликвидации диктаторского режима. В 1951 году было образовано демократическое правительство Хакобо Арбенса, которое провело законы о защите национальных природных ресурсов и приняло меры по ограничению деятельности «Юнайтед фрут».

Все попытки ЦРУ организовать в Гватемале переворот оказались неудачными. В связи с этим возникла идея внешнего вторжения. Эйзенхауэру и его помощникам путь переворота в сочетании с интервенцией представлялся более легким. Идеологическим обеспечением операции должны были служить антикоммунистические лозунги, которые активно поддерживали менеджеры «Юнайтед фрут». Президент компании К. Реймонд заявил: «Отныне речь будет идти не о конфликте между народом Гватемалы и “Юнайтед фрут”. Речь пойдет об угрозе со стороны

коммунизма для собственности, безопасности и самой жизни Западного полушария»[594].

Разработанный в конце 1953 года Госдепартаментом и ЦРУ и утвержденный президентом план включал три части: дипломатические и пропагандистские заявления об угрозе Гватемале со стороны «международного коммунизма»; подготовку вторжения с территории соседних государств — Гондураса и Никарагуа, правительства которых, были убеждены советники Эйзенхауэра, окажут содействие США; организацию приуроченных к вторжению внутренних выступлений.

Наряду со многими другими акциями дипломатическо-пропагандистского характера особо важную роль сыграло принятие 14 марта 1954 года X конференцией американских государств по инициативе делегации США «Декларации солидарности о сохранении политической целостности американских государств в условиях вмешательства международного коммунизма», фактически призывавшей к свержению правительства Гватемалы. Помимо представителей самой Гватемалы, против документа не проголосовал никто, воздержались лишь делегаты Мексики и Аргентины[595].

Вторжение в Гватемалу с территории Гондураса осуществила группа оппозиционных военных во главе с полковником Кастильо Армасом, после неудачной попытки организовать переворот в марте 1953 года бежавшего за границу. Имеются свидетельства, что распоряжение о проведении операции было дано лично Эйзенхауэром[596]. 24 мая президент проинформировал лидеров Конгресса о намеченных в отношении Гватемалы шагах, включая блокаду ее побережья для недопущения ввоза оружия из других стран[597].

Вторжение было начато 18 июня 1954 года. Однако вооруженные группы Армаса не смогли продвинуться вглубь страны, после первых столкновений с армейскими частями Гватемалы возвращались на территорию Гондураса. Единственным эффективным средством ведения военных действий были несколько устаревших самолетов, предоставленных Соединенными Штатами. Не встречая сопротивления, они подвергали бомбардировке столицу Гватемалы.

На совещании у Эйзенхауэра 22 июня А. Даллес сообщил о просьбе Армаса предоставить ему дополнительные самолеты, без которых, по словам директора ЦРУ, шансы мятежников равны нулю. По распоряжению президента Армасу были немедленно направлены из Никарагуа два более современных боевых самолета[598]. Бомбардировки сразу же резко усилились.

В этих условиях командование гватемальской армии потребовало отставки Арбенса, а 26 июня его поддержал посол США Джон Перифуа. Подразделение морской пехоты США, размещенное на Пуэрто-Рико, получило приказ быть готовым к высадке в Гватемале{599}.

Подчинившись требованию высших военных чинов и ультиматуму посла США, Арбенс, а затем и сменивший его полковник Карлос Диас ушли в отставку. Армас, прилетевший в столицу 3 июля на самолете, предоставленном США, вошел в состав образованной военной хунты, а позже, устранив соперников, провозгласил себя президентом страны. В следующие годы были ликвидированы проведенные его предшественником преобразования. Гватемала полностью возвратилась под опеку США{600}.

Через много лет в результате рассекречивания части архивов ЦРУ, посвященных операции в Гватемале (около 1400 листов текста), было признано, что Х. Арбенс не был «тайным коммунистом», а подготовленный с участием ЦРУ переворот фактически являлся актом агрессии{601}.

Таковы были реалии холодной войны, в которой США под руководством своего президента действовали, во много раз преувеличивая угрозу «мирового коммунизма». Как признавал сам Эйзенхауэр, он, ранее заслуживший почет и уважение как руководитель союзных вооруженных сил, освобождавших Европу от гитлеризма, теперь в глазах значительной части мировой общественности, особенно политиков стран третьего мира, выглядел «злобным американцем». Для него стало разочарованием, «что люди в странах угнетенной части мира ненавидели, а не любили нас»{602}.

И все же тайные операции против Ирана и Гватемалы были для американской элиты успешными. За ними последовали два провала — прогремевший на весь мир скандал со сбитым над территорией СССР американским шпионским самолетом и неудачная операция по свержению режима Фиделя Кастро на Кубе. Но это было уже на закате президентства Эйзенхауэра и послужило (если послужило) уроком не ему, а его преемникам.

Проблемы западноевропейской интеграции и ядерного оружия

Основные усилия во внешней политике президент направлял на противостояние с СССР и закрепление единства государств Западной Европы, которые, по его мнению, должны были идти к

интеграции.

Идея Соединенных Штатов Европы вынашивалась в общественных кругах еще с начала XX века. С планом утопического социалистического европейского государства выступил глашатай «перманентной революции» Л.Д. Троцкий. Однако после Второй мировой войны в столицах западноевропейских стран к идее создания единого континентального государства относились если не пренебрежительно, то во всяком случае как к проекту отдаленного будущего.

Эйзенхауэр же рассматривал создание Соединенных Штатов Европы вначале в качестве союза государств, а затем фактически союзного государства при сохранении суверенитета каждой страны, полагая, что эти задачи достижимы в близкой перспективе. Именно при условии европейского единства, считал он, страны Западной Европы смогут вносить больший вклад в общую безопасность и тем самым позволят США сократить расходы на обеспечение заокеанской обороны и противостояние с СССР, что давало бы возможность провести такую популярную меру, как снижение налогов.

Однако при объединении Европы была одна серьезнейшая трудность. Такое объединение немыслимо без мощного западногерманского государства. Между тем население ряда европейских стран, прежде всего Франции, хорошо помнило черные годы оккупации. Ремилитаризация ФРГ, включение ее в НАТО казались ему национальным предательством, а уголовное преследование в Западной Германии за пропаганды нацизма и тем более за попытки создания неонацистских организаций — только маскировкой ее истинных геополитических намерений, прусского «воинственного духа».

Первой попыткой интеграции Западной Германии в западноевропейский мир при воссоздании ее вооруженных сил было образование Европейского оборонительного сообщества (ЕОС). Парижский договор 1952 года подписали шесть стран — Франция, Италия, ФРГ, Бельгия, Нидерланды, Люксембург. Но договор подлежал ратификации их высшими законодательными органами, а добиться этого было крайне трудно.

Эйзенхауэр прилагал немало сил, чтобы убедить западноевропейских лидеров в реальности и желательности сближения с Западной Германией. Например, в сентябре 1953 года он писал премьер-министру Франции Жозефу Ланьелю, что понимает трудности, которые приходится преодолевать во Франции в связи с ратификацией соглашения о ЕОС, «поскольку мы не забываем историю», но в то же время пытался внушить ему,

что нельзя упустить «исторической возможности франко-германского примирения»{603}.

Создание европейского сообщества было лишь одним из направлений, по которым Эйзенхауэр стремился при сохранении разностороннего участия США существенно сэкономить на сокращении численности армии и военных расходов. Особые надежды возлагались на создание термоядерного оружия (водородной бомбы) как нового средства воздействия прежде всего на потенциальных противников, но также и на союзников.

Восьмого октября 1953 года на пресс-конференции Эйзенхауэр объявил о создании в США нового мощнейшего современного вида оружия. Указав, что СССР обладает атомным оружием и «они способны совершить атомное нападение на нас», президент не стал уточнять, каково соотношение ядерных потенциалов СССР и США, фактически представив дело таким образом, что Советы обладают значительным превосходством. Точно так же не было сказано, каким образом США могут подвергнуться ядерному нападению, учитывая, что СССР тогда еще не располагал межконтинентальными ракетами. Президент явно нагнетал обстановку, чтобы получить поддержку в вопросе развития ядерных вооружений, не замечая противоречия в своих высказываниях: утверждая, что американская ядерная мощь «велика и постоянно крепнет», он в то же время открыто признавал, что эта «колоссальная сила должна быть сокращена до такого уровня, на котором она окажется полезной человечеству»{604}.

Довольно часто выступая с подобными утверждениями, Эйзенхауэр считался с мнением ведущих ученых, в частности бывшего руководителя секретного Манхэттенского проекта по созданию атомной бомбы Роберта Оппенгеймера. Как раз в это время в журнале «Форин Афферс» появилась статья Оппенгеймера «Атомное оружие и американская политика»{605}. Ученый сравнил США и СССР с двумя скорпионами в банке, каждый из которых способен убить другого ценой собственной жизни, и настаивал, чтобы американскому народу была рассказана вся правда о тех бедах, которые ядерное оружие, оказавшись в руках безответственных политиков, может причинить человечеству.

Статья произвела на президента глубокое впечатление. Он назначил Оппенгеймера руководителем группы советников по вопросам гонки вооружений (ученый уже являлся к этому времени председателем Консультативного комитета по атомной энергии). Эйзенхауэр стал подумывать над тем, чтобы откликнуться на призыв Оппенгеймера.

Однако обсуждения этого вопроса на заседаниях

правительства и Совета национальной безопасности показали наличие противоположных мнений. Д.Ф. Даллес, например, оценил советские предложения о сокращении разоружений, раздававшиеся после смерти Сталина, как пропагандистскую уловку, рассчитанную прежде всего на срыв создания Европейского оборонительного сообщества, договор о котором продолжал «мариноваться» во французском парламенте. С госсекретарем был согласен и назначенный президентом на пост председателя Комиссии по атомной энергии адмирал Льюис Страусе.

Эйзенхауэр почти не знал адмирала — это был один из случаев, когда он последовал энергичным рекомендациям, в частности того же Д.Ф. Даллеса. Страусе участвовал в руководстве атомными исследованиями в годы Второй мировой войны, в обсуждении вопроса об использовании атомного оружия против Японии. Видимо, Дуайта привлек тот факт, что адмирал тогда выступил против атомных бомбардировок японских городов, предлагая взамен провести «операцию устрашения», уничтожив при помощи нового оружия искусственную цель.

Президенту не было известно, что, получив сведения о нарушениях правил секретности в Манхэттенском проекте и проникновении в штат сотрудников советских шпионов, Страусе стал маниакально придирчив ко всему, что казалось ему «раскрытием секретов» в атомной области. С легкой руки Страусса было введено понятие «личность, являющаяся риском для безопасности», в соответствии с которым власти получали право отстранять от секретных работ любого человека лишь на основании подозрения или даже доноса по поводу его высказываний или нежелательных связей.

В результате Эйзенхауэр оказался в довольно щекотливом положении. С одной стороны, он внимательно прислушивался к рекомендациям Оппенгеймера по поводу раскрытия ужасов ядерной войны, с другой — вынужден был считаться со всё новыми обвинениями, сыпавшимися из Комиссии по атомной энергии, как из рога изобилия: о небрежном отношении к государственной тайне, о работе «неблагонадежных лиц» в атомной промышленности и т. п.

Эйзенхауэр не знал, что Страусе стал враждебно относиться к Оппенгеймеру, после того как в 1947 году тот отказался стать директором Института перспективных исследований руководимого им Принстонского университета, мотивируя тем, что не сможет работать под руководством «реакционера». За этим последовал конфликт по поводу работ над термоядерным оружием: адмирал был ярым защитником этого проекта, ученый

не только выступил против, но и приложил усилия, чтобы задержать его реализацию. Личные споры переросли в политическую конфронтацию: Страусе стал одним из наиболее активных проповедников курса «отбрасывания коммунизма», тогда как наивный Оппенгеймер призывал к всесторонней «откровенности», причем не только внутри страны, но и во взаимоотношениях с государствами советского блока{606}.

Официально объявив о назначении Страусса председателем Комиссии по атомной энергии, Эйзенхауэр отвел его в сторону и сказал ему: «Моя первоочередная забота и ваша первостепенная задача состоит в том, чтобы найти новый подход к разоружению в области атомной энергии»{607}.

На первых порах казалось, что новый председатель комиссии действительно следует этому указанию. Он деятельно участвовал в разработке программы «Атом для мира», объявленной Эйзенхауэром 8 декабря 1953 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Правда, Страусе не столько выдвигал новые идеи, сколько облекал в конкретные формулировки мысли, вынашиваемые президентом и его ближайшими помощниками.

Дуайт писал в дневнике: «Соединенные Штаты вполне могут позволить себе сократить ядерные запасы в два-три раза… и, несмотря на это, улучшить нашу относительную позицию в холодной войне»{608}. Он указывал, «одна авиаэскадрилья может доставить к цели бомбы такой силы, которая превышает мощность всех бомб, сброшенных на Англию в годы Второй мировой войны».

Основная идея программы, оглашенной в ООН и первоначально названной «Операция “Искренность”» (Эйзенхауэр отказался от такого претенциозного наименования, считая, что его можно счесть признанием, что во всех остальных случаях США неискренни), состояла в предоставлении всем заинтересованным государствам возможности использовать атомную энергию в мирных целях: «Если ученые и инженеры всего мира будут обладать достаточным количеством расщепляющегося материала, с помощью которого смогут развить свои идеи, эти возможности будут быстро использованы для общего, эффективного и экономичного применения».

Американский президент предложил начать работу по созданию международного органа, в распоряжение которого государства передавали бы часть своих расщепляющихся материалов, и выразил уверенность, что такой орган, являющийся прежде всего научной и производственной организацией, сможет обеспечить условия безопасности{609}. По существу, в выступлении была заложена основа для создания в 1957 году

Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Но до этого должны были пройти годы. Тот факт, что советская сторона на первых порах довольно равнодушно отнеслась к его предложению, фактически заявке на выход из безнадежной гонки, явно привел к ужесточению позиции Эйзенхауэра по отношению к СССР.

На первых порах Эйзенхауэр вполне доверял Страуссу. Вскоре, однако, выяснилось, что адмирал занимается преимущественно не продвижением программы «Атом для мира», а раздуванием склоки с Оппенгеймером, что, в свою очередь, вызвало его конфликт фактически со всем научным сообществом. Взаимные обвинения вовлекли Дуайта в свой водоворот. Ограниченный жесткими рамками, в которых приходилось действовать, он был вынужден — возможно, вопреки своему желанию — стать на защиту национальной безопасности, оказавшейся, по уверениям Страусса и некоторых других советников, под серьезной угрозой.

Оппенгеймер действительно ошибся в оценке советских возможностей создания термоядерного оружия. В упомянутой статье он утверждал, что СССР отстает от США в этой области не менее чем на четыре года, и на этом основании призывал не форсировать американские работы, полагая, что они могут привести к непредвиденным катастрофическим результатам.

Еще 1 ноября 1952 года на острове Элугелаб (Маршалловы острова) с соблюдением мер строжайшей секретности состоялось первое испытание американского термоядерного устройства мощностью около десяти мегатонн, представлявшего собой пятидесятитонный куб размером с двухэтажный дом, наполненный жидким водородом. Подрыв атомного заряда создал температуру в миллионы градусов, необходимую для начала реакции термоядерного синтеза. В результате взрыва на месте острова образовалась огромная впадина. Теперь предстояло думать, как можно было создать портативную бомбу.

Но не прошло и месяца после выхода статьи Оппенгеймера, как в СССР был произведен взрыв водородной бомбы: советским ученым удалось создать такое устройство, о котором пока только мечтали американцы{610}. Лишь 21 мая 1956 года США провели испытание «Чероки» — первый сброс термоядерной бомбы с самолета.

Ошибка Оппенгеймера была отличным предлогом для начала атаки Страусса. В сентябре 1953 года по его ходатайству директор ФБР Эдгар Гувер распорядился об установлении наблюдения за ученым, включая перлюстрацию его корреспонденции, прослушивание телефонных разговоров,

контроль за передвижениями и контактами. В результате в ФБР стало накапливаться огромное досье Оппенгеймера, насчитывающее многие тысячи документов{611}.

Неизвестно, с прямой подачи Страусса (скорее всего) или другими путями в ноябре 1953 года директору ФБР Гуверу, а затем министру обороны Уилсону поступит секретный доклад бывшего исполнительного директора комиссии Конгресса по атомной энергии Уильяма Бордена, в котором утверждалось: «… имеется высокая степень вероятности, что Роберт Оппенгеймер является коммунистическим шпионом»{612}. Этот вывод основывался на результатах прослушивания ФБР домашних и служебных разговоров, доносах и прочих материалах, которые ни один суд не принял бы к рассмотрению в связи с их ненадежностью.

Тем не менее и Гувер, и Уилсон немедленно доложили о документе президенту. Эйзенхауэр оказался в сложном положении. В прошлом он доверял Оппенгеймеру, но представленные «факты» показались ему достоверными, хотя большинство их можно было отнести лишь к догадкам или «логическим следствиям».

Эйзенхауэр чувствовал себя глубоко уязвленным, однако, чтобы сохранить хорошую мину, попытался на проведенном 3 декабря совещании высших должностных лиц перевести стрелки на Страусса, потребовав у того объяснений, как можно было допустить подозреваемого в коммунистических взглядах ученого к Манхэттенскому проекту. Адмирал ответил, что без Оппенгеймера атомный проект вообще не смог бы состояться. Президент пришел к выводу, что, хотя в письме Бордена не содержится убедительных фактов виновности Оппенгеймера, тот может представлять угрозу национальной безопасности, то есть повторил термин, изобретенный Страуссом. Президент распорядился «воздвигнуть глухую стену» вокруг Оппенгеймера, не допускать его к секретной информации, пока не будет завершено расследование.

Для проведения расследования президент назначил комиссию, которая пользовалась материалами ФБР. Гора родила мышь. Помимо перечисления «грехов» Оппенгеймера: что в прошлом он придерживался левых взглядов, а ныне критикует американскую закрытость в области новейших достижений ядерной физики и позволяет себе высмеивать некоторых государственных деятелей (в первую очередь имелся в виду Страусе), не способствует прогрессу в создании водородной бомбы, а предпочитает работать над атомными бомбами «тактического характера», ученого «уличили» лишь в одном факте

обмана: он сообщил начальству, что едет в Вашингтон по вызову президента, тогда как на самом деле отправился на встречу с журналистами{613}. Некоторые коллеги (например, известный физик Уиллард Либби, работавший над проблемой разделения изотопов для атомной бомбы и получивший в 1960 году Нобелевскую премию) высказывали мнение, что Оппенгеймера не следует привлекать к работе Комиссии по атомной энергии, но отнюдь не потому, что он представляет «риск с точки зрения безопасности», а в связи с тем, что сам он «не проявляет энтузиазма» по отношению к работе этой комиссии{614}.

В то же время расследование ФБР позволило установить ряд фактов деятельности советской агентуры в американских атомных проектах и подтвердило виновность супругов Этель и Джулиуса Розенберг в передаче СССР ценной информации, позволившей ускорить создание советского атомного оружия{615}.

Из соображений безопасности, опасаясь за собственную репутацию и под давлением правой фракции республиканцев Эйзенхауэр полностью отстранился от дела Оппенгеймера, по существу отказав в поддержке ученому, с которым ранее тесно сотрудничал. Президент дал согласие на расследование этого дела Управлением безопасности Комиссии по атомной энергии, которое продолжалось в апреле — мае 1954 года. В ходе расследования Страусе опирался на данные ФБР, полученные в том числе путем прослушивания бесед Оппенгеймера со своими адвокатами{616}. В результате было подтверждено отстранение ученого от исследовательских работ в области ядерного оружия, что повлекло за собой отказ в доверии многим лицам, с которыми он общался.

Преследование знаменитого физика привело к тому, что значительная часть научной общественности отвернулась от Эйзенхауэра. Исключение составлял фактический соперник Оппенгеймера Эдвард Теллер, который теперь возглавил работы в области водородного оружия. Во время слушаний по делу Оппенгеймера Теллер выступил с грубыми обвинениями в его адрес, за что подвергся остракизму со стороны коллег.

В научно-популярных журналах Эйзенхауэра именовали солдафоном, который топчет сапогами творческую мысль, а Страусса откровенно называли «охотником за ведьмами»{617}. Он заработал такую репутацию, что в конце концов Эйзенхауэр, вопреки своему желанию, был вынужден снять его с должности председателя атомной комиссии, предложив в качестве компенсации пост министра торговли. В этом качестве Страусе прослужил около десяти месяцев, однако так и не был утвержден — это был единственный случай, когда сенат забаллотировал

предложенную Эйзенхауэром кандидатуру на министерский пост. Наблюдатели признавали, что основной причиной неудачи адмирала была его позиция в деле Оппенгеймера.

Взбешенный Эйзенхауэр назвал 19 июня 1959 года, когда было принято сенатское решение, «позорным днем в истории сената»[618]. Его эмоции вряд ли были оправданны. Это событие скорее продемонстрировало устойчивость американской демократической системы, способной выдержать разного рода сотрясения.

Пока же, в середине пятидесятых годов, во внешней политике Эйзенхауэр продолжал обращать главное внимание на соперничество с СССР в ядерной области. Советники убеждали президента, что Советский Союз обладает превосходством в сфере создания водородного оружия. Они были правы в том отношении, что советским ученым удалось сделать водородную бомбу небольшого размера, которую можно было сбросить с самолета, тогда как термоядерное устройство США было таким массивным, что о боевом его применении не могло идти речи.

По распоряжению Эйзенхауэра исследовательские работы были направлены на создание водородного оружия «авиационных габаритов». Уже 1 марта 1954 года началась серия испытаний нового оружия на Маршалловых островах в рамках программы, получившей кодовое название «Кастл» («Замок», «Твердыня»). Предполагалось, что первый взрыв на атолле Бикини будет иметь мощность около шести мегатонн (в 30 раз больше, чем атомная бомба, сброшенная на Хиросиму), но на практике мощность взрыва составила 15 мегатонн. Участники испытаний рассказывали, что вначале они увидели огненный шар шириной почти пять километров, а затем вырос «гриб» высотой до сотни метров.

Эйзенхауэр рассчитывал, что испытания будут проведены в секрете, но сохранить тайну оказалось невозможно, так как уже через несколько часов на соседних островах начались радиоактивные дожди, от которых пострадали тысячи людей, радиоактивное облако накрыло японское рыболовецкое судно, правительство Японии выступило с протестом. Более того, было отмечено резкое повышение уровня радиации на американских военных кораблях в районе Маршалловых островов.

Мировая пресса даже высказывала предположение, что тайные американские испытания вышли из-под контроля, началась неуправляемая термоядерная реакция, которая может привести к гибели несчетного числа людей. В этих условиях президент решил снять покров секретности — созвал пресс-конференцию, на которой фактически извинился перед

общественностью: «Очевидно, что на этот раз произошло нечто, с чем мы раньше не сталкивались из-за отсутствия опыта… Соединенные Штаты должны принять такие меры предосторожности, которые ранее не предпринимались»{619}.

Серия испытаний была продолжена. Представители администрации США пытались рассеять тревогу, выступая с оптимистическими заявлениями, что опасность радиации преувеличена, радиоактивность быстро исчезнет, а военно-политический выигрыш США в холодной войне сохранится надолго. Об испытаниях был снят фильм, и президент вначале считал, что его следует продемонстрировать как можно большему числу людей. Он говорил пресс-секретарю Хагерти: «Цель фильма — дать каждому человеку возможность попасть в эпицентр взрыва». Правда, вскоре он изменил мнение и запретил демонстрацию фильма на общедоступном экране, чтобы еще более не испугать население{620}.

В этих условиях завершилось формирование той военной концепции Эйзенхауэра, которая зародилась еще во время предвыборной кампании и продолжала утверждаться в следующие годы. Журналисты окрестили ее «новым взглядом». В основе концепции лежали одновременное сокращение военных расходов, уменьшение обычных вооруженных сил и повышение ударной мощи США путем создания ядерного оружия, развитие стратегических военно-воздушных сил и ускоренные работы в области ракетного оружия дальнего действия, способного стать средством доставки к цели ядерных боеголовок.

В стратегии «нового взгляда» содержалось немало противоречий, которые были сразу же замечены вездесущими журналистами, буквально атаковавшими Эйзенхауэра на пресс-конференциях. Как совмещается «новый взгляд» с «доктриной возмездия»? Означает ли это, что в случае начала какой-либо локальной войны США нанесут ядерный удар по Москве или Пекину? Что произойдет при этом с американскими базами вблизи территории СССР и даже с самими Соединенными Штатами, если русские найдут возможность при помощи сверхдальних самолетов или ракет достичь пределов США? Как соотнести необходимость нанести молниеносный удар со статьей конституции, что только Конгресс имеет право объявить войну?

Подобные вопросы сыпались как из рога изобилия. Эйзенхауэру приходилось выкручиваться. На одной из пресс-конференций на подобную серию вопросов президент попытался ответить неординарно и в то же время ничего не сказать по существу. Он заявил: «Еще никогда война не велась так, как ее ожидали. Она всегда ведется по-иному». Если президент не будет

действовать безотлагательно, продолжал он, «в наказание его следует не только сместить, но и повесить»[{621}].

Это, разумеется, была лишь словесная игра, которая прикрывала действительные трудности и противоречия американской внешней политики 1950-х годов, стремление Эйзенхауэра противостоять СССР и советскому блоку, не доводя дела до военной катастрофы, и укреплять западный союз, противостоя желанию европейских партнеров возложить почти всю военную и финансовую ношу на США и вовлечь Америку в колониальные войны во имя собственных интересов.

США и Восточная Азия

Последнее, в частности, касалось Франции, всё более увязавшей в войне, которую вела с конца 1946 года во Вьетнаме, пытаясь восстановить свое господство. Справиться с партизанским движением на юге и в центре страны французская армия не могла. Часто сменявшиеся правительства Франции обращались за помощью к США. С 1950 года американская администрация стала оказывать французским властям в Индокитае финансовую помощь, шедшую на закупку американского же оружия. К 1954 году ее размер достиг трех миллиардов долларов[{622}]. Однако Вьетминю (Лиге борьбы за независимость Вьетнама) всё больше помогали Китай и СССР.

Стремясь сохранить дружеские отношения с Францией и добиться одобрения ее парламентом создания западногерманской армии, Эйзенхауэр, в принципе согласный с предоставлением Вьетнаму независимости, в то же время был вынужден делать новые, по возможности сдержанные, шаги навстречу французским требованиям. Он согласился послать во Вьетнам американских военных инструкторов при условии, что они не будут находиться в зоне военных действий. Когда стало ясно, что терпящим поражение французам, скорее всего, придется идти во Вьетнаме на компромисс, Эйзенхауэр принял решение об отзыве советников до 15 июня 1954 года[{623}].

Президент, с его военным опытом, понимал бесперспективность вьетнамской войны для Франции. На заседании Совета национальной безопасности 8 января 1954 года он заявил, что не может себе представить, что США «размещают войска в каком-то районе Юго-восточной Азии, кроме, возможно, Малайи, которую надо оборонять, так как она является бастионом, прикрывающим нашу цепь островов». «Но делать это в другом месте — я категорически против. Война в Индокитае

потребовала бы посылать туда одну дивизию за другой»[{624}].

Бесперспективность поддержки французов стала ему полностью ясна, когда партизаны в марте 1954 года осадили французский укрепленный район возле селения Дьенбьенфу недалеко от границы с Лаосом, использовавшийся для нанесения ударов по их коммуникациям. 7 мая французский гарнизон капитулировал.

Новые просьбы французской стороны об увеличении американской помощи не дали результата. Эйзенхауэр ссылался на американскую традицию антиколониализма, хотя это была явная отговорка — со времени испано-американской войны 1898 года США владели несколькими колониями.

Эйзенхауэр был весьма встревожен ходом войны во Вьетнаме. На пресс-конференции 7 апреля 1954 года он пояснил, что в Азии вполне может случиться «эффект падающего домино»: «Если у вас есть набор косточек и вы поставите их на ребро одну за другой, а затем толкнете одну, они начнут мгновенно падать. То же можно наблюдать в начале процесса дезинтеграции, который может иметь глубокие последствия»[{625}]. По словам Эйзенхауэра, угроза международного коммунизма могла распространиться не только на Бирму, Таиланд или Индонезию, но даже на Австралию и Новую Зеландию. Разумеется, он преувеличивал, но сознательно шел на это, чтобы убедить Конгресс и руководство обеих крупнейших партий в необходимости фактически прийти на смену Франции в Индокитае, а затем распространить американскую «зону ответственности» на всё огромное пространство Юго-восточной Азии.

Так у американского президента стала зреть идея азиатской организации по образцу НАТО, для которой он придумал аналогичное название: Организация договора Юго-восточной Азии (СЕАТО). Летом 1954 года по предложению Эйзенхауэра начались переговоры о создании новой военно-политической организации. Их завершению предшествовала важная международная встреча — Женевская конференция министров иностранных дел США, Великобритании, Франции и Китая, проходившая с перерывами в апреле — июле.

На конференции были поставлены корейский и вьетнамский вопросы, однако обсуждение первого из них почти сразу зашло в тупик из-за жесткого противостояния СССР и Китая, с одной стороны, и западных держав — с другой (оба корейских государства на конференцию приглашены не были). Поняв, что договориться не удастся, стороны прекратили обсуждение.

Проблемы Вьетнама, казалось, рассматривались более конструктивно. Американскую делегацию возглавлял уже

известный нам Уолтер Беделл Смит, который теперь был заместителем госсекретаря. Президент абсолютно во всём доверял Смиту, полагая, что в нелегких переговорах тот полностью выражает его позицию.

Французы во Вьетнаме терпели новые поражения. Американский президент высказывался о французских союзниках чуть ли не презрительно: «…прыгают то вверх, то вниз каждый день… Они считают себя великой нацией сегодня, а назавтра им становится жаль самих себя»{626}. Впрочем, почти такого же невысокого мнения он был теперь и о Великобритании, объявившей, что окажет помощь Франции: «…не может подготовить несколько сот техников, которые обеспечили бы нормальные полеты в Индокитай»{627}.

Эйзенхауэр опасался, что западный мир может полностью потерять былое влияние в этом регионе и оно перейдет к Китаю и СССР. Возможное военное вмешательство Китая в развитие событий на Индокитайском полуострове он считал настолько опасным, что подумывал даже о нанесении по Китаю «удара отмщения». Весной 1954 года в Белом доме царили почти панические настроения. Смит был отозван, а возвратился в Женеву уже в качестве не участника, а наблюдателя.

Заявления президента в кругу сотрудников были противоречивыми и свидетельствовали скорее о тягостных раздумьях, нежели о подготовке решений. В беседе с госсекретарем Даллесом он не исключил, что США вмешаются во вьетнамские события, но заявил, что никогда не допустит, чтобы его страна «пошла в Индокитай в одиночку». Вслед за этим зашла речь о возможной войне против Китая: «Если США начнут войну против коммунистического Китая, не должно быть половинчатых решений или действий мелкого масштаба. Военно-морские и военно-воздушные силы должны будут нанести мощный удар с применением новейших видов вооружения по аэродромам и портам континентального Китая»{628}.

Эйзенхауэр понимал, что это будет означать начало третьей мировой войны с применением ядерного оружия, о чем он еще совсем недавно говорил как о величайшей катастрофе для всего человечества. Размышляя над такой нерадостной перспективой даже в случае победы США (бывший генерал мог думать только о победном исходе войны), он представлял себе картину павшего под ядерными ударами Советского Союза: «Допустим, такая победа будет одержана… Откроется гигантская территория от Эльбы до Владивостока, растерзанная и разрушенная, без правительства, без средств связи, на которой умирают люди от голода и бедствий. Я спрашиваю, что делать цивилизованному

миру в этой ситуации», — и приходил к трезвому умозаключению, что «победа может быть лишь в нашем воображении», а следовательно, война вселенского масштаба просто недопустима{629}.

Очевидно, жесты Китая и СССР по поводу расширенного вмешательства во вьетнамскую войну также были демонстративными. Постепенно военная тревога в высших американских кругах улеглась. 21 июня 1954 года были подписаны Женевские соглашения по Индокитаю, предусматривавшие прекращение огня, временное разделение Вьетнама на две части по 17-й параллели (вооруженные силы Вьетминя предусматривалось перевести на север, а войска Франции и подчиненные ее командованию вьетнамские части — на юг), проведение в 1956 году выборов на всей территории страны с целью ее воссоединения и определения ее будущего устройства, демилитаризацию Вьетнама и соседних Лаоса и Камбоджи (всем им гарантировалась независимость), создание международной комиссии по наблюдению за выполнением этих договоренностей. Американская делегация по указанию президента не подписала Заключительную декларацию Женевской конференции, в которой были сформулированы достигнутые соглашения, но в особом документе, одобренном и частично отредактированном Эйзенхауэром, заявила, что будет их соблюдать{630}. Белый дом считал достигнутые соглашения трудновыполнимыми, ибо обе стороны не были удовлетворены результатами и претендовали на полное овладение всей территорией страны. Тем не менее мир, по крайней мере на время, был достигнут.

Никто не знал, что произойдет в Индокитае в следующие годы. Своим поведением во время женевских переговоров Эйзенхауэр явно демонстрировал пессимизм или по крайней мере осторожность. Но и он не мог предположить, что предстоит вторая война, еще более кровавая и разрушительная, которая в конце концов приведет к фактическому поражению США и воссоединению Вьетнама под коммунистическим руководством. Пока же в день подписания Заключительной декларации Эйзенхауэр в противоречии с только что оглашенной позицией заявил, что США «не считают себя связанными с принятыми решениями», а сам он «продолжает вести активные переговоры для скорейшего создания коллективной обороны в Юго-восточной Азии»{631}.

После Женевских соглашений вступил в завершающую стадию процесс образования СЕАТО. 8 сентября 1954 года был подписан Манильский договор, согласно которому

Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины и США обязались совместно оборонять не только свои владения, но и весь регион Юго-Восточной Азии, в частности Индокитай. Соответствовало ли это положение Заключительной декларации Женевской конференции? Споры по этому поводу идут до сих пор и будут продолжаться, так как формально речь шла лишь об обороне, по существу же Южный Вьетнам фактически попадал в орбиту американской внешней политики.

Через месяц после создания СЕАТО Эйзенхауэр выступил с заявлением о полной поддержке образованного в Южном Вьетнаме правительства Нго Динь Зьема. У Эйзенхауэра не было выхода. Все, что он знал о южновьетнамском политике, сводилось к одному слову — антикоммунист. Спецслужбы не предупредили американского президента, что Зьем к тому же политический авантюрист, и это неведение в будущем сыграло немалую роль. Например, в 1955 году Эйзенхауэр был поставлен перед фактом референдума в Южном Вьетнаме, в результате которого был осуществлен «законно оформленный» раскол страны. Перестаравшиеся приспешники Зьема подсчитали, что «за Республику Вьетнам» проголосовали 98,2 процента избирателей, значительная часть которых были «мертвыми душами»; в столице Сайгоне «за» высказались около шестисот тысяч человек, тогда право голоса имели около 450 тысяч{632}.

Поражение французов во Вьетнаме привело к некоторому ухудшению позиций США в Европе. Многие видные французские деятели открыто заявляли, что в неудаче виновны американцы, прежде всего Эйзенхауэр, отказавшийся предоставить существенную помощь. Образованное в июне 1954 года правительство левого радикала Пьера Мендес-Франса, ветерана Второй мировой войны, бывшего летчика, имевшего репутацию страстного антинациста, привело к усилению в парламенте сил, выступавших против ратификации договора о Европейском оборонительном сообществе, предусматривавшего ремилитаризацию ФРГ Эйзенхауэр предупреждал: если Франция отвергнет ЕОС, США пойдут по пути «самостоятельного обеспечения лучших отношений с [Западной] Германией»{633}. Примерно то же повторил Д.Ф. Даллес, написавший Мендес-Франсу, что США «могут проводить европейскую политику и без Франции»{634}. Тем не менее парламент Франции забаллотировал ЕОС значительным большинством голосов.

Но Эйзенхауэр, получив этот удар, стал действовать по запасному варианту: по его поручению Госдепартамент организовал совещание стран — членов НАТО, которое приняло решение «включить в свой состав Германию как равноправного

партнера». Оставшись в одиночестве, Франция не решилась выступить против этого решения. В результате именно в Париже 23 октября 1954 года был подписан протокол о принятии ФРГ в состав НАТО с разрешением создать бундесвер — западногерманскую армию, хотя на ее территории продолжали оставаться оккупационные войска западных держав. По требованию Эйзенхауэра, учитывавшего распространенные опасения по поводу германской ремилитаризации, правительство ФРГ выступило с заявлением, что будет воздерживаться от действий, несовместимых со строго оборонительным характером парижской договоренности, и никогда не прибегнет к силе для объединения Германии или изменения своих границ, а также обязалось не производить и не иметь оружие массового уничтожения (атомное, химическое, бактериологическое), некоторые типы тяжелого вооружения, крупные военные корабли и подводные лодки, бомбардировщики дальнего радиуса действия.

Принятие ФРГ в НАТО имело для США важное значение. Эйзенхауэр теперь имел все основания для реализации давно задуманного плана существенного сокращения американского военного присутствия в Европе. Более того, по инициативе Белого дома стало распространяться суждение, что таким образом будет осуществляться «двойное сдерживание» — не только СССР, но и Западной Германии, ибо ее вооруженные силы будут находиться под зорким натовским контролем. То, что взятый из времен Трумэна термин «сдерживание» явно противоречил провозглашенной Эйзенхауэром доктрине «освобождения», нимало не заботило — и Белому дому, и Конгрессу, и политическим деятелям и наблюдателям за рубежом было ясно, что лозунг «освобождения» является не более чем пропагандистским ходом и практически не работает.

Пятого мая Парижский протокол был ратифицирован бундестагом ФРГ. В СССР присоединение Западной Германии к НАТО было встречено весьма нервно, причем использовалась пропагандистская аргументация, что западные державы якобы ведут дело к возрождению «германского фашизма и агрессии». На дипломатическом поле эта пропаганда реализовалась в разрыве союзных договоров СССР с Великобританией 1942 года и с Францией 1944 года, а вслед за этим в подписании на совещании 14 мая 1955 года в Варшаве Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и шестью его европейскими сателлитами (Германская Демократическая Республика демонстративно на совещание приглашена не была). Договор предусматривал создание военно-политического объединения

стран Варшавского договора, формирование их объединенных вооруженных сил с единым военным командованием. Однако реально план создания объединенных вооруженных сил социалистических стран никогда реализован не был. Единственным случаем, когда они действовали совместно (фактически это были советские воинские части, разбавленные символическими контингентами из Болгарии, Венгрии, Польши и ГДР), было подавление Пражской весны 1968 года.

Китайские дела, самолеты-разведчики и проблема «свободы рук» президента

Внешняя политика Эйзенхауэра во время его первого президентства проводилась в условиях возникновения и преодоления всё новых кризисных ситуаций, связанных с непрекращавшейся холодной войной.

Новый кризис развернулся в сентябре 1954 года, когда с территории континентального Китая начался артиллерийский обстрел небольших прибрежных островов Квемой и Мацзу. После прихода к власти в Китае (1949) коммунистов правительство Чан Кайши эвакуировалось на Тайвань, под защиту американского флота, где было провозглашено сохранение Китайской Республики с временной столицей в городе Тайбей. Надеясь на возвращение на основную часть Китая, тайваньские власти разместили на упомянутых островах гарнизоны, вели оттуда наблюдения за материком и рассчитывали с этих плацдармов осуществить вторжение.

Обстрелы прибрежных островов с территории континентального Китая рассматривались правительством Чан Кайши как прелюдия к вторжению на них, а затем и на Тайвань. Эйзенхауэра предупреждали, что с военной точки зрения Квемой и Мацзу не имеют существенной ценности для обороны Тайваня, но их потеря явилась бы ударом по престижу власти Чан Кайши. Более того, армейское руководство США пришло к выводу, что власти Тайваня не смогут удержать острова без внешней помощи{635}.

Двенадцатого сентября президент, находясь на кратком отдыхе в Денвере, провел совещание с Д.Ф. Даллесом и начальниками штабов родов войск. Некоторые из них рекомендовали разместить на островах американские войска, а в случае конфронтации начать воздушные налеты на материк, не исключая использования атомного оружия. Сохраняя выдержку, Эйзенхауэр отклонил этот план, полагая, что его реализация

неизбежно приведет к мировой войне. Он говорил: «Если мы вступим в крупную войну, нашим противником окажется не только Китай, но и Россия, и мы будем вынуждены нанести по ней удар»{636}.

Между тем военная тревога в прибрежном районе Китая нарастала. Американская разведка доносила, что китайская Народная армия сосредоточивает силы на участках, наиболее удобных для организации десантирования на острова. Новый всплеск взаимных обвинений возник в связи с судом над экипажем американского самолета «Б-29», сбитого в конце корейской войны над приграничными районами Китая или северокорейской территорией. Четырнадцати летчикам было предъявлено стандартное обвинение в шпионаже, грозившее смертным приговором. С точки зрения соглашения о перемирии в Корее, предусматривавшего обмен военнопленными, суд был грубым нарушением международного права. Естественно, это вызвало новые требования в Конгрессе начать войну против коммунистического Китая.

Президент поступил значительно осторожнее — 2 декабря подписал с правительством Чан Кайши договор о взаимной обороне. США обязались оказать прямую помощь тайваньскому правительству в случае нападения на него, Чан Кайши — не совершать нападения на материковый Китай без предварительных консультаций. Договор распространялся только на территории Тайваня и связанных с ним Пескадорских островов, а Квемой и Мацзу в нем не упоминались. 20 декабря президент США встретился с министром иностранных дел правительства Чан Кайши Е Кунчао, который настаивал на распространении действия договора на прибрежные острова и даже просил рассмотреть вопрос об экономической блокаде Китая. Эйзенхауэр не только ответил отказом, но и пытался убедить тайваньского министра в неразумности содержания значительных вооруженных сил на «этих маленьких и уязвимых островах»{637}.

Постепенно тревога вокруг Квемоя и Мацзу улеглась. Китай не обладал атомным оружием, экономика страны только начинала возрождаться после многолетней гражданской войны, и Мао Цзэдун отнюдь не намеревался ввязываться в конфликт с США. Более того, путем негласных контактов через посредников удалось договориться об освобождении пленных летчиков.

В этих условиях задача президента состояла в том, чтобы, с одной стороны, успокоить разгоряченное общественное мнение в США, с другой — побудить китайских руководителей к заявлениям, подтверждающим затухание конфликта.

Наиболее рьяные конгрессмены и публицисты по-прежнему

требовали применить ядерное оружие для защиты Тайваня.

Хитрый Эйзенхауэр решил на очередной пресс-конференции запутать слушателей и читателей. 23 марта 1955 года на вопрос одного из журналистов о возможности использования атомного оружия для защиты Тайваня он дал нарочито нелепый ответ: «Единственное, что я знаю о войне, это две вещи: наиболее изменчивый фактор в войне — это человеческая натура в своем повседневном проявлении; но единственным неизменным фактором в войне является также человеческая натура. И далее, каждая война удивительна тем способом, которым она ведется, и тем путем, которым она завершается. Поэтому предсказывать для человека, особенно если он несет ответственность за принятие решений, предсказывать, что именно он собирается использовать, как он собирается это сделать, означало бы продемонстрировать свое непонимание войны; и это то, во что я верю. Так что, я полагаю, вам следовало бы подождать, и это как раз то истинное решение, перед которым однажды остановится президент»{638}. Он сам потом смеялся, представляя, как трудно будет перевести его слова на китайский или русский язык да еще и истолковать, что именно он имел в виду.

Понять что-то в этом заявлении было действительно почти невозможно. Но власти Китая и СССР решили этот ребус: Эйзенхауэр не собирается применять ядерное оружие в ближайшей перспективе. Ответом было заявление премьера Государственного совета КНР Чжоу Эньлая от 23 апреля о дружеском отношении китайцев к народу США и готовности вступить в переговоры. В качестве жеста доброй воли было представлено освобождение осужденных американских летчиков. 1 августа 1955 года в Швейцарии начались переговоры послов КНР и США{639}, которые затянулись на много лет, но в конечном итоге привели к юридическому признанию КНР. Материковый Китай в октябре 1971 года получил место в ООН, в частности в Совете Безопасности в качестве постоянного члена.

На фоне то разжигания, то затухания холодной войны Эйзенхауэр стал поощрять тайные разведывательные, а подчас и подрывные действия ЦРУ, сочтя вполне удовлетворительными результаты тайных операций в Иране и Гватемале.

В начале 1954 года Эйзенхауэр создал совещательную группу «внезапного нападения», задача которой состояла не в планировании нападения, а, наоборот, в оповещении о подготовке нападения со стороны вероятного противника. Назвав так эту группу, которую возглавил президент Массачусетсского технологического института Джеймс Киллиан, Эйзенхауэр трезво рассуждал, что на самом деле внезапных нападений не бывает —

всегда необходим какой-то срок для подготовки; следовательно, требуется разработать достаточно надежные средства обнаружения этой подготовки. Группа Киллиана порекомендовала президенту обратить внимание на работы лауреата Нобелевской премии за 1952 год Эдвина Лэнда, изобретателя фотокамеры «Поляроид». Им были созданы еще более совершенные камеры, способные делать снимки высокой точности с большой высоты. Надо было найти возможность использовать изобретения Лэнда для фотосъемок над территорией СССР и других стран. Вначале провели эксперименты с воздушными шарами, не давшие значительных результатов. Несколько шаров было перехвачено, последовали советские протесты.

Как раз к этому времени конструкторы авиационной фирмы «Локхид» создали одноместный реактивный самолет, способный летать на большие расстояния и на большой высоте (до 23 километров). Размер крыльев позволял преодолевать значительные расстояния, планируя без включения мотора. Фирма рассчитывала получить крупный государственный заказ, а для этого необходима была поддержка президента.

Двадцать четвертого ноября 1954 года о проекте было доложено Эйзенхауэру. Он распорядился, если испытания окажутся успешными, заказать 30 самолетов общей стоимостью 35 миллионов долларов. «Президент поручил присутствующим ускорить строительство самолетов» — такова была запись об итогах встречи. Ответственным был назначен директор ЦРУ Даллес{640}. По его поручению, согласованному с президентом, самолет «У-2» был оснащен большим количеством устройств для сбора разведывательных данных, в том числе фотокамерами Лэнда.

Вначале Эйзенхауэр действовал осторожно. Правда, Даллес доложил ему, что вероятность обнаружения самолета над чужой территорией почти равна нулю, но даже в случае крушения он рассыплется на такие мелкие части, что доказать ничего не удастся, а пилот погибнет. Только после этого Эйзенхауэр разрешил десятидневные пробные полеты{641}.

Испытания прошли успешно, сделка была заключена. С июня 1956 года были начаты полеты «У-2» (получивших условное название «Леди-дракон») над странами Восточной Европы, а с июля — и над советской территорией, причем по указанию президента они проводились главным образом в приграничной зоне. Всего над территорией СССР было проведено 24 разведывательных полета, позволивших обнаружить ряд военных и промышленных объектов. Главный результат был получен 5

августа 1957 года, когда было определено местоположение и сделаны снимки ракетного полигона в Казахстане, который позже стал известным как космодром Байконур{642}.

Однако с самого начала полеты «У-2» не проходили столь гладко, как надеялись чиновники ЦРУ. О полетах, в том числе над Москвой и Ленинградом, было известно советской стороне, хотя попытки сбить самолеты оказывались безрезультатными. Следовали жесткие ноты. Эйзенхауэр приказывал прекращать полеты, а затем возобновлять их.

В апреле 1958 года сотрудничавший с ЦРУ майор советской военной разведки (Главного разведывательного управления) Петр Попов{643}, служивший в ГДР, сообщил своему связнику Джорджу Кайзеуолтеру, что высокие чины из КГБ хвастались, что в их распоряжении имелись «все технические детали» «У-2». В ЦРУ всполошились, пытались найти источник утечки информации, однако никаких результатов не получили. Значительно позже было высказано предположение, что информатором советских спецслужб являлся будущий подозреваемый в убийстве президента Джона Кеннеди Ли Харви Освальд, служивший в это время оператором на базе «У-2» в Японии{644}. Однако данные о связи Освальда с советскими разведывательными службами отсутствуют.

С учетом крайней нестабильности в мире, наличия оружия массового уничтожения, использование которого могло привести к моментальному разрушению значительной части даже такой огромной страны, как США, Эйзенхауэр понимал, что должен иметь свободу рук на случай, если потребуется принимать моментальные решения. Между тем такой свободы у него не было, ибо согласно Конституции США объявление войны — прерогатива Конгресса. Правда, в период Второй мировой войны законодатели фактически не пользовались ею — решения принимались президентом Рузвельтом в качестве главнокомандующего вооруженными силами и затем санкционировались законодательной властью.

Но теперь речь шла не только о возможности развязывания мировой войны, но и об использовании американских вооруженных сил за рубежом, то есть о фактическом ведении войны без ее объявления. Требуется ли на это решение Конгресса? Советники Эйзенхауэра не могли дать ответ. На всякий случай он решил, что законодатели должны предоставить ему карт-бланш. Побеседовав с руководителями обеих палат и получив заверения, что Конгресс «одобрит его действия без какой бы то ни было критики»{645}, 24 января 1955 года президент направил Конгрессу послание с предложением «ясно и публично предоставить [ему]

как верховному главнокомандующему право использовать вооруженные силы нации быстро и эффективно в тех случаях, когда сочтет это необходимым» Он ссылался на ситуацию в районе Тайваня, но было ясно, что имеется в виду и любое другое использование американских вооруженных сил{646} Прений почти не было Это был один из немногих случаев в истории американского законодательного органа, когда палата представителей в тот же день приняла положительное решение по запросу президента, причем в почти полном единодушии (за проголосовали 410 депутатов, против — трое) 28 января сенат также проголосовал за предложение Эйзенхауэра восемьюдесятью тремя голосами против четырех Американский президент получал, таким образом, огромные дополнительные права, и вместе с тем на его плечи ложилась величайшая ответственность за судьбы собственной страны и всего мира

Встреча на высшем уровне

Ответственность за судьбы мира, как ее понимал президент США, была связана прежде всего с советско-американскими отношениями Авансы советских руководителей по поводу возможности их улучшения и прежде всего возобновления контактов на высоком уровне начались буквально на следующий день после смерти Сталина Эйзенхауэр, однако, не торопился реагировать — прежде всего потому, что ситуация на вершине политической власти СССР была явно нестабильной, о чем свидетельствовали арест Л.П. Берии и объявление его вполне в духе сталинских традиций «врагом народа» и «шпионом» Понимая, что «коллективное руководство» является прикрытием власти одного лица, Эйзенхауэр выжидал, кто именно окажется в роли реального всемогущего руководителя

Вначале казалось, что им станет Г.М. Маленков. В этом убеждала опубликованная во всех советских газетах фотография Маленкова вместе со Сталиным и Мао Цзэдуном, под которой стоял текст «Мы глубоко верим, что Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Советское правительство во главе с товарищем Маленковым безусловно смогут продолжить дело товарища Сталина».{647} Факт лидерства Маленкова вроде бы подтвердился летом 1953 года, когда он выступил с широковещательной программой повышения жизненного уровня населения и смягчения международной напряженности

Но сохранялись серьезные сомнения в прочности позиций

Маленкова, так, первым секретарем ЦК Коммунистической партии Советского Союза в сентябре 1953 года был избран Н.С. Хрущев. Политический расклад стал еще менее ясным в начале 1955 года, когда Маленков был подвергнут критике и, оставшись членом Президиума ЦК КПСС, смещен с должности председателя Совета министров{648}, на которую назначен Н.А. Булганин, являвшийся ранее первым заместителем председателя Совмина. Эйзенхауэр не исключал, что реальной властью в СССР может овладеть его старый знакомый маршал Г.К. Жуков, ранее возвращенный из фактической ссылки на Урал, а в феврале 1955 года ставший министром обороны.

Пятнадцатого мая 1955 года министры иностранных дел Великобритании, СССР, США и Франции подписали государственный договор с Австрией, территория которой была оккупирована четырьмя союзными государствами. Договор предусматривал восстановление демократической, суверенной и независимой Австрии. Эйзенхауэр несколько раз повторил, что речь идет не о мирном договоре: хотя Австрия и входила в состав Третьего рейха с 1938 года, но была захваченной страной, получившей после войны свободу. В текст договора не было включено положение о постоянном нейтралитете страны, но об этом была достигнута договоренность, и 26 октября, на следующий день после выхода войск бывших союзников с территории Австрии, ее парламент утвердил Декларацию о нейтралитете.

Подписание Советским Союзом государственного договора рассматривалось западными державами как жест доброй воли. Эйзенхауэр счел его достаточным для проведения совещания на высшем уровне. Было объявлено, что 18 июля в Женеве откроется встреча глав четырех держав.

Готовясь к встрече, которая рассматривалась прежде всего как переговоры американского президента с советскими лидерами, Эйзенхауэр тщательно обдумывал предложения, с которыми выступит. ЦРУ и советники, политические эксперты пытались определить, кто именно из советского «коллективного руководства» является боссом. Преобладало мнение, что вес набирает Хрущев, но Эйзенхауэр относился к нему с недоверием, всё еще считая, что за спиной политиков в качестве реально властного лица стоит прославленный военный, его старый знакомый Жуков.

Основное внимание на встрече Эйзенхауэр решил сосредоточить на ограничении вооружений под открытым контролем, который осуществлялся бы путем свободного полета над территорией обеих стран самолетов, оборудованных

новейшими средствами обнаружения военных объектов. Этот план «открытого неба» Эйзенхауэр огласил еще до встречи в верхах, на пресс-конференции 6 июля. Посыпались вопросы о степени надежности такого контроля: русские, мол, согласятся на сокращение вооружений, а затем станут производить новые средства ведения войны на тайных предприятиях. Эйзенхауэр заверил журналистов, что существует масса путей обнаружения подобных предприятий, коммуникаций к ним, аэродромов, пусковых ракетных установок и т. д.{649}

Госдепартаментом был подготовлен текст приветственной речи президента на открытии конференции. В основном согласившись с ним, Дуайт устранил наиболее острые выражения, употребление терминов «коммунизм» и «Советы» в негативном смысле, придал всей речи конструктивный дух. Несмотря на возражения Д.Ф. Даллеса, президент включил в речь слова о том, что он призвал всех американцев в день открытия конференции отправиться в церкви и молиться за мир{650}. Непосредственно перед отлетом в Женеву Эйзенхауэр выступил по радио и телевидению с обращением к американцам, в котором в самой общей форме выразил надежду на изменение духа американо-советских отношений, которое должно привести к миру, процветанию и спокойствию, ранее невиданным в истории человечества, завершив выступление теми самыми словами, которые включил в предстоявшую приветственную речь, — призывом молиться за мир{651}.

Эйзенхауэр отправился в Женеву в сопровождении не только жены, но и сына, который как раз в это время окончил Командно-штабное училище и, получив положенный месяц отпуска, присоединился к родителям.

Дуайт поручил Джону в течение всей конференции (18–23 июля) находиться как можно ближе к Жукову и внимательно слушать, что он будет говорить, иногда провоцируя его вопросами. Но в этом не возникло необходимости. Во время первого же приема отец и сын Эйзенхауэры оказались рядом с Жуковым, который сообщил, что как раз в это время его дочь выходит замуж, но он отказался участвовать в празднестве, чтобы «увидеть старого друга».

Понимая, что это всего лишь дань вежливости, Дуайт тут же повернулся к помощнику и распорядился подготовить для молодоженов и отца невесты сувениры, в том числе портативный радиоприемник — их только начали производить в США.

Эйзенхауэр был удивлен растерянности Жукова. Маршал произнес нечто вроде того, что в СССР «некоторые факты не соответствуют своему внешнему виду». Жуков говорил тихим

голосом. «У него не было прежней живости и, в отличие от прошлого, он не улыбался и не шутил». (На самом деле Жуков и раньше, во всяком случае при посторонних, не улыбался и не шутил.)

Эйзенхауэр пришел к выводу, что его предположения о «закулисном диктаторе» не соответствуют действительности{652}. Это впечатление подтвердилось во время ужина, на который президент пригласил бывшего товарища по оружию. В беседе, проходившей лишь с участием переводчиков, советский маршал всячески уклонялся от политических тем{653}.

Теперь оставалось выяснить, в чьих руках — Булганина или Хрущева — находится власть. Произошло это уже в ходе заседаний. Пока же на открытии конференции Эйзенхауэр отказался от миротворческих интонаций, содержавшихся в проекте его вступительной речи, и выдвинул на первый план вопрос об объединении Германии на основе свободных выборов, причем подчеркнул, что единое германское государство должно иметь право на самооборону, что означало наибольшую вероятность присоединения Германии к НАТО. Говорил он и об угрозе мирового коммунизма, то есть использовал те пассажи, которые отверг в проекте речи. Причины такого крутого изменения позиции заключались, видимо, в том, что в последний момент, увидев (или предположив) нестабильность советского руководства, Дуайт решил поднять планку дискуссии, выступив с большими запросами, чтобы потом сделать вид, что идет на уступки.

Однако сближения точек зрения не произошло. Советская делегация предложила сократить вооружения, но предложения носили общий характер и не предусматривали мер проверки.

Эйзенхауэр был потрясен, когда на его вопрос, почему русские опасаются свободных германских выборов, Хрущев ответил: «У немецкого народа не было достаточно времени, чтобы узнать о великих преимуществах коммунизма». Советская сторона настаивала на создании единой Германии только при условии ее разоружения и нейтрального статуса. Американский президент с ходу отверг это предложение. В свою очередь его старания поставить на рассмотрение ситуацию в государствах Восточной Европы не дали результата — на этот раз Булганин представил их как попытку вторжения во внутренние дела других стран{654}. Эйзенхауэру всё еще не было ясно, кто играет первую скрипку в советской делегации.

Двадцать первого июля Эйзенхауэр внес на рассмотрение участников конференции свой план «открытого неба», заявив, что ограничительные меры в области стратегических вооружений

имеют смысл лишь в том случае, если поддаются контролю. Он говорил: «Я всячески продолжаю искать в собственном сердце и в голове что-то такое, что могло бы всех убедить в искренности стремления Соединенных Штатов найти подход к проблеме разоружения». Президент предложил, чтобы каждая сторона предоставила партнерам схему своих военных объектов, после чего были бы созданы условия для аэрофотосъемок этих и других сооружений по выбору другой стороны. Согласно плану Эйзенхауэра, каждая сторона должна была предоставить аэродромы для размещения самолетов, оборудованных новейшими фотокамерами, которые могли бы совершать неограниченное число инспекционных полетов, контролируя соответствие действительного положения предоставленным данным{655}.

Завершив выступление, Эйзенхауэр тяжело вздохнул и произнес: «Я желаю только одного — чтобы Бог дал мне возможность убедить вас в искренности и последовательности нашего предложения». Когда он произнес эти слова, раздался сильный удар грома, и в зале потух свет. Едва присутствовавшие оправились от неожиданности и рассмеялись, Дуайт добавил: «Конечно, я надеялся произвести сенсацию, но не столь громкую!» Рассказавший об этом эпизоде переводчик Верной Уолтере иронизировал: «До нынешнего дня русские пытаются угадать, как у нас это получилось»{656}.

«Открытое небо» так или иначе было не за горами. И в США, и в СССР шли работы по созданию искусственных спутников Земли. Американцы не делали секрета из своих планов создания «маленькой рукотворной луны» величиной с футбольный мяч, разумеется, держа в глубокой тайне технические подробности. Советская сторона своих планов не разглашала.

Эйзенхауэр, видимо, всерьез надеялся, что советская сторона примет план «открытого неба». Об этом, казалось, свидетельствовало ответное заявление Булганина, что руководство СССР немедленно займется тщательным изучением американского предложения. Однако американского президента ожидало разочарование. После окончания заседания к нему подошел Хрущев с переводчиком и жестко предупредил, что не согласен с председателем Совета министров. Такая реакция сразу поставила все точки над «i» — Эйзенхауэр понял, что Булганин становится декоративной фигурой, а реальная власть сосредоточивается в руках партийного первого секретаря. «С этого времени я не тратил больше времени на Булганина», — вспоминал Эйзенхауэр{657}.

Хрущев категорически отказался от плана «открытого неба»,

назвав его шпионским, что на много лет похоронило проект. Можно полагать, что реакция Никиты Сергеевича была спонтанной и он просто не разобрался во всех аспектах этого плана, а природное упрямство усилило эту реакцию. Возможно также, что новый советский лидер в какой-то мере сожалел о ней. На одном из дипломатических приемов на вопрос, готов ли СССР сотрудничать с США в этой области, он ответил: «Да, если это в интересах человечества», — добавив: «Я что-то слышал об этом, но внимательно не изучал, а поэтому не могу сказать ничего определенного»{658}.

Несмотря на то что договоренность не была достигнута, Эйзенхауэр понимал, что проект «открытого неба» в ближайшее время будет реализован и произойдет это вопреки чьим бы то ни было пожеланиям, благодаря освоению космоса.

Никаких конкретных решений в Женеве принято не было, но Эйзенхауэр, как и его партнеры, положительно оценил результаты встречи. На заключительном заседании 23 июля он заявил: «Я убедился, что перспективы длительного мира, основанного на идеях справедливости, благосостояния и свободы, стали лучше, а угроза общей трагедии современной войны уменьшилась»{659}.

Наблюдатели и исследователи согласны в том, что летом 1955 года возник «дух Женевы», появилось «ощущение, легшее в основу всей последовавшей за встречей на высшем уровне дипломатии: нации, лидеры которых могут общаться друг с другом лицом к лицу, вряд ли смогут стать врагами»{660}. Главным результатом Женевской конференции было возобновление практики встреч глав государств. Такие встречи будут проходить не раз, в одних случаях завершаясь без результатов, в других давая существенные плоды, в третьих терпя провал, даже не успев открыться. Но так или иначе сам факт их проведения означал, что мир вступил в эпоху мирного сосуществования стран с разными социальными системами.

При определенных неудачах внешнеполитическая деятельность Эйзенхауэра в течение первого президентского срока завершалась на позитивной ноте. Главное, к чему он стремился, — сохранение мира, преодоление кризисных ситуаций при одновременном укреплении позиций США, ослабление холодной войны, которая весьма дорого обходилась американским налогоплательщикам, но не давала видимых результатов в геополитическом и военном соперничестве с СССР.

Явно преувеличивая заслуги Эйзенхауэра в предотвращении войны, некоторые его биографы пишут, что только он был на это способен. Может быть, какой-то части населения действительно так казалось, но ни один вдумчивый политик или политолог ни в

США, ни за рубежом не осмелился бы столь высоко оценивать личную роль президента-генерала.

Было множество факторов, способствовавших тому, что крайне напряженные ситуации первой половины 1950-х годов не привели, к счастью, к ядерной войне. Позиция Эйзенхауэра была одним из таких факторов. С. Амброз констатировал: «В середине 1953 года большинство советников по военным, внешнеполитическим и внутриполитическим вопросам были против перемирия в Корее. Но Эйзенхауэр настоял на мире. Пять раз в 1954 году, по сути дела, все члены Национального совета безопасности, Объединенного комитета начальников штабов и Государственный департамент рекомендовали, чтобы он вмешался в азиатские дела, даже применяя атомные бомбы против Китая. Первый раз это было в апреле, когда ситуация в Дьенбьенфу стала критической, второй — в мае, накануне падения Дьенбьенфу, третий — в июне, когда французы сочли, что китайская авиация вот-вот вмешается в индокитайский конфликт, четвертый — в сентябре, когда китайцы начали обстрел островов Квемой и Мацзу, пятый — в ноябре, когда китайцы объявили тюремные приговоры американским летчикам. Пять раз эксперты советовали президенту нанести ядерный удар по Китаю. Пять раз он отвечал отрицательно»{661}.

Действительно, роль американского президента в сохранении зыбкого мира в эти годы нельзя недооценивать, как не следует считать его чуть ли не единственным миротворцем. Используя как открытую, так и тайную дипломатию, разведывательные и подрывные действия, подчас не гнушаясь фактическим санкционированием актов террора, Эйзенхауэр в целом оказался на высоте задач высшего руководителя внешней политики одной из двух тогдашних сверхдержав.

Глава пятая. ЭЙЗЕНХАУЭР И МАККАРТИ: ПЕРЕТЯГИВАНИЕ КАНАТА

Дело Розенбергов

Во внутренней политике Эйзенхауэр демонстрировал явный центризм. Не связанный партийными пристрастиями (хотя и был избран от Республиканской партии), президент проявлял себя прагматиком, поддерживая в одних случаях предложения, выдвигаемые представителями крупного капитала, в других — левыми силами, настаивавшими на усилении государственного вмешательства в экономику и социальную сферу. В результате нападки на его администрацию сыпались с обеих сторон. Если добавить, что Дуайт оставался человеком эмоциональным и подчас принимал решения, основанные скорее на чувствах, нежели на трезвом расчете, то картина его внутриполитической деятельности становится еще более мозаичной. И всё же подавляющее большинство его законодательных инициатив получало поддержку и в Конгрессе, и в широком общественном мнении.

Уже вскоре после прихода в Белый дом Эйзенхауэр должен был принять решение, касающееся жизни или смерти двоих людей, обвиненных в национальной измене. Речь шла о супругах Этель и Джулиусе Розенберг, еще с начала 1940-х годов работавших на советскую разведку{662}. Джулиус в тридцатые годы был членом Коммунистической партии США, но в соответствии с инструкциями из Москвы вышел из нее, чтобы в меньшей степени привлекать внимание полиции и других силовых ведомств. К шпионской деятельности Джулиус привлек не только жену, но и ее родственников — брата Дэвида Гринглассa и его супругу Рут. В шпионской сети важную роль играли физик-теоретик Клаус Фукс и химик Гарри Голд. Но особо важная роль принадлежала Гринглассу, который работал в Лос-Аламосе — центре американского ядерного проекта. Вначале информация передавалась безвозмездно, по «идейным соображениям», но со временем Гринглассы и Розенберги стали получать сравнительно небольшие вспомоществования (обычно по 500 долларов).

С учетом того, что участники разведывательной сети (за исключением Фукса, рано попавшего под подозрение британской контрразведки, а затем арестованного) никакого отношения ни к

физике, ни к атомной энергетике не имели, существенной информации они передать не могли, не будучи в состоянии отличить важное от второстепенного. Тем не менее рисунки и схемы ряда деталей, связанных с атомной бомбой, а затем рабочие чертежи бомбы, сброшенной на Нагасаки, переданные советскому резиденту Анатолию Яковлеву (Яцкову), были им сочтены (скорее всего, для повышения собственной репутации) «превосходной и чрезвычайно ценной» информацией.

Сеть была разрушена в 1950 году. Арестованный первым Фукс сознался и был приговорен к четырнадцати годам заключения, затем по его описанию задержали Голда, который также пошел на сотрудничество со следствием. В июле 1950 года были арестованы Джулиус и Этель Розенберг. На первых же допросах им было заявлено, что если они не дадут признательных показаний, их ожидает смертная казнь. В отличие от подельников Розенберги упорно отрицали связь с советской разведкой, даже в тех случаях, когда она подтверждалась не только показаниями, но и документами.

Процесс по делу Розенбергов начался 6 марта 1951 года. Их обвиняли в «заранее спланированном с сообщниками заговоре для выдачи Советскому Союзу информации и оружия, которое тот мог использовать, чтобы уничтожить нас». Против Розенбергов свидетельствовали Голд и супруги Грингласс, уже приговоренные к длительным тюремным срокам и поэтому, по мнению судей и присяжных, являвшиеся беспристрастными свидетелями. Джулиус же решил использовать суд для разоблачения «империалистической политики правящих кругов США», утверждая, что их дело — проявление «охоты на ведьм». Еще один аргумент, подкинутый советской пропагандой и американской коммунистической прессой, — что процесс якобы является антисемитским, — Розенберги использовать не решились, поскольку судья Кауфман тоже был еврей, а еврейские организации Нью-Йорка резко выступили против советских шпионов.

Пятого апреля 1951 года обоим подсудимым был вынесен смертный приговор, в котором, в частности, говорилось: «Шпионаж, о котором мы слышали в этом зале, — гнусная и грязная работа, какими бы идеалистами она ни делалась… Ваше преступление — деяние худшее, чем убийство. Вы передали русским атомную бомбу, и уже это предопределило коммунистическую агрессию в Корее». Как видим, судебный процесс и приговор были густо окрашены политикой, юридическая сторона присутствовала в малой степени.

Как утверждает один из руководителей советской разведки,

П.А. Судоплатов, «Розенберги были наивной, но вместе с тем преданной нам в силу своих коммунистических убеждений супружеской парой, готовой во всём сотрудничать с нами, но их деятельность не имела принципиального значения в получении американских атомных секретов»{663}. По его мнению, дело было раздуто из-за коммунистических убеждений Этель и Джулиуса, а ФБР допустило непростительную ошибку, поторопившись с их арестом: если бы супругов взяли в долгосрочную разработку, вышли бы на более крупных разведчиков, в частности на руководившего советской агентурной сетью в США Р.И. Абеля (он был арестован только в 1957 году){664}.

Международная кампания в защиту Розенбергов была начата только через полгода по команде из Москвы. При этом упор делался на антикоммунистические и антисемитские мотивы судебного решения. В кампанию удалось вовлечь не только коммунистов, но и других лиц и организации, осуждавших приговор по моральным соображениям. С призывами о помиловании выступили Томас Манн, Альберт Эйнштейн, римский папа Пий XII.

Как только Эйзенхауэр стал президентом, ему поступило очередное прошение осужденных. Окружение президента склонялось к мнению, что решение о помиловании было бы целесообразным и из политических, и из моральных соображений, в частности принимая во внимание тот факт, что двое малолетних детей останутся сиротами. Помимо этого, помилование, полагали советники, будет воспринято как осуждение «охоты за ведьмами», которую начал в Конгрессе сенатор Джозеф Маккарти.

Эйзенхауэр, однако, принял решение отказать в помиловании, считая преждевременным вступать в открытую схватку с Маккарти и той разнузданной толпой, которая следовала за ним, увеличиваясь изо дня в день. Жесткость в деле Розенбергов ставила цель перехватить инициативу, показать неумолимость президента США к государственным преступникам. В опубликованном 11 февраля 1953 года заявлении Эйзенхауэра говорилось: «Казнь двух человеческих существ — печальное и тяжелое дело, но еще более ужасна и печальна мысль о миллионах погибших, чья смерть может быть прямо отнесена к тому, что эти шпионы сделали. Я не стану вмешиваться в это дело. Природа преступления, за которое они были признаны виновными и осуждены, далеко превосходит лишение жизни отдельного гражданина; оно представляет собой сознательное предательство целой нации и вполне могло привести к смерти многих тысяч невинных граждан». Эйзенхауэр счел, что

Розенберги получили «полную меру правосудия»[665].

Решение, таким образом, было вынесено. Розенбергов ожидал электрический стул. Однако по мере приближения казни (назначенной на 19 июня) на Эйзенхауэра стало оказываться всё более мощное давление в пользу помилования, с возможностью использования гуманного акта в международно-политических целях. Ален Даллес предложил, например, предоставить Розенбергам материалы о государственном антисемитизме в СССР в последние годы власти Сталина и обещать помилование в случае, если они обратятся к евреям всего мира «с призывом порвать с коммунистическим движением и с требованием разрушить его»[666]. Посол США во Франции Диллон высказывал госсекретарю мнение, что все европейцы воспринимают казнь Розенбергов как санкционированное судом убийство по политическим соображениям, проявление «ползучего умиротворения маккартизма»[667].

К середине июня почту Белого дома запрудили тысячи писем с требованием помилования Розенбергов. Вокруг президентской резиденции денно и нощно маршировали демонстранты. Какое-то время Эйзенхауэр колебался. 16-го числа он написал сыну, находившемуся на фронте в Корее: «Это противоречит всему моему существу — не вмешаться, когда речь идет о смертной казни, которая предстоит женщине». Но он решил, что всё же воздержится от вмешательства по двум причинам: во-первых, «речь идет о женщине с сильным и непримиримым характером; мужчина в данном случае оказался слабым. Она, это очевидно, являлась руководителем во всём, что они делали в своем шпионском кругу»; во-вторых, если он помилует Этель, тогда как Джулиуса казнят, «Советы просто будут рекрутировать своих шпионов из числа женщин»[668].

В день казни Эйзенхауэр опубликовал еще одно заявление об отказе в помиловании, на этот раз очень краткое — о том, что Розенберги «получили все блага защиты, которые может предоставить американская юстиция»[669].

Действительно, суд над Розенбергами проводился на базе весьма скрупулезной процедуры, с участием присяжных и избранных подсудимыми независимых адвокатов. Так что отнести приговор к «охоте за ведьмами» невозможно, хотя политические моменты в нем, несомненно, присутствовали — в деле об атомном шпионаже их не могло не быть.

В тот же день Розенберги были казнены на электрическом стуле. Это был единственный в США случай казни женщины в XX веке.

Нельзя сказать, что дело Розенбергов было сильным

испытанием для президента. Он считал их не просто врагами, а предателями, и исполнение судебного приговора, многократно обоснованного свидетельскими показаниями и документами, представлялось ему вполне справедливым, хотя какое-то неудобство он всё же испытывал. Но несравненно важнее ему представлялось, что, проявив твердость в этом деле, он отводил от себя обвинения маккартистов в потворстве коммунизму, а это давало президенту возможность более или менее успешно проводить центристский курс.

Второго ноября 1954 года переизбирались палата представителей и треть сената. Республиканская партия потеряла в сенате два места, получив 47 мандатов, тогда как демократы — 48 (одно место досталось независимому кандидату). Хуже было дело в палате представителей: Демократическая партия имела теперь 232 места, а Республиканская — 203.{670}

Результаты выборов несколько затруднили президенту проведение намеченных им мероприятий, но отнюдь не были катастрофическими. Во внешней политике, как правило, обе партии занимали схожие позиции, а внутри страны Эйзенхауэр проводил умеренную политику, подчас получая даже большую поддержку от демократов, нежели от депутатов своей партии, поскольку среди последних резко усилилось влияние правого крыла. Президент подчас находил больше точек соприкосновения с сенатским лидером демократов Линдоном Джонсоном, нежели с республиканцем Уильямом Ноулендом.

Ноуленд был известен острой критикой внешней политики Трумэна, особенно на Дальнем Востоке. Его прозвали даже «сенатором с Формозы» (Тайваня), так как он горячо поддерживал гоминьдановскую власть Чан Кайши на этом острове и выходил из себя, когда слышал, что «красный Китай» следует принять в ООН. Если исключить словесные эскапады, то позиция Ноуленда во внешней политике в основном совпадала с эйзенхауэровской. Значительно хуже было то, что лидер фракции и значительная часть республиканских сенаторов, по сути, оказались в фарватере Джозефа Маккарти, который именно после выборов 1954 года полным ходом развернул начатую ранее «охоту на ведьм». Именно поэтому Эйзенхауэр явно несправедливо отзывался о лидере республиканцев в сенате: «Очень жаль, что его ум, рассудительность и такт, а также чувство юмора явно отстают от его честолюбия»{671}.

Президент и развертывание маккартизма

В литературе (в основном публицистической, но не только) нередко сильно преувеличиваются роль и масштабы деятельности сенатора Маккарти, которого даже сравнивают то с Гитлером, то со Сталиным. В 2001 году американская телекомпания Си-эн-эн выпустила документальный фильм, посвященный Маккарти, в котором упорно проводится мысль, что эта довольно второстепенная и вскоре сошедшая с исторической арены личность имела много общих черт с советским руководителем. Известный историк Уильям Чейз проводит ту же аналогию — правда, только применительно к периоду Большого террора в СССР{672}.

На подобные сравнения откликнулся видный американский специалист по российской истории профессор Гарвардского университета Ричард Пайпс. Интервью радиостанции «Свобода» в ноябре 2004 года он завершил словами: «Естественно, невозможно оправдать манеру поведения Маккарти, его часто преувеличенные и заведомо ложные обвинения. Это был неприятный эпизод в истории США, но это был лишь эпизод, из которого некоторые политики и историки пытаются сделать далекоидущие выводы… сравнив Маккарти со Сталиным. Знаете, это даже не смешно»{673}.

Тем не менее сенатор Джозеф Маккарти и «маккартизм» как феномен американской политической жизни и психологический фактор были явлениями реальными{674}, к которым Эйзенхауэр, как бы он ни стремился стоять в стороне от них, должен был проявить свое отношение.

«Маккартизм» как политическое и социально-психологическое явление был взращен холодной войной и теми событиями, которые рассматривались консервативными кругами США как провалы американской политики. Главными среди них считались установление советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе и в Китае, неустойчивое перемирие в Корее, проникновение в американские секретные сферы (особенно в ядерные исследования) советских шпионов. В законодательных органах и прессе стали разжигаться истерические страхи перед «красной угрозой», которая якобы может в ближайшее время привести к гибели США.

Именно на такой социально-психологической базе возникло дело Оппенгеймера, на сходном фундаменте основывалось и внимание ФБР к великому физику Альберту Эйнштейну. Рассекреченное огромное досье Эйнштейна из архива ФБР свидетельствует, что его политические неприятности начались еще в 1932 году: когда он приехал в Калифорнию преподавать в университете, ультраправая Лига патриотических женщин

сочинила на него многостраничный донос. Вызванному на беседу Эйнштейну задавали столь нелепые вопросы, что он воскликнул: «Это что, инквизиция?»{675}

Эйнштейн попал под надзор ФБР и пребывал под ним всю оставшуюся жизнь. В 1940 году в ответ на правительственный запрос, может ли он быть допущен к работе над атомным оружием, директор ФБР Гувер ответил: «Из-за своих радикальных взглядов профессор Эйнштейн не может считаться пригодным для использования в секретных работах»{676}. В 1950 году Гувер даже отдал распоряжение поставить вопрос о лишении Эйнштейна американского гражданства, однако чья-то сильная рука (скорее всего, президента Трумэна) остановила эту анекдотическую возню.

Другим примером «охоты на ведьм», начавшейся еще до появления на политической арене Д. Маккарти, было дело либеральных кинодеятелей, по наводке Уолта Диснея вызванных на заседание комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Дисней, талантливый карикатурист и создатель блестящих мультипликационных фильмов, был безжалостным предпринимателем, любыми способами боровшимся против соперников, в том числе путем их политической травли{677}. В конечном счете обвинения в проникновении коммунистов в Голливуд были отвергнуты, но ряд известных кинематографистов — Ринг Ларднер, Далтон Трамбо, Джон Лоусон и др. — были приговорены к тюремному заключению на срок от шести месяцев до года за неуважение к Конгрессу{678}.

На этом фоне и выдвинулся сенатор Маккарти, отнюдь не выдающийся деятель, державшийся на плаву сравнительно короткое время и завершивший свою карьеру далеко не самым благородным образом. Парадокс ситуации состоял в том, что эта личность, по существу являвшаяся мыльным пузырем, показалась настолько значительной, что всей кампании охоты за «красными призраками» с легкой руки журналистов было присвоено ее имя.

Джозеф Маккарти, родившийся в 1908 году, занимался юридической практикой в родном штате Висконсин, в годы Второй мировой войны служил в морской пехоте, но не участвовал в боях, а приобрел некоторый опыт в контрразведывательной службе. В 1946 году он был избран сенатором от родного штата, однако оставался незаметным. Правда, в апреле 1947 года Маккарти в популярной радиопрограмме потребовал не только запрета компартии и связанных с ней организаций, но и высылки из страны всех лиц, заподозренных в коммунизме. Но тогда на его речь внимания не обратили — подобные выступления насчитывались сотнями.

Ситуация изменилась, когда 9 февраля 1950 года Маккарти произнес речь в небольшом городе Виллинг (штат Западная Вирджиния), в которой перешел Рубикон, фактически объявив войну важному элементу администрации США — сообщив, что располагает именами 205 служащих Госдепартамента, которые являются членами Коммунистической партии, а глава департамента Дин Ачесон, отлично зная о их партийной принадлежности, продолжает держать их на ответственных постах. В результате, нагнетал страх Маккарти, положение США становится всё более отчаянным, враг может выиграть холодную войну из-за того, что высшие государственные служащие покровительствуют предателям и сами являются предателями.

Речь произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Она была опубликована на следующий день под кричащими заголовками. 19 февраля в Солт-Лейк-Сити, главном городе штата Юта, сенатора осаждали толпы журналистов. Они, правда, были разочарованы и даже удручены, когда герой дня в четыре раза (не 205, а 57) уменьшил количество «шпионов», служащих в Госдепе, причем не смог объяснить, откуда взялась цифра, названная накануне. Когда же от Маккарти потребовали огласить имена, он воспользовался незамысловатым трюком, известным в следственной практике: требовать, чтобы подследственный для облегчения своей участи назвал имена сообщников, которые следствию якобы и так известны. Сенатор заявил журналисту Дону Валентину: «Теперь, конечно, прежде чем мы дадим ему (Ачесону. — *Г. Ч., Л. Д.)* информацию, дадим ему имена коммунистов, которые мы имеем, он должен, конечно, сам иметь (если я имею их, он должен иметь их), я хочу вот чего: проявления его доброй воли. Самый лучший путь показать, то есть сказать, что по крайней мере то, что касается этих пятидесяти семи, когда вы дадите их имена, затем всю информацию о их коммунистической деятельности, о их нелояльности, мы сможем начать любое правильное расследование в комитете Конгресса. Ясно я сказал, Дэн?»{679} Как видим, журналист не стал редактировать высказывание Маккарти, чтобы читателям стало ясно, что собой представляет этот персонаж.

В новых выступлениях Маккарти цифры обвиняемых менялись, свести концы с концами он никак не мог. Само выражение «цифра Маккарти» стало злой шуткой в серьезной американской прессе, тогда как бульварные издания продолжали упиваться разоблачениями «мужественным сенатором» шпионов и предателей.

В начале 1950 года судьба незадачливого политика, казалось,

висела на волоске. Он смог назвать лишь одного «шпиона» — известного специалиста по Китаю и Центральной Азии Оуэна Латтимора, профессора университета имени Джонса Гопкинса и консультанта Госдепартамента: якобы именно его рекомендации привели к поражению Чан Кайши и победе коммунистов в Китае. Единственным аргументом, на котором строил обвинения Маккарти, были научные статьи самого Латтимора, в которых обращалось внимание на постепенно усиливавшиеся националистические оттенки в идеологии и политике Компартии Китая. Весной 1950 года по требованию сенаторов-демократов была образована комиссия по проверке обвинений, выдвинутых против профессора. Приглашенный на заседания Маккарти не смог привести ни одного доказательства, поскольку оперировал исключительно слухами и лживыми свидетельствами информаторов, имена которых назвать отказался.

Однако как раз в это время началась корейская война, ветры холодной войны подули с новой силой, и о недавних разоблачениях Маккарти стали повсеместно вспоминать. Сам Эйзенхауэр, который во время предвыборной кампании, чтобы не оттолкнуть от себя консервативно настроенных республиканцев, отказался высказывать свое мнение о Маккарти и его разоблачениях, был избран в том числе и благодаря поддержке кругов, прославлявших Маккарти.

Именно в условиях корейской войны, вмешательства в нее Китая и отчасти СССР, разоблачения ряда актов советской разведывательной деятельности против США Маккарти, хотя и на короткое время, вырос в фигуру общенационального значения. В 1952 году во время предвыборной президентской кампании Маккарти добился решения сената в придачу к Комитету по расследованию антиамериканской деятельности при палате представителей сформировать еще один подкомитет по расследованию (в спешке сенаторы забыли определить, что именно он должен был расследовать).

В качестве председателя нового подкомитета Маккарти развил бурную деятельность. По словам историка и журналиста Уильяма Манчестера, он стремился расправиться с самыми разными объектами своей антипатии — «красными, еретиками, богемой, радикалами, идиотами, большевиками, свихнувшимися, розовыми, популистами, яйцеголовыми профессорами»{680}. Именно таков был строй мыслей Маккарти — большого различия между этими группами он не видел.

В июне 1951 года сенатор предпринял весьма необдуманный ход — вылил кучу грязи на генерала Джорджа Маршалла, который тогда занимал пост министра обороны. Согласно

обвинениям Маккарти, Маршалл служил одновременно двум враждебным государствам — СССР и Японии. Правительство Трумэна вынуждено было начать расследование. Эйзенхауэр, находившийся тогда на посту президента Колумбийского университета, а затем командующего войсками НАТО в Европе, вопреки своей воле вынужден был по крайней мере делать вид, что участвует в следствии.

Судя по некоторым заявлениям Маккарти и его сторонников, можно полагать, что в карьерном продвижении он не намеревался останавливаться на должности сенатора и даже не исключал, что окажется преемником Эйзенхауэра на президентском посту.

Трудно судить, как развивались бы события, если бы не смерть Сталина и прекращение войны в Корее. В это время возрос не только личный авторитет президента, но и весомость исполнительной ветви власти в целом. Эйзенхауэр, которому выпады Маккарти были глубоко неприятны, до поры открыто не выражал своего отношения к нему. Президент полагал, что игнорирование Маккарти, отчуждение его от влиятельных государственных и общественных кругов сравнительно быстро приведут к падению его влияния и постепенному уходу в политическое небытие. Отрицательно, порой даже яростно отзываясь о Маккарти в кругу близких, Эйзенхауэр поначалу ни словом не упоминал о нем в публичных выступлениях и на пресс-конференциях.

Будь Маккарти умнее и прозорливее, он на время затаился бы, а затем выступил со значительно скорректированной платформой. Но не только политическим умом, но и подсознательным чутьем сенатор не обладал. Опьяненный славой, он развернул атаку на Министерство обороны, а затем стал заявлять, что администрация Эйзенхауэра такая же предательская, как и предыдущая. В одном из выступлений на сенатских слушаниях он «предупредил», что на самых высоких постах в американской армии находятся «прогнившие насквозь элементы», в другом — что США «переживают двадцать первый год предательства», имея в виду весь период развития страны от первого президентства Ф. Рузвельта.

Ставшие доступными в начале 1990-х годов стенограммы заседаний подкомитета Маккарти вместе с сопутствующими документами (всего свыше четырех тысяч листов архивной документации){681} свидетельствуют, насколько распоясался сенатор, чувствуя собственную безнаказанность, поддержку со стороны части членов Конгресса и широкого общественного мнения (точнее, толпы).

Эйзенхауэр ощущал всё большее беспокойство не столько в

связи с активностью Маккарти, сколько из-за поведения поддерживавших его органов печати. Своему близкому знакомому Уильяму Робинсону он жаловался: «В данном случае мы имеем дело с личностью, которая своей известностью и влиянием на политическую жизнь полностью обязана средствам массовой информации»{682}.

Действительно, газетные полосы в первые два года президентства Эйзенхауэра буквально переполняла сенсационная информация о подкомитете Маккарти, о его скандальных заявлениях, об оскорблениях, которые он наносил уважаемым людям, о той реакции, которую вызывало у них хамство Маккарти. Эта реакция тотчас именовалась «неуважением к Конгрессу» и в ряде случаев влекла за собой уголовное преследование.

Закулисные удары по Маккарти

Чашу терпения президента переполнил инцидент с заслуженным ветераном Второй мировой войны генерал-майором Ральфом Цвикером, начальником форта Килмер в штате Нью-Джерси, вызванным в подкомитет Маккарти для дачи показаний по делу армейского зубного врача Ирвинга Переса. Тот, обвиненный в коммунистической деятельности, отказался отвечать на вопросы Маккарти, ссылаясь на поправку к конституции о праве граждан не свидетельствовать против себя. Маккарти потребовал от министра армии Роберта Стивенса немедленно предать врача военному суду. Тем временем явно по указанию непосредственного начальника, генерала Цвикера, Перес получил очередное воинское звание майора, и его с почетом проводили в отставку{683}. Полагая, что именно Цвикер отдал приказ о повышении врача в звании, Маккарти упорно добивался от него признания, стал запугивать генерала и дошел до того, что заявил: «У вас мозги пятилетнего ребенка. Вы недостойны носить военную форму»{684}.

Министр сухопутных войск Стивене сперва отдал приказ Цвикеру больше не отвечать на вопросы, а затем сам послушно явился для дачи показаний Маккарти. Более того, на обеде, устроенном сенатором Эвереттом Дерксеном, Маккарти «пообещал» Стивенсу прекратить оскорбления свидетелей, если он прикажет Цвикеру давать показания и «назвать фамилии всех тех лиц, которые были причастны к повышению Переса в должности и его почетному увольнению из армии»{685}.

Окружившим их журналистам Маккарти объявил, что

Стивене и его подчиненные продолжат участие в слушаниях, Стивене же хранил гробовое молчание, ни словом не упомянув об обязательстве сенатора. В результате газеты раструбили, что не только министр армии, но вся администрация Эйзенхауэра капитулировала перед сенатором. Даже в таком солидном издании, как «Нью-Йорк таймс», материал был опубликован под заголовком «Стивене склоняется перед Маккарти по приказанию администрации»{686}.

Но даже после этого президент, как опытный и хитрый политик, продолжал действовать, по выражению историка Фреда Гринстейна, с помощью тактики «спрятанной руки», то есть различными закулисными ходами, вместо того чтобы бить в лоб.

Не бить в лоб было чрезвычайно трудно, так как Маккарти, уверенный в своей безнаказанности, в середине мая 1954 года заявил, что предполагает послать повестки с вызовом в свой подкомитет некоторым лицам из персонала Белого дома. Обсудив этот вопрос со своими советниками, в частности с пресс-секретарем Хагерти, Эйзенхауэр решил, что можно будет послать одного из своих помощников, который, назвав свою фамилию и должность, откажется отвечать на вопросы, ссылаясь на инструкцию президента{687}.

«Неудобная ситуация». Маккарти требует от президента преследования коммунистов. ***Карикатура С. Хангерфорда. 3 декабря 1953 г.***

Однако через несколько дней Эйзенхауэр ужесточил позицию. 17 мая на встрече с руководителями партийных фракций Конгресса он заявил, что каждый сотрудник аппарата Белого дома, «кто даст показания о том, какие советы он мне давал, в тот же день будет уволен с работы»: «Я не разрешу, чтобы люди, работающие со мной, вызывались повестками как свидетели, и хочу, чтобы эта моя позиция была ясна вам». Лидер республиканцев Ноуленд пытался протестовать: президент, мол, не должен оспаривать права Конгресса. Эйзенхауэр повторил: «Я не позволю, чтобы моим людям посылались повестки»{688}.

Перед своим штатом президент был вполне откровенен. Д. Хагерти записал в дневнике: «Это его армия, и ему совсем не нравится тактика Маккарти». По словам пресс-секретаря, Эйзенхауэр поклялся: «Этот парень Маккарти попадет со всей своей историей в серьезные неприятности. Я не хочу относиться к этому делу спустя рукава. Он полон амбиций. Он хочет стать президентом. Но на этом месте он никогда не окажется, если мои слова имеют какое-то значение»{689}.

Замаскированную атаку на Маккарти президент начал со встречи с республиканскими сенаторами Карлом Мундтом и Эвереттом Дерксеном, призвав их разъяснить коллеге, что тот встретит энергичный отпор со стороны президента, если не начнет вести себя прилично. Это была первая «черная метка», посланная Маккарти. Вслед за этим Эйзенхауэр попросил министра юстиции Браунелла подготовить для него памятную записку со ссылками на законоположения и юридические прецеденты, доказывающие, что служащие исполнительной власти имеют право не являться на вызовы в комитеты и подкомитеты Конгресса в случае, если их явка может поставить под угрозу государственную безопасность или суверенитет{690}. Браунелл, сам не терпевший Маккарти, поработал со своими помощниками на славу. Уже на следующий день, 3 марта, Эйзенхауэр на пресс-конференции зачитал заявление, в котором говорилось: «Противодействуя коммунизму, мы причиним вред самим себе, если будем использовать методы, которые не соответствуют свойственному американцам чувству справедливости». Чтобы, не называя Маккарти по имени, дать понять, о ком именно идет речь, в заявлении было сказано, что процедуры Конгресса «должны быть правильными и справедливыми», а «армия лояльна и предана американскому народу»{691}.

В тот же день Маккарти сам объявил, что осуждающие слова Эйзенхауэра звучали в его адрес, но истолковал их совершенно неожиданным образом, заявив: «Президент и я согласны с необходимостью избавиться от коммунизма»{692}.

Оказалось, тактика «спрятанной руки» была более эффективной, чем прямая атака на Маккарти, к которой непрерывно призывали Эйзенхауэра некоторые члены кабинета, ответственные сотрудники Белого дома и друзья. На призывы публично пригвоздить сенатора к стене резкими или даже оскорбительными замечаниями он отвечал, что это недостойно президента Соединенных Штатов. Например, предпринимателю и филантропу Полу Хелмсу{693} из Калифорнии Дуайт писал вскоре после того как отдохнул несколько дней в его имении: «Следует

избегать любого упоминания фамилии человека, за исключением таких случаев, когда это делается с добрыми намерениями… Всю критику надо приберечь для частных собраний, а на публике говорить о людях только хорошее»{694}.

Конечно, в этих словах было немало политической игры и даже лицемерия, но какой политик не прибегает к таким довольно простым трюкам? Так что воспринимать сказанное буквально, только как проявление лояльности Эйзенхауэра к окружающим{695}, нет оснований. Он стал политиком до мозга костей, что проявлялось в расчетливом поведении, без которого он не смог бы добиться умиротворения американского общества и обеспечения мирного развития при сохранении и расширении глобального влияния США. Тлетворное воздействие Маккарти надо было парализовать, но не любой, а сравнительно малой ценой.

В результате закулисных ходов президента, которые и поныне известны лишь в самых общих чертах (он принимал в Белом доме одну группу республиканских сенаторов за другой, и в разговорах каждый раз содержались намеки, что Маккарти сильно портит репутацию партии), Эйзенхауэр добился, что в апреле 1954 года было начато сенатское следствие по делу самого Маккарти в связи с его столкновениями с Пентагоном и другими воинскими учреждениями. Следствие выявило, что один из советников в подкомитете Маккарти Рой Кон использовал служебное положение, чтобы выбить привилегии для своего бывшего партнера, призванного в армию.

Разумеется, это была мелочь, но такая, которая вызвала явное недовольство сенаторов. К тому же Маккарти, нарушая сложившуюся традицию, заявил, что примет участие в голосовании по собственному делу. В результате на пресс-конференции, отвечая на один из вопросов, Эйзенхауэр, опять-таки не называя Маккарти, сказал: «В Америке человек, являющийся прямой или косвенной стороной в споре, не может выступать как судья по собственному делу, и я считаю, что никто из тех, кто руководит страной, не может избежать ответственности, если эта традиция будет нарушена»{696}. В результате Маккарти вынужден был заявить, что отказывается голосовать по этому вопросу, а сенаторы приняли решение указать коллеге на необходимость внимательнее подходить к подбору советников и экспертов.

В то же время дискуссия, явно подогретая президентом, показала, насколько осмелели противники Маккарти. Приглашенный на сенатские слушания адвокат Пентагона Джозеф Уэлч произнес: «Есть ли у вас чувство собственного

достоинства, в конце концов? Сохранились ли у вас остатки чувства достоинства?» Эти слова прогремели на всю Америку как орудийный залп. На следующий день Эйзенхауэр пригласил Уэлча к себе и поблагодарил за превосходное ведение дела. Авторитет Маккарти стал быстро падать, он всё больше проявлял слабость к крепким напиткам. Когда же он стал появляться на заседаниях сената, едва держась на ногах, и это попало в прессу, его судьба была решена.

Большая группа сенаторов, как республиканцев, так и демократов, опять-таки из-за кулис дирижируемая президентом, пришла к выводу, что Маккарти подрывает авторитет законодательного органа. Было принято решение создать комитет по расследованию его персональной деятельности. Заседания комитета, образованного в августе 1954 года, транслировались по телевидению. Голубой экран разнес по всей стране сведения о безответственном поведении Маккарти, который в начале заседаний также произносил хамские тирады, но, увидев, что ситуация склоняется не в его пользу, вскоре замолк. Тем не менее комитет пришел к выводу, что Маккарти отказывается с ним сотрудничать, оскорбляет конгрессменов и т. п. 2 декабря был оглашен вердикт с осуждением поведения сенатора. В итоговом документе ничего не было сказано о выпадах против исполнительной власти и армии, как и о том, что в последнее время Маккарти превратился в алкоголика, однако и то и другое достаточно легко читалось между строк{697}.

Это был не только закат карьеры самого Маккарти, но и начало конца «маккартизма». В нелегкой борьбе против крайних антидемократических сил в США возобладала средняя, компромиссная линия сотрудничества умеренных правых и левых сил, которую представлял Эйзенхауэр. Его тактика действий «из-за кулис» оказалась наиболее эффективной, ибо не отталкивала, не озлобляла сторонников бесноватого сенатора, а постепенно отучала их от низкопоклонства, а некоторых приучала думать собственной головой, не следуя догматам.

При всей отвратительности методов Маккарти некоторые расследования, проведенные его подкомитетом, были полезны и в политическом, и в историческом смыслах. Сам Эйзенхауэр с интересом знакомился с допросами Рут Фишер, которая в 1920-е годы руководила Коммунистической партией Германии, а затем по требованию Москвы была из нее исключена за «уклоны от генеральной линии». Немало интересного рассказал Марк Зборовский, в 1930-е годы внедренный советской разведкой в окружение Л.Д. Троцкого, а в 1950-е ставший в США профессором антропологии. Правда, Зборовского допрашивали уже в комиссии

сената по вопросам национальной безопасности в 1955 и 1957 годах, уже после того как звезда Маккарти погасла, но именно последний поставил вопрос о вызове в сенат бывшего советского шпиона.

Джозеф Маккарти умер в 1957 году от цирроза печени. Вспоминают о нем теперь в основном с оттенком презрения, и немалую роль в этом сыграла осторожная и хитрая тактика Эйзенхауэра.

Глава шестая. НА РУБЕЖЕ ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО СРОКА

Хозяйственная и социальная стабилизация первой половины 1950-х годов

Республиканская партия традиционно отстаивала принцип, что государство является не более чем «ночным сторожем», который применяет силу только при чрезвычайных обстоятельствах. В целом Эйзенхауэр был согласен с этой догмой, но жизнь неизбежно вносила в нее существенные изменения. Став президентом, он убедился, что основные мероприятия «нового курса» Рузвельта, продолженные Трумэном, которые республиканцы ожесточенно критиковали, даже клеймили как «социалистические», остаются жизненно необходимыми. К их числу относились прежде всего: минимальная заработная плата; меры социального обеспечения, включая пенсии по старости, нетрудоспособности, в связи с потерей кормильца; элементарные нормы регулирования взаимоотношений между трудом и капиталом, в частности права профсоюзов при найме и увольнении рабочей силы.

Эйзенхауэр не был намерен существенно расширять вмешательство государства в хозяйственную и социальную жизнь, но и не собирался вносить в него какие-либо ограничения. В этом не было необходимости — пятидесятые годы в Америке были временем быстрого экономического подъема.

Краткий спад после окончания корейской войны закончился уже к лету 1954 года. Налоговые поступления позволили вначале сократить дефицит, а с 1955 года обеспечить профицит бюджета. Одновременно президент сравнительно жестко проводил курс на экономию государственных средств, частично за счет сокращения государственного аппарата, но главным образом путем уменьшения военных расходов (за счет направления средств по большей части на развитие ядерно-ракетного потенциала). На этой основе Эйзенхауэр смог сравнительно легко убедить Конгресс принять новый закон о социальном страховании, по которому число получателей пособий по безработице было увеличено на четыре миллиона человек. В 1955 году минимальная почасовая заработная плата была увеличена с 75 центов до доллара.

Эйзенхауэр стремился наладить конструктивное сотрудничество с обоими профсоюзными объединениями — более консервативной Американской федерацией труда и более левым Конгрессом производственных профсоюзов. Он, конечно, не участвовал в переговорах между ними, проходившими на протяжении всей первой половины 1950-х годов, но был весьма удовлетворен преодолением раскола, образованием в 1955 году объединенного профсоюзного центра АФТ-КПП. Председатель этого объединения Джордж Мини в это время говорил коллегам: «Американские рабочие никогда не находились в таком хорошем положении»{698}.

Президент убеждал конгрессменов, что каждая пушка, каждый авианосец «означают в конечном счете кражу у тех, кто голоден, кто не одет, кто живет в холоде и без образования»{699}. В 1955 финансовом году расходы на армию были уменьшены с 19,9 до 8,8 миллиарда долларов, ее численность сократилась с 1,4 до одного миллиона человек; расходы на военно-морской флот уменьшились с 11,2 до 9,7 миллиарда долларов; в то же время расходы на военную авиацию (под ней главным образом понимались ракетно-ядерные силы) выросли с 15,6 до 16,4 миллиарда{700}.

Быстрыми темпами развивался потребительский рынок. Подлинная революция происходила в области автомобилестроения. В 1955 году только автозаводы Детройта продали 7,9 миллиона машин — на два миллиона больше, чем в предыдущем. По поводу приема в Белом доме жен автомобильных магнатов Мейми заметила (супруг зафиксировал ее слова в дневнике), что «это была действительно процветающая толпа. Она никогда не видела столько мехов и бриллиантов»{701}. Однако у автомобильного бума была и оборотная сторона. Автомобили переполняли города. Гаражей было крайне мало, машины загораживали даже проходы к домам. Хуже того. Не только города, но и автомобильные дороги были совершенно не приспособлены к такому количеству машин. Высокоскоростные внутригородские шоссе существовали только в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Чикаго, и даже на них возникали пробки, стояние в которых иногда продолжалось часами. Что же касается магистралей между городами и тем более между штатами, то они находились в крайне запущенном состоянии, и движение по ним было сопряжено с огромными трудностями и риском.

Существовал, правда, хваленый пенсильванский тёрнпайк[15] — платная скоростная дорога с четырехполосным движением, без светофоров, проходившая вне населенных пунктов.

В свою бытность в армии Эйзенхауэр отлично усвоил

значение скоростных дорог. В 1945 году в Германии он с завистью смотрел на автобаны, созданные при Гитлере с использованием рабского труда{702}. Став президентом, он считал, что государство должно вложить значительные средства в строительство шоссе, проходящих через ряд штатов, поскольку отдельные штаты всячески уклонялись от их прокладки.

Президент вместе со своими советниками обдумал систему аргументации строительства скоростных магистральных дорог. Во-первых, единую систему могло создать только федеральное правительство; во-вторых, на строительстве можно было занять обширную рабочую силу, что значительно понизило бы уровень безработицы, обеспечило контакт с профсоюзами и ослабило социальную напряженность; в-третьих, такая система имела бы стратегическое значение, позволяя быстро перебрасывать вооруженные силы из одного конца страны в другой.

Президент действовал поэтапно, начав со своего рода разведки. В июле 1954 года по его поручению вице-президент Никсон на совещании губернаторов штатов внес предложение о создании системы дорог трех уровней: от ферм к рынкам, в пределах крупных городов и между штатами. Программа была рассчитана на десять лет, предполагалось ассигновать пять миллиардов долларов. Губернаторы отнеслись к плану благосклонно.

В сентябре 1954 года Эйзенхауэр образовал комиссию для изучения методов финансирования строительства дорог, поставив во главе нее Лусиуса Клея, своего старого армейского товарища, имевшего большой организационный опыт в области строительства еще с 1930-х годов, а после войны руководившего «воздушным мостом», связывавшим Западную Германию с Западным Берлином во время советской блокады города в 1948–1949 годах{703}.

Комиссия представила президенту скрупулезно разработанные предложения, что позволило летом 1955 года внести законопроект о строительстве скоростных дорог между штатами на рассмотрение Конгресса. Приложение к законопроекту «Основное расположение национальной системы межштатных автомобильных магистралей» (неофициально именовалось «Желтой книгой») содержало план постройки сети магистралей. По просьбе Эйзенхауэра в план было внесено требование о строительстве всех федеральных дорог таким образом, чтобы их участки были прямыми на протяжении не менее пяти миль, чтобы при необходимости мог совершить посадку самолет{704}.

Значительную помощь президенту в разработке плана оказал

министр обороны Ч. Уилсон — ранее он был главой автомобильной фирмы «Дженерал моторс» и имел обширные связи среди предпринимателей и специалистов автомобильной промышленности.

Двадцать девятого июня 1956 года Конгресс принял закон о федеральном финансировании строительства автодорог, для большей солидности переименованный в закон о национальных межштатных автомобильных и оборонительных магистралях{705}. В этот же день закон был подписан президентом.

На местах закон был встречен с энтузиазмом. Сразу же началось строительство, на 90 процентов финансируемое федеральными властями. Источниками средств являлись в основном косвенные налоги, включенные в цену бензина (цент за галлон) и автомобильных покрышек (три цента за фунт резины), то есть по сути строительство скоростных дорог оплачивали налогоплательщики.

Упоминавшаяся выше платная дорога Пенсильвании, построенная еще в 1940 году, властями штата была объявлена «дедушкой платных дорог»{706}. (Сейчас она функционирует как 261-километровый участок огромной дороги, пересекающей всю территорию США с севера на юг вдоль восточного побережья от канадской до мексиканской границы. Общая же протяженность Национальной системы межштатных и оборонных автомагистралей имени Дуайта Эйзенхауэра составляет, по данным на 2012 год, 76 342 километра, почти вдвое превышая длину экватора{707}.)

Это была самая крупная национальная хозяйственная программа в истории США общей стоимостью 76 миллиардов долларов{708}. Впрочем, создание скоростных автомагистралей имело по крайней мере один негативный результат: с учетом того, что автомобиль перестал быть средством роскоши, а постепенно превращался в естественную принадлежность семей среднего достатка, началось массовое переселение людей среднего класса из городов в предместья, что вело в ряде случаев к упадку крупных городов (впрочем, этот процесс начался уже после президентства Эйзенхауэра).

Другим направлением социальной политики правительства Эйзенхауэра стало стимулирование строительства жилья, в первую очередь для малоимущих. За первый президентский срок Дуайта государством было построено 140 тысяч домов и квартир для бедняков.

Одним из острейших вопросов американской социально-политической жизни являлось совершенствование системы здравоохранения, в частности страхования здоровья и

трудоспособности. С одной стороны, от Демократической партии продолжали поступать требования о создании государственной системы страхования здоровья (Трумэн пытался, в какой-то мере копируя опыт лейбористского правительства Клемента Эттли в Великобритании, пойти на ограниченное бесплатное здравоохранение, но не преуспел). С другой стороны, правые республиканцы активно поддерживали Американскую медицинскую ассоциацию — мощную лоббистскую организацию, требовавшую, чтобы правительство не вмешивалось в вопросы здравоохранения.

Эйзенхауэр поручил своим помощникам и министрам подготовить законопроект, который предусматривал бы федеральную поддержку частных страховых компаний, занимавшихся вопросами здравоохранения. Проведенный через Конгресс закон расширил систему низкооплачиваемого здравоохранения, главным образом путем частичного финансирования страховых полисов из федерального бюджета и бюджетов штатов.

В 1953 году в составе исполнительной администрации было создано Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения. К середине пятидесятых годов системой социального страхования было дополнительно охвачено около десяти миллионов человек, введено страхование по инвалидности.

Другой новинкой, стоявшей на грани социальной и экономической политики, к тому же в определенном смысле связанной и с внешнеполитической и международно-пропагандистской деятельностью, являлись первые попытки мирного использования энергии атома. В 1954 году в городке Шиппингпорт, штат Пенсильвания, на берегу реки Огайо по инициативе Эйзенхауэра была заложена первая в США атомная электростанция. Президент принял участие в ее закладке. В декабре 1957 года строительство было завершено, и после целой серии контрольных тестов Эйзенхауэр торжественно открыл АЭС 26 мая 1958 года{709}. Еще 26 июня 1954 года был введен в эксплуатацию реактор Обнинской атомной станции в Калужской области, но она не была предназначена для производства бытового и промышленного электричества. Шиппингпортская АЭС стала первой в мире прибыльной атомной электростанцией. Дуайт многократно ссылался на создание этой станции как пример реализации его программы «Атом для мира».

Во время первого президентского срока Эйзенхауэр был инициатором или активно содействовал реализации ряда других важных экономических и социальных мер, в первую очередь

сокращению федеральных расходов. Он неоднократно выражал удовлетворение тем, что в 1956 году удалось свести государственный бюджет без дефицита, а план следующего финансового года предусматривал профицит, который решено было направить на частичное погашение государственного долга.

Преодолев в основном послевоенные трудности, Соединенные Штаты в первой половине 1950-х годов начали постепенное продвижение к тому социальному устройству, которое позже будет определено как общество всеобщего благосостояния — с сочетанием основ капитализма, демократии, равенства возможностей и ответственности за содержание тех, кто по объективным причинам не в состоянии обеспечить себе минимально приемлемые жизненные условия{710}. Дуайт Эйзенхауэр, при всей его сдержанности и осторожности, приверженности традиционным ценностям объективно оказался во главе сил, двигавших общество в этом направлении.

Болезнь и раздумья о перспективах

Три года пребывания в Белом доме пролетели для Дуайта почти незаметно. Он научился распределять свое время, чтобы чересчур не переутомляться, загружал работой помощников и министров, ограничил число выступлений перед широкой аудиторией в пользу встреч с журналистами, которые, как правило, продолжал проводить еженедельно.

Эйзенхауэр позволял себе почти праздные уик-энды, несколько раз в году выезжал в гости к членам «банды» и другим хорошим знакомым. Порой приходилось во время отдыха возвращаться к срочным делам, однако сотрудники Белого дома старались его в эти дни не беспокоить.

Обычно вместе с ним на отдых выезжала Мейми, а из личного штата президента — один-два помощника и личный секретарь Энн Уитмен, а также лечащий врач, старый знакомый Эйзенхауэра еще со времен войны генерал-майор медицинской службы доктор Говард Снайдер.

По мере приближения 1956 года Дуайт всё чаще задумывался, следует ли баллотироваться на второй срок или же уйти с поста в ореоле славы президента, сумевшего сохранить мир и добиться повышения благосостояния.

Вскоре после Женевской конференции в верхах Эйзенхауэр решил в очередной раз отдохнуть в окрестностях Денвера, столицы штата Колорадо, где были отличные условия для рыбной ловли и охоты и прекрасные поля для гольфа.

День 23 сентября прошел как обычно. Дуайт играл в гольф. Ему пришлось дважды уйти с поля в здание клуба, чтобы ответить на телефонные звонки государственного секретаря Даллеса. Оба раза разговор прерывался из-за помех на линии, и Эйзенхауэр был слегка раздражен, что ему не дают спокойно заниматься любимым спортом. Вечером немного поиграли в бильярд, и Дуайт рано отправился спать.

Около половины второго ночи он почувствовал резкую боль в груди. Дуайт не хотел будить Мейми, но она проснулась. Немедленно был вызван находившийся неподалеку доктор Снайдер, который дал пациенту успокоительные и обезболивающие средства{711}. Дуайт заснул и спал до полудня, а проснувшись, вновь чувствовал себя очень плохо.

Понимая, что со здоровьем серьезные проблемы, Эйзенхауэр попросил Уитмен позвонить министру юстиции Браунеллу с просьбой начать оформление передачи президентских полномочий вице-президенту Никсону.

Кардиограмма показала инфаркт наружной стенки сердца. Необходима была немедленная госпитализация. Лестница на второй этаж, где находилась спальня, была узка для носилок, и Эйзенхауэру пришлось спускаться самому. Более того, он настоял, чтобы ему разрешили дойти до автомобиля; правда, с обеих сторон его поддерживали. Он был помещен в военный госпиталь Фитсимонс в Денвере. Окружающие удивились, что президент попросил положить в карман его брюк, а затем переложить под подушку бумажник, в котором находилась небольшая денежная сумма, однако просьбу выполнили. Когда на следующий день к больному зашел сын, он достал бумажник и попросил передать деньги партнеру, выигравшему у него накануне.

Врачи объяснили Мейми и Джону, что инфаркт хотя и обширный, но средней тяжести; однако потребуется значительное время для выздоровления и полного восстановления сил{712}.

Президентский инфаркт был событием не только медицинским, личным и семейным, но и государственным. Речь шла о том, сможет ли Эйзенхауэр продолжать руководить исполнительной властью до окончания срока полномочий (до президентских выборов оставалось еще более года). Более того, в различных кругах ставилась под сомнение возможность его выдвижения на второй срок.

В этих условиях с положительной стороны проявил себя вице-президент. Не будучи инициативным и изобретательным, Никсон в то же время продемонстрировал преданность, не стремился получить от шефа высшую власть, точно выполнял его указания. 29 сентября Никсон провел заседание Совета национальной

безопасности, а на следующий день — правительства. Ни на одном, ни на другом собрании не обсуждались принципиальные вопросы. Цель состояла в том, чтобы дать понять общественности, извещенной о болезни президента, что исполнительная власть работает дружно. Были приглашены репортеры, фото заседаний и отчеты о них появились во многих газетах. Особенно подробно о вице-президенте как надежном помощнике Эйзенхауэра писала авторитетная «Нью-Йорк таймс»{713}.

И всё же в высших американских кругах шла борьба за власть. Полагали, что демонстрацией преданности Эйзенхауэру Никсон стремится создать себе благоприятный имидж, чтобы выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах 1956 года. Близкие к Дуайту сотрудники Белого дома, особенно руководитель аппарата, бывший губернатор штата Нью-Гемпшир Шерман Адаме, пресс-секретарь Хагерти и министр финансов Хамфри, которых отчасти поддерживал госсекретарь Даллес, считали, что Никсон явно демонстрирует симпатии к «старой гвардии» республиканцев, а это, в случае его выдвижения, может привести к поражению партии и возвращению к власти демократов.

К этому времени лидером Демократической партии всё более четко проявлял себя Эдлай Стивенсон, критиковавший внешнюю политику Эйзенхауэра за недостаточное обеспечение мирного сосуществования с СССР, а внутреннюю — за отказ от проведения глубоких социальных реформ и особенно за колебания в вопросе полной десегрегации. Кампания Стивенсона могла оказаться тем более успешной, если бы тягаться с ним пришлось не очень опытному и изобретательному правому республиканцу Никсону.

В этих условиях особенно усилились авторитет и влияние Адамса. Д. Рестон из «Нью-Йорк таймс» убеждал читателей, что сторонники Эйзенхауэра стремятся сосредоточить контроль над Белым домом и связь с больным президентом в руках Адамса, потому что в противном случае укрепятся позиции Никсона, что приведет к его выдвижению кандидатом на президентский пост в 1956 году{714}. Опытный политический журналист Ричард Ровер отмечал, что Адамс «считает себя сторожем, назначенным президентом, и предпринимает всё, что в его силах, чтобы поставить мистера Никсона на место»{715}.

О том же свидетельствует огромный личный фонд Адамса в Архиве Библиотеки Эйзенхауэра{716}. Его описи показывают, какую огромную работу взял на себя руководитель аппарата. Около 35 тысяч листов документации свидетельствуют, что Адамс принимал тысячи людей, с тысячами других переписывался, определял, кто может быть допущен к Эйзенхауэру.

Пока в коридорах исполнительной власти велась подспудная

борьба, не выходившая за рамки приличий, президент сравнительно быстро выздоравливал. Сперва врачи разрешили ему слушать газетные новости, затем позволили читать прессу самому, наконец, допустили, чтобы Хагерти и Уитмен, а иногда и прилетавший в Денвер Адамс знакомили его с политическими новостями и получали согласие на те или иные акции.

В определенном смысле болезнь президента пришлась на удачное время. В международных отношениях сохранялся «дух Женевы», и пропагандистские нападки в духе холодной войны поутихли. Во внутренних делах также было затишье, ибо президентская кампания еще не началась.

Постепенно Эйзенхауэр возвращался к руководству страной. Он почувствовал прежнюю энергию, стал вновь принимать близко к сердцу недостатки, обнаруживавшиеся в том или ином звене государственной службы. Видимо, почти случайно он ознакомился с докладами о положении в Женском армейском вспомогательном корпусе. Оказалось, что армейские медицинские сестры жили в почти неприспособленных помещениях, продвижение по службе было крайне медленным. Женщин принуждали уходить в отставку сразу по достижении пятидесяти пяти лет, даже если им оставались месяцы до выслуги, обеспечивавшей достойную пенсию. Пренебрежение начальства проявлялось даже в том, что корпусом руководил полковник, тогда как другими звеньями вооруженных сил командовали генералы.

Президент написал новому председателю Объединенного комитета начальников штабов Максвеллу Тейлору длинное письмо, требуя немедленно принять меры{717}. Тейлор сразу же занялся положением дел в корпусе. Полковник Инее Хайнс, командующая корпусом, стала генералом{718}.

Вероятно, Эйзенхауэр не хитрил, когда говорил знакомым, что собирается после окончания президентского срока удалиться на покой. В эти недели он обсуждал планы улучшения хозяйства в своем имении, преимущества различных пород скота. 25 октября ему разрешили первую прогулку. С этого дня его здоровье быстро пошло на поправку. 11 ноября он с женой вылетел в Вашингтон, откуда после нескольких встреч с помощниками и министрами уехал в геттисбергское поместье для полного восстановления сил.

Там он продолжал встречаться как с друзьями, так и с официальными лицами. Почти все они прямо или косвенно затрагивали вопрос о дальнейших планах. Дуайт, как правило, уклонялся от ответа. Скорее всего, он действительно еще не определил, решится ли выдвинуть свою кандидатуру на второй срок, полагая, что это будет зависеть от состояния здоровья.

Кроме того, как и перед первыми выборами, он не хотел проявлять повышенную активность, будучи уверенным, что шансы на переизбрание окажутся значительно выше, если «служения отчизне» от него потребует народ.

Что же касается медицины, то доктор Снайдер, великолепно знавший не только состояние здоровья своего единственного пациента, но и его склад ума, считал, что, скорее всего, в случае вторичного избрания срок его жизни (американцы говорят *life expectancy* — ожидаемый жизненный срок) увеличится. Он говорил об этом с Мейми, которая с ним полностью согласилась, добавив: «Я просто не могу поверить, что работа Айка завершена»{719}.

Во время одного из визитов к шефу пресс-секретарь Хагерти показал ему газету «Геральд трибюн» со статьей известного журналиста Дэвида Лоуренса, который предположил, что если доктора позволят Эйзенхауэру продолжать политическую деятельность, он скажет: «У меня нет особого желания занимать общественный пост. Но если люди захотят, чтобы я служил, я подчинюсь их воле и буду служить в случае избрания». Прочитав, Дуайт рассмеялся и заявил: «Это как раз те слова, которые сложились у меня в уме»{720}.

Он продолжал рассуждать о возможных кандидатурах от Республиканской партии, при этом не называл Никсона, считая, что тот малоинициативен и еще не годится в президенты, вроде бы забыв, что в случае его кончины Никсон автоматически займет этот пост. Высокая оценка Ричарда Никсона как исполнителя конкретных президентских заданий сочеталась с неверием в его шансы победить в избирательной гонке, особенно со стороны советников Эйзенхауэра, которые придерживались либеральной ориентации, в том числе Адамса.

Руководителю аппарата Белого дома удалось почти полностью убедить Эйзенхауэра. После Рождества президент объявил, что отзывает у вице-президента полномочия руководителя и полностью возвращается к исполнению своих обязанностей. Вернувшись в Белый дом, он прежде всего пригласил к себе Никсона и, к его удивлению и разочарованию, предложил ему уйти в отставку, предлагая взамен любую министерскую должность, за исключением постов госсекретаря и министра юстиции. Лучше всего было бы, если бы Никсон стал министром обороны, заявил Эйзенхауэр. Доводы, что так он получит опыт в администрации и увеличит шансы на выборах 1956 или 1960 года, впечатления на Никсона не произвели. Он понял, что Эйзенхауэр просто хочет от него освободиться. Беседа завершилась безрезультатно. Добровольно уходить в отставку

Никсон отказался, а увольнять его Эйзенхауэр не желал — и потому что в определенной мере ценил вице-президента, и потому что не хотел подрывать свой авторитет у правых республиканцев{721}.

К началу 1956 года Эйзенхауэр принял решение: если врачи дадут согласие и если он будет выдвинут снизу, он будет участвовать в президентских выборах. В середине февраля он лег в военный госпиталь на обследование. Заключение медиков было обнадеживающим: «Шансы президента таковы, что он сможет вести активный образ жизни от пяти до десяти лет»{722}. Получив это оптимистическое заключение, Эйзенхауэр на пресс-конференции 1 марта объявил, что он не будет возражать против выдвижения своей кандидатуры на республиканском съезде, которому предстояло собраться летом.

Такое заявление, имея в виду авторитет и влияние Эйзенхауэра в стране и в партии, было равнозначно его выдвижению. Естественно, журналисты сразу же стали спрашивать о кандидатуре вице-президента. Ни на прямые, ни на косвенные вопросы Эйзенхауэр не отвечал. Более того, когда репортеры стали слишком настойчивыми, он отрезал: «Я не стану больше говорить на эту тему. Я уже заявил, что мои чувства восхищения вице-президентом и уважения к нему всеобъемлющи… Я весьма ценю его, но не скажу больше ни слова по этому поводу»{723}. Подобные вопросы задавались и на других встречах с прессой, и каждый раз журналисты получали то спокойные, то раздраженные, но по существу одинаковые ответы Эйзенхауэра.

Он продолжал колебаться — в основном из-за перенесенного инфаркта и опасений (несмотря на заверения медиков), что может не дожить до завершения второго президентского срока, в результате чего Никсон, если станет вице-президентом, автоматически очутится в президентском кресле. Но более достойного человека он так и не нашел. Наконец 9 апреля, пригласив Никсона в Овальный кабинет, Эйзенхауэр, ранее предлагавший ему отставку, вдруг заявил: «Если вы ответите “да”, то я буду рад, что вы решите баллотироваться вместе со мной», — правда, попросив не торопиться с решением{724}.

Можно полагать, что Никсон был готов тотчас ответить согласием, но правила приличия требовали выждать некоторое время. 26 апреля, попросив президента об аудиенции, Ричард заявил: «Я считал бы честью для себя продолжать свою службу в качестве вице-президента вместе с вами». И на этот раз Эйзенхауэр сделал хорошую мину, объявив, что он очень доволен новостью{725}.

В действительности президенту приходилось мириться с реальностью: при всём критическом отношении к Никсону он за эти годы не смог подготовить себе такого первого помощника, который устраивал бы его во всех отношениях.

Не весьма охотно соглашаясь на кандидатуру Никсона как *running mate* (напарника, соратника по предвыборной гонке), Эйзенхауэр подсознательно, инстинктивно чувствовал порочные черты натуры своего вице-президента, которые проявились значительно позже в Уотергейтском скандале со шпионажем за избирательной кампанией Демократической партии в 1972 году, в результате которого спустя два года Никсон был вынужден уйти в отставку под угрозой неминуемого импичмента.

Кризисы 1956 года и избирательная кампания

Президент вынужден был заниматься не столько избирательной кампанией, сколько решением кризисных проблем. При этом внутренние дела, хотя и не были полностью забыты, несколько отошли на второй план. Именно в предвыборные месяцы в Министерстве юстиции был, наконец, подготовлен законопроект о гражданских правах, который Эйзенхауэр счел умеренным. В июле проект был направлен в Конгресс. Палата представителей одобрила его бюрократические разделы — о создании комиссии по расследованию расовых проблем и формировании в Министерстве юстиции отдела по гражданским правам. Из проекта были исключены разделы о гарантиях права голоса независимо от цвета кожи и об ответственности федеральных властей за реализацию закона в отдельных штатах. Тем не менее в сенатской комиссии по юридическим вопросам документ был забаллотирован.

Эйзенхауэр не пострадал в результате этой неудачи — цветные избиратели теперь видели в нем борца за их интересы, а белые расисты успокоились, так как непосредственная опасность от них отодвинулась.

Что же касается международных лозунгов избирательной кампании, то главным из них продолжало оставаться требование «освобождения» Восточной Европы. Поначалу казалось, что в этом вопросе на помощь Эйзенхауэру пришли советские руководители, прежде всего Н.С. Хрущев. На весь мир прозвучал сенсацией его «секретный» доклад на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года «О культе личности и его последствиях». Этот доклад не был последовательным, не содержал комплексного разоблачения политики Сталина и в целом тоталитарной системы. В докладе

обращалось внимание в основном на преследование Сталиным партийных кадров, но не было ни слова о преступлениях режима против крестьянства, интеллигенции, всего народа, особенно в период Большого террора 1936–1938 годов. Польско-американский историк Энн Аппельбаум с полным основанием полагает, что Хрущев «сказал полуправду, поскольку, рассказывая о преступлениях Сталина, умолчал о собственном участии». По ее мнению, целью доклада было не только освобождение соотечественников, но и запугивание партийных оппонентов, также участвовавших в репрессиях{726}. В то же время доклад был исключительно важен, так как положил начало разоблачениям сталинских преступлений, а в более широком смысле — кризису тоталитарной системы в СССР.

Хотя доклад считался секретным, он сразу же по инициативе самого Хрущева получил распространение в СССР, так как его зачитывали на открытых партийных собраниях, его текст был передан руководящим органам зарубежных компартий. Естественно, что в условиях, когда по миру стали ходить сотни, если не тысячи экземпляров, никакой тайны не существовало. Видимо, на это и рассчитывал Хрущев. В США доклад о культе личности был опубликован 5 июня в «Нью-Йорк таймс», а вслед за этим и многими другими печатными органами.

Рассказывают разнообразные истории, как на Западе был получен официальный текст. Наиболее достоверной представляется версия, что технический секретарь первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии Эдварда Охаба Лусия Барановская увидела экземпляр доклада на столе у шефа и забрала его на ночь, а ее любовник, журналист Виктор Граевский, отнес фотокопию в посольство Израиля, откуда доклад попал в ЦРУ и был передан в прессу{727}. В США доклад был издан на русском языке, его текст передавали по «Голосу Америки» и другим западным русскоязычным радиостанциям{728}. Вполне возможно, что были и другие пути — слишком уж много экземпляров доклада рассеялось по миру.

Директор ЦРУ Даллес проинформировал Эйзенхауэра о докладе Хрущева. В. Граевский рассказывал: «Они (братья Даллесы. — *Г. Ч., Л. Д.)* тоже не верили, что это настоящий документ — может быть, это дезинформация или какая-то провокация? Они собрали всех советологов, которые у них были, — они сидели каких-то две недели над этим и пришли к выводу, что это настоящая речь Хрущева. Они пошли затем к Эйзенхауэру, и Эйзенхауэр решил опубликовать»{729}.

Предупреждая ожидаемые эмоции по поводу того, что следует немедленно приступить к «освобождению» Восточной

Европы, власть СССР над которой зашаталась в результате доклада, Эйзенхауэр говорил сотрудникам: «Мы выступаем за освобождение всеми мирными средствами, но не показываем никаких признаков, что собираемся развязать войну, чтобы добиться освобождения»{730}.

Как раз в конце избирательной кампании доктрина «освобождения» потерпела первый провал в связи с революционными событиями в Венгрии.

Между тем второе выдвижение Эйзенхауэра прошло без всяких проблем. 22 августа съезд Республиканской партии в Сан-Франциско без голосования выдвинул его кандидатом в президенты, а Никсона в вице-президенты. Дуайт произнес благодарственную речь. После нескольких дней отдыха в Калифорнии действующий президент и одновременно кандидат в президенты возвратился в Вашингтон как раз в то время, когда на международном горизонте вновь начали сгущаться тучи.

Еще до съезда стал разворачиваться серьезный кризис на Ближнем Востоке в связи с действиями президента Египта Гамаля Абделя Насера, стремившегося полностью вывести свою страну из-под британской зависимости и обращавшегося за поддержкой как к США, так и к странам советского блока. Важным проектом, разработанным под руководством правительства Насера, было строительство высотной Асуанской плотины на Ниле с целью предотвращения наводнений, обеспечения Египта электричеством и создания сети оросительных каналов. Предполагалось, что США и Великобритания предоставят Египту ссуду в 270 миллионов долларов. Но в июле 1956 года в связи с признанием Египтом КНР и заключением соглашения с Чехословакией о поставках оружия правительства обеих стран взяли назад свои обязательства.

В ответ 26 июля Насер объявил о национализации Суэцкого канала — важнейшей водной артерии, через которую шла шестая часть мировых морских перевозок, в том числе большая часть нефтеперевозок США. Было объявлено, что прибыль от эксплуатации канала пойдет на финансирование строительства Асуанской плотины.

Возвратившись с республиканского съезда, Эйзенхауэр почти полностью сосредоточился на ситуации на Ближнем Востоке, стремясь сохранить статус-кво в этом регионе. Между тем поступали сведения, что Великобритания и Франция, а также Израиль, находившийся в окружении враждебных арабских государств, готовятся нанести удар по Египту с целью возвращения Суэцкого канала и укрепления безопасности Израиля. В результате переговоров израильского правительства с

Генеральным секретарем ООН Дагом Хаммаршёльдом в апреле 1956 года было достигнуто соглашение, поддержанное Эйзенхауэром, о воздержании от ответных действий на террористические акты арабских экстремистов, проникавших в страну в основном с египетской территории. Израиль несколько отодвинул свои войска от границы, после чего на южные поселения страны обрушилась особенно жестокая волна террористических атак{731}. В этих условиях 22 октября было заключено секретное Севрское соглашение Израиля с Великобританией и Францией о совместных действиях{732}.

Трудность положения американского президента состояла в том, что союзники США, по его мнению, теперь готовы были совершить серьезную ошибку, чреватую непредсказуемыми последствиями, включая возможный переход всего региона в сферу влияния СССР. Переговоры, подчас очень острые, проводившиеся в строжайшем секрете, результатов не дали.

Американская разведка сообщала, что военные действия на Ближнем Востоке могут возникнуть в любой момент, на Кипре была обнаружена высокая концентрация британских и французских войск. Эйзенхауэр распорядился эвакуировать из этого района семьи американцев, но до последнего момента рассчитывал, что старые колониальные державы не решатся на военные действия. Секретарь Уитмен записала: «Президент сказал, что совершенно не может поверить, что англичане позволят втянуть себя в такое дело»{733}.

Однако в «такое дело» — военные действия в зоне Суэцкого канала — позволили себя втянуть не только британцы, но и французы. 29 октября израильская армия атаковала египетские войска, заняла Синайский полуостров и сектор Газа.

У Израиля были свои причины для участия в попытках Великобритании и Франции свергнуть режим Насера: Египет запрещал проход через Суэцкий канал судов с грузами для Израиля, из палестинских лагерей в секторе Газа отправлялись многочисленные террористы, на счету которых были десятки убитых мирных израильтян.

Тридцатого октября по решению Эйзенхауэра американская делегация внесла в Совет Безопасности ООН резолюцию о прекращении огня, которая была принята единогласно. Поскольку американское общественное мнение в основном считало, что США должны во всех случаях поддерживать действия своих традиционных союзников, советники говорили Дуайту, что предпринятые им действия могут сильно ослабить его шансы на выборах. Стенограмма зафиксировала его ответ: «Президент сказал… что он совершенно не беспокоится, будет вновь избран

или нет… США будут на стороне египтян, хотя многое в их позициях является спорным»[734].

На следующий день Великобритания и Франция, игнорируя резолюцию Совета Безопасности, начали военные действия против Египта, взяв под контроль Суэцкий канал. Однако судоходство возобновить не удалось, так как египетские власти перекрыли канал, затопив в нем несколько кораблей, груженных цементом и камнем. Англо-французская авиация нанесла несколько ударов по Каиру и другим египетским городам. Несмотря на принятую 4 ноября Генеральной Ассамблеей ООН резолюцию с требованием прекращения агрессии, войска западноевропейских держав оставались в зоне канала.

Как раз в разгар этих событий, 1 ноября, Эйзенхауэр выступил в Филадельфии с последней предвыборной речью. Таких выступлений было немного, и они проходили почти незамеченными на фоне международных событий. На этот раз к выступлению президента было приковано внимание, ибо ожидалась четкая оценка ситуации на Ближнем Востоке. Дуайт превзошел самого себя, произнося прекрасные лозунги, стоявшие весьма далеко от геополитических интересов США, которыми он руководствовался в первую очередь: «Мы не можем выступать за один закон для слабых, а другой для сильных, один закон для тех, кто против нас, другой для тех, кто за нас. Может существовать только один закон, иначе не будет мира»[735].

Это была банальность, рассчитанная на публику, голоса которой, как надеялся Дуайт, ему предстояло получить через несколько дней. Банальности понятны и близки широким массам, не режут слух, способствуют росту популярности произносящего их.

Можно ли упрекнуть президента великой державы в том, что он ставил во главу угла интересы собственной страны? Мы полагаем, что не следует и слишком строго судить его за демагогию и прекраснодушие, которыми прикрывалась эта политика. Эйзенхауэр сказал слушателям то, что они желали услышать: дал удобное объяснение, почему США на какое-то время отказались от поддержки своих традиционных союзников.

К этим общим рассуждениям следует прибавить одно конкретное обстоятельство: в эти предвыборные дни Эйзенхауэру приходилось лично определять все ходы внешней политики, поскольку государственному секретарю Даллесу была сделана операция по удалению злокачественной опухоли легкого (заболевание, по мнению врачей, развилось на почве курения), а временно исполнявший его обязанности Герберт Гувер был не очень опытным дипломатом.

Пятого ноября Эйзенхауэр получил послание председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина, за спиной которого маячила фигура Хрущева. Советское руководство предлагало с санкции ООН использовать вооруженные силы обоих государств для прекращения агрессии против Египта. Однако инициатива СССР не встретила поддержки в Вашингтоне. Эйзенхауэр назвал советское предложение «абсурдным», хотя тут же предложил в ответе заменить этот термин другим, более мягким по форме, но аналогичным по существу (было избрано слово «немыслимое»). Одновременно было опубликовано заявление президента по поводу намерения СССР оказать помощь Египту «добровольцами». Если русские попытаются ввести войска на Ближний Восток, говорилось в нем, мы окажем противодействие этому с использованием силы{736}.

Встретившись с осуждением со стороны США и СССР, Великобритания и Франция 6 ноября заявили о готовности передать контроль над Суэцким каналом силам ООН и вывести свои войска с территории Египта. 8-го числа последовало заявление правительства Израиля о прекращении огня.

Так завершился Суэцкий кризис — острое и сложное противостояние, которое, однако, не следует, подобно исследователю Д. Николсу, оценивать как ситуацию «на грани мировой войны»{737}.

Одновременно с кризисом на Ближнем Востоке американской администрации пришлось столкнуться с первой попыткой нарушения Варшавского договора СССР со странами Восточной Европы. Вначале произошли волнения в Польше, являвшиеся прямым последствием курса XX съезда КПСС, воспринятого польскими оппозиционными кругами как возможность ослабить зависимость от Советского Союза. Ситуацию удалось нормализовать, когда на пост первого секретаря Польской объединенной рабочей партии пришел ранее смещенный и арестованный, но в 1954 году выпущенный из тюрьмы Владислав Гомулка, сохранивший страну в Варшавском блоке при условии предоставления польскому руководству большей автономности.

Хотя по ироническому выражению, бытовавшему среди советской интеллигенции, Польша была «самым беспокойным бараком в социалистическом лагере», более серьезные испытания ожидали эйзенхауэровскую политику «освобождения» в Венгрии. Это был как раз тот случай, когда требовалось выбрать один из двух вариантов: идти на прямую конфронтацию с СССР во имя «освобождения» или пожертвовать им ради сохранения мирного сосуществования. Необходима была трезвая оценка ситуации.

В двадцатых числах октября 1956 года в Будапеште и других

городах Венгрии развернулись массовые демонстрации с требованием отставки сталинистского руководства, которые переросли в народное восстание. Правительство возглавил Имре Надь, перед этим находившийся в заключении. Советские войска подавили выступления повстанцев. Надь по приговору закрытого суда в июне 1958 года был повешен.

Тридцатого октября была опубликована декларация правительства СССР об отношениях с другими социалистическими странами, которая тогда рассматривалась как проявление «оттепели», а позже стала оцениваться исследователями в качестве маскировки предстоявшего вооруженного вмешательства{738}. Именно так эту декларацию оценил многоопытный Эйзенхауэр. Когда госсекретарь Даллес сообщил ему о документе, назвав его «одним из наиболее серьезных заявлений, которые поступали из Советского Союза по окончании Второй мировой войны», Эйзенхауэр ответил: «Да, если только это заявление честное»{739}.

В отношении венгерского восстания президент США занял осторожную позицию, весьма далекую от политики «освобождения». Когда в Будапешт вошли советские танки, он выступил с заявлением, осуждавшим интервенцию, но отклонил предложение Д.Ф. Даллеса сбрасывать повстанцам с самолетов оружие и продовольствие, мотивировав свое решение тем, что Советы могут оказаться перед соблазном «прибегнуть к крайним мерам, даже начать мировую войну», чтобы сохранить власть над своими сателлитами{740}.

По существу такой курс означал отказ от политики «освобождения», которая с самого начала представляла собой набор пропагандистских лозунгов, а не реальный государственный курс. На одной чаше весов находились судьбы сравнительно небольшого отряда венгерских повстанцев, на другой — всего мира. Для Эйзенхауэра весомее оказалась вторая чаша, хотя гибнувшие будапештские студенты сочли его трусом и предателем. Что ж, в мировой политике иногда приходится выбирать между разными степенями опасности и даже приносить в жертву человеческие жизни. Другой вопрос, что политика «освобождения», вероятно, с самого начала навязанная Эйзенхауэру Д.Ф. Даллесом и другими консерваторами, была труднореализуемой. Он надеялся, что прибегать к ней не придется, но просчитался и вынужден был фактически от нее отказаться. Но его авторитет в американском обществе был настолько велик, что на результаты выборов это существенно не повлияло.

Выборы состоялись 6 ноября 1956 года. Дуайт вместе с

Мейми голосовал в Геттисберге, где теперь имел официальное постоянное место жительства. Возвратившись на вертолете в столицу, он не сидел сложа руки, ожидая результатов голосования, а занимался ближневосточным кризисом. Именно в этот день напряженность начала спадать. Разведывательные полеты «У-2» показали, что советских самолетов на египетских аэродромах нет. В телефонном разговоре с британским премьером Иденом в ответ на информацию, что европейские государства прекратили огонь и ожидают прибытия в зону Суэцкого канала войск ООН, Эйзенхауэр сообщил, что американцы в составе сил ООН участвовать не будут. Иден спросил, как обстоят дела с выборами. Дуайт ответил: «Мы полностью занимались Венгрией и Средним Востоком[16]. Я совсем не интересовался, как идут выборы, но думаю, что всё будет в порядке»{741}.

Разумеется, это была неправда. Президент внимательно следил за ходом голосования, был удовлетворен результатами опросов, показывавшими, что он побеждает, но был несколько разочарован, что Конгресс, по-видимому, останется в руках демократов.

Только к вечеру Эйзенхауэр отправился в штаб-квартиру Республиканской партии. Поздно ночью стали известны предварительные результаты выборов. Несмотря на все международные перипетии предвыборных недель, он одержал внушительную победу. Его конкурент из Демократической партии Э. Стивенсон получил преимущество только в семи южных штатах. В соотношении голосов разница была меньшей: за Эйзенхауэра — свыше 35,5 миллиона, за Стивенсона — около 26 миллионов. Разрыв был в два раза больше, чем на выборах 1952 года. Но это было не столь уж важно, так как за спиной Эйзенхауэра теперь стояли 457 выборщиков, а Стивенсона поддерживали 73.

Хотя до вторичного официального вступления в должность президента оставались еще два с половиной месяца, Эйзенхауэр, почти не сомневавшийся в исходе выборов, всё же ощутил себя более спокойным и уверенным, чтобы продолжать прежний курс постепенных внутренних преобразований и нахождения точек соприкосновения между политическими и социальными силами, сокращения рисков холодной войны без потери мирового авторитета США.

Глава седьмая.
ПЕРИПЕТИИ ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА

Доктрина Эйзенхауэра

Двадцатого января 1957 года, вновь дав клятву честно служить американскому народу и соблюдать конституцию и законы Соединенных Штатов, Эйзенхауэр второй раз официально вступил в должность президента.

Он всё более убеждался, в какой неразрывной связи находятся все стороны жизни американцев с событиями на международной арене. Особое его внимание привлекала проблема освобождения стран Азии и Африки от колониального гнета, становления новых независимых государств, их взаимоотношений с крупными европейскими державами и США.

Доклады Госдепартамента, ЦРУ, специально созданной после выборов рабочей группы экспертов подтверждали, что есть все основания рассматривать положение в третьем мире как одну из ключевых проблем, в разрешение которой на благо интересам США президент должен внести максимальный вклад. Не случайно именно ситуации в этом регионе была посвящена основная часть его инаугурационной речи. Конечно, на ее содержание оказали значительное влияние события, связанные с Суэцким каналом.

Но Эйзенхауэр и до Суэцкого кризиса ставил вопрос шире — по его мнению, США должны были сосредоточить усилия на поддержке новых независимых государств, развитии их инфраструктуры и повышении жизненного уровня населения, на предотвращении вовлечения их в орбиту советского влияния, на создании условий для проникновения туда американского капитала.

Так что и в инаугурационной речи, и в последующей политике были два плана — внешний, общегуманитарный, и внутренний, связанный с экономическими и геополитическими интересами США. «Ни один народ не может жить только ради самого себя», — говорил он. И продолжал, в некотором противоречии с только что сказанным, но в полном соответствии с реально намечаемым курсом: «Процветание Америки не может долго продолжаться, если не будут процветать другие нации»{742}.

Убедить американцев в необходимости усиленной помощи слаборазвитым странам для превращения их в развивающиеся, а в перспективе развитые было нелегко. Эйзенхауэр встречался с лидерами Конгресса и рядовыми депутатами, убеждал их, что

если африканские и азиатские страны окажутся в советской орбите, США потеряют там не только политическую опору, но и, что звучало наиболее весомо, экономические преимущества.

Даже члены кабинета, особенно министр финансов Хамфри, с изрядной долей скепсиса относились к наметкам программы новой помощи зарубежным странам. На одном из совещаний с руководителями фракций Конгресса и штатом Белого дома Эйзенхауэр в который раз стремился убедить слушателей в необходимости значительного расширения закупок сырой нефти и минералов в слаборазвитых государствах. В протоколе совещания говорилось, что президент вновь выразил уверенность, что нельзя «упускать возможность замещать невосполняемые ресурсы, которые когда-то истощатся, восполняемыми». Более того, президент сообщил, «как он шокировал министра Хамфри, выразив предпочтение магнию перед золотом в форте Нокс[17] в связи с тем, что из золота нельзя отливать пули»{743}.

Направленный на рассмотрение Конгресса законопроект о помощи иностранным государствам надолго застрял в комиссиях, хотя президент при помощи личных контактов всячески пытался ускорить его продвижение. В связи с этим основное внимание было перенесено с экономической на политическую область.

Первого января 1957 года, несмотря на новогодние празднества, президент провел совещание влиятельных членов Конгресса, ответственных сотрудников Белого дома и правительства, где обосновал основное содержание своего будущего послания Конгрессу — о необходимости оказания помощи странам Африки и Азии в тех случаях, если они могут оказаться в сфере советского влияния, подчеркивая, что такой поворот «был бы катастрофическим для Европы вследствие ее зависимости от поставок нефти». Современные войны могут быть завершены в течение нескольких часов, поэтому, утверждал Эйзенхауэр, если Конгресс предоставит ему право на использование военной силы, подобная вероятность, скорее всего, никогда не случится.

Получив сдержанное одобрение от группы конгрессменов, Эйзенхауэр 5 января лично явился на Капитолийский холм и выступил на совместном заседании обеих палат с анализом положения на Ближнем Востоке, подчеркнув, что регион находится под коммунистической угрозой. В этот же день на рассмотрение Конгресса поступило послание президента, почти сразу получившее название доктрины Эйзенхауэра.

Если исключить пропагандистские и общие положения, всегда наличествующие в важном политическом документе, доктрина Эйзенхауэра сводилась к следующему: поскольку на

Ближнем Востоке сложилось нестабильное положение, которое используется или может быть использовано Советским Союзом и связанными с ним силами, США должны помогать странам этого региона. Президент получает право реализовывать программы военной помощи, санкционировать применение вооруженных сил США «для обеспечения и защиты территориальной целостности и политической независимости любого государства, запросившего такую помощь, для отражения открытой вооруженной агрессии со стороны какого-либо государства, контролируемого международным коммунизмом». Чтобы предложение было более подходящим для принятия Конгрессом и не противоречило собственным установкам на экономию средств, президент подчеркивал, что не запрашивает дополнительных средств до конца текущего года, а на 1958 и 1959 годы предполагает попросить сравнительно немного — по 200 миллионов долларов.

Послание завершалось заверениями в доброй воле президента: «Позвольте мне еще раз обратиться к вопросу запрашиваемых полномочий на использование вооруженных сил Соединенных Штатов для оказания помощи в защите территориальной целостности и политической независимости любого государства региона от коммунистической вооруженной агрессии. Такие полномочия не будут использованы, если подвергшееся нападению государство не выразит соответствующего желания. Кроме всего прочего, я очень надеюсь, что вообще никогда не возникнет необходимость использовать эти полномочия. Настало время вновь продемонстрировать наше национальное единство в защите свободы и проявить наше глубокое уважение к правам и независимости всех государств, как больших, так и малых. Мы хотим не насилия, а мира. Этой цели мы должны посвятить наши усилия, нашу решимость и полностью самих себя»[{744}].

Дебаты по доктрине Эйзенхауэра продолжались два месяца. В конце концов было принято совместное решение обеих палат Конгресса, оформленное в виде закона, подписанного президентом 9 марта, дававшего ему возможность без консультаций с законодательными органами использовать вооруженные силы США на Ближнем Востоке в случае возникновения там новых кризисных ситуаций[{745}].

Самому Эйзенхауэру практически реализовывать эту доктрину не пришлось. В следующие годы новые президенты не раз использовали те или иные формы силового давления или полномасштабные военные операции на Ближнем Востоке, в частности в Ираке, для решения геополитических задач, но при этом ни разу не выдвигали в качестве их обоснования доктрину

Эйзенхауэра. Тем не менее она являлась важным документом, свидетельствовавшим о готовности президента США применить силу для недопущения возникновения в этом регионе просоветских режимов и для отстаивания глобальных интересов своей страны.

Начало космической эры

Отношения между США и СССР во второй половине 1950-х годов являлись проявлением некоторой разрядки, а затем нового обострения холодной войны. Как ни парадоксально, улучшение отношений проходило при энергичном содействии руководителей обеих стран, а ухудшение вроде бы противоречило их воле, хотя сами они, в значительной мере связанные внутренними обстоятельствами, против желания участвовали в нагнетании напряженности.

В начале второго президентского срока Эйзенхауэр выступил с инициативой разработки программы «People-to-People» — «Народы к народам». Программа была утверждена Дуайтом 11 сентября 1956 года. Она предусматривала развитие связей между городами разных стран, спортивные мероприятия, гастроли театральных коллективов и исполнителей, книгообмен и даже обмен марками и другими предметами коллекционирования. Для реализации этих инициатив было образовано несколько десятков комитетов во главе с видными бизнесменами и деятелями культуры. «Если мы согласимся, что все люди стремятся к миру, дело сближения народов окажется делом самих народов, а не правительств… Будут выработаны не один, а тысячи методов, при помощи которых люди будут постепенно учиться», — говорил Эйзенхауэр, объявляя эту программу{746}.

Однако вначале она осуществлялась неактивно, комитеты работали в значительной мере вхолостую, что было связано прежде всего с продолжением холодной войны.

Отсчет нового периода американо-советских отношений следует, вероятно, вести с 4 октября 1957 года, когда в СССР был запущен первый искусственный спутник Земли весом 80 килограммов. Через месяц был запущен второй спутник, весивший уже полтонны. Американские спецслужбы, прежде всего ЦРУ, в очередной раз проявили недостаточную осведомленность. Агентура сообщала, что Советы будут готовы к созданию межконтинентальных ракет не ранее начала шестидесятых годов, а искусственные спутники могли быть выведены на орбиту только такими многоступенчатыми носителями. Достижение советских

ученых, конструкторов и военных стало для Эйзенхауэра неожиданностью, но, как он сам позже признавался, еще большей неожиданностью была «степень волнения общества»{747}.

Переполох был вызван двумя причинами: осознанием, что теперь территория Америки больше не является недоступной для советского ядерного удара, и разочарованием в американской науке, позволившей обогнать себя «восточному тоталитарному монстру».

Если раньше американские массмедиа более или менее объективно информировали читателей и зрителей о решающем превосходстве США, то теперь под давлением пропагандистов, включая конгрессменов, стали распространять заведомо недостоверные сведения о преимуществе СССР. Паника не имела под собой реальных оснований, ибо разрыв между ракетно-ядерным потенциалом США и СССР был огромным. В 1957 году была создана американская межконтинентальная ракета «Атлас» со временем готовности к старту 15 минут, тогда как период подготовки к старту принятой на вооружение в следующем году советской ракеты «Р-7» составлял восемь — десять часов. Это, а также высокая стоимость ракетных комплексов «Р-7» предопределили ограниченный масштаб их развертывания (было произведено всего четыре запуска){748}.

Но всё это стало известно намного позже. Пока же американские разведывательные службы при помощи полетов «У-2» установили, что на полигоне Капустин Яр в низовьях Волги проводятся запуски ракет, однако их технико-стратегические характеристики были неизвестны. Ясно было одно — испытания ведутся довольно интенсивно и успешно, и это все больше приводило американцев к паническому выводу об отставании от СССР.

Когда стало известно о запуске первого советского спутника, Эйзенхауэр созвал совещание военных чинов для выяснения причин поражения США в космической битве (на самом деле она фактически еще не началась). Как нередко в таких случаях, участники встречи прежде всего стали искать виноватых. Представители армии утверждали, что могли бы при помощи своей программы «Редстоун» осуществить запуск космического аппарата еще несколько месяцев назад, но администрация передала инициативу военно-морскому флоту с его программой «Авангард», которая по каким-то причинам затормозилась{749}. Президент остановил пререкания и потребовал интенсивного развития обоих проектов, чтобы как можно скорее были продемонстрированы американские достижения.

Нелегко пришлось Эйзенхауэру и на первой пресс-

конференции после запуска советского спутника. Его спросили о связи между этим событием и испытаниями межконтинентальных ракет, о которых незадолго перед этим сообщали информационные агентства. Отвечая на этот и другие вопросы, президент старался преуменьшить «достижения русских», хотя и признал, что они получили большое преимущество психологического характера. Журналистов особенно интересовало, как СССР смог достичь таких выдающихся успехов. Безосновательно отвергая высокий уровень советской физики и реальные достижения ученых, Эйзенхауэр отвечал, что «с 1945 года, когда русские захватили всех немецких ученых в Пенемюнде»[18], они «сконцентрировали все свое внимание на баллистических ракетах»{750}, что лишь в некоторой степени соответствовало действительности.

Эйзенхауэр, в прошлом военный, вероятно, сознавал, что не уделял должного внимания развитию американской науки и конструкторской мысли, касающейся обороны страны, передоверив это дело командующим родами войск. Теперь он пытался продемонстрировать, что фундаментальная наука находится в центре его интересов. 15 октября 1957 года он встретился с группой ученых, прежде всего с теми, которых знал лично по недолгому пребыванию президентом Колумбийского университета, а также рекомендованными ими. Среди присутствовавших были видные ученые Исидор Раби, Эдвин Лэнд и др. Ученые высоко оценили советские достижения и критически отозвались о состоянии среднего и высшего технического образования в США. Русские обучают своих студентов основам естественных наук и теперь пожинают плоды — таково было единодушное мнение присутствовавших. Лэнд заявил даже, что американские ученые «чувствуют себя изолированными и одинокими». Президент согласился включить в состав своей администрации советника по науке и технологиям{751}.

На эту должность был назначен президент Массачусетсского технологического института Джеймс Киллиан, одновременно ставший председателем Консультативного комитета по науке при президенте. Это было весьма удачное назначение. Обширная документация комитета Киллиана показывает роль ученого в проведении реформ высшего технического образования в США и особенно в создании Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА){752}.

НАСА было образовано в соответствии со специальным законом, подписанным президентом 29 июля 1958 года, путем реорганизации Национального консультативного комитета по воздухоплаванию и начало функционировать 1 октября{753}.

Подчинялось оно непосредственно вице-президенту. Задачи нового ведомства определялись так: расширение знаний о земле, атмосфере и космосе; совершенствование воздушных и космических кораблей; проведение перспективных исследований в области аэронавтики и космонавтики в мирных и научных целях; сохранение роли США в качестве лидера технологий в обеих областях; сотрудничество с учреждениями, связанными с обороной, и передача им необходимых данных, имеющих военное значение; сотрудничество с другими странами в мирном освоении космического пространства{754}.

Перед этим (в феврале 1958 года) Эйзенхауэр подписал закон о создании Агентства по осуществлению передовых исследовательских проектов — под этим названием скрывался центр исследования космоса в военных целях{755}.

В соответствии с законом о создании НАСА был образован Комитет связи между гражданскими и военными учреждениями в исследовании космоса. Однако основные работы неразрывно связанного гражданско-военного комплекса изучения космоса оказались сосредоточены именно в НАСА. Эйзенхауэр, вначале полагавший, что научно-технические усилия в этой области должны быть подчинены в первую очередь военным задачам, и поэтому некоторое время не дававший согласия на образование гражданского космического ведомства, вскоре осознал невозможность разорвать мирные и военные исследования, и с его согласия НАСА фактически сосредоточило исследования и технологические разработки в обеих областях. Вопреки законодательству, разделявшему гражданские и военные исследования космоса, уже в 1959 году по решению Эйзенхауэра в НАСА были включены армейские и военно-морские силы — Агентство баллистических ракет и Военно-морская исследовательская лаборатория.

На первых порах в НАСА работали около восьми тысяч сотрудников. Годовой бюджет составлял 100 миллионов долларов. К концу 1958 года были созданы три лаборатории и два опытных полигона. Немалую роль сыграло использование технологий, разработанных еще в нацистской Германии под руководством Вернера фон Брауна, который после переезда в США работал в армейском исследовательском центре, а теперь был переведен в НАСА{756}.

Разворачивавшаяся космическая гонка, создание новых баллистических ракет требовали огромных расходов. Между тем 1957 год был временем экономического спада. Доходы федеральных учреждений сократились. Последствия спада ощущались и в следующем году. А достижения вначале были

незначительными. В декабре 1957 года попытка запустить спутник при помощи ракеты «Авангард» закончилась неудачей: ракета взорвалась через две секунды полета. Эйзенхауэра предупреждали, что, если в ближайшее время не произойдет успешный запуск спутника (сателлита, как его называли американцы), сильно возрастут требования значительно увеличить расходы на ракетостроение и в целом на военные нужды{757}.

В кругах ученых, а затем политиков возникали предложения начать подготовку к запуску на Луну возвращаемого космического аппарата. Эту идею продвигал известный левый республиканец Нельсон Рокфеллер, как раз в это время выдвинувший свою кандидатуру на пост мэра Нью-Йорка. В ходе избирательной кампании Рокфеллер многократно повторял это предложение{758}. Оно казалось странным, ведь даже небольшой спутник Земли американские конструкторы запустить еще не могли. Эйзенхауэр выражал сомнения в необходимости создания «лунной» программы, добавляя, что «на Луне у нас нет никаких противников»{759}.

Президент выразил удовлетворение, когда 31 января 1958 года на орбиту был, наконец, выведен первый американский спутник «Эксплорер-1», а в марте после успешного запуска спутника «Авангард» вновь поздравил с успехом всех причастных. Но недовольство космическими делами сохранялось, так как первый спутник весил всего около 14 килограммов, а второй — менее полутора.

Инсульт и последующие проблемы

В конце 1957 года у Эйзенхауэра существенно ухудшилось здоровье. В его истории болезни уже был инфаркт. Теперь оказались пораженными сосуды головного мозга.

Двадцать пятого ноября во второй половине дня, когда президент читал и подписывал деловые бумаги, он почувствовал головокружение, буквы стали расползаться. Он попытался встать, но чуть было не потерял сознание и вынужден был звонком вызвать секретаря. Вошедшая в кабинет Энн Уитмен услышала, что президент произносит невнятные звуки. Они с личным секретарем Гудпейстером уложили Эйзенхауэра в постель. По всему было видно, что никаких болевых ощущений у него нет. Врачи предположили, что произошел легкий инсульт (как тогда говорили, паралич мозга) из-за спазма или разрыва мелкого кровеносного сосуда{760}.

Соответствующие тесты подтвердили диагноз. Медики пришли к выводу, что никакой непосредственной опасности для жизни президента нет и что ему следует некоторое время отдохнуть. Каково же было удивление окружающих, включая жену, когда отворилась дверь спальни и к сотрудникам Белого дома, консультировавшимся с врачами, вышел пациент, заявивший, что ему пора собираться на официальный ужин. Президент говорил замедленно, с огромным трудом произносил слова. С невероятным трудом удалось уговорить его отправиться в постель. Врачи встревожились — поведение Дуайта показалось им неадекватным.

Но инсульт действительно оказался легким, и уже через день речь стала восстанавливаться, Дуайт недолгое время сидел за мольбертом, а в конце недели отправился в Геттисберг{761}. К середине следующего месяца с санкции врачей он полностью возвратился к работе.

И всё же последствия инсульта сказывались до конца жизни. Говоривший всегда очень четко, по-военному кратко и стройно, Дуайт теперь испытывал беспокойство, когда приходилось произносить длинные речи, особенно по написанному тексту. Он обнаружил странную вещь — в длинном слове он иногда менял местами слоги. К счастью, англо-американский лексикон состоит преимущественно из одно- и двусложных слов. Поэтому слушатели, как правило, ничего не замечали. По крайней мере до появления мемуаров Эйзенхауэра, в которых откровенно рассказывалось об этом{762}, ни в одном из источников такие сведения не появлялись.

Возможно, этот дефект речи вкупе с общей усталостью, накопившейся в результате десятилетий напряженной работы, давали себя знать. Эйзенхауэр стал более раздражительным, иногда выходил из себя, покрикивал на собеседников. Всё чаще он говорил, что слишком стар для руководства страной, что напрасно согласился на второй срок президентства. В целом он стал вести себя несколько менее уверенно, чем ранее, что, в отличие от дефекта речи, подмечали сотрудники и вездесущие журналисты.

Но в основном Эйзенхауэр продолжал держать в своих руках исполнительную власть, не допускал, чтобы окончательные решения по ответственным вопросам принимались без его санкции.

Между тем в последние годы его президентства стали намечаться первые признаки реального смягчения международной напряженности, особенно в области испытаний ядерного оружия, остановка которых рассматривалась как первый

шаг к сокращению стратегических вооружений.

Связано это было с тем, что с конца 1957 года советская сторона начала выступать с мирными инициативами. 10 декабря Москва предложила установить трехгодичный мораторий на ядерные испытания и провести по этому вопросу встречу на высшем уровне. Эйзенхауэр ответил, что готов участвовать во встрече, но ее должно предварять совещание министров иностранных дел. Явное стремление отсрочить встречу было связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, новый британский премьер-министр Гарольд Макмиллан совсем недавно дал санкцию на проведение испытаний ядерного оружия, и было ясно, что сразу отменить их он не сможет. Во Франции ядерное оружие было только что создано и, естественно, требовались его испытания. Во-вторых, Эйзенхауэру всё еще не была до конца понятна расстановка сил в советском руководстве. Письмо с предложением о прекращении испытаний было подписано главой правительства Булганиным, тогда как, судя по всему, реальной властью уже обладал Хрущев. Ситуация прояснилась, когда 27 марта 1958 года было объявлено об отставке Булганина и назначении на пост главы правительства Хрущева при сохранении за ним поста первого секретаря ЦК КПСС.

Первый демонстративный международный акт последовал почти немедленно: 31 марта Хрущев объявил об одностороннем прекращении ядерных испытаний. Хитрость состояла в том, что большая серия советских испытаний только что была завершена, тогда как в США соответствующие испытания только намечались. На пресс-конференции 2 апреля Эйзенхауэр отмахнулся от вопроса по поводу предложения Хрущева: «Я считаю, что это трюк, и не думаю, что его следует серьезно воспринимать; каждый, кто тщательно это изучит, поймет»{763}.

И всё же с советскими предложениями приходилось считаться, тем более что сам Эйзенхауэр стремился к прекращению испытаний. Консультативный комитет по науке заверил его, что можно создать такую систему контроля, которая сможет зафиксировать ядерный взрыв силой более двух килотонн (в десять раз слабее бомбы, сброшенной на Хиросиму).

После тщательных консультаций с госсекретарем Даллесом, который на этот раз выступил за проведение серьезных переговоров о прекращении ядерных испытаний, Эйзенхауэр 28 апреля направил Хрущеву письмо о согласии на переговоры. Вскоре в Женеве были начаты переговоры СССР, США, Великобритании и Франции о запрещении испытаний ядерного оружия. Со временем они, казалось, зашли в тупик, ибо США настаивали на принципе «открытого неба», а советские

представители объявляли его узаконенным шпионажем. Вслед за этим советская сторона стала настаивать на введении права вето в комиссиях, которые будут проверять данные о ядерных взрывах. США выдвинули требование об увеличении числа контрольных постов. Несмотря на эти пробуксовки, в 1959–1960 годах Великобритания, СССР и США соблюдали мораторий на ядерные испытания, а проводила их только Франция (с зарядами небольшой мощности).

В составе американской делегации на женевских переговорах работал профессор Гарвардского университета, известный химик Джордж (Георгий Богданович) Кистяковский, эмигрировавший во время Гражданской войны из России. Доклады Кистяковского, адресованные администрации США, произвели впечатление на Эйзенхауэра. В середине января 1959 года президент пригласил ученого в Белый дом, попросив проконсультировать его относительно возможности нанесения удара советских межконтинентальных ракет по территории США. По данным Кистяковского, СССР располагал некоторым числом таких ракет в оперативной готовности. Эйзенхауэра интересовала точность их попадания. Ответ не внушал оптимизма: даже при малой точности ракеты настолько сильно поразят американские центры, что возможность проживания в них будет поставлена под сомнение, хотя ответный удар испепелит крупнейшие города СССР Кистяковский свидетельствовал, что они с Эйзенхауэром пришли к единому выводу: «Он (президент. — *Г. Ч., Л. Д.)* допускал, что таким образом можно разрушить значительную часть промышленной мощности страны, но ответный удар будет такой, что война просто потеряет смысл»{764}.

Мнение маститого ученого было важным аргументом при подготовке решений о ревизии бюджета Пентагона. В результате, несмотря на ожесточенное сопротивление военных, затребованная сумма в 50 миллиардов долларов была снижена на десять миллиардов. «Сколько раз нам надо уничтожить Россию?» — задавал Эйзенхауэр риторический вопрос начальникам штабов родов войск.

В июле 1959 года Кистяковский был назначен специальным советником президента США по науке и технике. Оставаясь в этой должности до начала 1961 года, он консультировал Эйзенхауэра по широкому кругу проблем, от координации исследований различных научно-технических учреждений до подготовки научных кадров.

На фоне космической гонки, в которой США пока не получили преимущества, отягощенном серьезным расовым столкновением в Литл-Роке, почти незаметно прошли

промежуточные выборы в Конгресс 1958 года. Демократическая партия добилась победы, получив большинство в обеих палатах, что, впрочем, для американской политической жизни обычное явление: за шестилетний срок президентства у избирателей накапливается такое количество претензий, что победы на промежуточных выборах, как правило, добиваются оппозиционеры. Эйзенхауэр отлично знал эту закономерность и не особенно беспокоился. Он по-прежнему находил общий язык с лидерами демократов путем личных встреч, компромиссов, обычно несущественных, нередко напоминая, что считает себя не партийным президентом, а избранником всего народа.

Характерно письмо, которое Дуайт за несколько месяцев до выборов написал бывшему министру финансов Д. Хамфри (после отставки в 1957 году Хамфри стал председателем Национальной сталелитейной корпорации), которому был благодарен за усилия по снижению уровня инфляции и сокращение государственного долга. Эйзенхауэр жаловался бывшему подчиненному на несправедливости судьбы и недооценку деятельности его администрации толпой избирателей, которую демократам удалось соблазнить обещаниями подъема жизненного уровня и призывами увеличить расходы на вооружение. Но завершалось письмо на оптимистической ноте: «Конечно, светит солнце, в Соединенных Штатах живут сравнительно счастливые люди, а наши внуки не кажутся слишком уж обеспокоенными»{765}. Такое настроение сохранялось и после выборов.

В последние годы своего президентства Эйзенхауэр всё сильнее тревожился из-за того, что могучие средства разрушения накапливались в арсеналах ядерных держав. На переговорах о запрещении ядерных испытаний стороны постепенно приближались к взаимопониманию, но оставались принципиальные вопросы, по которым достичь согласия никак не удавалось. Главным среди них был вопрос о контроле за соблюдением соглашения о подземных испытаниях малой мощности, для обнаружения которых требовалось огромное количество наблюдательных пунктов на территории каждой страны. Советские представители, прежде всего министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, решительно отказывались от создания множества контрольных постов, заявляя, что они будут очагами шпионажа. Именно в это время Громыко и получил в США прозвище «Мистер нет».

Высшие американские военные, правые политики из обеих партий, большинство журналистов, значительная часть ученых (особенно создатель водородной бомбы Э. Теллер) считали, что переговоры становятся бесперспективными, и настаивали не

только на возобновлении испытаний, но и на расширении военной мощи страны.

Эйзенхауэр, как мог, сопротивлялся этим тенденциям. Его поддерживали послушный аппарат Белого дома, новый государственный секретарь — опытный дипломат Кристиан Гертер (назначенный в 1959 году после смерти Д.Ф. Даллеса), советник по вопросам науки Д. Кистяковский, часть влиятельных кругов Республиканской партии.

На заседаниях Совета национальной безопасности президент непрерывно подвергался атакам с требованиями увеличить военный бюджет. На одном из заседаний военные заговорили о необходимости строительства шести подводных лодок, оснащенных новейшими ракетами «Поларис»; Эйзенхауэр, демонстрируя негодование (можно полагать, наигранное), вновь спросил: «Сколько раз мы должны уничтожить Россию?» Когда же Объединенный комитет начальников штабов потребовал строительства нового атомного авианосца (первый такой авианосец «Энтерпрайз» был заложен в феврале 1958 года и спущен на воду в сентябре 1960-го), президент осудил эту затею прежде всего по финансовым соображениям: расчетная стоимость корабля составляла десять миллионов долларов, но было ясно, что реальные расходы окажутся значительно выше. Эйзенхауэр использовал и другой аргумент — убеждал военных, что в новом мощнейшем корабле нет необходимости, поскольку авианосцы обычного типа достаточно мобильны и обеспечивают потребности ведения войны без применения ядерного оружия. Но всё же основной упор делался на финансовые соображения: «Наша оборона зависит от налоговой политики… Если не будет сбалансирован федеральный бюджет, материально-техническое обеспечение обороны окажется нулевым»{766}.

Но главной проблемой продолжали оставаться ядерные испытания, переговоры по которым, хотя и очень медленно, продвигались вперед.

В конце концов, уже после завершения президентства Эйзенхауэра, стороны пришли к согласию по вопросу о запрещении испытаний на земле, под водой и в космосе. Исторический договор был подписан в 1963 году при президенте Джоне Кеннеди.

Кубинская эпопея

Во внешней политике американского президента после промежуточных выборов возникли новые сложности, на этот раз

связанные с Латинской Америкой.

На протяжении предыдущих лет Эйзенхауэр обращал мало внимания на огромное пространство к югу от границы США. Исключение составлял сравнительно непродолжительный эпизод 1954 года, когда с санкции президента ЦРУ организовало свержение правительства в Гватемале.

Некоторые советники и помощники Эйзенхауэра, особенно его младший брат Милтон, рекомендовали существенно расширить экономическую помощь Мексике, странам перешейка и Южной Америки, а также островным государствам Карибского бассейна, предупреждая, что правительства этих стран, в основном диктаторские, но в то же время благожелательно относившиеся к Дяде Сэму, могут в современных динамичных условиях потерять власть, которая окажется в руках враждебных США режимов. Сами же эти правительства, клянясь в верности США, часто подогревали антиамериканские настроения радикальных элементов, надеясь с их помощью добиться увеличения американских кредитов, которые в большинстве случаев не возвращались, а рефинансировались. Однако латиноамериканские проблемы оставались вне сферы интересов президента, чье внимание во внешней политике было направлено на дела, в основном связанные с холодной войной.

В таких условиях начала разыгрываться кубинская эпопея. В марте 1952 года в результате государственного переворота к власти на Кубе пришел Фульхенсио Батиста, установивший военно-полицейскую диктатуру. Радикально настроенная молодежь, группировавшаяся вокруг 26-летнего адвоката Фиделя Кастро, умевшего произносить многочасовые речи, возбуждавшие толпу пламенными интонациями, организовала несколько повстанческих групп, которые 26 июля 1953 года совершили атаку на казармы Монкада в городе Сантьяго-де-Куба, втором в стране по численности населения и экономическому развитию. Нападавшие были схвачены и приговорены к длительному заключению. Под давлением международной общественности и дипломатов ряда стран, в том числе американского посла, они были амнистированы и покинули страну.

Определенная личная заслуга в этом принадлежала Эйзенхауэру, который жестко потребовал вмешательства посла Артура Гарднера. Считая, что Гарднер слишком пробатистовский деятель, Эйзенхауэр в 1957 году назначил вместо него своего хорошего знакомого Эрла Смита{767}.

В эмиграции в Мексике Кастро стал инициатором создания организации «Движение 26 июля», которое начало акты индивидуального террора (удалось убить начальника кубинской

военной разведки полковника Бланко Рихо). В начале декабря 1956 года отряд Кастро численностью 82 человека тайно высадился в провинции Орьенте и начал партизанские операции, которые, всем на удивление, в основном оказались успешными в силу полного разложения в вооруженных силах Батисты.

Фиделем заинтересовались в США. К нему даже пробрался американский журналист и взял интервью. Кастро заверял в любви к демократическим традициям США, к американскому президенту, который, по его словам, горячо поддержал бы партизан, если бы знал их добрые намерения{768}. Учитывая особый интерес Милтона Эйзенхауэра к событиям на Кубе и его близость к брату, можно полагать, что об этом интервью было доложено президенту и у того первоначально сложился позитивный образ руководителя кубинских повстанцев, тем более что, по сообщению журналиста, после захвата батистовских солдат партизаны их лечили, подкармливали, а затем отпускали.

Постепенно силы Кастро крепли за счет объединения с подпольными организациями, действовавшими в Гаване и других городах, в том числе с Народно-социалистической партией. В результате повстанцы стали одерживать одну победу за другой. 28–30 июля 1958 года в сражении под городом Санто-Доминго была разгромлена крупная группировка правительственных войск, после чего началось наступление отрядов Кастро на важнейшие центры страны. 31 декабря командующий правительственными войсками генерал Франсиско Табернилья доложил Батисте, что армия вышла из-под контроля. В тот же день Батиста и все высшие чиновники бежали в Доминиканскую Республику. 2 января 1959 года повстанцы вступили в Гавану.

Вначале Кастро действовал осторожно. Он не занял никакого правительственного поста, образовав административные органы из видных либералов, ранее находившихся в оппозиции. Однако его левые установки становились всё более ясными по характеру проводимых реформ: была резко снижена плата за жилье, электричество, медицинское обслуживание. Развернулось поощряемое Фиделем движение за аграрную реформу и национализацию иностранной собственности. 13 февраля либеральный премьер-министр Миро Кардона, выступавший против стремительного проведения реформ, был вынужден уйти в отставку, а затем эмигрировать. Премьер-министром стал Фидель, радикальные преобразования усилились, стали затрагивать американскую собственность, а сам кубинский руководитель обрушивался на США на митингах, по несколько часов подряд повторяя революционные лозунги. Поляризация сил привела к массовым арестам и расстрелам оппозиционеров, к

бегству с Кубы тысяч людей, которые находили приют в американском штате Флорида, расположенном в 150 километрах от острова.

И всё же аналитики США поначалу высказывали мнение, что на Кубе может произойти демократизация без существенного ущерба для американских интересов. Особо их воодушевляло, что, несмотря на легализацию Народно-социалистической партии и членство в ней младшего брата премьер-министра Рауля Кастро, в выступлениях Фиделя подчас звучали негативные оценки коммунистического движения и даже политики СССР{769}.

Однако правительство Кастро усиливало преследования не только сторонников Батисты, но и всех зажиточных людей и расширяло риторику по поводу раздувания всеобщего латиноамериканского пожара.

На Кубе началась национализация американской собственности. Убытки 979 американских компаний составили около миллиарда долларов прямых капиталовложений. Американские предприниматели лишились до двух миллионов гектаров сельскохозяйственных земель, потеряли три нефтеперерабатывающих и 36 сахарных заводов, значительное количество торгово-промышленных объектов и иной недвижимости{770}.

Кубинские эмигранты стремились свергнуть Кастро вооруженным путем. Но между ними шла острейшая борьба не только по поводу целей борьбы (восстановление власти Батисты, введение военной диктатуры или создание демократического режима), но и по вопросу, кто эту борьбу возглавит. Среди кандидатов, как докладывали президенту, не находилось ни одного достойного лица.

В высших кругах США сдержанно-позитивное отношение к новой власти на Кубе быстро сменилось сугубо отрицательным. Вице-президент Никсон даже заявил, что США «обладают силой — и мистер Кастро знает это, — чтобы отстранить его от власти в любой день по своему выбору»{771}. Это было явно необдуманное и хвастливое заявление, суть которого Эйзенхауэр не разделял. Чем обернется такой курс, который полностью воспринял директор ЦРУ А. Даллес и о котором президенту докладывали только в самых общих чертах, станет ясно уже при следующем хозяине Белого дома Джоне Кеннеди, когда разразится опасный для судеб всего мира Кубинский кризис{772}.

На рассмотрение Эйзенхауэра были представлены два варианта. Первый, по которому на Кубу должны были быть направлены части американской морской пехоты, которые быстро навели бы там порядок, президент отверг с ходу, зная

популярность Кастро не только в Латинской Америке, но и в определенных кругах США, а также предвидя крайне негативную реакцию мирового общественного мнения{773}. Второй вариант состоял в устранении Фиделя (изначально под этим понималось убийство) и организации отрядов кубинских эмигрантов для вторжения с территории одной из центральноамериканских стран на остров, уже деморализованный гибелью лидера или другими подходящими обстоятельствами.

Эйзенхауэр с неохотой дал согласие на второй вариант. Он, солдат по натуре, недолюбливал тайные службы, а их методы «плаща и кинжала» считал, как и масса обыкновенных людей, «грязными». В то же время как здравый и опытный политик он понимал необходимость тайных служб с присущими им приемами деятельности. Об этом свидетельствовали проведенные с его санкции и под его контролем операции в Иране и Гватемале. Определенная степень лицемерия в этом была — Эйзенхауэр заботился не столько об ограничении тайных операций, сколько о том, чтобы они не компрометировали лично его. Что ж, это — почти всеобщий атрибут политической жизни, хотя один раз Эйзенхауэру всё же пришлось принять огонь на себя.

Пока же он только согласился на подготовку в глубокой тайне кубинских эмигрантов в джунглях Гватемалы на средства США под руководством инструкторов ЦРУ и разработку планов убийства кубинского лидера. Уже в середине марта 1959 года А. Даллес в общих чертах доложил Эйзенхауэру план операции против Кастро, предусматривавший проведение «повстанческими» силами рейдов с целью разрушения инфраструктуры и убийства ответственных чиновников, создание антикастровских партизанских отрядов. Предполагалось, что будет накоплена такая критическая масса оппозиционеров, которая позволит открыто выступить и свергнуть существовавшую власть. Эйзенхауэр дал санкцию на подготовку конкретной директивы о способах тайного проникновения эмигрантов на территорию Кубы с перспективой подготовки антиправительственного восстания. Операция получила наименование «Плутон»{774}.

Эйзенхауэра вскоре убедили, что в горах Кубы действуют партизанские отряды, которым оказывают помощь американские разведывательные службы. Это был прямой обман: на острове действовало лишь несколько разрозненных подпольных групп, оторванных от внешних сил и помощи не получавших{775}.

На территории Гватемалы действительно было создано несколько тайных баз, на которых проходили военное обучение кубинские эмигранты-добровольцы. Подготовка, однако, осуществлялась без конкретных учебных планов, наспех,

самозваные инструкторы пытались учить добровольцев тому, что умели сами, не будучи мастерами военного, а тем более партизанско-подрывного дела{776}. В результате уже после окончания президентства Эйзенхауэра, весной 1961 года, была предпринята попытка высадки эмигрантских отрядов под прикрытием военно-морского флота США, которая завершилась полным провалом.

Пока же ЦРУ предлагало президенту малоэффективные, с его точки зрения, меры. Однажды А. Даллес принес ему фотографии сахароочистительного завода на Кубе, сделанные при помощи разведывательного самолета «У-2», и план организации саботажа на этом заводе, чтобы вывести его из строя. Эйзенхауэр просто высмеял этот план, заявив, что предприятие легко может быть восстановлено, и потребовал, чтобы директор ЦРУ вновь явился к нему для доклада о кубинской ситуации только тогда, когда будет разработана действенная программа{777}.

Вслед за тем в ЦРУ были подготовлены несколько планов убийства Кастро, включая не только нападение на одном из митингов или отравление, но и такие экзотические способы, как размещение взрывного устройства в красивой раковине на том месте, где обычно Кастро принимал морские ванны, преподнесение в подарок костюма с бациллами туберкулеза и т. п.{778} Ни один из них осуществить не удалось.

Был ли Эйзенхауэр в курсе конкретных планов убийства Кастро? Документальных свидетельств этого нет. Да и вряд ли президент-военачальник опускался до обсуждения подобных затей. Ему было достаточно дать общие указания, а о деталях должны были заботиться подчиненные.

Но эти планы не были реализованы в какой-то мере из-за позиции Эйзенхауэра, тормозившего их осуществление до тех пор, пока не будет создано надежное правительство в изгнании, равноудаленное как от Кастро, так и от Батисты. Эйзенхауэр опасался, что исчезновение Фиделя приведет к тому, что власть на Кубе возглавят еще большие радикалы, например Рауль Кастро или Эрнесто Гевара, что создаст для США новые трудности.

В середине марта 1960 года президент принял, наконец, А. Даллеса и ответственного сотрудника ЦРУ Ричарда Биссела, руководившего «кубинской программой». Представленный ими план предусматривал создание «ответственного и единого» правительства в изгнании, «пропагандистское наступление»; тайный сбор информации и «тайные акции» на Кубе (по-видимому, этот пункт предусматривал террористические акции), создание «формирования вне Кубы для будущих партизанских действий». Одобрив план в целом, Эйзенхауэр подчеркнул, что

опираться необходимо именно на первый пункт, для чего следовало найти такого кубинца, который смог бы руководить тайными агентами, полувоенными формированиями и в то же время пользовался авторитетом среди эмигрантов{779}.

Кубинские события являлись серьезным предупреждением, что положение в той или иной стране Латинской Америки может перестать соответствовать интересам США, как их понимало руководство страны, и прежде всего сам президент. Советники, а также Милтон рекомендовали Дуайту обратить пристальное внимание на Центральную и Южную Америку, установить более тесные отношения с правительствами латиноамериканских стран, усилить экономическую и военную помощь.

По рекомендации Милтона президент в ноябре 1959 года образовал Совещательный комитет по делам Америки, который должен был давать ему рекомендации{780}. Состоялось несколько заседаний этого комитета с участием президента. Среди прочего Эйзенхауэру посоветовали совершить вояж в несколько стран континента с «миссией доброй воли», чтобы укрепить связи и, главное, обеспечить единый антикубинский настрой национальных администраций.

В конце января 1960 года было объявлено, что президент намерен в ближайшее время осуществить «давнее желание» посетить Латинскую Америку, чтобы встретиться с народами и руководителями, укрепить дружбу с ними, продолжить деятельность по «развитию внутриамериканскои системы как примера наций, живущих в мире и согласии»{781}.

Визит продолжался с 23 февраля по 3 марта. Эйзенхауэр посетил Бразилию, Аргентину, Чили и Уругвай. В столицах его встречали восторженные толпы. Немноголюдные демонстрации против диктата США были почти незаметны.

По возвращении на родину Эйзенхауэр был проинформирован Государственным департаментом, что пресса латиноамериканских стран подчеркивала выгоды, которые их народы извлекут из непосредственного знакомства с Южной Америкой высшего должностного лица США. В ряде газет американского президента именовали «апостолом мира». В то же время некоторые государственные деятели высказывали мнение, что «за высокими надеждами должны последовать действия по решению насущных проблем Латинской Америки»{782}.

В беседах с главами латиноамериканских государств наряду с вопросами расширения экономических связей и военной помощи особое внимание уделялось защите от коммунистического проникновения, коллективным мерам против Кубы, подготовке очередной XI Межамериканской конференции, намеченной на

март 1961 года, которая, по замыслу Эйзенхауэра, должна была продемонстрировать единство стран континента в осуждении кубинского режима и недопущении его влияния на другие страны. Сам Эйзенхауэр считал свой визит большим успехом и позже с восторгом вспоминал о нем в мемуарах{783}.

Прямые действия против Кубы не были начаты до конца президентства Эйзенхауэра, а последующие события привели к тягчайшему кризису, чреватому опасностью ядерной войны.

Встреча с Хрущевым

Последние два года пребывания Эйзенхауэра на посту президента ознаменовались крутыми изменениями во взаимоотношениях с СССР, основным противником США в холодной войне.

Вначале казалось, что, несмотря на острые идеологические споры и геополитические претензии обеих сторон, мирное сосуществование начинает пробивать себе дорогу. Правда, в ноябре 1958 года Хрущев объявил о намерении в ближайшее время подписать мирный договор с Германской Демократической Республикой. Это означало, что в случае отказа признать ГДР в качестве суверенного государства и подписать с ней соответствующие соглашения западным державам придется пробиваться в Западный Берлин силой. Это, в частности, было связано с действием с 1955 года доктрины Хальштейна (названа по имени статс-секретаря ФРГ Вальтера Хальштейна), согласно которой западногерманское государство поддерживало дипломатические отношения только в теми странами, которые не имели соответствующих отношений с ГДР, за единственным допускавшимся исключением — СССР{784}. Доктрина создавала непреодолимые препятствия для компромисса с ГДР.

Тем не менее Эйзенхауэр полагал, что Хрущев использует угрозу установления дипломатических отношений с ГДР и закрытия доступа к Западному Берлину лишь как элемент дипломатического торга и пойдет на уступки. Президент решительно выступал против предложений конгрессменов-демократов, в том числе всё более выдвигавшегося на первые роли Джона Кеннеди, значительно увеличить военные расходы США. Он сознавал, что гонку вооружений подогревают военно-промышленные объединения, в частности концерны «Боинг» и «Дуглас», получавшие выгодные правительственные заказы. Однажды, увидев в прессе рекламы обеих фирм, он произнес: «Следует понимать, что проблема связана не с обороной нашей страны, а с желанием жирных котов получить для себя еще больше средств».

На ряде пресс-конференций и на встречах с лидерами Конгресса Эйзенхауэр призывал не драматизировать берлинский вопрос, который его оппоненты связывали с возрождением доктрины «освобождения». В отношении политики СССР его выступления были сдержанно оптимистическими. Он пытался убедить конгрессменов: «…Необходимо удерживать наши позиции до тех пор, пока Советы дадут образование своему

народу. Поступая так, они сами будут способствовать разрушению злобной силы коммунизма. Пройдет, однако, немало времени, прежде чем возобладает порядок»{785}.

В соответствии с такой установкой Эйзенхауэр написал Хрущеву о своей готовности даже при отсутствии прогресса на переговорах министров иностранных дел провести совещание руководителей четырех держав (Великобритании, СССР, США, Франции), на котором обсудить в том числе вопрос о судьбах Германии, в частности о статусе Берлина. Президент полагал, что советское предложение о превращении Западного Берлина в «вольный город», не входящий ни в западно-, ни в восточногерманское государство, может стать основой компромисса — объявления «вольным городом» всего Берлина. Касательно ядерных испытаний Эйзенхауэр сообщил советскому лидеру, что США более не настаивают на полном запрещении испытаний ядерного оружия, а соглашаются действовать поэтапно, начиная с прекращения испытаний в атмосфере{786}. Это означало, в частности, отказ от размещения на территории СССР сотен контрольных постов.

Позиции сторон, таким образом, постепенно сближались, и одновременно возрастал уровень доверия. Прошел срок объявленной Хрущевым даты подписания мирного договора с ГДР, ничего не произошло. Таким образом советский руководитель продемонстрировал Эйзенхауэру и его европейским союзникам готовность к компромиссу

На следующий день после даты, названной Хрущевым предельным сроком подписания договора с ГДР (27 мая 1959 года), Эйзенхауэр встретился с «Мистером нет», прибывшим в Вашингтон на похороны бывшего коллеги, госсекретаря Даллеса. Пригласив Громыко на ланч в Белый дом, президент убеждал его в необходимости найти пути «к лучшему состоянию наших отношений»{787}.

В дневнике Дуайт записал, что Громыко оказался «персонально приятным, часто смеялся и выразил надежду, что подлинный прогресс может быть достигнут»{788}. Очевидно, Громыко, обычно мрачный и малоразговорчивый, на сей раз вел себя по-другому не по собственной инициативе, а по указанию шефа.

Было ясно, что советский премьер, как и американский президент, стремится прорвать порочный круг холодной войны, глубокого взаимного недоверия, рассеять подозрения в агрессивных намерениях СССР и в то же время сохранить геополитические амбиции. Эйзенхауэру казалось, что даже несмотря на безрезультатность переговоров о запрещении

испытаний ядерного оружия и встречи министров иностранных дел в результате личной встречи с советским лидером создастся благоприятная обстановка для смягчения напряженности.

Советский «коммунист № 1» проявлял интерес к посещению США с начала 1959 года. За океан, разведать обстановку, отправился заместитель председателя Совета министров СССР Анастас Микоян, считавшийся наиболее близким к Хрущеву членом высшего руководства. Перед этим Микоян, единственный из членов Президиума ЦК КПСС, осмелился возражать Хрущеву по вопросу о Берлине и подписании мирного договора с ГДР. Упрямый Никита Сергеевич счел, что именно Микоян может создать благоприятный климат для его визита. Анастас Иванович вспоминал: «Хрущев стал меня уговаривать поехать в США, чтобы рассеять враждебную конфронтацию, возникшую в результате его же речи. Я резко возражал: “Ты затеял, ты и поезжай! Кстати, меня никто не приглашает туда”. — “Нет, мне нельзя. Я первое лицо. Поезжай как личный гость посла Меньшикова”»{789}.

В ходе поездки была достигнута договоренность, что Хрущев посетит США, как только на переговорах министров иностранных дел о запрещении ядерных испытаний будет достигнут прогресс. Пока же для демонстрации ослабления напряженности решили организовать советскую выставку в Нью-Йорке и американскую в Москве.

Советская выставка, прошедшая в июне, и американская, состоявшаяся в июле, пользовались большим интересом в обеих странах. Правда, Эйзенхауэр не посетил советскую выставку; зато Хрущев побывал на американской, размещенной в парке «Сокольники», перед ее официальным открытием, и долго беседовал с руководителем делегации США вице-президентом Никсоном. Этот разговор при осмотре стандартного американского двухэтажного дома, рассчитанного на одну семью, получил позже название «кухонная беседа». Говорили вроде бы о мелочах: Хрущеву дом показался непрочным, способным прослужить лишь 20–25 лет; Никсон заявлял, что у детей могут оказаться иные вкусы, нежели у родителей{790}. По существу же столкнулись американский индивидуализм и проповедуемый в СССР коллективизм. Длинную речь Никсона на открытии выставки, в которой подчеркивались свобода слова в США и благосостояние средней американской семьи, советская печать по указанию Хрущева опубликовала без купюр.

Никсон передал Хрущеву приглашение Эйзенхауэра посетить США в сентябре. 22 июля поступил ответ Хрущева: он собирался совершить десятидневную поездку и побывать в различных районах страны. Во время, оставшееся до визита, были подписаны

соглашения о расширении экономического и культурного обмена, спортивных контактах и т. д.

Предполагалось, что в следующем году Эйзенхауэр нанесет ответный визит. Он вспоминал теплый прием, оказанный ему в СССР в 1945 году, и надеялся, что личные контакты будут содействовать выходу из того лабиринта, в котором оказались советско-американские отношения.

Затем президент собирался посетить Индию, о чем давно мечтал. Он не раз говорил близким, насколько его привлекает эта огромная экзотическая страна, которая, освободившись от колониализма, приобретала всё больший вес на международной арене.

В 1959 году по решению Конгресса президенту взамен устаревшего винтового самолета «Локхид VC-121E», носившего имя «Коломбина», был выделен новейший реактивный «Боинг-707», почти бесшумный, быстрый и комфортабельный. По решению президента новому самолету не было дано собственное имя — он и в неофициальном общении сохранил свое наименование, принятое в авиационной службе, занимающейся перелетами первых лиц страны, — «№ 1 военно-воздушных сил США».

Двенадцатого августа на пресс-конференции президента спрашивали в основном о предстоявшем приезде Хрущева. Было очевидно, что и президента, и представителей прессы особенно задела «кухонная беседа» во время американской выставки в Москве. В ответ на главный вопрос, что именно он хотел бы показать советскому лидеру в США, Эйзенхауэр стал подробно рассказывать, что был бы рад продемонстрировать маленький город, населенный рабочими: «Я хотел бы, чтобы он вместе со мной пролетел на вертолете над этим городом и увидел множество домов, небольших, но хорошо выглядящих, приличных и комфортабельных… мне хотелось бы, чтобы он увидел счастливых людей. Я хочу, чтобы он увидел людей свободных, занимающихся своим делом по собственному выбору, в тех границах, которые нельзя преступать, чтобы не нарушать права других»{791}.

Естественно, руководители европейских стран были несколько обеспокоены предстоявшим визитом Хрущева в США. Чтобы развеять их опасения касательно возможного сговора с СССР, Эйзенхауэр решился на явно непротокольный жест — посещение перед этим Бонна, Лондона и Парижа. Он вылетел 26 августа. Федерального канцлера Аденауэра, британского премьера Макмиллана и президента Франции де Голля он заверил, что переговоры с советским лидером ни в коем случае не

поставят под сомнение атлантическую солидарность.

Правда, беседы с де Голлем были нелегкими. Поставив своей задачей воссоздать «Европу отечеств» и готовясь покинуть военную организацию НАТО, француз заявил Эйзенхауэру, что «армия может поддерживать высокий моральный уровень только в том случае, если обороняет собственную страну». Американский президент довольно спекулятивно возразил: «Во время Второй мировой войны, когда многие люди воевали на чужой территории, у нас, кажется, был высокий моральный уровень»[792].

Однако в Париже (и тем более в Бонне и Лондоне) Эйзенхауэра встречали восторженно. Вдоль всего пути от аэропорта до Елисейского дворца по обеим сторонам улиц стояли толпы людей, приветствовавших американского президента. «Сколько их?» — спросил он де Голля. — «Не менее миллиона»[793].

Седьмого сентября Эйзенхауэр возвратился в США, вполне удовлетворенный позицией союзников.

Восемь дней спустя самолет Хрущева совершил посадку на военно-воздушной базе Эндрюс близ Вашингтона. Советский лидер демонстративно прилетел на «Ту-114» — еще не совершавшем пассажирских рейсов турбовинтовом самолете, спроектированном на основе бомбардировщика Ту-95, способного, по мнению его создателей, преодолевать противовоздушную оборону США[794]. Американская разведка хорошо знала, что это по сути межконтинентальный боевой самолет, самый большой и самый быстрый в мире (ему было присвоено кодовое наименование «cleat» — «зажим»), и отлично поняла намерение Хрущева продемонстрировать боевые возможности СССР[795].

Визит в Америку был событием экстраординарным. Это была первая в истории поездка советского руководителя в цитадель мирового империализма, как в течение многих лет советская пропаганда именовала США. Поэтому сам факт визита свидетельствовал о возможности мирного решения спорных вопросов. В еще большей степени это подтвердил характер общения Никиты Сергеевича и с американскими государственными деятелями, прежде всего с президентом, и с множеством американцев различного социального статуса.

Собственно говоря, никакие конструктивные переговоры в ходе визита не велись. Руководители обеих стран занимали почти по всем основным вопросам мирового развития несхожие позиции, которые менять не собирались, и ожидать чего-то принципиально нового не приходилось. Главное — переговоры

велись, возникло даже подобие взаимной симпатии.

Единственным вопросом, по которому наметилось подлинное сближение позиций, был вопрос о ядерных испытаниях. Оба лидера согласились, что их следует прекратить под международным контролем, а также ускорить переговоры о достаточном числе контрольных постов на территории обеих стран. Когда же речь зашла о мирном договоре с Германией, стало ясно, что давно минувший срок ультиматума о блокировании западной части Берлина Хрущевым позабыт и разговор об этом возобновляться не будет.

Хрущев совершил поездку по территории США. Его повсеместно встречали любопытствующие американцы, большинству которых нравился грубоватый, а подчас и просто вульгарный хрущевский лексикон. Впрочем, Хрущев старался держаться в определенных рамках, и жаждавшие сенсаций журналисты так и не дождались от него каких-нибудь скандальных высказываний вроде фразы «Мы вас закопаем»[19], вокруг которой в западной прессе уже почти три года продолжались спекуляции. Правда, Хрущев выражал те же мысли, но в несколько более мягкой форме. Он говорил студентам Питсбургского университета: «Мы сейчас отстаем, но через какое-то время мы вас догоним, дадим свисток и пойдем вперед. А вам нравится капитализм? — да ради бога, и живите!.. Вы уже слышите свисток нашего паровоза. Будет момент, когда наш поезд сравняется с вашим, и потом мы уйдем вперед. И — до свидания!»

Восемнадцатого сентября Хрущев выступил в Нью-Йорке на заседании Генеральной Ассамблеи ООН с предложением о полном разоружении всех государств в течение четырех лет, являвшимся банальным пропагандистским шагом, но тут же сообщил, что готов продолжать переговоры по проблеме запрещения ядерных испытаний, которая «является актуальной и вполне созревшей для решения»{796}.

25–27 сентября советский руководитель гостил у Эйзенхауэра в Кэмп-Дэвиде, где ему были представлены сын хозяина и его семья, которые тут же получили приглашение посетить СССР в следующем году вместе с президентом. Что же касается жен, то Мейми и Нина Петровна познакомились уже в первый день визита и, по словам обеих, понравились друг другу с первого взгляда. Это было естественно — разница в возрасте была небольшая (американская первая леди была старше на четыре года), обе женщины не вели активную общественную жизнь, являясь лишь образцовыми супругами и матерями. Жене Хрущева было намного проще общаться с Мейми Эйзенхауэр, чем через

несколько лет с молодой законодательницей мод и весьма претенциозной Жаклин Кеннеди.

Впрочем, незнакомая со свободой прессы Нина Петровна обижалась на карикатуры, которые на нее рисовали, и говорила: «Знала бы — не поехала». Да и умудренный политик Хрущев также до конца не понимал, что массмедиа в США представляют собой совершенно автономную отрасль, на которую президент никак не может повлиять. Когда он увидел на улице женщину с плакатом «Проклятие Хрущеву — убийце Венгрии», то обиделся, что Эйзенхауэр такое допустил{797}.

Но мелкие обиды не влияли на главное: подобно «духу Женевы» возник «дух Кэмп-Дэвида». Хрущев вспоминал: «Мы беседовали в очень непринужденной обстановке, ходили, гуляли, смотрели фильмы и одновременно вели политические беседы»{798}. Особое впечатление на американского президента произвела обеспокоенность Хрущева колоссальными военными расходами. Эйзенхауэр вскоре сказал генералу Натану Твайнингу: «Хрущев очень много внимания уделил огромным тратам на оборону, возвращался к этому несколько раз, неоднократно подчеркивал важность разоружения»{799}.

Хрущев осознавал огромное преимущество США в области современных вооружений, но, подобно американскому партнеру, понимал, что в данном случае количественная разница не имеет существенного значения. И во время поездки по стране, и при общении с президентом он видел, что американцы боялись Советского Союза ничуть не меньше, чем в СССР боялись нападения из-за океана. Эйзенхауэр говорил советскому лидеру, что очень боится и не хочет войны{800}. Позже в мемуарах Хрущева появилась запись о взаимных признаниях по поводу давления военных с целью увеличения военных расходов: «Эйзенхауэр предложил: “А давайте договоримся, что ни вы, ни я в будущем не станем давать деньги на такие проекты. Зачем нам сталкиваться лбами?” Я ему: “Это наша мечта. Мы всегда хотели этого, и если бы смогли договориться по данному вопросу, то как облегченно вздохнули бы все народы”»{801}. Стороны согласились с необходимостью заключить соглашение о «разумном сокращении вооружений»{802}.

Лидеры СССР и США договорились, что в следующем году состоится встреча глав четырех держав в Париже (предварительно Эйзенхауэр заручился согласием де Голля и Макмиллана), после чего Эйзенхауэр посетит Советский Союз. 27 сентября после пышного приема в советском посольстве Хрущев вылетел в Москву.

Хотя результаты встречи не были зафиксированы в каких-

либо соглашениях, они были впечатляющими. Политические наблюдатели обращали внимание, как изменился тон советской пропаганды непосредственно после американской встречи. В СССР был издан объемистый, богато иллюстрированный том «Лицом к лицу с Америкой», подготовленный коллективом авторов во главе с только что назначенным на должность главного редактора газеты «Известия» зятем Хрущева, талантливым журналистом А.И. Аджубеем. Поскольку другие авторы являлись чиновниками от идеологии, можно полагать, что книга была написана именно Аджубеем, а остальные лишь поучаствовали своими фрагментами или исправлениями. Тон книги был в целом весьма дружественным по отношению к США, американскому народу и тем более к его президенту. Правда, по поводу одной фотографии, на которой были изображены обнимающиеся руководители двух государств с лысинами и четко прорисованными ушами, кухонные острословы говорили, что ее следует назвать «Задница с ушами».

«Как раз теперь возникает вопрос, каков будет этот мир». Карикатура Г.Л. Блока. 19 января 1960 г.

В любом случае поездка Хрущева, его встречи с Эйзенхауэром содействовали разрядке напряженности во взаимоотношениях СССР не только с США, но и с другими западными державами. Совершенно неожиданно советский лидер отправил отставному британскому премьеру Черчиллю поздравление с 85-летием, особенно если учитывать, что знаменитого британца с 1946 года клеймили в СССР как главного поджигателя новой войны{803}.

Полет «У-2» и срыв совещания в верхах

И генералы, и промышленники продолжали настаивать на увеличении военных расходов, и это также играло на руку демократам. Лидерам Конгресса президент жаловался, иногда даже преувеличивая реальную опасность: «Я не терплю произносить это слово, но подчас такой поступок чертовски близок к измене!»{804}

Будучи убежден, что США превосходят СССР в области современных стратегических вооружений, Эйзенхауэр всё же считал необходимым иметь новые и новые доказательства. А главным средством их добывания являлась воздушная разведка. В США ускоренно конструировались разведывательные спутники, но это пока были только проекты, которые Эйзенхауэр всячески поощрял, но реально ускорить их внедрение в практику был не в состоянии.

Еще в марте 1955 года командование военно-воздушных сил США заказало частным фирмам разработку спутника для непрерывного наблюдения за «предварительно выбранными областями земли» с целью определения готовности потенциального противника к войне{805}. 28 февраля 1959 года был запущен первый спутник-фоторазведчик «Корона», который должен был вести наблюдение над территориями СССР и Китая. Фотографии возвращались на землю в спускаемой капсуле. Но траектория полета спутника не удовлетворяла разведывательные органы, а качество снимков было плохим.

Президент решил возобновить ранее запрещенные им единичные полеты над советской территорией пилотируемых самолетов «У-2». Высшее военное командование заверило его, что даже если самолет будет сбит авиацией или ракетами, никакой опасности попадания улик в руки советских властей нет: под сиденьем летчика заложен мощный заряд взрывчатки, который в случае необходимости превратит машину со всем ее содержимым в пыль и прах. При этом, правда, оно не сообщило Эйзенхауэру, что у пилота «У-2» есть парашют, по сути, обманув своего президента.

И всё же в начале 1960 года, когда стало ясно, что встреча на высшем уровне в Париже приобретает благоприятную перспективу, президент вновь запретил полеты, правда, не исключая возможности еще одного-двух по его особому разрешению.

Эйзенхауэр относился к разведывательным полетам с крайней осторожностью. О них знал ограниченный круг лиц, непосредственно занимавшихся этой работой. До сведения

политиков программа «У-2» не доводилась. Достаточно сказать, что в Белом доме о возобновлении и прекращении полетов знали, помимо самого президента, только помощник по национальной безопасности и одновременно офицер связи с Военным министерством полковник Эндрю Гудпейстер и его заместитель Джон Эйзенхауэр (он работал в штате отца с 1957 года, причем основной его задачей было ознакомление президента с текущими данными разведки). Поэтому сообщение «Нью-Йорк таймс», что американцам известно о строительстве советской ракетной базы в горах Средней Азии, стало для Дуайта неприятной неожиданностью. В мемуарах Д. Кистяковского читаем: «Президент был крайне зол и долго говорил о том, что у некоторых людей отсутствует лояльность по отношению к собственной стране»{806}.

Зато у других людей лояльность, казалось, переливалась через край. В ответ на заявления президента о готовности прекратить ядерные испытания были устроены слушания в Конгрессе, на которых именитый ученый Э. Теллер убеждал законодателей, что имеющиеся системы контроля не вполне надежны, а русские в любом случае найдут способы обмануть доверчивых западных политиков и военных и продолжат совершенствование ядерного оружия. Он использовал почти неотразимый аргумент — что испытания необходимы для подготовки использования ядерной энергии в мирных целях. Теллер выдвигал самые экстравагантные проекты — аккумуляции тепла в подземных пещерах с помощью ядерного взрыва, создания крупной гавани в северной части Аляски, пробивания огромных тоннелей через горные массивы и т. п. При рассмотрении оказывалось, что все эти проекты либо нереализуемы, либо крайне невыгодны экономически. Но к его мнению прислушивались конгрессмены, военные и, что особенно беспокоило Эйзенхауэра, руководство ЦРУ.

Заявляя, что на карте СССР для разведки остается немало белых пятен, ЦРУ требовало увеличения числа разведывательных полетов. На совещании у президента 2 февраля 1960 года А. Даллес с помощниками буквально вступили с ним в бой. Эйзенхауэр настаивал, что данные о советских ракетах, предоставленные Хрущевым во время встречи в Кэмп-Дэвиде, верны, поскольку подтверждаются снимками с самолетов «У-2». Он опасался, что его репутация пострадает, если как раз во время подготовки четырехсторонней встречи на высшем уровне один из самолетов-шпионов потерпит крушение «и его могут представить на обозрение в Москве»{807}. И — как в воду глядел.

Разведчики, однако, смогли убедить президента дать

разрешение на дополнительный полет. Он был осуществлен 9 апреля пилотом Бобом Эриксоном и завершился благополучно, хотя советские радары засекли самолет и попытались сбить ракетами класса «земля — воздух». Удалось заснять Семипалатинский ядерный полигон, авиабазу стратегических бомбардировщиков возле Сары-Шагана, ракетный полигон Тюратам (будущий космодром Байконур)[808]. Снимки показали, что в «подозрительных» районах СССР не осуществляется строительство новых пусковых ракетных установок. Но обследованы были не все такие районы, и ЦРУ запросило разрешения на еще один полет. Эйзенхауэр дал согласие при условии, что он будет проведен в течение ближайших двух недель. Поскольку за это время осуществить полет не удалось из-за облачной погоды, разрешение было продлено до 1 мая. Президент заявил руководителям разведки, что после этой даты (о том, что этот день является в СССР одним из главных государственных праздников, ему не напомнили) не должна осуществляться ни одна операция, так как она будет восприниматься как провокация перед конференцией на высшем уровне[809].

Погода улучшилась именно 1 мая. В это утро с американской авиабазы в Пешаваре (Пакистан)[20] в воздух поднялся опытный пилот Фрэнсис Гэри Пауэре, совершавший на «У-2» уже 28-й полет. Самолет летел на высоте более 18 километров со скоростью 720–780 километров в час. После вторжения в воздушное пространство СССР к югу от Кировабада летчик вновь сделал снимки полигона Тюратам, а затем направился в сторону Свердловска, чтобы фотографировать завод, выпускавший оружейный плутоний. Удалось снять заводские объекты, после чего за самолетом началась охота. Сбить его истребителями не удалось из-за большой высоты полета. Затем в сторону самолета начали запускать ракеты. В цель попала только одна, но и этого было достаточно: ракета поразила двигатель и хвостовое оперение, после чего самолет начал падать. Пилот, в нарушение приказа предупрежденный, что кресло-катапульта в случае катастрофы должно было взорваться, на высоте пяти километров выпрыгнул с парашютом[810].

Пауэре приземлился у деревни Косулино и был задержан местными жителями. Вскоре неподалеку были найдены остатки сбитого самолета. У летчика обнаружили инструкцию по выживанию, фотодокументы, острый нож, пистолет с длинным стволом и глушителем, а также несколько золотых часов, пять тысяч рублей и записку: «Я американец и не говорю по-русски. Мне нужны пища, убежище и помощь. Если вы мне поможете, вас

наградят за это». Была также найдена иголка в тайном отверстии полой монеты с дозой смертельного яда{811}.

Можно предположить, что эти противоречия — якобы обязательная гибель и парашют, взрывчатка под креслом и извещение пилота о ней, игла со смертельным ядом и записка о помощи за вознаграждение — были связаны с тем, что полеты «У-2» были совместным проектом ЦРУ и Министерства обороны, при этом левая рука не знала, чем занимается правая. И уж явно не всё в порядке было в ведомстве Даллеса, что вскоре проявилось в провале высадки на Кубу отрядов эмигрантов. Пока же, после случившегося с самолетом-шпионом, началась опасная политическая игра, в которой обе стороны явно не проявили политической мудрости, разом разрушив доверие, с трудом сложившееся в результате переговоров Эйзенхауэра с Хрущевым.

Примерно в полдень Гудпейстер доложил Эйзенхауэру о только что полученном сообщении: один из разведывательных самолетов не выходит на связь, возможно, он погиб. Дуайт особенно не встревожился. Человек военный, он привык к тому, что боевые дела (а разведку он воспринимал именно так) сопряжены с опасностью для жизни. Президент распорядился, ничего не предпринимая, ожидать развития событий{812}.

Ситуация прояснилась 5 мая, когда Н.С. Хрущев, выступая на сессии Верховного Совета СССР, заявил об уничтожении американского шпионского самолета, совершившего «агрессивную провокацию», осуществив «бандитский полет» вглубь территории СССР, да еще и в день всенародного праздника. Хрущев, впрочем, оставлял Эйзенхауэру лазейку, предположив, что американские милитаристы действовали в обход президента{813}.

Однако для Эйзенхауэра этот шанс сохранить лицо был унизительным и потому совершенно неприемлемым. Президент мог дать другие объяснения, но все они требовали признания факта полетов самолетов-разведчиков и, стало быть, ставили под угрозу возможность встречи в Париже. Все надежды были на то, что самолет уничтожен, а летчик погиб. В тот же день Эйзенхауэр одобрил текст заявления руководства НАСА: «Один из самолетов НАСА типа “У-2”, которые используются в долгосрочной программе изучения метеорологических условий на большой высоте, пропал без вести после сообщения 1 мая из района над озером Ван в Турции о трудностях с кислородом»{814}.

Тем временем Хрущев продолжал игру в кошки-мышки.

6 мая в советских газетах были опубликованы фото остатков самолета. Но на самом деле это был другой самолет, что немедленно с торжеством раскрыли американские службы,

опубликовав обширные комментарии. В подобном же духе было выдержано и сообщение от имени президента. Наконец

7 мая Хрущев раскрыл карты, выставив недавнего собеседника на посмешище всему миру: на продолжавшейся сессии Верховного Совета он объявил, что летчик и обломки его самолета находятся в руках советских властей. Его речь с саркастическими ремарками по адресу солгавшего американского президента сопровождалась выкриками «Бандиты!» и «Позор!»{815}. Вслед за этим была проведена пресс-конференция, на которой представлены Пауэре и части сбитого самолета.

Военные и политические советники давали Эйзенхауэру различные рекомендации, как ему сохранить доброе имя. С одной стороны, он стремился как можно дальше дистанцироваться от инцидента, но, с другой стороны, отлично понимал, что, действуя таким образом, продемонстрирует, что не владеет важнейшими инструментами власти, связанными с национальной безопасностью. 7–8 мая последовали противоречивые заявления Госдепартамента и Пентагона. Им не верили, американская столица была в замешательстве. Д. Рестон писал по этому поводу: «Столица выглядит печальной, сбитой с толку в водовороте обвинений по адресу администрации в некомпетентности и недобросовестности… США поймали, когда они занимались шпионажем над СССР, а затем попытались скрыть это, выпустив вводящие в заблуждение официальные заявления»{816}.

Эйзенхауэр, угнетенный тем, как его подставили разведчики и военные, даже заявил Энн Уитмен, что хотел бы уйти в отставку{817}. Однако здравый смысл взял верх. Эйзенхауэр твердо решил, что не воспользуется той лазейкой, которую несколько раз фактически предлагал ему Хрущев: признать, что разведывательные полеты совершались без его ведома, и в той или иной форме принести извинения. Чтобы сделать отступление Дуайта не столь унизительным, Никита Сергеевич даже упомянул, что КГБ иногда предпринимает такие действия, о которых он ничего не знает.

Одиннадцатого мая Эйзенхауэр провел пресс-конференцию. Но это не была обычная встреча с прессой. Ответы на вопросы президент предварил чтением заявления, что выступления Хрущева по поводу полета невооруженного самолета «только отражают фетиш секретности». Но главным в этом документе было указание, что разведка является «неприятной, но жизненной необходимостью»{818}.

Тем самым впервые в истории высшим государственным деятелем было признано, что его страна занимается шпионской деятельностью, что он осведомлен о ней, одобряет ее и руководит

ею. Таким образом, было снято лицемерное табу, что, в свою очередь, давало возможность и другим странам, в том числе СССР, признать факт, что разведка является естественной функцией любого государства. Именно после этого заявления Эйзенхауэра в СССР были рассекречены имена советских разведчиков периода Второй мировой войны, в том числе Рихарда Зорге. Правда, соответствующие органы еще четыре года воздерживались от широкого признания существования советской разведывательной сети, но в конце концов добро было дано. 4 сентября 1964 года в «Правде» и «Известиях» появились первые статьи о Зорге, а затем литература, фильмы и даже песни и оперы о советских разведчиках полились рекой. В известном смысле читатели, зрители и слушатели могут быть благодарны за это американскому президенту Эйзенхауэру[21].

На пресс-конференции 11 мая Дуайта спросили, как обстоит дело со встречей в верхах и собирается ли он совершить поездку в СССР. На оба вопроса он ответил положительно. Но в действительности перспективы того и другого стали сомнительными. Хрущев в заявлениях каждый день настаивал, чтобы американский президент принес ему личные извинения и дал гарантии, что разведывательные полеты осуществляться не будут. Хотя Эйзенхауэр действительно не собирался их проводить, такая гарантия, да еще вместе с извинениями, представлялась ему новым унижением.

Тем временем советские спутники по несколько раз в день облетали территорию США, а их автоматические фотокамеры делали тысячи снимков. Это, разумеется, не был шпионаж в полном смысле слова, так как фотографировались случайные объекты, детали которых распознать было невозможно. Тем не менее эти действия рассматривались США как несанкционированное вторжение в американское пространство (вопросы, где заканчивается воздушное и начинается космическое пространство, каков юридический статус космоса над территорией страны, были совершенно новыми для международного права).

Четырнадцатого мая Эйзенхауэр прилетел в Париж на конференцию в верхах. На встрече с де Голлем и Макмилланом он узнал, что прибывший перед ним Хрущев представил обширное заявление, где говорилось, что если президент США не осудит шпионские полеты, не накажет виновников и не даст гарантии не повторять таких действий в будущем, СССР откажется от участия в конференции. Эйзенхауэр проявил ожидаемую твердость, заявив: «Надеюсь, никто не надеется, что я намерен ползти на коленях к Хрущеву». Когда де Голль упомянул,

что в разговоре с ним Хрущев завел речь об американских военных базах в Турции и Японии, на которых базируются самолеты «У-2» и по которым СССР мог бы нанести ракетный удар, Эйзенхауэр мрачно ответил: «Ракеты могут лететь в обоих направлениях»{819}.

Президент США не знал, что Хрущев не только требовал сатисфакции, но и привез в Париж ряд конструктивных предложений по смягчению напряженности. Тогдашний советник Хрущева Ф.М. Бурлацкий отмечает: «Накануне встречи Хрущева с Эйзенхауэром был подготовлен целый пакет важных предложений… Я до сих пор убежден, что если бы они целиком или даже частично были приняты, удалось бы избежать в последующем и Берлинского, и Карибского кризисов, и нового ужасающего витка гонки вооружений. Когда я думаю об этом эпизоде, меня больше всего мучает мысль о политике как о кладбище утраченных возможностей»{820}.

Выдвигая свои предварительные требования, Хрущев сознательно вел дело к срыву конференции. Обида на американского президента, чувство уязвленного достоинства у него возобладали — точно так же, как у его партнера. Ближе к истине был А.И. Микоян: «Хрущев опять “похоронил разрядку”, раздув инцидент с самолетом-разведчиком “У-2”. Так нельзя было поступать с Эйзенхауэром. Тот честно взял на себя ответственность, хотя мог бы этого и не делать. Сама поездка Хрущева в США в сентябре 1959 г. давала хороший старт разрядке, и ответный визит Эйзенхауэра в 1960 г. закрепил бы эту тенденцию ввиду большого авторитета Эйзенхауэра в США, у нас и во всём мире. Другим в Америке было бы нелегко повернуть обратно после него»{821}.

Утром 16 мая де Голль в качестве хозяина открыл конференцию глав четырех государств. Едва он окончил краткую вступительную речь, намереваясь дать первое слово Эйзенхауэру (об этом было предварительно договорено — американский президент собирался ответить на хрущевский меморандум), Никита Сергеевич поднялся и потребовал слова. Де Голль взглянул на Эйзенхауэра, который кивком головы выразил согласие. Начав обличительную речь, советский премьер стал говорить всё громче, будто выступал перед огромным скоплением людей. Де Голль, повернувшись к советскому переводчику, произнес: «В этом помещении отличная акустика, мы все хорошо слышим председателя, ему нет смысла повышать голос», — и повторил то же своему переводчику. Оба переводчика, каждый по-своему, перевели Хрущеву слова французского президента. Чуть понизив тон, Хрущев продолжил речь, завершив ее заявлением,

что в «создавшейся обстановке советские люди не смогут принять президента США с должным гостеприимством», то есть аннулировал визит Эйзенхауэра в СССР.

Выступивший затем американский президент ограничился кратким замечанием, что советскому премьеру не надо было говорить так долго, чтобы взять назад свое приглашение{822}.

Хрущев и его советники поднялись с мест и направились к дверям. Парижская конференция в верхах завершилась, так и не начав работу. Отношения США и СССР вновь обострились, начался новый виток гонки вооружений, расхлебывать последствия которого пришлось вместе с Хрущевым уже президенту Кеннеди.

Правда, в президентство Эйзенхауэра Хрущев еще раз побывал в США (только в Нью-Йорке) в сентябре — октябре 1960 года в качестве главы советской делегации на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Советский лидер произнес большую речь о предоставлении независимости колониальным народам и о разоружении, а также выступал еще несколько раз по различным поводам. На одном из заседаний Хрущев, недовольный обсуждением венгерского вопроса, поставил свою туфлю на стол с «угрозой» постучать в знак протеста. Инцидент был раздут и американской, и советской прессой, а зять Хрущева изобразил эпизод как акт решительной борьбы против империализма{823}. Эйзенхауэр 22 сентября ограничился краткой речью, в основном посвященной помощи освободившимся от колониализма странам Африки, и лишь в двух словах затронул проблемы разоружения и освоения космоса{824}.

Личные отношения между американским и советским лидерами достигли к этому времени такой степени неприязни, что Эйзенхауэр не только отказался на этот раз встретиться с Хрущевым, но после раздутого инцидента с ботинком даже заявил в сердцах госсекретарю Гертеру, что если бы обладал полнотой власти, «нанес бы удар по России, пока Хрущев находится в Нью-Йорке»{825}. Однако американские президенты такой властью не обладают, да и сказано было лишь для красного словца.

На такой негативной, хотя и поверхностной ноте завершились американо-советские отношения в президентство Эйзенхауэра. Тем не менее нужно подчеркнуть, что именно в период его пребывания на посту президента была предпринята первая попытка международной разрядки, заложены первые камни в основание того комплекса договоров и соглашений, которые были заключены между США и СССР при его преемниках.

Проблемы расовой десегрегации

Во второй половине пятидесятых годов Соединенные Штаты динамично развивались (кратковременный хозяйственный спад был в конце 1957-го — первой половине 1958 года). В 1959 году прирост валового внутреннего продукта составил 4,2 процента, в 1960-м — 3,2 процента. За время правления Эйзенхауэра личные доходы американцев увеличились на 47 процентов, а их сбережения — на 37 процентов. Правда, при этом существовали серьезнейшие пробелы в области социального обеспечения, сохранялись нищенство, бездомность, высокий уровень преступности. Относительное благополучие социальной жизни Соединенных Штатов продолжало нарушаться неравноправием чернокожего населения, прямо противоречившим не только принципам гуманизма, но и конституции страны, поправки к которой, принятые после Гражданской войны, запрещали расовую дискриминацию.

Факт расового неравноправия в стране отнюдь не являлся для президента Эйзенхауэра откровением. То, что расовая проблема не просто существует, а весьма остра, он почувствовал буквально на себе, когда был президентом Колумбийского университета, расположенного вплотную к Гарлему. В первые послевоенные годы в этом весьма неспокойном негритянском районе Нью-Йорка хозяйничали банды, делившие его на сферы влияния. Белому смельчаку, оказавшемуся на гарлемской улице, постоянно могло угрожать нападение чернокожих подростков, исподтишка поощряемых своеобразными «расистами наоборот». Когда Дуайт решался побродить по окрестным улицам, он всегда брал с собой оружие. Не без злорадства советский историк Р.Ф. Иванов писал: «Это была своеобразная и довольно убедительная иллюстрация к проблемам послевоенной Америки: президент-генерал направлялся в свои академические владения с пистолетом в кармане»{826}.

Уже вскоре после вступления в должность президента Эйзенхауэр узнал, что в Верховном суде накопился ряд жалоб на сегрегацию в школах и требований отмены решения самого Верховного суда: «образование отдельное, но равное», принятого еще в 1896 году. В течение десятилетий против этого принципа велась борьба, то более, то менее активно. В южных штатах действовали сегрегационные законы (их в обиходе называли законами Джима Кроу по имени комического персонажа — бедного негритянского уличного певца, который полностью примирился со своей участью и угождал белым), по которым чернокожие не могли учиться в школах и университетах вместе с

белыми, должны были занимать специально отведенные для них места в общественном транспорте, в столовых и ресторанах и т. п. Многие магазины, рестораны, гостиницы вообще отказывались обслуживать чернокожих.

Эйзенхауэр сам имел расовые предубеждения и был тесно связан с расистски настроенными организациями южных штатов. Вначале он почти не обращал внимания на кампанию против сегрегации. Однако генеральный прокурор (министр юстиции) Герберт Браунелл, которому президент вполне доверял, убедил его серьезно отнестись к разраставшемуся недовольству черного населения. Браунелл доложил, что Верховный суд потребовал от него резюме всех жалоб по вопросам сегрегации, поступивших в министерство, и заключений по этим делам. Согласившись с необходимостью подчиниться требованию суда по первому вопросу, Эйзенхауэр выступил против предоставления Верховному суду министерского заключения, мотивировав формально — нарушением Верховным судом принципа разделения властей и своего права интерпретировать законы.

На деле президент просто боялся, что исполнительная власть окажется в невыгодном положении: на нее обрушатся и решительные противники сегрегации, и «старая гвардия» южан-республиканцев, чьей поддержкой он весьма дорожил. Но выглядеть принципиальным для Эйзенхауэра было важнее. Он сказал Браунеллу и записал потом в дневнике: «Как я понимаю, суды были установлены конституцией, чтобы интерпретировать законы; обязанностью исполнительного органа (Министерства юстиции) является их выполнение»; стало быть, Верховный суд действовал из «соображений, не являющихся внутренне ему присущими»{827}. По сути президент запретил своему министру высказывать соображения по поводу сегрегации Верховному суду. Он отлично понимал, что к борьбе за ликвидацию сегрегации надо серьезно готовиться, что любая поспешность может привести к поражению. Он сознавал, что в конце концов проблемы придется решать, но, похоже, предпочитал оставить их в наследство преемнику.

И всё же президенту, хотел он этого или нет, приходилось действовать — этому способствовали как объективные условия, так и человеческий фактор. 8 сентября 1953 года умер председатель Верховного суда Фредерик Уинсон, член Демократической партии, бывший министр финансов в правительстве Трумэна. У Эйзенхауэра к этому времени был свой кандидат на должность члена Верховного суда (их назначает президент и утверждает Конгресс) — губернатор штата Калифорния Эрл Уоррен. Своему брату Эдгару Дуайт писал, что

«с самого знакомства с Уорреном обдумывал его назначение в Верховный суд»{828}.

По оценке Эйзенхауэра, Уоррен был «либеральным консерватором» — именно таких судей президент хотел видеть в высшем юридическом органе страны, правда, никогда не мог объяснить, что именно он подразумевал под этим термином. Скорее всего, имелось в виду, что человек тщательно обдумывает свои решения, не торопится с вынесением вердикта, учитывает все возможные последствия.

Он пару недель колебался, ибо теперь речь шла о кандидатуре не просто на должность судьи, а на пост главы одной из трех ветвей власти. Дуайт даже предложил Д.Ф. Даллесу выдвинуть его кандидатуру. Но это была явная хитрость: Даллес, во-первых, тяготел к правому крылу Республиканской партии, а во-вторых, давно уже связал свою судьбу с внешнеполитической деятельностью и отходить от нее не собирался. Ожидаемый отказ удовлетворил президента и в то же время продемонстрировал, что он выбирал между кандидатами.

В конце сентября Эйзенхауэр назначил Уоррена на должность председателя Верховного суда, чтобы Конгресс после каникул рассмотрел его кандидатуру. Неожиданно «старая гвардия» республиканцев воспротивилась. Дуайт негодовал по этому поводу и даже какое-то время подумывал о возможности выступить инициатором раскола в партии, приведшей его к власти. Он записал в дневнике: «Если республиканская группа откажется признать его (Уоррена. — *Г.Ч., Л.Д.),* я покину Республиканскую партию и попытаюсь организовать хотя бы небольшую группу из умных независимых людей»{829}. Конгресс всё же утвердил Уоррена на высокой должности, и намерения заняться партийным расколом испарились, хотя позже подчас возникали вновь, когда президент встречал, по его мнению, необоснованную оппозицию в рядах депутатов-республиканцев.

С подачи Эйзенхауэра новый председатель Верховного суда почти сразу же занялся проблемой прав черного населения. Они оба всё сильнее ощущали необходимость конкретных действий, пусть медленных и осторожных, но в то же время демонстрировавших, что высшие круги США считаются с мировыми реалиями, состоявшими в разгроме нацистской Германии с ее расистской идеологией, в начале распада колониальной системы и возникновении первых независимых африканских государств, в проявлении в странах Азии явного сочувствия к судьбе американских негров. Расовая дискриминация явно препятствовала налаживанию нормальных отношений США с новыми государствами и вовлечению их в

сферу своего влияния. «Одного только взгляда на негритянскую прессу, — писал известный социолог Э.Ф. Фрейзер, — достаточно, чтобы увидеть, насколько в последние годы выросли взаимопонимание и взаимные симпатии между американскими неграми, с одной стороны, и африканцами и азиатами — с другой»{830}.

Более того, американской администрации и прежде всего президенту необходимо было учитывать, что внутренняя проблема США — дискриминация черного населения — стала фактором холодной войны, действовавшим в пользу СССР. Советская пропаганда развернула наступление. Тот же Фрейзер отмечал: «Влияние России на борьбу цветных колониальных народов за независимость и свободу гораздо значительнее, чем его представляет пропаганда, ведущаяся прессой США. Россия показала миру решение проблемы расовых и культурных меньшинств, живущих в рамках единого политического общества… Отсутствие расовых предрассудков и дискриминации в России имеет огромное влияние на американских негров. Более того, на арене международной политики, в том числе в ООН, Россия превратилась в борца за права цветных колониальных народов»{831}. Достаточно сказать, что адресованная комиссии ООН по правам человека петиция Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения «Мы обвиняем в геноциде» была передана через советских представителей.

В петиции говорилось: «Негры в Соединенных Штатах со дня их рождения и до самой смерти фактически находятся в условиях полной изоляции. Закон, руководствуясь расовыми соображениями, создает для них условия худшие, чем для белых. Они лишены возможности получить надлежащее образование, медицинскую помощь и терпимые жилищные условия: их заставляют жить в гетто и лишают прав и привилегий, предоставляемых другим американцам. Этот режим изоляции… делает их бесправными людьми в своей собственной стране»{832}.

Разумеется, о геноциде — массовом уничтожении людей по национальному признаку — в США говорить не приходилось. В данном случае, как и во многих других, использовалась сознательная подмена понятий во имя пущего пропагандистского эффекта. «Страшный» термин «геноцид», как и «фашизм», вплоть до наших дней употребляется всуе правительствами, партиями, судьями и прокурорами во имя собственных политических выгод в расчете на то, что не очень грамотная толпа просто не знает его смысла. Журнал «Тайм» писал: «Сообщения, правдивые или вымышленные, о положении американских негров, быть может, помогли Соединенным Штатам нажить больше врагов, чем любая

другая пропаганда»[833].

После длительных обсуждений Верховный суд по инициативе Уоррена (по всей видимости, согласованной с Эйзенхауэром) в мае 1954 года принял решение по делу «Браун против Топека» о том, что расовая сегрегация в финансируемых федеральной властью или штатами учебных заведениях не соответствует конституции[834]. Через год Верховный суд принял новое решение — об ускорении осуществления предыдущего. В вердикте говорилось: «Расовая дискриминация в публичном образовании является неконституционной, и все установления, касающиеся федерального, штатного или местного законодательства, требующие или разрешающие такую дискриминацию, должны быть приведены в соответствие с этим принципом». Правда, в решении имелись оговорки, которыми вполне могли воспользоваться расисты: речь шла о проведении его в жизнь «в соответствии с осознанно необходимой скоростью», с необходимой гибкостью, при учете общественных и частных интересов, в соответствии с местными условиями.

Сам Эйзенхауэр, подчеркивая, что исполнительная власть полностью подчиняется решениям власти судебной, в то же время продолжал выступать за медленную, постепенную десегрегацию. Однажды он пригласил верховного судью Уоррена на обед и, когда гости выходили из комнаты, взял его под руку и тихо произнес, имея в виду белых южан: «Они неплохие люди. Всё, что их волнует, — это чтобы их нежные маленькие дочери не сидели за одними столами с негритянскими переростками»[835].

Дуайт продолжал свою тактику отстраненности от проблем расовой дискриминации. Он, разумеется, подтверждал, что будет содействовать проведению судебного решения в жизнь, но комментировать его публично и тем более призывать к исполнению или оказывать давление пока отказывался. Через два дня после вынесения судебного решения на пресс-конференции его спросили, как бы он посоветовал реагировать белым южанам. «Верховный суд сказал свое слово, я дал присягу поддерживать конституционные нормы нашей страны и вынужден подчиниться»[836], — заявил он, к явному недовольству негритянской общественности, особенно негодовавшей по поводу слова «вынужден». Опираясь на оговорки судебного решении, сторонники расовой дискриминации и прежде всего сегрегации на Юге пытались его саботировать.

Во время второго президентского срока Эйзенхауэра борьба за права чернокожего населения не только не затухала, но и продолжала нарастать. Еще в декабре 1955 года начались негритянские выступления в Монтгомери, столице штата Алабама

после ареста Розы Парке, отказавшейся уступить белому пассажиру место в автобусе, как требовал местный закон. В условиях преобладания черного населения бойкотирование им общественного транспорта стало финансовым ударом по автобусным компаниям. Бойкот возглавил молодой священник Мартин Лютер Кинг.

Он родился в 1929 году в Атланте (штат Джорджия) в семье служителя баптистской церкви, в 25 лет получил премию на конкурсе по ораторскому искусству и тогда же стал членом Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. В 1951 году он окончил теологическую семинарию в штате Пенсильвания, а в 1955-м защитил в Бостонском университете диссертацию на степень доктора богословия. Годом ранее Кинг стал пастором баптистской церкви в Монтгомери. Бойкот автобусных компаний, его первая крупная общественная акция, продолжался более года и завершился частичным успехом: комиссия по регулированию торговли между штатами в декабре 1956 года запретила сегрегацию на всех видах транспорта, следующего из одного штата в другой, и в залах ожидания вокзалов. Вслед за тем федеральный окружной суд удовлетворил их иск о признании незаконной сегрегации в городских автобусах.

Развивая успех, Кинг выступил инициатором создания общеамериканской организации, которая, однако, осторожно назвала себя лишь региональной. В 1957 году было объявлено об образовании Конференции христианского руководства на Юге во главе с Кингом со штаб-квартирой в Атланте и отделениями не только в южных, но и в северных штатах.

Все перипетии названных событий вызвали пристальное внимание Эйзенхауэра, постепенно приходившего к выводу, что его позиция «умывания рук» становится всё более уязвимой. И внутриамериканское движение за десегрегацию, и начавшийся распад колониальной системы в Азии и Африке, порождавший стремление американского президента начать установление деловых экономических и политических отношений с новыми странами, в том числе чтобы не допустить их вовлечения в просоветский блок, заставляли действовать более активно.

В начале января 1956 года в ежегодном послании «О положении в стране» Эйзенхауэр высказался за создание межпартийной комиссии Конгресса для подготовки законопроекта, который разрешил бы основные проблемы межрасовых взаимоотношений. Одновременно министру юстиции Браунеллу было поручено начать подготовку законопроекта о гражданских правах.

Вместе с тем президент в этом сложнейшем вопросе продолжал действовать осторожно, а потому медленно, пытаясь убедить в правильности своего подхода как белое, так и черное население. На встрече с журналистами 25 января 1956 года он заявил, что видит «глубокие корни предрассудков и эмоций, которые развились за многие годы существования этой проблемы», что в вопросе расовых отношений необходима умеренность, что в самом решении Верховного суда о десегрегации школ сказано о «постепенности»{837}.

Тем временем страсти накалялись. С одной стороны, член палаты представителей от нью-йоркского Гарлема Адам Пауэлл, один из немногих черных конгрессменов, внес проект поправки к законопроекту о строительстве школ, предусматривавшему федеральную помощь штатам в миллиард долларов. Пауэлл предлагал лишать штаты, которые действуют вопреки решению Верховного суда, доступа к государственным грантам. Эйзенхауэр поправку не поддержал{838}.

Поправка была включена в законопроект. В результате против него объединились южные демократы и правые республиканцы, и он был провален в обеих палатах Конгресса. Эйзенхауэр вновь получил подтверждение, что в вопросе о правах негритянского населения надо действовать медленно и осторожно.

Одновременно он высказывался по поводу «неблагодарности» некоторых черных лидеров, которые ведут себя так, как будто правительство не стремится к удовлетворению их интересов, и даже ссылался на то, что на выборах 1954 года процент голосовавших за республиканцев чернокожих был ниже, чем на предыдущих. Дуайт считал это результатом агитации негритянских экстремистов, которые заботятся не столько об удовлетворении чаяний собратьев, сколько о собственном политическом продвижении, и был недалек от истины.

Южные расисты не были намерены складывать оружие. В марте 1956 года 101 член Конгресса подписал своего рода «манифест» с обязательством неуклонно добиваться отмены решения Верховного суда о десегрегации. Естественно, журналисты спросили президента, как он относится к этой акции, с учетом ее чисто пропагандистского характера, поскольку законодательный орган не имел права вмешиваться в дела судебной ветви власти. В ответе Эйзенхауэра явно сквозило презрение к тем, кто делает вид, что не знаком с основами американского строя: «Эти люди, белые южане, конечно, могут выбирать тот образ действий, который пожелают»{839}.

Из кругов белых южан стали распространяться версии, что интеграция — результат коммунистического заговора. При этом в

качестве доказательства приводились примеры использования фактов расовой дискриминации коммунистической, в частности советской, пропагандой.

Будучи убежден, что М.Л. Кинг и другие лидеры движения за подлинное равноправие черных отнюдь не коммунисты, Эйзенхауэр всё же потребовал соответствующих данных от ФБР. В марте 1956 года Гувер представил ему обширный доклад об опасной ситуации на Юге, подогреваемой экстремистами с обеих сторон. Гувер полагал, что коммунисты пытаются использовать негритянское движение, в основе вовсе не являющееся коммунистическим. И всё же за Кингом и его последователями устанавливалось постоянное наблюдение, для чего была создана специальная группа агентов ФБР{840}.

Новая социально-расовая схватка произошла в 1957 году. В Конгрессе продолжалось рассмотрение законопроекта о гражданских правах. 10 января, представляя конгрессменам свое послание «О положении в стране», Эйзенхауэр призвал к скорейшему принятию закона. Он говорил, что был потрясен, узнав, что из девятисот тысяч взрослых чернокожих в штате Миссисипи только семь тысяч имеют право голоса. Президент узнал, что чиновники, решавшие вопрос о предоставлении избирательных прав на основе «гражданской зрелости» того или иного жителя, задавали вопросы типа «Сколько пузырей в куске мыла?». Какое отношение, вопрошал Эйзенхауэр, это имеет к гражданской зрелости{841}?

Тем временем на Капитолийском холме разыгрывались нешуточные страсти. Если в палате представителей проект после острых обсуждений был 18 июня утвержден, то в сенате против него ополчились правые республиканцы и представители Демократической партии из южных штатов. В ряде выступлений его выставляли «коварным актом», фактически побуждающим население к беспорядкам и неповиновению местным властям, чтобы федеральное правительство получило право по своему произволу вводить в действие вооруженные силы. 3 июля на пресс-конференции обозреватель «Нью-Йорк таймс» Д. Рестон попросил Эйзенхауэра прокомментировать заявления противников равных гражданских прав в сенате. Ответ Эйзенхауэра в очередной раз продемонстрировал его осторожность в расовой проблеме. С одной стороны, он выразил уверенность, что необходимо предоставить избирательные права как можно большему числу граждан, с другой — заявил, что мнение «уважаемых людей» о том, что законопроект «ведет к беспорядкам», представляется ему непонятным, но он готов выслушать разные точки зрения{842}. По существу, таким

заявлением Эйзенхауэр пытался умиротворить южных сенаторов, приглашая их внести «усовершенствования» в будущий закон.

Диксикраты[22] немедленно воспользовались фактическим приглашением, чтобы внести поправку о рассмотрении дел по обвинению в нарушении гражданских прав судами присяжных. Это был по сути расистский выпад, так как коллегии присяжных на Юге составлялись из избирателей, а среди последних почти не было черных. Таким образом, суды присяжных обрекали бы закон на фактическое неисполнение.

Как должен был поступить президент? Ведь на протяжении многих лет существование судов присяжных рассматривалось как огромное преимущество американской судебной системы, обеспечивающее ее справедливость. Теперь именно такие суды могли стать орудием реакционных политических сил.

Эйзенхауэр понял, что предложения диксикратов — политическая акция, направленная на фактическое неисполнение законодательства, но дал ей такую оценку только в частных письмах, в частности в письме губернатору Южной Каролины Д. Бирнсу: «Право голосовать является для нашего образа жизни самым важным по сравнению с остальным»{843}. На пресс-конференциях, атакуемый журналистами, он высказывался значительно менее определенно. 17 июля на вопрос, помнит ли президент, что он обладает правом использовать вооруженную силу для обеспечения интеграции, он ответил, что помнит, но не может представить себе «такое стечение обстоятельств, которое заставило бы меня послать войска в какой-то район, чтобы силой обеспечить выполнение решений Верховного суда, так как я верю, что здравый американский смысл никогда этого не потребует»{844}.

Президент надеялся на благоразумие сенаторов, на их понимание ситуации, особенно в условиях холодной войны и распада колониальной системы. В то же время диксикраты и правые республиканцы, фактически вступившие в блок, воспринимали осторожные заявления президента как фактическое согласие с сохранением сегрегации на Юге. В результате сенат 2 августа пятьюдесятью одним голосом против сорока двух включил в законопроект о гражданских правах поправку о суде присяжных, а 7 августа утвердил его. Теперь предстояло согласовать вопрос с палатой представителей, которая ранее приняла этот закон без злосчастной поправки.

Перед президентом вновь встал вопрос, как поступить: наложить на закон вето или же подписать его. Мнения советников разошлись. Некоторые из них считали, что лучше не иметь никакого закона, чем иметь такой, который не будет действовать.

На этот раз Эйзенхауэр счел целесообразным прислушаться к мнению авторитетных негритянских организаций. Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, Мартин Лютер Кинг высказались за утверждение закона, считая, что он всё же является шагом, пусть малым, к десегрегации{845}. Наконец после долгих колебаний 9 сентября закон был подписан и вступил в силу.

В это время президент находился в отпуске, на военно-морской базе в городе Ньюпорт, штат Род-Айленд. Он надеялся провести отпуск в более или менее спокойной обстановке, поскольку после мучительных колебаний и попыток найти среднюю линию в вопросе о гражданских правах нуждался в беззаботном отдыхе. Но, как позже признавалось и им самим, и биографами, отпуск оказался самым неудачным — по той же причине, которая причиняла беспокойство в предыдущие месяцы.

Как раз перед этим федеральный суд принял решение об интеграции муниципальных школ города Литл-Рок, то есть обязательном совместном обучении черных и белых. (94 федеральных окружных суда являются судами первой инстанции, уполномоченными рассматривать дела ограниченной юрисдикции по гражданским и уголовным делам.) В качестве начального шага интеграции 9 или 12 чернокожих детей были отобраны для зачисления в центральную среднюю школу (так называемую *high school* — «высшую школу», то есть имеющую только старшие классы). Однако губернатор Арканзаса Орвел Фобус отказался выполнить решение суда и приказал национальным гвардейцам не допускать чернокожих подростков в школу. Он выступил с заявлением, что судебные решения незаконны. Стало известно, что в понедельник 23 сентября возле школы по призыву губернатора соберется толпа белых расистов и дело может дойти до кровавой расправы.

Именно к такому выводу пришел министр юстиции Браунелл, высказавший свое мнение в телефонном разговоре с президентом. Тот понимал, что придется принимать трудные решения, возможно, даже об использовании вооруженной силы для наведения порядка. Он всё еще колебался, всерьез опасаясь, что непокорный губернатор распорядится закрыть центральную среднюю школу, что на Юге может начаться движение за закрытие всех бесплатных общественных школ, а это будет иметь самые ужасные последствия и для черных, и для белых бедняков, а значит, для страны в целом{846}.

Действительно, 23 сентября, около центральной школы в Литл-Роке произошли беспорядки. Правда, подростков удалось незаметно провести внутрь через черный ход. Но, узнав об этом,

толпа расистов в несколько тысяч человек разметала изгороди, установленные полицией, сбила с ног двух черных журналистов и намеревалась, преодолев сопротивление полицейских, ворваться в школу. Чтобы избежать расправы с подростками, они были тайком возвращены по домам. Мэр Литл-Рока Вудро Мэнн, конкурировавший с губернатором и поддерживавший интеграцию, послал Эйзенхауэру паническую телеграмму: «Надо немедленно направить федеральные войска… Полиция не может рассеять толпу»{847}.

По телевидению вся страна, а затем и весь мир смотрели на горстку испуганных негритянских юношей и девушек, которым угрожала распоясавшаяся толпа. Гастролировавший в это время в штате Северная Дакота знаменитый негритянский трубач, солист и руководитель ансамбля Луи Армстронг сделал обидное заявление (его слова были перепечатаны множеством газет), что Эйзенхауэру «не хватает смелости», а «правительство, которое так обращается с моим народом на Юге, следует послать ко всем чертям»{848}.

Испытывая давление с разных сторон, Эйзенхауэр наконец решился действовать. В ночь на 24 сентября он отдал приказ о применении в Литл-Роке вооруженной силы. Руководителю Объединенного комитета начальников штабов генералу Тейлору было сказано, что необходимо продемонстрировать способность армии быстро реагировать на кризисные ситуации. Через несколько часов в Литл-Рок были переброшены 500 солдат и офицеров 101-й воздушно-десантной дивизии и в течение дня еще столько же. 25 сентября эти подразделения рассеяли толпу, почти не оказавшую сопротивления. Был легко ранен лишь один человек, которого солдат неосторожно оттолкнул штыком. Под охраной военных подростки вошли в школу, заняли места в классах. Ко всеобщему удивлению, ни белые ученики, ни белые учителя ни словом не возразили против их присутствия.

Оказалось, что расистские чувства к этому времени начали постепенно развеиваться, хотя и далеко не быстрыми темпами. Так или иначе, в Литл-Роке было установлено совместное обучение белых и черных. А вслед за этим подобная практика стала вводиться и в других населенных пунктах Юга. Правда, губернатор Фобес пытался сопротивляться, даже закрыл в следующем году центральную среднюю школу в Литл-Роке, но это решение было вскоре отменено, и осенью совместные занятия белых и черных учеников в ней возобновились{849}.

Это было серьезное достижение не только для Литл-Рока и Арканзаса, но для всего Юга, и определенную роль, которую, конечно, не следует преувеличивать, сыграло решение

Эйзенхауэра ввести в действие федеральные войска.

Столкновения на расовой почве, связанные с интеграцией учебных заведений, произошли также в Новом Орлеане 14 ноября 1960 года, на самом закате президентской карьеры Эйзенхауэра, когда четыре чернокожие девочки поступили в начальную школу, где ранее учились только белые. Шестилетнюю Руби Бриджес, идущую в школу в сопровождении судебных приставов-«маршалов», запечатлел на картине известный американский художник Норман Роквелл. На стене позади девочки видны надписи «ККК» (ку-клукс-клан) и унизительное название чернокожих: «nigger»{850}.

В этих условиях организация М.Л. Кинга в конце пятидесятых годов развернула деятельность по всей территории США. В 1958 и 1959 годах были проведены марши негритянской молодежи и сочувствовавших им белых активистов на Вашингтон с участием около сорока тысяч человек.

Борьба за гражданские права приняла новые формы в 1960 году. 1 февраля четверо чернокожих студентов уселись на места, предназначенные для белых, в закусочной универмага компании Вулворт в городе Гринборо (штат Северная Каролина). Применив силу, их заставили покинуть помещение. Но на следующий день их примеру последовали десятки студентов, а затем движение перекинулось на другие города Юга. Это было начало волны сидячих забастовок, как их неверно стали называть (в данном случае о прекращении работы речь не шла). Негритянские активисты входили в заведения сферы обслуживания, предназначенные для белых, и требовали, чтобы им подали еду, дали примерить одежду, выдали библиотечную книгу и т. д. В подавляющем большинстве случаев такие требования игнорировались, но работа ресторанов, кафетериев, магазинов, библиотек нарушалась, владельцы терпели убытки. К концу марта движением было охвачено более пятидесяти городов.

К протестующим чернокожим присоединялось всё больше белых — студентов и других активистов. В апреле 1960 года был образован Студенческий координационный комитет ненасильственных действий. Неофициальным лидером своего движения студенты избрали М.Л. Кинга. Были разработаны специальные правила поведения участников студенческого движения за десегрегацию, в которых указывалось, что необходимо руководствоваться заветами Христа, Махатмы Ганди и учением Кинга о ненасилии и любви к ближнему: не отвечать на оскорбления, в закусочных сидеть лицом к стойке, вести себя так, чтобы всем были очевидны мирные намерения участников акции. Несколько раз Студенческий комитет ненасильственных

действий обращался с жалобами в федеральные суды, и в каждом случае решения принимались в его пользу.

Эйзенхауэр официально не одобрял такого рода выступления, несколько раз заявлял о необходимости учитывать традиции Юга. Но поддержка им решения Верховного суда о десегрегации школ, выступление с инициативой принятия закона о гражданских правах, хотя и ограниченного, но вводившего определенные правовые нормы в пользу черного населения, посылка регулярных войск для подавления расистского бунта в Литл-Роке являлись своеобразным индикатором для судебных инстанций. Они учитывали мнение президента, что расовая проблема не может быть решена только законом, что необходимо постепенное изменение традиций, культуры, психологии. Немалая роль в этом принадлежала судам. Да и власти южных штатов постепенно убеждались, что расовая ненависть в середине XX века неконструктивна, что необходимо идти на уступки во имя сохранения гражданского мира и спокойствия. К началу 1960-х годов значительная часть заведений общественного пользования в южных штатах была десегрегирована.

Это, однако, не удовлетворяло организаторов движения. В марте 1960 года одна из негритянских организаций — созданный еще в 1942 году Конгресс расового равенства — выступила с инициативой проведения рейдов свободы с целью завершения процесса интеграции на общественном транспорте. (Впрочем, практически эти рейды начались в 1961 году, уже при новом президенте США.)

Полное преодоление расовой дискриминации и сегрегации было еще впереди. При Эйзенхауэре в этом деле были сделаны первые робкие шаги. Когда осенью 1960 года М.Л. Кинг был арестован в «белом» ресторане и приговорен к исправительным работам, Эйзенхауэр, уже являвшийся «хромой уткой» (президентом накануне ухода с должности), воздержался от вмешательства. Чернокожие американцы были возмущены. Демократ Джон Кеннеди, боровшийся за президентский пост, позвонил жене Кинга, чтобы выразить ей сочувствие, а избирательный штаб демократов помог освобождению черного лидера.

Неудивительно, что немало негров на президентских выборах голосовали за Кеннеди — они полагали, что новый президент внесет в Конгресс более эффективные антирасистские законопроекты.

Президентство Эйзенхауэра прошло относительно спокойно — расовых бунтов на его протяжении не было. Парадоксально, но в годы власти Кеннеди, который занимал значительно более

радикальные позиции в отношении темпов десегрегации, волнения на расовой почве вспыхнули с новой силой, видимо, как раз потому, что меры по реализации гражданского равноправия принимались значительно более энергично.

Отставка и последние годы жизни

Эйзенхауэр всё чаще задумывался о том времени, когда он покинет президентский пост. Он был первым американским президентом, власть которого была законодательно ограничена двумя сроками: в 1947 году Конгресс утвердил соответствующую 22-ю поправку к Конституции США, предложенную Трумэном, а в 1951-м, после ратификации большинством штатов, она вступила в силу.

Двадцатого января 1961 года предстояло передать Белый дом новому хозяину. Дуайт надеялся, что им станет Ричард Никсон, к которому в конце своего президентства он стал относиться несколько теплее, несмотря на то, что по-прежнему считал его недостаточно зрелым политиком. Во всяком случае, Никсон был ему верен и всегда исполнял порученное в соответствии с инструкциями, хотя нередко проявлял несвойственную его шефу категоричность.

Дуайт обсуждал с близкими, как оформить свой уход: то ли получать пенсию отставного президента (25 тысяч долларов в год плюс 50 тысяч единовременного выходного пособия), то ли возвратить чин полного генерала в отставке, которому полагалась такая же пенсия, но к тому же 50 тысяч долларов в год на содержание офиса, а также прикреплялись адъютант и два ординарца-сержанта. Он принял рациональное решение возвратиться в армию в качестве отставного генерала со всеми полагающимися материальными благами. Опасения, что его президентство забудется, были, скорее всего, лицемерными, ибо всему миру было ясно, что Эйзенхауэр войдет в историю как один из выдающихся государственных руководителей США.

Но выбор оказался не нужен — Конгресс постановил, что по окончании президентского срока Эйзенхауэр будет восстановлен в звании полного генерала при сохранении привилегий отставного президента{851}.

В отличие от Франклина Рузвельта, который уже в начале третьего президентского срока (всего он был избран четырежды), в 1941 году, позаботился о создании комплексного научно-просветительного учреждения, посвященного его деятельности, — Библиотеки Ф. Рузвельта в родном городке Гайд-Парк (штат Нью-

Йорк), Эйзенхауэр почти до конца своей государственной службы не задумывался о подобном начинании. Между тем члены «банды», а также другие хорошие знакомые и почитатели в 1959 году создали частный фонд для строительства Библиотеки Эйзенхауэра. Библиотека с его согласия должна была разместиться в городе Абилине, штат Канзас, который он считал родным, хотя и появился на свет в другом месте.

Эйзенхауэр стал задумываться и о том, где ему хотелось бы быть похороненным. Он предпочитал Абилин, но друзья отговаривали, ссылаясь на то, что город расположен слишком далеко от наиболее населенного и привлекательного для туристов восточного побережья. Дуайт и Мейми решили, что будут похоронены вместе в геттисбергском имении, расположенном почти на полпути между Вашингтоном и Нью-Йорком: кроме того, что в его окрестностях произошла одна из крупнейших битв Гражданской войны, само поместье Эйзенхауэров, открытое для посещений в отсутствие хозяев, стало к тому времени экскурсионным объектом{852}. Позже, правда, Дуайт возвратился к абилинскому варианту, сочтя, что его могила должна стать составной частью мемориального комплекса.

Но именно в геттисбергском имении Эйзенхауэр решил поселиться после того как покинет Белый дом. Полагая, что на покое он займется мемуарами, Дуайт попросил Энн Уитмен позаботиться, чтобы в Геттисберге были созданы условия для, как он с иронией говорил, «писательской» работы. Энн записала в личный дневник: «Я сказала, что сделаю всё, что он захочет. Он сказал, что думал, что, пожертвовав восемь лет жизни государству, я не захочу служить ему как частному гражданину. Я заявила, что это были самые глупые слова, которые он когда-либо произносил, что моя верность ему в десять раз больше, чем верность стране»{853}.

Уитмен действительно вскоре отправилась в Геттисберг, куда была перевезена та часть документации Эйзенхауэра, которую он считал наиболее важной для подготовки воспоминаний: личная корреспонденция, записи телефонных разговоров, копии протоколов заседаний правительства, Совета национальной безопасности, совещаний с руководителями Конгресса и т.д. Президент Геттисбергского колледжа Уиллард Пол предложил Дуайту использовать для работы его кабинет и соседние помещения. Именно там Энн Уитмен, а также сын Дуайта Джон оборудовали рабочее помещение. Джон официально заявил, что после отставки отца уйдет с воинской службы, чтобы быть хранителем президентского архива в Геттисберге и помощником

в подготовке мемуаров{854}.

Отец и сын были не просто близки. Во время второго президентства отца Джон был прикомандирован военным начальством к Белому дому. «Я думаю, что между ними были исключительные взаимоотношения», — сказала дочь Джона, Сьюзен, в связи с кончиной отца{855}.

Дуайт был доволен, что сын находится рядом. Ему была отведена комната на третьем этаже Белого дома, а невестка Барбара с детьми поселилась в геттисбергском поместье, куда на выходные выезжал Джон, а иногда вместе с ним и отец. Семья сына жила в отдельном доме на окраине поместья, примерно в полутора километрах от главного здания. Дом был собственностью Джона, хозяйство велось отдельно.

Эйзенхауэр, естественно, внимательно следил за предвыборной кампанией 1960 года, поддерживал Никсона в качестве кандидата от Республиканской партии, но только после его официального выдвижения партийным съездом. Он раздраженно реагировал на естественные нападки кандидата демократов Джона Кеннеди на его администрацию. Когда однажды Кеннеди заявил, что каждый вечер 17 миллионов американцев ложатся спать голодными, президент буркнул на встрече с руководителями Конгресса: «Наверное, все они находятся на диете!»{856}

Его приводила в гнев сравнительная статистика советских и американских вооружений, которой оперировал кандидат демократов, стремясь доказать реальность опасного преимущества СССР и добиваясь значительного увеличения военных расходов. Оппозиционный кандидат мог пользоваться разнообразными источниками, в том числе и сомнительными, Эйзенхауэр же был обязан опираться только на официальные данные, являвшиеся государственной тайной, поэтому на пресс-конференциях вынужден был ограничиваться общими словами, убеждая журналистов доверять ему, утверждая, что он не подходит к национальной обороне «с партийных позиций», посвятил ей всю жизнь и «знает о ней больше, чем кто-нибудь другой, возможно, за очень редким исключением»{857}.

Дуайт был недоволен, что Никсон, поддавшись на вызовы молодого и энергичного кандидата в президенты от Демократической партии, в ходе предвыборной кампании отказался от многолетнего курса на сокращение военных расходов путем ограничения финансирования обычных вооружений и сосредоточения внимания на ракетно-ядерном оружии. Эпицентром кампании были телевизионные дебаты между кандидатами. Эйзенхауэр советовал вице-президенту под

любым предлогом отклонить предложение о дебатах, поскольку считал, что они создают Кеннеди дополнительную рекламу: он выглядит лучше, нравится женщинам, не лезет за словом в карман, тогда как Никсон, тем более недавно повредивший колено и лечившийся в госпитале, неизбежно в глазах публики будет проигрывать конкуренту{858}.

Никсон не посчитался с этим мнением и в результате явно проиграл дебаты. При этом предвыборные баталии выработали у Кеннеди стойкую неприязнь к Эйзенхауэру, которого он даже как-то назвал «старой задницей», в ответ получив прозвище «нагловатого юнги». Это были обычные предвыборные тирады. Эйзенхауэр давал Никсону разумные советы, которые тот, как правило, игнорировал{859}.

Победу одержал Кеннеди. Эйзенхауэру оставалось пребывать в Белом доме последние десять недель (это время предоставляется избранному президенту для формирования кабинета, собственного аппарата, определения курса во всех областях внутренней и международной жизни).

В целом новый президент производил на Дуайта благоприятное впечатление. Хотя во время предвыборной кампании он и критиковал политику республиканцев, но воздерживался от личных нападок на Эйзенхауэра. 6 декабря состоялась встреча самого молодого в американской истории президента с покидающим пост пожилым Эйзенхауэром. Дуайту понравилось, что Джон приехал один, без кучи помощников, беря на себя всю ответственность за разговор.

Особое внимание было уделено финансовым проблемам страны. Эйзенхауэр боялся, что твердивший перед выборами об отставании США от СССР Кеннеди ринется в гонку вооружений. Поэтому старый президент предостерегал нового от неразумных трат, подчеркивал необходимость сохранить сбалансированные бюджетные расходы{860}.

Эйзенхауэр готовился к частной жизни, которую собирался проводить в Геттисберге, но не намеревался полностью уходить в частные дела. В последние месяцы президентства он получил множество писем с просьбами посетить благотворительное мероприятие (само его появление автоматически умножало сумму собираемых средств), выступить в университете, поделиться воспоминаниями с гражданами. Именно последние предложения особенно его интересовали, так как соответствовали его желанию подготовить новые мемуары — о годах, проведенных в Белом доме.

Именно в это время Дуайт договорился о их публикации с Дугласом Блэком — президентом издательства «Даблдей», в свое

время впервые напечатавшего его «Крестовый поход в Европу», продолжавший переиздаваться. Предварительно воспоминания должны были печататься в еженедельнике «Сатердей ивнинг пост», который Дуайт любил с юных лет и теперь не скрывал, что испытывает удовольствие от мысли, что его мемуары будут опубликованы в этом журнале{861}.

В эти недели внимание Эйзенхауэра сосредоточивалось на прошлом не только в связи с обдумыванием структуры и содержания мемуаров. По совету друзей и сотрудников он решил обратиться к нации с прощальным посланием, кратко описав в нем всё, что было достигнуто, чего не удалось сделать, какие препятствия помешали, какие надежды возлагает он на будущее.

Однако, поразмыслив над содержанием своей прощальной речи, Дуайт решил, что она не должна быть всеобъемлющей, что такой подход превратил бы ее в набор общих фраз. Он решил сосредоточить внимание на том, что действительно находилось в центре его внимания в течение всех восьми лет, — на взаимосвязи внутренней и внешней политики.

Вечером 17 января президент Эйзенхауэр выступил по национальному телевидению и радио с обращением к нации{862}. Подчеркивая необходимость отстаивания демократических свобод и борьбы против идеологии насилия, «безжалостной в достижении целей, коварной своими методами», он указывал, что эта борьба будет долгой и напряженной, и в расходах на военные научные исследования и новые вооружения необходимо соблюдать «баланс затрат и надежд». Главный вывод, который постепенно вызревал у него на протяжении всех лет президентства: для сохранения мира, собственной свободы и помощи другим нациям в ее отстаивании США вынуждены были создать огромную военную мощь, которая может таить угрозу превращения страны в полицейское («гарнизонное», как выражался Дуайт) государство, тем более что государственная мощь теснейшим образом связана с промышленностью, производящей средства разрушения и получающей от этого огромные прибыли.

Такое сочетание власти экономических магнатов, государственного аппарата и военной верхушки Эйзенхауэр назвал военно-промышленным комплексом. Этот термин, впервые прозвучавший в выступлении 17 января 1961 года, вскоре войдет в политический и общественно-научный оборот, станет одним из краеугольных камней оценки ситуации в странах обоих военно-политических блоков. В настоящее время исследователи включают в систему военно-промышленного комплекса государственные учреждения, научно-исследовательские и

опытно-конструкторские организации, военное производство, международную торговлю оружием[863].

Тогда же Эйзенхауэр предупреждал нацию и весь мир: «Связь между огромным военным истеблишментом и выросшим производством вооружений является новой в истории Америки. Воздействие этой связи — экономическое, политическое и даже духовное — чувствуется в каждом городе, в каждом Законодательном собрании штата, в каждом учреждении правительства федерации… Мы должны заботиться о том, чтобы не допустить сосредоточения в наших правительственных учреждениях такого влияния, которое превысило бы их полномочия, независимо от того, заинтересован ли в использовании такого влияния военно-промышленный комплекс».

С этим предостережением было тесно связано и другое — о недопущении разграбления ресурсов, ибо с потерей материальных активов потомки потеряют политическое и духовное наследие демократии.

Эйзенхауэр завершил глубоко взвешенную, выношенную всем опытом собственной государственной деятельности речь молитвой, призывавшей народы жить в мире, объединяющем людей силой взаимного уважения и любви. «В полдень в эту пятницу я стану частным гражданином. Я горд стать таковым и мечтаю об этом. Спасибо и спокойной ночи».

Накануне инаугурации избранного президента Эйзенхауэр пригласил его на новую встречу. На этот раз помимо политических вопросов обсуждался и быт Белого дома. Кроме того, Эйзенхауэр рассказал новому главе государства о «человеке с чемоданчиком», то есть с аппаратурой, обеспечивающей моментальную связь с командованием стратегических сил, к которой имеет доступ только президент при помощи особого пароля[864].

После официальной части беседы к президентам присоединились жены (до этого Жаклин Кеннеди беседовала с Мейми Эйзенхауэр на бытовые темы). Дуайт решил развлечь гостей — через три минуты после нажатия потайной кнопки под крышкой стола на лужайке перед Белым домом приземлился вертолет, и все четверо отправились в Кэмп-Дэвид. Теперь, правда, в разговоре затрагивались только вопросы, связанные с жизнью в Белом доме и Кэмп-Дэвиде[865].

После инаугурации Эйзенхауэры незаметно удалились из Капитолия и отправились в Геттисберг. Начиналась новая жизнь, к которой еще предстояло привыкнуть. Оказалось, что годы высшего военного командования, а затем президентства отучили Дуайта от самых элементарных вещей. Он не умел заказывать

междугородные телефонные разговоры, не знал, как покупать билеты на транспорт, как расплачиваться в магазине. Он даже разучился печатать на машинке.

Все эти умения были элементарными, и Дуайт овладел ими в течение нескольких недель, решая проблемы по мере их возникновения, но вначале бытовые дела ужасно раздражали его, не привыкшего демонстрировать свои слабости окружающим.

Большую помощь во всех бытовых делах оказывал сын со своей семьей. Огромную радость доставляло общение с внуками — старшим Дэвидом и девочками — Барбарой Энн, Сьюзен и Мэри Джин. Особо близкими были отношения с Дэвидом. Однажды Дуайт разоткровенничался с журналистом: «Когда он был младше, мы проводили больше времени вместе. Теперь он любит бейсбол, регби и футбол, как все мальчики его возраста… Мы продолжаем ходить на рыбалку, стреляем по тарелочкам, играем в гольф. Часто мы сидим вдвоем и ведем серьезный разговор»{866}.

Эйзенхауэр внимательно следил за внутренней и международной жизнью. Он высказывал обеспокоенность планами Джона Кеннеди расширить военную промышленность, вести гонку в космосе, в частности осуществить высадку человека на Луне. Дуайт считал «легкомысленными» излишние государственные расходы, отсутствие интереса к стабильности доллара, то есть отход от основ внутренней политики, неуклонно проводившейся им на протяжении восьми лет{867}.

Кеннеди, несмотря на это, относился к предшественнику с глубоким уважением и несколько раз приглашал его для консультаций. Так было после неудачи высадки на Кубе вооруженных эмигрантов в апреле 1961 года, при обсуждении вопроса о расширении участия США в разгоравшейся войне в Южном Вьетнаме. Консультировался с Эйзенхауэром и Линдон Джонсон, занявший президентский пост 22 ноября 1963 года после трагической гибели Кеннеди. Сущность рекомендаций, даваемых Эйзенхауэром, неизменно сводилась к тому, что, начав какое-то дело, его надо доводить до конца, до полного успеха, а не ограничиваться полумерами, что было свойственно обеим администрациям Демократической партии.

Но особое внимание бывший президент уделял работе над воспоминаниями о годах, проведенных в Белом доме (именно так — «Годы в Белом доме» — был назван двухтомник, первая часть которого именовалась «Мандат на перемены», а вторая «Борясь за мир»){868}. Если первую свою мемуарную книгу «Крестовый поход в Европу» Дуайт написал (точнее продиктовал) всего за два месяца, то над новым трудом работал не торопясь, пытался

взвесить каждую оценку, проверить все факты (поразительно, но в двухтомнике почти не было фактических неточностей). Постоянную помощь в подборе материала, проверке данных, совершенствовании стиля оказывал сын. Одновременно Джон попробовал свои силы в качестве военного историка. Как раз в это время он работал над книгой о сражении в Арденнах в конце 1944-го — начале 1945 года, которая вышла в 1969 году под названием «Горький лес»{869}.[23]

Первые месяцы частной жизни помощницей являлась также Энн Уитмен, которая жила в доме Эйзенхауэров в качестве личного секретаря и машинистки. Вскоре, однако, она перебралась в Нью-Йорк, став помощницей губернатора штата Нельсона Рокфеллера.

В воспоминаниях детально описывались основные проблемы президентства, взаимоотношения с Конгрессом и лидерами его фракций, бои за сбалансированный бюджет, контакты с иностранными лидерами Макмилланом, де Голлем, Хрущевым и др. Как и иные высокопоставленные мемуаристы, Эйзенхауэр воспроизводил не столько историю своего президентства, сколько свое видение ее, стремясь объяснить собственные намерения и действия, в подавляющем большинстве случаев полностью их оправдывая и сожалея, что то или иное его предложение наталкивалось на стену непонимания. В этом смысле особенно драматичным был рассказ о контактах с Хрущевым, приблизивших США и СССР к мирному сотрудничеству, но затем в силу стечения чуть ли не случайных факторов приведших к новому витку холодной войны.

Читающая публика не восприняла «Годы в Белом доме» с таким же интересом, как первую книгу мемуаров Эйзенхауэра. Двухтомник сенсацией не стал, разошелся главным образом по библиотекам. В связи с этим друзья уговорили Дуайта написать еще одну книгу воспоминаний — на сей раз не «отчет» о президентских или военных годах, а свободное повествование об интересных событиях и встречах, которыми изобиловала его жизнь. Работая над новой книгой, Дуайт возобновил практику диктовки — оказалось, что ему значительно легче рассказывать, чем писать текст. Книга была названа «На досуге: Истории, которые я рассказываю своим друзьям»{870}. Написанная легко и занимательно, эта книга понравилась читателям больше, чем фундаментальные мемуары. Она переиздавалась, переводилась на другие языки, способствовала тому, что имя Эйзенхауэра еще прочнее закрепилось в памяти потомков.

Дуайт Эйзенхауэр оставался фигурой мирового значения. Почти все зарубежные государственные деятели, прибывавшие в

США с визитами, стремились его посетить. Каждый год на его имя поступало в среднем свыше шестидесяти тысяч писем, в том числе всевозможные приглашения выступить на торжественных мероприятиях, просьбы дать автограф, интервью, рекомендации по самым разнообразным вопросам. Эйзенхауэр оставлял автографы только на своих книгах и решительно отказывался от предложений писать предисловия к чужим сочинениям, заполнять различные анкеты, высказывать мнение об изданиях.

Он продолжал писать картины, но по-прежнему рассматривал занятие живописью только как хобби, решительно отклоняя самые выгодные предложения о продаже картин. Свои произведения дарил близким друзьям и родственникам. В отставке Дуайт создал по фотографиям ряд портретов бывших сотрудников своего аппарата и министров и разослал им. Написаны были также портреты Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна, особенно удавшийся портрет Уинстона Черчилля и несколько пейзажей.

Безусловно, его живопись была любительской, что особенно ощущается в пейзажах и первых портретах. Но настойчивость давала свои плоды, и со временем появлялись интересные произведения.

Эйзенхауэр всегда был убежден в отсутствии у себя художественного дарования. Он не пристрастился к живописи и мог предпочесть ей гольф. Но к пятидесяти восьми годам слабое сердце не позволяло часто играть в гольф, и живопись стала частью его жизни. Ему было интересно, он любил экспериментировать.

Он очень любил цвет, и это проявилось в его лучших картинах. Глядя на пейзаж с его родным домом, стилизованный под живописную манеру художницы Маргарет Гринофф, ощущаешь легкость и мягкость, которая вроде бы должна противоречить жесткому характеру военного деятеля и президента. «Горный водопад» построен на контрасте цветов заднего плана и яркого, несущегося сверху объемного, выпирающего из холста потока воды.

Сам он называл свою живопись грубой и безвкусной, о чем упоминала видный искусствовед Венди Бекетт, опровергая эти утверждения{871}. Передать портретное сходство ему в большей или меньшей степени удавалось. При этом портреты исторических персонажей, написанные Эйзенхауэром с других изображений, оказываются более слабыми, не прочувствованными, недостаточно прописанными. От них весьма отличается портрет Черчилля. Эйзенхауэр хорошо знал его, видел в официальной и в домашней обстановке, а потому при работе

над портретом чувствовал себя значительно более уверенно, хотя и говорил, что «руки больше приспособлены держать топорище, чем тоненькую кисточку».

Эйзенхауэр сжег большую часть написанных им портретов, так как считал их «ужасными». Часто живопись была ему нужна, чтобы выплеснуть эмоциональное состояние, чего он не мог позволить себе сделать в словесной форме. Он находил в творчестве успокоение. И если в прежние годы он уединялся для занятий живописью всего на 20–30 минут поздним вечером, то в конце жизни мог потратить два часа в поисках нужного цвета.

Среди пейзажей Эйзенхауэра можно увидеть и деревушки — символ «неиспорченной» Америки, в которой он вырос, и французский сад, и альпийскую сцену. Ему нравилась «ненарушенная» природа. Он был ярым сторонником реализма в искусстве, ценил вещи такими, какими их создала природа, считал, что только реальность в искусстве правильна, и отрицал модернизм, считая его противоречащим моральным принципам. В мае 1962 года в речи на открытии своей библиотеки-архива Дуайт высказал удивительную мысль, озвучить которую мог позволить себе только человек, не боящийся произносить даже крамолу; но высказал ее не самоуверенно-агрессивно, как это делал, например, Н.С. Хрущев, а в духе рассуждения о близком и понятном ему самому: «Что стало с нашей концепцией красоты, порядочности и морали?.. Возьмите в руки любой журнал современного искусства или пролистайте каталоги “Кристис” или “Сотбис”, и вы увидите, что у самых продаваемых современных художников, похоже, только одна цель — создать что-либо, что выглядит просто безобразно»{872}.

Сорок пять ящиков документации — яркое свидетельство полноценности и разносторонности жизни Эйзенхауэра в последние годы.

Несмотря на то что Эйзенхауэр стремился вести как можно более активный образ жизни — и в интеллектуальном, и в физическом отношениях, — годы и перенесенные болезни давали себя знать. Проявлялось это не только в том, что Дуайт физически слабел, что его движения стали замедленными. Он становился всё более консервативным, часто ворчал, особенно по поводу современной молодежи. Его приводили в чуть ли не неистовое раздражение длинноволосые хиппи, распространение наркотиков, которое он считал катастрофой Америки, отсутствие должного патриотизма, свобода нравов, получившая название сексуальной революции. Дуайт писал своему британскому знакомому, экономисту П. Ормероду: «Неуважение к закону, распущенность в одежде, внешнем виде, мышлении, в действиях и манерах, точно

так же как студенческие и иные волнения и гражданское неповиновение — у всего этого один источник, состоящий в забвении старых добродетелей»{873}.

Причину всех этих пороков, которые на самом деле просто означали наступление новых времен в развитии Америки и всего мира, престарелый военный и политик видел в неумелом руководстве страной.

Эйзенхауэр поддержал выдвижение кандидатуры Ричарда Никсона на президентский пост в 1968 году — вначале сдержанно (как мы помним, он считал Никсона аккуратным исполнителем, но не творцом), а потом более активно.

В ноябре 1965 года Эйзенхауэр перенес второй инфаркт. Он провел в госпитале более месяца, но заключение врачей было вполне оптимистичным: восстановление прошло благополучно. Ему даже разрешили возобновить игру в гольф, правда, передвигаясь по полю только на специальной тележке с электродвигателем.

Но общая слабость и особенно проблемы с сердцем продолжали нарастать. В апреле 1968 года произошел третий инфаркт. К лету Дуайт настолько восстановился, что смог не только следить за очередными президентскими выборами, но и высказать одобрение кандидатуры Ричарда Никсона. Во-первых, по его мнению, Никсон воплощал собой консерватизм и верность традиционным ценностям, что Дуайт в старости стал особенно ценить. В заявлении для прессы он сказал, что восхищается личными качествами Никсона — «интеллектом, проницательностью, решительностью и особенно честностью», и послал своему бывшему подчиненному экземпляр с автографом: «Дорогой Дик, я делаю это с подлинным удовольствием»{874}.

Вторая причина состояла в том, что между Эйзенхауэрами и Никсонами вскоре должны были возникнуть родственные связи. Двадцатилетний Дэвид, учившийся в Амхерстском колледже (частном университете) и собиравшийся стать историком, ухаживал за своей ровесницей, дочерью Никсона Джули, и считался ее женихом. Любопытный штрих: ни дед, ни отец не оказывали ему финансовой помощи. Однажды, когда Дэвид с приятелем пригласили Джули и ее подругу «на мороженое», оказалось, что у юношей не хватило денег, и расплачиваться пришлось девушкам{875}.

На выборах в ноябре победу одержал Никсон. Душевное удовлетворение еще возросло, когда сразу после выборов, в декабре, состоялась свадьба Дэвида-младшего и Джули. Не имея возможности по состоянию здоровья посетить торжество, дед по телевизору смотрел свадьбу, ставшую чуть ли не

общенациональным событием. Впрочем, перед этим Дуайт посулил внуку 100 долларов, если тот укоротит свои волосы. Дэвид вроде бы подчинился, но новая прическа не удовлетворила ворчливого деда, и обещанную награду внук так и не получил{876}.

Молодожены посетили Эйзенхауэра на Рождество. Вид его произвел на Джули гнетущее впечатление: «Он выглядел ужасно худым и изможденным под армейской простыней. На его бледном потухшем лице ярко выделялись голубые глаза»{877}.

Состояние Дуайта резко ухудшилось 24 марта 1969 года. Его срочно доставили в военный госпиталь. Дышать он мог только при помощи кислородной трубки. Чувствуя, что умирает, он хотел оставить память о себе у людей, ревностно ухаживавших за ним в последние месяцы: врачей, медсестер, санитарок. Не имея ничего другого, он попросил Джона подписать и раздать медицинским работникам экземпляры его только что вышедшей книги «Горький лес».

В таком состоянии прошли еще три дня. Несколько раз начиналась фибрилляция — нарушение ритмов сердца. При помощи медикаментов удавалось возвратить сердцебиение в более или менее нормальное состояние. Но и врачи, и близкие понимали, что конец может наступить в любой момент.

Утром 28 марта Дуайт с трудом произнес: «Опустите занавеси», — а затем обратился к сыну и стоявшему рядом врачу: «Поднимите меня». Его слегка приподняли, но он остался недоволен: «Выше! Двое сильных мужчин — выше!» Это были его последние слова. Через несколько минут сердце перестало биться{878}.

Прощание с генералом и президентом Дуайтом Эйзенхауэром продолжалось с 29 марта по 2 апреля. Вначале скорбная церемония состоялась в Вашингтонском кафедральном соборе, затем процессия с гробом, сопровождаемым почетным караулом из представителей всех родов войск во главе с высшими чинами, проследовала по центральным улицам столицы в Капитолий, где траурную речь произнес президент Никсон. 31 марта специальным поездом тело покойного было отправлено в Абилин. Поезд останавливался на всех крупных станциях, где местные жители собирались, чтобы почтить память Эйзенхауэра. 2 апреля в Абилине на территории Библиотеки Эйзенхауэра состоялись похороны в небольшой часовне. Над гробом была установлена небольшая конструкция с цитатами из документов Эйзенхауэра, знаменами США и американских вооруженных сил и площадкой для посетителей, впоследствии названная «местом для размышлений». Почти каждый человек, посещающий небольшой

город в штате Канзас, проводит здесь несколько минут, думая о вечном.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После смерти супруга Мейми Эйзенхауэр продолжала жить в геттисбергском имении, где умело распоряжалась хозяйством, особенно стадом породистых коров. В конце семидесятых годов она перебралась в Вашингтон, где приобрела квартиру. Не чуждая теперь общественной жизни, Мейми активно участвовала в президентской кампании 1972 года, поддерживая баллотировавшегося на второй срок Р. Никсона. Мейми скончалась после инсульта 1 ноября 1979 года, за две недели до своего 83-летия и была похоронена рядом с Дуайтом на территории Библиотеки Эйзенхауэра.

Их единственный сын Джон — офицер, а затем военный историк — продолжал вести активную научную и публицистическую работу вплоть до кончины в 2013 году. У Джона с супругой Барбарой были сын и три дочери.

Дэвид Эйзенхауэр получил юридическое образование, но в конце концов пошел по стопам отца, став историком. В течение многих лет он работает в Пенсильванском университете, где является сопредседателем Исследовательского института внешней политики и редактором ряда его изданий. Дэвид написал несколько серьезных исследований, причем особую популярность получила его книга о роли его деда Дуайта Эйзенхауэра в организации объединенного союзного командования во время Второй мировой войны{879}, за которую ему была присуждена Пулитцеровская премия. Дэвид хорошо известен передовыми методами преподавания, за которые он также неоднократно получал премии и награды.

У Дэвида и его супруги Джули (урожденной Никсон) сын Алекс и дочери Дженни и Мелани. Алекс занимается бизнесом, Дженни стала киноактрисой, Мелани ведет семейную жизнь.

Из трех дочерей Джона — Барбары Энн, Сьюзен и Мэри Джин — известность получила только средняя, Сьюзен, ставшая крупным специалистом по проблемам ядерного оружия и освоения космического пространства, автором многочисленных исследований и консультантом правительственных организаций. Она была замужем за ученым-физиком, академиком Российской академии наук Роальдом Сагдеевым, работающим ныне в Мэрилендском университете, однако семейная жизнь у них не сложилась.

Потомки президента являются обычными гражданами Соединенных Штатов. Они не претендуют на какие-либо привилегии, и посторонние обычно не знают, к какой

замечательной ветви американской истории принадлежат эти люди.

Из братьев Дуайта известность получил только младший, Милтон. В течение длительного времени (1956–1972) он возглавлял одно из наиболее авторитетных высших учебных заведений страны — университет имени Джонса Гопкинса (Балтимор — Вашингтон). Скончался Милтон Эйзенхауэр в Балтиморе в 1985 году. Старший, Артур (1886–1958), занимался бизнесом, являлся президентом и директором коммерческой компании. Второй, Эдгар (1889–1971) — юрист, всю жизнь проработал в штате Вашингтон, на тихоокеанском побережье. Родившийся вслед за Дуайтом Рой (1892–1942) стал фармацевтом, владел аптекой вначале в Абилине, а позже в городе Джанкшен, штат Канзас. Наконец, Эрл (1898–1968) — инженер-электрик — работал на предприятиях Пенсильвании. Никто из них не использовал родственных связей для карьеры, все были рядовыми гражданами.

В Соединенных Штатах с глубоким уважением относятся к памяти 34-го президента.

Основным центром научного исследования и популяризации его жизни и деятельности является Библиотека Эйзенхауэра в Абилине. В этот комплекс входят библиотека и архив президента, мемориальный музей, дом, в котором Эйзенхауэр провел детские годы, часовня, где он с супругой похоронен. Библиотека Эйзенхауэра стала третьим учреждением такого рода (после библиотек Рузвельта и Трумэна) и первым, которое с самого начала строилось на основе закона о президентских библиотеках, принятого в 1955 году{880}, согласно которому библиотеки создаются частными лицами или их объединениями, а затем переходят под государственное управление. Закон обязывал президентов передавать свои деловые бумаги, а также связанные с их государственной деятельностью вещи в эти библиотеки, что должно было гарантировать их сохранность, научную обработку и возможность доступа к ним исследователей и туристов. В составе Национального управления архивов и документации было образовано специальное подразделение — Администрация президентских библиотек *(Office of Presidential Libraries),* расположенная неподалеку от столицы, в городе Колледж-Парк (штат Мэриленд).

Музей Эйзенхауэра содержит массу экспонатов, размещенных в постоянных и временных выставочных галереях. В кинозале демонстрируется 25-минутный биографический фильм. В основных музейных помещениях в хронологическом порядке освещены основные этапы жизни президента. По возможности в

экспозиции представлены подлинные предметы и копии документов, хранящихся, как правило, в архивной части комплекса. На почетном месте — советский орден «Победа».

Музей проводит самые разнообразные мероприятия (вечера, конкурсы, встречи с ветеранами и др.), в центре которых новейшая национальная история и международные события, так или иначе связанные с деятельностью Дуайта Эйзенхауэра.

Учитывая расположение Библиотеки Эйзенхауэра в центральной части США, не очень близко от обычных туристических маршрутов, а также наличие в столице мемориальных комплексов президентов Вашингтона, Джефферсона, Линкольна, Франклина Рузвельта, американская общественность в течение многих лет добивалась создания в Вашингтоне мемориала Эйзенхауэра. Решение об этом было принято Конгрессом, который в 1999 году образовал специальную комиссию. Но создание мемориала затянулось. Его проектирование было поручено знаменитому архитектору Фрэнку Гери, который предложил увековечить память Эйзенхауэра сооружением из двух высоких колонн и стального узора, символизирующего леса и степи Канзаса. Проект не был одобрен частью потомков Эйзенхауэра, которые сочли его слишком громоздким и не отражающим суть политики, проводившейся их предком.

После длительных дискуссий в октябре 2014 года проект мемориала, который будет располагаться на территории так называемого Национального молла между Капитолийским холмом и Белым домом, где находятся главные музеи столицы, был одобрен всеми общественными организациями и государственными органами. В настоящее время начинается его создание. Поскольку это первый президентский мемориал, сооружаемый в Вашингтоне в XXI веке, особое внимание обращено на компьютерное обеспечение, включающее интерактивную интерпретацию всех его элементов{881}.

Памятники, посвященные Эйзенхауэру, можно встретить во многих городах США, каким-либо образом связанных с его деятельностью. Кроме того, великолепный мемориал сооружен в Нормандии на месте высадки англо-американских войск в 1944 году. В Лондоне есть несколько памятных мест, связанных с союзным главнокомандующим, главным среди них, бесспорно, является памятник Эйзенхауэру перед зданием посольства США.

Имя Эйзенхауэра носит ряд проектов, связанных с его президентской деятельностью, наиболее важный среди них — федеральная сеть шоссейных дорог, строительство которой было начато именно по его инициативе.

Одним из авторитетных учебных и исследовательских центров является Институт мировых проблем имени Эйзенхауэра, основанный в 1983 году в Вашингтоне с филиалом в Геттисберге. Первым исполнительным директором института (до 1989 года) являлась внучка Эйзенхауэра Сьюзен. В институте работают и сотрудничают с ним многие ученые, занимающиеся проблемами международных отношений и безопасности, охраны окружающей среды, использования ядерной энергии и т. д. Наиболее важной первый директор института считала программу американо-советских отношений. Особое место в деятельности института занимает изучение биографии Дуайта Эйзенхауэра и проблем, непосредственно или косвенно связанных с его военной деятельностью и президентством.

Имя Эйзенхауэра носят Университет национальной обороны, основанный в 1976 году под Вашингтоном, и многие другие учебные, научные, общественные центры страны.

Дуайт Эйзенхауэр был типичным воплощением «американской мечты», которая крайне редко, но всё же сбывается. Проведший детские и юношеские годы в семье, находившейся на грани между бедняками и низшим слоем среднего класса, он благодаря своим способностям, трудолюбию, настойчивости, выдержке смог пройти все ступени лестницы военной карьеры вплоть до высшего воинского звания — пятизвездного генерала.

Он стяжал всемирную известность еще до того, как занял высший пост в своей стране, и это, пожалуй, единственный случай в американской истории. С лета 1944 года Эйзенхауэра знали на всех континентах как главнокомандующего победоносной союзной армией, открывшей второй фронт в Европе, встретившейся в сердце нацистской Германии с советскими войсками. Имя Эйзенхауэра с глубоким почтением произносилось всеми, кто стремился навсегда избавить человечество от гитлеровской чумы, создать мирные перспективы для развития человечества.

Он был одним из немногих западных деятелей военного времени и первых послевоенных лет, к которым в СССР с уважением относились не только рядовые граждане, видевшие в нем воплощение намечавшегося сотрудничества с западными демократиями, но и руководство страны, и единственным, кто стоял на трибуне Мавзолея Ленина.

У Эйзенхауэра были серьезные сомнения, годится ли он на пост президента. Ведь как бы ни был талантлив полководец, это отнюдь не означает, что он способен руководить государством. Возможно, у военных и политических деятелей в разной мере

задействованы различные участки головного мозга. Дуайт Эйзенхауэр оказался редким исключением.

Став президентом, он частично использовал свой военный опыт принятия решений, руководства огромными материально-техническими и человеческими ресурсами, суть которого состояла в том, чтобы поручать подготовку утверждаемых им решений высококвалифицированному коллективу подчиненных, располагающих максимальным объемом информации, причем руководство исполнением принятых решений возлагать на определенных людей, несущих полную ответственность в пределах своих полномочий и имеющих право на относительную самостоятельность для наиболее эффективного решения задачи. Оказалось, что такой стиль работы вполне применим и на высшем государственном посту.

По нескольким критериям Дуайт Эйзенхауэр в качестве президента был уникален. Он был вторым республиканцем, занимавшим президентский пост дважды (первым был генерал Улисс Грант после Гражданской войны). Годы президентства Эйзенхауэра, при всех сложностях и внешнеполитического, и внутреннего характера, были временем мирного процветания, наращивания производительных сил, выдающихся успехов американской науки и культуры. Бывший выдающийся военный деятель на протяжении всех восьми лет пребывания в Белом доме проявлял себя как осторожный политик, умевший найти выход из самых сложных ситуаций.

Годы правления Эйзенхауэра были единственным периодом в XX веке, когда США не воевали. Даже обострение отношений с Советским Союзом после скандала со сбитым шпионским самолетом «У-2», срыв конференции на высшем уровне в Париже и отмена визита в СССР не смогли полностью истребить из советско-американских отношений укрепившийся при нем дух взаимопонимания и сотрудничества. В последние годы президентства Эйзенхауэра были заложены те фундаментальные основы международной разрядки, которая воплотилась в следующие годы, при Джоне Кеннеди и его преемниках, в целую серию договоров и соглашений между США и СССР.

В годы войны Эйзенхауэр не раз прибегал к военной хитрости (например, к дезинформации противника касательно района высадки союзных войск на французском побережье в июне 1944 года). Во время своего президентства он в ряде случаев использовал обходные маневры, рассчитанные на отвлечение внимания публики демарши, скрытые действия, заявления, которые выглядели демагогическими, но на самом деле были обдуманными, в большинстве случаев при помощи этого

политического инструментария добиваясь цели. Яркий пример тому — длительное игнорирование и косвенное осуждение действий сенатора Джозефа Маккарти, грозивших превратить США в полицейское государство. Требовалась немалая выдержка, чтобы изолировать оголтелого сенатора, представить его самонадеянным идиотом и лишить общественной поддержки.

Между Дуайтом-военным и Дуайтом-политиком существовало определенное противоречие, которое преодолевалось с трудом. Как военачальник он привык командовать, будучи уверен, что его приказ будет исполняться немедленно и с максимальной точностью — по отношению к нарушителям он был суров, а иногда и беспощаден. Однако уже на заключительном этапе войны в Европе ему пришлось почувствовать на себе, что отношения «начальник — подчиненный» распространяются далеко не на все сферы человеческого общежития. Приходилось сочетать силу приказа с силой убеждения, считаться с чужими мнениями, а иногда и причудами. Тем более это касалось контактов с государственными руководителями, особенно таким своеобразным, как Уинстон Черчилль. Командующему не раз приходилось и в военные годы прибегать к дипломатическим, а подчас и демагогическим уловкам, которые, собственно говоря, и воспитывали в нем политика, каковым он становился еще до того, как был избран президентом.

Возглавив исполнительную власть, Эйзенхауэр должен был, вопреки генеральской натуре, считаться с демократическими нормами, которые порой его раздражали, не давали быстро воплотить в жизнь задуманное, требовали длительных нудных согласований. Что ж, у каждой медали есть оборотная сторона, но Эйзенхауэру никогда не приходило в голову не только прямо нарушить демократические процедуры (в условиях США это для политика почти самоубийственно), а даже выйти за их пределы, используя сложные закулисные трюки. Он, безусловно, вел политические игры, разыгрывал подлинные спектакли, далеко не всегда был искренним в оценках, сгущал краски, чтобы добиться по возможности быстрого, хотя бы компромиссного решения; но все эти игры происходили в рамках существовавших правил, нарушать которые он никогда не помышлял.

Российский исследователь М.А. Мунтян утверждает: «Президентство Дуайта Эйзенхауэра было окружено мифами, большую часть из которых поддерживал он сам. Он скрывал свои способности и действия, так как полагал, что автократическое руководство, в котором нуждалась Америка, да и весь мир, нужно применять тайно. Поэтому он всегда стремился создать

впечатление, что является лишь конституционным распорядителем власти, который делегирует принятие решений своим коллегам, максимум времени проводя за игрой в гольф. За ним прочно укрепилась слава добронамеренного, интеллектуально ограниченного, невежественного, невыразительного, часто слабого и всегда ленивого человека»{882}. Думается, наша книга доказывает, насколько далеки от истины эти суждения. Более объективно мнение С. Амброза: Эйзенхауэр «был генералом, ненавидевшим войны, президентом, который стремился к миру. Он был способен быстро прийти в ярость, но еще быстрее простить, — он был обычно приветливым во всём своем поведении»{883}.

Дуайт Эйзенхауэр — единственный из американских президентов XX века, о котором не только не забыли после отставки, но продолжали уважать и чествовать и, за малыми исключениями, говорили только хорошее.

Конечно же, в его деятельности и в качестве военного, и в роли политика подчас встречались ошибки, неточные расчеты, неверные оценки и решения, произвольные суждения, преувеличение собственных знаний и в то же время приверженность к длительному коллективному обсуждению проблем перед принятием решений, граничившая с нерешительностью. Идеализировать его, как поступают некоторые биографы, не следует. Однако то чувство глубокого уважения к видному соотечественнику, которое сохраняется в США на протяжении десятилетий, вполне им заслужено.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДУАЙТА ЭЙЗЕНХАУЭРА

1890, 14 октября — в городке Денисон (штат Техас) в семье мелкого торговца и ремесленника Дэвида Эйзенхауэра и его жены Иды родился третий сын Дэвид Дуайт (Айк).

1892, январь — переехал с матерью и братьями к отцу, работавшему механиком на маслобойне в городе Абилин (штат Канзас).

1898, сентябрь — 1904 — учился в начальной и неполной средней школе.

1905, апрель — перенес заражение крови и едва не лишился ноги.

1909, май — окончил среднюю школу.

Июнь — начал работать на маслобойне подсобным рабочим.

1911, январь — сдал вступительные экзамены в Военную академию в Вест-Пойнте.

14 июня — зачислен в Военную академию.

1915, 12 июня — окончил академию со званием лейтенанта второго класса.

Сентябрь — 1918, февраль — служил в воинских частях в штатах Техас и Джорджия.

1916, 1 июля — женился на Мэри (Мейми) Дауд, получил звание лейтенанта первого класса.

1917, 15 мая — получил звание капитана.

24 сентября — рождение сына Дауда Дуайта (Айки).

1918, февраль — начал службу в танковом батальоне.

1919, 7 июля — 6 сентября — участвовал в первом трансконтинентальном мотопоходе в качестве наблюдателя от танкового корпуса.

1920, 2 июля — получил звание майора.

1921, 2 января — смерть сына от скарлатины.

1922, январь — 1924, сентябрь — служил офицером для особых поручений у генерала Ф. Коннера в зоне Панамского канала.

3 августа — рождение сына Джона.

1924, октябрь — 1925, август — служил в воинских частях в штатах Мэриленд и Колорадо.

1925, август — поступил в Высшее командно-штабное училище в форте Ливенворт.

1926, июнь — окончил училище лучшим из 245 слушателей.

Август — направлен для прохождения службы в 24-й пехотный полк в форт Беннинг.

1927, январь — август — в Вашингтоне составлял для комиссии по военным памятникам путеводитель по европейским памятным местам Первой мировой войны.

Август — поступил в Военный колледж армии США в Вашингтоне.

1928, июнь — окончил колледж.

Август — 1929, октябрь — в командировке во Франции занимался редактированием путеводителя по военным памятным местам.

1929, ноябрь — 1933, февраль — служил в отделе планирования мобилизации промышленности и живой силы штаба армии.

1930, декабрь — разработал новый план промышленной мобилизации на случай войны.

1933, февраль — 1935, сентябрь — служил помощником начальника штаба армии генерала Д. Макартура.

1935, октябрь — 1939, декабрь — служил на Филиппинах первым помощником военного советника филиппинского правительства Макартура.

1940, февраль — 1941, декабрь — служил в различных воинских соединениях командиром полка, начальником штаба дивизии, корпуса и армии.

1941, 11 марта — получил временное звание полковника.

29 сентября — получил временное звание бригадного генерала.

Декабрь — 1942, февраль — служил в отделе военного планирования Генерального штаба армии США заместителем начальника секции Филиппин и Дальнего Востока.

1942, февраль — апрель — возглавлял отдел военного планирования (с начала марта — оперативное управление Генерального штаба).

27 марта — получил временное звание генерал-майора.

Апрель — назначен помощником начальника Генерального штаба Д. Маршалла.

Май — являлся руководителем американской военной миссии в Великобритании.

11 июня — назначен командующим союзными войсками на европейском театре военных действий.

7 июля — получил временное звание генерал-лейтенанта.

14 августа — назначен командующим операцией «Торч» в Северной Африке.

Октябрь — назначен главнокомандующим союзными войсками в Северной Африке.

Ноябрь — руководил высадкой союзных войск в Алжире и Марокко.

1943, 10 февраля — стал полным (четырехзвездным) генералом.

Декабрь — назначен Верховным главнокомандующим союзными экспедиционными силами на западноевропейском театре военных действий.

1944, 6 июня — возглавил высадку союзников на северном побережье Франции.

20 декабря — получил звание генерала армии (пятизвездного генерала).

1945, 7 мая — присутствовал при подписании первого акта о безоговорочной капитуляции Германии в Реймсе.

Июль — назначен губернатором американской зоны оккупации Германии.

20 ноября — назначен начальником штаба армии Соединенных Штатов и председателем Объединенного комитета начальников штабов.

1948, 7 февраля — ушел в отставку.

7 июня — вступил в должность президента Колумбийского университета (Нью-Йорк).

1950, 15 декабря — назначен командующим войсками США в Европе и объединенными вооруженными силами стран НАТО.

1952, 31 мая — объявил об уходе с военной службы.

1 июня — возвратился в США.

4 июня — выступил по телевидению с объявлением о выдвижении своей кандидатуры на пост президента США.

11 июля — на съезде Республиканской партии в Чикаго выдвинут кандидатом в президенты.

2 августа — провозгласил доктрину освобождения порабощенных народов.

4 ноября — избран президентом США.

2–5 декабря — посетил Южную Корею.

1953, 20 января — вступил в должность президента США.

16 апреля — выступил с речью «Шанс для мира».

1954, 26 октября — первая телевизионная трансляция заседания кабинета министров под председательством президента.

1955, 18–23 июля — участвовал в Женевской конференции глав государств.

24 сентября — перенес инфаркт.

1956, 29 июня — подписал закон о федеральных скоростных

автомобильных дорогах.

1957, 20 января — второй раз вступил в должность президента США.

9 марта — подписал закон о праве президента использовать вооруженные силы США на Ближнем Востоке.

9 сентября — подписал закон о гражданских правах, защищавший право чернокожего населения участвовать в выборах.

24 сентября — направил федеральные воинские части в город Литл-Рок для пресечения антинегритянских выступлений и обеспечения десегрегации в школах.

25 ноября — перенес микроинсульт.

1958, 29 июля — подписал закон о создании Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА).

1959, 15–27 сентября — визит в США Н.С. Хрущева.

1960, 1 мая — полет американского разведывательного самолета над советской территорией.

16 мая — отказался принести извинения после инцидента со сбитым самолетом-шпионом, и встреча на высшем уровне в Париже была сорвана.

8 ноября — победа Джона Кеннеди на президентских выборах.

1961, 17января — выступил с прощальным обращением к нации.

20 января — передал президентские полномочия Кеннеди.

1969, 28марта — скончался в военном госпитале в Вашингтоне.

2 апреля — похоронен в Абилине на территории Библиотеки Эйзенхауэра.

БИБЛИОГРАФИЯ

Амброз С. Эйзенхауэр: Солдат и президент. М.: Книга, 1993.

Иванов Р.Ф. Генерал в Белом доме. М.: Вече, 2013.

Макдональд Ч. Тяжелое испытание: Американские вооруженные силы на Европейском театре во время Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1979.

Мирошников С.Н. Влияние смерти И.В. Сталина на выработку администрацией Д. Эйзенхауэра политики в отношении СССР и стран Восточной Европы (март — сентябрь 1953 г.) // Вестник ТГУ. 2009. № 324. История. С. 189–193.

Мирошников С.Н. Президентские выборы 1952 г. и позиция Республиканской партии по вопросам взаимоотношения США со странами Восточной Европы и СССР // Вестник ТГУ. 2011. №345. История. С. 78–83.

Мотылев В. В., Моттл В.Б. Программы президентов США: Дуайт Эйзенхауэр// Экономическая жизнь. 2012. № 3. С. 118–130.

Мунтян М.А. Ялтинско-Потсдамский международный порядок и судьбы послевоенного мира // 65 лет Великой Победы: В 6 т. Т. 5. М.: МГИМО, 2010. С. 172–196.

Рыхтик М.М. Некоторые особенности стратегии национальной безопасности США в годы республиканской администрации Дуайта Эйзенхауэра//Американский ежегодник. 2004. М.: Наука, 2004. С. 145–173.

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы: Середина XX века. М.: Наука, 2006.

Фурсенко А. А., Нафтали Т. Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М.: РОССПЭН, 2006.

Шенин С.Ю. Программа внешней помощи администрации Эйзенхауэра: Кадровые аспекты в стратегическом контексте // Американский ежегодник. 2004. М.: Наука, 2004. С. 174–199.

Adams Sh. Firsthand Report: The Story of the Eisenhower Administration. New York: Harper, 1961.

Alberston D. Eisenhower as President. New York: Hill and Wang, 1964.

Alton Lee R. Dwight D. Eisenhower: Soldier and Statesman. Chicago: Nelson-Hall, 1981.

Ambrose S. Eisenhower and Berlin, 1945: The Decision to Halt at the Elbe. New York: Norton, 1967.

Ambrose S. Eisenhower. Vol. 1. Soldier, General of the Army, President Elect. New York: Simon and Schuster, 1983; Vol. 2. The President. New York: Simon and Schuster, 1984.

Ambrose S. Ike's Spies: Eisenhower and the Espionage Establishment. New York: Doubleday, 1981.

Ambrose S. The Supreme Commander: The War Years of General Eisenhower. Garden City: Doubleday, 1970.

Archer J. Battlefield President Dwight D. Eisenhower. New York: Julian Messner, 1967.

Benson E. T. Cross Fire: The Eight Years with Eisenhower. Garden City: Doubleday, 1962.

Beschloss M. Mayday: Eisenhower, Khrushchev, and the U-2 Affair. New York: Harper and Row, 1986.

Bohlen Ch. Witness in History. 1929–1969. New York: Norton, 1973.

Boyle P. Eisenhower. London: Pearson, 2005.

Brandon D. Mamie Doud Eisenhower. New York: Charles Scribner's Sons, 1954.

Brendon P. Ike: His Life and Times. New York: Harper and Row, 1986.

Broadwater J. Eisenhower and the Anti-Communist Crusade. Chapell Hill: University of North Carolina Press, 1992.

Bryant A. The Turn of the Tide. New York: Doubleday, 1957.

Burk R. Dwight D. Eisenhower: Hero and Politician. Boston: Twayne Publishers, 1986.

Burk R. The Eisenhower Administration and Black Civil Rights. Knoxville: University of Tennessee Press, 1984.

Capitanchik D. The Eisenhower Presidency and American Foreign Policy. New York: Humanities, 1969.

Childs M. Eisenhower: Captive Hero. A Critical Study of the General and President. New York: Harcourt; Brace, 1958.

Clark D. Eisenhower in Command at Columbia. Lanham: Lexington Books, 2013.

Cook B. W. The Declassified Eisenhower: A Divided Legacy. Garden City: Doubleday, 1981.

Davis K. Soldier of Democracy: A Biography of Dwight D. Eisenhower. Garden City: Doubleday; Doran and C°, 1945.

Dear General: Eisenhower's Wartime Letters to Marshall. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.

Divine R. Blowing on the Wind: The Nuclear Test Ban Debate. 1954–1960. New York: Oxford University Press, 1978.

Divine R. The Sputnik Challenge. New York: Oxford University Press, 1993.

Eisenhower David. Eisenhower War. 1943–1945. New York: Random House, 1986.

Eisenhower D. At Ease: Stories I Tell to Friends. Garden City: Doublday, 1967.

Eisenhower D. Crusade in Europe. New York: Doubleday, 1948.

Eisenhower D. Mandate for Change. 1953–1956. Garden City: Doubleday, 1963.

Eisenhower David. Waging Peace. 1956–1961. Garden City: Doubleday, 1965.

Eisenhower J. Strictly Personal. Garden City: Doubleday, 1974.

Eisenhower M. The President is Calling. Garden City: Doubleday, 1974.

Eisenhower: The Prewar Diaries and Selected Papers (1905–1941). Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.

Fried R. Nightmare in Red: The McCarthy Era in Perspective. New York: Oxford University Press, 1990.

Greenstein F. The Hidden-Hand Presidency: Eisenhower as Leader. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994.

Guhin M. John Foster Dulles: A Statesman and His Times. New York: Columbia University Press, 1972.

Hatch A. Red Carpet for Mamie. New York: Henry Holt and C°, 1954.

Historical Materials in the Dwight D. Eisenhower Library. Abilene: Dwight D. Eisenhower Library, 1989.

Ike's Letters to a Friend, 1941–1958. Lawrence: University Press of Kansas, 1984.

Jablonsky D. War by Land, Sea, and Air: Dwight Eisenhower and the Concept of Unified Command. New Haven: Yale University Press, 2010.

Johnson G. Eisenhower: The Life and Times of a Great General, President, and Statesman. Derby: Monarch Books, 1962.

Johnson P. Eisenhower: A Life. New York: Viking, 2014.

John Foster Dulles and the Diplomacy of the Cold War. Princeton: Princeton University Press, 1990.

Killian J. Sputnik, Scientists, and Eisenhower: A Memoir of the First Special Assistant to the President of Science and Technology. Cambridge: MIT Press, 1977.

Kistiakovsky G.A Scientist at the White House: The Private Diary of President Eisenhower's Special Assistant for Science and Technology. Cambridge: Harvard University Press, 1976.

Korda M. Ike: An American Hero. New York: Harper, 2007.

Kornitzer B. The Great American Heritage: Story of the Five Eisenhower Brothers. New York: Farrar, Strause and Cudahy, 1955.

Letters to Mamie. Garden City: Doubleday, 1978.

Lyon P. Eisenhower: Portrait of the Hero. Boston: Little; Brown, 1974.

Macmillan H. Tides of Fortune. 1945–1955. New York: Harper and Row, 1969.

Macmillan H. Riding the Storm. 1956–1959. New York: Harper and Row, 1971.

Miller F. Eisenhower: Man and Soldier. Philadelphia: The John C Winston Company, 1944.

Morgan I. Eisenhower versus «the Splenders»: The Eisenhower Administration, the Democrats, and the Budget. 1953–1960. New York: St. Martin's Press, 1990.

Morin B. Dwight D. Eisenhower: A Gauge of Greatness, New York: Simon and Shuster, 1969.

Neal S. The Eisenhowers: Reluctant Dynasty. Garden City: Doubleday, 1978.

Newton J. Eisenhower: The White House Years. Garden City: Doubleday, 2011.

Nixon R. Memoirs. New York: Grossen and Dunlap, 1978.

Pach Ch., Richardson E. The Presidency of Dwight D. Eisenhower. Lawrance: University Press of Kansas, 1991.

Papers of Dwight David Eisenhower: In 21 Vol. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1970–2001.

Public Papers of the Presidents of the United States: Dwight D. Eisenhower: In 8 Vol. Washington: Government Printing Office, 1958–1961.

Pussey M. Eisenhower, the President. New York: Macmillan, 1956.

Rabe S. Eisenhower and Latin America. The Foreign Policy of Anticommunism. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988.

Rabe S. Eisenhower Revisionism: A Decade of Scholarship // Diplomatic History. 1993. № 1. P. 97–115.

Rose M. Interstate: Express Highway Politics. 1941–1956. Lawrence: Regents Press of Kansas, 1979.

Rostow W. W. Open Skies: Eisenhower's Proposeal of July 21, 1955. Austin: University of Texas Press, 1982.

Sixmith E. Eisenhower as Military Commander. New York: Stein and Day, 1983.

Soulmier R. Constructive Years: The US Economy under Eisenhower. Lanham: University Press of America, 1991.

The Basic Papers of George M. Humphrey Cleveland: Western Reserve Historical Society, 1965.

The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953–1955. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1990.

The Diary of James C. Hagerty: Eisenhower in Mid-Course. 1954–1955. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1983.

The Dwight Eisenhower Library, Abilene, Kansas. Washington: National Archives and Records Administration, 1985.

The Eisenhower Presidency: Eleven Intimate Perspectives of

Dwight D. Eisenhower. Lanham: University Press of America, 1984.

The Eisenhower Diaries. New York: Norton, 1981.

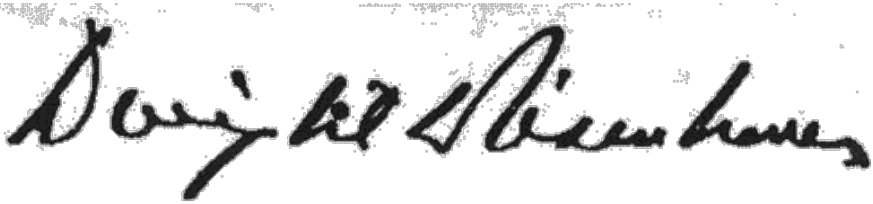
Wagner S. Eisenhower Republicanism: Pursuing the Middle Way. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006.

Whitfield S. The Culture of the Cold Wir. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991.

Ziparo J., Galambos L. An Annotated Bibliography of Selected Publications 1991–2010 on D. D. Eisenhower. Baltimore: Eisenhower Institute, 2011.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Свадебная фотография родителей Дуайта. 1885 г.

Дуайт с братьями Эдгаром, Эрлом, Роем, Артуром у первого дома Эйзенхауэров в Абилине. 1896 г.

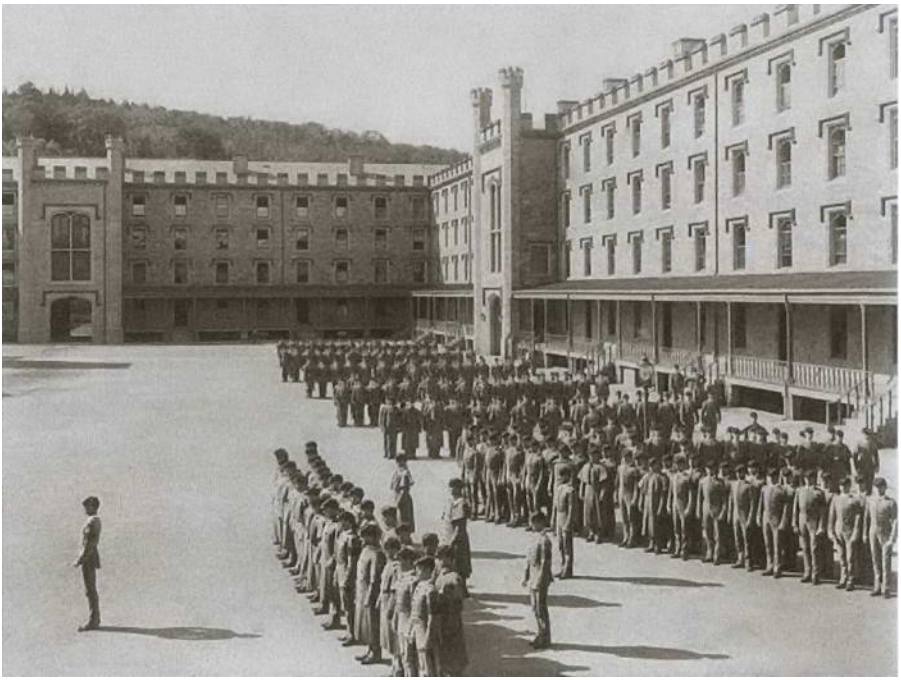

Большая семья Эйзенхауэров. Первый ряд: Дэвид, Милтон, Ида. Второй ряд: Дуайт,

Эдгар, Эрл, Артур, Рой. 1902 г.

Диплом Дуайта об окончании средней школы. 1909 г.

Построение кадетов Военной академии в Вест-Пойнте

Эйзенхауэр — спортивная гордость Вест-Пойнта. 1912 г.

Лейтенант первого класса Эйзенхауэр с женой Мейми. 1916 г.

Генерал Макартур и офицер связи Эйзенхауэр во время разгона марша ветеранов Первой мировой войны. Июль 1932 г.

Эйзенхауэр (в центре) за работой в Генеральном штабе армии США. Январь 1942 г.

Главнокомандующий союзными войсками в Сет Эйзенхауэр с французским генералом Анри Жиро в Тунисе. 20 мая 1943 г.

С президентом Рузвельтом во время полета на Тегеранскую конференцию. Декабрь 1943 г.

Британский премьер-министр Уинстон Черчилль в резиденции Эйзенхауэра. 25

декабря 1943 г.

Главнокомандующий экспедиционными силами Эйзенхауэр с участниками высадки в Нормандии. 6 июня 1944 г.

Генералы Эйзенхауэр и Маршалл инспектируют войска на французском побережье. 12 июня 1944 г.

После подписания первого акта о капитуляции Германии во французском Реймсе Эйзенхауэр в знак победы держит карандаши буквой «V». Крайний слева — советский генерал И.А. Суслопаров. 7 мая 1945 г.

Перед останками узников концлагеря Ордруф. 12 апреля 1945 г.

Кей Саммерсби была личным секретарем и водителем Эйзенхауэра в 1942–1945 годах

Дуайт и Кей в лондонском театре. 15 мая 1945 г.

На трибуне Мавзолея во время парада физкультурников. Слева направо: Г.К. Жуков, Д. Эйзенхауэр, И.В. Сталин, генерал армии А.И. Антонов, посол США У.А. Гарриман, М.И. Калинин. 12 августа 1945 г.

Победители фашистской Германии маршал Жуков и генерал Эйзенхауэр. 21 августа 1945 г.

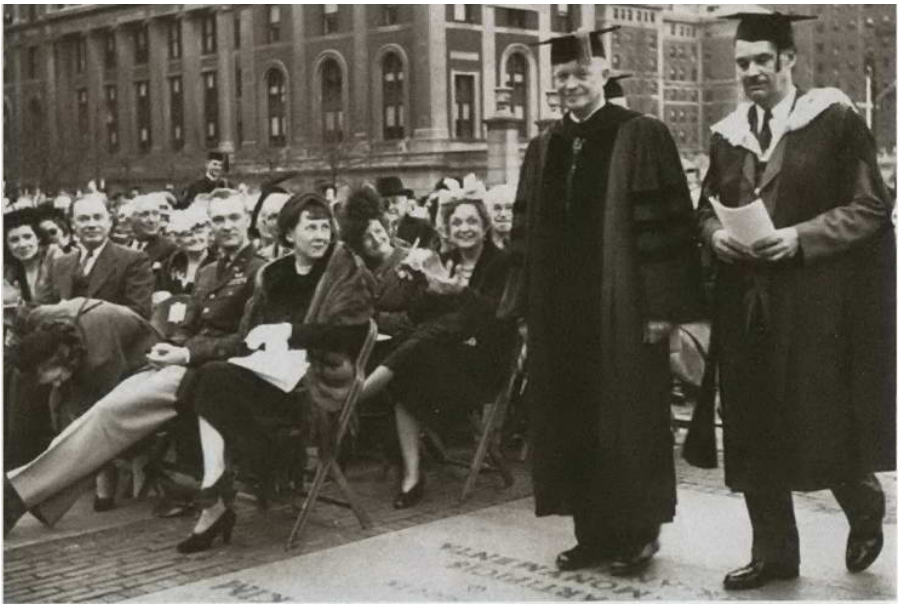

Шарль де Голль вручает Эйзенхауэру бронзовую медаль, а Георгий Жуков — орден «Победа». 1945 г.

Эйзенхауэр с сыном Джоном в шотландском замке Гулзеан, предоставленном в его пожизненное распоряжение за заслуги во Второй мировой войне. 2 октября 1946 г.

Церемония представления Эйзенхауэра в качестве президента Колумбийского университета. Сидят в первом ряду Мейми и Джон. 12 октября 1948 г.

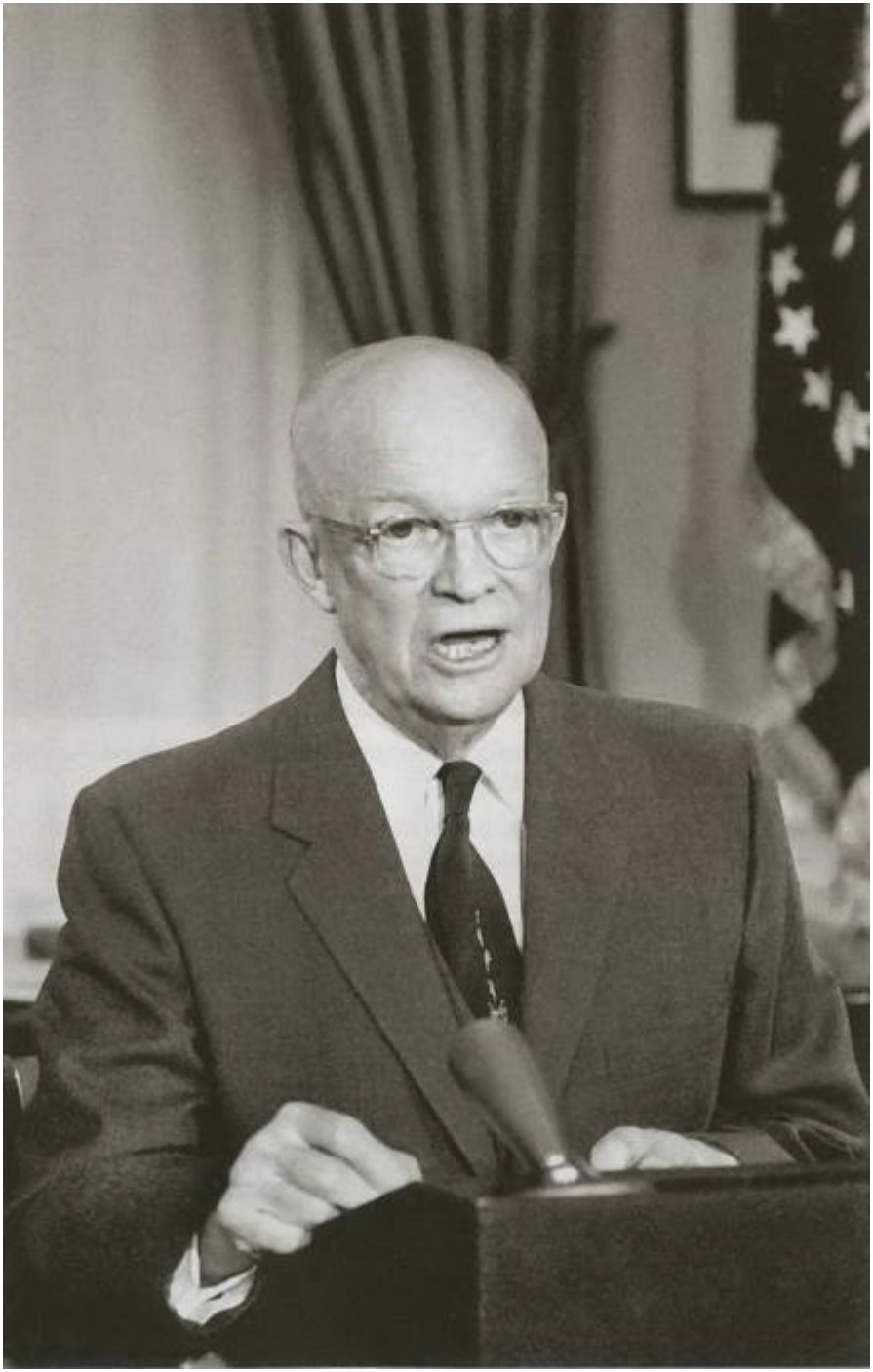
Командующий войсками НАТО инспектирует итальянскую воинскую часть. Апрель 1951 г.

Президентская избирательная кампания в Балтиморе. 1952 г.

Первая пресс-конференция президента Эйзенхауэра. 18 ноября 1952 г.

Президент выступает по телевидению. 21 февраля 1960 г.

Первая зарубежная поездка избранного президента — на фронт корейской войны. Декабрь 1952 г.

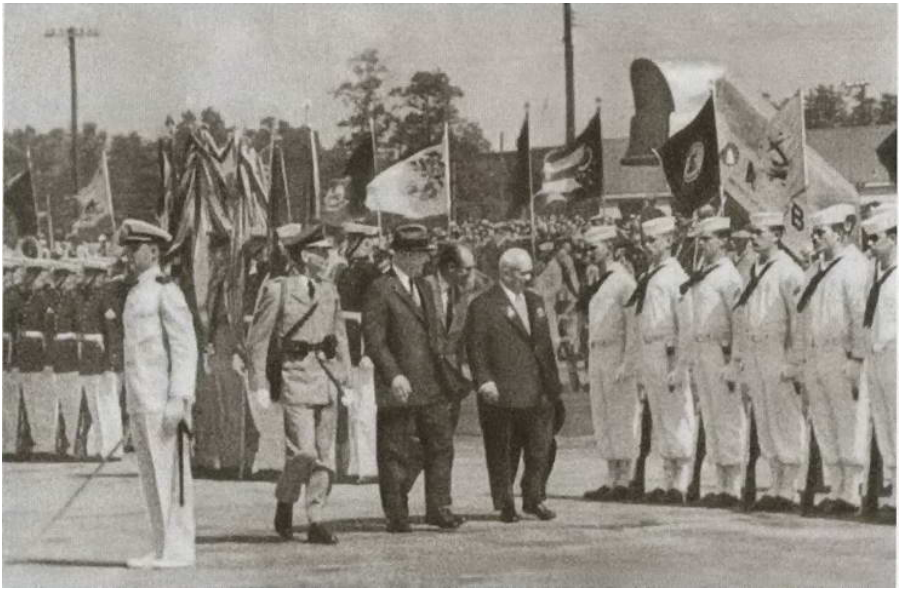
Инаугурация. Крайний справа — вице-президент Ричард Никсон. 20 января 1953 г.

Бал после инаугурации. 20 января 1953 г.

Заседание Совета национальной безопасности в Кэмп-Дэвиде. 1955 г.

Н.С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр обходят роту почетного караула в аэропорту «Эндрюс». 15 сентября 1959 г.

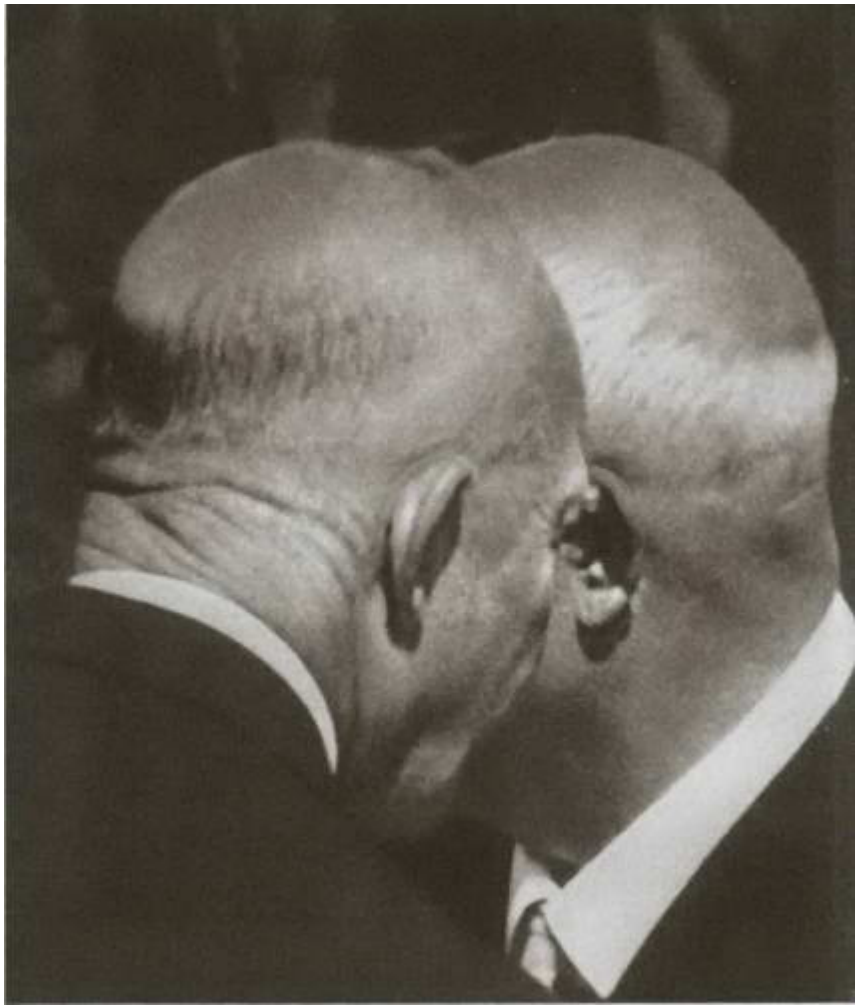

Хрущев и Эйзенхауэр с супругами. 16 сентября 1959 г.

Встреча руководителей СССР и США. Слева направо: Н.С. Хрущев, Д. Эйзенхауэр с

копией вымпела, доставленного на Луну советской космической ракетой, Р. Никсон. 16 сентября 1959 г.

Доверительный разговор. Советские шутники прозвали фото «задницей с ушами». Сентябрь 1959 г.

Выступление Эйзенхауэра на сессии Генеральной Ассамблеи ООН с речью «Атом для мира». 8 декабря 1953 г.

Испытания атомной бомбы на полигоне Дезерт-Рокк в штате Невада. 1957 г.

Директор Центра космических полетов НАСА Вернер фон Браун демонстрирует президенту ракету «Сатурн-1». 8 сентября 1960 г.

Президент приветствует собрание Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. 10 марта 1954

Солдаты сопровождают чернокожих детей в школу в Литл-Роке. 25 сентября 1957 г.

Обломки американского самолета-разведчика, сбитого над территорией СССР. Май 1960 г.

На сессии Верховного Совета СССР Н.С. Хрущев сообщает о сбитом самолете-

разведчике. Май 1960 г.

Гольф с друзьями в клубе «Аугуста». 1960 г.

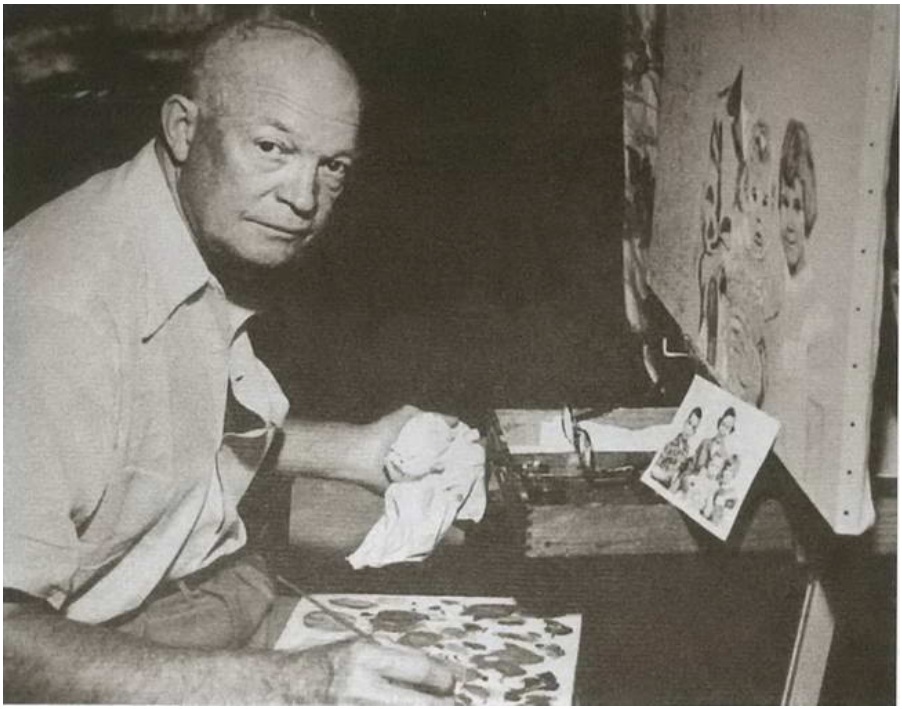
Последнее Рождество в Белом доме. Сидят: внуки Барбара Энн, Дэвид, Мэри Джин, Сьюзен. Стоят: сын Джем и. Мейми. Декабрь 1960 г.

С избранным президентом Джоном Кеннеди. 6 декабря 1960 г.

Поместье Эйзенхауэров в Геттисберге, штат Пенсильвания. Открытка с рисунком Дуайта Эйзенхауэра

Занятия живописью Эйзенхауэр начинал с копирования фотографий

Родной дом в Абилине

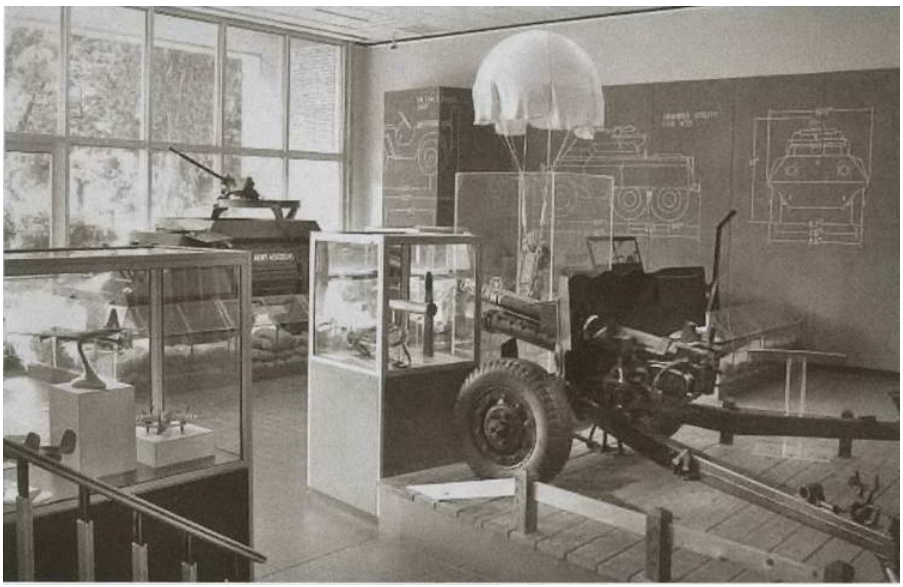
Портрет Уинстона Черчилля

Горный пейзаж

Траурная церемония. 31 марта 1969 г.

Один из залов Музея Эйзенхауэра в Абилине

«Место для размышлений» — часовня с могилами Дуайта и Мейми

Статуя Эйзенхауэра — часть мемориального комплекса на месте высадки союзных войск в Нормандии

notes

Примечания

1

Это прозвище (от *нем.* Eisen — железо и hauen — рубить) можно приблизительно перевести как «подсобный рабочий кузнеца». Некоторые авторы переводят словосочетание как «закованный в латы рыцарь» *(Morin B.* Dwight D. Eisenhower: A Gauge of Greatness. New York, 1969. P. 12), однако такое объяснение неоправданно как с лингвистической точки зрения, так с учетом весьма скромного социального положения носителей фамилии.

2

Акр примерно равен 0,4 гектара.

3

Он не был «одним из первых студентов», как полагал Р.Ф. Иванов (см.: *Иванов Р.Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. М., 1983. С. 11), ибо поступил в учебное заведение, когда оно существовало уже 18 лет.

4

По несколько странной практике временных званий, существовавшей в армии США, при назначении офицера на значительно более высокую должность ему присваивалось следующее звание, а по окончании миссии возвращалось старое Временное звание становилось постоянным после соответствующей выслуги лет или — крайне редко — в результате благоприятного случая

5

Строительство огромного пятиугольного здания для высшей военной администрации (Пентагона) в пригороде столицы было начато в сентябре 1941 года, а завершено в январе 1943-го.

6

Маршалл не назвал имен рекомендовавших. Может быть, хитроумный начальник Генерального штаба просто придумал это, чтобы подзадорить подчиненного.

7

GI — аббревиатура *government issue* — буквально «правительственная проблема», то есть человек, о котором заботится правительство; так по сей день в разговорной речи называют американских солдат.

8

Имелась в виду война в США между свободным Севером и рабовладельческим Югом (1861–1865).

9

День благодарения — государственный праздник США, отмечаемый в четвертые четверг и пятницу ноября, символизирующий благодарность Богу, семье, близким и друзьям за благожелательное отношение. Имеются данные, что впервые этот праздник был отмечен вскоре после начала освоения Американского континента британцами и выражал благодарность коренным жителям за помощь во время предыдущей голодной зимы, которую удалось пережить и затем собрать хороший урожай.

10

Канал (Английский канал) — британское название пролива Ла-Манш.

Это название сохранилось до сих пор, и экскурсоводы с удовольствием объясняют туристам его происхождение

12

Краут (Kraut — *нем.)* — кислая капуста, презрительное наименование немцев, подобное русскому «фриц»

13

Суслопаров был немедленно отозван в Москву, где некоторое время оставался без назначения и ожидал ареста. Высочайший гнев был, однако, сменен на частичное помилование: генерал получил скромную должность начальника курса в Военно-дипломатической академии. На упоминания о реймсской капитуляции в СССР был наложен запрет, который был нарушен лишь с публикацией двенадцатитомной «Истории Второй мировой войны», в десятом томе которой «Завершение разгрома фашистской Германии» (М., 1979) упоминалось о подписании «предварительного» акта о капитуляции в Реймсе.

В настоящее время эта школа, преобразованная в педагогический колледж, входит в состав Колумбийского университета.

15

Название «тёрнпайк» (*turnpike,* от *turn* — повернуть, *pike* — пика, копье) напоминает о древних временах, когда дороги охраняли стражники, преграждавшие путникам проход пиками; после внесения платы пики отворачивали в сторону, давая возможность продолжить движение.

В российской терминологии — Ближний Восток.

17

На военной базе в форте Нокс (штат Кентукки) хранится часть золотого запаса США (основная часть находится в Федеральном резервном банке в Вашингтоне).

18

Функционировавший с 1937 года на северо-востоке Германии полигон Пенемюнде — ракетный центр, где была создана первая в мире баллистическая ракета «Фау-2», конструктором которой являлся Вернер фон Браун. Во время оккупации Германии Браун оказался у американцев и стал ведущим ученым США в области ракетостроения.

19

Эта адресованная западным послам фраза, неточно переданная журналистами, была произнесена на приеме в польском посольстве в Москве 18 ноября 1956 года: «Нравится вам или нет, но история на нашей стороне. Мы вас похороним», — имея в виду, что социализм как более эффективный строй переживет капитализм.

20

В американском официальном сообщении, появившемся через несколько дней после того как самолет был сбит, говорилось о потерянном метеорологическом самолете, вылетевшем с аэродрома в Турции.

21

Политический обозреватель «Правды» В. Маевский рассказывал, что летом 1964 года после просмотра на даче французского фильма «Кто вы, доктор Зорге?» Хрущев задумчиво произнес: «А разумно ли мы поступаем, что открещиваемся от такого выдающегося разведчика?» (Российская газета. 2007. 13 июля).

Так, по названию округа Дикси в штате Флорида, известного преследованиями черного населения до Гражданской войны, в США именовали членов Демократической партии из южных штатов, сторонников расовой сегрегации.

23

В следующие годы Джон Эйзенхауэр, ставший популярным военным писателем и исследователем, опубликовал рад ценных трудов, в том числе «Allies, Pearl Harbor to D-Day» (1982), «So Far from God: The U. S. War with Mexico. 1846–1848» (1989), «Intervention! The United States Involvement in the Mexican Revolution. 1913–1917» (1993), «Yanks: The Epic Story of the American Army in World War I» (2001); «Soldiers and Statesmen: Reflection on Leadership» (2012).

comments

Ссылки

1

См.: *Чернявский Г.* Франклин Рузвельт. М., 2012; *Дубова Л., Чернявский Г.* Клан Кеннеди. М., 2014; *Чернявский Г., Дубова Л.* Милюков. М., 2015.

2

См.: *Davis K.* Soldier of Democracy: A Biography of Dwight D. Eisenhower. Garden City, 1945.

3

См.: *Ambrose S.* Eisenhower: In 2 vol. Vol. 1. New York, 1983. P. 238.

Ibid. P. 375.

См.: *Cook B. W.* The Declassified Eisenhower: A Divided Legacy. Garden City, 1981.

См.: *Childs M.* Eisenhower: Captive Hero. A Critical Study of the General and President. New York, 1958; *Ambrose S.* Eisenhower and Berlin, 1945: The Decision to Halt at the Elbe. New York, 1967; *Idem.* The Supreme Commander: The War Years of General Eisenhower. Garden City, 1970; *Lyon P.* Eisenhower: Portrait of the Hero. Boston, 1974; *Sixmith E.* Eisenhower as Military Commander. New York, 1983; *Eisenhower David.* Eisenhower War. 1943–1945. New York, 1986; *Korda M.* Ike: An American Hero.ˆew York, 2007; *Jablonsky D.* War by Land, Sea, and Air: Dwight Eisenhower and the Concept of Unified Command. New Haven, 2010 etc.

7

См.: *Pussey M.* Eisenhower, the President. New York, 1956; *Alberston D.* Eisenhower as President. New York, 1964; *Capitanchik D.* The Eisenhower Presidency and American Foreign Policy. New York, 1969 etc.

8

См.: *Pach Ch., Richardson E.* The Presidency of Dwight D. Eisenhower. Lawrance, 1991; *Boyle P.* Eisenhower. New York, 2005; *Wagner S.* Eisenhower Republicanism: Pursuing the Middle Way. DeKalb, 2006; *Johnson P.* Eisenhower: A Life. New York, 2014 etc.

9

См.: *Clark D.* Eisenhower in Command at Columbia. Lanham, 2013.

См.: *MalsbergerJ.* The General and the Politician. Lanham, 2014.

11

См.: *Greenstein F.* The Hidden-Hand Presidency: Eisenhower as Leader. Baltimore, 1994.

12

См.: *Ambrose S.* Eisenhower: In 2 vol. New York, 1983–1984.

13

См.: *Idem.* Eisenhower: Soldier and President. New York, 1990; *Амброз С.* Эйзенхауэр: Солдат и президент. М., 1993.

См.: *Ziparo J., Galambos L.* An Annotated Bibliography of Selected Publications 1991–2010 on D. D. Eisenhower. Baltimore, 2011.

15

См.: *Иванов Р.Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. М., 1983; *Он же.* Дуайт Эйзенхауэр: Человек, политик, полководец. М., 1998; *Он же.* Генерал в Белом доме. Смоленск, 2000; *Он же.* Генерал в Белом доме. М., 2013.

16

См.: *Рыхтик М.М.* Некоторые особенности стратегии национальной безопасности США в годы республиканской администрации Дуайта Эйзенхауэра // Американский ежегодник. 2004. М., 2004. С. 145–173; *Шенин С.Ю.* Программа внешней помощи администрации Эйзенхауэра: кадровые аспекты в стратегическом контексте // Там же. С. 174–199; *Мотылев В. В., Моттл В.Б.* Программы президентов США: Дуайт Эйзенхауэр // Экономическая жизнь. 2012. № 3. С. 118–130; *Мирошников С.И.* Влияние смерти И.В. Сталина на выработку администрацией Д. Эйзенхауэра политики в отношении СССР и стран Восточной Европы (мартсентябрь 1953 г.) // Вестник ТГУ. История. № 324. Томск, 2009. С. 189–193 и др.

17

См.: *Фурсенко А.А.* Россия и международные кризисы: середина XX века. М., 2006; *Фурсенко А. А., Нафтали Т.* Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М., 2006.

18

См.: Dwight Eisenhower Library (далее — EL). Milton Eisenhower Papers. Box 14. Dwight Eisenhower to Milton Eisenhower. 1939. Sept. 30.

19

См.: Public Papers of Presidents of the United States: Papers of Dwight David Eisenhower, 1953–1961 (далее — Public Papers of Eisenhower): In 8 vol. Washington, 1958–1961.

См.: Ibid. Vol. l. P.V

21

См.: Papers of Dwight David Eisenhower (далее — Papers of Eisenhower): In 21 vol. Baltimore, 1970–2001.

См.: Eisenhower: The Prewar Diaries and Selected Papers (1905–1941). Baltimore, 1998; Dear General: Eisenhower's Wartime Letters to Marshall. Baltimore, 1999; The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953–1955. Chapel Hill, 1990; Ike's Letters to a Friend, 1941–1958. Lawrence, 1984; *Eisenhower D.* Letters to Mamie. Garden City, 1978; The Eisenhower Diaries. New York, 1981 etc.

23

См.: A Guide to the Microfilm Edition of the Diaries of Dwight D. Eisenhower. 1953–1961. Frederick, 1986.

24

См.: *Eisenhower D.* Crusade in Europe. New York, 1948. Имеется несколько переводов этой книги на русский язык. Нами было использовано издание: *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Смоленск, 2000.

25

См.: *Eisenhower D.* Mandate for Change. 1953–1956. Garden City, 1963; *Idem.* Waging Peace. 1956–1961. Garden City, 1965; *Idem.* At Ease: Stories I Tell to Friends. Garden City, 1967.

См.: *Paren L.* Official Guide to Texas State Parks and Historic Sites. Austin, 2008. P. 49.

См.: http://www.whale.to/b/eisenhowerl.html.

См.: http://www.geni.com/people/Dwight-D-Eisenhower-34th-Presidentof-the USA/6000000003055068438.

См.: *Eisenhower D.* Waging Peace. P. 7.

30

См.: *Miller F.* Eisenhower: Man and Soldier. Philadelphia, 1944. P. 198.

31

См.: *Швечников А.И.* Рай земной: новая сказка: Об идеологической и социально-политической доктрине иеговизма. СПб., 1997.

См.: *Davis K* Op. cit. P. 28.

См.: The Lanite: Lane College Year Book, 1946.

См.: I Chose My Way//Time. 1946. Sept. 23.

См.: Davis K. Op. cit. P. 35.

36

Цит. по: *Archer J.* Battlefield President Dwight D. Eisenhower. New York, 1967. P. 12.

37

Цит. по: *Kornitzer B.* The Great American Heritage: Story of the Five Eisenhower Brothers. New York, 1955. P. 26.

Цит. по: Ibid. P. 26–27.

39

См.: *Ambrose S.* Ike: Abeline to Berlin. New York, 1973. P. 24.

Цит. по: *Idem.* Eisenhower. Vol. 1. New York, 1983. P. 21.

См.: *Davis K* Op. cit. P. 67–68.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 35.

Цит. по: *Kornitzer B.* Op. cit. P. 24.

Цит. по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 30.

См.: Ibid. P. 19.

См.: *Kornitzer B.* Op. cit. P. 23.

47

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 20.

Eisenhower D. At Ease. P. 51, 52.

49

См.: EL. Pre-Presidential Papers (далее — PPP). Box 124. Dwight Eisenhower to P. Williams. 1947. Oct. 30.

Eisenhower D. At Ease. P. 33.

Ibid. P. 95.

См.: Ibid. P. 39.

См.: *Davis K.* Op. cit. P. 83.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 40.

55

New York Public Library. Manuscript and Archive Division (далее — NYPL. MAD). D. Eisenhower and M. Eisenhower Correspondence. Letter to C Clemense. 1942. Sept. 29.

См.: *Davis K.* Op. cit. P. 85.

См.: U. S. News and World Report. 1955. July 1.

Цит. по: *Miller F.* Op. cit. P. 80.

Цит. по: *Archer J.* Op. cit. P. 17.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 90, 91, 97; *Kornitzer B.* Op. cit. P. 43, 44.

Johnson G. Eisenhower: The Life and Times of a Great General, President, and Statesman. Derby, 1962. P. 21.

Подлинник хранится в архиве Исторического общества штата Канзас.

63

См.: *Neal S.* The Eisenhowers: Reluctant Dynasty. Garden City, 1978. P. 21.

Ambrose S. Eisenhower. Vol. 1. P. 41.

Idem. Duty, Honor, Country: A History of West-Point. Baltimore, 1999. P. 250, 251.

Eisenhower D. At Ease. P. 18.

См.: Ibid. P. 19,20.

Ambrose S. Eisenhower. Vol. 1. P. 46.

Eisenhower D. At Ease. P. 17.

См.: Ibid. P. 12.

71

Цит. по: *Neal S.* Op. cit. P. 25.

См.: *Lyon P.* Op. cit. P. 45.

См.: *Davis K.* Op. cit. P. 140.

Eisenhower D. At Ease. P. 16.

Цит. по: Ibid. P. 26.

Клаузевиц К. О войне. М., 2007. С. 160.

77

См.: EL. Lucier, Ruby Norman Papers, 1913–1967. Box 1. Correspondence from Dwight D. Eisenhower, 1913–1967.

См.: EL. Brooks Gladys Harding Papers. Box 1. Diary.

Ibid. Early Letters from D[wight] D[avid] E[isenhower]. 1914–1915.

80

См.: Ibid. Letters from D. D. Eisenhower. 1943. June 9; 1944. June 12, Sept. 2, Oct. 10; 1948. Jan. 29; 1956. Nov. 1.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 119, 120.

См.: Ibid. P. 129.

Ibid. P. 113.

См.: *Hatch A.* Red Carpet for Maimie. New York, 1954. P. 69, 70.

85

См.: Ibid. P. 83.

См.: *Brandon D.* Mamie Doud Eisenhower. New York, 1954. P. 72.

См.: *Hatch A.* Op. cit. P. 114.

88

EL. Military Documents. Lieutenant's Ed. Thaler letter to his mother. 1918. Jan.

89

См.: *Фуллер Д.* Танки в Великой войне 1914–1918 гг. М., 1923. С. 108; *Борхерт М.* Применение танков в сражении под Камбре. М., 1931. С. 37–39.

Цит. по: *Davis K.* Op. cit. P. 177, 178.

91

Цит. по: *Miller F.* Op. cit. P. 172. См. также: *Eisenhower D.* At Ease. P. 147.

92

EL. PPP. Box 94. Randolph to Eisenhower. 1945. June 20.

93

Code of Federal Regulations. Title 32. National Defense Volume. Section 578.11. Distinguished Service Medal.

Ambrose S. Eisenhower. Vol. 1. P. 65.

95

См.: *Weigley R.* History of the United States Army. New York, 1967. P. 403.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 157–167.

См.: *Lyon P.* Op. cit. P. 48.

Eisenhower D. At Ease. P. 173.

См.: Cullum's Register of Graduates of the USMA. Vol. 6 a. P. 833; Vol. 7. P. 463.

См.: *Davis K.* Op. cit. P. 188.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 178, 179.

См.: http://www.doctor-nikolskiy.ru/2013/09/skvoz-veka.

103

Eisenhower D. At Ease. P. 181.

Цит. по: *NealS.* Op. cit. P. 64, 65.

105

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 182.

См.: Ibid. P. 187–195.

107

Цит. по: *Brandon D.* Op. cit. P. 134.

108

EL. PPP Box 65. Papers of F. Konner. Konner's reports.

109

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 200.

Ibid. P. 201.

Ambrose S. Eisenhower. Vol. 1. P. 80.

112

EL. PPP. Box 69. Patton to Eisenhower. 1926. July 9.

113

См.: *Davis K.* Op. cit. P. 205.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 204.

115

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 82–83.

См.: Ibid. P. 83.

117

См.: *Davis K.* Op. cit. P. 225.

См.: *Brandon D.* Op. cit. P. 167.

119

Eisenhower: The Prewar Diaries and Selected Papers. P. 216. 1932. Febr. 28.

См.: *Eisenhower J.* Strictly Personal. Garden City, 1974. P. 8–10.

121

См.: *James D.* Years of MacArthur. Boston, 1970. Vol. 1. P. 462.

См.: *Eisenhower D.* War Policies // Cavalry Journal. 1931. Nov./ Dec. P. 29.

123

EL. PPP. Box 74. MacArthur to Eisenhower. 1932. Oct. 12.

124

Ibid. Efficiency Reports File (1931–1935). RG 407. MacArthur's Efficiency Reports. 1931. Nov. 4.

125

См.: *Lyon R* Op. cit. P. 69.

Eisenhower D. At Ease. P. 215, 216.

127

Цит. по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 97.

MacArthur D. Reminiscences. New York, 1964. P. 93.

129

См.: *James D.* Op. cit. Vol. 1. P. 394, 395.

Ambrose S. Eisenhower. Vol. 1. P. 98.

131

Цит. по: Ibid. P. 99.

См.: http://kprf.ru/international/50493.html.

133

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 99.

См.: *Weigley R.* Op. cit. P. 414.

См.: *Davis K.* Op. cit. P. 242.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 320, 321.

137

EL. PPP. Box 74. MacArthur to Eisenhower. 1935. Sept. 30.

138

Цит. по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 192.

139

Eisenhower: The Prewar Diaries and Selected Papers. P. 284. 1935. Dec. 27.

Цит. по: *Lyon P.* Op. cit. P. 78.

141

См.: *James D.* Op. cit. Vol. 1. P. 505, 506.

См.: *Brandon D.* Op. cit. P. 178–180.

См.: *Eisenhower J.* Op. cit. P. 18–20.

144

Eisenhower: The Prewar Diaries and Selected Papers. P. 342, 343. 1937. July 9.

145

Цит. по: *James D.* Op. cit. Vol. 1. P. 509.

146

См.: Краткая еврейская энциклопедия: В 11 т. Т. 9. Иерусалим, 1999. Стб. 85.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 229, 230.

Цит по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 114.

149

EL. Milton Eisenhower Papers. D. Eisenhower to M. Eisenhower. 1939. Sept. 3.

Eisenhower D. At Ease. P. 231.

Ambrose S. Eisenhower. Vol. 1. P. 119.

152

EL. PPP. Box 46. D. Eisenhower to L. Gerow 1940. Aug. 23.

Eisenhower D. At Ease. P. 383, 384.

См.: EL. PPP. Box 46. Eisenhower to Gerow. 1940. Aug. 23.

См.: *Дубова Л., Чернявский Г.* Указ. соч. С. 117–166.

156

EL. PPP Box 53. Eisenhower to Hughes. 1940. Nov. 26.

157

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 123.

158

EL. PPP. Box 91. Eisenhower to Patton. 1940. Sept. 17.

159

Цит. по: *Davis K.* Op. cit. P. 263.

160

См.: *Brandon D.* Op. cit. P. 206; *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 127.

161

См.: *Чернявский Г.* Указ. соч. С. 372.

162

EL. PPP. Box 44. Eisenhower to Gerow. 1940. Aug. 5.

См.: *Davis K.* Op. cit. P. 272.

Цит по: *Чернявский Г.* Указ. соч. С. 389.

165

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 131.

Papers of Eisenhower. Vol. 1. Baltimore, 1970. P. 9.

Ambroses. Eisenhower. Vol. 1. P. 135.

См.: *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 44.

169

EL. PPP Eisenhower Diary Series (далее — EDS). Box 1. 1942. Oct. 5.

Цит по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 136.

171

EL. PPP. EDS. Box 1. 1942. Jan. 13.

См.: *Hunt F.* MacArthur and the War against Japan. New York, 1944.

173

EL. PPP. Box 80. Eisenhower to Marshall. 1944. Sept. 25.

McKeogh M., Lockridge R. Sergeant Mickey and General Ike. New York, 1946. P. 21.

175

EL. PPP. EDS. Box 1. 1942. March 10, 12.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 248, 249.

177

См.: EL. PPP. EDS. Box 1. 1942. March 21.

Ibid. March 30.

Ambrose S. Eisenhower. Vol. 1. P. 144.

См.: *Truscott L. K.* Command Missions. New York, 1954. P. 21, 22.

181

См.: *Buell T.* Master of Sea Power: A Biography of Fleet Admiral Ernest J. King. Boston, 1980.

182

EL. PPP. EDS. Box 1. 1942. Febr. 23.

183

См.: *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 43.

184

EL. PPP. EDS. Box l. 1942. Jan. 5.

185

См.: *Бережков В.* Страницы дипломатической истории. М., 1987.

186

EL. PPP. EDS. Box l. 1942. Jan 22.

Ibid. Jan. 17, 27.

Ibid. Febr. 19.

189

Ibid. Operations. Plans of Operations in 1942–1943. 1942. March 27.

190

EL. PPP. EDS. Box 1. 1942. March 20.

Ibid. May 6.

См.: *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 65.

193

EL. PPP. EDS. Box l. 1942. May 27.

См.: *Bryant A.* The Turn of the Tide. New York, 1957. P. 285.

195

См.: *Ambrose S.* The Supreme Commander. P. 45.

196

Цит по: *Pogue F.* The Genesis of the Supreme Command: Personal Impressions of Eisenhower the General // Baton Rouge, 1995. P. 338–340.

Цит. по: *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 64.

Цит по: Там же. с. 66.

См.: *Brandon D.* Op. cit. P. 216, 217.

Ambrose S. Eisenhower. Vol. 1. P. 172.

201

Цит. по: *Davis K.* Op. cit. P. 317, 322.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 175.

См.: *McKeogh M., Lockridge R.* Op. cit. P. 30.

См.: EL. PPP. Box 152. Eisenhower's Order. 1942. July 19.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 177.

См.: EL. PPP. EDS. Box 1. 1942. July 7.

См.: Ibid. July 5.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 179.

209

См.: *Churchill W.* The Second World War: In 6 vol. Vol. 2. Boston, 1948. P. 233, 234.

210

EL. PPP. Box 148. Eisenhowers Memorandums. 1942. July 19.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 252.

См.: *Pogue F.* Op. cit. P. 348.

213

EL. PPP. Box 80. Eisenhower to Marshall. 1942. Aug. 17.

См.: http://blog.nationalarchives.gov.uk/blog/winston-was-complaining-of-aslight-headache.

215

Цит. по: *Молчанов Н. И.* Генерал де Голль. М., 1980. С. 177, 203.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. *186.*

217

См.: *Ismay H.* The Memoits of General Lord Ismay. New York, 1960. P. 258, 263.

218

EL. PPP. Box 45. Eisenhower to Gailey. 1942. Sept. 19.

219

EL. Eisenhower Mamie Doud Papers. Supreme Headquarters Allied Powers Europe Series. Box 1. Dwight Eisenhower to Mamie Eisenhower. 1942. Oct. 27.

См.: Boyle P. Op. cit. P. 9.

221

Life. 1942. Nov. 9.

222

EL. PPP. Box 89. Eisenhower to Patton. 1942. Aug. 31.

223

Ibid. EDS. Box 1. 1942. Sept. 15.

См.: *Ambrose S.* The Supreme Commander. P. 105.

225

См.: *Melton G.* Darlan: Admiral and Statesman of France 1881–1942. Westport, 1998.

The New York Times. 1942. Nov. 8.

227

EL. H. Butcher's papers. Box 6. Harry Butcher's Diary (далее — BD). 1942. Nov. 9.

EL. PPP. Box 103. Eisenhower to Smith. 1942. Nov. 13.

229

См.: *Blumenson M.* Eisenhower. New York, 1972. P. 29.

Цит. по: *Davis K.* Op. cit. P. 380.

231

См.: *Чернявский Г.* Фашизм: Научная категория или политическое ругательство? // *Чернявский Г.* Притчи о Правде и Лжи: Политические драмы двадцатого века. Харьков, 2003. С. 158–167.

232

EL. PPP. Box 173. Dwight Eisenhower to John Eisenhower. 1943. Apr. 8.

Эйзенхауэр Д. Указ. соч. С. 165.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 210.

См.: *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 152, 153.

236

EL. PPP EDS. Box 1. 1942. Dec. 10.

Эйзенхауэр Д. Указ. соч. С. 174, 175.

См.: *Eisenhower D.* Letters to Mamie. P. 88.

239

Цит. по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 218.

Цит. по: *Bryant A,* Op. cit. P. 454–455.

241

Цит. по: *Ambrose S.* The Supreme Commander. P. 157.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 260.

Idem. Letters to Mamie. P. 97.

D. Eisenhower to Hartle. 1943. Jan. 15 // Papers of David Eisenhower. Vbl. 2. Baltimore, 1970. P. 904, 905.

245

EL. PPP. Box 80. Eisenhower to Marshall. 1943. Jan. 15.

Цит. по: *Blumenson M.* Kassarine Pass. Boston, 1967. P. 306.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 232.

Cm: *Tedder A.* With Prejudice. London, 1966. P. 410.

249

Цит. по: EL. BD. 1943. Apr. 25.

250

EL. PPP. Box 80. Eisenhower to Marshall. 1943. May 13.

251

Macmillan H. The Blast of War 1939–1945. New York, 1968. P. 204,205.

EL. PPP. Box 80. Eisenhower to Marshall. 1943. July 9.

См.: *Baldwin H.* Battles Lost and Win: Great Campaigns of World War II. New York, 1966. P. 461–480.

Eisenhower D. Letters to Mamie. P. 155.

255

См.: *Blumenson M.* Patton: The Man Behind the Legend. New York, 1985. P. 329–338; *AxelrodA.* Patton: A Biography. London, 2006. P. 117, 118.

См.: *Вейн А. М., Вознесенская Т.Г.* и др. Депрессия в неврологической практике. М., 2007.

257

Цит. по: *Irving D.* The War between the Generals. New York, 1981. P. 46,47.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 246.

См.: *Summersby K.* Past Forgetting: My Love Affair with Dwight D. Eisenhower. New York, 1976.

См.: *Eisenhower D.* Letters to Mamie. P. 150.

Macmillan H. Op. cit. P. 305.

262

EL. PPP. Box 17. Eisenhower to the Combined Chiefs of Stuff (далее — CCS). 1943. Aug. 4.

Ibid. CCS to Eisenhower. 1943. Aug. 18.

Macmillan H. Op. cit. P. 308.

265

EL. PPP. Box 9. Eisenhower to Badoglio. 1943. Sept. 8.

См.: *Summersby K.* Eisenhower was My Boss. New York, 1948. P. 114.

267

EL. PPP. Box 84. Eisenhower to Mosley. 1943. Oct. 7.

См.: *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 230, 231.

269

Цит по: *Eisenhower D.* At Ease. P. 266.

См.: Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов. М., 1971. С. 53, 83, 84.

271

См., например: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 271.

272

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 44.

См.: *Роуз Н.* Черчилль: Бурная жизнь. М., 2008. С. 360.

Цит. по: Там же. С. 370.

275

EL. PPP. Box 85. Eisenhower to Nielsen. 1943. Dec. 6.

Цит. по: *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 243.

277

EL. PPP. Box 80. Marshall to Eisenhower. 1943. Dec. 29.

См.: *Brandon D.* Op. cit. P. 221.

См.: EL. PPP. Box 103. Eisenhower to Smith. 1943. Jan. 5.

280

См.: *Summersby K.* Past Forgetting. P. 199; *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. I. P. 278.

См.: *Davis K.* Op. cit. P. 456, 457.

См.: *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 257, 258.

283

См.: *Ambrose S.* The Supreme Commander. P. 387–391.

Цит. по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 280.

Эйзенхауэр Д. Указ. соч. С. 247.

См.: *Eisenhower D.* Letters to Mamie. P. 170.

Summersby K. Past Forgetting. P. 194.

Eisenhower D. Letters to Mamie. P. 179.

289

EL. PPP. Box 17. Eisenhower to JCF. 1944. Jan. 23.

Ibid. Box 80. Marshall to Eisenhower. 1944. Febr. 7; Eisenhower to Marshall. 1944. Febr. 8.

291

См., например: *Секистов В.А.* Война и политика: Военно-политический очерк военных действий в Западной Европе и бассейне Средиземного моря. 1939–1945. М., 1970. С. 231–316.

См.: The Rommel Papers. New York, 1953. P. 510; *Willmott H.R.* June, 1944. Poole, 1984. P. 89.

293

См.: EL. PPP. EDS. Box 1. 1944. March 22.

См.: *Tedder A.* Op. cit. P. 524.

295

См.: *Harrison G.* Cross-Channel Attack. Washington, 1951. P. 224–230.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 290.

См.: *Idem.* Ike's Spies: Eisenhower and the Espionage Establishment. Garden City, 1981. P. 75–95.

См.: *Pogue F.* Op. cit. P. 162, 163.

299

EL. PPP. Box 80. Eisenhower to Marshall. 1944. May 21.

См.: *Eisenhower D.* Letters to Mamie. P. 172–176.

Ambrose S. Eisenhower. Vol. 1. P. 294.

302

См.: EL. BD. 1944. May 15.

303

De Gaulle Ch. The War Memoir. Vol. 2. New York, 1959. P. 255, 256.

Цит. по: *Harrison G.* Op. cit. P. 274.

EL. PPP. Orders of the Day. 1944. June 6.

Ibid. BD. 1944. June 6.

Эйзенхауэр Д. Указ. соч. С. 292.

Цит по: *Ambrose S.* The Supreme Commander. P. 424.

См.: *NealS.* Op. cit. P. 184.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 288.

Цит. по: *Eisenhower J.* Op. cit. P. 72.

См.: The New York Times. 1944. July 6.

См.: *Eisenhower D.* Letters to Mamie. P. 195, 196.

EL. PPP. Orders of the Day. 1944. Aug. 14.

315

См.: *Butcher H.* My Three Years with Eisenhower. New York, 1946. P. 644–646.

См.: *Ambrose S.* The Supreme Commander. P. 458.

317

EL. PPP. Box 80. Eisenhower to Marshall. 1944. Aug. 17.

Ibid. Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force Diary. 1944. Aug. 29.

319

См.: *Bradley O.* A Soldier's Story. New York, 1951. P. 394, 395.

320

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. Т. 2. М., 1958. С. 116.

321

Цит. по: *Pogue F.* Op. cit. P. 245.

См.: *Ambrose S.* The Supreme Commander. P. 458.

323

См.: EL. PPP. Box 83. Eisenhower to Montgomery. 1944. Oct. 9, 13.

Summersby K. Past Forgetting. P. 239, 240.

325

Цит по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 356.

326

EL. PPP. Box 37. Eisenhower to Early. 1944. Nov. 26.

327

EL. C.H. Hodges Papers. Box 7. Eisenhower to American Commanders. 1944. Nov. 6.

Eisenhower D. Letters to Mamie. P. 213, 214.

См.: The New York Times. 2008. Sept. 27.

Eisenhower D. Letters to Mamie. P. 216.

См.: *Summersby K.* Past Forgetting. P. 242.

332

EL. PPP. Box 104. Eisenhower to Somervell. 1944. Dec. 17.

См.: *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 398, 399.

См.: EL. PPP. Box 17. Eisenhower to CCS. 1944. Dec. 20.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 292.

См.: http://lib7.com/amerika/1017-negru-america-ocherk.html.

См.: *Ambrose S.* The Supreme Commander. P. 561.

См.: *Butcher H.* Op. cit. P. 727, 728.

339

См.: *Тэйлор М., Мандэй Д.* Книга Гиннесса об авиации: рекорды, факты и достижения. Минск, 1997. С. 182.

См.: *Bauserman /*. The Malmedy Massacre. Shippensburg, 2002.

341

См.: Massacre At Malmedy During the Battle of the Bulge // World War II. Magazine, published Online. 2006. June 12 // http:// www.historynet. com/massacre-at-malmedy-during-the-battle-of-the-bulge.htm.

342

Переписка Председателя Совета Министров СССР… Т. 1. М., 1957. С. 340, 341.

Eisenhower D. Letters to Mamie. P. 234, 235.

ELBD. 1945. March 27.

См.: *Summersby K.* Past Forgetting. P. 244, 245.

См.: *Козырев М., Козырев В.* Необычное оружие Третьего рейха. М., 2007; *Bernstein J.* Hitler's Uranium Club: The Secret Recording at Farm Hall. Copernicus, 2011.

347

EL. BD. 1945. March 27.

Эйзенхауэр Д. Указ. соч. С. 427. См. также: *Bradley O.* Op. cit. P. 510–512.

Лавренев С. *Я., Попов И.М.* Крах Третьего рейха. М., 2000. С. 231,232.

См.: *Eisenhower D.* Letters to Mamie. P. 243, 244.

См.: *Churchill W.* Op. cit. Vol. 6. Boston, 1953. P. 442, 443.

См.: *Ambrose S.* Supreme Commander. P. 629, 630.

353

Foreign Relations of the United States. The Conference at Cairo and Teheran 1943. Washington, 1961. P. 259.

См.: *Лавренев С. Я., Попов И.М.* Указ. соч. С. 231,232; *Calvocoressi P., Wint G., Pritchard J.* Total War: The Causes and Courses of the Second World War. New York, 1989. P. 562.

EL. BD. 1945. March 27.

См.: *Bradley O.* Op. cit. P. 535.

357

См.: EL. PPP. Box 104. Eisenhower to Stalin. 1945. March 28.

См.: *Мальков В.Л.* По поводу новой книги А.С. Орлова «Чудо-оружие: обманутые надежды фюрера» // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 176–181.

359

См.: *Соколов Б.В.* Цена войны: людские потери СССР и Германии. 1939–1945 гг. // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 9. 1996. № 1.

См.: *Ziemke E.* Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East. Washington, 1968. P. 490–499.

См.: *Churchill W.* Op. cit. Vol. 4. Boston, 1950. P. 463–465.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 393.

См.: *Чернявский Г.* Франклин Рузвельт. С. 501.

См.: *Pogue F.* Op. cit. P. 442.

Ambrose S. Eisenhower and Berlin, 1945. P. 64, 65.

EL. PPP. Box 80. Eisenhower to Marshall. 1945. Apr. 7.

Eisenhower D. Letters to Mamie. P. 248.

См.: EL. PPP. Principal File. Box 80. № 12005711.

См.: Ibid. Box 134.

См.: Ibid. Cables Off. George Catlett Marshall/Dwight David Eisenhower (GCM/DDE) 15 Apr. — 10 Nov. 45 (4); № 12007738. Eisenhower to Marshall. 1945. Apr. 15. См. также: Ibid. Principal File. Box 22. Churchill Winston (4). № 12009066.

EL. BD. 1945. May 25.

См.: *Ambrose S.* The Supreme Commander. P. 661.

См.: *Pogue F.* Op. cit. P. 480–483.

См.: Ibid. P. 486, 487.

См.: *Ерофеев Ю.* Генерал, вошедший в историю // Независимое военное обозрение. 2006. 24 ноября.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 406.

См.: *Ерофеев Ю.* Указ. соч.

Цит по: *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 522.

См.: *Pogue F.* Op. cit. P. 488–499.

380

EL. PPP. Box 80. Marshall to Eisenhower. 1945. May 8.

Ambrose S. Eisenhower. Vol. 1. P. 409.

См.: *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 500.

383

Там же. С. 501.

См.: EL. BD. 1945. June 21.

Цит. по: *Neal S.* Op. cit. P. 224.

EL. PPP. Box 35. Eisenhower to Douglas. 1945. May 27.

См.: Ibid. Box 133. Eisenhower to Marshall. 1945. June 4.

См.: *Miller M.* Plain Speaking: An Oral Biography of Harry S. Truman. New York, 1973. P. 339, 340.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 415.

Eisenhower J. Op. cit. P. 113, 114.

391

EL. PPP. Box 112. Eisenhower to Key Summersby. 1945. Nov. 22.

См.: Documents on Germany under Occupation / Ed. by B. Ruhm von Oppen. London, 1955. P. 13–27.

См.: *Morgenthau H.* Germany is Our Problem. New York, 1945.

EL. PPP. Box 20. Eisenhower to Cannon. 1947. Aug. 19.

395

Ibid. Box 91. Eisenhower to Patton. 1945. Sept. 11. См. также: The Patton Papers / Ed. by M. Blumenson. Boston, 1974. \fcl. 2. P. 734.

См.: The Patton Papers. Vol. 2. P. 782–794.

См.: *Truscott L. K.* Op. cit. P. 508.

См.: http://germany4all.ru/Pages/okkupaciya_germanii_i_okkupacionnaya_politika_chetyreh_derzhav_chast._13.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 425.

См.: *Чернявский Г.* Франклин Рузвельт. С. 477–479.

401

См.: EL. PPP. Eisenhower Memos. 1946. Apr. 19; Eisenhower to Ridgway. 1946. July 13.

См.: *Culver J., Hyde J.* American Dreamer: The Life and Times of Henry A. Wallace. New York, 2002. P. 271–277.

Цит. по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 427.

См.: *Нитобург Э.Л.* У истоков русской диаспоры в США // США: Экономика. Политика. Идеология. 1999. № 1. С. 84–91; *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г.И.* Исторический контекст «Скотского хутора» Дж. Оруэлла в его переписке // Вопросы истории. 2013. № 12. С. 6.

405

См.: *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г.И.* Указ. соч. С. 6.

См.: King's College London Archives. Ismay H. L. 4/12/19; EL. PPP. Box 60. Eisenhower to Ismay. 1946. Jan. 29.

См.: *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 516–523.

Ромм М. Устные рассказы. М., 1989. С. 87.

Эйзенхауэр Д. Указ. соч. С. 495.

Там же. С. 517.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 430.

412

См.: EL. John Eisenhower Papers. Unnumbered Album. Photographs. № 40.

413

Цит. по: EL. PPP. Box 80. Eisenhower to Marshall. 1945. Aug. 29.

Соколов Б.В. Неизвестный Жуков: Портрет без ретуши в зеркале эпохи. М., 2000. С. 511.

415

См.: Public Record Office (Great Britain). CAB 120/161/55911. P. 129; *Дилкс Д.* Черчилль и операция «Немыслимое» // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 140.

EL. PPP. Box 80. Eisenhower to Marshall. 1945. Aug. 27.

См.: Ibid. Box 24. Eisenhower to Clay. 1945. Nov. 8.

См.: *Турченко* С. Забытый парад // Свободная пресса. 2011.1 сентября. Копию письма см.: EL. PPP. Box 126. Eisenhower to Zhukov. 1945. Dec. 6.

419

См.: EL. PPP. Box 126. Eisenhower to Zhukov. 1946. Jan 3, March 1.

420

См.: *Чернявский Г.* Падение «никитоносителя»: Политический расстрел маршала Жукова // *Чернявский Г.* Притчи о Правде и Лжи. С. 329,330.

421

См.: *Чернявский Г.* Франклин Рузвельт. С. 447.

422

EL. PPP. Box 173. Dwight Eisenhower to John Eisenhower. 1945. Dec. 15.

См.: Ibid. Box 77. Eisenhower to Mrs. Merfey. 1945. Dec. 17.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 435.

См.: The New York Times. 1946. Febr. 1.

426

EL. PPP. Box 57. Eisenhower to P. A. Hodgson. 1946. Jan. 3.

См.: Ibid. Box 91. Eisenhower to Patterson. 1946. Jan. 15.

См.: Ibid. Box 74. Eisenhower to MacArthur. 1946. Jan. 28.

См.: *Lyon P.* Op. cit. P. 372.

Цит. по: *Neal S.* Op. cit. P. 241.

431

См.: *Поздняков В.В.* Разведка, разведывательная информация и процесс принятия решений: Поворотные пункты раннего периода холодной войны (1944–1953 гг.) // Холодная война: Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 335.

Там же. С. 349.

433

EL. PPP. Box 71. Eisenhower to Lippman. 1946. May 6.

См.: Ibid. Box 95. Eisenhower to Ridgway. 1946. July 13.

См.: *Семенов В.С.* Устав ООН и вопрос об операциях по поддержанию мира // Советский ежегодник международного права. 1968. М., 1969.

См.: *Wilcox F., Kalijarbi Th.* Recent American Foreign Policy: Basic Documents. 1944–1951. New York, 1952. P. 813–822.

См.: EL. PPP. Box 63. Eisenhower to JCS. 1947. May 10.

Ibid. Eisenhower Memos. Memo 1946. June 29.

Цит. по: *Brandon D.* Op. cit. P. 253.

Цит. по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 459.

441

EL. PPP. Box 173. Dwight Eisenhower to John Eisenhower. 1947. Aug. 28.

The Papers Eisenhower. Vol. 10. Baltimore, 1978. P. 686.

См.: *McCullough D.* Truman. New York, 1992. P. 717.

См.: *Hogan M.* The Marshall Plan: America, Britain, and the Reconstruction of Western Europe, 1947–1952. Cambridge, 1987; The Marshall Plan: Fifty Years After. New York, 2001.

См.: http://mail.google.com/mail/u/0/?tab=wm#inbox/148clb70 c539c36e.

См.: EL. PPP. Box 103. Eisenhower to Smith. 1947. Nov. 28.

Eisenhower D. Final Report of the Chief of Staff United States Army to the Secretary of the Army, February 7, 1948. Washington, 1948. P. 2.

EL. PPP. EDS. Box 1. 1945. Dec. 15.

Ibid. PPP Box 57. Eisenhower to Hodgson. 1946. Oct. 30.

См.: Ibid. Box 56. Eisenhower to Haughton. 1947. June 19.

См.: *Quiring V.* Milton S. Eisenhower Years at Kansas State University. Manhatten, 1986; *Ambrose S., Immerman R.* Milton S. Eisenhower, Educational Statesman. Baltimore, 1983.

См.: EL. Milton Eisenhower Papers. Box 15. Dwight Eisenhower to Milton Eisenhower. 1947. June 14; PPP. Box 119. Eisenhower to Watson. 1947. June 14.

Eisenhower D. At Ease. P. 337.

См.: EL. PPP Box 91. Eisenhower to Parkinson. 1947. June 23.

The New York Times. 1948. Febr. 8.

См.: *Pietrusza D.* 1948: Harry Truman's Victory and the Year That Transformed America. New York, 2011. P. 201.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 474.

См.: EL. PPP. Box 103. Eisenhower to Simon, 1948. Jan. 27.

459

Ibid. Box 116. Eisenhower to Truman. 1948. Nov. 18.

См.: *Beckett W.* President Eisenhower Painter // White House History. 2007. № 21. P. 31–33.

См.: Ibid. P. 339–341.

См.: NYPL. MAD. D. Eisenhower and M. Eisenhower Correspondence. Letter to Mr. Garruthers. 1949. Jan. 20.

Ibid. Letter to G. Montague. 1948. June 3; 1950. June 1.

См.: *Freeman I* Eisenhower of Columbia // The New York Times Magazine. 1948. Nov. 7.

Цит. по: *NealS.* Op. cit. P. 251.

См.: EL. PPP. Box 56. Eisenhower to Hazlett. 1950. Febr. 24.

Lyon P. Op. cit. P. 383.

Цит. по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 481.

469

См.: *Храмов Ю.А.* Раби Исидор Айзек // Физики: Биографический справочник. М., 1983. С. 226; *Rigden J.* Scientist and Citizen. New York, 1987.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 347, 348.

См.: William T. R. Fox // The Columbia Record. 1988. Nov. 4.

См.: *Fox W.* The Super-Powers: The United States, Britain, and the Soviet Union — Their Responsibility for Peace. New York, 1944; *Idem.* The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. New York, 1946; *Idem.* NATO and the Range of American Choice. New York, 1967; *Idem.* American Arms and a Changing Europe: Dilemmas of Deterrence and Disarmament. New York, 1973; *Idem.* A Continent Apart: The United States and Canada in World Politics. Toronto, 1985 etc.

См.: NYPL. Pforzheimer Collection of Shelley and His Circle.

См.: Ibid. MAD. D. Eisenhower and M. Eisenhower Collection. Letters to G. Montague. 1950. Oct. 10, Nov. 1 etc.

См.: *Jacobs T.* Dwight D. Eisenhower and the Founding of the American Accembly. New York, 2004.

См.: Columbia University Archives. Dwight Eisenhower CP. Files CMS. Boxl.

Ibid. Box 2.

См.: *Eisenhower D.* At Ease. P. 358–360.

Travis J. Eisenhower at Columbia. New Brunswick, 2001. P. 327.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 492.

481

EL. PPP. Box 56. Eisenhower to Hazlett. 1950. Sept. 12.

Цит. по: *Parmet H.* Eisenhower and the American Crusades. New York, 1972. P. 36.

483

EL. PPP. Box 21. Eisenhower to Paul Carrol. 1949. Dec. 21.

Federal Bureau of Investigation. Archives. 62–8/7. № 2–5. P. 7.

См.: Ibid. P. 8.

См.: *Торкунов А.В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг. М., 2000; *Орлов А.С., Гаврилов В.А.* Тайны корейской войны. М., 2003; *Stueck W.* Rethinking the Korean War: A New Diplomatic and Strategic History. Princeton, 2002; *Blair* C. The Forgotten War: America in Korea, 1950–1953. Annapolis, 2003; *Halberstam D.* The Coldest Winter: America and the Korean War. New York, 2007 и др.

487

См.: EL. PPP. EDS. Box 1. 1950. June 30.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 494.

489

См.: EL. PPP. Box 101. Eisenhower to Schaefer. 1950. Aug. 31.

См.: Ibid. EDS. Box 1. 1950. Oct. 28.

491

Цит. по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 496.

492

EL. PPP. EDS. Box 1. 1950. Nov. 6.

Цит. по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 501.

The New York Times. 1951. Febr. 2.

См.: EL. PPP. Box 15. Eisenhower to Burnham. 1951. Febr. 28.

См.: Ibid. Box 108. Eisenhower to Sloan. 1952. Jan. 29.

Ibid. Eisenhower Speech Texts. 1951. June 6.

См.: Ibid. Box 58. Eisenhower to Hughes. 1951. Nov. 26.

Ibid. Box 120. Eisenhower to Wilson. 1951. Oct. 20.

500

См.: *Орлов А.* Алджер Хисс: советский шпион, так и не сознавшийся в шпионаже // Репортер. 2011. 4 марта; *Он же.* Почему Алджер Хисс стал советским агентом… // Там же. 2012. 9 мая; *White E.* Alger Hiss's Looking-Glass Wars: The Covert Life of a Soviet Spy. London, 2005.

501

См.: EL. PPP. Box 74. Eisenhower to McCarthy. 1951. March 15; Box 87. Nixon to Eisenhower. 1952. Jan. 17.

502

См.: *KrockA.* Memoirs: Sixty Years on the Firing Line. New York, 1968. P. 267–269.

503

См.: EL. PPP. Box 24. Eisenhower to Clay. 1951. May 30.

См.: *Lyon P.* Op. cit. P. 430.

505

Цит. по: EL. PPP. Box 24. Eisenhower to Clay. 1951. Dec. 27.

См.: *Boyle P.* Op. cit. P. 14.

507

См.: *McGuire N., Sammons S.* Jacqueline Cochran: America's Fearless Aviator. Lake Buena Vista, 1997.

508

См.: EL. Jacqueline Cochran Papers (далее — CP). Group O.

Ibid. Box 5. J. Cochran's Interview with Mr. Uttal.

Ibid. Eisenhower Campaign Series. Box 2. Eisenhower File. Correspondence with General Eisenhower.

Sulzberger C. L. A Long Row of Candles. New York, 1969. P. 752.

См.: *Dulles J. F.* War or Peace. New York, 1950.

513

См.: EL. PPP. Box 36. Eisenhower to Dulles. 1952. Apr. 15.

См.: *Ferrel L.* Ill-Advised Presidential Health and the Public Trust. Columbia, 1992. P. 53–150.

515

EL. PPP. Box 116. Truman to Eisenhower. 1952. Apr. 6.

См.: *Parmet H.* Op. cit. P. 57.

См.: *Griffith R.* The Politics of Fear: Joseph R. McCarthy and the Senate. Amherst, 1970. P. 49.

518

The Congressional Record: Proceedings and Debates of the 82nd Congress, First Session. Vol. 97. Part 5. Washington, 1951. P. 6556.

The New York Times. 1952. June 5.

См.: *Ewald W.* Eisenhower the President: Crucial Days. 1951–1960. Englewood Cliffs, 1981. P. 49.

The New York Times. 1952. June 17.

См.: History of American Presidential Elections, 1789–1968. Vol. 4. New York, 1971. P. 3297–3302.

523

См.: *Мирошников С.Н.* Президентские выборы 1952 г. и позиция Республиканской партии по вопросам взаимоотношения США со странами Восточной Европы и СССР // Вестник ТГУ. История. 2011. № 345. С. 81.

Wisconsin Historical Society. Library and Archives (далее — WHS). A. Merriman Smith Papers (далее — SP). D. Eisenhower's Interview with Journalist Merriman Smith. 1952. July 28.

525

См.: *Bischof G.* Before the Break: The Relationship between Eisenhower and McCarthy. 1952–1953. New Orlean, 1980. P. 72.

См., например: *Boyle P.* Op. cit. P. 15, 16.

527

См.: *Bain R., Parris J.* Convention Decisions and Voting Records. Washington, 1973. P. 280–286.

См.: *Smith J.* Eisenhower in War and Peace. New York, 2012. P. 520–522.

529

См.: *Eisenhower M.* The President is Calling. Garden-City, 1974. P. 259, 260.

Цит по: The New York Times. 1952. July 13. См. также: *Nixon R.* Memoirs. New York, 1978. P. 90.

531

См.: EL. PPP. Box 80. Marshall to Eisenhower. 1952. July 12; Eisenhower to Marshall. 1952. July 17.

См.: The New York Times. 1952. Aug. 26, 28.

См.: *Theoharis A.* The Yalta Myths: An Issue in U. S. Politics. 1945–1955. Columbia, 1970. P. 145.

534

EL. PPP. Box 36. Eisenhower to J. F. Dulles. 1952. April 15.

См.: The New York Times. 1952. Aug. 26.

Цит по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 548.

537

См.: EL. PP. WE Political Campaign Series. 1952. Political Speeches.

Цит по: *Reeves Th.* The Life and Times of Joe McCarthy. New York, 1982. P. 436, 437.

См.: *Eisenhower D.* Mandate for Change. P. 58, 59.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 1. P. 569.

См.: http://uselectionatlas.org/RESULTS/ data.php? year = 1952&datatype = national&def = l&f = 0&off = 0&elect = 0.

См.: *Hughes E.* The Ordeal of Power. New York, 1963. P. 46.

См.: *Reston J.* Deadline: A Memoir. New York, 1991. P. 338.

Сталин И.В. Сочинения: В 18 т. Т. 16. Ч. 2. М., 2012. С. 565.

545

См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1130. Л. 133–139; *Фурсенко А.А.* Конец эры Сталина // Звезда. 1999. № 12.

546

РГАСПИ.Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1130. Л. 133–134.

См.: *Костырченко Г.* Сталин против «космополитов»: Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009. С. 254.

См.: The New York Times. 1953. Jan. 15.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 2. P. 14.

Цит. по: *Hughes E.* Op. cit. P. 251.

См.: *Boyle P.* Op. cit. P. 26.

См.: The New Republic. 1952. Dec. 15.

См.: http://www.dol.gov/oasam/programs/history/durkin.htm.

См.: *Medhurst M.* Eisenhower and the Crusade for Freedom: The Retorical Origins of a Cold War Campaign // Presidential Studies Quarterly. 1997. № 27 (4). P. 646–661.

См.: *Brandon D.* Op. cit. P. 304.

См.: *Bose M.* Shaping and Signaling Presidential Policy: The National Security Decision Making of Eisenhower and Kennedy. College Station, 1998. P. 25; *Мирошников С.Н.* Влияние смерти И.В. Сталина… С. 189.

557

См.: *Clark M.* From the Danube to the Yalu. New York, 1954. P. 233.

Eisenhower D. Mandate for Change. P. 95.

The New York Times. 1952. Dec. 15.

Цит по: Dulles Oral History Project. Princeton University. Folder 79. D. D. Eisenhower. См. также: EL. PPP. EDS. Box 3.

См.: *Eisenhower D.* Mandate for Change. P. 42.

См.: *Eisenhower J.* Op. cit. P. 135.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 2. P. 27.

См.: WHS. SP Box 3. Folder 11. Eisenhower Interview with A. Merryman Smith.

565

См.: NYPL. MAD. Inauguration Ceremony Program. 1953. Jan. 20.

566

См.: EL. Presidential Papers (далее — PP). Ann Whitman Diary Series (далее — WDS). Box 1. 1953. Jan. 23; Off the Record: The Private Papers of Harry S. Truman / Ed. by R. Ferrell. New York, 1980. P. 287.

Truman H. Mr. Sitizen. New York, 1960. P. 15.

Цит. по: *Parmet H.* Op. cit. P. 166.

Eisenhower D. Mandate for Change. P. 267.

EL. PP. Cabinet Meetings. 1953. Jan. 23.

Eisenhower D. Mandate for Change. P. 113.

Цит. по: Ike's Letters to a Friend. 1942–1958. P. 111.

См.: *West J.* Upstairs at the White House: My Life with the First Ladies. New York, 1973. P. 155.

Цит. по: *Slater E.* The Ike I knew. New York, 1980. P. 37, 38.

См.: *Gould L.* American First Ladies: Their Life and Their Legacy. New York, 2001. P. 315.

Eisenhower D. Mandate for Change. P. 211.

Правда. 1953. 16 марта.

См.: *Мирошников С.Н.* Влияние смерти И.В. Сталина… С. 192.

EL. PP. 1953 «The Chance for Peace» Address Delivered Before the American Society of Newspaper Editors, April 16th, 1953; The New York Times. 1953. Apr. 17.

См.: Правда. 1953. 25 апреля.

См.: *Boyle P.* Op. cit. P. 39.

582

EL. PP. WF. Name Series (далее — NS). Eisenhower to Draper. 1953. March 16.

583

См.: Ibid. Memorandum of Discussion at the 131st Meeting of the National Security Council. Wednesday, February 11, 1953.

См.: *Stueck W.* The Korean War: An International History. Princeton, 1995. P. 215.

585

EL. PP. WF. International Series (далее — IS). Korea. 1953. Box 35.

The New York Times. 1953. July 27.

Boyle P. Op.cit. P. 39.

См.: US Public Law 110 of June 20, 1949.

The American People: Creating Nation and Society. New York, 1998. Vol. 2. P. 957, 958.

См.: *Ambrose S.* Ike's Spies. P. 197.

591

EL. PP. WE NS. Box 31. Eisenhower to Mossaddegh. 1953. June 30.

См.: Mohammad Mossadegh and the 1953 Coup in Iran / Ed. by M. Gasiorowski, M. Byrne. Syracuse, 2004.

593

См.: EL. PP. WE NS. Box 13. Milton Eisenhower. South-American Reports. 1953. № 2.

Цит. по: *Toriello G.* La Batalla de Guatemala. Mexico, 1956. P. 67, 68.

См.: *Dreier J.* The Organisation of American States and the Hemisphere Crisis. New York, 1962. P. 52.

См.: *Phillips D.* The Night Watch: 25 Years of Peculiar Service. New York, 1977. P. 35.

См.: *Eden A.* The Memories of Sir Anthony Eden: Full Circle. Boston, 1960. P. 151–153.

См.: *Eisenhower D.* Mandate for Change. P. 424.

См.: *Bayley N.* Latin America in World Politics. New York, 1967. P. 97.

См.: *Rabe S.* Eisenhower and Latin America: The Foreign Policy of Anticommunism. Chapel Hill, 1988. P. 42–63.

См.: The New York Times. 1997. May 20; 2011. Oct. 20.

Цит. по: *Boyle P.* Op. cit. P. 54.

603

EL. PP. WF. NS. Box 12. Eisenhower to Laniel. 1953. Sept. 21.

EL. PP. Press Conferences Series (далее — PCS). Box 1.1953. № 645,646.

См.: *Oppenheimer J. R.* Atomic Vfeapons and American Policy // Foreign Affairs. 1953. July.

См.: *Pfau R.* No Sacrifice Too Great: The Life of Lewis L. Strauss. Charlottesville, 1984. P. 144–146.

607

Цит. по: *Divine R.* Blowing on the Wind: The Nuclear Test Ban Debate, 1954–1960. New York, 1978. P. 11.

EL. PP. EDS. Box 3. 1953. Oct. 10.

609

См.: EL. PP. Presidential Speeches. «Atoms for Peace» Address Before the General Assembly of the United Nations on Peaceful Uses of Atomic Energy, New York City, December 8th, 1953.

См.: *Bodansky D.* Nuclear Energy: Principles, Practices, and Prospects. New York, 2005. P. 32–35.

611

См.: FBI Archives. J. Robert Oppenheimer. File № 100–17828.

In the Matter of J. Robert Oppenheimer (Transcript of Hearing, U. S. Atomic Energy Commission, 1954). Reprinted. Cambridge, 1971. P. 837.

613

См.: FBI Archives. J. Robert Oppenheimer. File № 100–17828. P. 78; *Pfau R.* Op.cit. P. 148–157.

См.: FBI Archives. J. Robert Oppenheimer. File № 100–17828. P. 84.

См.: Ibid. P. 83–85.

См.: *Pfau R.* Op. cit. P. 159, 160.

См.: *Bird K., Sherwin M.* American Prometheus: The Triumph and Tragedy of J. Robert Oppenheimer. New York, 2005.

См.: *Baker R.* A Slap at the Hidden-Hand Presidency: The Senate and the Lewis Strauss Affair // Congress and the Presidency. 1987. № 14. P. 1–15.

EL. PP. PCS. 1954. March 3.

См.: EL. Hagerty Diary. 1954. March 31.

621

Public Papers of Eisenhower. Vol. 4. Washington, 1956. P. 182.

См.: *Larsen S., Collins J.* Vietnam Studies: Allied Participation in Vietnam. Washington, 1985. P. 102–136.

623

См.: EL. PP. EDS. Box 12. 1956. Jan. 23.

EL. National Security Council Notes. 1954. Jan. 8.

625

Public Papers of Eisenhower. Vol. 2. Washington, 1954. P. 382, 383.

EL. PP. Ann C. Whitman Diary (далее — WD). Legislative Meeting Series (далее — LMS). Legislative Leaders Meetings. 1954. Apr. 26.

Ibid. EDS. Box 6. Eisenhower to Gruenther. 1954. Apr. 26.

Ibid. Administration Series. Box 10. Cutler Notes. 1954. June 2.

629

EL. Hagerty Diary. 1954. June 19.

630

См.: Женевское совещание министров иностранных дел: Документы // Новое время. 1954. № 19–22, 24–25, 30–31; *Turner R.* Vietnamese Communism: It's Origins and Development. Palo Alto, 1975.

631

Public Papers of Eisenhower. Vol. 2. P. 642.

См.: *Karnow S.* Vietnam: A History. New York, 1997. P. 223, 224.

633

Public Papers of Eisenhower. Vol. 2. P. 661.

Цит по: http://pikabu.ru/story/proval_evropeyskogo_oboronitelnogo_soobshchestva_eos_l 616482.

См.: *Eisenhower D.* Mandate for Change. P. 451–462.

Ibid. P. 364.

637

EL. PP. WD. Box 3. Memo of Conference. 1954. Dec. 20.

Public Papers of Eisenhower. Vol. 3. Washington, 1955. P. 358.

639

См.: *Divine R.* Eisenhower and the Cold War. New York, 1981. P. 64.

См.: EL. PP. WD. Box 3. 1954. Nov. 24.

641

См.: *Pedlow G., Welzenbach D.* The Central Intelligence Agency and Overhead Reconnaissance: The U-2 and OXCART Programs, 1954–1974. Washington, 1992. P. 96–100.

См.: *Heppenheimer T. A.* The Space Shuttle Decision. Washington, 1998. P. 193.

643

См.: *Уайз Д.* Охота на «кротов». М., 1994. С. 51; *Серов В.* Черная тропа «Макса» // Неотвратимое возмездие. М., 1987. С. 351–358; *Блейк Д.* Иного выбора нет. М., 1991. С. 228–230; *HartJ.* Pyotr Semyonovich Popov: The Tribulations of Faith // Intelligence and National Security. Vol. 12. 1997. №4.

См.: *West N.* Historical Dictionary of Cold War Counterintelligence. Lanham, 2007. P. 350.

645

EL. PP. EDS. Box 9. 1955. Jan. 20.

См.: Public Papers of Eisenhower. Vol. 3. P. 207–211.

Правда. 1953. 12 марта.

648

См.: Постановление ЦК КПСС от 31 января 1955 г. о Г.М. Маленкове; Постановление Президиума ЦК КПСС от 9 февраля 1955 г. об информационном письме Центральным комитетам братских коммунистических и рабочих партий об освобождении от обязанностей председателя Совета министров СССР Г.М. Маленкова // Политбюро и дело Берия: Сборник документов. М., 2012. С. 810–814.

См.: Public Papers of Eisenhower. Vol. 3. P. 678, 679.

См.: EL. PP. EDS. Box 6. 1955. July 11.

См.: Public Papers of Eisenhower. Vol. 3. P. 702–705.

См.: *Eisenhower J.* Op. cit. P. 175, 176.

653

См.: EL. John Foster Dulles Papers. General Correspondence and Memoranda Series. Memorandum of Conversation, July 20, 1955. Strictly Confidential. U-Z (2).

См.: *Eisenhower D.* Mandate for Change. P. 517, 523.

См.: Public Papers of Eisenhower. Vol. 3. P 713–716.

Walters V. Silent Missions. Garden City, 1978. P. 289.

Eisenhower D. Mandate for Change. P. 521.

См.: The New York Times. 1955. Aug. 2; *Караш Ю.Ю.* Тайны лунной гонки СССР и США: Сотрудничество в космосе. М., 2005. С. 54.

Public Papers of Eisenhower. Vol. 3. P. 722, 723.

Guddis J. Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. New York, 1990. P. 223.

Ambrose S. Eisenhower. Vol. 2. P. 229.

См.: *Roberts S.* The Brother: The Untold Story of the Rosenberg Case. New York, 2001.

Судоплатов П.А. Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930–1950 гг. М., 1997. С. 348.

См.: Там же. С. 347.

665

EL. PP. WE NS. Box 32. 1953.

См.: *Cook B. W.* Op. cit. P. 242.

667

EL. PP. EDS. Box 4. Dillon to Dulles. 1953. May 15.

Ibid. Dwight Eisenhower to John Eisenhower. 1953. June 16.

669

Ibid. Box 3. 1953.

См.: *Bean L.* Influences in the 1954 Mid-Term Elections. Washington, 1954.

671

EL. PP. WF. NS. Box 29. Eisenhower to Robinson. 1954. March 12.

См.: *Chase W.* Enemies within the Gates? Comintern and the Stalinist Repressions. 1934–1939. New Haven, 2001.

http://www.svoboda.mobi/a/24193340.html. См. также: *Чернявский Т.* «Маккартизм» в США и «большой террор» в СССР: нелепость сопоставления // *Чернявский Г.* Новые притчи о Правде и Лжи. Харьков, 2005. С. 228–262.

См.: *Fried A.* McCarthism: The Great American Red Scare. A Documentary History. New York, 1997; *Heal M. J.* McCarthy's American Red Scare Politics in State and Nation. 1935–1965. London, 1998.

FBI Archives. Albert Einstein. Part 1 of 9. Bufile 61–7099.

Ibid. Bufile 61–7099. № 0001800.

См.: *Cohen K.* Censorship of Theatrical Animation. Forbidden Animation: Censored Cartoons and Blacklisted Animators in America. Jefferson, 2004. P. 35, 36.

См.: *Gladchuk J.* Hollywood and Anticommunism: HUAC and the Evolution of the Red Menace, 1935–1950. London, 2006.

Цит. по: *Cook F.* The Nightmare Decade: The Life and Times of Senator Joe McCarthy New York, 1971. P. 155, 156.

Manchester W. American Caesar: Douglas MacArthur 1880–1964. Boston, 1978. P. 639.

681

См.: Marquette University (Milwaukee). Rayner Memorial Library. Special Collections and University Archives. Joseph McCarthy Papers.

682

EL. PP. NS. Box 29. Eisenhower to Robinson. 1954. March 23.

См.: *Adams J.* Without Precedent: The Story of the Death of McCarthyism. New York, 1983. P. 120–126.

Herman A. Joseph McCarthy: Reexamining the Life and Legacy of America's Most Hated Senator. New York, 1999. P. 250.

Цит. по: *Greenstein F.* Op. cit. P. 184, 185.

New Yotk Times. 1954. Febr. 24.

См.: EL. Hagerty Diary. 1954. May 14.

688

EL. PP. WD. LMS. Legislative Leader Meetings. 1954. May 17.

689

Ibid. Febr. 25.

690

См.: EL. PP. WDS. Box 1. Telephone Calls. Eisenhower to Brownell. 1954. March 2.

См.: Public Papers of Eisenhower. Vol. 2. P. 288–291.

Цит. по: *Greenstein F.* Op. cit. P. 191–192.

693

См.: *Bogert F.* Palm Springs First Hundred Years. Palm Springs, 1987. P. 167.

El. PP. WF. NS. Box 18. Eisenhower to Helms. 1954. March 12.

См.: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 2. P. 164.

Public Papers of Eisenhower. Vol. 2. P. 339.

См.: *Fried R.* Nightmare in Red: The McCarthy Era in Perspective. New York, 1990; *Чернявский Г.* «Маккартизм» в США и «большой террор» в СССР: нелепость сопоставления. С. 257–259.

См.: *Eisenhower D.* Mandate for Change. P. 491.

Ibid. P. 145.

См.: *Мотылев В. В., Моттл В. Б.*. Главнокомандующий США и президент США Дуайт Эйзенхауэр//Экономический журнал. 2012. № 3. С. 123.

701

EL. PP. EDS. Box 12. 1956. Jan. 31.

См.: *Petroski H.* On the Road // American Scientist. 2006. № 5. P. 396–399.

См.: *Provan J.* Big Lift: Die Berliner Luftbrucke, 26. Juni 1948–30. September 1949. Bremen, 1998.

См.: General Location of National System of Interstate Highways, Including All Additional Routs at Urban Areas. Washington, 1955.

См.: The Economist. 2008. June 26.

См.: *Weingroff R.* Three States Claim First Interstate Highways // Public Roads. 1996. № 1.

См.: http://www.mwa.dot.gov/poUcyinformation/statistics/2012/hm20.cfm.

См.: Out of Many: A History of the American People. Upper Saddle River, 2003. Vol. 2. P. 843.

См.: Shippingport Atomic Power Station: A National Engeneeribg Historical Landmark. New York, 1980. P. 4.

См.: *Boadway R. W., Bruce N.* Welfare Economics. New York, 1984; *Graham H.* Health of Welfare. London, 1985.

См.: EL. Howard Snyder Papers. Box 7. Medical Diary. 1955; Box 10. Snyder to Robinson. 1955. Oct. 5.

См.: *Eisenhower J.* Op. cit. P. 181; EL. U. S. Army Office of the Surgeon General. Medical Records of Dwight D. Eisenhower. 1911–1969. Box 1; EL. Howard Snyder Papers. Boxes 7–10.

См.: The New York Times. 1955. Sept. 29, 30.

См.: Ibid. Sept. 26.

Parmet H. Op. cit. P. 417.

См.: EL. Sherman Adams Papers. 1952–1959.

См.: EL. PP. White House Central Files. 1953–1961. Alphabetical Files Series. Box 3072. Eisenhower to Taylor. 1955. Nov. 5.

См.: http://www.history.army.mil/books/anc-highlights/chrono.htm.

См.: *Eisenhower J.* Op. cit. P 183, 184.

Цит по: The Diary of James C Hagerty: Eisenhower in Mid-Course, 1954–1955. Bloomington, 1983. P. 242–247. 1955. Dec. 14.

См.: *Nixon R.* Op. cit. P. 167, 168.

Цит. по: *Eisenhower D.* Mandate for Change. P. 572.

Public Papers of Eisenhower. Vol. 4. P. 266, 267.

См.: *Nixon R.* Op. cit. P. 170, 171.

См.: Ibid. P. 172, 173.

См.: *Applebaum A.* Happy Anniversary, Nikita Khrushchev // Washington Post. 2006. Febr. 22.

См.: http://news.bbc.co.uk/M/russian/russia/newsid_4753000/4753282.stm.

См.: *Наумов В.П.* К истории секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4.

Цит. по: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/ russia/ newsid_4753000/ 4753282.stm.

EL. PP. EDS. Box 17. 1956. Aug. 1.

731

См.: *Штереншис М.* Израиль: История государства. Герцлия, 2009. С. 208–233.

См.: *Morris B.* Righteous Victims: A History of the Zionist-Arab Conflict. 1881–2001. New York, 2001. P. 289–301.

733

EL PP. WE Box 8. Telephone Calls. 1956. Oct. 28. Eisenhower to BenGurion.

Ibid. EDS. Box 19. Memo of Conversation. 1956. Oct. 29.

Цит по: *Hughes E.* Op. cit. P. 41.

См.: *Eisenhower D.* Waging Peace. P. 89; *Hughes E.* Op. cit. P. 222, 223.

См.: *Nicols D.* Eisenhower 1956: The President's Year of Grisis. Suez and the Brink of Win New York, 2011.

См.: *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 183.

См.: *Eisenhower D.* Waging Peace. P. 78, 79.

См.: Ibid. P. 67, 68.

EL. PP. WE IS. Telephone Calls. 1956. Nov. 6.

См.: Public Papers of Eisenhower. Vol. 5. Washington, 1957. P. 60–65.

743

EL. PP. WD. LMS. Box 2. Legislative Leaders Meeting. 1957. July 2.

Public Papers of Eisenhower. Vol. 5. P. 10.

См.: Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Washington, 1990. Vol. 19. P. 419, 420.

EL. PP. WF. Box 29. People-to-People Foundation.

См.: *Eisenhower D.* Waging Peace. P. 205, 206.

См.: http://rocketpolk44.narod.ru/yas/gonka.htm.

См.: EL. PP. WDS. Box 9. Memo of Conference. 1957. Oct. 8.

См.: Public Papers of Eisenhower. Vol. 5. P. 720–730.

751

См.: EL. PP. WDS. Box 9. Memo of Conference. 1957. Oct. 15.

См.: *Grubbs D.* James R. Killian, Jr., Sputnik, and Eisenhower: White House Science Advice and the Reformation of American. Gettisburg, 2012.

См.: *Bilstein R.* From NACA to NASA. NASA SP-4206, Stages to Saturn: A Technological History of the Apollo/Saturn Launch Vehicles. NASA, 1996. P. 32, 33.

См.: National Archives and Records Administration, Washington, DC. National Aeronautics and Space Act of 1958, Public Law № 85–568, 72 Stat., 426. Signed by the President on July 29, 1958, Record Group 255, National Archives and Records Administration, Washington, DC.

См.: Fiscal Year 1958 Supplemental Military Construction Authorization (Air Force): Hearings, Eighty-fifth Congress, Second Session, on H. R. 9739. Washington, 1958.

См.: NASA Marshall Space Flight Center Archives. Braun W von. Recollections. 1963.

См.: EL. PP. WDS. Box 9. Telephone Calls. Knowland. 1958. Jan. 7.

См.: Ibid. N. Rockefeller. 1958. Jan. 16.

Ibid. PP. WD. LMS. Legislative Leaders Meeting. 1958. Febr. 4.

См.: *Eisenhower J.* Op. cit. P. 195, 196.

См.: Ibid. P. 196, 197.

См.: *Eisenhower D.* Waging Peace. P. 229.

763

Public Papers of Eisenhower. Vol. 6. Washington, 1958. P. 262.

EL. PP. WDS. Box 10. Memo of Conference. 1959. Jan. 12.

Ibid. WE NS. Box 19. Eisenhower to Humphrey. 1958. July 22.

Ibid. WDS. Box 10. Memo of Conference. 1958. Nov. 12.

См.: *Smith E.* The Fourth Floor. New York, 1962. P. 172–178; *Perez L.* On Becoming Cuban: Identity, Nationality, and Culture. Chapel Hill, 1999. P. 175.

См.: The New York Times. 1957. Febr. 17.

769

См.: *Фурсенко А.А.* Россия и международные кризисы. С. 368–371.

См.: *Сергеев Ф.* Тайная война против Кубы. М., 1982. С. 31–33.

771

Цит. по: *Glejeses* P. Ships in the Night: The CIA, the White House, and the Bay of Pigs // Journal of Latin America Studies. 1995. Febr. P. 24, 25.

См.: *Дубова Л., Чернявский Г.* Указ. соч. С. 415–471; 25-летие Кубинского ракетного кризиса 1962 г.: Конференция американских и советских политиков и ученых в Кембридже (Масс.) / Публ. Л.Л. Дубовой, Г.И. Чернявского // Вопросы истории. 2013. № 3–6.

См.: *Eisenhower D.* Waging Peace. P. 522, 523.

См.: *Johnson H.* The Bay of Pigs. New York, 1964. P. 53, 54.

См.: *Wyden P.* Bay of Pigs: The Untold Story. New York, 1979. P. 88.

См.: *Дубова Л., Чернявский Т.* Указ. соч. С. 418.

См.: *Ambrose S.* Ike's Spies. P. 309.

См.: *Orman J.* Presidential Secrecy and Deception: Beyond the Power to Persuade. Westport, 1980. P. 78–80.

См.: *Ambrose S.* Ike's Spies. P. 310.

См.: Department of State Bulletin. 1959. Dec. 21.

Ibid. 1960. Jan. 25.

См.: EL. PP. Dulles-Herter Series. Box 12. Memoramdum from the Secretary of State to the President. 1960. March 12.

См.: *Eisenhower D.* Waging Peace. P. 525–533.

См.: Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. 1994. № 233. 13.12.1955. P. 1993.

785

EL. PP. WDS. Box 10. 1959. March 10; June 2.

См.: Ibid. EDS. Box 40. Eisenhower to Khrushchev. 1959. Apr. 13.

Ibid. WDS. Box 10. Memo of Conference. 1959. May 28.

Ibid. EDS. Box 41. 1959. May 28.

Микоян А.И. Так было. М., 1999. С. 605.

790

См.: *Медведев Р.* Никита Хрущев: отец или отчим советской «оттепели». М., 2006. С. 218, 219.

791

См.: Public Papers of Eisenhower. Vol. 7. Washington, 1959. P. 576–582.

Eisenhower D. Waging Peace. P. 415.

См.: Ibid. P. 419.

См.: *Хрущев Н.*С. Время. Люди. Власть: Воспоминания: В 4 кн. М., 1999. Кн. 4. С. 232.

См.: *Gunston B.* Tupolev Aircraft since 1922. Annapolis, 1995. P. 181–184.

Правда. 1959. 19 сентября.

См.: *Дымарский В.К.* Времена Хрущева: В людях, фактах и мифах. М., 2011. С. 32.

*Хрущев Н.*С. Указ. соч. С. 477.

799

EL. PP. WDS. Box 11. Memo of Conference. 1959. Sept. 28.

См.: *Хрущев Н.*С. Указ. соч. С. 248.

801

Там же. С. 249.

См.: Там же. С. 259.

803

См.: *Медведев Р.* Указ. соч. С. 224, 225.

804

EL. PP. WD. LMS. Box 3. Legislative Leaders Meeting. 1960. Febr. 9.

805

См.: *Erickson M.* Into the Unknown Together // The DOD, NASA, and Early Spaceflight. Maxwell, 2005. P. 23.

Kistiakowsky G. Scientist at the White House. Cambridge, 1976. P. 250.

807

EL. PP. WDS. Box 11. Memo of Conference. 1960. Febr. 2.

808

См.: *OrlovA*. The U-2 Program: A Russian Officer Remembers // From CIA Archives (без выходных данных).

809

См.: EL. PP. WDS. Box 11. Goodpaster Memo. 1960. Apr. 25.

810

См.: *Федосеев С, Щербаков В.* Невыполненная миссия У-2 // Вокруг света. 2010. № 5.

811

См.: *Гасюк А., Долгополое Н.* Правда о шпионе «У-2» // Российская газета. 2012. 2 августа.

См.: *Ambrose S.* Ike's Spies. P. 283, 284.

813

См.: Правда. 1960. 6 мая.

The New York Times. 1960. May 6.

815

См.: Правда. 1960. 8 мая.

The New York Times. 1960. May 9.

817

См.: EL. PP. WDS. Box 11. 1960. May 9.

818

См.: Public Papers of Eisenhower. Vol. 8. Washington, 1960. P. 403–407.

Eisenhower D. Waging Peace. P. 558, 559.

Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них. М., 1990. С. 212, 213.

Микоян А.И. Указ. соч. С. 605.

822

См.: EL. PP. WDS. Box 11. Memo of Conference. 1960. May 16.

См.: *Медведев Р.* Указ. соч. С. 234.

См.: EL. PP. Dulles-Herter Papers. Box 13.

Цит. по: *Pach Ch., Richardson E.* Op. cit. P. 222.

Иванов Р.Ф. Дуайт Эйзенхауэр. С. 127.

827

EL. PP. EDS. Box 3. 1953. May 14.

Ibid. NS. Box 11. D. Eisenhower to Edgar Eisenhower. 1953. Jan. 10.

829

Цит. по: *Ewald W.* Op. cit. P. 81.

Frazier E. F. The Negro in the United States. New York, 1949. P. 701.

Ibid. P. 702, 703.

Мы обвиняем в геноциде. М., 1951. С. 78.

Time. 1953. May 11. P. 58.

См.: Brown et al. v. Board of Education of Topeca et al. Appeal from the United States District Court for the District of Kansas. № 1. Argued December 9, 1952; Reargued December 8,1953; Decided May 17,1954 // https://www.google. com/#q=%D0%Al%D0%BC.: + Brown + et + al. + v. + Board + of + Education + of + Topeka + et + al. + Appeal + from + the + Unit%D0%B5d + States + District + Cour t + for + the + District + of + Kansas. + %E2%84%96 + l. + Argued + December + 9, + 1952; + Reargued + December + 8, + 1953. + Decided + May + 17, + 1954.

835

Цит. по: *Warren E.* The Memoirs. Garden City, 1977. P. 291.

Public Papers of Eisenhower. Vol. 2. P. 491.

См.: Ibid. Vol. 4. P. 186, 187.

838

См.: EL. PP. WD. LMS. Box 2. Legislative Leaders Meeting. 1956. Jan. 10.

См.: Public Papers of Eisenhower. Vol. 4. P. 504, 505.

840

См.: FBI Archives. File № 100–106670. Martin Luther King, Jr. Main File. Sector 103. P. 1–117.

841

EL. PP. WD. LMS. Box 2. Legislative Leaders Meeting. 1957. July 30.

См.: Public Papers of Eisenhower. Vol. 5. P. 520, 521.

843

EL. PP. NS. Box 3. Eisenhower to Byrnes. 1957. July 22.

Public Papers of Eisenhower. Vol. 5. P. 555.

См.: *Eisenhower D.* Waging Peace. P. 160.

846

См.: EL. PP. WDS. Box 9. Brownell — Eisenhower. Telephone Call. 1957. Sept. 20.

Цит. по: *Eisenhower D.* Waging Peace. P. 170.

Down Beat Magazine. 1957. Oct. 31.

См.: *Freyer T.* Politics and Law in the Little Rock Crisis, 1954–1957 // Arkansas Historical Quarterly. 2007. № 2. P. 145–166.

См.: *Halpern R.* Norman Rockwell: The Underside of Innocence. Chicago, 2006. P. 124–131.

См.: *Eisenhower J.* Op. cit. P. 280, 281.

См.: *Slater E.* Op. cit. P. 197–199.

853

EL. PP. WDS. Box 11. 1960. Jan. 20.

См.: *Eisenhower J.* Op. cit. P. 281–284.

Washington Post. 2013. Dec. 21.

856

EL. PP. WD. LMS. Box 3. Legislative Leaders Meeting. 1960. Apr. 26.

Public Papers of Eisenhower. \fcl. 8. P. 26.

Eisenhower J. Op. cit. P. 293.

859

См.: *Дубова Л., Чернявский Г.* Указ. соч. С. 302–308.

860

См.: EL. PP. EDS. Box. 55. 1960. Dec. 6.

См.: Ibid. Eisenhower to C. D. Jackson. 1960. Dec. 31.

862

См.: Ibid. Speech Series. Box 38. Farewell Address. 1961. Jan. 17; Public Papers of Eisenhower. Vol. 8. P. 1035–1040.

863

См.: *Johnson Ch.* The Sorrows of Empire: Militarism, Secrecy, and the End of the RepubUc. New York, 2004; *Singer P. W.* Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry. Ithaca, 2007; *Быстрова И. В., Рябов Г.Е.* Военно-промышленный комплекс СССР // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 150–208.

См.: *Eisenhower D.* Waging Peace. P. 617.

865

См.: *Kennedy J.* Historical Conversations on the Life with John F. Kennedy. Interviews with Arthur M. Schlesinger. New York, 2011. P. 133.

Parade Magazine. 1966. June 26.

См.: *Slater E.* Op. cit. P. 243.

См.: *Eisenhower D.* Mandate for Change; *Idem.* Waging Peace.

См.: *Eisenhower J.* The Bitter Woods. Nashville, 1969.

См.: *Eisenhower D.* At Ease.

См.: *Beckett W.* Op. cit. P. 33.

872

EL. Post-Presidential Papers. Speech series. Box 2. Eisenhower Library Dedication Speech. 1962. May 1.

Ibid. Signature File. Box 17. Eisenhower to Ormerod. 1965. Oct. 25.

Ibid. Special Name Series. Box 14. Eisenhower to Nixon. 1968. July 16.

См.: *Gibbs N., Duffy M.* The Presidents Club: Inside the World's Most Exclusive Fraternity. New York, 2012. P. 253.

См.: *Nixon R.* Op. cit. P. 361.

Eisenhower Julie. Special People. New York, 1977. P. 193.

Цит по: *Ambrose S.* Eisenhower. Vol. 2. P. 675.

См.: *Eisenhower David.* Eisenhower at War 1943–1945. New York, 1986.

См.: Presidential Archival Depository. Office of Presidential Libraries (College-Park, Maryland). 44 US. Code. § 2112.

См.: Washington Business Journal. 2014. Oct. 16.

882

Мунтян М.А. Ялтинско-Потсдамский международный порядок и судьбы послевоенного мира // 65 лет Великой Победы: В 6 т. М., 2010. Т. 5. С. 186.

883

Encyclopedia of the American Presidency: In 4 vol. Vol. 2. New York, 1994. P. 412.